

**Джек
Вэнс**

**НОЧНОЙ
ОГОНЬ**

Джаро не помнит своего прошлого — умирающего от побоев ребенка, его нашла, находясь на другой планете, и усыновила бездетная супружеская пара исследователей из института на Танете, но подрастающий Джаро не может чувствовать своим человеком в обществе Танета, где все подчинено стремлению к приобретению высокого статуса. Его приемные родители погибают в результате взрыва, устроенного страдающим манией величия террористом, и Джаро Фат отправляется на поиски своего истинного происхождения — ему предстоит преодолеть много опасностей в мире, затерянном на краю Галактики, и погрузиться в запретные глубины прошлого

Джек Вэнс. Ночной огонь.

Перевод Александра Фета

На окраине сектора Корню в созвездии Змееносца пылает звезда Роберта Палмера — ослепительно-белая, с протуберанцами короны, блещущими синими, красными и зелеными отливами. Подобно детям, бегающим наперегонки у майского шеста, вокруг нее танцует дюжина планет, но только один мир, Камбервелл, оказался в узкой полосе, где условия допускают существование человека. В этом труднодоступном районе Галактики первопроходцами были пираты, беглецы и запредельники; [1] за ними последовали всевозможные поселенцы — история колонизации Камбервелла насчитывает много тысяч лет.

Камбервелл — мир несопоставимых ландшафтов. Его топография определяется четырьмя континентами, разделенными океанами. Эволюция флоры и фауны, как всегда, привела к образованию форм с уникальными свойствами, причем фауна здесь отличалась настолько прихотливым разнообразием и такими неожиданными, даже опасными повадками, что два континента отвели под заповедники, где существа большие и малые, двуногие и прочие, могли прыгать, бросаться друг на друга, тяжело переваливаться по пастбищам, совершать молниеносные перебежки, рычать и бурчать, похищать друг у друга добычу и рвать друг друга в клочки, в зависимости от способностей и потребностей. На двух других континентах фауна жестко контролировалась.

Человеческое население Камбервелла происходило от дюжины рас, каковые вместо того, чтобы смешиваться, разделились на множество упрямо обособленных групп. Со временем результатом такого разобщения стала красочная неразбериха разнородных обществ, превратившая Камбервелл в излюбленное место проведения исследований инопланетными социологами и антропологами.

Важнейшим населенным пунктом на Камбервелле стал городок Танциг, построенный в строгом соответствии с тщательно разработанным планом. Концентрические кольца зданий окружали центральную площадь, где, отвернувшись одна от другой, стояли три бронзовые статуи тридцатиметровой высоты с руками, воздетыми к небу и словно застывшими в момент исступленной жестикуляции — хотя смысл этой жестикуляции обитатели Танцига уже давно забыли. [2]

Хильер Фат и его супруга Альтея занимали должности адъюнкт-профессоров в Танетском институте на планете Галлингейл. Оба они преподавали в Колледже эстетической философии. Специальностью Хильера была теория конвергенции символов, тогда как Альтея изучала музыку первобытных и полудиких народов, как правило исполнявшуюся на уникальных инструментах с использованием необычных ладов и причудливых гармоний. Иногда такая музыка была простой, иногда сложной, но, как правило, оставалась непостижимой для инопланетных ушей, хотя во многих случаях исключительно любопытной. Нередко из старого фермерского дома, где жили Фаты, доносились необычайные звуки, а также возбужденные голоса, спорившие о том, допустимо ли применение термина «музыка» в отношении столь экстраординарных шумовых эффектов.

Ни Хильер, ни Альтея не могли назвать себя молодыми людьми, хотя признавать себя стариками еще решительно отказывались. Их естественные предпочтения носили консервативный, хотя и не обязательно традиционный характер — супруги были одинаково преданы идеалам пацифизма и одинаково безразличны к социальному статусу. Хильер, худощавый и жилистый, с землистым оттенком кожи и рано поседевшими волосами, начинавшими лысеть над высоким лбом, производил впечатление человека хорошо воспитанного, но отстраненного. Длинный нос, тонкие брови и слегка опущенные уголки поджатых губ придавали его лицу слегка презрительное выражение, словно его раздражал какой-то неприятный запах. На самом деле Хильер был податлив, исключительно вежлив и не расположен к вульгарности.

Альтея, такая же стройная, как ее муж, отличалась несколько более жизнерадостным и бодрым темпераментом. Сама того не подозревая, она была почти привлекательна — благодаря ярким золотисто-карим глазам, приветливому выражению лица и каштановым кудрям, причесанным без претензии на стильность. Лучезарный оптимизм позволял ей без труда справляться с изредка обострявшейся раздражительностью Хильера. Ни Хильер, ни Альтея не участвовали в ревностной борьбе за признание престижа, преобладавшей в жизни большинства сограждан; они не состояли членами каких-либо клубов — у них не было никакой «весомости». ^[3] Сферы их профессиональной специализации настолько гармонировали, что им удавалось заручиться финансированием совместных экспедиций на другие планеты.

Одна из таких экспедиций привела их на полуцивилизированную планету Камбервелл в системе звезды Роберта Палмера. Прибыв в обветшалый космопорт Танцига, они арендовали аэромобиль и сразу отправились в поселок Сронк у подножия Ворожских холмов на краю Дикоягодной степи, где намеревались изучать образ жизни и записывать музыку цыган племени вонго, кочевавших по степи восемнадцатью таборами.

Вонго — народ, любопытный во многих отношениях. Долговязые сильные мужчины, длинноногие и длиннорукие, вели исключительно подвижный, даже атлетический образ жизни и гордились способностью перепрыгивать через кусты колючего терновника. Ни мужчины, ни женщины не могли похвастаться приятной внешностью. У них были грубые черты лица, матовая кожа розовато-сливового оттенка и продолговатые мясистые головы с копнами лакированных черных волос; мужчины лакировали также подстриженные

«лопатой» короткие бороды. Мужчины обводили глазницы белыми кольцами, чтобы подчеркнуть свирепость черных глаз. Высокие полногрудые женщины с пухлыми щеками и крупными горбатыми носами подстригали волосы «под горшок» на уровне ушей. Представители обоих полов носили красочные одежды, расшитые зубами мертвых врагов из чужих таборов, добытыми в процессе нескончаемой кровной мести. Цыгане вонго считали воду растлевающей, лишаящей воли, презренной жидкостью — ее избегали любой ценой. Ни один вонго не позволял себе мыться с младенчества до смерти, опасаясь лишиться магической, свойственной только ему одному вязкой субстанции, сочившейся из кожи и являвшейся источником маны. Жажду вонго предпочитали утолять зловонным пивом.

Таборы враждовали согласно изощренным правилам, предписывавшим различные способы убийства. Кроме того, вонго калечили и злорадно уродовали пленных детей, тем самым превращая их в неприкасаемых парий в глазах родителей. Нередко родители, исполненные отвращения, изгоняли таких детей в степи, где они бродили в одиночку, становясь наемными убийцами и игроками на двойной флейте — инструменте, запретном для всех остальных музыкантов. Каста музыкантов-убийц включала и мужчин, и женщин; все они должны были носить желтые шаровары. Если женщина из этой касты беременела и рожала, она тайком оставляла младенца в яслях родного табора, где к такому ребенку относились с терпимостью, воспитывая его в традициях племени.

Четыре раза в год таборы вонго собирались на традиционных стоянках. Музыканты из племени, пригласившего других, хвастливо демонстрировали навыки, пытаясь заслужить почтение музыкантов-соперников из враждебных кланов. Соперники, разумеется, безжалостно высмеивали музыку хозяев стоянки, после чего им позволялось самим показать, на что они способны; убийцам-одиночкам разрешалось играть на двойных флейтах. Представители племени хозяев исполняли самую сокровенную колдовскую музыку предков, а музыканты из других таборов пытались ее имитировать, чтобы приобрести власть над душами цыган из клана, чью музыку они похитили. Таким образом, музыкой определялось преобладание одного табора над другим, и любого, кто пытался ее записывать, немедленно душили. Для того, чтобы безопасно запечатлеть музыку вонго, супруги Фаты пользовались потайными миниатюрными устройствами, не поддававшимися обнаружению без специальной аппаратуры. «Отважный музыковед-первопроходец вынужден прибегать к отчаянным средствам!» — подшучивали над собой Хильер и Альтея.

Для инопланетянина посещение стоянки вонго было рискованным предприятием в любое время, а в периоды ежеквартальных межплеменных соборщ опасность резко возрастала. Любимое времяпровождение еще не остепенившихся сорвиголов заключалось в том, чтобы похищать и насиловать девушек из другого табора, что вызывало суматоху и галдеж, но редко приводило к кровопролитию, так как подобные вылазки считались неизбежными проказами молодежи — причем, скорее всего, дело обходилось не без содействия девушек. Гораздо более серьезным инцидентом становилось похищение вождя или шамана, сопровождавшееся вымачиванием похищенного и его одежды в теплой мыльной воде, лишавшей жертву многолетних наслоений священного выпота. После купания пленнику сбривали бороду, а к его мошонке привязывали букет белых цветов, после чего опозоренному позволяли украдкой вернуться в родной табор — голому, безбородому, мытому и потерявшему ману. Оставшаяся после купания вода тщательно выпаривалась; в результате похитители становились обладателями кварты желтого, вязкого, вонючего дистиллята, применявшегося при отправлении магических обрядов.

Так как супруги Фаты привезли в дар рулоны ценного черного бархата, им позволили присутствовать на собрании таборов, и они сумели избежать конфликтов, хотя временами казалось, что сам воздух вокруг них сгустился угрозой неминуемой расправы. Они наблюдали за тем, как перед заходом солнца разожгли огромный костер. Цыгане пировали мясом, отваренным в пиве и приправленным остряком и квашеной живицей. Вскоре после ужина музыканты собрались у одного из фургонов и начали производить странные скрипучие звуки — по-видимому, настраивали инструменты и разыгрывались. Хильер и Альтея присели в тени фургона и включили записывающие устройства. Музыканты принялись исполнять напряженные, настойчивые фразы, постепенно сменившиеся агрессивно звучащими вариациями, сопровождавшимися, явно невпопад, визгливыми восклицаниями двойной флейты убийцы в желтых шароварах. Прозвенели несколько гулких ударов гонга, и весь процесс повторился. Тем временем женщины принялись танцевать — то есть неуклюже, словно неохотно, ковылять вокруг костра против часовой стрелки. Длинные черные юбки волочились по земле, черные глаза блестели над странными черными полумасками, закрывавшими рот и подбородок. На масках были намалеваны белой краской огромные ухмыляющиеся рты, а из каждого нарисованного рта свисал фальшивый язык — ярко-красная тряпка длиной с локоть. Женщины дергали головами из стороны в сторону; языки болтались и подпрыгивали в такт.

«Меня это будет преследовать в кошмарах», — хрипло прошептал Хильер.

«Держи себя в руках — во имя науки!» — приказала ему Альтея.

Танцовщицы продвигались бочком вокруг костра, сначала выставляя вперед согнутую правую ногу, одновременно выпятив обширную правую ягодицу и опустив правое плечо, после чего та же последовательность движений начиналась с левой ноги.

Танец закончился — женщины пошли пить пиво. Музыка становилась громче и выразительнее. Один за другим к костру подходили танцоры-мужчины, сперва пинком выбрасывая ногу вперед, потом назад, а затем, подбоченившись и потряхивая плечами, совершая несколько странных извивающихся движений торсом; сделав длинный прыжок, танцор повторял эти па, начиная с другой ноги. Наконец мужчины тоже пошли пить пиво и похвалиться прыжками. Снова заиграла музыка — атлеты племени вонго стали исполнять новый танец, выделявая всевозможные курбеты каждый по-своему, придумывая впечатляющие сочетания пинков, прыжков и акробатических трюков и торжественно вскрикивая по завершении особо затруднительных упражнений. Утомившись всласть, тяжело дыша и опустив плечи, они отправились продолжать попойку. Но этим дело не кончилось. Уже через несколько минут мужчины вернулись на озаренную костром площадку и занялись исполнением любопытного ритуала — так называемого «хамствования».^[4] Поначалу они стояли, пьяные, пошатываясь и хватаясь друг за друга, чтобы удержаться на ногах, глядя в небо и тыкая пальцами в созвездия, заслуживавшие особых унижений. Затем, один за другим, они стали грозить небу кулаками, выкрикивая издевательские оскорбления в адрес далеких обидчиков: «Давайте, прилетайте, чисто вымытые крысы — слюнтяи, потребители мыла! Мы здесь, мы плевать на вас хотели! Мы сожрем вас с потрохами! Прилетайте, привозите толстобрюхих офицеров в униформах, мы их выкупаем на славу! Мы им устроим такую головомойку, какой они не видели в своих мерзких банях! Кто вас боится? Ха-ха! Да никто вас не боится! Мы бросаем вызов всей вашей паршивой Галактике!»

Словно в ответ на похвальбы цыган, в небе сверкнула молния — разразился внезапный ливень. Каркая от досады и бешено ругаясь, вонго бросились под прикрытие фургонов. На

площадке у шипящего под дождем костра остались только супруги Фаты, тут же воспользовавшиеся возможностью добежать до аэромобиля. Они вернулись в Сронк, довольные проделанной за ночь работой.

С утра супруги прогулялись по местному базару, где Альтя купила пару необычных канделябров, чтобы пополнить свою коллекцию. Они не нашли никаких любопытных музыкальных инструментов, но им сообщили, что в ярмарочном поселке Латуз, в ста шестидесяти километрах к югу от Сронка, под рыночными прилавками часто можно было найти всевозможные цыганские инструменты — и новые, и старинные. Никто не интересовался этим барахлом; как правило, его можно было купить за бесценок, но в Фатах сразу распознали бы инопланетян, в связи с чем цены могли мгновенно вырасти.

На следующий день Фаты вылетели на юг, скользя над дорогой, тянувшейся вдоль Ворожских холмов — к востоку простиралась степь.

Пролетев примерно треть пути на юг от Сронка, супруги заметили пренеприятнейшую сцену. У обочины четверо крепких деревенских парней, вооруженных дубинками, методично забивали насмерть какое-то существо, корчившееся в пыли у них под ногами. Несмотря на кровоточащие ушибы и переломы, существо отчаянно пыталось защищаться с отвагой, по мнению Фатов, выходящей за рамки повседневности и свидетельствующей о благородстве духа.

Как бы то ни было, Хильер и Альтя приземлились на дороге, выскочили из машины и отогнали юных садистов от обессилевшей жертвы, на поверку оказавшейся темноволосым мальчуганом пяти или шести лет от роду, исхудавшим до костей и одетым в рваные лохмотья.

Деревенские парни стояли поодаль, презрительно поглядывая на чужаков. Старший пояснил, что их одичавшая жертва была не лучше степного зверя — если оставить его в живых, он вырастет разбойником или огородным воров. Здравый смысл диктовал необходимость уничтожения таких паразитов при первой возможности, каковая представилась в данном случае — в связи с чем, если бы господа приезжие соизволили наконец отойти, начинающие блюстители порядка могли бы продолжить свой общественно полезный труд.

Супруги Фаты устроили искренне удивленным подросткам разнос, после чего с величайшей осторожностью погрузили избитого ребенка в машину, что вызвало у деревенщины недоумение, смешанное с озлоблением. Впоследствии они рассказывали родителям о необъяснимом поведении идиотов в смешной одежде — судя по выговору, конечно же, инопланетян.

Фаты отвезли почти потерявшую сознание жертву в клинику Сронка, где доктора Солек и Фексель, местные врачи-резиденты, поддерживали в мальчике грозившую погаснуть искру жизни, пока его состояние не стабилизировалось; смертельного исхода опасаться больше не приходилось.

Врачи отошли от операционного стола с осунувшимися лицами, устало опустив плечи — удовлетворенные, однако, своим успехом.

«Тяжелый случай! — сказал Солек. — Сначала я думал, что мы его потеряем».

«Следует отдать ему должное, — отозвался Фексель. — Он явно не хотел умирать».

Врачи смотрели на неподвижного пациента. «Если не обращать внимание на кровоподтеки и повязки, у него довольно приятная внешность, — заметил Солек. — Почему бы кто-то бросил такого ребенка на произвол судьбы?»

Фексель внимательно изучил руки и зубы мальчика, прощупал ему горло: «Я сказал бы, что ему лет шесть. Скорее всего, он родился не на этой планете, причем его родители, вероятно, относятся к высшему сословию».

Мальчик спал. Солек и Фексель удалились, чтобы отдохнуть, оставив в палате дежурную медсестру.

Мальчик спал долго, понемногу набирая силы. В его уме мало-помалу соединялись разрозненные обрывки памяти. Он начал метаться; заглянув ему в лицо, медсестра испугалась и немедленно вызвала врачей. Поспешно прибывшие Солек и Фексель увидели, что пациент пытается избавиться от сдерживающих его устройств. Лежа с закрытыми глазами, он шипел и тяжело дышал — его умственные процессы быстро восстанавливались. Обрывки воспоминаний нанизывались в цепочки. Синаптические узлы перестраивались, цепочки становились блоками. Память воспроизвела взрыв образов, невыносимо ужасных. Мальчик стал биться в истерике, его изломанное тело трещало и пищало в судорогах. Солек и Фексель ошеломленно отшатнулись, но их замешательство было недолгим. Сбросив оцепенение, врачи ввели успокоительное средство.

Мальчик почти мгновенно расслабился и тихо лежал с закрытыми глазами. Солек и Фексель наблюдали за ним с сомнением. Уснул ли он? Прошло шесть часов, врачи успели отдохнуть. Вернувшись в клинику, они осторожно сделали пациенту инъекцию, прекращавшую действие седативного препарата. Несколько секунд все было хорошо, после чего у мальчика снова начался яростный приступ. Жилы у него на шее натянулись, как веревки, глаза выпучились от напряжения. Постепенно, однако, конвульсии ослабевали — подобно движению стрелки останавливающихся часов. Из его груди вырвался стон, полный такой дикой скорби, что Солек и Фексель поспешно ввели новую дозу седатива, чтобы предотвратить опасные для жизни судороги.

Как раз в это время в клинике находился исследователь из центрального госпиталя Танцига, проводивший ряд семинаров и практических занятий. Его звали Миррел Уэйниш; он специализировался в области лечения расстройств центральной нервной системы и гипертрофических аномалий мозга в целом. Пользуясь редкой возможностью, Солек и Фексель привлекли внимание Уэйниша к травмированному мальчику.

Просмотрев перечень переломов, вывихов, растяжений, ушибов и прочих травм, нанесенных малолетнему пациенту, доктор Уэйниш покачал головой: «Почему он еще жив?»

«Мы задавали себе этот вопрос десятки раз», — отозвался Солек.

«Пока что он просто отказывается умирать, — прибавил Фексель. — Но это не может продолжаться долго, он не выдержит».

«Ему пришлось пережить что-то ужасное, — сказал Солек. — По меньшей мере, таково мое предположение».

«Избиение?»

«Разумеется, но интуиция подсказывает, что избиением дело не ограничивается. Когда к нему начинает возвращаться память, шок возобновляется, вызывая непереносимую мышечную активность. Что мы сделали не так?»

«По всей вероятности, вы все сделали правильно, — сказал Уэйниш. — Подозреваю, что события привели к образованию замкнутого контура, и обратная связь приводит к нарастанию преобладающего сигнала. Таким образом, со временем ему становится хуже, а не лучше».

«Как с этим справиться?»

«Необходимо разъединить замкнутый контур, конечно, — ответил Уэйниш, внимательно разглядывая мальчика. — Насколько я понимаю, о его прошлом ничего не известно?»

«Ничего».

Уэйниш кивнул: «Давайте посмотрим, что у него в голове. Продолжайте вводить седатив, пока я устанавливаю аппаратуру».

Уэйниш работал целый час, подсоединяя к ребенку приборы. Наконец он закончил. Пара металлических полушарий охватывала голову мальчика — открытыми остались только хрупкий нос, рот и подбородок. Запястья и щиколотки пациента закрепили металлическими рукавами, а на уровне груди и бедер его сдерживали металлические ленты.

«Начнем!» — объявил Уэйниш и нажал кнопку. На экране высветилась сеть ярких желтых линий — по словам Уэйниша, схема структуры мозга пациента. «Неизбежно имеют место топологические искажения. Тем не менее...» — специалист прервался и наклонился, изучая экран. Несколько минут он прослеживал переплетения сетей и фосфоресцирующие бесформенные узлы, сопровождая процесс тихими восклицаниями, а пару раз и присвистами изумления. Наконец он повернулся к Солеку и Фекселю: «Видите эти желтые кривые?» Он постучал по экрану карандашом: «Ими отображаются гиперактивные связи. Когда такие связи сплетаются в крупные узлы, это приводит к возникновению серьезных проблем, каковые и наблюдаются в данном случае. Само собой, я предельно упрощаю картину».

Солек и Фексель внимательно рассмотрели экран. Некоторые связи были тонкими, как паутина, другие медленно, но энергично пульсировали — эти последние Уэйниш идентифицировал как сегменты контура обратной связи, действующего подобно замкнутому на себя усилителю. На некоторых участках нити спирально закручивались, сплетались и сжимались в волокнистые подушечки-узлы, настолько плотные, что в них уже невозможно было проследить индивидуальные нервные окончания.

Уэйниш указывал кончиком карандаша: «Проблема в этих сплетениях. Они подобны черным дырам в мозгу — все, что туда поступает, уже не выходит наружу. Тем не менее, эти узлы можно уничтожить, и я это сделаю».

«К чему это приведет?» — спросил Солек.

«Попросту говоря, мальчик выживет, но потеряет значительную часть памяти», — ответил Уэйниш.

Ни доктор Солек, ни доктор Фексель не нашли, что сказать. Уэйниш откалибровал прибор. На экране появилась голубая искра. Уэйниш сосредоточенно приступил к работе. Искра перемещалась, погружаясь в пульсирующие желтые сплетения и выныривая из них. Светящиеся узлы расплетались и разделялись на обрывки, блекнувшие и растворявшиеся; в конечном счете от них не осталось ничего, кроме призрачных следов.

Уэйниш выключил аппарат: «Вот и все. Рефлексы пациента, его языковые и двигательные навыки не повреждены, но основной объем памяти исчез. Сохранились следовые связи, способные генерировать случайные образы — не более чем мимолетные сполохи; они могут его беспокоить, но опасных мощных стимулов больше не будет».

Три врача освободили мальчика от металлических рукавов, лент и полушарий.

Они смотрели на пациента — мальчик открыл глаза, серьезно разглядывая стоящие перед ним три фигуры.

«Как ты себя чувствуешь?» — спросил Уэйниш.

«Мне больно, когда я двигаюсь», — у мальчика был тонкий, ясный голос, он отчетливо

произносил слова.

«Этого следовало ожидать — по сути дела, это даже хорошо. Скоро все пройдет. Как тебя зовут?»

Взгляд мальчика потух: «Меня зовут...» Поколебавшись, он сказал: «Не знаю».

Он закрыл глаза. Из глубины его груди донесся низкий клокочущий звук — тихий, но резкий, словно порожденный чрезвычайным усилием. Звук превратился в слова: «Его зовут Джаро».

Уэйниш изумленно наклонился к пациенту: «Кто это говорит?»

Мальчик глубоко, печально вздохнул и тут же уснул.

Три терапевта продолжали стоять рядом, пока дыхание пациента не стало ровным. Солек спросил Уэйниша: «Насколько подробно вы намерены известить Фатов о случившемся?»

Уэйниш поморщился: «Сомнительный случай — даже если не называть его сверхъестественным. Тем не менее...» Он задумался: «Вероятно, все это не имеет значения. В той мере, в какой это касается меня, мальчик сказал, что его зовут Джаро — больше тут не о чем говорить».

Солек и Фексель кивнули. «Мы придерживаемся того же мнения», — сказал Фексель.

Доктор Уэйниш вышел в приемную клиники, где его ожидали Хильер и Альтея.

«Оснований для тревоги нет, — заверил их Уэйниш. — Худшее позади, он должен скоро поправиться без особых осложнений — за исключением провалов в памяти».

Некоторое время супруги переваривали новости.

Альтея спросила: «Насколько серьезна потеря памяти?»

«Трудно сказать заранее. Его психическое напряжение вызвано каким-то чудовищным потрясением. Мы были вынуждены удалить несколько ассоциативных узлов, со всеми побочными связями. Он никогда не вспомнит, что с ним случилось и кто он такой — он помнит только, что его зовут Джаро».

Хильер Фат огорчился: «Следует ли вас понимать таким образом, что он полностью потерял память?»

Уэйниш вспомнил о странном голосе, объявившем имя Джаро: «Не стал бы делать безоговорочные выводы. На схеме структуры мозга заметны отдельные точки и остаточное свечение, напоминающие по форме разрушенные матрицы — таким образом, в его воображении могут время от времени появляться намеки на события прошлого, но они останутся бессвязными».

Хильер и Альтея наводили справки в населенных пунктах, расположенных вдоль долины реки Фуази, но не смогли ничего узнать ни о Джаро, ни о его происхождении. Всюду их встречали одни и те же безразличные пожатия плеч, одно и то же недоумение по поводу того, что кому-то понадобилось задавать бесполезные вопросы.

По возвращении в Сронк Фаты пожаловались Уэйнишу на бесплодность розысков. Врач ответил: «У нас мало всеобщих организованных структур, зато у нас множество независимых групп, кланов и округов, и все они относятся друг к другу с подозрением. Опыт научил их тому, что никто не будет создавать для них лишние проблемы, если они сами не будут совать нос в чужие дела — такова жизнь на планете Камбервелл».

Обувь и одежда Джаро были явно импортного происхождения; так как важнейший космический порт, Танциг, находился недалеко от реки Фуази, Фаты не сомневались, что Джаро привезли на Камбервелл с другой планеты.

При первой возможности Альтея робко попыталась задать мальчику несколько вопросов, но, как предупреждал доктор Уэйниш, в памяти Джаро не осталось ничего, кроме изредка возникавших образов — скорее намеков на воспоминания, нежели воспоминаний — пропадавших прежде, чем он успевал их осознать. Один из образов, однако, оставил исключительно глубокий след и вызывал у Джаро приступы страха.

Это видение явилось внутреннему взору Джаро однажды вечером. Ставни были закрыты, чтобы заходящее солнце не светило в глаза, в комнате царил приятный полумрак. Альтея сидела у кровати мальчика, пытаясь разобраться в картинах, тревоживших его воображение. Через некоторое время Джаро задремал; беседа, и так уже отрывочная, прекратилась. Джаро лежал, обратив лицо к потолку, с почти закрытыми глазами. Внезапно он ахнул, словно задыхаясь. Пальцы его сжались в кулаки, рот раскрылся.

Альтея сразу заметила происходящее. Она вскочила и, нагнувшись, заглянула ему в лицо: «Джаро! Что такое? Скажи, что случилось?»

Джаро не ответил, но мало-помалу успокоился. Альтея пыталась говорить сдержанно и ровно: «Джаро, скажи что-нибудь! Ты в порядке?»

Джаро с сомнением покосился на нее и закрыл глаза, после чего пробормотал: «Мне привиделось что-то страшное». Альтея старалась не волноваться: «Расскажи, что ты видел?»

Через несколько секунд Джаро начал говорить — так тихо, что Альтее пришлось пригнуться, чтобы расслышать: «Я вышел на крыльцо какого-то дома — кажется, я жил в этом доме. Солнце зашло, стало почти темно. Передо мной, за оградой, стоял человек. Я видел только силуэт на фоне неба». Джаро замолчал.

«Кто этот человек? — спросила Альтея. — Ты его знаешь?»

«Нет».

«Как он выглядел?»

Запинаясь, подбадрываемый подсказками Альтеи, Джаро рассказал, что видел высокую худощавую фигуру на фоне серого сумеречного неба, в плотно облегающем сюртуке и черной шляпе с низкой тульей и жесткими полями. Фигура эта пугала Джаро, хотя он не понимал, почему. Фигура производила суровое, величественное впечатление — она повернулась и посмотрела Джаро прямо в лицо. Вместо глаз у нее были четырехконечные

звезды, испускавшие серебристые лучи.

Заинтригованная, Альтея спросила: «И что было дальше?»

«Не помню», — голос Джаро затих, и Альтея больше не тревожила его сон.

Джаро не помнил дальнейших событий — ему повезло. То, что случилось потом, лучше было не вспоминать.

Джаро зашел в дом и сказал матери, что за оградой стоит человек. Та на мгновение замерла, после чего издала возглас настолько опустошенный и гнетущий, что в нем даже не было признаков страха. Она решительно взяла с полки металлическую коробку и всучила ее Джаро: «Возьми эту коробку и спрячь ее так, чтобы никто не нашел. После этого спустись к реке и залезай в лодку. Я приду, если смогу, но приготовься отчалить без меня, особенно если заметишь, что подходит кто-нибудь другой. Торопись!»

Джаро выбежал через заднюю дверь. Спрятав коробку в тайнике, он в нерешительности застыл, полный тошнотворных предчувствий. Наконец он побежал к реке, приготовил лодку и стал ждать. Ветер шумел у него в ушах. Он осмелился сделать несколько шагов обратно к дому, остановился и прислушался. Что это? Вопль, едва слышный из-за ветра? Тихо простонав от отчаяния, Джаро побежал домой вопреки указаниям матери. Заглянув в боковое окно, сначала он не мог понять, что происходит. Мать лежала на полу, лицом к потолку, с раскинутыми руками; рядом стояла черная сумка, а около ее головы блестел какой-то аппарат. Странно! Музыкальный инструмент? Напряженно вытянув руки и ноги, женщина не издавала ни звука. Около нее опустился на колени человек в черной шляпе, чем-то сосредоточенно занятый — судя по всему, он играл на музыкальном инструменте. Инструмент выглядел как небольшая стойка с трубчатыми колокольчиками. Время от времени человек переставал играть и задавал матери вопросы — словно спрашивал, понравилась ли ей мелодия. Но женщина лежала молча и неподвижно, как каменная.

Джаро немного переместился, и это позволило ему лучше разглядеть инструмент. На мгновение ум его помрачилось, но тут же словно сдвинулся в сторону, освободив место другому, более бесстрастному, хотя и неспособному здраво рассуждать наблюдателю. Джаро побежал к заднему кухонному крыльцу, взял из ящика топорик с длинной ручкой, прошел через кухню, не чувствуя под собой ног, и остановился в дверном проеме, оценивая ситуацию. Человек согнулся на коленях, спиной к Джаро. Руки матери были прибиты к полу скобами, пронзившими ладони, а ее щиколотки были закреплены хомутами потолще. В отверстие каждого ее уха была вставлена металлическая трубка; трубки изгибались, проникали через синусные пазухи и выходили наружу через рот, образуя подковообразные крюки, растянувшие губы и превратившие рот в неподвижную темную прореху. Крюки были соединены натянутой мембраной, резонирующей, когда дрожали трубчатые колокольчики. Когда человек в черной шляпе ударял по ним серебряной палочкой, колокольчики звенели и гудели, по-видимому заставляя звуки проникать в мозг женщины.

Человек перестал играть и сухо задал вопрос. Женщина лежала молча, неподвижно. Человек ударил по колокольчику — осторожным и точным движением. Женщина судорожно напряглась, выгнув спину, и снова опустилась. Джаро подкрался к человеку сзади и ударил его топориком, целясь в голову. Предупрежденный вибрацией дощатого пола, человек обернулся — топор скользнул по его лицу и попал по плечу. Человек не сказал ни слова, но поднялся на ноги. Отступив на шаг, он споткнулся о черную сумку и упал. Джаро выбежал на задний двор через кухню, обогнул дом снаружи и осторожно приоткрыл переднюю дверь.

Человека больше не было. Джаро вошел в комнату. Мать смотрела на него; с трудом шевеля растянутыми губами. Она прошептала: «Джаро, теперь ты должен быть храбрым, самым храбрым! Я умираю. Убей меня, пока он не вернулся».

«А коробка?»

«Вернись за ней, когда опасности не будет. Я внушила тебе все, что нужно сделать. Убей меня сейчас же, я больше не выдержу этот нестерпимый звон! Торопись, он возвращается!»

Джаро обернулся. Человек в шляпе стоял снаружи и смотрел в окно. В продолговатой раме верхняя часть его фигуры выглядела, как парадный портрет, выполненный с мастерской передачей пропорций и светотени. Лицо — суровое и жесткое, твердое и белое, словно вырезанное из кости. Под полями черной шляпы — высокий лоб философа, длинный тонкий нос, жгучие черные глаза. Угловатая нижняя челюсть сужалась к небольшому острому подбородку. Человек смотрел на Джаро с выражением задумчивого недовольства.

Время замедлилось. Джаро повернулся к матери и замахнулся топориком. Сзади послышался резкий приказ — Джаро его игнорировал. Он опустил топорик, раскроив матери лоб; лезвие погрузилось в мгновенно выплеснувшуюся мешанину крови и мозга. За спиной приближались шаги. Джаро выронил топорик, выбежал через кухню в уже почти непроглядные сумерки и со всех ног спустился к реке. Оттолкнув лодку от причала, он спрыгнул в нее, и лодку понесло вниз по течению. С берега донесся окрик — суровый, но в то же время странно мелодичный и мягкий. Джаро прижался к днищу лодки, хотя берег уже не было видно.

Налетали порывы ветра, вокруг качающейся лодки рябили волны, иногда переливавшиеся через планширь. Вода накапливалась на днище и начинала плескаться между бортами. Наконец Джаро встrepенулся и стал вычерпывать воду.

Казалось, ночь никогда не кончится. Джаро сидел, стorbившись; порывы ветра, качка, плеск и влажность воды — все было так, как должно было быть, все помогало сохранять неустойчивое равновесие. Думать нельзя было: мысли должны были прятаться, как молчаливые черные рыбы, шевелившие хвостами в воде, где-то глубоко под днищем лодки.

Ночь прошла, небо посерело. Широкая река Фуази плавно поворачивала на север, чтобы струиться вдоль Ворожских холмов. Когда пробились первые малиново-оранжевые лучи солнца, ветер прибил лодку к узкой песчаной косе. Сразу за маленьким пляжем поверхность земли поднималась волнистыми уступами, постепенно превращаясь в Ворожские холмы. С первого взгляда холмы казались пегими, даже бородавчатыми, так как поросли сотнями разновидностей растительности, местами экзотической, но по большей части автохтонной — голубой коростой непролазника, группами низкорослых черных артишоковых деревьев, стелющимся шмелезудом. По хребтам выстроились рыжевато-оранжевые махороги, пламенеющие навстречу восходящему солнцу.

Несколько дней — может быть, даже неделю — Джаро бродил по холмам, питаясь ягодами терновника, семенами трав и корневищами похожего на лопух растения с широкими мохнатыми листьями — у корневищ не было ни острого, ни горького запаха или привкуса, и Джаро ими, к счастью, не отравился.

Однажды он спустился с холмов, чтобы собрать фрукты с деревьев, посаженных вдоль дороги. Его заметили парни из ближнего села под наименованием Ворожские Ремни. Непривлекательные особи — коренастые, крепко сбитые, с длинными руками, короткими толстыми ногами и круглыми драчливыми рожами, они носили туго облегающие штаны,

коричневые куртки и черные фетровые шапки с прорезями над ушами, откуда торчали пучки темно-рыжих волос — парадную одежду, подобающую молодым прихожанам, направлявшимся в районный центр, чтобы принять участие в еженедельном Катаксисе. Парни не торопились — у них было время на то, чтобы совершить по пути похвальное благодеяние. Ухая и улюлюкая, они приступили к срочному уничтожению похитителя ничейных придорожных фруктов. Джаро отбивался, как мог — настолько успешно, что слегка удивленным отпрыскам неуживчивых фермеров пришлось проявить изобретательность. В конечном счете они решили переломать Джаро все кости, чтобы хорошенько проучить мерзавца.

Увы, они не успели довести эту затею до конца — рядом приземлился аэромобиль Фатов.

В больнице Сронка переломы Джаро срослись, и с него сняли защитные приспособления. Теперь он свободно лежал в постели в голубой пижаме, принесенной Фатами.

Альтея сидела у кровати, ненавязчиво изучая лицо мальчика. Его черные волосы, мягкие и гладкие, вымыли, подстригли и причесали. Синяки поблекли на чистой темно-оливковой коже, длинные темные ресницы прикрывали глаза, уголки широкого рта опустились, словно Джаро о чем-то вспоминал с легким сожалением. Альтея считала, что в его лице было поэтическое очарование; она с трудом удерживалась от того, чтобы обнять его, прижать к себе, погладить по голове, поцеловать. Но этого, конечно, делать не следовало. Прежде всего, Джаро был бы шокирован таким внезапным проявлением страстной привязанности. Во-вторых, его хрупкие кости могли не выдержать крепких объятий. В тысячный раз она пыталась представить себе: что привело Джаро на дорогу в Пагг? Как горевали, наверное, его родители! Джаро лежал тихо, с полужакрытыми глазами — то ли дремал, то ли о чем-то размышлял. Он рассказал о привидевшейся ему фигуре все, что мог — в этом отношении ничего больше нельзя было узнать.

Альтея спросила: «Ты помнишь, какой это был дом?»

«Нет. Помню только, что там был дом».

«А рядом были еще какие-нибудь дома?»

«Нет». Челюсти и пальцы Джаро судорожно сжались.

Альтея погладила его по голове, и он постепенно успокоился. «Теперь отдыхай, — сказала она. — Ты в безопасности и скоро полностью поправишься».

Прошла минута. «Что со мной будет?» — мрачно и тоскливо спросил Джаро.

Альтею этот вопрос застал врасплох. Она ответила с запинкой, хотя надеялась, что Джаро этого не заметил: «Все зависит от местных властей. Они сделают все возможное».

«Меня запрут в темноте, глубоко под землей, где меня никто никогда не найдет?»

Пораженная Альтея не сразу нашлась, что ответить: «Какие странные вещи ты говоришь! Кто тебе внушил такие глупости?»

Бледное лицо Джаро поморщилось. Он закрыл глаза и беспокойно отвернулся.

Альтея снова спросила: «Кто угрожал тебе такими ужасами?»

«Не знаю», — пробормотал Джаро.

Альтея нахмурилась: «Попробуй вспомнить!»

Губы Джаро шевелились; Альтея наклонилась к нему, но если Джаро и пытался что-то объяснить, она не могла его расслышать.

«Не могу себе представить, кому пришло в голову тебя запугивать! — пылко возмутилась Альтея. — Все это, конечно, полная чепуха».

Джаро кивнул, улыбнулся и, казалось, заснул. Альтея сидела, глядя на него с любопытством и недоумением. Джаро был полон невысказанных тайн! «Когда-нибудь, — думала Альтея, — обрывки памяти соединятся у него в голове. Возможно, для него это будет печальный день!»

Доктор Уэйниш, однако, заверял ее в том, что кошмарные воспоминания удалось уничтожить — было бы хорошо, если бы это действительно было так. В других отношениях

врачи сулили Джаро полное выздоровление. По-видимому, ему посчастливилось избежать необратимых травм — кроме той, которую Уэйниш называл «мнемоническим провалом».

У Фатов не было детей. Когда они приходили на свидание с Джаро в больницу, он встречал их с искренней радостью, заставлявшей сжиматься их сердца. Приняв решение, они заполнили ворох бюрократических форм, уплатили множество всевозможных сборов и вернулись в Танет, на планету Галлингейл, в сопровождении Джаро. С тех пор Джаро Фат был законно усыновлен.

«Общество без ритуалов подобно музыке, исполняемой одним пальцем на одной струне» — провозгласил в своем монументальном труде «ЖИЗНЬ» барон Бодиссей Невыразимый. Барон указал также на следующее обстоятельство: «Каждый раз, когда человеческие существа объединяются в стремлении к какой-либо общей цели (то есть формируют общество), каждый участник группы в конечном счете занимает то или иное положение, приобретая тот или иной статус. Любая социальная иерархия, однако, допускает, в той или иной степени, перемещение с одного уровня на другой».

В Танете на планете Галлингейл стремление к приобретению статуса стало преобладающим общественным стимулом. Уровни социальной иерархии — «ступени» — точно определялись и удостоверялись принадлежностью к клубам, занимавшим различные ступени и придававшим им отличительный характер. Самыми престижными из клубов считались так называемые Семпитерналы: «Лохмачи», «Устричные кексы» и «Кванторсы»; членство в элитном клубе было эквивалентно репутации влиятельного аристократа.

Свойство, благодаря которому человек взбирался по общественной лестнице — «весомость» — не поддается простому определению. В числе важнейших компонентов весомости, однако, можно назвать агрессивное стремление к преобладанию над другими в сочетании с умением вести себя учтиво и любезно, а также финансовое благополучие и «ману», то есть личное обаяние, способность располагать к себе и оказывать влияние на других. Каждый был арбитром социального статуса, каждая пара глаз подмечала неподобающее поведение, каждая пара ушей слышала все, чего не следовало говорить. Мимолетный промах, бестактное замечание, даже рассеянный взгляд могли свести на нет месяцы ревностных усилий. Претензии на незаслуженную репутацию встречали мгновенный отпор. Выскочку преследовало удивленно-насмешливое презрение, его могли даже заклеить как «проньру».^[5]

Хильера и Альтею Фатов, несмотря на то, что они пользовались уважением в Танетском институте, считали «профанами» — для них были непостижимы радости приращения «весомости» и мучительные переживания, связанные с невозможностью проникнуть за закрытые двери.^[6]

Фаты жили в семи километрах к северу от Танета в усадьбе «Приют Сильфид» — старом фермерском доме беспорядочной планировки, окруженном пятьюстами акрами необработанной земли. Дед Альтеи когда-то занимался здесь экспериментальным садоводством, но теперь ее владения считались дикой местностью: к ним относились пара лесистых холмов, речка, пастбище между холмами, заливной луг у речки и небольшой участок густого леса. Если от садоводческих экспериментов и остались какие-то следы, они давно скрылись под лесной подстилкой.

Джаро отвели комнаты с высокими потолками на верхнем этаже старого дома. Прошлое переставало тревожить его. Хильер и Альтея нежно привязались к нему и проявляли терпимость — трудно представить себе лучших родителей. В свою очередь, Джаро наполнял их сердца гордостью и ощущением выполненного долга. Через некоторое время они уже не могли представить себе жизнь без него. Их снедало беспокойство: был ли Джаро по-настоящему счастлив в Приюте Сильфид?

Тем временем, Джаро отличался необщительностью, что тревожило его приемных родителей, но в конечном счете они стали объяснять это свойство характера пугающими впечатлениями раннего детства. Они опасались задавать вопросы, не желая вторгаться в его внутренний мир, хотя от природы Джаро не был скрытен и ответил бы, если бы его спрашивали.

Предположение Фатов соответствовало действительности. Склонность Джаро к молчаливому уединению объяснялась его прошлым. Как предсказывал доктор Уэйниш, разрозненные обрывки мнемонических узлов время от времени соединялись, прослеживая прежние связи и формируя образы, растворявшиеся прежде, чем Джаро успевал сосредоточить на них внимание. Самыми яркими из этих впечатлений были две картины, проникнутые напряженными, несовместимыми эмоциями. Та или иная сцена нередко появлялась перед его внутренним взором, когда он уставал и находился в состоянии протрации или полудремы.

Первое — по-видимому, самое раннее — воспоминание вызывало у Джаро сладостно щемящую тоску, заставлявшую слезы наворачиваться на глаза. Ему чудилось, что он смотрит на прекрасный сад, серебристо-черный в лучах двух бледных лун. Иногда эта картина сопровождалась нервным содроганием, словно его сознание вытеснялось чьей-то посторонней волей, словно он становился кем-то другим. Как это могло быть? Ведь это он, Джаро, стоял у низкой мраморной балюстрады и смотрел на озаренный лунами сад, за которым начинался высокий темный лес!

В мимолетном воспоминании больше ничего не было — оно напоминало сон, но сразу наполняло Джаро тоской по какому-то месту, затерянному навсегда. Трагическая красота ночного сада внушала необычное безымянное ощущение осквернения чего-то невинного и великолепного — настолько сильное, что ему становилось трудно дышать от скорби, от жалости и боли, вызванных утратой былого единства с миром.

Второй образ, ярче и мощнее первого, неизменно погружал Джаро в смятение ужаса. Мрачный сухопарый силуэт выделялся на фоне еще не потухшего сумеречного неба, в шляпе с низкой тульей и жесткими полями, в строгом черном сюртуке, напоминавшем о власти, о

какой-то официальной должности. Незнакомец стоял, слегка расставив ноги и задумчиво глядя вдаль. Когда он оглядывался, чтобы устремить взор на Джаро, в его глазах, казалось, мерцали маленькие четырехконечные звезды.

Шло время, и образы стали возвращаться все реже. Джаро приобретал уверенность в себе — приступы замкнутости проходили быстрее, и в конечном счете он от них избавился. Джаро стал таким сыном, о каком могли только мечтать Фаты, отличаясь от большинства других детей, пожалуй, только аккуратностью, вежливостью, добросовестностью и предрасположением к тихим упорядоченным занятиям.

Так продолжалось безмятежное детство, и Джаро не хотел, чтобы оно кончалось. Однажды Джаро почувствовал нечто, чего никогда раньше не замечал: ощущение тревожного бремени на краю сознания, будто напоминавшее о чем-то важном, но забытом. Ощущение это прошло, но вызванная им подавленность осталась, и Джаро не мог найти ей объяснения. Через две недели, уже после того, как Джаро отправился спать, ощущение вернулось, сопровождаемое почти неразличимым звуком, напоминавшим бормотание или далекие раскаты грома. Джаро лежал, глядя в темноту — мышцы его напряглись от близости чего-то зловещего, по всему телу пробегала нервная дрожь. Через минуту звук пропал, и Джаро расслабился, не понимая, что с ним происходит.

Настало лето. Однажды вечером, когда Фаты уехали — в Институте проводился какой-то семинар — Джаро снова уловил этот звук. Отложив книгу, он прислушался. Казалось, откуда-то издалека доносился низкий человеческий голос, полный скорби и боли. Голос бормотал что-то нечленораздельное.

Сначала Джаро был скорее озадачен, нежели встревожен — но звуки становились все отчетливее, все отчаяннее. Может быть, так просачивалась мертвая память, таковы были последствия каких-то злодеяний, о которых ему посчастливилось забыть? По меньшей мере, такая гипотеза была не хуже любой другой. Джаро решил относиться к странным слуховым галлюцинациям настолько безразлично, насколько это было возможно; через некоторое время звуки исчезали и сменялись тишиной.

Джаро пребывал в замешательстве. Без всякой уверенности он пытался убедить себя в том, что голос у него в голове был не более чем несущественной неприятностью; рано или поздно все это должно было пройти, улетучиться, забыться.

К сожалению, проблема не исчезала. Время от времени Джаро продолжал слышать низкие горестные причитания. Они становились то четкими, то смутными, словно раздавались то вблизи, то издалека. Все это было совершенно непонятно, и вскоре Джаро отказался от попыток анализировать происходящее.

Со временем звуки становились настойчивее — будто кто-то намеренно пытался вывести Джаро из равновесия, нарушить спокойствие его духа. Нередко звуки вторгались в его сознание в самые неудобные моменты, когда Джаро не хотел отвлекаться. Кроме того, в навязчивом бормотании чувствовались отголоски злобы и ненависти, какая-то угроза, нечто устрашающее. В конце концов Джаро пришел к выводу, что слышит телепатические сообщения неизвестного врага: такое объяснение тоже было не хуже любого другого. Десятки раз Джаро собирался рассказать о происходящем приемным родителям, но каждый раз сдерживался — ему не хотелось волновать и огорчать Альтею.

Кто мог причинять ему тоскливое беспокойство, и зачем? Голос появлялся и пропадал через случайные промежутки времени. Джаро начинал возмущаться: никому другому не приходилось терпеть подобное преследование! Оно явно проистекало из каких-то

таинственных событий его раннего детства, и Джаро твердо решил раз и навсегда, причем как можно скорее, разоблачить эти тайны и узнать правду. Только обнаружение источника зловещего голоса позволит ему избавиться от этой пытки!

Вопросы теснились у него в уме: «Кто я? Как я потерялся? Кто мрачный субъект, чей темный силуэт я видел на фоне сумеречного неба?» Само собой, ответы невозможно было получить на Галлингейле, в связи с чем оставался только один выход. Вопреки сопротивлению со стороны Фатов, Джаро должен был стать астронавтом.

Когда Джаро размышлял об этих вещах, у него холодок пробегал по коже; он считал это предчувствием будущего — но какого будущего? Успеха или провала? Не было никакой возможности угадать. Тем временем нужно было что-то придумать, чтобы справиться с назойливым вторжением в его жизнь незваного бормочущего гостя.

Через несколько месяцев он пришел к выводу, что самая эффективная стратегия заключалась в том, чтобы просто игнорировать зловещий голос и вести себя так, словно его не было.

И все же голос продолжал звучать, так же настойчиво и мрачно, возвращаясь иногда через пару недель, иногда через месяц. Прошел год. Джаро сосредоточился на учебе, заканчивая один за другим «курсовые уровни» Ланголенской гимназии. Супруги Фаты обеспечивали его всем необходимым, но не могли предоставить ему то, что сами отвергали, а именно высокий социальный статус. Такой статус можно было приобрести только посредством «восхождения», то есть перехода из менее престижных клубов в более престижные.

На вершине общественной пирамиды сохраняли неустойчивое равновесие три Семпитернала: таинственные «Кванторсы» — клуб настолько элитный, что число его членов ограничивалось девятью, а также не менее избранные «Устричные кексы» и «Лохмачи». Семпитерналы отличались от остальных клубов тем, что их привилегии, недоступные простонародью, передавались по наследству. На ближайшей к ним, почти столь же головокружительной высоте, находились «Бонтоны» и непоколебимый старинный «Палиндром». «Лемуры» претендовали на статус, равный «Бонтонам», но их амбиции считались слегка преувеличенными.

На ступени чуть ниже крепко держались клубы «Бустамонте», «Валь-Верде» и «Сассельтонские тигры». С ними пытались соревноваться «Цыплята-извращенцы» и «Скифы», но предпочтения «цыплят» и «скифов» рассматривались как экстравагантные и чрезмерно модернистские. Нижнюю ступень в иерархии самых уважаемых клубов занимали (возмущенно отвергая применение к ним концепции «нижней ступени» в принципе) четыре квадранта «Квадратуры круга»: «Кахулибы», «Зонкеры», «Паршивая банда» и «Натуралы». Каждый квадрант заявлял о своем превосходстве, насмехаясь — не совсем в шутку, но и не слишком всерьез — над недостатками трех других. Каждый квадрант славился особым характером. Среди «кахулибов» нередко встречались финансовые магнаты, тогда как «зонкеры» проявляли терпимость к нетипичным знаменитостям, в том числе к уважаемым музыкантам и художникам. «Натуралы» посвятили себя тонкостям изысканного гедонизма, а в состав «Паршивой банды» входили почти все руководители факультетов Института. Принимая во внимание все обстоятельства, однако, четыре квадранта мало отличались один от другого, вопреки раздававшимся время от времени громогласным взаимным поношениям, изредка приводившим к пощечинам, потасовкам и даже самоубийствам.

Так же, как и другие клубы среднего уровня, квадранты стремились укреплять репутацию, привлекая высокоуважаемых новых членов и ревниво оберегая репутацию уже заслуженную — то есть безжалостно искореняя из своих рядов любых «проныр», выскочек и прочих профанов.

Джаро был изумлен и шокирован тем, что его любимых высокообразованных родителей и его самого называли «профанами». Постыдное прозвище возмущало его. Хильер только смеялся: «Для нас это не имеет значения. Неважно, что про тебя говорят! Справедливо ли это? Скорее всего, нет — ну и что? Как говорил барон Бодиссей, «только потерпевшие поражение взывают к справедливости»». ^[7]

По сей день самые эрудированные мыслители Ойкумены пытаются осмыслить это замечание.

Джаро скоро понял, что у него, так же как у Хильера и Альтеи, не было никакой склонности к «социальному восхождению». В Ланголенской гимназии он не проявлял ни особой общительности, ни агрессивного стремления приобрести высокую репутацию, не принимал участия в групповых развлечениях и не состязался в каких-либо видах спорта или играх. Такое поведение не вызывало симпатию, и у Джаро было мало друзей. Когда стало известно, что его родители — профаны, и когда стало ясно, что он сам не приобретает никакой «весомости», Джаро оказался в еще большей изоляции, несмотря на приятную внешность и умение аккуратно одеваться и причесываться. В том, что касалось успеваемости, однако, он превосходил большинство сверстников — настолько, что преподаватели практически приравнивали его к пресловутой отличнице Скирлет Хутценрайтер, об интеллектуальных подвигах, а также о надменных и своевольных повадках которой судачила вся гимназия. Скирлет была на пару лет младше Джаро: стройное бодрое существо, настолько заряженное умом и энергией, что, как выразилась школьная медсестра, «в темноте с нее искры сыпались». Скирлет вела себя, как мальчишка, хотя несомненно была девочкой, и притом далеко не дурнушкой. Лицо ее обрамляли густые темные волосы, необычно светлые серые глаза пронизательно смотрели из-под тонких черных бровей, чуть впалые щеки сходились к небольшому, но решительному подбородку, а строгий нос контрастировал с широким подвижным ртом. Скирлет, судя по всему, чуждалась показного тщеславия — она одевалась настолько просто, что преподаватели порой подозревали ее родителей в скупости, хотя в ее случае это было бы весьма маловероятно, так как отец Скирлет, почтенный Клуа Хутценрайтер, декан факультета философии Танетского института и межпланетный финансист, явно располагал значительными денежными средствами и — что важнее всего — был членом клуба «Устричных кексов», то есть занимал место на самой вершине социальной пирамиды. Что можно было сказать о ее матери, Эспейн? В этом отношении ходили слухи, если не скандальные, то по меньшей мере пикантные, подвергавшие некоторому сомнению ее высокую репутацию — в той мере, в какой можно было доверять сплетням. Дело в том, что мать Скирлет жила в роскошном дворце на планете Мармон, где ее величали Принцессой Рассвета. Каким образом и почему это так было, никто в точности не знал — и никто не осмеливался спрашивать.

Скирлет никоим образом не пыталась заслужить одобрение одноклассников. Иные юнцы, чьи стандартные заигрывания она игнорировала, ворчали, утверждая, что Скирлет — бесполое создание, холодное, как дохлая рыба. Во время перерыва на полдник, когда Скирлет выходила посидеть на террасу, вокруг нее часто собирался кружок подруг. В таких случаях она иногда вела себя любезно, иногда — раздражительно и капризно, а порой

вскакивала и уходила прочь. В классной комнате она, как правило, выполняла задания с оскорбительной быстротой, после чего, демонстративно бросив на парту самопишущее перо, устремляла на окружающих покровительственно-насмешливые взгляды. Кроме того, у нее была неприятная привычка резко поднимать голову и широко открывать глаза, если преподаватель неосторожно допускал ошибку или позволял себе неудачно пошутить. Преподавателей такое поведение нервировало — тем более, что Скирлет отвечала на любые вопросы с холодной, но безукоризненной вежливостью. В конечном счете учителям пришлось относиться к ней с опаской и уважением. Когда они закусывали в преподавательском отделении кафетерия, Скирлет нередко становилась предметом разговора. У самых злопамятных и обидчивых она вызывала откровенную неприязнь; другие проявляли умеренность, указывая на то, что от девочки в раннем подростковом возрасте нельзя ожидать житейской мудрости. Господин Оллард, эрудированный преподаватель социологии, анализировал поведение Скирлет в терминах психологических императивов: «В интеллектуальном отношении она тщеславна и даже нетерпима в степени, превосходящей наивную самонадеянность; для нее превосходство над окружающими стало аксиомой, исходным принципом существования — своего рода достижение для малолетней тщедушной особы». Господин Оллард считал целесообразным умалчивать о том, что Скирлет целиком и полностью пленила его сердце.

«В сущности, она неплохая девочка, — снисходительно заметила госпожа Виртц. — В ее характере нет жестокости или подлости — хотя, конечно, она умеет доводить меня до белого каления».

«Маленькая злыдня! — не выдержала госпожа Боркл. — Ей не помешала бы хорошая взбучка!»

Так как Скирлет по праву рождения принадлежала к избранному кругу «устричных кексов», а Джаро, будучи профаном, не мог похвалиться никаким престижем, какое-либо общение между ними, а тем более возникновение между ними какой-либо связи, было исключительно маловероятно. Джаро уже обнаружил, что некоторые девушки были привлекательнее других. К числу самых привлекательных он относил Скирлет Хутценрайтер. Ему нравилась ее стройная маленькая фигура; еще больше ему нравились ее беспечно-самодовольные манеры. К сожалению, вовсе не Скирлет, а уже не первой молодости преподавательница математики, госпожа Айдора Виртц, находила Джаро очаровательным, прелестным мальчиком. Она с трудом удерживалась от того, чтобы схватить Джаро — такого пригожего, такого чистого и наивного — и обнимать его и тискать, пока он не запищит, как котенок. Джаро инстинктивно подозревал ее намерения и старался держаться подальше.

Айдоре Виртц не хватало привлекательности; маленькая, тощая, энергичная женщина с хищными чертами лица и варварской копной кирпично-рыжих кудряшек, она нарочно носила платья кричащей расцветки и не меньше дюжины позвякивающих браслетов, часто на обеих руках. Госпожу Виртц приняли в круг «Парнасцев» — достаточно уважаемое сообщество среднего уровня, но там она оказалась в тупике. Несмотря на отчаянные усилия, ей отказывали в восхождении на ступень смекалистых «Сафардипов»; ею пренебрегали даже их соперники, склонные к авангардизму «Черные цилиндры».

Однажды она отвела Джаро в сторону: «Я хотела бы с тобой поговорить. Меня снедает любопытство».

Госпожа Виртц провела Джаро в опустевшую классную комнату, после чего некоторое

время молча изучала его, опираясь руками на стол. «Джаро, тебе, конечно, известно, что ты превосходно выполняешь задания, — начала она. — По сути дела, иногда ты находишь поистине элегантные решения».

«Благодарю вас, — ответил Джаро. — Я стараюсь не лениться».

«Это очевидно. Господин Баскин говорит, что твои сочинения хорошо написаны, хотя ты всегда выбираешь темы, не касающиеся тебя лично, и никогда не выражаешь собственную точку зрения. Почему?»

Джаро пожал плечами: «Мне не нравится писать о себе».

«Это и так понятно! — отрезала госпожа Виртц. — Меня интересуют причины».

«Если бы я стал писать про себя, все подумали бы, что мне хочется хвалиться».

«Ну и что? Скирлет Хутценрайтер пишет самые оскорбительные, неслыханные вещи, и ей плевать на то, нравится это кому-нибудь или нет. У нее нет никакого представления о сдержанности!»

Джаро удивился: «И вы советуете мне писать так же?»

Госпожа Виртц вздохнула: «Нет. Но ты мог бы рассмотреть возможность другого подхода. Ты ведешь себя, как гордый отшельник. Почему бы тебе не выбрать какое-нибудь общественное движение и не плыть вместе со всеми по течению, стараясь обогнать других?»

Джаро улыбнулся: «Наверное, потому, что я на самом деле гордый отшельник!»

Госпожа Виртц поморщилась: «И тебе, конечно, хорошо известно значение этих слов?»

«Ну, насколько я понимаю, гордый отшельник — человек на уровне «устричных кексов», но ему не приходится платить членские взносы».

Госпожа Виртц отвернулась и подошла к окну. Помолчав, она снова повернулась к Джаро и сказала: «Я хотела бы объяснить тебе что-то очень важное. Пожалуйста, слушай меня внимательно».

«Да, госпожа Виртц».

«Ты не можешь найти дорогу в жизни, не прилагая все возможные усилия к тому, чтобы взобраться как можно выше по общественной лестнице».

Джаро хранил терпеливое молчание. Айдора Виртц подавила в себе порывистое желание взъерошить ему волосы. Если бы у нее был такой сын, как бы она его баловала! Она спросила: «Насколько я помню, твои родители преподают в Институте?»

«Да».

«И при этом предпочитают быть профанами. Должна заметить, — торопливо прибавила она, — что в этом нет ничего предосудительного! Я, однако, предпочитаю социальное восхождение, со всеми его изощренными нелепостями. Как насчет тебя? Ты же не хочешь оставаться профаном? Тебе пора взойти на первую ступеньку. Первой ступенькой обычно становится «Молодежный легион». Туда принимают всех подряд, так что престиж невелик. Но оттуда открывается дорога в более весомые клубы — в любом случае, каждому приходится с чего-то начинать».

Улыбнувшись, Джаро покачал головой: «Для меня это было бы потерей времени. Я собираюсь стать астронавтом».

«Как? О чем ты говоришь?» — переспросила ошарашенная госпожа Виртц.

«У астронавтов интересная жизнь, они ищут новые планеты на окраинах Галактики! Астронавтам не нужно вступать в клубы».

Айдора Виртц поджала губы. «Типично мальчишеские фантазии! — подумала преподавательница математики, — Хотя от него можно было бы ожидать меньшей

наивности». Вслух она сказала: «Все это замечательно. У астронавтов, может быть, действительно увлекательная жизнь — но это одинокая, необщительная жизнь, вдалеке от семьи и без поддержки чудесных клубов! Астронавт не может веселиться на вечеринках, участвовать в политических демонстрациях, маршировать на парадах с высоко поднятым знаменем! Тебя никогда не выберут членом престижного клуба избранных, если ты пропадешь в глубинах космоса!»

«Меня это не интересует».

Госпожа Виртц разволновалась: «Ты неправильно представляешь себе вещи! Реальностью нельзя пренебрегать, действительность требует общественного взаимодействия! Тот, кто улетает в космос, тем самым стремится избежать проблем настоящей жизни!»

«Только не в моем случае, — возразил Джаро. — У меня есть важные дела — их невозможно сделать на Галлингейле».

Госпожа Виртц взяла Джаро за плечи и слегка встряхнула его: «Уходи, Джаро! Больше не могу с тобой спорить! Если в тебя когда-нибудь влюбится девушка, ее судьба будет достойна сожаления — твое упрямство будет ежеминутно выводить ее из себя!»

Джаро облегченно направился к двери. Перед тем, как выйти, он обернулся: «Прошу прощения, если я сказал что-нибудь, что вас расстроило. Я не хотел вас обидеть».

Айдора Виртц усмехнулась: «Знаю я вас — притворяетесь паиньками, а потом все равно делаете все по-своему! Иди, лучше сделай что-нибудь, что меня приятно удивит!»

Джаро рассказал Альтее о странном собеседовании с преподавательницей: «Она хочет, чтобы я вступил в «Молодежный легион»».

Альтея огорченно покачала головой: «Уже? Мы надеялись, что эта проблема не возникнет так рано». Они прошли в кухню и сели за стол. Альтея продолжала: «В Танете практически каждый стремится к восхождению по лестнице престижа. Некоторым это удается: «парнасцев» иногда принимают в «Черные цилиндры» или в «Подлесок»; оттуда можно проникнуть в Квадратуру круга, а затем, если особо отличиться, стать членом клуба «Валь-Верде», «Цыплят-извращенцев» или «Жирандолей». Наконец, в редчайших случаях самым пробивным удастся взобраться на высшую ступень — например, заменить умершего без наследников «устричного кекса». Конечно, существуют многие другие маршруты восхождения». Альтея следила за реакцией Джаро: «Тебя это интересует?»

«Не слишком».

«Как тебе известно, твой отец и я не вступаем ни в какие клубы. Мы — «непримкнувшие», как говорили раньше, или «профаны», как выражаются теперь. У нас нет социального статуса. У тебя его тоже нет. Подумай об этом. Если в конце концов ты захочешь вести себя так, как все, ты можешь вступить в «Молодежный легион», а потом, когда почувствуешь, что ты достаточно популярен, перейти на уровень повыше и стать «сладким помидором» или «зуавом», например. Ты никогда не будешь одинок — у тебя будет много друзей, ты будешь участвовать в десятках спортивных игр и состязаний, и никто не станет называть тебя «профаном». Кроме того, ты будешь тратить время — очень много времени! — на то, чтобы говорить приятные вещи людям, которые тебе не нравятся. Тебе придется платить крупные взносы, носить значок своего клуба и говорить на клубном жаргоне. Тебе это может понравиться — многие чувствуют себя в такой среде, как рыбы в воде. Другим кажется, что быть профаном гораздо проще».

Джаро задумчиво кивнул: «Я сказал госпоже Виртц, что вступать в клуб было бы для меня пустой тратой времени, потому что я хочу стать астронавтом».

Альтея попыталась не рассмеяться: «И что она ответила?»

«Она, в общем-то, рассердилась. Сказала, что я хочу избежать проблем настоящей жизни. Но я объяснил, что это не так, что мне просто нужно кое-что сделать, а это невозможно сделать на Галлингейле».

«Неужели? — Альтея внезапно встревожилась. — Что именно тебе нужно сделать?»

Джаро отвернулся. Он не хотел обсуждать эту щекотливую тему. Тщательно выбирая слова, он медленно ответил: «Мне хотелось бы узнать, откуда я взялся — что случилось в те годы, которых я не помню».

У Альтеи душа ушла в пятки. Она и Хильер надеялись, что Джаро потеряет интерес к прошлому и больше не будет всерьез размышлять о событиях раннего детства. Судя по всему, они ошибались.

Джаро вышел из кухни. Альтея заварила чай и сидела, погруженная в задумчивость неприятной новостью. Она ни в коем случае не хотела, чтобы Джаро стал астронавтом — если он улетит в космос, оставив позади Приют Сильфид и Фатов, кто знает, когда они его снова увидят? Возникла пугающая перспектива одиночества.

Альтея вздохнула. Несомненно, ей и Хильеру следовало применить все доступные средства убеждения, чтобы направить Джаро на уготованный ими путь академической карьеры в Танетском институте.

Айдора Виртц предприняла последнюю попытку завербовать Джаро в «Молодежный легион»:

«Нигде не найдешь лучшей подготовки! Это сплошное развлечение! Представь себе, как весело шагать строем, дружно выкрикивая лозунги:

ВВЕРХ ПО СТУПЕНЯМ: РАЗ, ДВА, ТРИ!

НЕ ЗАЗНАВАЙСЯ! СОПЛИ УТРИ!

СДЕЛАЕМ ВСЕ, ЧТОБЫ НАМ ПОВЕЗЛО —

ПРОФАНАМ НА ЗАВИСТЬ, ПРОНЫРАМ НАЗЛО!

Вот так! Разве не здорово? Нет? Почему нет?»

«Какой смысл шуметь без толку?» — пожал плечами Джаро.

Госпожа Виртц фыркнула: «Ничего не без толку! Маршировать с песнями полезно — ничто так не поднимает дух! Кроме того, в легионе ты приобретаешь весомость. В весомости-то и зарыта собака!»

«И что мне даст весомость?»

«А! Это большой сюрприз!»

«Гм. Какого рода сюрприз?»

Госпожа Виртц храбро улыбнулась: «Для одних — одно, для других — другое».

Джаро покачал головой: «Только идиот клюнет на такую приманку».

Госпожа Виртц сделала вид, что не расслышала: «Весомость — чудесная, волшебная вещь, и если ты ведешь журналы связей, все становится просто. Ты регистрируешь баланс одолжений, сделанных другим — так называемых «кредитов» — и одолжений, полученных от других, то есть «дебетов». Соотношением кредитов и дебетов определяется твоя социальная плавучесть; поэтому журналы связей нужно вести очень аккуратно, возвращая одолжения при первой возможности. Это поможет тебе в восхождении, и ты опомниться не успеешь, как станешь «сладким помидором!» Посмотри на Лиссель Биннок — она проскочила через легион, как отшлепанная макака! Ее отец — в Квадратуре круга. Это обстоятельство закругляет многие острые углы, конечно, и Лиссель сама по себе — достаточно привлекательное существо, но факт остается фактом: она неутомимо лезет вверх, весомость у нее в крови». Госпожа Виртц хихикнула: «Говорят, в морозную погоду Лиссель не выдыхает пар, а заволакивает глаза туманом весомости».

Джаро поднял брови: «Не может быть!»

«Скорее всего, нет — но такие шутки свидетельствуют о накале ее страсти к

восхождению».

Джаро давно обращал внимание на Лиссель — модно одетую, не по годам развитую девочку с золотистыми волосами, хотя Лиссель никогда даже не смотрела на него. Она всю флиртовала с молодыми людьми постарше из престижных клубов, и у нее не было времени якшаться с профанами. Джаро спросил: «Как насчет Скирлет Хутценрайтер?»

«Ага! Скирлет унаследовала право занять место среди «устричных кексов», что само по себе придает ей престиж, недоступный большинству самых влиятельных и популярных людей на Галлингейле! Ей не приходится беспокоиться о репутации — причем она, судя по всему, в любом случае не стала бы о ней беспокоиться, с ее прирожденными повадками знаменитости-недотроги». Айдора Виртц огорченно отвернулась: «Не каждому дано родиться наследницей «устричного кекса». А теперь нужно позаботиться о том, чтобы ты повязал галстук «Молодежного легиона». Разумеется, тебе придется начать с «Приятельской бригады»».

Джаро отступил на шаг: «У меня нет на это времени!»

Госпожа Виртц каркнула от изумления: «Что за нелепость! Тебе учеба дается почти так же легко, как Скирлет, а она справляется с заданиями, словно голодный обжора с парой пирожных, после чего у нее остается время на любые капризы. Как ты проводишь свободное время?»

«Я изучаю руководства по механике космических кораблей».

Айдора Виртц воздела руки к небу: «Дорогой мой, как тебе не стыдно забивать себе голову бесполезными фантазиями?»

Примерно в это же время Скирлет перевели в тот класс, где учился Джаро, и теперь — нравилось это им или нет — качество выполняемой ими работы постоянно подвергалось сравнению. Вскоре стало ясно, что Джаро превосходил Скирлет в том, что касалось естественных наук, математики и технической механики; кроме того, у него лучше получались эскизы и чертежи — видимо, Джаро от природы был наделен пространственным воображением и точной координацией глаз и руки. Скирлет обгоняла его в том, что относилось к языкам, риторике и музыкальной символике. По истории Ойкумены, географии Древней Земли, антропологии и биологии у них были одинаковые оценки.

Скирлет приводил в недоумение тот факт, что она могла от кого-то отставать в принципе, в какой бы то ни было степени. Несколько дней она вела себя необычно тихо и задумчиво. Если бы она не принадлежала к недостижимой звездной плеяде «устричных кексов», можно было бы подумать, что она подавлена и не хочет, чтобы ее замечали. В конце концов Скирлет пожалала плечами. Действительность, какой бы оскорбительной она ни оказалась, оставалась действительностью. Если бы Джаро был уродом или эксцентричным гением-чудаком, Скирлет могла бы смириться с возникшей ситуацией, ограничившись безразличным кивком. Но Джаро был вполне нормальным подростком, аккуратно одетым, приятной наружности, хотя и несколько необщительным — в частности, судя по всему, он проявлял к ней еще большее безразличие, чем она к нему. К сожалению, будучи профаном, Джаро не мог рассчитывать на то, чтобы кто-нибудь стал принимать его всерьез. Скирлет задумывалась: что из него получится? После чего, задумываясь о себе, она язвительно морщилась. Если уж на то пошло, что получится из нее, Скирлет Хутценрайтер?

Наконец Скирлет стала относиться к существованию Джаро по-философски. В конце концов, ей исключительно повезло — она родилась наследницей Хутценрайтеров, постоянных членов клуба «Устричных кексов»! Была ли в этом какая-то несправедливость?

Не обязательно. Обстоятельства нашего рождения таковы, каковы они есть — зачем вносить какие-то изменения?

Однажды после полудня — как раз, когда кончилось первое полугодие — Скирлет, окруженная одноклассницами, слышала, как имя Джаро упомянул некий Ханафер Глакеншоу. Ханафер, большой и шумливый парень с густой копной кудрявых русых волос и выразительными, хотя и грубоватыми чертами лица, считал себя решительной и ловкой личностью, изобретателем и организатором предприятий. Он любил стоять, вскинув голову, чтобы всем было видно, какой у него гордый горбатый нос. Ханафер был убежден, что природа наградила его от рождения выдающейся весомостью — причем, возможно, так оно и было: он неустанно проталкивался вверх, не брезгуя ни лестью, ни нахальством, и уже успел преодолеть уровни «Сладких помидоров» и «Лодырей», проникнув в завидное сообщество «Пригретых змей». Теперь для него наступила пора снова подтвердить социальную плавучесть и внести новые записи в журналы связей.

Ханафер был капитаном роверболистов Ланголенской гимназии, и его команде не хватало сильных и ловких нападающих, способных устроить противнику хорошую взбучку. Похожая на мальчишку стройная школьница по имени Татнинка указала на Джаро, стоявшего поодаль на школьном дворе: «А почему не выбрать его? Он, вроде бы, достаточно силен и здоров».

Бросив взгляд в сторону Джаро, Ханафер хрюкнул: «О чем ты говоришь? Это Джарс Фат, профан. Кроме того, его мать — профессорша в Институте, пацифистка, каких мало. Она не разрешает ему заниматься борьбой, боксом или каким-нибудь другим спортом, причиняющим боль. Так что он не только профан, но и абсолютный, неисправимый туфтяк».

Скирлет, сидевшая рядом, слышала эти замечания. Она взглянула в сторону Джаро — их глаза случайно встретились. На какое-то мгновение между ними возникло нечто вроде связи или взаимопонимания, но Джаро тут же отвернулся. Последнее обстоятельство почему-то возмутило Скирлет сверх всякой меры. Разве он не сознавал, что она — Скирлет Хутценрайтер, независимое вольное существо, не допускавшее ни критики, ни постороннего суждения, и поступавшее исключительно по своему усмотрению?

Последние новости доставила к сведению Джаро, однако, не Скирлет, а Татнинка: «Ты слышал, как тебя обозвал Ханафер?»

«Нет».

«Он сказал, что ты — туфтяк!»

«Даже так? Что это значит? Надо полагать, ничего хорошего».

Татнинка хихикнула: «Я забыла — ты и вправду блуждаешь мыслями выше облака ходячего! Ладно, я объясню!» Татнинка процитировала определение, сформулированное самим Ханафером примерно неделю тому назад: «Туфтяк — самый трусливый из профанов; он каждое утро просыпается в мокрой постели и не решается сказать «Цыц!» даже котенку».

Джаро вздохнул: «Что ж, теперь мне известно, что это такое».

«Хм. Ты даже не разозлился!» — с отвращением обронила Татнинка.

Джаро задумался: «Если Ханафер провалится ко всем чертям, меня это нисколько не огорчит и даже не обрадует. Если ты рассчитывала передать ему мой ответ, теперь у тебя есть такая возможность».

«В самом деле, Джаро, тебе не следовало бы относиться с таким безразличием к мнению окружающих! — раздраженно заметила Татнинка. — У тебя ведь нет никакого престижа, никакой репутации, даже никакого желания их приобрести!»

«Ни малейшего», — пробормотал Джаро. Татнинка повернулась на каблуках и быстрыми шагами вернулась к друзьям. Джаро направился домой, в Приют Сильфид.

Альтея встретила его в нижней гостиной. Поцеловав его в щеку, она отступила на шаг и внимательно рассмотрела сына: «Что случилось?»

Джаро понимал бесполезность притворства. «Ничего особенного, — проворчал он. — Ханафер Глакеншоу занимается пустой болтовней».

«Какой именно?» — сразу встревожилась Альтея.

«Обзывает меня — то профаном, то туфтяком».

Альтея поджала губы: «Это неприемлемо, придется поговорить с его матерью».

«Ни в коем случае! — в панике воскликнул Джаро. — Пусть Ханафер говорит, что хочет — мне все равно! А если ты пожалуешься его матери, все станут надо мной смеяться!»

Альтея знала, что он прав: «Тогда тебе придется отвести Ханафера в сторону и вежливо объяснить ему, что ты не желаешь ему зла, и что поэтому у него нет никаких причин тебя обижать».

Джаро кивнул: «Может быть, я так и сделаю — после того, как врежу ему хорошенько, чтобы привлечь его внимание».

Альтея издала возмущенный возглас. Потянув Джаро за рукав, она отвела его к дивану и заставила сесть рядом. Джаро неохотно подчинился, чувствуя себя последним дураком и сожалея о том, что не придержал язык — теперь ему предстояло выслушать очередное разъяснение принципов этической философии Альтеи.

«Джаро, насилие — очень простая вещь, в нем нет никакой тайны. Это инстинктивный животный рефлекс, свойственный грубым, невоспитанным, морально ущербным людям. Меня удивляет, что ты даже в шутку прибегаешь к таким выражениям!»

Джаро не находил себе места; он уже раскрыл было рот, чтобы возразить, но Альтея не желала ничего слышать: «Как тебе известно, твой отец и я считаем себя борцами за всеобщее согласие. Мы презираем насилие и ожидаем, что ты будешь придерживаться тех же убеждений».

«Именно поэтому Ханафер и называет меня туфтяком!»

«Он перестанет, как только поймет, насколько он неправ, — безмятежно и певуче отозвалась Альтея. — Тебе придется ему это объяснить. Мир и счастье не даются даром — они подобны цветам в саду, их нужно лелеять, за ними нужно ухаживать».

Джаро вскочил на ноги: «У меня нет времени ухаживать за цветами в саду Ханафера! Мои мысли заняты другими вещами».

Альтея пристально взглянула на Джаро — и тут же забыла о перевоспитании Ханафера; Джаро понял, что снова допустил оплошность.

«Какими другими вещами?» — спросила Альтея.

«Ну... разными».

Поколебавшись меньше секунды, Альтея решила не настаивать. Протянув руки к Джаро, она обняла его: «Как бы то ни было, ты всегда можешь обсуждать со мной любые проблемы. Мы все поправим, все будет в порядке — я никогда не посоветую тебе нанести кому-нибудь вред или сделать что-нибудь плохое. Ты мне веришь?»

«О да, я тебе верю».

Альтея успокоилась: «Рада, что ты хорошо все понимаешь! А теперь иди, переоденься — мы пригласили на ужин господина Мэйхака. Ты, кажется, любишь с ним поговорить?»

«Не откажусь», — осторожно ответил Джаро. На самом деле ему нравился Тоун

Мэйхак, мало походивший на типичных знаковых профессоров Фатов — что заставляло Джаро задумываться о предпочтениях родителей. Инопланетянин, успевший на своем веку несколько раз пересечь Ойкумену вдоль и поперек, Мэйхак мог рассказать о множестве странных приключений. Худощавый и сильный, с потемневшей от космического загара кожей и густыми, коротко подстриженными черными волосами, Мэйхак был моложе Хильера. Альтея считала его почти привлекательным, так как у него были правильные черты лица. Хильер относился к этому знакомому с изрядной долей критики: по его мнению, грубоватая, даже суровая внешность Мэйхака — в частности, сломанный нос — позволяла предполагать склонность к насилию.

В обществе Мэйхака Хильер чувствовал себя неудобно, будучи убежден, что в свое время Мэйхак был астронавтом, а это подрывало его репутацию в глазах профессора. Астронавтов, как правило, набирали из числа никчемных бездельников и бродяг, отбросов общества. Мироощущение астронавта было в принципе несовместимо со взглядами Хильера — и он хотел, чтобы Джаро научился разделять его точку зрения.

Сразу после первой встречи с Мэйхаком Хильер преисполнился глубокими подозрениями. В ответ на насмешки Альтеи профессор мрачно заявлял, что инстинкты еще никогда его не подводили. Он считал, что Мэйхаку, даже если его нельзя было уличить в каком-нибудь преступлении, было что скрывать — на что Альтея отзывалась: «Подумаешь! Каждому есть что скрывать».

Хильер хотел было решительно заявить «Только не мне!» — но вспомнил об одном или двух не слишком похвальных эпизодах своей молодости и ограничился уклончивым нечленораздельным мычанием.

На протяжении нескольких следующих дней Хильер потихоньку наводил справки, после чего торжествуя преподнес Альтее результат: «Все примерно так, как я предполагал! Наш знакомый скрывается под вымышленным именем. На самом деле его зовут Гэйнг Нейтцбек — но по причинам, известным только ему, он представляется как Тоун Мэйхак».

«Невероятно! — всплеснула руками Альтея. — Откуда ты знаешь?»

«Пришлось провести небольшое расследование и воспользоваться индуктивной логикой, — ответил Хильер. — Я просмотрел его заявление о приеме в Институт. В нем он указал дату своего прибытия в космический порт Танета на звездолете «Алис Рэй» компании «Старейший перевоз». Но когда я проверил список пассажиров, прибывших в указанный день на звездолете «Алис Рэй», я не нашел в нем Тоуна Мэйхака; в списке, однако, значится некий Гэйнг Нейтцбек, по профессии астронавт-механик. Во избежание сомнений, я просмотрел списки всех пассажиров, высадившихся в Танете на протяжении года — ни в одном нет никакого Тоуна Мэйхака. Что и требовалось доказать!»

Запинаясь, Альтея пробормотала: «Почему бы ему понадобилось скрываться?»

«На этот счет можно сделать десятки предположений, — продолжал Хильер. — Может быть, он прячется от кредиторов — или сбежал от докучливой жены, а то и от нескольких жен. Одно несомненно: если человек пользуется вымышленным именем, значит, не хочет, чтобы его нашли». Хильер не преминул процитировать один из известнейших афоризмов барона Бодиссея: «Заходя в банк, честный человек не надевает маску».

«Так-то оно так, — с сомнением протянула Альтея. — А жаль! Мне нравился Тоун Мэйхак, как бы его ни звали».

Вечером следующего дня Хильер заметил в Альтее с трудом сдерживаемое возбуждение — то ли радостное, то ли злорадное. Он промолчал, прекрасно зная, что Альтея скоро не

выдержит и все расскажет. Так и случилось. Налив себе и супругу по бокалу их любимого красного вина, «Таладерра фино», Альтея выпалила: «Ты никогда бы не догадался!»

«Не догадался — о чем?»

«Я раскрыла тайну!»

«Ничего не знаю ни о каких тайнах», — обиженно буркнул Хильер.

«Да уж, конечно! — насмеялась Альтея. — Тебе известны сотни всевозможных тайн. Одна из них, в частности, касается Тоуна Мэйхака».

«Надо полагать, ты имеешь в виду Гэйнга Нейтцбека. Честно говоря, Альтея, меня мало интересуют темные делишки этого субъекта — каковы бы ни были причины, по которым он решил нас обмануть».

«Прекрасно! Замечательно! Никаких темных делишек! А случилось вот что: я подошла к телефону и позвонила Гэйngu Нейтцбеку. Он работает в мастерской космопорта и сразу ответил на вызов. Я хорошо рассмотрела его на экране — он ничем не напоминает Тоуна Мэйхака. Я сказала, что звоню по поводу поданного в Институт заявления Тоуна Мэйхака — в нем указано, что он прибыл в Танет на борту звездолета «Алис Рэй».

«А при чем тут я?» — спросил Гэйнг Нейтцбек.

«Он прилетел вместе с вами?»

«Так точно».

«А почему его имени нет в списке прибывших?»

Гэйнг Нейтцбек усмехнулся: «Мэйхак служил в МСБР. Нынче он в отставке, но это ничего не значит. Когда он прибывает в космопорт, ему достаточно показать удостоверение, и он проходит контроль без вопросов. Я мог бы сделать то же самое, но мое удостоверение куда-то запропастилось».

Альтея удовлетворенно откинулась на спинку стула и прихлебнула вино из бокала.

Хильер сделал кислую гримасу: «Что ж, все это неважно в любом случае. Не стоит делать бурю в стакане воды. Кто бы он ни был, в конце концов мне все равно».

«Значит, ты перестанешь на него дуться? Он всегда вел себя хорошо».

Хильеру пришлось неохотно признать, что он не мог найти в поведении Мэйхака никаких изъянов. Тоун Мэйхак говорил тихо и вежливо, а старомодностью одежды умудрялся перещеголять самого Хильера. Мэйхак мало распространялся о своем прошлом, но как-то раз заметил, что прилетел на Галлингейл, чтобы восполнить пробел в образовании. Альтея встретила его в Институте, где она преподавала Мэйхаку, проходившему аспирантуру, один из специализированных курсов. У Мэйхака, так же, как у профессоров Фатов, вызывали пристальный интерес необычные музыкальные инструменты. Блуждая по Галактике, Мэйхак приобрел целую коллекцию уникальных звуковоспроизводящих устройств — в том числе настоящий квакгорн, пару сплетофонов, зубную гармонику, чудесный посох-громборог, инкрустированный сотней танцующих серебряных демонов, и даже полный набор блорийских игольчатых гонгов. Инструменты эти привлекли внимание Альтеи, и через некоторое время Тоун Мэйхак стал регулярно посещать старую усадьбу Фатов.

На этот раз Хильер не знал, что Альтея пригласила Мэйхака на ужин, пока не вернулся из Института. Дополнительное раздражение у него вызвали явные признаки особых приготовлений: «Не могу не заметить, что ты выставила драгоценные подсвечники из Сырьевой Базы. Можно подумать, сегодня мы отмечаем какое-то знаменательное событие».

«Ничего подобного! — возмутилась Альтея. — Зачем хранить красивые вещи, если никогда ими не пользоваться? Называй это «творческим порывом», если хочешь. Но ты ошибаешься — эти подсвечники не из Сырьевой Базы».

«Откуда еще? Прекрасно помню, как ты их покупала. Они обошлись нам в кругленькую сумму».

«А вот и нет! То были другие подсвечники, и я могу это доказать, — Альтея перевернула подсвечник и внимательно рассмотрела ярлык на доньшке. — Смотри, здесь написано: «Ферма Ридджалума». Разве ты не помнишь хозяйство на склоне хребта Ридджалума? Там на тебя набросилось какое-то странное животное, вроде бешеного ежика».

«М-да, — проворчал Хильер. — Эту тварь я хорошо помню. Причем нападение было абсолютно ничем не спровоцировано! Мне следовало подать в суд на хозяйку фермы».

«Как бы то ни было. Она уступила подсвечники по сходной цене, так что ты пострадал не безвозмездно. И вот видишь, теперь нам есть о чем вспомнить за ужином!»

Бормоча себе под нос, Хильер выразил надежду на то, что сегодня «творческий порыв» Альтеи ограничился убранством гостиной, не распространяясь на кухню. Тем самым он напомнил супруге о некоторых в высшей степени сомнительных блюдах, расстроивших его пищеварение в результате предыдущих кулинарных экспериментов Альтеи, руководствовавшейся сборником авангардистских рецептов.

Альтея отвернулась, чтобы спрятать улыбку. Судя по всему, Хильер слегка ревновал к их обаятельному гостю. «Кстати! — воскликнула она. — Господин Мэйхак принесет свой смешной квакгорн. Может быть, он даже попробует на нем сыграть. Это должно быть очень весело!»

«Ха, гм! — ворчал Хильер. — Значит, Мэйхак еще и музыкант. Даровитый сыщик в отставке, надо сказать».

Альтея расхохоталась: «Это еще ниоткуда не следует! Для игры на квакгорне музыкальные способности не нужны — они скорее мешают».

Джаро давно уже понял, что именно те вещи, которые он хотел бы обсуждать с Мэйхаком — а именно навыки астронавтов и прочие сведения о космических полетах — не считались подходящими предметами разговора и порицались в доме Фатов. Так как родители прочили Джаро академическую карьеру в Колледже эстетической философии, они осторожно одобряли интерес Джаро к причудливым музыкальным инструментам Мэйхака, притворяясь, что их несколько не беспокоили авантюристические методы их приобретения.

Сегодня, как отметил Хильер, Альтея уделила особое внимание убранству стола. Из своей коллекции она выбрала пару массивных подсвечников, выкованных вручную из заготовок синевато-черного кобальтового сплава, в дополнение к старинному фаянсовому сервизу, покрытому темноватой лунно-голубой глазурью, под которой, словно в толще воды, плавали расписные морские анемоны.

Мэйхак был надлежащим образом впечатлен и с похвалой отозвался о приготовлениях Альтеи. Они приступили к ужину, и в конечном счете Альтея пришла к выводу, что ей удалось добиться некоторого успеха — несмотря на то, что Хильер, попробовав ракушки из сдобного теста с начинкой из сухорыбицы с пряностями, заявил, что тесто было трудно прожевать; кроме того, по его мнению, соус оказался слишком острым, а суфле получилось дряблым.

Альтея вежливо отвечала на замечания мужа, а поведение Мэйхака могло ее только порадовать. Гость внимательно выслушивал несколько помпезные и пространные рассуждения Хильера и — к сожалению Джаро — даже не заикнулся о космосе или звездолетах.

После того, как все встали из-за стола и перешли в соседнюю гостиную, Мэйхак вынул из футляра и продемонстрировал квакгорн — пожалуй, самый необычный из приобретенных им экспонатов, так как он состоял, по сути дела, из трех инструментов, звучащих одновременно. Горн начинался с прямоугольного бронзового мундштука, оснащенного рычажным кнопочным механизмом управления четырьмя клапанами. Клапаны открывали и закрывали отверстия четырех закрученных спиралью трубок, сходящихся к центральному бронзовому шару — так называемому «смесителю». С противоположной мундштуку стороны из «смесителя» торчал приплюснутый раструб с прямоугольным зевом. Исполнитель нажимал и отпускал четыре клапана пальцами левой руки, что позволяло извлекать звуки точной высоты, образывавшие, однако, лишнюю всякой логики последовательность интервалов и по тембру напоминавшие бульканье сливающейся в канализацию вязкой жидкости. Над мундштуком еще одна трубка, раздвоенная на конце и вставляемая в ноздри, становилась чем-то вроде скрипучей флейты; закрывая и открывая отверстия этой трубки пальцами правой руки, исполнитель издавал различной высоты визги, никаким очевидным образом не соотносившиеся с хрюканьем горна. При этом частое нажатие педали правой ногой накачивало воздух в пузырь, отзывавшийся на движения левого колена и производивший нечто вроде сдавленных стонов в диапазоне примерно одной октавы. Само собой, для того, чтобы научиться хорошо играть на квакгорне, требовались многие годы — даже десятилетия — постоянных упражнений.

«Я умею играть на квакгорне, — заявил Мэйхак, обращаясь к трем слушателям. — Насколько хорошо это у меня получается? Трудно сказать, так как для непосвященных, в том числе для меня, правильное исполнение мало чем отличается от неправильного».

«Уверена, что у вас все получится! — сказала Альтея. — Не заставляйте нас ждать! Сыграйте что-нибудь веселое и легкомысленное».

«Ладно, — решил Мэйхак. — Я исполню песенку «Разгулялись девки на Антарбусе»: других мелодий я не помню».

Мэйхак вставил мундштук в рот и раздвоенную трубку в нос, подтянул ремешки, скреплявшие различные части инструмента, набрал в грудь воздух и извлек из квакгорна несколько пробных глиссандо. Носовая флейта разразилась режущей уши трелью. Звуки, доносившиеся из пузатого горна, можно было бы назвать клокотанием пузырей в сиропе — хотя они вызывали настолько неприличные ассоциации, что супруги Фаты поморщились. Воздушный пузырь сопровождал эту какофонию протяжными мучительными стонами, вибрировавшими в ограниченном, но исключительно неприятном диапазоне.

Мэйхак пояснил выдающиеся возможности инструмента: «Судя по сохранившимся отзывам, знаменитые виртуозы-квакгорнисты умели извлекать любые полутона, сочетая их с

гудением, уханьем, бульканьем, визгами и глухими ударами локтей по резонатору. Итак, «Разгулялись девки на Антарбусе!»»

Джаро внимательно прослушал примерно следующее: «Тзызы-бзызы-ийих! тзызы апх-фрррр! дзяоу апх-фрррр! уауаох уауаох дзанг-фрррр!-брррр уауаох тзызы-бзызы уауаох тзызы-бзызы-ийих! апх-фрррр! апх-фрррр! дзяоу уауаох уауаох тзызы-бзызы-ийих! апх-фрррр».

«Лучше не могу, — закончил Мэйхак. — Как вы думаете, что-нибудь получилось?»

«Очень любопытно! — похвалил Хильер. — Когда вы еще попрактикуетесь, у нас ноги пустятся в пляс».

«С квакгорнами надо обращаться осторожно, — заметил Мэйхак. — Их делают дьяволы». Мэйхак указал на символы, рельефно выделявшиеся на поверхности бронзового раструба: «Видите эти знаки? Здесь написано: «Сделано Суанесом». А Суанес — не кто иной, как дьявол! По словам торговца редкостями, в каждый квакгорн мастером-дьяволом заложена тайная последовательность звуков. Если человек случайно сыграет эту последовательность, его заколдуют дьявольские чары — и он не сможет остановиться, ему придется играть одно и то же, пока он не умрет».

«Одно и то же?» — спросил Джаро.

«В точности — вариации не допускаются».

«Факт изготовления горна дьяволом был, разумеется, подтвержден торговцем?» — язвительно спросил Хильер.

«Само собой! Когда я попросил его предъявить документацию, он всучил мне изображение дьявола Суанеса и взял за это еще двадцать сольдо в дополнение к первоначальной цене. Негодяй знал, что я хотел купить этот горн. Я мог торговаться еще два часа или заплатить на двадцать сольдо больше; у меня не было времени, пришлось платить. Лавочники — неисправимые мошенники!»

Хильер усмехнулся: «Мы познали эту истину на своей шкуре, неоднократно и всевозможными способами!»

«Когда я покупала медные канделябры, со мной случилось нечто подобное, — пожаловалась Альтя. — Мы тогда впервые посетили другую планету, и это само по себе превратилось в целую трагедию!»

«Ну-ну! — улыбаясь, успокоил ее Хильер. — Не надо преувеличивать. В конце концов, господину Мэйхаку хорошо известны неприятности, подстерегающие новичков на экзотических планетах».

«Расскажите, как это было, — предложил Мэйхак. — Я не успел везде побывать — на это не хватит и сотни человеческих жизней».

Перебивая друг друга и вставляя замечания и пояснения, Хильер и Альтя рассказали о своем приключении. Вскоре после того, как они поженились, Фаты отправились на планету Плэйз, приютившуюся в небольшом звездном скоплении почти на краю Галактики. Так же, как и многие другие миры, Плэйз был обнаружен и заселен в период первой великой волны взрывообразного распространения человечества в пространстве, ныне именуемом Ойкуменой. Сами того не зная, супруги Фаты поставили перед собой исключительно рискованную цель: заснять так называемые «равноденственные знамения» племени, населявшего Родственные горы на Плэйзе. Раньше еще никому не удавалось это сделать — никто даже не пытался пуститься в столь самоубийственное предприятие. Беспечные, как певчие птички, новобрачные Фаты прибыли в космопорт Плэйза и разместились в доме отдыха на окраине Строгова, городка в предгорьях Родственного массива. Здесь им

разъяснили затруднение, делавшее осуществление их проекта невозможным — а именно то, что их убьют, как только заметят.

Движимые скорее нахальством неопытности, нежели отвагой, молодожены игнорировали предупреждения местных жителей и принялись изобретать способы преодоления каждого из грозивших им препятствий. Они арендовали небольшой аэромобиль и ночью, за два дня до равноденствия, спустились в пропасть Куху. Там, перелетая с места на место, они закрепили на отвесных скалах ущелья тридцать два звукозаписывающих устройства. Им невероятно повезло: их никто не заметил. В противном случае аэромобиль могли накрыть сетью, как насекомое — сачком, после чего Фатов подвергли бы пыткам настолько ужасным, что о них лучше было не упоминать. «У меня до сих пор все внутри холодеет, когда я вспоминаю об этой затее!» — поежилась Альтея. «Мы были молоды и глупы, — прибавил Хильер. — Мы думали, что, если нас поймают, достаточно было сказать, что мы — исследователи из Танетского института, и ни у кого больше не было бы к нам никаких претензий».

В ночь равноденствия горцы приступили к отправлению обрядов. Всю ночь по ущелью разносилось эхо пульсирующих воплей. С восходом солнца наступило время для ритуала искупления, и отголоски визга, сопровождавшего жертвоприношения, возносились из пропасти подобно печальным трелям неведомых птиц.

Тем временем Фаты держались тише воды, ниже травы в Строгове, представляясь агрономами. Стараясь развеять напряжение ожидания, Альтея отправилась в лавку местного антиквара, чтобы порыться в ее пыльных глубинах, наполненных всякой всячиной. В груде малопривлекательного старья она заметила пару тяжелых медных подсвечников — и тут же отвела от них глаза, притворившись, что разглядывает помятую кастрюлю.

«Ценный экземпляр! — тут же прокомментировал лавочник. — Из настоящего алюминия».

«Нет, это меня не интересует, — покачала головой Альтея. — У меня есть кастрюля».

«Конечно, конечно. Может быть, вам понравятся эти старые подсвечники? Где вы еще такие найдете? Чистая медь!»

«Не знаю, не знаю, — сомневалась Альтея. — Пара подсвечников у меня тоже есть».

«Тем более: вам пригодятся новые, если старые сломаются, — настаивал лавочник. — А жить без освещения нельзя!»

«Верно, — согласилась Альтея. — Сколько вы хотите за старые грязные подсвечники?»

«Немного. Примерно пятьсот сольдо».

Альтея не стала даже спорить, ограничившись презрительным взглядом, и принялась разглядывать каменную табличку, зеркально отполированную и покрытую хитроумными резными иероглифами: «А это что?»

«Древние письмена. Я не умею их прочесть. Говорят, они раскрывают десять тайн человеческого существования. Важное приобретение для каждого, кого интересует смысл жизни».

«Не такое уж важное, если иероглифы нельзя расшифровать».

«Можно попытаться — это лучше, чем ничего».

«И сколько она стоит?»

«Двести сольдо».

«Вы шутите! — возмущенно воскликнула Альтея. — За кого вы меня принимаете?»

«Ладно, семьдесят сольдо. Подумайте, как это выгодно: всего лишь по семь сольдо за

каждую тайну!»

«Чепуха. Зачем мне устаревшие разгадки каких-то тайн, даже если я смогу их прочесть? За эту табличку я дам не больше пяти сольдо».

«Ай-ай! С какой стати я стал бы отдавать редкости даром любой рехнувшейся покупательнице, откуда бы она ни приехала?»

Альтея торговалась долго и упорно, но после того, как цена снизилась до сорока сольдо, антиквар больше не уступал.

«Это возмутительно дорого! — бушевала Альтея. — Я заплачу сорок монет, только если получу что-нибудь в придачу — что-нибудь не слишком ценное. Например, вот этот коврик и — почему нет? — пару медных подсвечников».

И снова лавочник не желал расставаться с товаром. Он похлопал ладонью по плетеному коврику из черных, красновато-коричневых и золотисто-рыжих полос: «Это молитвенный ковер плодовитости! Его соткали из лобковых волос девственниц! А подсвечникам шесть тысяч лет — их нашли в пещере первого короля-затворника, Джона Соландера. За табличку, ковер и подсвечники я возьму не меньше тысячи сольдо».

«От меня вы получите не больше сорока».

Лавочник вручил Альтее остро наточенный ятаган и расстегнул ворот, обнажив шею: «Можете зарезать меня на месте — я не перенесу бесчестья столь позорной сделки!»

В конце концов, когда у нее уже голова пошла кругом, Альтея вышла из лавки с подсвечниками, табличкой и ковриком в руках, уплатив — по мнению Хильера — примерно в два раза больше, чем все это стоило. Тем не менее, покупки порадовали Альтею.

На следующий день они пролетели над пропастью Куху на аэромобиле. Ущелье пустовало — горцы поднялись к озеру Пол-Понд, чтобы совершить обряд омовения. Фаты поспешно собрали записывающие приборы, вернулись в космопорт Плэйза и улетели на первом подходящем пассажирском звездолете. Результаты их безрассудного предприятия оказались в высшей степени удовлетворительными. Им удалось зарегистрировать потрясающие последовательности звуков, нарастающие и ниспадающие волны — чего? Переплетенных мелодий? Динамического аккомпанемента к сакральным церемониям? Многоголосного отображения массовых духовных порывов? Никто из музыковедов не мог с уверенностью отнести заслужившие широкую известность «Псалмы Куху» (как их теперь называли) к той или иной классификационной категории.

«Мы больше никогда не отважимся на такую авантюру, — сказала Мэйхаку Альтея. — Так или иначе, с этого началось мое коллекционирование подсвечников. Но довольно говорить обо мне и о моих смехотворных увлечениях! Сыграйте нам еще что-нибудь на квакгорне».

«Не сегодня, — уклонился Мэйхак. — Меня не слушается носовая флейта — воздух проходит мимо трубок и получается какое-то сипение. Правильное уплотнение соединения между ноздрями и трубками называется «носовым амбушюром». На то, чтобы по-настоящему научиться носовому амбушюру, уходят годы. А если он у меня когда-нибудь на самом деле получится, я буду выглядеть, как летучая мышь-вампир».

«В следующий раз принесите ваш крестострунный, — предложила Альтея. — На нем гораздо легче играть».

«Это правда! От него нос не болит, и не приходится опасаться дьявола Суанеса».

«И все же, продолжайте практиковаться на квакгорне и наращивать репертуар. Если бы вы давали еженедельные концерты в Центруме, мне кажется, вы привлекли бы внимание

публики и могли бы неплохо этим зарабатывать».

Хильер усмехнулся: «Если вас снедает жажда известности и весомости, не упускайте такой шанс! Вы не успеете глазом моргнуть, как «Скифы» зачислят вас членом своего клуба — они обожают показную эксцентричность».

«Обязательно рассмотрю ваше предложение, — вежливо отозвался Мэйхак. — Тем не менее, мне не придется полагаться на квакгорн как на источник решения финансовых проблем. Теперь я работаю — по вечерам — в мастерской космопорта. Там платят довольно хорошо, но после занятий в институте и работы у меня почти не остается времени на то, чтобы практиковаться на квакгорне».

Заметив энтузиазм Джаро, Хильер и Альтея проявили сдержанность, выражая поздравления. Подобно госпоже Виртц, они считали, что увлеченность космосом могла отвлечь Джаро от академической карьеры — с их точки зрения, единственной подходящей карьеры для способного молодого человека.

Прошел месяц. В Ланголенской гимназии приближались весенние каникулы. Тем временем успеваемость Джаро неожиданно снизилась — его словно охватил продолжительный приступ рассеянности. Госпожа Виртц подозревала, что Джаро позволял воображению слишком вольно блуждать среди далеких миров, и однажды утром, после первого занятия, пригласила его на собеседование к себе в кабинет.

Джаро признал свои недостатки и обещал исправиться.

Госпожа Виртц заметила, что такой ответ ее не совсем удовлетворяет: «Ты превосходно учился, все мы тобой гордились. А теперь — что случилось, чем вызвана внезапная апатия? Нельзя же просто так все бросить и считать ворон? Надеюсь, ты это понимаешь?»

«Да, конечно! Но...»

Айдора Виртц отказывалась слушать: «Тебе придется отложить несбыточные мечты и сосредоточиться на будущем».

Джаро отчаянно пытался отвести от себя подозрения в лени: «Даже если я все объясню, вы не поймете!»

«А ты попробуй! Как-нибудь разберусь».

«Мне плевать на весомость, — пробормотал Джаро. — Как только смогу, я улечу в космос».

Госпожа Виртц начинала подозревать неладное: «Все это замечательно, но отчего такая спешка?»

«На это есть основательные причины».

Как только эти слова слетели у него с языка, Джаро понял, что выболтал лишнее.

Айдора Виртц набросилась на открывшуюся возможность: «Неужели? И в чем состоят эти причины?»

Джаро монотонно пробубнил: «Есть важные вещи, которые мне нужно сделать, чтобы не сойти с ума».

«Даже так! Какие вещи?»

«Еще не знаю».

«Так-так. Когда же ты узнаешь, что тебе нужно сделать — и что ты сделаешь, когда узнаешь?»

«Этого я тоже еще не знаю».

Госпожа Виртц старательно сдерживалась: «Почему же ты жертвуешь образованием ради того, что еще не известно?»

«Мне известно достаточно».

«Тогда объясни, пожалуйста: что тебе известно?»

«Все это из-за того, что я слышу в голове! Пожалуйста, больше ни о чем не спрашивайте!»

«Но я должна докопаться до подноготной происходящего. Ты имеешь в виду, что слышишь какие-то указания, когда спишь по ночам?»

«Нет, не так! Никакие это не указания — и я слышу их не во сне, и не всегда по ночам. Пожалуйста, разрешите мне уйти».

«Разумеется, Джаро, ты сможешь уйти — но только после того, как я разберусь, в чем

дело. Ты слышишь голоса, заставляющие тебя что-то делать?»

«Никто меня ничего не заставляет делать. Я слышу только один голос, и он меня пугает».

Госпожа Виртц вздохнула: «Хорошо, Джаро. Можешь идти».

Но Джаро, в ужасе от того, что разболтал секрет, никак не мог уйти и пытался убедить преподавательницу в том, что на самом деле не случилось ничего серьезного, что он мог полностью контролировать события, и что ей не следовало обращать внимание на то, что она сегодня от него услышала.

Госпожа Виртц улыбнулась, похлопала его по плечу и сказала, что подумает об этом. Джаро медленно отвернулся и ушел.

Альтея просматривала студенческие работы, сидя в своем кабинете в Институте. На столе зазвенел колокольчик вызова. Взглянув на экран, Альтея заметила синие и красные прямоугольные рамки эмблемы клуба «Парнасцев» и ткнула пальцем в клавишу. На экране появилось лицо Айдоры Виртц.

«Не хотела вас беспокоить, но произошло нечто, о чем вам следовало бы знать».

Альтея встревожилась: «Джаро в порядке?»

«Да. Вы одна? Могу ли я говорить с вами откровенно?»

«Я одна. Надо полагать, Ханафер Глакеншоу опять набедокурил?»

«На этот счет ничего не знаю. В любом случае, Джаро его просто игнорирует».

Альтея несколько повысила голос: «А что еще он может сделать? Обзывать Ханафера еще худшими словами? Набить ему морду? Может быть, прикончить его на месте? Мы научили Джаро избегать грубых игр и соревнований, воспитывающих склонность к насилию — по сути дела, имитирующих и пропагандирующих войну!»

«Да-да, разумеется, — откликнулась госпожа Виртц. — Но сегодня я звоню не по этому поводу. Насколько я понимаю, Джаро страдает нервным расстройством — вполне возможно, серьезным».

«О чем вы говорите? — воскликнула Альтея. — Никогда этому не поверю!»

«К сожалению, это так. Он слышит внутренние голоса, отдающие ему приказания — побуждающие его, по-видимому, отправиться в космос и решиться на какие-то рискованные авантюры. Мне с большим трудом удалось выудить из него эти сведения».

Альтея молчала. Действительно, в последнее время Джаро сделал несколько странных замечаний. Она спросила: «Что именно он сказал?»

Госпожа Виртц передала ей содержание разговора, состоявшегося в гимназии. Когда она закончила, Альтея поблагодарила ее: «Надеюсь, вы никому другому об этом не расскажете».

«Конечно, нет! Но мы должны помочь бедному Джаро — эту проблему нельзя запускать».

«Я немедленно этим займусь».

Альтея позвонила Хильеру и сообщила ему все, что узнала от Айдоры Виртц. Сперва Хильер отнесся к ее волнению скептически, но Альтея настаивала на том, что сама слышала от Джаро нечто подобное — она не сомневалась в том, что Джаро нуждался в профессиональной помощи. Наконец Хильер согласился навести справки — экран погас.

Примерно через час на экране снова возникло лицо Хильера: «Служба здравоохранения с похвалой отзывается о группе врачей под наименованием «ФВГ и партнеры». Их клиника — на Бантунском холме, в округе Селес. Я туда позвонил, и нам назначили интервью».

сегодня же, с доктором Флорио. Ты можешь освободиться?»
«Само собой!»

Мел Суоп, директор службы здравоохранения Института, предоставил Хильеру подробные сведения о фирме «ФВГ и партнеры». Основателями и руководителями фирмы были три известных практикующих врача: доктора Флорио, Виндль и Гиссинг. Они пользовались высокой репутацией, предпочитая, как правило, применять обширный опыт более или менее традиционной медицины, но не отказывались, по мере необходимости, прибегать к экспериментальным методам. За пределами больничного комплекса «Бантун» три врача занимали престижное социальное положение, будучи приняты в клубы, свидетельствующие о завидной весомости: доктор Флорио был пожизненным членом клуба «Палиндром», а доктор Виндль — клуба «Валь-Верде»; доктор Гиссинг был вхож в несколько клубов одновременно — в частности, он принадлежал к числу достопримечательных «Лемуров», известных дерзостью и непредсказуемостью взглядов. В том, что касалось внешности и характера, однако, между ними было мало общего. Доктор Флорио, пухлый и розовый, как только что выкупанный младенец, отличался педантичной щепетильностью. Доктор Виндль, старший из основателей фирмы, словно весь состоял из длинных болтающихся рук, острых локтей и костлявых голеней. Его объемистый желтоватый череп украшали несколько коричневых родинок и сиротливые жидкие пряди волос неопределенного оттенка.

Напротив, доктор Гиссинг — веселый и подвижный маленький человечек — мог похвастаться пышной седой шевелюрой. Предрасположенный к поэтическим гиперболам репортер отозвался о нем в местном медицинском журнале как о «существе, подобном изящной садовой дриаде, пугливо прячущейся среди анютиных глазок только для того, чтобы выпорхнуть и болтать точеными маленькими ножками в птичьей купальне». В том же журнале фирму «ФВГ и партнеры» называли «весьма достопримечательным образцом профессионального синергизма, во всех отношениях более эффективного в совокупности, нежели каждый из его компонентов по отдельности».

Хильер и Альтея прибыли в Бантун уже через час. Перед ними предстало впечатляющее сооружение из розового камня, чугуна и стекла, затененное кронами семи высоких кисломолочных деревьев.

Супруги Фаты вошли в это сооружение, и их провели в кабинет доктора Флорио. Врач поднялся им навстречу: крупная фигура в белоснежном отутюженном фраке. Он изучил посетителей дружелюбными голубыми глазами: «Профессора Хильер и Альтея Фаты? Доктор Флорио к вашим услугам». Он указал на стулья: «Будьте добры, присаживайтесь».

Фаты уселись.

«Как вам известно, мы пришли по поводу нашего сына», — начал Хильер.

«Да-да. Мне передали вашу записку. Должен признаться, ваше описание проблемы показалось мне несколько расплывчатым».

Хильер был чрезвычайно чувствителен к любой критике, касавшейся его литературных способностей, и замечание врача заставило его ошестиниться. «Имеющаяся информация достаточно неопределенна сама по себе, — сухо сказал он. — Я постарался недвусмысленно указать на это обстоятельство, но, по-видимому, не преуспел».

Доктор Флорио понял свою ошибку: «Разумеется, разумеется! Уверю вас, я выразился

без задней мысли».

Хильер принял его извинение холодным кивком: «Джаро сообщает о некоторых странных явлениях, с нашей точки зрения не поддающихся объяснению. Мы решили обратиться к вам за советом, как к известному специалисту».

«Правильно, — отозвался доктор Флорио. — Сколько лет вашему сыну?»

«Лучше всего будет, если я расскажу вам его историю с самого начала, — Хильер вкратце изложил биографию Джаро с того момента, когда Фаты спасли его от смерти на обочине дороги под Ворожскими холмами на Камбервелле. — Пожалуйста, имейте в виду, что в памяти Джаро зияет шестилетний провал. Насколько я понимаю, так называемый «внутренний голос» — какой-то отголосок забытого раннего детства».

«Гм! — доктор Флорио погладил пухлый розовый подбородок. — Вполне может быть. Позвольте мне пригласить коллегу, доктора Гиссинга. Он специализируется в области анализа раздвоения личности».

Появился доктор Гиссинг: хрупкий, щеголевато одетый человек с настороженно-любопытным лицом. Как и предполагал доктор Флорио, он сразу заинтересовался случаем Джаро: «У вас остались какие-нибудь записи, позволяющие получить представление о лечении Джаро в клинике Сронка?»

«Увы! — Хильер почувствовал, что лукавый доктор Гиссинг уже заставил его занять оборонительную позицию. — Мы очень спешили, все наши мысли были заняты спасением жизни ребенка; такие детали, как сохранение документации, просто вылетели у нас из головы».

«Хорошо вас понимаю! — заявил доктор Гиссинг. — Уверен, что вы сделали все, что мог бы сделать на вашем месте обеспокоенный человек без профессионального медицинского опыта».

«Именно так! — прогудел доктор Флорио. — В любом случае, потребуется регистрация новых схем».

«Любопытный случай!» — заключил доктор Гиссинг. Приятно улыбнувшись Хильеру и Альтее, он скрылся за дверью.

«Значит, мы договорились, — поспешила вставить Альтея. — Когда к вам привести Джаро?»

«Завтра утром, примерно в то же время, если это вас устроит».

Альтея не возражала: «Не могу найти слов — рада, что нам удалось поручить вам это дело!»

«Остается один вопрос, — поднял указательный палец доктор Флорио. — Нельзя забывать об оплате наших услуг, каковую мы стремимся взимать с таким же усердием, с каким наши клиенты стремятся свести ее к минимуму. Нашу фирму никак нельзя назвать дешевой или расточительной, в связи с чем было бы лучше всего, если бы мы с самого начала достигли взаимопонимания по этому вопросу».

«Не беспокойтесь, — ответил Хильер. — Как вам известно, мы занимаем профессорские должности на факультете эстетической философии. С вашей стороны достаточно будет выставить счет казначею службы здравоохранения Института».

Доктор Флорио нахмурился и хмыкнул: «В казначействе Института часто занимаются мелочными придирками. Время от времени нам возвращали счета, требуя разъяснить те или иные незначительные расходы. Неважно, впрочем! Завтра утром мы займемся обследованием Джаро».

Вечером, когда Джаро вернулся из гимназии, Хильер и Альтея ждали его в гостиной — необычная ситуация. Вскочив на ноги, Альтея налила в три небольших стаканчика дорогого вина «Альтенгельб» и протянула один стаканчик Джаро. Это вино откупоривали только по особым случаям, и Джаро почувствовал, что приближаются какие-то перемены.

Торжественно пригубив вино, Хильер прокашлялся. Профессор чувствовал себя не очень удобно, в связи с чем голос его звучал напыщеннее, чем ему хотелось бы: «Джаро, мы оба были очень удивлены, когда узнали о твоих проблемах. Жаль, что ты не сообщил нам о них раньше».

Джаро слегка вздохнул, стараясь подавить внешние признаки раздражения. Наступал неизбежный этап, которого он боялся и который он одновременно приветствовал. Теперь он хотел объяснить все сразу, во всех подробностях — трепет, страхи, замешательство, панические приступы клаустрофобии, ужас неизвестности. Он хотел выразить в едином потоке слов любовь и благодарность к двум добрейшим людям, теперь встревоженным из-за него или даже болезненно уязвленным — но когда он заговорил, фразы звучали искусственно и напряженно: «Очень сожалею, что заставил вас беспокоиться. Я не хотел, чтобы так случилось — мне казалось, что я смогу справиться с этим сам».

Хильер сухо кивнул: «Все это замечательно, но...»

Альтея вмешалась: «Короче говоря, мы считаем, что тебе нужно посоветоваться со специалистами. На завтра тебе назначили прием у доктора Флорио из фирмы «ФВГ и партнеры». У него хорошая репутация, и мы надеемся, что он тебе поможет».

Джаро потягивал вино, хотя оно ему не очень нравилось: «Сколько времени это займет?»

Хильер пожал плечами: «На этот счет трудно что-либо сказать, так как никто не знает, чем вызвано твое расстройство. Но завтра утром тебе нужно явиться в медицинский комплекс «Бантун», в округе Селес. Там спокойно, чисто и удобно».

Скоропалительность происходящего поразила Джаро: «Уже завтра?»

«Чем скорее, тем лучше. В школе у тебя начались весенние каникулы — самое подходящее время заняться твоей проблемой».

«Надо полагать».

Альтея погладила Джаро по плечу: «Конечно, мы поедем с тобой. Тебе не о чем беспокоиться».

«А я и не беспокоюсь».

Вскоре после ужина Джаро пожелал Хильеру и Альтее спокойной ночи и отправился в спальню. Он долго лежал, глядя в темноту и пытаясь представить себе, каким образом его собирались лечить. Следовало допустить, что методы, применявшиеся фирмой «ФВГ и партнеры», не отличались особой жестокостью — иначе у них давно не было бы никаких клиентов.

Одно было несомненно: врачи должны были попытаться разгадать секрет его раннего детства, что можно было только приветствовать. Джаро мог предложить им лишь пару отрывочных образов: силуэт высокого худощавого человека на фоне сумеречного неба далекой планеты и романтический сад, озаренный лучами двух больших бледных лун. И, конечно же, голос!

Великая тайна! Откуда исходил этот голос? Джаро были известны немногие поверхностные сведения, относившиеся к телепатии. Может быть, именно в телепатии скрывалась разгадка? Может быть, его мозг стал своего рода приемником чьих-то трагических эмоций?

В прошлом Джаро нередко начинал было исповедоваться супругам Фатам, но каждый раз сдерживался. Доброжелательные и любящие родители, Фаты слишком чувствительно реагировали на его проблемы. В ситуациях, требовавших срочного принятия решений, Хильер проявлял непрактичность, пытаясь тщательно продумать каждую деталь процесса преодоления трудностей. Альтее же начинала бегать из угла в угол, время от времени обнимая Джаро так крепко, что у него перехватывало дыхание, и укоряя его в недостаточной откровенности. Оказываясь в одном помещении с Джаро, они неоднократно заставляли его обещать, что он непременно будет сообщать им о любых будущих болезнях, недугах, болях, растяжениях, порезах, укусах и прыщах, самых незначительных, так как только они лучше всех знали, что было ему полезно или вредно. «По меньшей мере, — думал Джаро, — теперь проблема будет в руках других людей. Кто знает, что у них получится?»

Ответ на этот вопрос не заставил себя долго ждать.

Рабочее расписание не позволило Хильеру отлучиться из Института, и во время первого посещения комплекса «Бантун» Джаро сопровождала Альтея. Они прибыли в назначенное время, и их сразу провели к доктору Флорио, внимательно осмотревшему Джаро с головы до ног: «Значит, это и есть наш пациент? Он выглядит, как исключительно здоровый молодой человек. Как ты себя чувствуешь, Джаро?»

«Очень хорошо, благодарю вас».

«А! У тебя прекрасные манеры, тебе не приходится принуждать себя к вежливости, — доктор Флорио указал на белый плетеный стул. — Присаживайся, будь так любезен, и мы немного поговорим».

Пока что все шло хорошо. Доктор Флорио казался приятным, хотя и несколько многословным собеседником.

«А теперь вот что, Джаро! Наберись терпения и подожди минуточку-другую. Нам с твоей матерью нужно кое-что оформить». Врач отвел Альтею в приемную, где сидела секретарша, и объяснил, что ей следовало подписать целую пачку юридических документов. Дверь оставалась полуоткрытой — Джаро слышал, как они обсуждали бумаги.

«Прекрасно! — заявил наконец доктор Флорио. — Отныне нам не помешают никакие заковырки и закорючки. Будьте добры, освежите мою память — что именно беспокоит Джаро? Когда это началось?»

Альтея собралась с мыслями: «О том, что касается внутреннего голоса, Джаро может рассказать вам гораздо больше, чем я».

«В последнее время у него не было никаких травм головы? Он не падал, ни обо что не стучался, ни с кем не сталкивался?»

«Насколько мне известно, нет».

«И он ничем не болеет? Он выглядит здоровым — это действительно так?»

«Джаро совершенно здоров! Он никогда ничем не болел. Как мы уже упоминали, когда ему было шесть лет, его почти забила до смерти банда деревенских хулиганов, собиравшихся переломать ему все кости. Мы его вызволили, он чуть не умер. В больнице у него начались истерические судороги, лишавшие его последних сил. Его мучили какие-то воспоминания, доводившие до отчаяния, до безумия. Врачи не знали, как его спасти, и в качестве последнего средства терапевт решил стереть часть его памяти. Только поэтому он выжил, но теперь он не помнит большую часть всего, что происходило в течение первых шести лет его жизни».

«Любопытно! Где все это случилось? Не на Галлингейле, надо полагать?»

«Нет, — сказала Альтея, — мы нашли его...» Она внезапно замолчала. Наступила странная тишина — в этой скрытности было что-то нехарактерное для Альтеи. Дверь в кабинет тихонько прикрыли, и Джаро не слышал продолжение разговора.

Странно! Джаро до сих пор не знал, где имели место неприятные события его детства. Когда он спрашивал об этом, Фаты отвечали уклончиво: «Ну, скажем так, ты нам повстречался на небольшой малоизвестной планете, где мы занимались исследованиями. Все это в прошлом и на самом деле не имеет значения».

Подозрительная уклончивость!

Дверь открылась — доктор Флорио и Альтея зашли в кабинет, где их ожидал Джаро. Альтея настаивала на том, что Джаро чувствовал бы себя удобнее, если бы она присутствовала при первоначальном обследовании. Но доктор Флорио даже слышать об этом не хотел: «Совершенно исключено! Ваше присутствие не позволит Джаро отвечать на вопросы со всей откровенностью. Почему бы вам не выпить чаю в кафе? Оно в двух шагах — достаточно перейти внутренний двор».

Всем своим видом выражая неодобрение, Альтея направилась в кафе. Флорио пригласил Джаро пройти в процедурный кабинет — помещение с серо-зелеными стенами, словно испускавшими подводный свет. Указав Джаро на стул, он устроился за столом. Джаро ждал, готовый ко всему.

Доктор Флорио наконец приготовился и шлепнул ладонями по столу. Курс лечения начался: «Ну что же, Джаро, вот таким образом! Прежде всего нам следует познакомиться. Позволю себе заметить, ты производишь впечатление умного и способного молодого человека — несомненно, ты уже взобрался на несколько ступеней социальной лестницы. Полагаю, ты уже распротился с детскими забавами «Молодежного легиона»? Не замечаю никаких значков, но можно предположить, что тебя уже приняли в клуб «Сладких помидоров», а может быть, даже «Зуавов» или «Черномазых троллей?»»

«Я никто. Даже не профан».

«Ах да! Хм. Ха! — доктор Флорио приподнял брови. — Само собой. Каждому приходится всходить по иерархической лестнице в своем темпе — весомость придают самые различные свойства, иногда незаметные с первого взгляда. Но это сложные материи, и в данный момент мы не будем ими заниматься. Ты не возражаешь?»

«Не возражаю, доктор».

«Ну и ладно! А теперь расскажи о таинственных голосах, звучащих у тебя в голове. Мы их мигом приструним — так, что они запросят пощады!»

«Ситуация гораздо серьезнее, чем вы себе представляете — судя по тому, что вы говорите», — медленно произнес Джаро.

Брови доктора Флорио снова взметнулись, лучезарная улыбка на его розовом лице поблекла: «Даже так!» Врач задумался: «По-видимому, я тебя недооценил. Прошу прощения — попробую подойти к делу по-другому. Расскажи мне о голосе. Ты часто его слышишь?»

«Сперва он звучал редко — примерно раз в месяц, и тогда я едва его замечал. Но в прошлом году я слышал его несколько раз в неделю, а теперь он мне очень мешает. Похоже на то, что он появляется у меня в голове, и я не могу от него избавиться!»

Доктор Флорио тихо хмыкнул: «Это мужской голос или женский?»

«Мужской. Больше всего меня пугает то, что иногда он очень похож на мой собственный голос».

«Хм. Возможно, это имеет большое значение».

«Не думаю, — возразил Джаро. — Я твердо решил, что это не мой голос». Он принялся описывать — настолько подробно, насколько мог — звуки, возникавшие у него в голове: «В конце концов мне пришлось кому-то об этом рассказать, и вот — я попал сюда».

«Придется над всем этим крепко подумать, — признался Флорио. — Мне еще не приходилось иметь дело с таким явлением».

«Откуда происходит этот голос?» — с тревогой спросил Джаро.

Флорио покачал головой: «Не знаю. Можно предположить, что операция, которой тебя подвергли в детстве, искусственно соединила какие-то контуры, со временем становившиеся

все активнее и в конце концов создавшие иллюзию внутреннего голоса. Если это так, лечивший тебя врач, возможно, сделал ошибочное заключение. Мы узнаем больше после подробного обследования». Доктор Флорио поднялся на ноги: «Давай пройдем в лабораторию. Я хотел бы познакомить тебя с моими коллегами, докторами Виндлем и Гиссингом. Мы вместе займемся твоим случаем».

Через три часа доктор Флорио и Джаро вернулись в приемную. Альтея беспокойно разглядывала их лица. Джаро выглядел спокойным и сосредоточенным, хотя и несколько взъерошенным. Доктор Флорио, казалось, слегка приуныл и перестал приправлять речь выражениями, придававшими ему напускную жизнерадостность: «Для начала мы применили умеренный гипноз и средства, обостряющие память, но не узнали ничего существенного. Пока что я больше ничего не могу сказать — кроме того, что порекомендовал бы Джаро временно устроиться в одной из наших палат, выходящих в сад, где было бы удобно проводить дальнейшие терапевтические обследования».

Альтея запротестовала: «Я хорошо вас понимаю, но мы не хотим отрывать его от семьи и друзей! Мы хотели бы обсуждать с ним ваши процедуры и предлагать, по мере необходимости, свои советы. Если Джаро останется здесь, это будет невозможно!»

«Именно так, — сказал доктор Флорио. — Именно поэтому ему следует остаться здесь».

Альтея неохотно согласилась с требованиями врачей. «Не беспокойся! — сказала она, повернувшись к Джаро. — Мы тебя не бросим! Я буду приезжать каждый день и проводить с тобой как можно больше времени!»

Прокашлявшись, доктор Флорио поднял глаза к потолку: «Для всех нас было бы лучше, если бы вы ограничились более редкими и короткими свиданиями — скажем, на один час каждые три дня».

«Что вы говорите, доктор Флорио? — воскликнула Альтея. — Ведь это неразумно! Джаро нуждается в поддержке, а я хочу знать во всех подробностях о том, как проходит курс лечения!»

Доктор Флорио начинал раздражаться: «Мы предпочитаем не отчитываться о результатах регулярно. Пока состояние пациента не улучшится — а на внезапное улучшение обычно рассчитывать не приходится — мы не хотели бы преподносить вам наборы пустопорожних оптимистических фраз. Как только мы сможем объявить что-либо существенное, мы сразу с вами свяжемся».

«Нам трудно жить, не получая никаких сведений, — пожаловалась Альтея. — Мы очень беспокоимся».

Флорио уступил: «Мы будем ставить вас в известность обо всех применяемых процедурах. Например, сегодня мы погрузили Джаро в гипнотический транс, надеясь стимулировать появление внутреннего голоса — но безрезультатно. Затем мы приступили к подготовке схематических аналогов структуры мозга — они позволят проследивать синаптические связи. В нашем распоряжении самые современные автофлекссы и процессоры; тем не менее, моделирование мозга — деликатное и трудоемкое занятие, чреватое неожиданностями».

Поколебавшись, Альтея спросила: «Вы считаете, что вам удастся ему помочь?»

Доктор Флорио устремил на Альтею печальный взгляд — ее вопрос явно задел его за живое: «Разумеется, сударыня! Иначе у нас не было бы никаких оснований для весомости!»

Альтея наконец удалилась, а медсестра-домоправительница отвела Джаро в отдельную

палату. Тем временем три врача отправились в столовую комплекса, чтобы подкрепиться и побеседовать. Доктор Гиссинг был впечатлен сосредоточенным самообладанием их юного пациента: «У меня возникло жутковатое ощущение, что он наблюдает за нами внимательнее, чем мы за ним».

«Чепуха! — заявил доктор Виндль. — Вы проявляете признаки невроза, вызванного чувством вины».

«А у кого они не проявляются? Разве чувство вины — не плодотворнейший стимул, побуждающий каждого из нас приносить какую-то пользу вместо того, чтобы коптить небо?»

«Позвольте мне налить вам еще чаю», — прервал их доктор Флорио, и они отложили дальнейшее обсуждение этого вопроса.

Терапевтические сессии в больничном комплексе «Бантун» заполнили все существование Джаро. Работа продвигалась методически. Графопостроители прослеживали основные структуры его мозга как в двухмерных плоскостях, так и в трех измерениях. Его подсоединили к мониторам. Теперь, если бы внутренний голос снова появился, можно было идентифицировать соответствующую область мозга. Голос, однако, молчал — доктор Виндль, наиболее скептически настроенный из трех терапевтов, считал, что этот факт показателен сам по себе. «Не сомневаюсь, что у мальчика время от времени случались кошмары, — говорил он коллегам. — Он профан, он не чувствует почвы под ногами, ему кажется, что он вот-вот провалится. Известны сотни случаев подобной истерии».

Три врача сидели в библиотеке, где они ежедневно совещались, по традиции сопровождая беседу стаканчиком-другим дымчатого крепкого солодового напитка. Каждый занимал привычное место: доктор Флорио, с физиономией стареющего херувима, облокотился на стол посреди библиотеки; доктор Виндль, язвительный эрудит, устроился в кресле, перелистывая журнал; доктор Гиссинг беззаботно полуразвалился на софе, внимая разговору с безмятежно-просветленным лицом, словно он с наслаждением прислушивался к далеким и сладостным струнным аккордам. Именно это характерное для Гиссинга выражение доктор Виндль не слишком вежливо сравнивал с «мордой настороженной крысы».

Гиссинг укорял Виндля за чрезмерный скептицизм: «Послушайте! Мальчик очевидно говорит правду. Невозможно предположить, что ему нравится торчать в больнице и подвергаться процедурам. У него в жизни уже были какие-то трагедии, и он не хочет их возвращения».

«Несомненно, мы имеем дело с чем-то зловещим, — медленно произнес доктор Флорио. — Непонятный случай, выходящий за рамки моего опыта. Я говорю, конечно, не только о внутреннем голосе, но и о тех картинах, которые он еще помнит — об озаренных лунами кипарисах, о темной фигуре на фоне сумеречного неба. Меня невольно начинает интересовать то, что стерлось из памяти Джаро. Возможно, ему пришлось пережить нечто, от чего у нас самих началась бы истерика».

«Вероятно, часть потерянной памяти можно восстановить», — предположил доктор Гиссинг.

«Маловероятно! — решительно отрезал доктор Виндль. — Провалы на схемах слишком обширны!»

«Верно! Но разве вы не заметили остатки разрушенных матриц? Я насчитал дюжину с первого взгляда. Разумеется, все они в той или иной мере повреждены и со временем только блекнут».

Виндль раздраженно крикнул: «Они не поддаются осмыслению! У нас есть только разрозненные отправные точки, не связанные мнемоническими функциями. В них нет настоящей значимости».

«Существенной значимости нет, но они исключительно любопытны».

«Любопытны для вас — возможно. Но мы не можем тратить время, улавливая расплывчатые обрывки воспоминаний подобно сумасшедшему энтомологу, рискующему

утонуть в болоте, размахивая сачком в погоне за редкой бабочкой».

«Словоблудие, болтовня! — жизнерадостно подскочил доктор Гиссинг. — Вы забыли о моей весомости! Мы, «лемуры», любим приправлять сыр перцем. Если потребуется, я займусь этим без вашей помощи».

«Дражайший коллега! — бубнил доктор Виндль. — Нам хорошо известны ваши предпочтения. Нездоровый интерес к загадочным отклонениям от нормы может завести вас в тупик ложных умозаключений».

«Благодарю за предупреждение, — отозвался Гиссинг. — Впредь буду использовать свои терапевтические таланты со всей возможной предусмотрительностью».

Через неделю Фатов известили о том, что доктор Флорио хотел бы обсудить с ними состояние Джаро. Супруги-профессора прибыли в назначенное время, и их провели в консультационный кабинет Флорио. Врач появился, приветствовал Фатов, усадил их на стулья с мягкой обивкой, а сам присел на край стола. Переводя взгляд с лица Альтеи на Хильера и обратно, он сказал: «У меня есть для вас новости. Их невозможно назвать ни хорошими, ни плохими. Это всего лишь отчет о результатах, достигнутых на сегодняшний день».

Фатам нечего было ответить, и врач продолжал: «Мы добились своего рода прогресса — я скоро все объясню. Внутренний голос больше не появлялся. Если это был голос разумного существа, можно было бы подумать, что мы его спугнули, и оно скрылось в темном уголке сознания Джаро».

«Вы так считаете?» — огорченно воскликнула Альтея.

«В отсутствие явных свидетельств я не делаю никаких заключений, — возразил доктор Флорио. — Тем не менее, теперь есть основания считать, что голос на самом деле существует».

Хильер решил, что настало внести в разговор толику беспристрастной логики: «Меня удивляет ваша уверенность».

«Ваш скептицизм вполне уместен, — отреагировал Флорио. — Основания для моих выводов могут быть не вполне очевидны для человека, незнакомого с нарушениями функций центральной нервной системы. Постараюсь сформулировать их в общепонятных терминах. Резльтирующие концепции не отличаются ни элегантностью, ни точностью, но вы сможете в них разобраться самостоятельно. Я достаточно ясно выражаюсь?»

Хильер сухо кивнул: «Продолжайте».

«Для начала взгляните на происходящее со следующей точки зрения. Джаро слышал внутренний голос, и голос этот запечатлен в его памяти. В следующий раз, когда произошло то же самое, он снова это запомнил. Это происходило много раз, и мозг Джаро зарегистрировал группу мнемонических последовательностей. Таким образом, у него в памяти должна храниться информация, которую мы хотели бы проследить на структурных схемах. Прежде всего мы попытались стимулировать эту память в реальном масштабе времени, чтобы найти так называемую «кнопку включения» — безрезультатно. Затем мы попробовали умеренный гипноз, опять безуспешно.

Пришлось прибегнуть к другому средству. Существует препарат «Нияз-23», способствующий формированию глубокого гипнотического транса. Мы столкнулись с защитным барьером, но смогли обойти его с фланга, если можно так выразиться, и наконец обнаружили «кнопку включения» памяти. Установив связь с интересующей нас областью памяти, мы попросили Джаро имитировать, по мере возможности, услышанный им внутренний голос. Он выполнил нашу просьбу, что позволило записать последовательность исключительно странных звуков. Стоны, восклицания, нечленораздельные проклятия — все именно так, как он описывал. Такова, на данный момент, сущность наших достижений».

Хильер поджал губы: «Если я вас правильно понимаю, зарегистрированные вами звуки — не внутренний голос как таковой, а попытки Джаро воспроизвести то, что, как ему

кажется, он слышал. Другими словами, ваша запись — имитация того, что могло быть галлюцинацией в первую очередь?»

Некоторое время доктор Флорио изучал Хильера Фата; на лице врача больше не было блаженно-невинного выражения херувима, наблюдающего полет ангелов: «В целом вы правильно оценили ситуацию. Но у меня вызывает недоумение явно недоброжелательный тон ваших замечаний».

Хильер холодно улыбнулся: «Все очень просто. Вы ссылаетесь на то, что юристы называют «косвенными свидетельствами». Они не обладают достаточной доказательной силой».

Лицо Флорио прояснилось: «Глубоко благодарен вам за пронизательное наблюдение! Больше не о чем говорить. Примем в качестве исходной аксиомы тот факт, что я — готовый предаваться беспочвенным заблуждениям тупица и продолжим, принимая во внимание эту оговорку».

«Не стал бы прибегать к таким выражениям, — чопорно выпрямился Хильер. — Я всего лишь указал на недостаточную убедительность ваших заключений».

Доктор Флорио вздохнул. Обойдя стол, он уселся в кресло: «К сожалению, ваши замечания свидетельствуют о том, что вы до сих пор не уяснили себе направление нашего исследования. Тому виной моя неспособность излагать выводы достаточно четко. Постараюсь выразаться осторожнее. Повторяю: применяя исключительно сложные методы нейрофизиологического анализа, мы смогли стимулировать воспоминания об определенных событиях, в свою очередь позволивших нам проследить существенные векторы — направленные связи — на структурных схемах. В этом отношении, разумеется, содержание воспоминаний не имеет значения».

К облегчению врача, ни Альтея, ни Хильер не выразили желания прослушать звукозапись — что несомненно было бы для них неприятно и тягостно.

«Что ж! Позвольте изложить наш основной тезис, — продолжал Флорио. — Звуки, которые запомнил Джаро, загружены в различные индексированные нами ячейки коры головного мозга. Они не поступили в эти ячейки нормальными путями — то есть по слуховым нервным окончаниям. Маршрут их загрузки был иным. Поток сообщений оставляет след, продолжающий существовать в течение неопределенного времени. Применяя исключительно чувствительное оборудование, можно стимулировать память, а затем прослеживать последовательности синаптических связей к источнику воспоминания. Это в высшей степени деликатная процедура, позволяющая формировать векторы на структурных схемах. Я достаточно ясно выражаюсь?»

«То, о чем вы говорите, по всей видимости — очень сложный процесс, — проворчал Хильер. — Он осуществляется с какой-то определенной целью? Или вас устроит, так сказать, первый заяц, выскочивший из кустов?»

Доктор Флорио усмехнулся: «Будьте добры, проявите терпение и дайте мне закончить».

Хильер сухо кивнул: «Продолжайте — мы постараемся не отставать от ваших рассуждений в силу своих скромных способностей».

Флорио одобрил такой подход: «Вот именно! Терпение, терпение! А теперь — на чем я остановился? Ах да! В самом широком смысле, мы накапливаем данные и наблюдаем за образованием закономерности. Закономерность позволит определить направление лечения».

Альтея осторожно спросила: «Какова разница между «лечением» и «терапией», если между ними есть какая-то разница?»

«Существенной разницы нет. Но не следует забывать, что в настоящее время мы находимся на этапе диагностики».

Хильер произнес самым гнусавым, педантичным тоном: «Мы надеемся, что ваша терапия не приведет к повреждению каких-либо других умственных способностей Джаро».

Доктор Флорио принялся последовательно загибать пальцы: «Во-первых, первоначальная терапия в больнице Сронка сводилась к вмешательству только в память Джаро и никак не относилась к его умственным способностям. Это независимые функции, хотя они постоянно взаимодействуют. Во-вторых, в повторении такой терапии нет необходимости. В третьих, вопреки вашим опасениям, мы не настолько безответственны. Никто не станет шархаться в голове Джаро, как пьяный механик, обрывающий провода и оставляющий где попало гаечные ключи. У вас есть еще какие-нибудь вопросы?»

Хильер не был впечатлен тремя загнутыми пальцами доктора Флорио: «Как Джаро реагирует на все эти процедуры?»

Флорио пожал плечами: «Его сдержанность достойна похвалы. Он ни на что не жалуется; даже если он устает, он продолжает сотрудничать с нами настолько, насколько это в его силах. Вы можете им гордиться».

«О, мы им гордимся! — воскликнула Альтея. — Вы не можете себе представить, как мы им гордимся!»

Доктор Флорио поднялся на ноги: «Не могу больше ничего сказать до тех пор, пока не завершится следующий этап нашей работы. На это может уйти еще одна неделя».

Через четыре дня, когда уже вечерело, доктор Флорио присоединился к коллегам в помещении для совещаний. Молодая женщина в аккуратной, белой с голубым форме младшей медсестры подала им чай и ореховое печенье. Некоторое время три мудреца молча сидели, развалившись в креслах, словно обессиленные утомительным упражнением. Постепенно напряжение разрядилось. Доктор Флорио вздохнул, протянул руку к чашке с чаем и сказал: «По меньшей мере мы больше не продвигаемся вслепую. Это само по себе радует».

Доктор Виндль хмыкнул: «Не исключено, что он просто морочит нам голову».

Флорио снова вздохнул: «Это было бы невероятнее всего».

«А какие еще гипотезы у нас остались? — воскликнул Виндль. — Волей-неволей приходится признать, что это явление контролируется чьим-то более или менее рациональным сознанием!»

Доктор Гиссинг с издевательским укором погрозил Виндлю пальцем: «С таким же успехом можно было бы утверждать, что мы волей-неволей вынуждены признать влияние зодиакальной астрологии, объясняя утренний восход солнца». ^[8]

«От меня ускользает логика ваших замечаний», — отозвался доктор Виндль.

Гиссинг с готовностью пояснил: «Наличие «контролирующего сознания», если оно не воздействует извне, означало бы раздвоение личности. Если же оно воздействует извне, мы вынуждены рассмотреть возможность существования телепатического источника — что, насколько мне известно, выходит за рамки нашей квалификации».

В голосе Виндля проявилась некоторая резкость: «Вы предложили нам полезную номенклатуру. Позвольте заметить, однако, что присвоить заболеванию наименование — не то же самое, что найти способ его исцеления».

«Все это несущественно! — раздраженно махнул рукой Флорио. — Векторы указывают на конкретное мозговое образование, а именно на бляшку Огга».

Доктор Виндль неодобрительно хмыкнул: «Вы заманиваете нас в ловушку мистицизма. Если мы повесим себе на шею такое ядро, нам это дорого обойдется — и в том, что касается эффективности исследований, и в том, что относится к престижу нашей фирмы!»

«Цель заключается в выяснении истины, — возразил доктор Гиссинг. — Не следует захлопывать дверь перед носом любой теории, если она не носит чисто механистический характер».

«Каково же, в таком случае, ваше заключение?» — потребовал ответа Виндль.

«Я считаю, что в данном случае нельзя говорить о простом помешательстве», — сказал Гиссинг.

«В этом я с вами полностью согласен», — весомо отозвался Флорио.

Прозвучал звонок. Доктор Флорио поднялся на ноги: «Прибыли Фаты. Придется изложить им факты, как они есть. Не вижу другого выхода».

Доктор Виндль взглянул на часы: «Сегодня я не смогу участвовать в консультации — уже опаздываю на совещание. Представьте родителям фактический отчет, не занимаясь обычными догматическими разглагольствованиями, и все будет в порядке».

Доктор Флорио поморщился, но рассмеялся: «Мои «догматические

разглагольствования», как вы изволили выразиться — не более, чем поддержание взаимовыгодных отношений с клиентурой. Без них вы все еще постукивали бы стареющих дам по коленям резиновым молоточком».

«Да-да, разумеется, — не стал спорить Виндль. — Делайте, как знаете». Он удалился.

«Мне тоже придется вас покинуть, — огорченно сказал доктор Гиссинг. — Я давно пытаюсь просунуться, правдами и неправдами, в круг «Жирандолей». Сегодня настает решающий момент: у них состоится церемония «усмирения простаков», и мне надлежит явиться, чтобы меня усмирили. Кто знает? Может быть, ваш партнер станет членом клуба «Жирандолей» уже через несколько дней!»

«Что ж, ступайте! Усмиряйтесь на здоровье! — прорычал Флорио. — Мне придется иметь дело с Фатами одному — что, скорее всего, к лучшему в любом случае».

Доктор Флорио вышел в приемную к ожидавшим его родителям Джаро. Те сидели молча, с печально сосредоточенными лицами. Сегодня Хильер надел свободные брюки из коричневато-серой саржи и темно-коричневый свитер с черными рукавами. На Альтее были темно-зеленая юбка, белая блуза и темно-оранжевая безрукавка из мягкого бугорчатого материала. Флорио слегка удивился тому, что они не щеголяли никакими значками или символами, свидетельствовавшими о статусе, но тут же вспомнил, что перед ним — профаны. Не станут же они носить значки, оповещающие об этом всех и каждого! Проскользнув в кресло за столом, доктор Флорио вежливо поздоровался с профессорами. Те ответили примерно тем же, внимательно наблюдая за ним — они уже чувствовали, что им предстоит услышать какие-то новости.

Флорио сказал: «Мы добились явного прогресса в том, что относится к состоянию вашего сына. Остаются неразгаданные тайны, но мы наконец оказались с ними лицом к лицу».

Альтея спросила дрожащим голосом: «Вы нас порадуете или огорчите?»

«Ни то, ни другое. Вам придется самим составить мнение о значении наших результатов».

«Очень хорошо! — вмешался Хильер. — Скажите: что вам удалось узнать?»

«Как вам известно, мы систематически изучали структуру сознания Джаро, регистрируя на схемах векторы, указывающие интенсивность и направление связей. К нашему удивлению, интересующие нас векторы указывали на малозаметное небольшое сплетение нервной ткани, именуемое «бляшкой Огга» и расположенное с тыльной стороны продолговатого мозга. Сегодня, по мере того, как мы изучали эту область, Джаро начал время от времени издавать звуки. Эти звуки нас не очень интересовали, но мы их регистрировали. А затем зондирующая вибрация, по-видимому, стимулировала особый участок бляшки Огга, и теперь вы услышите то, что последовало».

Доктор Флорио поставил на стол небольшую черную коробку: «Вслед за посторонними шумами и сигналом оповещения о начале записи вы услышите голос Джаро. Предупреждаю вас: он звучит странно. Соберитесь с духом — запись может вас потревожить». Врач прикоснулся к кнопке, после чего повернулся в кресле и стал ждать, наблюдая за Фатами.

Из коробки донеслись звуки: шелест бумаг, какие-то шаги и постукивание, бормотание доктора Флорио, обращавшегося к помощнику, скрежет, тихий сигнал, напоминающий звон колокольчика, а за ним — голос, низкий, хриплый и напряженный. Голос формировался в глотке Джаро, но практически ничем не напоминал ни обычный тон Джаро, ни его манеру выражаться. Голос взывал — негромко, но отчаянно: «О, жизнь моя! Моя драгоценная жизнь! Она проходит, а я беспомощен во мраке! Я — затерянная душа; жизнь моя сочится, иссыкает по капле с каждым вдохом и выдохом — исчезает, испаряется! Проходит бесследно! Я всеми забыт в темной бездне, а моя чудесная, драгоценная жизнь проходит». Голос всхлипнул, после чего зазвучал еще отчаяннее: «За что мне такая судьба, забытому во мраке — навсегда, на веки вечные?» Снова послышались приглушенные всхлипывания, наступила тишина.

Из коробки послышался голос доктора Флорио, напряженный и резкий: «Кто ты?»

Скажи, как тебя зовут?»

Ответа не было. Коробка молчала — молчанием одиночества и пустоты.

Доктор Флорио прикоснулся к кнопке и прекратил воспроизведение. Повернувшись, он оказался лицом к лицу не с теми Фатами, каких он знал, а с двумя незнакомцами с белыми вытянутыми лицами и огромными округлившимися глазами, подобными лужицам черной жидкости. Флорио моргнул: видение исчезло, вернулась действительность. Словно со стороны, Флорио услышал собственный голос, автоматически говоривший: «Впервые нам удалось получить конкретную информацию. Для нас это хорошие новости: мы рады тому, что больше не гоняемся за призраком — точнее, тому, что теперь мы знаем, где прячется призрак».

«Откуда происходит этот голос? — тихо воскликнула Альтея. — Разве это Джаро?»

Доктор Флорио развел руками и беспомощно опустил их: «Мы еще не смогли сделать осмысленные выводы. На первый взгляд возникает впечатление, что перед нами классический случай раздвоения личности. Но в таком диагнозе приходится сомневаться по нескольким техническим причинам, в подробности которых я не хотел бы сейчас вдаваться».

Хильер неуверенно спросил: «Какие еще существуют возможности?»

Флорио осторожно ответил: «На данном этапе остается только строить гипотетические предположения, а они могут вводить в заблуждение».

Хильер уныло усмехнулся: «Я не прочь рассмотреть любые предположения, принимая во внимание их гипотетический характер. Например, в Сронке стерли часть памяти Джаро. Возможно ли, что по ошибке целая область мозга — сознания, если хотите — была изолирована и лишена связи с органами чувств? Может быть, мы слышим призывы о помощи, исходящие из этой изолированной области?»

Доктор Флорио задумался: «Удачная идея и, казалось бы, даже правдоподобная. Но любой такой изолированный сегмент неизбежно проявился бы на структурной схеме. Следовательно, разгадка не в этом, несмотря на привлекательную простоту вашей гипотезы».

«Тем не менее, должно иметь место нечто подобное?»

«Возможно».

«Но вы сможете помочь Джаро?» — осмелилась спросить Альтея.

«Да — хотя я еще не совсем понимаю, с чего начать. Если бы мы узнали прошлое Джаро, может быть, нам удалось бы изгнать этот печальный призрак, навязчиво преследующий его изнутри».

«Это было бы, конечно, целесообразно, — отозвалась Альтея, — но практически неосуществимо».

«Невозможно! — заявил Хильер. — Потребовались бы многократные межзвездные полеты и большие затраты времени и денег, а следы происходившего много лет тому назад давно простыли, и у нас все равно не будет почти никакого шанса на успех».

«Боюсь, что это так», — подтвердил Флорио.

«Значит, вы не испытываете особого оптимизма по поводу дальнейших перспектив Джаро», — тоскливо сказала Альтея.

Доктор Флорио поморщился: «Не хотел бы внушать вам ложные надежды, но в то же время нет никаких причин отчаиваться. Мы просто-напросто еще не накопили достаточный объем информации».

Хильер скептически разглядывал врача: «И это все, что вы можете сказать?»

Флорио помолчал несколько секунд: «Как правило, мы не раскрываем необработанную информацию, пока она не будет полностью проанализирована. Тем не менее, не вижу никакого вреда в том, чтобы указать на обстоятельство, способное вас заинтересовать».

Доктор Флорио прервался, собираясь с мыслями. Хильер потерял терпение: «Так что же? В чем дело?»

Бросив на Хильера укоризненный взгляд, Флорио сказал: «Во время обследований и процедур постоянно работают мониторы, регистрирующие слабые токи, свидетельствующие об активности мозга. Когда говорил записанный «внутренний голос», мониторы не регистрировали никакой активности. Точнее говоря, если бы этот голос стимулировался памятью, следовало бы ожидать характерных всплесков активности в соответствующих областях мозга. Такие всплески не наблюдались».

«Что это значит?»

«Мой вывод подлежит дальнейшей проверке, но по сути дела это значит, что голос исходит из внешнего источника, находящегося за пределами мозга и сознания Джаро».

Наступило молчание, после чего Хильер напряженно заметил: «В это трудно поверить. Ваша концепция граничит с мистицизмом».

Доктор Флорио пожал плечами: «Я не могу нести ответственность за тот или иной характер неизбежных выводов. Могу оперировать только имеющимися конкретными данными».

Супруги Фаты поднялись на ноги и направились к двери. Доктор Флорио провожал их до вестибюля. «Вы интересовались гипотетическими предположениями, — сказал он по пути Хильеру. — Теперь в вашем распоряжении есть факты, и вы можете строить всевозможные предположения. Я сделаю то же самое — как только приму душ, переоденусь в легкий полотняный костюм и устроюсь за стойкой бара в салоне клуба «Палиндром», где мне тут же подадут пару горьких коктейлей с джином».

Еще через неделю, когда доктор Флорио снова совещался с Фатами в приемной, он явился в сопровождении Джаро. Альтее показалось, что Джаро побледнел и слегка осунулся, но оставался спокойным и уверенным в себе.

Джаро устроился на софе между Хильером и Альтеей. Доктор Флорио присел на край стола: «Мы имеем дело с загадочным случаем — хотя теперь понимаем его несколько лучше. По сути дела, нам удалось положить конец проблемам, мучившим Джаро — по меньшей мере, в данный момент возникает такое впечатление».

«Прекрасная новость!» — воскликнула Альтея.

Доктор Флорио кивнул, но без энтузиазма: «Не могу сказать, что я полностью удовлетворен. Использованный нами метод нельзя назвать ни элегантным решением задачи, ни блестящей импровизацией, ни даже процедурой, продиктованной классической теорией. Вместо этого мы проявили грубый, примитивный прагматизм, единственным достоинством которого является успех».

Возбужденная Альтея весело рассмеялась: «Разве этого не достаточно? Вы слишком скромно отзываетесь о своем достижении!»

Флорио печально покачал головой: «Наша цель заключалась в том, чтобы разгадать тайну — тайну фундаментального значения. По существу, требовалось ответить на вопрос: генерировался ли голос внутренне, в памяти Джаро, или внешне, посредством какого-то воздействия, подобного телепатии? В ходе исследования мы более или менее случайно обнаружили способ избавить Джаро от этого нарушения. Голос больше не стонет и не проклинает судьбу у него в голове — теперь остается только выключить оборудование и объявить славную победу».

Хильер поджал губы. Помпезное легкомыслие доктора Флорио — если можно было так назвать его способ выражаться — больше не казалось профессору подобающим случаю; оно начинало действовать ему на нервы. «Прошу прощения, — сказал Хильер, — но мне не совсем понятно, что именно вы пытаетесь сказать».

«Все очень просто — постараюсь не злоупотреблять терминологией».

«Будьте так любезны», — процедил Хильер.

«Разумеется, разумеется! — доктор Флорио не мог даже подозревать, что смиренный научный сотрудник, не имеющий никакого социального статуса, мог испытывать к нему, к его профессиональной репутации и к его принадлежности к клубу «Палиндром» что-либо, кроме благоговейного почтения. — Как я упомянул, мы определили область мозга, по-видимому являющуюся средоточием проблемы: скопление губчатой нервной ткани с тыльной стороны продолговатого мозга, известное под наименованием «бляшка Огга». Случайная стимуляция этого образования привела к регистрации голоса, который вы слышали. Мы пытались стимулировать этот участок снова, что не позволило получить последовательные результаты. Нам так и не удалось ответить на основной вопрос: что именно служило источником внутреннего голоса? Теперь этот вопрос отпал».

«Почему же?»

Флорио помолчал, выбирая слова, и ответил: «Попросту говоря, мы изолировали бляшку Огга от входящих нервных окончаний, заключив ее в оболочку из паннакса. Теперь этот

небольшой участок мозга находится в капсуле, непроницаемой для синаптических сигналов. Как только мы это сделали, шумы, связанные с бляшкой Огга, исчезли. Джаро сразу ощутил нечто вроде облегчения или освобождения. Он чувствует, что голос замолчал, и его это более чем устраивает. Не так ли, Джаро?»

«Вы правы», — кивнул Джаро.

Хильер не преминул подметить некоторую неуверенность в ответе Джаро и резко спросил: «Что-нибудь не так? Тебе чем-то не понравилось то, что с тобой сделали?»

«Нет-нет! Все в порядке! Я просто боюсь, что со временем это средство перестанет действовать, и голос вернется».

«Значит, ты считаешь, что голос проникает откуда-то снаружи?» — спросила Альтея.

«Да».

Альтея поежилась: «В этом есть что-то сверхъестественное».

Хильер сохранял бесстрастную, рациональную невозмутимость: «Если бы голос объяснялся тем, что называется «раздвоением личности», тебе тоже могло бы казаться, что он проникает снаружи».

Доктор Флорио улыбнулся самодовольно-благодушной улыбкой, выведившей Хильера из себя: «Вы хотели бы получить разъяснения еще по каким-нибудь вопросам?»

«Хотел бы, несомненно! — сухо отозвался Хильер. — Например, возникает вопрос о побочных эффектах. Вы изолировали орган в голове Джаро. Разве это не серьезное вмешательство в деятельность мозга?»

«Скорее всего, нет. Бляшку Огга изучали много тысяч лет. Большинство исследователей придерживается того мнения, что она — не более чем рудимент, остаточное образование, потерявшее функциональное значение».

«И все же возникает впечатление, что вы нарушили связи, значение которых не совсем понимаете».

«Если вы желаете получить односложный ответ, — терпеливо произнес доктор Флорио, — да, это так. Мы намерены продолжать наблюдение за состоянием Джаро. Его проблема контролируется — теперь предстоит узнать, приведет ли это к каким-либо последствиям. Надеюсь, что последствий не будет».

«Стимулируется ли бляшка Огга гипнозом? — спросила Альтея. — Влияет ли она каким-нибудь образом на гипнотическое внушение?»

«Совершенно исключено! Гипноз воздействует на другие области мозга, причем процесс внушения контролируется гипнотизером, а не гипнотизируемым. Есть еще какие-нибудь вопросы? Нет? В таком случае я хотел бы высказать одно наблюдение, относящееся к Джаро. На протяжении нашего исследования он заслужил нашу привязанность и наше уважение. Он проявил настойчивость, храбрость и целеустремленность — черты характера, которыми можно только гордиться. Кроме того, он хорошо воспитан, жизнерадостен и вежлив. Я понимаю, что вы не примкнули к каким-либо социальным структурам, помимо профессиональных, но если Джаро решит заняться восхождением по иерархической лестнице, его ждет блистательный успех — ему свойственна врожденная весомость, неизбежно позволяющая занять высокое общественное положение».

Альтея быстро обняла Джаро: «Ты слышишь? Доктор Флорио тобой доволен! Теперь, может быть, ты возьмешь себя в руки и с такой же настойчивостью займешься учебой вместо того, чтобы блуждать мыслями в облаках и мечтать о космосе».

Флорио покровительственно рассмеялся: «В возрасте Джаро мы все — неисправимые

романтики! В свое время я мечтал стать самым прытким, самым пробивным нападающим ровербольного клуба «Каниль»». Врач обратился к Джаро: «Прислушайся к словам матери, Джаро — она правильно понимает вещи. Работа в космосе не придает никакого статуса — и, хотя в том, чтобы оставаться профаном, нет ничего плохого, почему бы не взять от жизни все, что она может тебе дать? Готовься к восхождению на вершину!»

«Хмф! — фыркнул Хильер. — Джаро намерен сосредоточиться на академической карьере; возможно, ему не следует тратить время на приобретение весомости, испытывая мучительные уколы самолюбия каждый раз, когда ему будут отказывать в приеме в какой-нибудь элитный клуб».

Доктор Флорио благосклонно улыбнулся: «Такой подход, разумеется, имеет право на существование и в каком-то смысле вполне обоснован. Ну что же — желаю вам всего наилучшего!»

Время, проведенное Джаро на Бантунском холме, практически совпало с весенними каникулами в Ланголенской гимназии, что позволило ему вернуться к школьным занятиям, почти ничего не пропустив. Тем не менее, теперь все казалось ему другим. Освобождение от внутреннего бремени приводило его в почти эйфорическое состояние. Он был уверен в своей компетентности; ничто не могло остановить его на избранном пути! Да, возможно, ему предстояло узнать неприятные и даже более чем неприятные факты — он отчетливо ощущал, что в годы раннего детства ему пришлось столкнуться с чем-то мрачным и зловещим, что оставшееся в прошлом зло вполне могло протянуть щупальца в будущее. Где-то, в каком-то темном и пустынном месте замолкнувший в его голове голос продолжал стонать и рыдать в полном одиночестве.

Где?

Почему?

Что ему следовало искать?

У Джаро не было никаких сведений, позволявших ответить на эти вопросы. Супруги Фаты отказывались строить предположения по поводу его слуховых галлюцинаций и не хотели даже обсуждать их. Хильер официально объявил происшедшее «несущественным коротким замыканием», случайным последствием предшествовавшего вмешательства в умственные процессы Джаро, отныне навсегда устраненным. Родители всегда скрывали от Джаро обстоятельства его детства. Когда он спрашивал об этом, они ограничивались расплывчатыми общими фразами. Безымянный заморыщ, найденный на обочине дороги, больше не существовал даже в их памяти — существовал только Джаро Фат, талантливый молодой человек, которому суждена была выдающаяся академическая карьера. Конечно, профессора Фаты не хотели ни в чем его ущемлять — они всего лишь хотели, чтобы он стал таким же, как они, что свойственно любым родителям. Госпожа Виртц приветствовала его в гимназии пронизательным оценивающим взглядом и похлопала по плечу. Она не задавала вопросов, хотя Джаро прекрасно понимал, что Айдора Виртц подробно обсуждала его состояние и его успехи с Альтеей. Так или иначе, Джаро это мало беспокоило. Теперь, вернувшись в школу, он рассматривал одноклассников с новой точки зрения. Больше, чем когда-либо, он чувствовал, что не принадлежит к их числу, что он не такой, как они. Почти все они стремились к восхождению по социальной лестнице. Примерно половина его сверстников носила синие с белым значки «Молодежного легиона». Других уже приняли в клуб «Сладких помидоров», а некоторые могли похвастаться вхождением в избранный круг «Зуавов». В классе было еще два ученика-профана, мальчик и девочка; как правило, они тихо сидели за задней партой. Мальчик, так же, как и Джаро, происходил из семьи институтских научных сотрудников, а девочка недавно прибыла с другой планеты — поговаривали, что она придерживается какой-то необычной диеты. Кроме того, у них в классе была представительница недостижимых и неподражаемых «Устричных кексов»: Скирлет Хутценрайтер.

Дальнейшее наблюдение за сверстниками только укрепило в Джаро ощущение своей исключительности. Одноклассники видели в нем не только профана, но и нелюдиму, даже недружелюбную личность, сторонившуюся коллективных развлечений и, вероятно,

погруженную в того или иного рода мистицизм. Несколько раз Джаро объяснял им, что намеревался стать астронавтом, в связи с чем восхождение по социальным ступеням Танета было бы для него пустой тратой времени. Никто не позаботился прислушаться к его словам. В любом случае, все это не имело значения. В следующем году Джаро должен был поступить в Лицей, где собирался сосредоточиться на предметах, относившихся к космосу — астрономии, истории и географии Древней Земли, морфологии Ойкумены, космической технологии и биографиях искателей, а также на вечно удаляющейся пограничной области, отделявшей более или менее цивилизованную Ойкумену от Запределья. Он намеревался также одолеть все двенадцать томов «ЖИЗНИ» барона Бодиссея, что могло заслужить одобрение Хильера. Впрочем, не обязательно: наблюдения и выводы барона были тесно связаны с космическими исследованиями и путешествиями, выходившими за рамки общеизвестного пространства, тогда как для многих людей, в том числе для супругов Фатов, Ойкумена была более чем достаточно велика; они считали, что астронавтов — навигаторов и космических механиков — тоже было более чем достаточно. Фаты уже определили программу будущей карьеры Джаро, гармонировав ее с их идеалами. Следовало ожидать поэтому, что планы самого Джаро встретят сопротивление в его семье. Мысль об этом его огорчала, так как он любил Альтею и Хильера, посвятивших столько времени и сил его благополучию. Но удобного выхода из сложившейся ситуации не было. Джаро несколько не привлекала академическая деятельность — не больше, чем перспектива стать уважаемым членом клуба «Лохмачей» или «Устричных кексов». Джаро вспомнил о Тоуне Мэйхаке — вот к кому можно было потихоньку обратиться за советом!

С тех пор, как Джаро в последний раз видел Мэйхака, прошла неделя. На этот раз получив неохотное разрешение профессоров Фатов, Мэйхак решил показать Джаро космический терминал. Пройдя через просторный вестибюль космопорта, они проникли в длинный ангар и прошли вдоль вереницы космических яхт всевозможных размеров и разновидностей. Они не торопились, внимательно рассматривая по очереди каждый сверкающий частный звездолет, оценивая их оснастку и удобства, мощность двигателей и особое дерзкое величие, свойственное только космическим кораблям и никаким другим произведениям рук человеческих.

В ремонтной мастерской космопорта Мэйхак познакомил Джаро со своим бригадиром, Трио Хартунгом, а также с обладателем зверской уродливой физиономии по имени Гэйнг Нейтцбек — тот ограничился молчаливым кивком.

Покинув мастерскую, Мэйхак привел Джаро в кафе под открытым небом, на краю площади перед зданием космопорта. Заказав чаю и пирожных с кремом, Мэйхак спросил Джаро, что он думает о Хартунге и Нейтцбеке. Джаро поразмышлял, после чего ответил: «Господин Хартунг производит впечатление человека надежного и достаточно дружелюбного. Мне он, пожалуй, понравился».

«Не могу ничего возразить. А как насчет Гэйнга Нейтцбека?»

Джаро нахмурился: «Не знаю. Он выглядит очень мрачно».

Мэйхак расхохотался: «Не все то золото, что блестит. То есть наоборот. В любом случае, не суди о нем по внешности. Хотя, конечно, в застенчивости его не обвинишь».

«Значит, вы его давно знаете?»

«О да. Позволь поинтересоваться: когда Фаты привезли тебя в Танет, ты что-нибудь помнил из своего прошлого?»

«Ничего особенного».

«И ты не знаешь, где тебя наши?»

«Нет. Они не скажут, пока я не закончу Институт».

«Хм. Расскажи все, что помнишь».

Джаро рассказал о картинах, еще возникавших в его памяти, и о сопутствовавших им ощущениях.

Мэйхак слушал чрезвычайно внимательно, впившись глазами в лицо Джаро так, словно выражение лица могло объяснить больше слов: «И это все, ты больше ничего не помнишь?»

Джаро смотрел куда-то вдаль: «Раз или два — не могу сказать точно — мне снилась моя мать. Не помню, как она выглядела — помню только ее присутствие и голос. Она говорила: «Бедный маленький Джаро! Как я не хотела возлагать это бремя на твои плечи! Но ничего не поделаешь». Что-то в этом роде. У нее был очень печальный голос — когда я проснулся, я чуть не заплакал».

«О каком «бремене» она говорила?»

«Не знаю. Иногда, когда я о ней думаю, мне кажется, что я должен сделать что-то важное, но когда я пытаюсь вспомнить, нить ускользает».

«Гм. Любопытно. А еще что-нибудь ты помнишь?»

Джаро поморщился: «Есть еще одна вещь. Думаю, она связана с садом под двумя лунами». Джаро рассказал Мэйхаку о скорбном голосе, причинявшем ему столько беспокойств. Он рассказал также об обследовании и лечении в комплексе «Бантун», о горестных хриплых восклицаниях, зарегистрированных звукозаписывающим устройством: «Врачи не могут это объяснить ничем, кроме телепатии. Но они мне помогли — теперь, наконец, меня не тревожит никакой голос».

По мере того, как Джаро говорил, внешний вид Мэйхака заметно менялся. Он напряженно наклонился вперед и застыл, словно в рассказе Джаро для него было что-то одновременно непреодолимо притягательное и вызывающее ужас. Джаро предположил даже, что Мэйхаку, может быть, пришлось пережить такое же вторжение в его сознание.

В конце концов Мэйхак сказал: «Достопримечательная последовательность событий!»

Джаро кивнул: «Я рад, что голос замолчал».

Откинувшись на спинку стула, Мэйхак тоже посмотрел куда-то вдаль и спросил: «Значит, этот голос больше вообще не появляется?»

«По-моему, нет. Иногда я слышу что-то вроде едва заметного отзвука — знаете, как бывает, когда заходишь в комнату, где кто-то только что кончил говорить».

«Очень хорошо! — Мэйхак поднялся на ноги. — Мне нужно вернуться в мастерскую».

Мэйхак удалился. Джаро провожал глазами его пружинисто шагающую фигуру, пересекавшую площадь и скрывающуюся в здании космопорта. Некоторое время Джаро продолжал сидеть, задумавшись о странном поведении своего знакомого. Мэйхак не был просто удивлен его рассказом — он был явно чем-то потрясен.

Джаро, окутанный тайнами пуще прежнего, вернулся в Приют Сильфид.

Шло время, и Джаро долго не встречался с Мэйхаком, больше не приходившим в гости, и не получал от него никаких сообщений. Может быть, следовало его пригласить? Джаро подозревал причину такого длительного отсутствия. С точки зрения Фатов, Мэйхак больше не был аспирантом Института, интересовавшимся эзотерической музыкой и причудливыми инструментами. Теперь он работал в космическом терминале. Так как он посетил множество далеких планет и провел значительную часть жизни в открытом космосе, профессора Фаты опасались его влияния на Джаро. Если Джаро нужно было брать с кого-то

пример, они предпочитали, чтобы таким образом был Хильер Фат, а не Тоун Мэйхак — не только астронавт, но и далеко не пацифист!

Джаро невесело усмехнулся. Все было ясно. Благожелательные и любящие родители, Фаты накладывали на него обременительные ограничения. Джаро понимал, что Мэйхаку нравилось проводить время в его компании; следовало как можно скорее его разыскать и глубже проникнуть в мучительно дразнящие тайны, частью которых теперь стал Тоун Мэйхак.

Утром Джаро вернулся в школу и полностью сосредоточился на занятиях, словно подвергая себя отшельническому обету. Во время обеденного перерыва Джаро проходил по внутреннему двору гимназии мимо Ханафера Глакеншоу. Ханафер рассеянно взглянул на него — но не забыл усмехнуться и фыркнуть, чтобы подчеркнуть постоянство и неизбежность презрения к профану. Джаро ухом не повел.

Ситуация, однако, становилась неприятной. Презрение Ханафера, конечно, могло и не привести ни к каким последствиям — но возникало впечатление, что рано или поздно оно могло выразиться в действиях, которые Джаро больше не мог бы игнорировать. Что тогда? Что, если Ханафер нападет на него и заставит обороняться? Самозащита не соответствовала мировоззрению профессоров Фатов. Они напомнили бы ему, что законы не требовали от него нанесения ударов или причинения боли другому человеческому существу, независимо от масштабов или характера провокации. А их собственные высокие этические представления требовали, чтобы Джаро вежливо заявил об отказе прибегать к насилию и удалился, не продолжая участвовать в конфликте. Таким образом, по мнению Фатов, он пристыдил бы противника и вызвал бы раскаяние у пособников обидчика, а сам мог бы наслаждаться плодами благодетельства и целомудрия. И снова на губах Джаро появилась печальная усмешка. Супруги Фаты не позволяли ему заниматься физическими упражнениями, связанными с нанесением ударов или каким-либо единоборством; поэтому в случае нападения он не сумел бы успешно защищаться, и Ханафер, конечно же, оттузил бы его на славу.

Это умозаключение бесконечно раздражало Джаро. Неспособность к самозащите могла поставить его в исключительно неудобное положение — с этим нужно было что-то делать.

Вечером первого дня второго полугодия Джаро отправился в библиотеку и позаимствовал там пухлый справочник, содержащий описания различных приемов рукопашной схватки. Выйдя из библиотеки, Джаро присел на бетонную скамью во дворе гимназии, чтобы просмотреть справочник. Вскоре он заметил, что кто-то присел на ту же скамью с другого конца. Соседкой оказалась знаменитая Скирлет Хутценрайтер — она никогда не задумывалась о приобретении весомости, так как ей от рождения принадлежало право занять место среди «Устричных кексов», на заоблачной вершине социальной пирамиды. Скирлет присела на скамью бочком, подложив одну ногу под другую, положив одну руку на спинку скамьи и опустив другую на колени — тем самым демонстрируя элегантно-небрежную позу, не ускользнувшую от внимания Джаро прежде, чем он вернулся к созерцанию схем, пояснявших, как следовало выворачивать руки и пережимать горло.

Прошло несколько секунд. Джаро покосился на Скирлет и обнаружил, что та внимательно его разглядывает пронизательными ярко-серыми глазами. Лицо ее обрамляли несколько взъерошенные, но аккуратно подстриженные черные локоны; как обычно, сегодня она надела что-то первое попавшееся — синюю крестьянскую блузу, для нее слишком просторную, и светло-бежевые, почти белые парусиновые брюки, привлекательно

облегавшие ее округлые бедра. Джаро вздохнул и снова погрузился в справочник, чувствуя, как у него по коже пробежали мурашки приятного возбуждения. Раньше Скирлет едва его замечала; теперь она следила за каждым его движением. Странно! Что у нее в голове? Если теперь он с ней заговорит, а она его оборвет — чего следовало ожидать — его это огорчило бы, и он только потерял бы время на скорбные размышления. Поэтому Джаро решил молчать.

Судя по всему, Скирлет догадалась о ходе его мыслей и позволила себе довольно-таки надменную улыбку.

Джаро с достоинством выпрямился. План был безупречен: следовало полностью игнорировать обольстительную соседку, пока та не соскучится и не побежит развлекаться каким-нибудь другим способом. Настроения девушек переменчивы, как весенний ветер; они неспособны сосредоточиться на чем-нибудь одном больше трех минут. Скирлет позвала его: «Эй! Привет!»

Джаро окинул ее взглядом, сохраняя каменное выражение лица. Это существо следовало рассматривать как непредсказуемое проявление стихийных сил, требовавшее исключительной осторожности.

Скирлет снова нарушила молчание: «Ты жив или уже умер? Или просто в коматозном состоянии?»

«Насколько мне известно, я еще жив», — чопорно отозвался Джаро.

«Хорошо сказано! Тебя зовут Джаро Фат, не так ли?»

«И так, и не так».

Уклончивость Джаро заставила Скирлет поднять брови: «Как это понимать?»

«Фаты — мои приемные родители».

«Ага! Значит, у тебя есть другая фамилия?»

«Скорее всего, — Джаро рассмотрел ее с головы до ног. — А ты кто такая?»

Потрясенная Скирлет слегка отшатнулась: «То есть как, кто я такая? Я — Скирлет Хутценрайтер, разве ты не знаешь?»

«Припоминаю — у тебя странное имя».

Скирлет сдержанно пояснила: «Скирлет — уменьшительное производное от наименования «Шкирзакзайн»; так называется поместье моей матери на Мармоне, где находится ее дворец Пири-Пири».

«Все это звучит очень величественно».

Скирлет безрадостно кивнула: «Там все величественно. Я ездила к матери два года тому назад». Скирлет поджала губы и посмотрела куда-то в горизонт, вдоль проспекта Фламариона: «Там я узнала вещи, о которых никогда не узнала бы в Танете. Никогда туда не вернусь». Скирлет подвинулась ближе к Джаро: «В данный момент я интересуюсь тобой».

Джаро не мог поверить своим ушам и недоуменно уставился на собеседницу: «Ты интересуешься — мной?»

Скирлет серьезно кивнула: «Тобой и твоим поведением». Джаро слегка успокоился: Скирлет вела себя достаточно дружелюбно и, хотя следовало сохранять бдительность, любопытно было бы узнать, что у нее на уме. Может быть, ей вдруг потребовался сопровождающий молодой человек — например, потому что ее неожиданно куда-то пригласили? Или, может быть, просто потому, что у нее возникла такая причуда, Скирлет решила предложить ему присоединиться к избранному кругу «Устричных кексов»? А может

быть... нет, не может быть! Воображение Джаро остановилось на грани невыносимого и осторожно отступило. Тем не менее, такие вещи случались. Джаро с сомнением взглянул на собеседницу: «Твой выбор свидетельствует о хорошем вкусе. Тем не менее, я в замешательстве».

«Неважно. Ты не возражаешь, если я буду внимательно наблюдать за тобой некоторое время?»

«Это зависит от того, насколько внимательно ты будешь наблюдать, и как долго».

«Не дольше, чем потребуется, и настолько внимательно, насколько необходимо», — деловито ответила Скирлет.

«Что, если мне нужно будет уединиться?»

«В данный момент такой необходимости нет. А теперь вот что! — вытянув руку, Скирлет по очереди прикоснулась большим пальцем к каждому из других четырех пальцев. — Ты можешь так сделать?»

Джаро сделал то же самое: «Удовлетворительно?»

«Вполне. А теперь сделай то же самое снова. И еще раз. И еще раз».

«Пока что хватит! — возмутился Джаро. — Я не хочу, чтобы у меня развилась привычка нервно перебирать пальцами».

Скирлет досадливо щелкнула языком: «Ты прервал последовательность! Придется все начать с начала».

«Не придется, если ты не объяснишь, зачем это нужно».

Скирлет нетерпеливо махнула рукой: «Это клинический тест. Помешанные начинают делать характерные ошибки после многократного повторения одних и тех же движений. Я слышала, что психиатры тебя объявили — ну, скажем так, слегка не в себе, и хотела как можно скорее провести эксперимент».

Наступило довольно продолжительное молчание, после чего Джаро отозвался тихим возгласом осознания происходящего. Он взглянул на небо. Все было в порядке: действительность не изменилась. Скирлет не поддавалась внезапному амурному увлечению. А жаль! Ему полезно было бы попрактиковаться.

«Теперь мне понятен твой интерес, — сказал Джаро. — А то мне уже показалось, что ты в меня влюбилась».

«О нет! — беззаботно откликнулась Скирлет. — Такие вещи меня не интересуют. По сути дела, ты мне даже не особенно нравишься».

Джаро скорчил огорченную гримасу и через некоторое время сказал: «Хотел бы дать тебе полезный совет».

На лице Скирлет появилось высокомерное выражение: «Зачем мне совет какого-то профана?»

«Тебе придется его выслушать в любом случае. Если ты надеешься сделать успешную карьеру психотерапевта, тебе следует научиться благожелательному, располагающему к себе отношению к пациентам. В противном случае пациенты будут на тебя злиться и никто не придет к тебе второй раз».

Скирлет презрительно рассмеялась: «Какая белиберда! Ты забыл? Мой отец — «устричный кекс»! Мне не нужна карьера! Сама по себе мысль о карьере для меня оскорбительна, как непристойность».

«В таком случае...» — начал было Джаро, но Скирлет прервала его: «Все проще простого. Меня интересуют варианты человеческой личности, в том числе аномальные

отклонения. Это не более чем мимолетное любопытство — то, что «устричные кексы» называют «танцами с марионетками». Как только возникла такая возможность, я решила провести краткое обследование твоей личности и связанных с ней аномалий».

«Понятно, — сказал Джаро. — В твоей логике только один изъян. Я не сошел с ума».

Скирлет уставилась на него, подняв брови: «А тогда почему ты посещал психотерапевтов?»

«Это мое дело».

«Ага! Значит, вполне может быть, что ты так-таки сошел с ума, но не признаёшься. Другими словами, котелок у тебя не варит, но это сразу не заметно, потому что он закрыт».

Джаро решил раскрыть по меньшей мере какую-то часть правды: «Первые шесть лет моей жизни окутаны тайной. Я ничего не знаю о том, где я родился и кто были мои настоящие родители. Психиатры пытались восстановить часть моей потерянной памяти».

Скирлет была впечатлена: «Им это удалось?»

«Нет. Первые шесть лет потеряны».

«Странно! Наверное, с тобой случилось что-то ужасное».

Джаро угрюмо кивнул: «Фаты нашли меня во время инопланетной экспедиции. Меня избили до потери сознания, я умирал. Они спасли мне жизнь, но я потерял память, и никто не мог им объяснить, откуда я взялся. Они привезли меня в Танет, и теперь я здесь».

«Гм! Такие события могли послужить основой для исключительно необычной истории болезни, — Скирлет задумалась. — Надо полагать, пережитая травма сыграла важную роль в твоей жизни?»

Джаро в целом согласился с таким допущением.

«Хочешь знать, что я думаю?» — спросила Скирлет.

Джаро открыл было рот, но Скирлет не допускала возможности отказа: «Ты рассказал достойную сожаления историю — но каковы бы ни были пережитые тобой несчастья, они не служат оправданием жалости к себе! Жалость к себе — унижительная эмоция! В худших случаях она уничтожает весомость, превращая стремительный поток социального восхождения в застойную лужу. Тебе следует взять себя в руки и посмотреть на себя со стороны, даже если тебе не понравится то, что ты увидишь. Ты все еще профан, тогда как окружающие оставляют тебя в пыли, поднимаясь на ступени «Зуавов» или даже «Паршивой банды!» Сравнение заставляет тебя стыдиться и впадать в состояние пораженческой подавленности — неудивительно, что в конце концов ты очутился в палате на Бантунском холме!»

Джаро не стал возражать против ее анализа: «Я тебя хорошо понимаю. Твои суждения основательны и логичны — непонятно только, кого ты судишь? Ко мне все это не имеет отношения».

«То есть как? — Скирлет, ожидавшая запинаящихся попыток самооправдания, нахмурилась. — Почему?»

Джаро рассмеялся — по мнению Скирлет, невежливый, даже издевательским смехом: «А что тут понимать? Мне плевать с высокой башни на все твои клубы — на «Устричных кексов», «Лемуров», «Сассельтонских тигров», профанов, кого бы то ни было! Как только я смогу, я улечу в космос, и вы меня больше не увидите».

Скирлет не находила слов. Одним махом Джаро унизил ее, Скирлет Хутценрайтер, «устричных кексов» и всю роскошную бутафорию общепринятого порядка вещей! Потрясающая наглость! Наконец Скирлет обрела дар речи, но не торопилась высказываться

— прежде всего надлежало выбрать слова, способные оказать требуемое воздействие. Эта задача нуждалась в безукоризненном исполнении, но по этому поводу не могло возникнуть никаких опасений — Скирлет Хутценрайтер, вооруженная исключительно своим непревзойденным интеллектом, могла опровергнуть дерзкие претензии этого достаточно привлекательного юнца и поставить его на место! Ее преобладание будет сокрушительным и бесповоротным; она устроит ему такую головомойку, что он опустится перед ней на колени, поникнув головой, готовый послушно выполнять любые указания — и не будет ему пощады, пока он сам о ней не взмолится! А после этого — посмотрим! Может быть, она даже снизойдет до того, чтобы погладить его по голове.

Таковы были ее цели. Как их достигнуть? Прежде всего, чтобы не спугнуть противника, следовало заложить основание неопровержимой логики. Скирлет заставила себя говорить тихо и мягко: «Ты не можешь сам отправиться в космос. Для этого нужны билеты. А билеты на звездолеты дороги. У тебя есть деньги?»

«Нет».

«Как насчет Фатов? Они дадут тебе деньги?»

«Никогда! Они не хотят, чтобы я даже задумывался о таких вещах!»

«Не очень хорошо с их стороны».

Джаро пожал плечами: «Они боятся, что я стану бродягой, вечно блуждающим по закоулкам Ойкумены. Они не хотят тратить деньги на погоню за синей птицей — и в этом они правы. Если я не смогу заплатить за билет, мне придется отправиться в космос навигатором или механиком».

«Это не решение проблемы. Навигатор или механик не выбирает маршрут — он всего лишь обслуживает пассажиров».

«Согласен, проблема существует. Единственный выход в том, чтобы жениться на богатой невесте. Как насчет тебя? Ты могла бы финансировать поиски потерянных шести лет? Если так, я готов жениться на тебе сию минуту. Допуская, конечно, что «устричные кексы» оправдывают свою репутацию, и у них водятся деньги».

Скирлет так разозлилась, что сначала не могла даже ничего ответить. Она не ожидала от тихони Джаро настолько жестокого, мстительного чувства юмора. Нахохлившись, она холодно произнесла: «Значит, слухи дошли и до твоих ушей. Ты позволил себе непростительную шутку».

«Ничего не знаю ни о каких слухах. Кроме того, я не шутил».

Скирлет поняла свою ошибку: «В таком случае ты единственный человек на Галлингейле, не интересующийся подлыми сплетнями».

«Понятия не имею, о чем ты говоришь».

«А почему, как ты думаешь, меня зачислили в эту вшивую Ланголенскую гимназию, а не в Эолийскую академию? Почему, как ты думаешь, у нас в Сассунском Эйри нет даже приличного сада?»

Джаро знал, что Хутценрайтеры жили в усадьбе «Сассунское Эйри» на Лесмондском холме. «Надо полагать, таковы ваши предпочтения», — он пожал плечами.

«Да уж, конечно! Банкиры предпочитают больше не одалживать деньги моему отцу. А садовники предпочитают, чтобы им платили за работу. Мы живем практически в бедности!»

«Странно! — заметил Джаро. — Я думал, все «устричные кексы» богаты».

Скирлет рассмеялась: «Мой отец считает себя блестящим финансистом, но заключает сделки либо слишком рано, либо слишком поздно. Ему все еще принадлежат несколько

земельных участков, за которые никто не даст ни гроша, в том числе ранчо «Желтая птица» рядом с вашим Приютом Сильфид. Отец надеется продать это ранчо застройщику Мильдуну, но Мильдун предлагает не больше того, чего стоит одна земля, а отец слишком тщеславен для того, чтобы получить меньше, чем заплатил. Он взял деньги из моего попечительского фонда, чтобы купить акции бродячего зверинца. Все звери сдохли, и мои деньги улетучились».

«Очень сожалею».

«Я тоже. Я не могу финансировать твои поиски, в связи с чем можешь взять назад свое предложение о бракосочетании».

Джаро искоса наблюдал за девушкой. Скирлет казалась почти серьезной — что, конечно же, было маловероятно.

Дальнейшее поведение Скирлет подтвердило его подозрения. Она встала на ноги: «Помимо всего сказанного, идея бракосочетания меня отталкивает — даже если ты предложил ее в шутку».

«Ты совершенно права, — согласился Джаро. — Я бестактно пошутил. Кроме того, космический бродяга не нуждается в супруге».

Скирлет повернулась, глядя вверх балюстрады, куда-то вдоль длинного проспекта Фламариона. Джаро зачарованно смотрел на нее, пытаясь представить себе, о чем она думает.

Солнце уже заходило за холмы, его лучи начинали блекнуть. Порыв ветра взъерошил волосы Скирлет. На какое-то мгновение показалось, что мир сменился другой, более действительной реальностью. Перед глазами Джаро стоял бледный призрак со впалыми щеками — одинокая, растерянная жертва трагических случайностей человеческого бытия.

Девушка пошевелилась — тени сместились, иллюзия исчезла. Перед ним снова стояла прежняя Скирлет. Она медленно повернулась к Джаро: «Что ты прищурился, как кот, получивший щелбан по лбу?»

«Трудно сказать. На мгновение я увидел тебя такой, какой ты могла бы стать, если бы не была «устричным кексом»».

«У тебя странная игра воображения. И что же, ты заметил какую-то разницу?»

«Не знаю, не уверен».

«Ффф! Никакой разницы нет. Пусть на меня смотрят и так, и сяк, как хотят — разницы нет!» Она пересекла школьный двор, взбежала по широким каменным ступеням, ведущим в библиотеку, и скрылась.

Прошла неделя. В школе Джаро замечал Скирлет, но держался поодаль, а она его не замечала. Однажды вечером Джаро спросил Альтею, почему они больше не приглашают Тоуна Мэйхака. Альтея притворилась забывчивой, хотя и не слишком убедительно: «Кого? Мэйхака? Ах да, конечно! Забавный человек с квакгорном! Он больше у меня не учится. По моему, он кому-то сказал, что новая работа отнимает у него слишком много времени, и теперь ему некогда ходить в гости».

«Жаль! — заметил Джаро. — Мне он нравился».

«Да-да, по-своему талантливая личность», — неопределенно отозвалась Альтея.

Джаро вернулся к себе в комнату и попытался позвонить Мэйхаку по телефону, но в списке абонентов Мэйхак не числился.

На следующий день Джаро сбежал из школы пораньше и приехал в космопорт, пользуясь муниципальным транспортом. Справа за зданием вокзала находился длинный и высокий ангар, защищавший от непогоды космические корабли — многие из них предлагались в продажу. Джаро уже бывал в этом ангаре с Мэйхаком, и они рассматривали яхты, любовно обсуждая каждую деталь. Дешевле всех были, главным образом, недавние варианты древнего «Искателя» модели 11-В — теперь эти небольшие звездолеты выпускали многие фирмы, рекламируя их под наименованиями «Ариэль», «Экстензор Коди», «Отшельник Спадуэй» и т. п. Приземистые, даже уплощенные, длиной шагов пятьдесят, они отличались от надежного, но спартанского прототипа лишь косметическими деталями. Купить такую яхту иногда можно было всего лишь за двадцать с небольшим тысяч сольдо,^[9] хотя цена, конечно, зависела от возраста, состояния, качества интерьера и вспомогательного оборудования. Мэйхак говорил, что в иных удаленных космических заводах звездолет можно было приобрести и за десять, и за пять тысяч, а иногда даже за две тысячи сольдо, если продавец торопился сбыть товар. Право собственности на космические яхты нередко переходило из рук в руки за игорными столами салунов и казино.

«Я почти ничего не знаю об азартных играх», — с тоской заметил Джаро.

«А я знаю достаточно, чтобы не играть», — отозвался Мэйхак.

Предлагались и другие космические суда, отличавшиеся самыми различными размерами, качеством, изяществом отделки и ценой; дороже всех звездолетов в Танете были грандиозные «Гольшванг-19» и «Сансевер Триумф» — ни тот, ни другой не продавались, но каждый оценивался не менее чем в два миллиона сольдо. «Гольшванг-19» принадлежал банкиру из клуба «Лохмачей», а «Сансевер» — магнату из клуба «Валь-Верде», источники доходов которого никто не мог назвать с уверенностью. Джаро особенно приглянулся роскошный «Фортунатус» серии «Мерцающий путь», под наименованием «Фарсанг»: его предлагал в продажу финансист из клуба «Кахулибов». Объявление, закрепленное на носу, поясняло, что у владельца не было времени использовать по назначению этот заслуживающий лучшего корабль, в связи с чем он не возражал против того, чтобы согласовать подходящую цену с покупателем достаточно высокой репутации; других просили не беспокоиться. В объявлении не указывалась запрашиваемая цена, но Мэйхак подозревал, что она не могла составлять меньше миллиона сольдо. Звездолет был покрыт блестящей черной эмалью с пунцовыми и горчишно-охряными обводами. Мэйхака этот

корабль очаровал не меньше, чем Джаро. «Теперь я знаю, на что потрачу свой первый миллион! — заявил Мэйхак. — Он как раз того размера, какой нужен для того, чтобы жить на борту и перевозить пассажиров, отправляющихся в необычные экспедиции или в порты, где нет регулярного сообщения. Этот звездолет окупился бы лет за пять».

Джаро заметил, что затраты на эксплуатацию и ремонт такого звездолета должны были быть существенными.

«Объем затрат зависит от множества факторов, — возразил Мэйхак. — Нынешний владелец, надо полагать, нанимает полный экипаж — капитана, первого помощника, главного и младшего бортинженеров, повара, пару стюардов и даже, может быть, разнорабочего. Первокласная кухня для владельца, его гостей и команды может обходиться очень дорого. С другой стороны, такой яхтой может управлять один человек. Его расходы будут очень незначительны».

Проходя вдоль вереницы звездолетов к мастерской, Джаро, конечно же, задержался у «Фарсанга» серии «Мерцающий путь», чтобы полюбоваться его массивным, но элегантным корпусом. Закрепленного на носу объявления о продаже больше не было — значило ли это, что корабль уже приобрел некий высокопоставленный покупатель? Джаро заметил какое-то движение в носовом салоне. За широким стеклом обзорного иллюминатора прошла девушка. Джаро сразу узнал развевающиеся русые волосы Лиссель Биннок. По-видимому, она с кем-то оживленно болтала и смеялась — чем, впрочем, она занималась везде и всегда. Джаро в какой-то степени восхищался исключительно привлекательной Лиссель, но не хотел, чтобы она заметила, как он тут стоит и с завистливой тоской посматривает на «Фарсанг». Он опоздал, однако! Лиссель обернулась и взглянула на него сверху; их глаза встретились. Лиссель отвернулась; Джаро подозревал, что она его не узнала — что не понравилось ему еще больше, чем то, что она его увидела.

Джаро сумел рассмеяться над собой. Как-то раз, довольно давно, он столкнулся с ней в научной лаборатории Ланголенской гимназии. Уже тогда Лиссель произвела на него впечатление внешностью, хотя он забыл о ней почти сразу, будучи занят другими делами. Лиссель, со своей стороны, тоже заметила высокого темноволосого молодого человека с задумчивым выражением лица. Она почувствовала его внимание и отвернулась, ожидая, что он подойдет, чтобы под тем или иным предлогом завязать разговор — но, когда она снова посмотрела вокруг, Джаро уже сосредоточился на лабораторной работе.

«Любопытно!» — подумала Лиссель, украдкой наблюдая за Джаро. Несмотря на молчаливость и ненавязчивость, он был вполне привлекателен. У него были правильные, даже аристократические черты лица. Лиссель сразу стала подозревать, что Джаро родом с другой планеты. Романтическое обстоятельство! Лиссель обожала романтические обстоятельства. Конечно же, как все остальные известные ей молодые люди, в ее руках он станет податливым, как глина — когда окажется у нее в руках. Ей такой план казался удачным — хотя бы потому, что его осуществление должно было вызвать раздражение у Ханафера Глакеншоу.

Действительно, Ханафер отреагировал достаточно раздраженно, когда Лиссель упомянула Джаро и его достоинства: «Он интересно выглядит, словно наследник какого-то вельможи, владеющего обширными поместьями, или «сверхчеловека» с Дамброзили. С ним связана какая-то тайна. По меньшей мере, ходят такие слухи».

«Чепуха!» — фыркнул Ханафер, крупный и несколько тяжеловесный юноша с грубоватыми чертами лица, в числе которых особенно выделялся длинный нос с горбинкой,

придававший его профилю, по мнению Ханафера, повелительное выражение. Он причесывал русые волосы по последней моде — длинный чуб спускался волной на широкий ровный лоб и скрывался за ухом с другой стороны. Презрительно усмехаясь, Ханафер приступил к уничтожению репутации Джаро: «Ты наслушалась безмозглых сплетен. Нет в нем ничего таинственного! Кроме того, он профан».

«Неужели?»

«Именно так. Его родители — профаны, какие-то профессора из Института, да еще и пацифисты в придачу. Так что пусть твое восхищенное внимание ограничивается моей великолепной персоной. Продолжим с того, на чем остановились».

«Прекрати, Ханафер! Нас кто-нибудь увидит».

«Это тебя беспокоит?»

«Конечно!»

«Странно. Знаешь, что про тебя сказал Дарси Джехан?»

«Не знаю».

«Мы болтали у фонтана. Он разразился выпренными восхвалениями, заявляя, что ты подобна нежному невинному цветку из детских сказок, увядающему и роняющему лепестки после опыления».

«Исключительно любезный комплимент!»

«Кош Диффенбоккер тоже сделал тебе комплимент. Он заметил, что Дарси вообразил восхитительный символ, но что ты, скорее всего, прочнее сказочного цветка и, даже если опыление уже имело место, твоя внешность от этого нисколько не пострадала».

«В такого рода комплиментах я не нуждаюсь, Ханафер Глакеншоу! Меня они нисколько не забавляют, особенно когда исходят от тебя — заставь двигаться свои короткие толстые ноги и убирайся отсюда!»

Джаро прибыл в мастерскую космопорта и сразу направился в контору бригадира. Трио Хартунг дружелюбно приветствовал его: «Чему мы обязаны честью твоего посещения? Тебя уже назначили на мою должность?»

«Еще нет, — вздохнул Джаро. — Я хотел бы, однако, чтобы у меня была достаточная квалификация».

«А ты приходи к нам, когда будет такая возможность, — посоветовал Хартунг. — Начнешь приобретать квалификацию. Поверь, тебе многому придется учиться».

«Благодарю вас, — сказал Джаро. — Так и сделаю, как только смогу освободиться от занятий. А господин Мэйхак у вас еще работает?»

Хартунг удивленно поднял брови: «Мэйхак с нами попрощался... когда это было? Да, уже две недели тому назад. Он улетел на борту «Одри Анте», компании «Озирис». Ты разве не знал?»

«Нет».

«Странно. Он упомянул о том, что оставил тебе сообщение».

Джаро припомнил происходившее на протяжении последних двух недель: «Я не получал от него никакого сообщения. А когда он вернется?»

«Трудно сказать».

Джаро разочарованно пожал плечами. Выйдя из мастерской, он прошел обратно вдоль вереницы звездолетов. На борту «Фарсанга», судя по всему, еще были какие-то люди, но никто не стоял у носовых обзорных иллюминаторов.

Джаро вышел из космического вокзала на площадь. В кафе на открытом воздухе было множество посетителей, привлеченных хорошей погодой. Джаро уселся за столик; ему подали стакан фруктового сока со льдом. Ощущая какое-то тревожное опустошение, он смотрел на площадь. Мимо проходили люди — одни спешили в космопорт, другие возвращались оттуда — самые разные люди, уроженцы самых разных планет. Но Джаро не интересовался ими, взгляд его остановился.

Если Мэйхак оставил сообщение в Приюте Сильфид, что тогда? Значит, профессора Фаты решили не тревожить Джаро в трудное для него время? А потом потеряли сообщение или забыли о нем?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, в конце концов пришлось бы требовать, чтобы родители предоставили ему сведения о Мэйхаке — а это могло вызвать раздражение у Хильера и обидеть Альтею. От такого намерения приходилось отказаться.

Джаро сидел, задумавшись, примерно полчаса. По существу, необъяснимым оставался сам факт поспешного отъезда Мэйхака. Он улетел, никак не объяснив это обстоятельство и даже не попрощавшись. Возможно, Мэйхак просто-напросто не любил прощаться и предпочитал тихо ускользнуть в неизвестность.

Возможно.

Одно было несомненно: попытки разгадывать чужие тайны нередко приводят к нежелательным открытиям.

Поместье за Приютом Сильфид некогда занимало три тысячи акров дикой территории и было известно под наименованием «ранчо Катцвольда». На протяжении столетий эта земельная собственность распродавалась участок за участком, и теперь ее площадь составляла лишь пятьсот акров. Тем не менее, маленькое поместье все еще включало несколько лесистых холмов и лугов, речку и пересеченную местность с редкими деревьями, окаймленную с одной стороны густой лесной чащей — а также, у самого дома, большое поле, где дед Альтей, Генри Катцвольд, некогда занимался садоводческими экспериментами. Прилежный человек с экспансивным темпераментом, Генри Катцвольд упорно стремился навязать природе свою систему тантрических теорий. В этом он не преуспел — плодами его деятельности неизменно становились бесплодные уродливые мутанты, гниющие тестообразные комки, зеленая плесень и вонючее хлюпающее месиво. Генри погиб, пораженный молнией во время прогулки по своим владениям. Согласно семейной легенде, озаренный ослепительным разрядом, он успел сделать последний яростный жест, словно швыряя молнию обратно в небо.

Сына Генри, Орнольда, поэта и члена-корреспондента Института, приняли в клуб «Бумагомарателей», хотя от природы у него были наклонности профана. Эти наклонности унаследовала его дочь Альтей — вместе с пакетом предусмотрительно приобретенных и приносивших существенный доход ценных бумаг, Приютом Сильфид и пятьюстами акрами земли. Старому дому не хватало популярных признаков респектабельности; все соглашались с тем, что в нем могли обитать только профаны. Земельная собственность образовывала в плане трапецеидальную фигуру шириной в среднем километров пять и почти шесть с половиной километров в длину. Ландшафт был изрезан оврагами, провалами и узкими ложбинами, разделенными обнажениями крошащегося камня. Специалисты неоднократно объявляли этот участок бесполезным для сельского хозяйства; Альтей и Хильера вполне устраивало то, что их земля оставалась в заповедном состоянии. За двадцать лет до описываемых событий ходили слухи, что метрополис Танета мог распространиться на север вдоль дороги Катцвольда, и спекулянты недвижимостью торопились вкладывать здесь деньги — в их числе Клуа Хутценрайтер, отец Скирлет. Плотная городская застройка, однако, велась в основном на юге и на востоке. Афера с недвижимостью в северной пригородной зоне лопнула, и незадачливые вкладчики капитала стали владельцами обширных, но труднодоступных и бесполезных урочищ дикой холмистой местности. Супругам Фатам тоже пришлось распрощаться с мечтой о сказочном приумножении богатства.

Теперь Приют Сильфид представлял собой причудливое сооружение из потемневших бревен и камня со сложно устроенной крышей из множества коньков с мансардными окнами и зубчатыми свесами. С каждым годом усадьба казалась все более ветхой и запущенной, нуждающейся в заботливом уходе. Тем не менее, это был просторный, удобный и, как правило, внушавший жизнерадостное настроение дом — благодаря кипучей деятельности Альтей, украшавшей его цветами в ящиках, красочными настенными драпировками и артистическими столовыми сервизами. Поначалу Альтей коллекционировала подсвечники и канделябры из всевозможных материалов и всевозможных размеров и форм, чтобы каждый

вечер украшать стол разными наборами или группами декоративных осветительных приборов. Через некоторое время она решила, что этого было недостаточно, и стала покупать сервизы, придававшие столу дополнительное очарование. В те годы, когда ее энтузиазм достиг кульминации, Альтея ежедневно превращала вечернее убранство столовой в романтическую декорацию. Хильер прилежно выражал восхищение результатами ее усилий, хотя тайком сожалел о том, что его супруга уделяла меньше внимания тому, что подавалось на стол, чем тому, в чем оно подавалось. «Хорошо приготовленное блюдо выглядит прекрасно и в походном котелке!» — бормотал он себе под нос.

Хильер испытывал меньшую привязанность к Приюту Сильфид, нежели Альтея. Иногда он выражал свое мнение без обиняков: «Пасторально, живописно, преисполнено сельского очарования? Да, несомненно. Удобно? Не сказал бы».

«Как ты можешь так говорить, Хильер? — протестовала Альтея. — Это наш чудесный старый дом! Мы привыкли к его забавным причудам!»

«От этих причуд одни огорчения», — ворчал Хильер.

Альтея не желала ничего слышать: «Нельзя отказываться от традиций. Приют Сильфид принадлежал нам так долго, что стал частью семьи!»

«Твоей семьи, не моей».

«Верно — и я не могу даже представить себе, чтобы здесь жил кто-нибудь, кроме нас».

Хильер пожимал плечами: «Рано или поздно владельцем Приюта Сильфид станет кто-нибудь, кто не имеет никакого отношения к семье Катцвольдов. К сожалению, моя дорогая, это неизбежно. Даже Джаро уже не Катцвольд, если уж говорить о кровных родственниках».

На такие замечания Альтея могла отвечать только вздохом, признавая, что Хильер, как всегда, был прав: «Но что же нам делать? Переехать в город и терпеть бесконечный шум? Если мы попытаемся продать эту землю, за нее ничего не дадут».

«Здесь пока что тихо и мирно, — соглашался Хильер. — Но поговаривают, что один из местных магнатов вознамерился выстроить в наших местах какой-то чудовищный комплекс. Не знаю подробностей, но, если это так, мы окажемся в средоточии толпы и шума — а тогда лучше было бы найти скромное удобное жилье где-нибудь рядом с Институтом».

«Скорее всего, это пустые разговоры, — отвечала Альтея. — Разве ты не помнишь? Такие слухи ходили уже давно, и ничего из этого не вышло. Мне нравится наш обветшалый старый дом. Мне он нравился бы еще больше, если бы ты починил и покрасил оконные рамы».

«У меня нет необходимых навыков, — возражал Хильер. — Десять лет тому назад я свалился с лестницы, хотя взобрался только на вторую ступеньку».

Таким образом, жизнь в Приюте Сильфид шла своим чередом — что, на самом деле, вполне устраивало всех трех обитателей этой просторной, светлой и тихой усадьбы.

Конечно, за те годы, что Джаро провел в Приюте Сильфид, он нередко отправлялся в разведку, изучая территорию, простиравшуюся за домом. Поначалу Альтея не хотела отпускать его одного и надолго, но Хильер настоял на том, что мальчику в его возрасте нужно было гулять столько, сколько он пожелает: «Что может с ним случиться? Он не заблудится. У нас не водятся хищные звери, даже гигилисты-перпатуарии не встречаются».^[10]

«Он может упасть и сломать ногу!»

«Маловероятно. Пусть делает, что хочет — это научит его полагаться на себя».

Альтея больше не возражала, и Джаро позволяли бродить, сколько угодно.

Уже давно Альтея объяснила Джаро происхождение названия усадьбы. В древних легендах «сильфидами» величали сверхъестественных лесных созданий изысканной красоты, во многом напоминавших фей, но с полупрозрачными волосами и с перепонками между пальцами. Если кому-то удавалось поймать сильфиду и отрезать ей мочку уха, она навечно оставалась в рабстве у похитителя и вынуждена была выполнять любые его пожелания. Супруги Фаты заверили Джаро в том, что в любых легендах таилась крупица правды, и он не видел никаких причин отказываться от многообещающей возможности поймать сильфиду — всякий раз, когда он отправлялся гулять в лес или по лугам, Джаро передвигался как можно тише и бдительно подмечал происходящее вокруг.

Южной границей владений Катцвольдов служила череда крутых холмов, частично покрытых лесом. Примерно посередине одного склона находилась относительно ровная площадка с родником, укрывшаяся в тени пары монументальных смарагдовых деревьев. Здесь Джаро уже несколько лет строил себе хижину. Стены он возводил из камней, тщательно подогнанных и скрепленных цементом; перекладинами крыши служили стволы нескольких молодых флагштоковых сосен, а кровлю он выложил из многочисленных слоев широких сухих листьев себакса. Поступив в последний класс Ланголенской гимназии, он начал выкладывать камин и дымовую трубу, но постепенно осознал, что хижина стала для него мала — он перерос свою игрушку, продолжение детского проекта становилось бессмысленным. Тем не менее, он все еще часто сюда приходил — но только для того, чтобы читать, рисовать в блокноте или учиться писать пейзажи акварелью; некоторое время он забавлялся вязанием декоративных узлов, пользуясь инструкциями из найденного тома под заголовком «Краткое руководство по изготовлению тысячи узлов, простых и сложных».

Однажды Джаро отправился на поляну своей хижины и уселся на траву, прислонившись спиной к стволу смарагдового дерева и вытянув сильные загорелые ноги. На нем были бледно-бежевые шорты, темно-синяя рубашка и спортивные ботинки; он принес с собой книгу и блокнот, но отложил их в сторону и сидел, задумавшись над событиями своей странной и беспокойной жизни. Он вспоминал о внутреннем голосе и о психиатрах с Бантунского холма. Он думал о Фатах, больше не казавшихся ему источниками непогрешимой мудрости. С некоторой обидой он думал о Тоуне Мэйхаке и его внезапном отлете с Галлингейла. Когда-нибудь ему предстояло снова встретиться с Мэйхаком — в этом он был совершенно уверен — и тогда все должно было объясниться.

Джаро отвлекся, услышав далекую перекличку каких-то возгласов, доносившихся с юга из-за холма — оттуда, где кончалась территория Катцвольдов. Человеческие голоса были неприятным вторжением в первобытную тишину привычного лесного уединения. Джаро недовольно пробурчал что-то себе под нос, после чего взял блокнот и принялся рисовать космическую яхту — элегантную, но мощную, многим напоминавшую «Фарсанг» серии «Мерцающий путь».

Его внимание привлек новый звук. Обернувшись, он заметил, что кто-то наполовину съезжает, наполовину карабкается вниз по склону холма. Это была девушка — стройная, подвижная, но в какой-то мере безрассудная, судя по тому, что она спускалась почти кувырком. На ней были темно-серые шорты под красной с белыми полосками юбкой, темно-зеленый тонкий свитер, темно-зеленые чулки до колен и серые башмаки. Изумленный Джаро узнал в незваной гостье Скирлет Хутценрайтер — теперь ее уже невозможно было принять за мальчика.

Скирлет спрыгнула на площадку перед хижинкой, перевела дыхание и подошла к Джаро, глядя на него сверху: «Ты так лениво развалился, что, глядя на тебя, спать хочется. Я тебя разбудила?»

Джаро ухмыльнулся: «Даже мне приходится иногда отдыхать».

Скирлет подумала, что улыбка делала Джаро еще привлекательнее. Она заглянула в блокнот: «Что ты рисуешь? Звездолеты? Они занимают все твои мысли?»

«Не все. Если ты не прочь позировать, я могу и тебя нарисовать».

Скирлет прикусила нижнюю губу: «Надо полагать, ты хочешь, чтобы я позировала нагишом».

«Это было бы неплохо. Все зависит от того, какой эффект ты хочешь произвести».

«Глупости! Мне не нужно производить эффекты! Я — Скирлет Хутценрайтер, других таких нет, и одного этого эффекта достаточно. У тебя обо мне совершенно неправильное представление».

«Самые чудесные представления часто неправильны, — признал Джаро. — Особенно мои. А что ты здесь делаешь?»

Скирлет указала на юг кивком головы: «Мой отец и Форби Мильдун снова делают обход ранчо «Желтая птица», вместе с землемером».

«По какому случаю?»

«Отец хочет продать эту землю. Он считает, что это было бы выгодное приобретение для господина Мильдуна — продувного дельца, скорее всего не слишком чистого на руку. Хуже всего то, что Мильдун вхож в один из вульгарных клубов Квадратуры круга — «Кахулибов», кажется».

«Я и забыл, что земля за холмами принадлежит твоему папаше».

«И это почти все, что ему еще принадлежит», — с горечью отозвалась Скирлет. Она присела на траву рядом с Джаро: «Для того, чтобы поддерживать надлежащее великолепие образа жизни, «устричному кексу» необходимо богатство. У меня нет таких денег».

«Но у тебя есть великолепие».

«Его надолго не хватит».

«Как насчет твоей матери? У нее есть деньги?»

Скирлет отмахнулась: «Матушка — любопытное существо. Но богатой ее не назовешь».

Скирлет опасливо покосилась на Джаро: «Я могла бы тебе о ней рассказать, если хочешь».

«Послушаю — мне больше нечего делать».

Скирлет подтянула колени и обняла их: «Хорошо! Слушай на свой страх и риск. Моя мать — настоящая красавица. На Мармоне она принадлежит к касте Сенсенитц, то есть «благословенных». Кроме того, она — Наонте, Принцесса Рассвета, и ей не пристало интересоваться мелкими делишками каких-то провинциалов из Танета. Она живет во дворце Пири-Пири, наполовину окруженном садом. Ежедневно в этом дворце устраивают фестивали и банкеты. К ней съезжаются гости в самых необычайных нарядах, и никакие расходы не считаются чрезмерными, если позволяют испытывать новые удовольствия. Так проходит Живой сезон, продолжающийся полгода, после чего начинается Мертвый сезон. Следующие полгода «благословенные» отрабатывают долги. Благородные Сенсенитцы делают все, что можно сделать за деньги. Они жульничают, они крадут, они торгуют собой. Их жадность невероятна! Я приехала к матери посреди Мертвого сезона, и три месяца мне пришлось работать, ухаживая за ягодными лозами на склоне холма Флинк. Это была тяжелая, утомительная работа, а подруга матери, леди Мэйвис, украла все мои деньги. Никто даже ухом не повел. Потом справили обряд Возобновления, и снова начался Живой сезон. Мать снова стала Принцессой Рассвета, и мы жили во дворце Пири-Пири среди цветов и лазурных бассейнов. Сенсенитцы нарядились в роскошные новые костюмы и страстно предавались всевозможным удовольствиям. По ночам играли особую музыку, по словам «благословенных» выражавшую экстаз отрады и трагедию скорби. Мне эта музыка не нравилась. В ней слишком много напряжения, она действует на нервы. За всем этим

фасадом роскоши постоянно чувствовались напряжение, тоска и алчность, как бы они ни пытались их скрывать элегантными позами и пылкостью объятий. Самым странным фестивалем на Мармоне был бал-маскарад — настолько странным, что я перестала доверять глазам и ушам. Я оказалась в толпе сновидений, границы между реальностью и воображением больше не стало».

Вспоминая бал-маскарад, Скирлет поморщилась: «Когда началась Идиллическая мистерия, мне поручили роль обнаженной нимфы, танцующей на лугу. Я спряталась в лесу, но несколько молодых людей за мной погнались».

«И они тебя поймали?»

«Нет! — холодно обронила Скирлет. — Я забралась на дерево и стала хлестать их сломанной веткой. Кажется, одному я заехала сучком в глаз. Сначала они упрашивали меня слезть и порезвиться с ними в траве, но скоро разозлились и стали бросаться комьями земли, ругаясь и обзывая меня извращенкой и девственницей. Потом они куда-то разбрелись».

«Надо полагать, для тебя, с твоими привычками «устричных кексов», все это было высшей степени неприятно».

Скирлет взглянула ему в лицо, но Джаро выглядел вполне серьезно и, судя по всему, был искренне обеспокоен ее опасным приключением.

«В разгар Живого сезона, когда у «благословенных» еще водились деньги, я украла у леди Мэйвис все ее сбережения. Этой суммы хватило на обратный билет до Галлингейла, и я вернулась домой. Не думаю, что отец был рад меня видеть. Я хотела поступить в Эолийскую академию в Гильсте — это частная гимназия для высокородных наследников — но отец сказал, что мы не можем себе позволить такие расходы, и отправил меня в Ланголенскую гимназию, учиться среди «молодых легионеров» и профанов. И все равно здесь лучше, чем во дворце Пири-Пири. Таким вот образом. Надеюсь, я ответила на твой вопрос: мне не приходится ожидать от матери денежной помощи».

«И ты не собираешься вернуться на Мармон?»

«Это очень маловероятно».

Джаро повернулся, чтобы прислушаться к далеким крикам, доносившимся из-за холма, и спросил Скирлет: «Они, случайно, не тебя зовут?»

«Нет. Это землемер перекликается с помощником». Скирлет указала на небольшой черный диск, прикрепленный к свитеру на плече: «Когда нужно будет идти, меня позовут с помощью этой штуки».

«Может быть, они ожидают, что ты станешь им помогать — делать какие-нибудь заметки для землемера, обольщать господина Мильдуна или что-нибудь в этом роде».

Скирлет удивленно подняла брови: «Какая чепуха! Я просто пошла с ними прогуляться — и подумала, что было бы интересно найти твое отшельническое логово».

«Это не логово. И я не отшельник. Я сюда прихожу, потому что здесь тихо, и мне никто не мешает».

«Ага! Ты хочешь, чтобы я ушла?»

«Ну, раз уж ты здесь, можешь оставаться. А кто тебе сказал, где меня найти?»

Скирлет пожалала плечами: «Госпожа Виртц беспокоится по твоему поводу. Она не хочет, чтобы ты сбежал в космос. Она не одобряет твою привычку проводить время в одиночестве — по ее мнению, ты мог бы полезнее тратить время на восхождение по лестнице социальной иерархии. Кстати, что у тебя в этом пакете?»

«Я захватил закуски. Здесь хватит на двоих».

«Естественно, я заплачу за все, что съем, — надменно изрекла Скирлет. — Хотя, по моему, у меня с собой нет никаких денег».

«Ничего, я тебя накормлю бесплатно».

Скирлет не нашлась, что сказать, и она воспользовалась щедростью Джаро без дальнейших замечаний.

Джаро тоже стал предаваться воспоминаниям: «В детстве мне нравилось представлять себе это место, как часть волшебного мира, разделенного на четыре королевства. Каждому королевству было свойственно особенное волшебство. Здесь — столица королевства Далинг, где я был красивым галантным принцем».

«Каким был, таким и остался», — обронила Скирлет. Джаро не понял, пошутила она или нет, но решил продолжать: «Там, в лесу — государство Кораз, владения короля Тамбара Непредсказуемого. На полках у него в гардеробе — тысячи человеческих лиц. Каждый день он бродит по Коразу в новом обличье, проталкиваясь через толпу на улицах и прислушиваясь к разговорам на рынке. Как только он слышит крамолу, болтуну отрубает голову на месте. Король Тамбар любит баловаться магией и выучил достаточно заклинаний, чтобы портить жизнь любому неприятелю. У него при дворе кишат интриги, а однажды из Коразы в Далинг приехала принцесса Фланжир. Принц находит ее очаровательной, но подозревает, что ее подослали, чтобы его погубить».

«Она красивая?» — спросила Скирлет.

«Конечно! По сути дела, ты можешь быть принцессой Фланжир, если хочешь».

«Неужели? И в чем будут состоять мои обязанности?»

«Этот вопрос предстоит уточнить. В любом случае, каковы бы ни были твои губительные планы, ты должна влюбиться в принца».

«То есть в принца Джаро?»

«Иногда нет другого выхода, — скромно подтвердил Джаро. — По сути дела, часто под рукой просто нет никакого другого принца».

«И ты тоже должен влюбиться в принцессу Фланжир?»

«Только в том случае, если мне удастся развеять заклинание, из-за которого у всех девушек длинные красные носы. Это одна из проделок Тамбара, разумеется — неудивительно, что его правление не слишком популярно».

Скирлет задумчиво прикоснулась к носу, но ничего не сказала. На некоторое время наступило молчание. Наконец Джаро осторожно спросил: «Ты собираешься поступать в Лицей в следующем году?»

«Еще не знаю».

«Почему?»

«Когда отец продаст ранчо «Желтая птица», он хочет уехать на год куда-то на другую планету. Если все это получится, в Сассунском Эйри никого не останется, и мне придется вернуться на Мармон».

«И что ты ему на это сказала?»

«Я отказалась. Я хочу жить дома. Он говорит, что не хочет оставлять меня одну в усадьбе со слугами. Будучи «устричным кексом», я вынуждена придерживаться самых лучших правил. Я спросила: считает ли он самыми лучшими правилами поведения на Мармоне? Он сказал, что это другое дело — за все происходящее на Мармоне несет ответственность моя мать, а он может сэкономить деньги, если в Сассунском Эйри никто не будет жить». Помолчав, Скирлет прибавила упавшим голосом: «Как бы то ни было, на

Мармон я не вернусь!»

«Разве у твоего отца нет друзей? Как насчет комитета «Устричных кексов»? Или Академического совета? Обязательно найдется кто-нибудь, кто мог бы тебя приютить. Если бы я мог, я бы сам тебя приютил».

Скирлет вопросительно покосилась на него. «Любопытно!» — пробормотала она себе под нос. Через пару секунд сказала уже громче: «Я думала, тебе не терпится удрать с Галлингейла со скоростью света. Если даже тебя здесь не будет, на кого я смогу положиться?»

Джаро объяснил таким тоном, будто говорил с ребенком: «Я не могу улететь или вообще что-нибудь сделать в этом смысле, пока это не станет практически осуществимо. А это значит, что мне придется набраться терпения и ждать. Но рано или поздно это придется сделать».

Скирлет махнула рукой с легкомысленным раздражением: «Никак не могу понять, почему тебя безумно тянет в космос».

«Когда-нибудь, когда у тебя будет серьезное настроение, я объясню», — терпеливо отозвался Джаро.

«Я не шучу — почему бы не объяснить сегодня?»

Но Джаро не был готов к очередной сессии психоанализа: «Сегодня слишком хорошая погода».

«Объясни по меньшей мере одно: откуда ты знаешь, что тебе нужно сделать? И куда тебе нужно отправиться?»

Джаро пожал плечами: «Это можно будет узнать».

«Каким образом? Ты помнишь какие-то даты, названия мест?»

Джаро уже выболтал больше, чем хотел. Но он продолжал: «Иногда я почти слышу голос моей матери — но не могу разобрать слова. Иногда мне кажется, что я вижу высокого худощавого человека в строгом сюртуке и в черной шляпе. У него бледное, жесткое лицо, словно вырезанное из кости. Как только я о нем думаю, меня пробивает дрожь — надо полагать, я его боюсь».

Скирлет сидела, обняв колени: «И ты собираешься найти этого человека?»

Джаро не сдержал нервный смешок: «Кто ищет, тот всегда найдет».

«И что потом?»

«Я еще не думал о последствиях».

Скирлет поднялась на ноги и довольно дружелюбно спросила: «Хочешь знать мое мнение?»

«Не очень».

Скирлет пропустила эти слова мимо ушей: «Совершенно очевидно, что в твоём случае наблюдается запущенный навязчивый невроз, граничащий с помешательством».

«Тебе придется распрощаться с этим диагнозом, — возразил Джаро. — Психиатры объявили, что я в здравом уме. Они даже похвалили меня за устойчивость характера».

«Неважно. Твои так называемые «тайны» не имеют для них никакого значения. Если ты сбежишь в космос, что ты надеешься там найти? Человека в шляпе? Посмотри фактам в лицо, Джаро! Ты явно стал жертвой навязчивой идеи».

«Неправда! Я вполне уравновешен и ни на чем не помешался».

«Тогда тебе следует вести себя соответственно. Готовься к тому, чтобы получить докторскую степень в Институте, как рекомендуют профессора Фаты! Подумай о весомости

и начинай восхождение по социальной лестнице».

Джаро уставился на нее с изумлением. Не могла же она говорить такие вещи всерьез! «Все это прекрасно и замечательно, — сказал он, — но я не хочу этим заниматься. Не хочу быть «зонкером», «цыпленком-извращенцем», «палиндромом» или даже «устричным кексом»».

«Жаль! — с отвращением обронила Скирлет. — Несмотря на все, что сделали Фаты, в глубине души ты все еще инопланетянин! Никто и ничто не вызывает у тебя уважения — ни Фаты, ни «устричные кексы», никто из преподавателей. Ты даже меня не уважаешь!»

Ухмыляясь, Джаро тоже поднялся на ноги. Наконец все было понятно! «Я знаю, почему ты на меня сердисься!» — заявил он.

«Смехотворно! Почему бы я стала на тебя сердиться?»

«Хочешь, я объясню?»

«Я тебя слушаю».

«Ответ состоит из двух частей. Во-первых, я слишком самодоволен и не замечаю никаких на самом деле важных вещей — например, того, как чудесно быть «устричным кексом» и в то же время сказочно привлекательной и сообразительной персоной! Но я замечаю эти вещи! Меня поражает персона по имени Скирлет Хутценрайтер и ее достижения! Ее тщеславие удовлетворено!»

«Чепуха! — фыркнула Скирлет. — Я вовсе не тщеславна. В чем состоит вторая часть ответа?»

Джаро колебался: «Это такой секрет, что я могу только прошептать его тебе на ухо».

«Это неразумно. Зачем шептаться?»

«Таковы правила».

«О! Что ж, пожалуйста, — Скирлет слегка наклонила голову, приготовившись выслушать секрет. — Ой! Ты укусил меня за ухо! Так нельзя делать!»

«Нет, — признался Джаро. — Ты права. Я ошибся и приношу извинения. Давай снова попробуем».

Скирлет смотрела на него с сомнением: «Я не уверена, можно ли тебе доверять».

«Конечно, можно! Ничего с твоим ухом не будет. Я не буду в него дуть и не откушу тебе мочку».

Скирлет приняла решение. Она покачала головой: «Сплошная нелепость! Соберись с духом и скажи мне в лицо все, что хочешь сказать».

«Ну хорошо, если ты думаешь, что так лучше. Только закрой глаза».

«Это еще зачем?»

«Чтобы я не смущался».

«Не могу себе представить, для чего нужны такие приготовления», — Скирлет закрыла глаза, и Джаро ее поцеловал. Она поцеловала его в ответ: «Вот так! Теперь у тебя полегчало на душе? Говори, что хотел сказать».

«Лучше я тебя опять поцелую».

«Нет уж, — тяжело дыша, отстранилась Скирлет. — Одного раза хватит».

«Их было два».

«В любом случае, у меня голова кружится. Лучше с этим подождать. Не сейчас».

Из темного диска на плече Скирлет послышался тихий звенящий сигнал. За сигналом последовали чьи-то повелительные указания. Скирлет ответила, поколебалась, взглянув в сторону Джаро, но быстро отвернулась. Изучив топографию, она выбрала маршрут

поудобнее, попрощалась с Джаро взмахом руки и стала взбираться по склону.

Джаро провожал ее глазами, пока она не скрылась за гребнем холма, после чего собрал пожитки и вернулся в Приют Сильфид.

На следующей неделе Скирлет не приходила в школу три дня. Когда она наконец появилась, у нее явно было отвратительное настроение — в ней не осталось ни следа былой экстравагантной дерзости, побуждавшей ее к такому множеству непредсказуемых достижений. Она игнорировала Джаро и отворачивалась, когда он приближался. Джаро обиделся и вел себя с надменным безразличием, в то же время продолжая украдкой следить за ней. Скирлет, по-видимому, ничего не замечала и занималась своими делами, по-прежнему передвигаясь легкими упругими шагами; при этом ее ничем не примечательная, первая попавшаяся под руку одежда чудесным образом превращалась в завораживающее взгляд облачение — потому что это была она, Скирлет Хутценрайтер, и ее стройная маленькая фигура оживляла любую обыденность.

У Джаро были и другие причины для беспокойства. Его бывшие безоблачные отношения с Фатами становились напряженными, в них появилась сдержанность, вызванная главным образом отказом приемных родителей сообщить ему что-либо о его прошлом. Они не намеревались поддерживать безрассудные экспедиции в космос и обещали рассказать ему все, что знают, только после того, как он получит ученую степень. Джаро пытался не придавать слишком большого значения их упрямству, но в душе его остался горький осадок.

Хильер и Альтея замечали эти изменения и успокаивали себя не слишком убедительными рассуждениями о том, что Джаро уже вырос, и что с ним больше нельзя было обращаться, как с маленьким мальчиком.

«Он проводит границы, определяющие его самостоятельность, — с тяжеловесной напыщенностью заявил Хильер. — Такова жизнь».

Альтея была не столь объективна: «Мне все это не нравится! Он слишком быстро меняется, а я привыкла к такому Джаро, каким он был!»

«Что поделаешь? — вздохнул Хильер. — Остается только подталкивать его в правильную сторону советами и разъяснениями».

«Но Джаро только об одном и думает! Он сказал, что летом собирается работать в мастерской космопорта».

Хильер пожал плечами: «Он еще очень молод. Дай ему время, он постепенно разберется в том, что почем в этом мире. В конечном счете здравый смысл возьмет верх».

Мысль о том, что он причиняет Фатам боль, часто вызывала у Джаро угрызения совести. Хильер, несмотря на некоторую сварливость, был добрым, терпеливым и щедрым человеком; Альтея любила Джаро всем сердцем. И все же намерения Джаро были непреклонны, и отчуждение между ним и Фатами не могло исчезнуть, пока он не сделал все, что нужно было сделать. Джаро пытался представить себе, сколько лет пройдет, какие приключения ему придется пережить и какие опасности ему будут угрожать, прежде чем он добьется своей цели. Трудность стоявшей перед ним задачи смущала его. Где-то, в какой-то момент, ему предстояло встретить человека в черной шляпе, с четырехконечными звездами в глазах. И как быть со Скирлет? С драгоценной, безрассудной, горделивой, обворожительной, хорошенькой и пикантной, сладчайшей и обидчивой Скирлет? Чудо из чудес! Он ее поцеловал, и она поцеловала его в ответ! Останутся ли они когда-нибудь снова наедине? Кроме того, существовал еще Тоун Мэйхак, способный вернуться так же внезапно, как исчез.

Джаро надеялся, что Мэйхак вернется. Ему нужен был друг.

За два дня до окончания полугодия Скирлет снова перестала приходить в школу и не явилась даже на выпускную церемонию. Причем ее уже назначили представительницей класса — с учетом как ее общественного статуса, так и ее почти идеальной успеваемости. Отсутствие Скирлет вызвало тревогу и переполох; руководство гимназии решило, что ей требовалось срочно найти замену. Джаро Фата рассматривали как одного из кандидатов, так как у него тоже были очень высокие оценки, а его так называемый «табель гражданственности» оставался безукоризненным. Тем не менее, Джаро был профаном, и его нельзя было ставить в пример классу, полному соискателей весомости, в связи с чем представителем класса в конце концов назначили молодого человека по имени Дилан Андервуд, уже принятого в престижную «Паршивую банду». Джаро все это совершенно не занимало. Во время вечеринки к нему подошла госпожа Виртц — сначала она пожала ему руку, а потом крепко обняла его: «Мне тебя будет очень не хватать, Джаро! В твоём присутствии занятия становились приятнее, несмотря на то, что ты — строптивый отщепенец, не желающий прислушиваться к советам старших. Остается только надеяться, что ты не слишком плохо кончишь».

«Я тоже на это надеюсь. Кстати, что случилось со Скирлет? Почему ее нет?»

Госпожа Виртц печально рассмеялась: «Ее отец — декан Хутценрайтер, «устричный кекс». При всем при том он человек капризный, как ветер. Он никогда не одобрял тот факт, что Скирлет связана с Ланголенской гимназией, так как здесь ей приходилось якшаться с вульгарным и докучливым простонародьем, теснящимся на нижних ступенях социальной иерархии. Он ни в коем случае не хотел, чтобы она представляла класс на церемонии — вот и все».

«Гм. А что она будет делать дальше? Поступит в Лицей?»

Госпожа Виртц с сомнением покачала головой: «Кто знает? Ходят слухи, что ее отправят в частную Эолийскую академию в Гильсте, на планете Аксельбаррен. Это превосходное, но очень дорогое заведение».

Джаро стойчески принял участие в выпускных церемониях, чрезвычайно смущенный тем обстоятельством, что и госпожа Виртц, и Альтея не удержались от слез. «Никогда! — говорил себе Джаро. — Никогда больше не позволю себе оказаться в таком глупом положении!»

Начались летние каникулы. Уже через несколько дней Джаро, ответивший на телефонный вызов, был не на шутку удивлен тем, что звонила ему Скирлет. Он решил осторожно выбирать слова, пытаясь представить себе, что от него могло потребоваться: «Джаро слушает».

Голос Скирлет звучал резковато и сухо, словно она нервничала: «Чем ты занимаешься?»

«В данный момент практически ничем. А ты?»

«Могу сказать примерно то же самое».

«Где ты была во время выпускной церемонии?»

Тон Скирлет стал еще суше: «Оставалась дома, разумеется. По меньшей мере по этому вопросу я могла согласиться с отцом. Он сказал, что мое превосходство в качестве наследницы «устричного кекса» изначально подразумевалось, и если бы я согласилась выполнять почетную роль во время церемонии, это выглядело бы показным бахвальством и никак не вязалось бы с моим достоинством. Само собой, он прав».

«Ты ошибаешься. Уважение к себе заключается в том, чтобы не беспокоиться о мнении

других и даже не замечать его, каким бы оно ни было».

«Неважно! — отрезала Скирлет. — Все это не имеет значения. Я хотела бы, чтобы ты поскорее сюда пришел, пока отец не вернулся».

«Куда — «сюда»?»

«В Сассунское Эйри, куда еще? Приходи к садовому выходу, со стороны южного газона. Постарайся, чтобы тебя не заметили».

Джаро выполнил инструкции и с некоторым трепетом пробрался по запущенному саду, окружавшему Сассунское Эйри, к указанной Скирлет двери. Она его ждала и сразу провела в кабинет своего отца. Вдоль стен стояли высокие застекленные шкафы, содержавшие всевозможные редкости и антикварные экспонаты — в том числе коллекцию ритуальных кукол. На столе у окна лежали стопки проспектов, брошюр, предложений и прочих документов в аккуратных голубых картонных обложках.

«Здесь мой отец замышляет финансовые авантюры, — язвительно заметила Скирлет. — Вот его учетная ведомость». Она подобрала со стола толстый журнал и показала Джаро первую страницу. Джаро увидел столбцы цифр, напечатанных красным шрифтом. «Печальная картина, — кивнула Скирлет. — Именно по этой причине и созвано совещание клуба «Посредников»».

«Каких посредников? Какое совещание?»

«Посредники совещаются, решая вопросы несправедливости, алчности и злоупотребления полномочиями. В данный момент подробности тебе знать не обязательно».

Джаро направился к выходу: «В таком случае я пойду, а ты можешь сама разбираться в подробностях. По правде говоря, здесь я чувствую себя неудобно».

Скирлет игнорировала его опасения: «Пожалуйста, слушай внимательно. «Посредники» — клуб избранных; его члены пользуются исключительно высокой репутацией. По сравнению с ними Семпитерналы кажутся неотесанными и бездарными выскочками, хотя мы вынуждены признавать их существование. Наши цели носят вдохновляющий характер. Мы находим величие и красоту в том, что ускользнуло от внимания других, и восстанавливаем справедливость каждый раз, когда замечаем ту или иную несправедливость».

«Превосходно! — одобрил Джаро. — Но тебе не кажется, что выполнение всех этих задач займет очень много времени?»

«Именно так, — невозмутимо продолжала Скирлет. — По этой причине «Посредники» время от времени вербуют новых соискателей высшего статуса».

«Сколько в этом клубе действительных членов?»

Скирлет нахмурилась, словно что-то подсчитывая в уме: «До сих пор «Посредники» почти фанатически берегли свою недоступность. По сути дела я — единственная представительница этого клуба. Остальные кандидаты были отвергнуты».

«Гм. Надо полагать, к заявителям предъявляются жесткие требования».

Скирлет пожала плечами: «В какой-то степени. Духовно раскрепощенные лица не исключаются только на этой основе. Кандидат должен быть аккуратным, вежливым и разумным человеком. Кроме того, медлительность, вульгарность и болтливость категорически не допускаются».

Продолжая, Скирлет упомянула о том, что, размышляя о вступительных критериях, она случайно вспомнила о некоем субъекте по имени Джаро, и что поименованный Джаро может, если он того пожелает, подать заявку на регистрацию в клубе «Посредников».

«Престиж при этом приобретается автоматически, — прибавила она, — так как кандидатуры утверждаются мной, а я страшно разборчива и других таких нет».

Джаро согласился с тем, что в данном случае ему нечего было терять. Он заявил о желании вступить в клуб «Посредников», и его просьба была немедленно удовлетворена.

Для того, чтобы отпраздновать это событие, Скирлет открыла дверцу серванта, вернулась с бутылкой самого дорогого ликера из коллекции декана Хутценрайтера и налила две маленькие рюмки: «Говорят, этому ликеру больше двухсот лет — когда-то на какой-то мифической планете несколько капель этой настойки, пролитых на алтарь, умилоствляли богов грома и молний».

Скирлет осторожно пригубила темно-красную жидкость и поморщилась: «Крепковато, но пить можно. Так что же, перейдем к повестке дня. Присутствующие «Посредники» составляют кворум, и мы можем сразу заняться решением вопросов, включенных в повестку дня».

«В чем заключаются эти вопросы?»

«Самая злободневная проблема касается половины членов клуба — то есть меня. Мой отец скоро отправится в грандиозную развлекательную поездку — сначала на планету Канопуса, потом на Древнюю Землю. Его не будет как минимум год, и он всегда путешествует первым классом. Для того, чтобы сэкономить средства, он хочет, чтобы в Сассунском Эйри больше никто не жил, и решил отдать меня на попечение матери. Я не желаю лететь на Мармон и предпочитаю оставаться дома, даже если это означает, что мне придется поступить в Лицей. Отец сказал, что это невозможно. Я ответила, что в таком случае он мог бы отправить меня в Эолийскую академию в Гильсте. Это весьма просвещенное учебное заведение. Студенты живут в частных апартаментах, куда им подают блюда, приготовленные по заказу. Они изучают предметы, выбранные по своему усмотрению, придерживаясь самостоятельно установленного расписания, причем им предоставляется полная свобода в том, что относится к личным и общественным связям. Здание Академии возвышается на крутом берегу Большого Канджирского моря, а город Гильст — неподалеку. Я объяснила отцу, что была бы рада посещать Эолийскую академию, но он считает, что обучение в ней слишком дорого обойдется, и что настало время моей матери позаботиться о моем дальнейшем образовании. Я возразила, указав на то, что во дворце Пири-Пири меня научат не совсем тому, чему я хотела бы учиться, и что я предпочла бы либо остаться в Сассунском Эйри, либо поступить в Эолийскую академию. Отец разозлился и сказал, что я могу подать заявку в комитет «Устричных кексов», и мне предоставят возможность так называемого «поднадзорного проживания» — чрезвычайно непривлекательная перспектива. Основная проблема, разумеется, заключается в недостатке денежных средств, и эту недостачу предстоит восполнить «Посредникам»».

Скирлет снова взяла бутылку: «Еще по рюмке ликера? Он может стимулировать умственную деятельность».

Джаро с удивлением наблюдал за тем, как Скирлет наполняла рюмки: «Ты уже думала над тем, как можно было бы приобрести требуемые денежные средства?»

«Наилучший способ — шантаж! — заявила Скирлет. — Это просто, быстро и не требует особых навыков».

Послышались шаги. Дверь распахнулась: в кабинет зашел декан Хутценрайтер — худощавый человек в щеголеватом костюме из жемчужно-серого материала с серебристым отливом. Бледная кожа была словно туго натянута на угловатые выпуклости его лица,

каштановые волосы ниспадали мягким потоком на спину, начинаясь над лысеющим лбом. Казалось, он был в состоянии нервного возбуждения — глаза его бегали по сторонам и наконец сосредоточились на бутылке, которую Скирлет все еще держала над рюмкой Джаро.

«Что здесь происходит? — яростно воскликнул Хутценрайтер. — Вы устроили тут пьянку, насасываясь моим драгоценным «Багонго»?» Он выхватил бутылку из руки Скирлет: «Объясни свое поведение, будь так любезна!»

Джаро галантно выступил вперед и произнес со всей возможной вежливостью: «Сударь, мы были заняты интересной и спокойной беседой. Ваше раздражение совершенно неуместно!»

Челюсть декана Хутценрайтера слегка отвисла, после чего он порывисто воздел руки к потолку: «Если я должен терпеть подобную наглость у себя в доме, мне остается только спать на улице, так будет дешевле!» Декан повернулся к Скирлет: «Кто это такой?»

И снова ответил Джаро: «Сударь, меня зовут Джаро Фат. Мои родители — адъюнкт-профессора Института, в Колледже эстетической философии».

«Фаты? Я их знаю. Они профаны! По-твоему, это дает тебе право вламываться ко мне в дом, просматривать мои бумаги, пить мой лучший ликер и соблазнять мою дочь?»

Джаро начал было протестовать, но декан Хутценрайтер взбесился пуще прежнего: «Ты что, не понимаешь, что сидел в моем любимом кресле? Ступай прочь, вон отсюда! И чтобы никогда сюда не возвращался! Вон отсюда, сию минуту!»

Скирлет устало сказала: «Тебе лучше уйти, пока он на самом деле не разозлился».

Джаро направился к двери. Обернувшись, он поклонился декану и удалился.

Прошла неделя. Скирлет больше не звонила. Однажды вечером в Приют Сильфид заехала Айдора Виртц, чтобы пригласить Альтею помочь в подготовке сельскохозяйственной выставки. Джаро случайно оказался рядом, поздоровался с госпожой Виртц и, между прочим, спросил ее, как поживает Скирлет. Айдора Виртц удивилась: «Разве ты не слышал? Декан Хутценрайтер счел необходимым закрыть свой дом на лето, в связи с чем он отправил Скирлет в частную школу — а именно, насколько мне известно, в Эолийскую академию в Гильсте, на Аксельбаррене. Это прекрасная школа, и Скирлет должна считать, что ей повезло. Желаю ей всего наилучшего — но Ойкумена велика, и мы можем никогда больше ее не увидеть».

«Думаю, мы еще увидимся, — заметил Джаро. — Здесь она — «устричный кекс», а в любом другом месте — не более чем девушка по фамилии Хутценрайтер».

На летних каникулах Джаро работал в мастерской космического порта. Трио Хартунг назначил его помощником механика по имени Гэйнг Нейтцбек, грузного приземистого субъекта с жестким ершиком седых волос, задубевшей от загара и ветра кожей и вечной недоброй усмешкой на лице. Тоун Мэйхак раньше как-то уже познакомил их.

Отведя Джаро в сторону, Хартунг посоветовал: «Пусть тебя не обманывает внешность Гэйнга. Он не такой терпеливый и покладистый, каким кажется».

Джаро с сомнением взглянул на Нейтцбека — по его мнению, тот вовсе не казался ни покладистым, ни терпеливым. Лицо Нейтцбека напоминало трагическую маску мумии с мутно поблескивающими глазами и мясистым вмятым носом, который ломали так неудачно или так часто, что он сначала был свернут в одну сторону, а потом в другую. У Нейтцбека были широкие плечи, грудь колесом, длинные руки, массивные и сильные ноги. Он передвигался, однако, слегка ссутулившись, какими-то рывками и скачками.

Хартунг продолжал: «По правде говоря, Гэйнг — жуткая образина, но он знает о звездолетах и космосе все, что можно знать. Выполняй его указания и говори с ним только тогда, когда это потребуется — и вы с ним поладите».

Джаро подошел к Нейтцбеку: «Сударь, я готов работать, как только у вас будет время поручить мне работу».

«Хорошо, — ответил Гэйнг. — Я покажу, что нужно сделать».

Джаро обнаружил, что Нейтцбек придерживался следующего подхода: он поручал ему что-либо, после чего уходил и предоставлял Джаро возможность выполнять задание, полагаясь исключительно на себя, а когда задание было выполнено, подвергал результаты тщательной проверке. Такой подход не слишком тревожил Джаро и даже слегка развлекал его, так как он твердо решил добиться совершенства во всем, что он делал в мастерской, и даже превзойти ожидания. Поэтому от Нейтцбека он почти не слышал никаких нареканий, кроме неразборчивого разочарованного ворчания, объяснявшегося по-видимому, тем, что Гэйнг не мог найти основательных причин для выговора. Джаро постепенно перестал волноваться. Он неукоснительно выполнял инструкции и говорил с Нейтцбеком только тогда, когда тот к нему обращался, что очевидно вполне устраивало старого механика. Гэйнг поручал Джаро всю грязную работу, которой сам стремился избежать. Джаро набрасывался на каждое новое поручение с энергией и целеустремленностью, стараясь делать все, что требовалось, эффективно и безукоризненно — хотя бы для того, чтобы Нейтцбеку не к чему было придраться.

По мнению Джаро, к Нейтцбеку невозможно было испытывать неприязнь. Его нельзя было обвинить ни в мелочности, ни в несправедливости, а когда это требовалось, он выкладывался не меньше самого Джаро. Кроме того, Джаро начинал подмечать в характере Нейтцбека особенности, которые механик старался скрывать.

Джаро вскоре понял, что, если он будет прилежно работать и учиться всему, чему Нейтцбек мог или хотел его научить, в конечном счете он станет высококвалифицированным космическим механиком, способным починить практически любой компонент любого звездолета.

Месяца через полтора Джаро встретился в коридоре с Трио Хартунгом. Тот спросил,

как идут дела.

«Хорошо», — ответил Джаро.

«И с Гэйнгом у тебя нет никаких проблем?»

Джаро ухмыльнулся: «Я стараюсь его не раздражать. Начинаю понимать, что в каком-то смысле он необыкновенная личность».

Хартунг кивнул: «Можно сказать и так. У него была бурная жизнь, он успел побывать во всех уголках Ойкумены, в Запределье — и кто знает, где еще? Говорят, он работал в МСБР — учил рекрутов приемам рукопашной схватки — но в конце концов ему надоели дисциплина и необходимость изображать энтузиазм».

«Поразительно! — заметил Джаро. — Не хотел бы столкнуться с ним в темной подворотне после того, как испорчу ему настроение».

«Это маловероятно, — заверил его Хартунг. — Ты ему нравишься. Он говорит, что ты — хороший работник, не отлыниваешь и упрямее его самого. Кроме того, ты не отвлекаешь его пустой болтовней. Со стороны Гэйнга на лучшую оценку трудно надеяться. Сам он тебе никогда ничего такого не скажет».

Джаро снова ухмыльнулся: «Рад это слышать от вас».

Хартунг повернулся, чтобы уйти, но остановился: «Кажется, ты говорил, что поступаешь в Лицей?»

«Примерно через месяц».

«Если хочешь, я могу давать тебе работу по вечерам, если твое расписание не помешает».

«Большое спасибо, господин Хартунг!»

Первые два года в Лицее Джаро провел относительно спокойно. Выбирая основной учебный план, он сосредоточился на научно-технических дисциплинах и математике. В первом году он выбрал также три факультативных курса, надеясь таким образом порадовать Фатов: элементарную теорию гармонии, общую историю музыки и обучение игре на суаноле. Этот инструмент чем-то походил на древнюю концертину: насос подавал воздух в язычковые трубы, а клавиши открывали и закрывали клапаны труб двух регистров, верхнего и нижнего. Фаты считали суанолу тривиальным, даже несколько вульгарным инструментом, но воздерживались от критики, чтобы поддержать попытки Джаро доставить им удовольствие. Джаро понимал ограниченность своих музыкальных способностей: он играл аккуратно, но сухо и невыразительно; ему не хватало необузданной, внутренне противоречивой страстности, отличающей выдающегося музыканта от посредственного. Даже посредственные навыки, однако, позволяли ему играть в составе небольшого оркестра «Аркадских фигляров» в костюме пастуха-гитана. Их ансамбль время от времени развлекал народ на вечеринках, пикниках и праздничных карнавалах, в том числе на развлекательных речных судах.

Профессора Фаты в целом одобряли достаточно плотное расписание Джаро; оно почти подавало надежду, что в конце концов он привыкнет к мысли о работе в Институте, предпочтительно в Колледже эстетической философии. Надежда эта подрывалась тем обстоятельством, что Джаро, приучившись вставать пораньше, успевал работать четыре часа в день по выходным в мастерской космопорта.

Джаро несколько не удивило то, что его родители выражали недовольство таким положением дел. Хильер подошел к вопросу с поистине профессорским педантизмом: «Время, которое ты тратишь в мастерской, можно было бы использовать более конструктивно».

«Я учусь ремонтировать звездолеты и, может быть, управлять ими, — мягко отвечал Джаро. — Разве это не полезные навыки?»

«На самом деле нет. Это работа для специалистов. Космос — не более чем пустота между цивилизованными средами. Сам по себе космос не может быть пунктом назначения или местом проживания. Любые романтические представления, связанные с космическими полетами, поверхностны и надуманны».

Джаро улыбнулся: «Не беспокойся. Если я не буду справляться с учебой, я брошу эту работу».

Хильер прекрасно понимал, что Джаро без особого труда мог выполнять все требования, предъявляемые в Лицее. Тем не менее, он не сдавался: «Из того, что ты рассказываешь, становится ясно, что на тебя сваливают самую трудоемкую и неприятную работу — сортировку мелких компонентов, протирку масляных пятен и выполнение мелких поручений какого-то угрюмого механика».

«К сожалению, это так, — вздохнул Джаро. — Тем не менее, кому-то нужно все это делать. Такие вещи всегда поручают новичкам. Кроме того, Гэйнг Нейтцбек не так плох, как может показаться с первого взгляда. Ему нравится, как я работаю; теперь, когда мы встречаемся, он что-то бурчит, а не делает вид, что я не существую. Тем временем, я мало-

помалу начинаю разбираться в том, как летают космические корабли».

«И все-таки я тебя не понимаю, — капризно упорствовал Хильер. — Какая польза в таких навыках для молодого человека с твоими способностями? Космическим механикам не так уж много платят — эта сторона их жизни не может тебя привлекать. Тем временем, ты даже не тратишь деньги, выданные тебе на довольствие — твоя мать донесла, что ты их копишь в банке из-под варенья».

«Ну и что? Я коплю деньги с определенной целью».

«С какой именно?» — холодно спросил Хильер, хотя прекрасно знал ответ.

Тем не менее, Джаро вежливо ответил: «Я хочу узнать правду о себе. Эта тайна постоянно занимает мои мысли, и я не успокоюсь, пока ее не разгадаю. Но я не могу просить вас финансировать погоню за призраками. Постараюсь сам заработать необходимые деньги».

Хильер нетерпеливо махнул рукой: «Забудь пока что о разгадке тайн; ученая степень в Институте — необходимое условие обеспеченной жизни. Без нее ты станешь игрушкой в руках судьбы или бродягой».

Джаро молчал, и Хильер строго продолжал: «Настойчиво рекомендую отложить авантюрные поиски — в любом случае, скорее всего, тщетные. В первую очередь тебе нужно заняться важными вещами. Твоя мать и я пожертвуем всем, что у нас есть, для того, чтобы ты получил надлежащее образование — но мы будем противиться любым попыткам сбиться с пути академической карьеры, противоречащим твоим интересам».

В этот момент в комнату зашла Альтея. Ни Хильер, ни Джаро не испытывали никакого желания продолжать разговор, и на том дело кончилось.

Для Джаро три первых года в Лицее промчались так незаметно, что впоследствии, когда он вспоминал об этом времени, оно сливалось в одну неразборчивую картину. Проходили его последние безмятежные дни — никогда больше в его жизни не будет такого душевного покоя.

Тем не менее, даже эти годы не были лишены событий, не говоря уже о сотнях постепенных изменений. Джаро вырос еще на пару вершков и превратился в стройного широкоплечего юношу — скорее жилистого, нежели мускулистого, немногословного и замкнутого в себе. Когда девушки собирались, чтобы поболтать о своих делах, их мнения сходились в том, что Джаро привлекателен, хотя и в несколько аскетическом роде, подобно героям романтических легенд. Какая жалость, что он остался, смешно сказать, профаном!

Во время каникул, наступивших после третьего года обучения в Лицее, Джаро позволили работать в мастерской космического терминала столько, сколько он хотел. Однажды он взялся за выполнение особенно сложного задания. У него все получилось, причем он закончил работу достаточно быстро. Он проверил механизм измерительными приборами и калибрами: по-видимому, все было в порядке. Джаро подписал отчетную ведомость. Обернувшись, он обнаружил, что рядом стоял Гэйнг Нейтцбек. Морщинистое лицо механика, как всегда, сохраняло непроницаемое выражение. Джаро мог только надеяться, что, выполняя инструкции, не допустил никакой ошибки. Нейтцбек взглянул на ведомость и произнес — мягким глуховатым тоном, какого Джаро никогда раньше от него не слышал: «Ты неплохо справился с этой штуковиной: теперь она работает лучше прежнего. Причем у тебя ушло на это не слишком много времени».

«Благодарю вас», — отозвался Джаро.

Гэйнг продолжал: «Впредь можешь считать себя квалифицированным помощником механика — твой оклад соответственно повысится». Нейтцбек достал с полки бугорчатый кувшин из лиловато-серого плавленого камня. Откупорив его, механик щедро наполнил янтарной жидкостью два приземистых керамических стаканчика: «По этому случаю не мешает клюкнуть «Особого старательского» — будь уверен, его не подают в здешних заведениях». Гэйнг пододвинул один стаканчик поближе к Джаро: «Твое здоровье!»

Гэйнг поднес стаканчик ко рту, кивнул и опрокинул содержимое в глотку. Приготовившись к самому худшему, Джаро проглотил добрую половину предложенной ему порции. «Терпение и спокойствие!» — приказал он себе. Теперь ни в коем случае нельзя было давиться и кашлять — от него требовалось вежливое выражение благодарности.

Наконец огненная жидкость достигла желудка и улеглась. Джаро медленно выдохнул. Он понимал, что от него ожидалось какое-нибудь замечание. Но в первую очередь следовало не забывать о самом важном, как мог бы выразиться Хильер Фат. Джаро снова поднес к губам приземистый стаканчик и залпом допил оставшийся в нем «Особый старательский». Моргнув, он осторожно поставил стаканчик на верстак и попытался придать голосу надлежащую решительность: «Я не слишком разбираюсь в крепких напитках, но, по-моему, это исключительно бодрящее пойло. В любом случае, так подсказывает инстинкт».

«Инстинкт тебя не обманывает! — столь же решительно подтвердил Нейтцбек. — Ты открыл для себя важную истину, и твоя откровенность внушает доверие. О человеке многое

можно сказать, наблюдая за тем, как он опрокидывает стаканчик. Хорошенько насосавшись, каждый говорит первое, что приходит в голову — чего только мне не приходилось слышать! Мне рассказывали истории, полные скорби и ужаса, через несколько минут сменявшиеся разгульными песнями. Одни похваляются происхождением и претендуют на врожденное превосходство, другие делятся тайнами. Одни вспоминают красивых женщин, другие со слезами поминают доброту матерей». Гэйнг снова поднял кувшин и вопросительно взглянул на Джаро: «Еще полстаканчика? Нет? Может быть, ты прав — сегодня нам еще нужно работать. Завтра, между прочим, мы пойдем делать окончательный обход черному «Скарабею». Нейтцбек ткнул пальцем в сторону элегантной космической яхты, поменьше «Фарсанга», но, тем не менее, вполне внушительной.

Джаро не мог найти слов: «Вы и я? Больше никого?»

«Так точно! Работу поручили нам. Тебе пора разбираться в предполетной наладке».

Джаро вернулся в Приют Сильфид в радостном возбуждении. Повышение в должности имело для него большое значение: отныне он мог с полным основанием говорить о себе как о космическом механике, причем вскоре ему предстояло научиться бортовой наладке и управлению космическим кораблем.

Через три недели, закончив смену, Джаро проходил вдоль вереницы спящих звездолетов. Приближаясь к «Фарсангу» серии «Мерцающий путь», он увидел Лиссель Биннок — та нервно прохаживалась туда-сюда вдоль корабля, пока два пожилых господина изучали карту, развернутую на выступе правого борта. Разговор явно контролировался старшим и более энергичным из собеседников. Он ограничивался краткими безоговорочными утверждениями, тыкая в карту негнувшимся указательным пальцем, а замечания другого господина игнорировал.

Оба незнакомца явно одевались у лучших портных города и вели себя с самоуверенностью, свидетельствующей о высоком иерархическом статусе. Старший — высокий и худощавый, с продолговатым бледным лицом, копной седых волос и заостренной белой бородкой клинышком, отличался сухостью и спокойствием манер. Другой господин, упитанный и слегка покрывшийся испариной, поблескивал розовой кожей и поглядывал вокруг по-собачьи яркими карими глазами.

Лиссель прислонилась к закраине правого борта «Фарсанга», постукивая пальцами по глянцево-черной поверхности. Она заметила приближение молодого человека приятной наружности — появилась возможность немного развлечься! Лиссель приняла позу, изображавшую ленивое безразличие — и только тогда, когда молодой человек оказался вблизи, соблаговолила повернуть голову и устремить на него взгляд голубых глаз, заставлявший таять все сердца. К своему удивлению, она узнала Джаро, одноклассника из Ланголенской гимназии. Они не были хорошо знакомы, так как Лиссель была повседневно занята привлечением внимания более престижных персон — таких прилежных карьеристов, как Ханафер Глакеншоу, Алджер Оулс и Кош Диффенбоккер, а также прочих честолюбцев, цепко карабкавшихся, подобно вьющимся растениям, по гимнастической стенке социальной иерархии. Им прочили блестящее будущее, а некоторые уже стали кандидатами в члены молодежного филиала Квадратуры круга. Сама Лиссель агрессивно боролась за место под солнцем и продолжала посвящать этой цели каждую минуту, применяя собственные тайные методы, уже позволившие ей заслужить черный с серебряной эмблемой значок немаловажных «Уклонистов». Ей нравился престиж, но она наслаждалась влиянием своих естественных чар даже больше, чем общественной репутацией, в связи с чем ей было приятно встретиться с Джаро, хотя она едва его помнила.

Джаро реагировал на Лиссель более прямолинейно, как это и свойственно молодым здоровым представителям мужского пола. Он хотел бы подойти к ней, засвидетельствовать почтение и, ограничившись минимальным количеством общения, как того требовала вежливость, затащить ее в постель. За прошедшие годы Лиссель мало изменилась. Ее тонкие, матово-золотистые волосы спускались почти до плеч, и каждое ее движение вызывало смятение воздушных волнистых локонов. У нее было утонченное, даже хрупкое лицо с круглыми невинно-голубыми глазами и широким ртом, постоянно кривившимся и дрожавшим в такт мыслям, порхавшим и менявшим направление подобно бабочке — она то улыбалась, то дулась, то поджимала губы, то гримасничала, то опускала уголки губ с насмешливым сожалением, то прикусывала нижнюю губу, словно ребенок, задумавший проказу, но застигнутый врасплох. Когда Лиссель приходила в возбуждение, ее грациозная

гибкая фигура почти извивалась, не в силах сдерживать безудержную энергию маленького привязчивого животного. Девушки побаивались ее и чувствовали себя в ее компании как неряшливые чучела. Молодых людей, однако, она завораживала, будучи предметом бесконечных вопросов и предположений. Можно ли было быть уверенным, в ее случае, что дыма без огня не бывает? Никому, по-видимому, еще не удалось раскрыть тайну Лиссель, хотя многие уделяли этой проблеме серьезное внимание.

«Кажется, тебя зовут Джаро?» — весело, нараспев спросила она, после чего впилась глазами в его лицо, ожидая подобострастной обрадованной улыбки замеченного ничтожества.

«Да, меня так зовут, — вежливо ответил Джаро. — Я тебя помню — теперь ты тоже учишься в Лицее».

Лиссель кивнула; по ее мнению, Джаро вел себя чопорно, даже скучновато: «Что ты тут делаешь, если не секрет?»

«Здесь нет никакой тайны! Я работаю в мастерской».

«А, конечно! Теперь припоминаю! Ты — отважный юноша, мечтавший стать астронавтом!»

Джаро уловил в голосе Лиссель издевательский оттенок — для нее насмешка была средством избавления от скуки; она пользовалась этим средством с энтузиазмом неведения, как котенок пользуется когтями, когда точит их, уничтожая дорогую лакированную мебель. Джаро безразлично пожал плечами. Укол не произвел ожидаемого действия, что раздосадовало Лиссель. Она надула щеки и сморщила нос, показывая, что Джаро успел ей наскучить. Но Джаро смотрел поверх ее головы на «Фарсанг» и не заметил трудоемкую гримасу. Лиссель нахмурилась. Джаро был профаном — то есть трезвой личностью без чувства юмора. Такой ли уж трезвой? Лиссель с подозрением прищурилась и спросила: «Почему ты ухмыляешься?»

Джаро обратил на нее наивный непонимающий взгляд. Лиссель не успокаивалась: «Мне не нравится, когда надо мной смеются!»

Уже откровенно веселясь, Джаро отозвался: «По правде говоря, я наслаждался открывшейся картиной».

Изящный рот Лиссель чуть приоткрылся. В замешательстве она спросила: «Какой картиной?»

««Фарсангом» — ты же стоишь прямо перед ним! В результате возникает впечатление, что я смотрю на страницу рекламы звездолета в модном журнале».

Раздражение Лиссель поубавилось: «А! Значит, даже профан может делать галантные комплименты».

Джаро поднял брови и начал было отвечать, но передумал и спросил: «Кто твои знакомые?»

Лиссель покосилась на двух пожилых господ: «Персоны чрезвычайно высокого статуса, вхожие в клубы «Валь-Верде» и «Кахулибов»». Она подождала, чтобы Джаро воспользовался возможностью выразить трепетное почтение, но тот молчал, глядя на нее со спокойным любопытством. Лиссель указала на упитанного господина: «Это мой дядя, Форби Мильдун. Другой, с дьявольской бородкой — владелец «Фарсанга» Гильфонг Рют, черт бы его побрал!» Заметив удивление Джаро, она пояснила: «Он совершенно лишен здравого смысла и выводит меня из себя!»

Джаро взглянул на богача, вызывавшего у Лиссель такие сильные чувства: «Он выглядит

как вполне здравомыслящий человек».

Лиссель не могла поверить своим ушам: «Ты шутишь!»

«Мне приходится судить о нем по спине, он отвернулся», — сокрушенно развел руками Джаро.

«О людях нельзя судить по спине».

«В таком случае, не будешь ли ты любезна объяснить, почему, по твоему мнению, господин Рют лишен здравого смысла?»

«Он купил «Фарсанг» пять лет тому назад и за все это время летал на нем в космос только один раз. Разве это разумно?»

«Может быть, его мучает космическая болезнь — или боязнь открытых пространств. А почему тебя это беспокоит?»

«Меня это очень даже беспокоит, и дядю Форби тоже! Господин Рют обещал продать ему «Фарсанг» по сходной цене, а теперь упирается и торгуется и называет сначала одну цифру, потому другую, и все они никому не по карману!»

«Похоже на то, что он просто не хочет расставаться со звездолетом».

Набычившись, Лиссель злобно вперила взор в Гильфонга Рюта: «Если это так, с его стороны это исключительно неосмотрительно».

«Почему же?»

«Потому что дядя Форби обещал взять меня с собой в круиз по планетам, на целый год, как только купит «Фарсанг»! Но я успею состариться и покроюсь морщинами, ожидая выполнения его обещаний!»

«Ничего страшного, — успокоил ее Джаро. — Как только у меня будет своя космическая яхта, мы с тобой улетим куда-нибудь за скопление Виггса — на год, а то и на два».

Лиссель надменно подняла брови: «Тебе пришлось бы взять с собой также мою мать, в качестве дуэньи, а она может воспротивиться такому времяпровождению. Подобно другим патронам клуба «Бустамонте», она терпеть не может представителей низших социальных слоев. Если мама узнает, что ты — профан, она обзовет тебя «проньрой» и выгонит тебя из звездолета».

«Из моего собственного звездолета?»

«Разумеется — если она сочтет это целесообразным».

Перед лицом такого заявления Джаро было нечего сказать. Лиссель снова прислонилась к кораблю и рассматривала ногти. Джаро ей уже наскучил. Конечно, он выглядел аккуратно и гигиенично, но в нем не было той бесшабашной готовности рисоваться и совершать безумства, чтобы заслужить ее одобрение, которая делала общество других молодых людей приятно щекочущим самолюбие. «Безвольное, робкое существо! — презрительно думала она. — Профан, да и только».

Лиссель обернулась, чтобы проверить, насколько дядя Форби преуспевал в попытках повлиять на Гильфонга Рюта. Судя по осунувшейся физиономии Мильдуна, попытки эти ни к чему не приводили.

«О чем они так долго говорят?» — спросил Джаро.

«Так, о разных делах, — беззаботно отозвалась Лиссель. — Ожидается какая-то крупная застройка. Если все получится, и господин Рют соизволит вложить капитал, у нас не будет никаких проблем. Предполагается, что я могу очаровать Рюта невинными голубыми глазками и заставить его пойти на уступки».

Форби Мильдун свернул карту и поднялся по трапу в салон космической яхты вместе с ее владельцем; Лиссель последовала за ними. Задержавшись на верхней ступеньке, она обернулась с не поддающимся истолкованию выражением, после чего исчезла внутри. Пожав плечами, Джаро направился к выходу из терминала.

Еще через три дня Хильера и Альтею Фатов повысили в должности за выслугу лет, сделав их ординарными профессорами Института, что означало существенное увеличение жалованья. Их статус также повысился — настолько, что их зачислили в клуб «Альтровертов» — группу интеллектуалов, диссидентов, занимавших важные должности профанов и прочих свободомыслящих личностей, не особенно стремившихся карабкаться по ступеням социальной лестницы; среди «альтровертов» числились даже перебежчики из клуба «Лемуров».

Фаты притворялись, что их не интересовал новоприобретенный статус, но втайне радовались такому признанию — они считали его не только заслуженным, но и более чем запоздалым. Они начали даже рассматривать возможность приглашения некоторых «альтровертов» в Приют Сильфид.

«Мои изящные подсвечники стоят без дела целую вечность! — вздыхала Альтея. — Кроме того, Хильер — и, пожалуйста, не надо ворчать — невозможно отрицать, что наш дряхлый дом нуждается в обновлении как изнутри, так и снаружи. Теперь мы можем себе это позволить, и нет никаких причин откладывать ремонт. А после ремонта мы сможем приглашать на ужин гостей — таких, как профессор Чабат и леди Интрикс — и не чувствовать себя при этом последним отребьем».

«Я не прочь чувствовать себя последним отребьем, — отозвался Хильер, склонный к прижимистости в том, что касалось денег. — Если кому-нибудь угодно истолковывать мои привычки как следствие низкого происхождения, пусть говорят, что хотят!»

Отважные заявления мужа не обманывали Альтею: «Не притворяйся, Хильер! Я знаю что тебе нравятся ужины и вечеринки не меньше, чем мне — ты просто слишком упрям, чтобы в этом признаться».

Хильер рассмеялся: «Да и нет! По правде говоря, я боюсь тратить большие деньги без особой надобности».

«Не совсем понимаю, о чем ты говоришь».

«Помнишь, двадцать лет тому назад ходили слухи о новых пригородах и о продолжении северной застройки? Вчера я снова что-то такое слышал. Думаю, рано или поздно это произойдет».

«До тех пор сто лет пройдет! — возразила Альтея. — Танет уже расширился на восток, за холмы и в долину Вервиля. Почему бы застройка внезапно двинулась в нашем направлении?»

«Вполне может быть, что ты права, — сказал Хильер. — Но если ты ошибаешься, нам лучше было бы убраться отсюда, пока тут не начнется перенаселение. В этом отношении должен заметить, что сегодня утром мне предложили продать дом и землю».

«Неужели? Кто именно?»

«Тот же субъект, что и раньше — агент по продаже недвижимости, Форби Мильдун. Он упомянул, что ему поручили сбыть несколько прекрасных новых коттеджей в округе Каттерлайн, и что он мог бы уступить нам один из них в обмен на то, что он назвал «старым сараем», если бы мы уплатили в придачу еще тысяч десять. Он подчеркнул, что предлагаемые дома — неподалеку от Института, сразу за холмом, что очень удобно».

Альтея глубоко вздохнула: «И что ты на это сказал?»

«Я рассмеялся и сказал, что он просит слишком много. Мильдун ответил, вполне разумно, что в том состоянии, в каком Приют Сильфид находится сегодня, его не продашь ни за какие деньги, но что он мог бы, возможно, уступить тысячу-другую сольдо, если бы мы согласились на некоторые условия. Я сказал, что цена все еще слишком высока. В конце концов мне удалось выторговать новый дом в обмен на старый, плюс шесть с половиной тысяч — но я предупредил его, что не могу заключать никаких сделок, пока не посоветуюсь с тобой и с Джаро. Мильдун хотел знать, почему Джаро мог бы что-нибудь решать по этому поводу. Я объяснил, что Джаро в конце концов должен унаследовать Приют Сильфид и успел привязаться к этому месту, а поэтому к его мнению придется прислушаться. Кроме того, я заметил, что мы могли бы рассмотреть возможность приобретения одного из новых коттеджей за семь с половиной или даже за восемь тысяч, если Приют Сильфид останется за нами».

«Не хочу я жить ни в одном из этих спичечных коробков в Каттерлайне, ни на каких условиях! — разозлилась Альтея. — Они там гнездятся друг на друге, как пчелиные соты! Меня исключительно раздражает предложение этого жулика! Это просто оскорбление, неприкрытое оскорбление!»

На следующий день Хильер, сидя у себя в кабинете в Институте, ответил на телефонный вызов Форби Мильдуна. Мильдун начал разговор живо и радостно: «Если вы помните, мы обсуждали вашу возможную заинтересованность в новом месте жительства в округе Каттерлайн. Исключительно по совпадению, сегодня утром ко мне обратился инопланетный клиент, наводящий предварительные справки. Он дал понять, что его внимание могла бы привлечь недвижимость в сельской местности, поодаль от густонаселенных районов, где он мог бы устроить нечто вроде пригородного ресторана. Я сразу вспомнил о Приюте Сильфид. Должен тут же оговориться, что не хотел бы внушать надежды на внезапное богатство — мой клиент рассчитывает потратить лишь небольшую сумму, а мои комиссионные окажутся ничтожными, но, по моим расчетам, в обмен на шесть с половиной тысяч сольдо и Приют Сильфид с окружающим участком я мог бы подыскать вам очаровательный коттедж в великолепном квартале Каттерлайна, практически в двух шагах от Института».

«Боюсь, вам придется забыть об этом предложении, господин Мильдун, — сухо ответил Хильер. — Прежде всего, мой сын Джаро и слышать не хочет о том, чтобы...»

В голосе Мильдуна появилась напористо-капризная нотка: «На мой взгляд, ему не следовало бы вмешиваться в принятие решений, от которых зависят ваш комфорт и ваша репутация. В конце концов, осмелюсь заметить, Приют Сильфид не выглядит как достойное жилище двух известных ученых, пользующихся всеобщим уважением! Этот обветшалый дом скорее напоминает убежище бродяг и разбойников».

«Моя жена не желает переезжать в Каттерлайн. Она считает этот район банальным и вульгарным. Позвольте поинтересоваться: вы сами живете в Каттерлайне?»

«Конечно, нет! — высокомерно откликнулся Мильдун. — У меня особняк в Шермонд-Парке».

«Разумеется. Что ж, как бы то ни было, это не имеет значения — думаю, что дальнейшее обсуждение этого вопроса вряд ли окажется полезным для вас или для меня. Всего хорошего!»

«Всего хорошего!» — процедил сквозь зубы Мильдун.

К концу осеннего семестра «Аркадских фигляров» наняли развлекать публику во время Суматошной попойки — фестиваля, финансируемого «Изограммами», молодежным клубом-филиалом Квадратуры круга. Суматошная попойка устраивалась ежегодно в качестве праздника, чествующего совокупную весомость квадрантов Квадратуры круга. На протяжении нескольких недель добровольцы и подрядчики занимались украшением павильона Сурси, чтобы он олицетворял улицу в мифическом Пердограде. Накладные фронтоны имитировали здания невообразимой конструкции. На балконах теснились пузырчатые надувные паяцы, разряженные в традиционные пердоградские костюмы: шаровары, огромные ботинки с загнутыми вверх носками и кривые широкополые цилиндры, увенчанные механическими птицами — лопочущими балуками и визгунами с латунными лапами. Ожидалось, что подвыпившие пердоградцы, толпящиеся на площади, должны были красоваться в примерно таких же или еще более смехотворных нарядах. В расставленных вдоль улицы киосках желающим бесплатно наливали большие кружки «бубла» — напиток, якобы приготовленного по тайному рецепту, практически не менявшемуся из года в год. Для того, чтобы гулянье сопровождалось веселыми джигами и «ухажерскими танцами», наняли три оркестра — в том числе «Аркадских фигляров». Считалось, что каждый «изограмм» обязан был веселиться на Суматошной попойке — если он не умер и не находился на другой планете.

В условленное время «Аркадские фигляры» заняли места в искусственном гроте, сооруженном над центральной прогулочной площадкой. Над головами оркестрантов мерцали тысячи лиловых и зеленых огоньков, создававших приглушенно-дрожащее освещение не поддающегося определению оттенка.

Как всегда, «Фигляры» усердно отыграли подходящие к случаю номера, после чего спустились из грота, чтобы передохнуть и промочить горло. Подобно остальным музыкантам, Джаро оделся в костюм бродячего пастуха-гитана: обтягивающие бриджи из черного вельвета, серовато-коричневый кафтан с розовой прошивкой крест-накрест и темно-алый колпак с длинной черной кисточкой, свисающей вдоль левого уха. Разглядывая гуляющих, Джаро обернулся и оказался лицом к лицу с веселящейся парой — на него чуть не налетела Лиссель Биннок в сопровождении молодого человека, нарядившегося пердоградским головорезом.

Лиссель тут же остановилась и уставилась на Джаро. На ней были сетчатая белая юбка до колен, черная безрукавка и тиара, сплетенная из зеленых листьев африканского тюльпана — пышный венок, подобающий лесной нимфе. Лиссель узнала его, удивилась и тихо воскликнула: «Джаро! Астронавт Джаро — это ты?»

Джаро не отрицал свое присутствие. Странно! Лиссель, как всегда, выглядела жизнерадостной и обворожительной, готовой принять участие в любой подвернувшейся проказе — короче говоря, в ее поведении не было ничего необычного. Тем не менее, Джаро не мог не заметить в ней какое-то непонятное противоречие. Когда они встретились в последний раз, Лиссель даже не пыталась скрывать, что общение с Джаро навело на нее смертельную скуку. Чем объяснялось, в таком случае, ее нынешнее возбуждение? Капризом? Возможно.

Лиссель оценила костюм Джаро, после чего взглянула на эстраду в гроте, где Джаро оставил суанолу, и с удивлением спросила: «Так ты еще и музыкант?»

«Мне платят за игру — если это можно назвать музыкой».

«Я вижу там суанолу. Она твоя? Или ты занимаешься глупостями — трещишь зубочистками или стучишь ложками?»

«Я исполняю простенькие мелодии на суаноле. Хорошо стучать кастаньетами гораздо труднее».

«Не скромничай, Джаро! Твои попытки скрывать свои достижения неубедительны».

Пердоградский головорез взял ее под руку: «Пойдем, Лиссель! Наш стол уже накрыли».

Лиссель старательно высвободилась: «Одну минуту. Мне нужно подумать».

Приятель нетерпеливо пытался ее увести: «Пойдем, пойдем! Подумаешь за столом. Тут нечего делать, что тебя задерживает?»

Лиссель снова увернулась: «Перестань мне приказывать, Кош! И не дергай меня за руку. У меня из-за тебя синяки вскочат!»

«Наш стол займут», — недовольно ворчал Кош, враждебно поглядывая на Джаро.

Лиссель усмотрела в сложившейся ситуации возможность позабавиться: «Прошу прощения, я вас друг другу не представила. Джаро, это Кош Диффенбокер. Кош, познакомься с Джаро Фатом».

Кош в замешательстве переводил глаза с Джаро на Лиссель и обратно: «Пора идти, Лисси! Перестань дурака валять. Если мы не поторопимся, наш стол займут».

Лиссель тихонько оттолкнула его: «Вот и торопись! Иди! Спеши! Беги вприпрыжку, со всех ног! Здесь Суматошная попойка — никто даже не обернется, если ты поскачешь на четвереньках, как лягушка!»

«И что я скажу Ханаферу?»

«Говори что хочешь, какое мне дело? Ханафер слишком много о себе думает, если считает, что я должна перед ним отчитываться».

Кош сомневался: «Ты его знаешь. Ханафер разозлится, как черт — он просто не понимает, как можно пренебрегать его желаниями».

«Это общеизвестно. Пойди, займи стол — я скоро приду».

Кош недовольно удалился, проталкиваясь через разряженную толпу. Лиссель снова повернулась к Джаро с дрожащей улыбкой на губах: «Так что же, Джаро — что ты думаешь о нашей великолепной попойке?»

«Декорации, огни, украшения — все это действительно великолепно».

Лиссель радостно рассмеялась: «Я тоже этим занималась — меня назначили в организационный комитет. Вот, смотри! Видишь это чудище в зеленой шляпе, с хвостом, загнутым над спиной? Я нарисовала весь хвост и даже кисточку! Причем я тщательно выбирала краски!»

«Замечательно! У тебя прирожденный талант — тебе следовало бы стать художницей, а не...» — Джаро прикусил язык и сделал вид, что разглядывает гуляющих.

Лиссель потребовала продолжения: «А не кем?»

«Ну, скажем так — а не таинственной соблазнительницей, плетущей тысячи интриг».

«Но я хочу быть и тем, и другим! — заявила Лиссель. — Почему бы я стала себя ограничивать? Тем более, что у меня есть к тебе важное дело».

«Ха! Гм. Какое такое дело?»

Лиссель беззаботно поболтала пальцами в воздухе: «Ну, просто дело, вот и все».

«Я не понимаю, — признался Джаро. — В космопорте ты ясно дала понять, что я не только профан, но еще и на редкость скучный болван. А теперь вдруг все изменилось. Сегодня я прекрасный и замечательный Джаро, блестящий талантами, приятнейший собеседник. Либо ты чего-то от меня хочешь, либо ты в меня влюбилась и решила броситься с головой в водоворот безумной страсти. Как тебя понимать?»

Лиссель покачала головой, изображая потрясение: «Не могу поверить, что ты настолько циничен! Когда мы встретились в ангаре, я беспокоилась по поводу затеи моего дядюшки — и, может быть, поэтому показалась тебе рассеянной. Сегодня все по-другому».

«Вот-вот, — кивнул Джаро. — Именно твое сегодняшнее поведение вызывает подозрения. Напомни мне, почему мы внезапно стали такими близкими друзьями?»

Вытянув указательный палец, Лиссель прикоснулась к кончику носа Джаро — искусный маневр, заставлявший собеседника остро почувствовать ее телесную близость. Джаро решил, что вступить в интимные отношения с Лиссель было бы приятно, хотя такое развитие событий было чревато неожиданностями. Кроме того, оно было исключительно маловероятным, учитывая социальные претензии популярной красавицы. Он сказал: «Если это ответ на мой вопрос, я его не понял».

«А ты и не должен ничего понимать. Таким образом мне удастся не раскрывать тайны».

«Жаль! — отозвался Джаро. — Сегодня у меня нет времени размышлять о тайнах — боюсь, мне придется остаться занудным космическим механиком».

Джаро почувствовал, как у него за спиной выросла высокая фигура. Обернувшись, он увидел грузноватого молодого человека в кричащем ярмарочном костюме пердоградского собачьего парикмахера. Это был не кто иной, как Ханафер Глакеншоу — с лицом, искаженным злобой: «Что тут происходит? Ты что тут делаешь? Профану не место на Суматошной попойке! Вход только по приглашению, для членов Квадратуры круга! Ты не только профан, но еще и проклятый проныра!»

Лиссель протиснулась между ними: «Ханафер, не валяй дурака! Разве ты не видишь, что он играет в оркестре?»

«Какое мне дело? Музыканты должны сидеть где положено — у себя на сцене, а не на площади! Платной прислуге не пристало якшаться с гостями!»

«Ханафер, это просто неприлично! Джаро не делает ничего плохого!»

«Наоборот, это я требую соблюдения приличий! Там, за оградой, на сцене, он — музыкант. Здесь, на площади, он — проныра, да еще и ослабил, как дебил!»

Лиссель с досадой покачала головой: «Тебе не терпится устроить сцену? Пойдем, Кош уже занял для нас стол». Попрошавшись с Джаро быстрым взглядом через плечо, она увела приятеля подобру-поздорову.

Возмущенный Ханафер не успокаивался. Ему никогда не нравился Джаро — Ханафер считал его льстивым и самодовольным выскочкой. Обнаружить этого никчемного профана втирающимся в избранное общество людей, потративших годы на восхождение по лестнице престижа, было просто оскорбительно!

По пути к праздничному столу Ханафер жаловался спутнице: «Почему ты вообще его замечаешь? Какой-то пронырливый туфтяк!»

«Отдай ему должное, Ханафер! — капризно отозвалась Лиссель. — Он умен и хорош играет на суаноле. Кроме того, в каком-то старомодном смысле он неплохо выглядит, разве ты не находишь?»

«Не нахожу!»

Лиссель обожала дразнить Ханафера: «Неужели ты не можешь оказать человеку снисхождение хотя бы в виде исключения? Я хотела бы пригласить его к нашему столу — с ним на самом деле интересно поговорить».

«Будь он третьим воплощением четырехпалого пророка всех кривоверных, мне все равно! Он не приглашен Квадратурой, этим все сказано».

«Ты преувеличиваешь. Жаль, что приходится объяснять тебе такие простые вещи, но это действительно так. Жизнь не ограничивается Квадратурой круга».

«Ха-ха! Да, жизнь продолжается и за пределами Квадратуры, но именно границы Квадратуры отделяют людей с высокой репутацией от пронырливой сволочи, выскочек и подхалимов!»

«Я не верю своим ушам! Как можно отзываться о Джаро в таких выражениях?»

«Именно в таких, ничего лучшего он не заслуживает! Джаро — хам, холуй и холоп! И если он начнет около тебя крутиться, придется так его проучить, что он с визгом подожмет хвост и забудет к тебе дорогу!»

«Имей в виду, тем не менее, что я собираюсь пригласить его играть на Параде Цветов — нам нужны музыканты, и я ожидаю, что ты будешь вести себя достаточно вежливо».

«Посмотрим. Но если он снова начнет втираться в приличное общество, я мигом поставлю его на место!»

Прошло три дня, и встреча с Лиссель на Суматошной попойке начала стираться из памяти Джаро. Вечером четвертого дня, однако, когда Джаро возвращался из Лицея, Лиссель догнала его: «Джаро! Ты проходишь мимо и даже меня не замечаешь?»

Джаро несколько раз решительно обещал себе не связываться с Лиссель, но теперь, к собственному удивлению, выпалил: «Если бы я тебя заметил, то, конечно же, не прошел бы мимо!» Обещать себе разные вещи легко; сдерживать такие обещания гораздо труднее.

Сегодня на Лиссель было простое темно-синее платье с белым воротничком. Она спросила: «Почему ты так на меня смотришь?»

«Я размышляю».

«Даже так? О чем?»

«Думаю, что мне следовало бы сказать: «Добрый вечер, Лиссель! До свидания, Лиссель!»»

Лиссель подошла ближе и указала на небо: «Смотри! Солнце светит в безоблачном небе! Я не какая-нибудь кровожадная хищница с оскаленными клыками. Почему бы нам не поговорить по-человечески?»

«Разумеется. Как тебе будет угодно».

Лиссель быстро посмотрела по сторонам, убедилась, что на дворе перед Лицеем никого нет, и взяла Джаро под руку: «Пойдем куда-нибудь. Здесь все всё замечают, и слухи расползаются мгновенно».

Джаро не слишком охотно позволил себя увести.

«Заглянем в «Старую берлогу», — предложила Лиссель. — Еще не поздно — сейчас там тихо, и мы сможем поговорить».

В «Старой берлоге» они нашли свободный столик на террасе, открывавшейся на задний двор, в тени трех древних олив, скрученными ветвями образовавших нечто вроде лиственной беседки. Официантка принесла им по кружке фруктового пунша. Джаро молча сидел, наблюдая за сменой выражений на подвижной физиономии Лиссель. Через некоторое время девушка потеряла терпение и наклонилась к нему: «Я давно ждала возможности с тобой поговорить».

«Теперь у тебя есть такая возможность! Я тебя слушаю».

Лиссель скорчила печальную гримасу: «По-моему, ты не принимаешь меня всерьез».

«Само собой. О чем ты хотела поговорить?»

Лиссель притворилась обиженной: «О тебе — главным образом».

Джаро рассмеялся: «Зачем меня обсуждать?»

«Ну, например, я слышала, что твое детство окружено какой-то тайной, и что Фаты, на самом деле — не твои родители».

«Это действительно так. Когда мне было шесть лет, меня собирались забить до смерти скучающие хулиганы, и Фаты спасли мне жизнь. Это было на другой планете, где они проводили исследования. Они вернулись со мной на Галлингейл и усыновили меня. Вот и вся моя биография».

«Не может быть, чтобы этим ограничивались твои воспоминания!»

«Нет, конечно. Но остальное — довольно сложная история».

«И ты не помнишь настоящих родителей?»

«Нет. Надеюсь, в один прекрасный день мне удастся что-нибудь о них узнать».

Лиссель явно интересовалась его происхождением: «Может быть, ты родился наследником высокопоставленной или высокородной семьи? Не знаю, как называют весомость и престиж на других планетах».

«Все может быть».

«И поэтому ты хочешь стать астронавтом?»

«Отчасти».

«Что, если ты отправишься в космос, но никогда не найдешь то, что искал?»

Джаро пожал плечами: «Не я первый, не я последний».

Лиссель отхлебнула немного фруктового пунша: «Значит, ты можешь улететь с Галлингейла и не вернуться?»

Джаро смотрел на вечеряющее небо сквозь листву олив, пытаясь представить себе будущее. Наконец он сказал: «В любом случае я вернусь в Приют Сильфид — хотя бы для того, чтобы навестить родителей».

Лиссель прикусила нижнюю губу: «Возможно, Фаты предпочтут жить где-нибудь в другом месте, а не в скрипучем старом доме».

Джаро покачал головой: «На самом деле они не хотят никуда переезжать. В этом мы вполне согласны».

«И все же, это невозможно предсказать с уверенностью. Мнения людей меняются со временем».

«В той мере, в какой это зависит от меня, Приют Сильфид останется моим домом. На прошлой неделе какой-то скользкий тип, торговец недвижимостью, пытался всучить Фатам коттедж размером со спичечный коробок — где-то в районе Каттерлайн. Он явно вел себя, как последний мошенник, и Хильер только над ним посмеялся».

Лиссель поморщилась: «Твоему отцу не следует судить о людях опрометчиво. Этот агент вполне мог предлагать добросовестную сделку».

«Опять же, все возможно».

Лиссель взяла его за руку — Джаро ощутил пожатие пальцев: «Гораздо лучше относиться к людям с доверием. Я хотела бы, чтобы ты воспитывал в себе такое отношение, чтобы ты мог с сочувствием отнестись ко мне и помочь мне в решении моих проблем».

Джаро осторожно высвободил руку: «Я предпочел бы сочувствовать на некотором расстоянии, чтобы не брать на себя преждевременно лишние обязательства».

Уголки рта Лиссель скорбно опустили: «А я думала, что ты не прочь со мной подружиться!»

Джаро усмехнулся: «Подружиться-то я с тобой не прочь — но, по-видимому, мы по-разному понимаем сущность дружеских взаимоотношений».

«В дружбе нет ничего плохого», — осторожно высказалась Лиссель.

«Разумеется, нет. Но настоящие друзья не боятся показываться на вечеринках вместе, а нам приходится прятаться в «Старой берлоге» только для того, чтобы поговорить».

Лиссель, судя по всему, колебалась, пытаясь принять какое-то решение: «Все это не так уж важно! Если ты будешь вести себя хорошо и поможешь осуществить мои планы, мы сможем оставаться друзьями». И она робко прибавила: «В какой-то степени».

«Позволь мне внести ясность в положение вещей, — сказал Джаро. — Твое присутствие оказывает на меня сильное влияние. Это влияние вызывает обильное выделение гормонов,

циркулирующих в крови; от этого у меня кружится голова, и мне хочется тебя схватить, сжать покрепче и затащить в постель. Дружба при этом отодвигается на второй план».

«Такая перспектива нецелесообразна! — решительно ответила Лиссель. — Если бы я ожидала, что меня схватят, сожмут покрепче и затащат в постель, я опасалась бы за свою репутацию. Кроме того, я упрекнула бы виновника в пренебрежении моими желаниями — даже если бы виновником оказался ты».

«В таком случае... — Джаро сделал жест рукой, выражавший фаталистическую покорность судьбе. — В таком случае наши отношения бесперспективны».

«Ты слишком быстро сдаешься, — насупившись, заметила Лиссель. — Это почти оскорбительно! При том, что я хотела пригласить тебя на Парад Цветов! Я упоминала об этом на Суматошной попойке, разве ты не помнишь?»

«Нет, не помню».

«Парад Цветов — садовая вечеринка «Уклонистов». Я хотела бы, чтобы ты на ней присутствовал. Тебе там понравится — вокруг будет бесконечное множество цветов!»

«При чем тут я? Я не уклонист, я никто. Меня не пропустят дальше первого одуванчика. Кроме того, если меня заметит Ханафер, он снова начнет вопить и обзывать меня пронырой».

«Неважно! Ты придешь по моему личному приглашению — все это не так уж официально, не беспокойся. Меня выбрали в комитет фестиваля, и мы хотим, чтобы это был самый великолепный праздник сезона. Мы устроим целые каскады цветов! Всем будут подавать большие чугунные кружки, наполненные до краев пурпурной «Граденцией»! И, конечно же, не нужно оркестра — мы хотим, чтобы ты нарядился парковым сатиром и бродил среди гуляющих, играя веселые мелодии на суаноле».

«Ты хочешь, чтобы я нарядился сатиром?» — не веря своим ушам, вполголоса спросил Джаро.

«Ничего страшного! Мы уже придумали подходящий костюм: он ужасно смешной, с цилиндром набекрень, зелеными панталонами и потешным овечьим хвостиком, пришитым сзади — ну, там, где обычно пришивают хвосты, — Лиссель хихикнула. — Хвостик соединен проволокой с коленом; когда ты начнешь прыгать, подбрасывая колени, хвостик будет болтаться из стороны в сторону. Забавно, как ты думаешь?»

Джаро ошеломленно смотрел на собеседницу. Лиссель щебетала, как ни в чем не бывало: «А я наряжусь голубым дьяволенком в синих кружевных тапочках. Настоящим костюмом это назвать трудно — он почти ничего не скрывает — но на Параде Цветов определенная смелость не помешает. По сути дела, таков стиль «Уклонистов»! Кроме «Граденции», будут подавать шербет из титилантуса в вазочках из подлинного молочного стекла! А еще выставят целый чан самогона, приготовленного по особому рецепту специально для Парада Цветов — он называется «Флеррийская Забамба». Говорят, его дали попробовать Яшеру Фаркинбеку, и он здорово наклюкался. Тебе это пойло тоже понравится, вот увидишь!»

Наклонившись над столом, Джаро взял ее за руки: «Лиссель, тебе предстоит пронаблюдать взрывообразную аннигиляцию двух антагонистических представлений о садовой вечеринке».

«Не понимаю».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Другими словами, существуют два варианта одной и той же вечеринки. Они

несовместимы — если ты выберешь один, другой отменяется».

«Зачем из всего делать какую-то мелодраму и выражаться напыщенными фразами? — Лиссель пыталась высвободиться. — Ты выглядишь так мрачно! Пусти меня!»

Джаро отпустил ее: «Позволь мне рассказать о двух вечеринках. Первая — несомненный успех, торжество! Под безоблачным небом подают замечательные напитки. Парковый сатир всех развеселил своими наигрышами, кривлянием и прыжками. Ханафер Глакеншоу доволен. Яшер Фаркинбек наклюкался. Лиссель Биннок сияет: ее красота соблазнила каждого юношу и вызвала ревность у каждой девушки».

«Замечательно! — закатила глаза Лиссель. — Можешь не продолжать — я выбираю именно такой Парад Цветов!»

«Подожди! Теперь я расскажу о второй версии того же праздника. На этот Парад Цветов ты прибываешь в моем сопровождении, и мы одеты в похожие костюмы. Ты носишь мою суанолу, а я могу на ней играть или не играть, в зависимости от настроения — может быть, у меня возникнет такое желание после нескольких глотков «Флеррийской Забамбы». Мы проведем вечер вместе, а затем, с наступлением темноты, удалимся в ночную мглу. У нас останутся самые приятные воспоминания об этой вечеринке и друг о друге».

Джаро прервался, но Лиссель произнесла ни слова — она пребывала в замешательстве.

Джаро продолжил: «Если ты выберешь один вариант вечеринки, другой исчезнет. Например, если ты выберешь первый вариант, сатир сыграет все, что от него требуется, ему заплатят, и он вернется к себе домой. Но этим сатиром, конечно же, не буду я».

«Ты шутишь!»

«Никаких шуток — выбирай».

«Второй вариант — полная бессмыслица! Твоя затея закончится провалом — ни в коем случае не стану в ней участвовать!»

Джаро поднялся на ноги: «В таком случае больше не о чем говорить. Я пойду домой». Он направился к выходу. Через несколько секунд Лиссель догнала его бегом, схватила за руку и остановила: «Разве можно быть таким обидчивым? Ты ведешь себя просто неприлично!»

«А ты ведешь себя просто оскорбительно! Ты меня гипнотизируешь и соблазняешь только для того, чтобы нарядить меня сатиром всем на посмешище и заставить меня бесплатно развлекать публику игрой на суаноле. При том, что на самом деле я тебе даже не нравлюсь».

Лиссель заглянула Джаро в глаза, придвинувшись поближе: «Ты обвиняешь меня в том, чего у меня и в мыслях не было! А на самом деле это ты притворялся, что мной интересуешься!»

Джаро вытянул руку: «Смотри! Видишь, как дрожит моя рука? Мне приходится подавлять животные инстинкты. В них нет никакого притворства».

Лиссель ухмыльнулась и поежилась, словно по всему ее телу пробежала электрическая волна удовольствия: «Постольку, поскольку ты меня слушаешься, я не возражаю против твоих инстинктов. По сути дела, мне нравится такая реакция — она придает мне ощущение неотразимости».

«Меня все это заставляет нервничать впустую, я уже устал. Игра закончена — мне пора домой». Но Джаро все еще не уходил: «Не совсем понятно, однако, чего ты на самом деле от меня хочешь? И как далеко ты готова зайти, чтобы получить то, чего хочешь?»

Лиссель положила ладони ему на плечи: «Я ошиблась, признаюсь!» Она почти

прижалась к нему — Джаро ощутил прикосновение ее груди. Джаро знал, что ему следовало отступить на шаг и выйти из «Старой берлоги», но ноги не слушались его.

«Скажи правду!» — потребовал он.

Лиссель скорчила гримасу: «Какую правду? Главная правда — в том, что я хочу всего! Но я не знаю, как этого добиться, как вообще чего-нибудь добиться. Я запуталась». Она помолчала, после чего тихо сказала — скорее обращаясь к себе, нежели к Джаро: «Я не смею. Вся моя весомость будет потеряна, если нас обнаружат».

Джаро начал отстраняться: «Не хочу больше никаких интриг и не хочу тебя позорить. Поэтому...»

Тишину таверны нарушили гулкие громкие голоса. Обернувшись, Джаро заметил Ханафера Глакеншоу с двумя приятелями — тяжеловесным неуклюжим Алмером Кульпом и поджарым, хищно озирающимся Лонасом Фанчетто.

Руки Лиссель упали с плеч Джаро, она поспешно отступила от него. Ханафер воскликнул, звонко и торжествующе: «А, мне сказали, что ты здесь — вместе с этим потасканным туфтяком!»

«Ты ведешь себя неприлично! — возмутилась Лиссель. — Убирайся отсюда немедленно!»

«Что неприличного в том, чтобы называть вещи своими именами? Проклятого туфтяка давно пора поставить на место».

«Ты не знаешь, о чем говоришь. Джаро — вежливый и талантливый человек, он умеет себя вести гораздо лучше тебя. Слушай меня внимательно! Я пригласила его на Парад Цветов. В связи с приглашением ему условно присвоен статус «уклониста», так что не называй его больше пронырой».

«Конечно, он проныра, кто еще? — взревел Ханафер. — Разве он не профан? Как он может быть «уклонистом», даже условно?»

«Я в организационном комитете и могу назначать кого угодно кем угодно!»

«Только не профана! Это вопиющее нарушение правил, доказывающее, что он пытается к нам втереться, не заслужив никакого статуса! Проныра!» Ханафер резко повернулся к Джаро: «Позволь мне кое-что тебе посоветовать. Держись подальше от Парада Цветов. Нам не нужны на вечеринках беспардонные выскочки, проныры и холуи. Не для того мы тратим столько времени и сил, карабкаясь вверх по ступеням клубной иерархии, чтобы каждый мерзкий профан смотрел на нас сверху вниз и ухмылялся! Вот так — ты меня слышал. Что ты на это скажешь?»

«Ханафер, перестань приставать к Джаро! — воскликнула Лиссель. — Ты ведешь себя, как последний дурак, мне это не нравится! Если ты будешь продолжать в том же духе, мы поссоримся!»

Лицо Ханафера исказилось: «Это ты ведешь себя, как последняя дура — стоишь тут и позволяешь себя лапать этому выскочке! Неужели ты не понимаешь, что он — проныра? Отвратительно!»

«Научись сдержанности, Ханафер! — протестовала Лиссель. — Вспыльчивость тебе не к лицу и ни к чему хорошему не приведет».

Ханафер не слушал ее — он впился горящими глазами в лицо Джаро: «Так что же, профан? Мы друг друга понимаем или нет? Ты все еще собираешься выпендриваться на Параде Цветов и втираться куда не следует — или будешь вести себя, как положено жалкому сопляку и профану?»

Джаро не мог подобрать слова. Сложилась затруднительная ситуация. Он не испытывал ни малейшего желания участвовать в Параде Цветов, и ему не хотелось драться с Ханафером — тяжелым, сильным и подлым увальнем, вполне способным его отколотить. Кроме того, общественное мнение было на стороне Ханафера: никому из клубных карьеристов не нравились проныры, а статус Джаро в качестве «условного уклониста» был неубедителен. Тем не менее, Джаро чувствовал, что не может покорно подчиниться требованиям Ханафера и сохранить при этом самоуважение. Вопреки всякой логике, наклонностям и элементарному здравому смыслу, Джаро сказал: «Я приду, куда захочу — и тебе придется это терпеть».

Ханафер медленно шагнул вперед: «Так ты намерен появиться на Параде Цветов?»

«Не твое дело. Мои намерения тебя не касаются».

«Еще как касаются! Если мы не будем сдерживать проныр, статус потеряет всякое значение».

Лиссель вмешалась: «Джаро придет, потому что я пригласила его меня сопровождать! Отстань от него сейчас же!»

Ханафер удивленно уставился на нее: «Мы же договорились, кажется, что тебя сопровождать буду я? Ты еще напомнила мне не забыть нарядиться пунцовым мошенником!»

«Я передумала. На мне будет костюм голубого дьяволенка, а синие тона с плохо сочетаются с красными».

Ханафер подал знак приятелям: «Возьмите этого выскочку за руки да за ноги и выбросьте его на улицу! Если я начну этим заниматься, не знаю, смогу ли я вовремя остановиться».

Лонас и Алмер приблизились — Алмер лениво расправил сутулые массивные плечи; Лонас вытянул костлявую руку, хватая воздух длинными тонкими пальцами, напоминавшими жвала насекомых — очевидно, таким образом он надеялся напугать Джаро и заставить его поспешно удалиться.

Появился хозяин заведения: «Прекратите, довольно! Вы еще мне будете тут потасовки устраивать! Сейчас вызову дружинников, будете знать!» Он повернулся к Джаро: «А вам, молодой человек, лучше было бы уйти подобру-поздорову».

Джаро пожал плечами и удалился.

Лиссель встала перед Ханафером, яростно сжимая кулаки: «Ты ведешь себя, как деревенский хам! Мне за тебя стыдно!»

«Мне-то как раз нечего стыдиться! — не менее яростно возразил Ханафер. — Ты сама сказала, что я тебя буду сопровождать на Параде Цветов, и что потом мы отужинаем в ресторане «Седьмая миля!»».

«Никогда на это не соглашалась, а если мы об этом и говорили, то это были всего лишь предварительные планы».

«И что же — теперь ты завалишься на Парад с пронырой под руку?»

Лиссель с достоинством выпрямилась: «Когда мне потребуется твой совет, я дам тебе знать. А до тех пор, будь так добр, держи свои мнения при себе».

«Да-да, разумеется. Как тебе угодно!» — Ханафер развернулся на каблуках и промаршировал вон из «Старой берлоги» в сопровождении обоих приятелей.

Джаро закончил вечернюю смену в мастерской космопорта и возвращался домой. Он вышел из муниципального автобуса на конечной остановке — там, где дорога Катцвольда углублялась в Наинский лес. До Приюта Сильфид оставалось еще около километра. Стемнело — наступила теплая душноватая ночь; в перистых облаках плыла сине-зеленая луна Миш.

Возвращавшийся в город автобус скрылся, наступила тишина. Джаро направился на север через лес, шагая почти бесшумно — громкие звуки в такую ночь казались неподобающими.

Луну закрыло плотное кучевое облако — мрак сгустился настолько, что дорога стала почти неразличимой, и Джаро замедлил шаг, чтобы не наткнуться на шиповатые кусты, растущие вдоль обочины. По какой-то непонятной причине сегодня дорога казалась незнакомой, словно Джаро заблудился и оказался в каком-то другом лесу. Глупости, конечно! Тем не менее, что-то было не так. Кто-то что-то сказал — или ему послышалось? Джаро остановился, прислушался. Молчание. Джаро неуверенно сделал несколько шагов и снова остановился. На этот раз не могло быть никакой ошибки! Откуда-то из крон деревьев донесся тихий печальный возглас — у Джаро мурашки пробежали по спине. Темный лес снова погрузился в тишину.

Джаро медленно продолжил путь, нащупывая дорогу подошвами.

Прошло несколько секунд. Снова сверху донесся тихий звук. Джаро приподнял голову, напрягая слух — надо полагать, кричала ночная птица. Хотя Джаро никогда раньше не слышал ничего похожего.

Джаро заставил себя встрепенуться и ускорил шаги. Кучевые облака разошлись: в разрыве между ними сияла сине-зеленая луна. Бледный лунный свет сочился сквозь листву, раскрашивая дорогу мутным орнаментом проблесков и теней. Снова послышались звуки: зловещее пощелкивание. Джаро резко остановился, пытаясь что-нибудь разглядеть в высоких кронах. Звонкий голос отчетливо произнес: «Ангелы Тьмы спускаются на крыльях ночи с обратной стороны луны!»

Впереди, шагах в пятидесяти, что-то стояло на озаренной лунным светом дороге — что-то высокое, раза в полтора выше человеческого роста, завернутое в свободно свисающую черную мантию, с большими черными крыльями, широко вздымающимися за плечами. Подобные дискам непроглядного мрака глаза на продолговатом лице, белом и неподвижном, взирали сверху вниз на оцепеневшего Джаро.

Справа и слева появились четыре причудливые фигуры в масках и плащах, накинутых на неестественно широкие плечи; за этими плечами высоко вздымались крылья — такие же, как у неподвижной фигуры впереди на дороге. К своему удивлению и отчаянию, Джаро почувствовал себя, как обмякшая тряпичная кукла, неспособная ни бежать, ни защищаться.

Решительно приблизившись тяжелыми шагами, четыре Ангела Тьмы схватили Джаро, повалили его на землю и принялись избивать длинными гибкими дубинками. Джаро прикрывался рукой — дубинка ударила по руке, кость сломалась. Джаро сжался в комок, удары сыпались градом. Давно забытые ощущения всплыли из памяти Джаро: палящие лучи солнца у подножья Ворожских холмов, вкус придорожной пыли во рту, глухой стук дубинок,

крошащих его тонкие ребра. Джаро застонал — скорее от мучительного воспоминания, нежели от боли.

В эту ночь, на дороге в Наинском лесу, размеренные удары дубинок наносились не для того, чтобы искалечить, а для того, чтобы наказать. С назидательной торжественностью звучал низкий голос: «Ангелы Тьмы вновь выполняют долг, пробуждая раскаяние! Да будет неповадно всем пронырам, ныне и вовеки веков!»

Другие три голоса откликнулись нестройным хором: «Не ждите пощады, проныры! Знайте свое место! Так было, так есть и так будет!» Дубинки поднимались и опускались в такт, подчеркивая слова.

Низкий голос гудел: «Проныра, ты наказан по заслугам! Теперь тебе предстоит исправиться. Проси прощения за наглость!»

Джаро попытался приподняться, но его снова повалили на землю безжалостными пинками в ребра.

Голос продолжал нараспев: «Признай свою вину! Проси прощения и обещай знать свое место! Почему ты молчишь? Или ты нуждаешься в дальнейших исправительных мерах? Ага, ты решил молчать! Ничего, мы тебя перевоспитаем — сам виноват, потом не жалуйся!»

Удары посыпались снова. Ангелы Тьмы, оскорбленные молчанием Джаро, удвоили усилия, стремясь сломить сопротивление жертвы — мышцы напрягались все туже, дубинки взлетали все выше. Наконец Джаро перестал шевелиться. Невероятно! Пока Джаро корчился под ударами, закрывая голову руками, где-то внутри, где-то в глубине его сознания прозвучал взрыв издевательского хохота — словно кто-то дико радовался происходящему, наблюдая из недостижимой дали. Этот хохот испугал Джаро больше побоев.

Ангелы Тьмы стояли, отдуваясь. Одна из широкоплечих фигур яростно пнула Джаро в живот: «У тебя что, язык отнялся? Проси прощения!»

Другая фигура в плаще с крыльями пробормотала: «Бесполезно! Он строптив, как ошалевшая вонючка».

«Он, случайно, не сдох?»

Четыре фигуры наклонились над Джаро: «Мы его хорошенько проучили, не больше того. Теперь у него поубавится прыти».

Джаро переставал что-либо ощущать. Он лежал в почти безмятежной прострации. Возможность отключиться радовала его! Внутри была полезная емкость, куда сливались все эмоции и стремления, где они бережно хранились, где никто не мог их потревожить. Сознание померкло, он лежал неподвижно.

Ангелы Тьмы взялись за выполнение дальнейших обязанностей. Они обрили Джаро наголо и приклеили к его черепу смехотворный гребешок из белых перьев. Его лицо вымазали сажей, а сзади, за пояс брюк, заткнули пушистый белый плюмаж. Втащив Джаро в кузов автофургона, блюстители статуса отправились в центр Танета.

За час до полуночи группа студентов, возвращаясь после затянувшейся вечерней лекции, обнаружила на дворе перед Лицеом бесчувственного Джаро, привязанного вертикально к стойке фонаря. У него на шее висела табличка:

**«Я БЫЛ ПРОНЫРОЙ! Я РАСКАИВАЮСЬ! ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ! АНГЕЛЫ ТЬМЫ
НАКАЗАЛИ МЕНЯ ПО ЗАСЛУГАМ!»**

Машина скорой помощи отвезла Джаро в больницу, где врачи занялись его переломами и ушибами. Он пережил множественное сотрясение мозга. У него были сломаны ребра, обе руки и ключица. Врачи считали, что ему еще повезло, потому что черепных трещин, несмотря на кровотокащие ушибы, обнаружить не удалось. Судя по всему, Ангелы Тьмы применяли исправительные меры в лихорадочном возбуждении, нанося удары как попало. Полиция предпринимала формальные попытки установить личности Ангелов, но наказание проныры не вызвало никакого общественного возмущения. Выскочка такого рода считался не более чем социальным паразитом; так как полиция не могла защитить общественность от социального паразитизма, общественность была вынуждена защищаться самостоятельно. В общем и в целом случившееся рассматривалось как очередная проделка студенческой молодежи — и как полезный пример для тех, кто осмеливался пренебрегать общепринятыми предрассудками.

Джаро провел в больнице две недели. Супруги Фаты ежедневно навещали его, но даже им было трудно изображать жизнерадостность и оптимизм. Полиция вежливо отвечала на вопросы, утверждая, что было проведено тщательное расследование, не позволившее, к сожалению, найти какие-либо улики.

Однажды, словно между прочим, Хильер спросил Джаро, не распознал ли он кого-нибудь из Ангелов Тьмы.

Джаро удивился: «Конечно, я узнал их по голосам! Их было четверо: Ханафер Глакеншоу, Кош Диффенбоккер, Алмер Кульп и Лонас Фанчетто».

«Тогда мы можем подать на них в суд!»

Джаро не хотел даже слышать об этом: «Я ничего не смогу доказать. Свидетелей не было. В отсутствие тяжкого преступления судейская коллегия не допустит применения детектора лжи. Даже если их признают виновными, им всего лишь сделают строгий выговор, причем меня тоже предупредят, чтобы я впредь не провоцировал подобное поведение. В результате они выйдут из суда с достоинством, а я буду выглядеть жалким идиотом».

«Но нельзя же допустить, чтобы такое возмутительное избиение осталось безнаказанным! Это ни в какие ворота не лезет!»

«Полностью с тобой согласен».

Хильер поджал губы: «Ты холоден, как рыба — я не замечаю в тебе никаких эмоций. Разве ты не злишься?»

Джаро улыбнулся: «Я злюсь, не беспокойся. Когда настанет время, моя злость найдет надлежащий выход».

Хильер хмыкнул: «Не совсем тебя понимаю».

«Неважно».

Хильер внимательно посмотрел Джаро в глаза: «Надеюсь, ты не намерен взять правосудие в свои руки?»

Джаро болезненно усмехнулся: «По меньшей мере не сейчас».

Этот ответ не удовлетворил Хильера; профессор вышел из больницы в тревожном и раздраженном настроении.

Джаро навестили также полдюжины студентов из Лицея, с которыми он успел

установить более или менее дружеские отношения. Все они выражали сочувствие как по поводу побоев, так и по поводу унижения, вызванного белым гребешком и белым хвостом. Их удивляло необычайное хладнокровие Джаро. «Унижение не существует, если человек не чувствует себя униженным», — пояснял Джаро. Базиль Кром, изучавший социологию, возражал: «Теоретически, может быть, ты прав. Но здесь, в Танете, унижение — практически вещь в себе. За объяснением не приходится далеко ходить. В условиях жесткой социальной конкуренции люди становятся особо уязвимыми к осмеянию. Они вынуждены сохранять лицо любой ценой. Вот почему окружающих приводит в замешательство твое безразличие».

«Во-первых, — пожал плечами Джаро, — у меня нет никакой репутации. Ее невозможно уничтожить».

«А во-вторых?»

«Так как я безразличен к осмеянию, оно не приносит удовлетворения и прекратится само собой».

«И в-третьих?»

«Я еще не придумал ничего в-третьих».

Лиссель не оказалась в числе навестивших Джаро знакомых, а Джаро и не ожидал, что она придет. Гэйнг Нейтцбек, однако, ввалился к Джаро в палату, как только к нему стали пускать посетителей. Увидев морщинистую задубевшую физиономию старого механика, Джаро почувствовал волну облегчения. До сих пор он еще не понимал, в каком напряжении находился.

Не будучи человеком, склонным выражать чувства, Нейтцбек, тем не менее, похлопал Джаро по плечу, после чего уселся и ворчливо сказал: «Давай-ка, не стесняйся, расскажи мне всю историю».

Джаро изложил неприятные события, послужившие причиной его пребывания в больнице: «Мне нечем гордиться. Я слышал странный звук, доносившийся с дерева. Я увидел чучело в плаще, с высоко занесенными крыльями, и окаменел, словно меня пригвоздили к месту. Я молчал и не двигался, как загипнотизированный кролик. Теперь мне кажется, что я слабак и трус, что нужно было защищаться».

Гэйнг помолчал, разглядывая Джаро, как деталь, нуждающуюся в починке: «Надо полагать, ты хочешь измениться».

«Хочу, — пробормотал Джаро. — Мне нужно найти какой-то способ избавиться от слабости, от этого испуга и оцепенения, чем бы они ни объяснялись».

«Такой взбучкой трудно гордиться, — согласился Нейтцбек. — Но не мучайся по этому поводу. Гордость — это интеллектуальная самооценка. Это смесь надежд и фантазий, выбрось ее из головы. Самоуверенность, вызванная компетенцией — гораздо более полезный эталон».

«Все это мудро и замечательно, — уныло отозвался Джаро, — но в отсутствие какой-либо компетенции мне приходится собирать по кусочкам и терпеливо восстанавливать мою разбитую гордость».

Нейтцбек понимающе ухмыльнулся: «Кое-какая компетенция у тебя есть, но имеющиеся навыки не помогут тебе избежать побоев».

«Верно. В этом отношении я хочу измениться. Надеюсь, вы сможете что-нибудь посоветовать».

Гэйнг Нейтцбек кивнул: «Смогу. Навыки самообороны — такие же, как любые другие.

Им нужно учиться, в их применении нужно практиковаться, пока они не станут второй натурой. Между прочим, тебе повезло. Для того, чтобы научиться этим навыкам, нужен квалифицированный инструктор, а он не всегда под рукой. Я преподавал приемы рукопашной схватки в МСБР и в этом качестве заслужил определенную репутацию, хотя непредвиденные события помешали моему продвижению по службе. По правде говоря — если хочешь знать — меня просто-напросто выгнали, объясняя это самыми несущественными, с моей точки зрения, причинами. Начальство заявило, что я слишком много о себе думаю и выполняю приказы только тогда, когда это меня устраивает».

«Какая нелепость!» — пробормотал Джаро.

«Кроме того, в свое время мне пришлось иметь дело с народом, порочностью и жестокостью превосходящим все расы Ойкумены и даже, возможно, Запределья. Мне пришлось учиться и мне удалось выжить. Теперь я не тот, что был двадцать лет тому назад — отяжелел и заржавел — но голова у меня еще работает, и ты можешь научиться всему, что я знаю, если таково твое намерение».

У Джаро перехватило дыхание, голос его задрожал: «Таково мое намерение! Я так хочу научиться драться, что меня тошнит, когда я об этом думаю!»

Нейтцбек улыбнулся: «Ты настойчив, это мне известно. Начнем, как только ты сможешь ходить. Тем временем, читай!» Старый механик положил стопку книг на тумбочку у койки Джаро: «Начни с краткого руководства».

Джаро не торопился посвящать Фатов в свои планы, но через несколько дней убедился в том, что никакого удобного способа молчать не было. В конце концов он сказал: «Я решил брать уроки самообороны. Надеюсь, вы не возражаете».

Альтея скорбно подняла брови: «Ты хорошо продумал свое решение?»

«Конечно».

«Насилие не приводит к примирению! С таким же успехом ты мог бы приобрести арсенал оружия — и в конечном счете кто-нибудь обязательно пострадал бы. Неужели имеет смысл ставить себя в такое положение?»

«Ха-ха! — откликнулся Джаро. — Смотрите, в какое положение я себя поставил, не защищаясь!»

Задумчиво прищурившись, Хильер заметил: «Не уверен, что хорошо понимаю, что именно ты имеешь в виду под самообороной».

«Все очень просто. Если на меня снова нападут, я хочу быть способен защищаться».

«На первый взгляд это разумное стремление. Но не является ли самозащита формой насилия, и не приведет ли она к нанесению серьезного ущерба твоему противнику?»

«В той мере, в какой это необходимо — надеюсь, что не более того».

«Тщетная надежда! — воскликнула Альтея. — Представь себе искалеченного человека, лежащего перед тобой на земле! Неужели тебе его не жалко?»

«И у кого ты научишься самообороне?» — спросил Хильер.

«Кажется, вы встречались с господином Нейтцбеком, работающим со мной в мастерской космопорта?»

«Как же, хорошо его помню!» — презрительно обронил Хильер.

«Мне он не показался воспитанным человеком», — заметила Альтея.

Джаро рассмеялся: «Пусть его внешность вас не обманывает. Он умный и сведущий специалист. Более того, у него есть надлежащая квалификация. В свое время он служил в МСБР и может научить меня тому, что мне потребуется».

Хильер немного помолчал, после чего выпалил: «Может быть, сегодня мне не следует вести с тобой дебаты по этическим вопросам. На тебя подло напали вчетвером, тебя избili! Будь уверен, меня это выводит из себя не меньше, чем тебя! Но я хотел бы наказать виновных, пользуясь предусмотренными для этого социальными структурами и функциями. Существуют допустимые законные способы это сделать — короче говоря, цивилизованные способы. Я не хочу, чтобы ты прибегал к насилию, как какой-нибудь космический бродяга или пират из Запределья!»

Джаро ответил холодно и твердо: «На меня напали. Я не мог защищаться. Я лежал, беспомощный, на земле. Это не должно повториться. Я сделаю все, чтобы это не повторилось».

Хильер признал поражение унылым взмахом руки и отвернулся.

Вернувшись домой из больницы, Джаро продолжал изучать руководства, полученные от Нейтцбека, и через некоторое время стал выполнять кое-какие упражнения, наращивая степень их трудности по мере восстановления сил.

«Поначалу не торопись и не слишком напрягайся, — объяснял ему Нейтцбек. — Выполняй каждое упражнение не больше десяти минут — иначе у тебя притупится внимание. Ограничивайся шестью упражнениями подряд. Прежде всего добивайся точности движений, а затем быстроты. Не доводи себя до скуки — от этого ты только расслабишься. Каждое исходное упражнение служит основой для дальнейших приемов, состоящих из быстрых последовательностей движений; поэтому каждое упражнение следует отрабатывать до полного автоматизма. Тебе предстоит много потрудиться, запасись терпением».

«Я не жалуясь, — отозвался Джаро. — По сути дела, не знаю, как вас благодарить».

«Обойдемся без благодарностей».

«И все же меня удивляет, что вы согласились проводить со мной столько времени. Мне действительно повезло. Есть этому какое-нибудь объяснение? Если есть, в чем оно заключается?»

«Вполне обоснованный вопрос, — признал Гэйнг Нейтцбек. — Не могу дать на него простой и краткий ответ. Сейчас мне больше нечего делать в свободное время. Тебе совершенно необходим инструктаж, а мне было бы жаль, если бы пропал даром перспективный материал. Таким образом, я делаю то, что я делаю, только потому, что мне этого хочется. Кроме того, мне хочется думать, что я вкладываю капитал, из которого я смог бы извлечь какой-то доход впоследствии. Кто знает? Может быть, в один прекрасный день ты окажешь мне не меньшую услугу. Кроме того, во всей Ойкумене у меня только два приятеля, и ты — один из них».

«Кто второй?»

«Ты его знаешь. Его зовут Тоун Мэйхак».

На той же неделе Джаро вернулся к учебе. Его волосы еще не отросли настолько, чтобы их можно было ровно подстричь. Он по возможности зачесывал их назад, но не мог покорить отдельные упрямые пучки или скрыть оставшиеся от ушибов проплешины, где волосы не желали расти достаточно быстро.

«Неважно! — говорил он себе и посещал занятия, не обращая внимания на пристальные взгляды других студентов. — Через пару дней их внимание отвлечется, и они больше не будут меня замечать». Тем временем ему оставалось только бесстрастно выносить позор.

Джаро вышел из кафетерия с подносом в руках, чтобы закусить, сидя на скамье где-нибудь в углу двора перед Лицеем. Появилась Лиссель. Сначала она сделала вид, что его не замечает, но потом передумала и подошла, чтобы смерить его взглядом с головы до ног. «Гм! — сказала она. — Здорово тебя отделали».

«С прилежанием и усердием», — согласился Джаро.

Лиссель внимательно наблюдала за выражением его лица: «Ты, кажется, в прекрасном настроении. Удивительно! Ты не обижаешься?»

«В жизни всякое бывает. К таким вещам следует относиться по-философски».

«Неужели ты не понимаешь? Из тебя сделали пример, — в певучем голосе Лиссель чувствовалось с трудом сдерживаемое веселье. — Тебя выставили на посмеяние, ты опозорен».^[11]

Джаро пожал плечами: «Я не заметил».

Лиссель огорчилась: «На мне все это тоже плохо отразилось. Все мои планы сорваны». Она бросила на него лукавый взгляд искоса: «Если, конечно, ты мне не поможешь, как обещал».

Джаро не мог поверить своим ушам: «О чем ты говоришь? Я ничего тебе не обещал. Ты принимаешь меня за кого-то другого».

Лиссель разозлилась: «Ты сказал, что я тебя обворожила и загипнотизировала! Ты показывал, как у тебя руки дрожат от страсти. Это был ты, Джаро Фат, и никто другой!»

Джаро печально кивнул: «Помню нечто в этом роде. Но это было давно и прошло».

Лицо Лиссель Биннок окаменело — настолько, что стало непривлекательным: «Значит, ты мне не поможешь?»

«Скорее всего, нет — даже если бы я знал, чего ты хочешь».

Лиссель широко раскрыла глаза, словно увидела Джаро таким, каким он еще никогда не был. Рот ее покривился, слова срывались с языка против воли: «Да уж, ты особенный, Джаро Фат, других таких нет! Расхаживаешь по Лицею, усмехаясь и поднимая брови, словно одному тебе известны какие-то мелочные постыдные секреты. А на самом деле ты побитая собака, поджимающая хвост, виляющая задом и подобострастно заглядывающая в глаза, чтобы ее больше не колотили!»

Джаро поморщился и даже поежился, слегка расправив плечи: «Надеюсь, в один прекрасный день я буду все это вспоминать с улыбкой».

Лиссель не слышала его. Голос ее стал крикливым и резким: «Ты не вызываешь ни малейшего сочувствия, показываясь на людях в таком виде! По сути дела, никто не понимает, что ты тут делаешь! Для тебя лучше всего было бы собрать учебники и убраться

восвояси!»

«Это было бы глупо! Следующее занятие начинается через десять минут. Если бы мне не нужно было заниматься, меня бы тут не было».

«И тебя нисколько не беспокоит, что все на тебя смотрят? — презрительно спросила Лиссель. — Тебя нисколько не беспокоит, что о тебе думают?»

«Можно сказать и так».

На двор Лицея вышел Ханафер Глакеншоу. На некоторое время он задержался в величественной позе, расправив плечи, расставив ноги, сложив руки за спиной; плотно завитые кудри его золотистых волос блестели в солнечных лучах. Затем он медленно повернул голову — сначала направо, потом налево — чтобы все могли полюбоваться его благородным профилем. Заметив Джаро в обществе Лиссель, он нахмурился и медленно приблизился к ним походкой, не сулившей ничего хорошего. Остановившись в двух шагах, он свысока взглянул на Джаро: «Как я вижу, ты снова здесь и снова лезешь не в свои дела».

Джаро ничего не ответил. Бросив многозначительный взгляд в сторону Лиссель, Ханафер продолжил: «Ходят слухи, что тебя предупредили не пастись там, куда тебя не приглашали и куда тебе вход воспрещен».

«Вполне обоснованные слухи, — подтвердил Джаро. — Такое предупреждение имело место».

Ханафер указал на Лиссель кивком головы: «И все равно ты взялся за прежнее, суешь пронырливый нос туда, где профанов не приветствуют. Ты что, не понимаешь, куда ветер дует?»

«Ханафер, обойдемся без грубостей, — сказала Лиссель. — Джаро не имеет в виду ничего плохого».

«Да уж, бедняжка! — развел руками Ханафер. — Он у нас вообще ничего не имеет в виду, только и умеет, что трусовато ухмыляться и облизываться. Про него можно говорить все, что угодно, он даже не обижается. Профан! Общайся с себе подобными и оставь в покое всех остальных! Слышишь, что тебе говорят?»

«Ханафер, ты скандалишь, как деревенщина!» — с отвращением обронила Лиссель.

«Ну и что? Почему бы не позабавиться? С него, как с гуся вода!»

«Неправда! — прервал молчание Джаро. — Я все слышу и все запоминаю. Меня раздражает происходящее, но в данный момент я не хочу раздражаться попусту. Спешить некуда».

«Ты, наверное, спятил — несешь какую-то чушь. Впрочем, это меня устраивает: будь психом, сколько тебе влезет, но не вздумай быть пронырой, этого я не потерплю!»

Прозвучал звонок. Ханафер взял было Лиссель за руку, но та увернулась и побежала по двору к Лицею; Ханафер угрюмо прошествовал за ней.

Джаро посмотрел им вслед, взял со скамьи учебники и отправился на занятие.

Семестр кончился через два месяца. Во время зимних каникул Хильер и Альтер отправились в непродолжительную экспедицию на острова Баньик планеты Лахме-Верде, чтобы записать и документально проанализировать выступления так называемых «тимангезских» оркестров, состоявших из мягко позвякивающих водяных колокольчиков, звуковых блесток и вибрирующих гонгов, создававших эластичный ритм послезвучания. Некоторые слушатели сравнивали тимангезскую музыку с шумом набегающих и отступающих волн прибое; другие называли ее «полуденными снами Пасифаи, богини музыки». На планете Лахме-Верде каждая деревня содержала оркестр, а то и несколько оркестров, и почти все местные жители либо изготавливали какие-нибудь изысканные инструменты, либо играли на них.

Тимангезская музыка давно не поддавалась музыковедческому анализу, и супруги Фаты решительно намеревались применить новые теоретические принципы в отношении роскошных текстур звука, на полное понимание которых не претендовали даже сами исполнители-островитяне.

Тем временем Джаро затрачивал всю энергию, практикуясь в применении приемов, демонстрируемых Гэйнгом Нейтцбеком. Джаро проявлял нетерпение и постоянно требовал разъяснения новых упражнений, новых последовательностей движений, новой тактики. Нейтцбек не уступал, однако, пока Джаро не доводил до совершенства пройденный материал. «Ты достаточно быстро продвигаешься, — говорил он. — Не хочу, чтобы ты надорвался».

«Не надорвусь! — утверждал Джаро. — У меня такое чувство, что я родился, чтобы драться. Мне все время не хватает разнообразия, и я не остановлюсь, пока не выучу все существующие приемы».

«Не получится, — заверил его Гэйнг. — Некоторым системам рукопашной схватки тысячи лет. Нынче каждый профессиональный боец считает, что превзошел быстротой и ловкостью древних мастеров. Я тоже так думал. Судя по всему, однако, я ошибался».

«Но все-таки я чему-то уже научился?»

«У тебя неплохо получается. До сих пор мы ограничивались относительно простыми приемами — никакой акробатики, никаких экзотических уловок».

«А когда мы ими займемся?»

«Когда у тебя разовьется мускулатура и твой организм привыкнет к новому режиму. К тому времени, когда ты закончишь курс — или даже раньше — ты уже будешь достаточно уверен в себе. Тем временем продолжай методично практиковаться. В конце концов, нам некуда спешить».

«Возможно, спешить придется, — возразил Джаро. — Начинается последний семестр в Лицее. Не знаю, что будет, когда я получу диплом. Фаты не расскажут, где они меня нашли, пока я не закончу Институт».

«Разве они не ведут журналы или дневники с описаниями исследований и экспедиций?» — спросил Нейтцбек.

«Думаю, что ведут — но они их прячут, чтобы я их не нашел. Они обещают, что я узнаю все, что им известно, как только получу ученую степень, но у меня нет никакого желания

ждать так долго».

Гэйнг Нейтцбек пожал тяжелыми плечами: «Вернемся к тренировке. Сосредоточься на чем-нибудь достижимом и определенном».

В Лицее начался весенний семестр. Успеваемость Джаро настолько повысилась, что его перевели в особую категорию студентов, которым разрешалось самостоятельно выбирать курсы и определять почти все свое расписание. Джаро предпочитал заниматься дома, еженедельно сдавая зачеты преподавателям с помощью телеэкрана. Это позволило ему еще больше сосредоточиться на все более напряженных упражнениях, предписанных Нейтцбеком. Он уже замечал в себе изменения. Его плечи расправились, грудная клетка расширилась. Торс, бедра и ягодицы стали жесткими, как дубленая кожа. Кисти, руки и предплечья теперь были словно оплетены жилами, даже кости стали плотнее и тяжелее. Джаро приступил к изучению сложных последовательностей боевых приемов, в том числе так называемых «экзотических», бесконтрольное применение каких-то могло нанести серьезные увечья противнику. Гэйнг Нейтцбек настаивал, превыше всего, на скорости, точности и равновесии — как всегда, он не позволял Джаро переходить к изучению новой тактики ближнего боя, пока пройденный материал не становился столь же привычным и автоматическим, как ходьба.

Однажды Нейтцбек сказал ему: «Теперь ты уже прочно на третьем уровне, что само по себе — незаурядное достижение. Есть другие, более высокие уровни; кроме того, техника рукопашной схватки разветвляется на сотни специализированных школ, в настоящее время нас не интересующих. Специалисты умеют применять отвлекающие и устрашающие звуки, обманывающие зрение иллюзии, ядовитые и парализующие порошки и аэрозоли, ослепляющие вспышки, миниатюрное потайное оружие и тому подобное. Способам умерщвления несть числа. В данный момент, однако, тебе лучше придерживаться основной техники, позволяющей обезоруживать противника и выводить его из строя без применения вспомогательных средств. Тебе еще многому предстоит научиться — хотя, конечно, ты уже не новичок. Если хочешь, надувайся самодовольством, пока не лопнешь».

Джаро только ухмыльнулся и продолжал упражняться.

В тот же день Хильер, вернувшись домой, сообщил новости, полученные им в Управлении земельной регистрации. Усаживаясь за стол, чтобы выпить чаю, он поделился сведениями с женой и сыном: «Вы помните, что старое ранчо «Желтая птица», к югу от нашего участка, принадлежало Клуа Хутценрайтеру?»

«Разумеется», — кивнула Альтя.

«Именно так. Несколько лет тому назад декан продал эту недвижимость синдикату «Фидоль комбайн». Сегодня мне нужно было зайти в земельное управление, и я из чистого любопытства заглянул в кадастр «Фидоля». Оказалось, что большинство акций этого синдиката принадлежит Гильфонгу Рюту, эксцентричному миллионеру и члену клуба «Валь-Верде». Двадцать процентов «Фидоля» удерживает Форби Мильдун, агент по продаже недвижимости. Тот самый Мильдун, пытавшийся сбыть нам коттедж в Каттерлайне. Все это заставило меня задуматься. Я навел кое-какие справки; говорят, что Рют любит красоваться необычными пристрастиями и проявляет склонность к рискованному вложению капитала — как на Галлингейле, так и на других планетах».

«Зачем ему понадобилась «Желтая птица»? — поинтересовалась Альтя. — Это дикая местность, почти такая же, как наша земля, только там нет таких красивых видов».

«Ходят всевозможные слухи, хотя смысла в них немного. При мне упомянули о том, что на территории ранчо якобы планируется строительство роскошного жилого комплекса, где смогут жить только Семпитерналы. Рют хочет стать Семпитерналом, но ни один из трех высших клубов не желает его принимать. Он слишком пренебрегает условностями, чтобы стать «устричным кексом». «Лохмачи» считают, что у него чрезмерно властный характер. А заявок на членство в клубе «Кванторсов» накопилось столько, что ждать очереди приходится на протяжении трех поколений. По-видимому, Рют надеется втереться в круг Семпитерналов как владелец построенного исключительно для них городка загородных вилл или чего-то в этом роде».

«Здесь что-то не так, — покачала головой Альтя. — Как он может стать Семпитерналом, если ни один из трех клубов его не приглашал?»

Хильер пожал плечами: «Как-нибудь просочится — посредством осмоса, надо полагать. Короче говоря, у меня нет ни малейшего представления о том, что происходит по соседству. Скорее всего, все это выдумки».

Джаро вдруг вспомнил: «Форби Мильдун? Он приходится дядей Лиссель Биннок. У Рюта роскошная космическая яхта; она стоит в ангаре терминала, и он никогда ей не пользуется. Лиссель говорила мне, что Мильдун хочет купить эту яхту, но Рют заламывает невероятную цену».

«Надо полагать, на самом деле он не хочет с ней расставаться», — заключил Хильер.

Джаро занялся учебой, а Хильер и Альтя погрузились в изучение справочной литературы, чтобы разузнать что-нибудь о планете Юшант, где во время летних каникул они намеревались принять участие в Ойкуменическом конгрессе эстетических философов. За ужином они спросили Джаро, не хочет ли он поехать вместе с ними. «Юшант — изумительная планета! — заявила Альтя. — Говорят, ее обитатели придерживаются системы ценностей, воспитывающей максимальную чувствительность к впечатлениям бытия. Методика сознательного восприятия становится уже не дисциплиной, а чем-то вроде искусства».

«Не забывай, что, если ты намерен — в соответствии с нашими рекомендациями — работать над получением ученой степени в сфере эстетической философии, участие в Ойкуменическом конгрессе может оказаться для тебя чрезвычайно поучительным», — прибавил Хильер.

«Даже если доклады тебя не заинтересуют, ты сможешь завязать полезные связи», — вторила мужу Альтя.

Хильер мудро кивнул: «Мы будем находиться в среде известнейших авторитетов, представляющих самые различные дисциплины — антропологов, изучающих развитие первых поселений на бесчисленных планетах, эстетических аналитиков, философов-культурологов, специалистов по сравнительному искусствоведению и параллельной феноменологии, а также символогов — таких, как мы. Даже декан Хутценрайтер прибудет собственной персоной. Вдохновляющая возможность обмена опытом!»

«Я подумаю, — пообещал Джаро. — В данный момент я настолько занят, что у меня ни на что не остается времени, кроме подготовки к экзаменам и боевых упражнений».

«Хмф! — фыркнул Хильер. — Как долго ты собираешься заниматься этими пинками и зуботычинами?»

Альтя язвительно ответила за сына: «До тех пор, пока он не сможет искалечить одним прикосновением пальца какого-нибудь ничего не подозревающего прохожего».

Джаро рассмеялся: «Это очень просто. Если ты хочешь, чтобы я кого-нибудь искалечил, тебе достаточно только назвать этого человека».

«Шутки шутками, — вмешался Хильер, — но должен же быть какой-то предел!»

«Должен быть, — согласился Джаро. — На сегодняшний день я одолел примерно половину курса. Это очень увлекательно — чем дольше я учусь, тем больше мне хочется знать»

«Надеюсь, что от твоей неутолимой страсти к познаниям что-нибудь останется и на долю Института», — иронически отозвался Хильер.

Время летело незаметно. Самое знаменательное событие года — великолепный выпускной бал под наименованием «Домбриллион» — должно было состояться за неделю до церемонии выдачи дипломов. Так как выпускной бал официально организовывался руководством Лицея, социальные иерархические различия игнорировались. В принципе любые выпускники, от самых презренных профанов до весомых представителей престижных клубов, могли участвовать в Домбриллионе на равных основаниях, рассчитывая на обстановку дружелюбной терпимости. На практике, однако, каждый клуб резервировал для своих членов особые столы и заказывал для них особые костюмы.

Романтический привкус предстоящего бала заразительно горячил воображение Джаро. Он не мог избежать тоскливых уколов зависти при мысли о пиршествах и праздничных развлечениях, для него недоступных. «Ты сам того хотел!» — говорил он себе. Если бы он действительно пожелал развлекаться на выпускном маскараде, он мог бы это устроить без труда. Он мог бы сопровождать, например, любую девушку из клуба «Непримкнувших», причем у него был широкий выбор. Клуб этот объединял разношерстную компанию — среди них встречались профаны, инопланетяне, провинциалы, те, кому восхождение по ступеням социальной лестницы оказалось не по силам или не по душе, а также всевозможная прочая публика, в том числе отщепенцы и полу-социопаты, анархисты и религиозные фанатики. Многие из «непримкнувших» девушек были достаточно привлекательны; иные, однако, могли вести себя непредсказуемо. Некоторые впадали в состояние безразличной подавленности, начинали рыдать или ругаться — или неожиданно пускались в пляс, совершая дикие прыжки. Другие делали неприличные жесты или изготавливали из волос лакированные рога, увенчанные светящимися лампочками. Однажды «непримкнувшая» девица явилась на торжественный бал, прикрытая лишь кольцами двуглавой змеи. Другая, употребив чрезмерное количество спиртного, принялась фальшиво распевать скабрзные матросские частушки, забравшись на эстраду, хотя оркестр в это время исполнял сдержанную пассакалию. Среди них попадались просто буйные помешанные. В конце концов Джаро решил, что, если он действительно соберется участвовать в Домбриллионе, ему следовало найти подругу другого сорта.

Размышления о выпускном бале вызывали в нем противоречивые побуждения, и он мрачновато насмеялся над своей непоследовательностью. Ему хотелось хотя бы на несколько минут насладиться радостями высокого престижа, не занимаясь длительным и трудоемким восхождением на пирамиду социальной иерархии, не карабкаясь по головам неудачников и не цепляясь за фалды впереди идущих. Джаро понимал неразумность и даже некоторую унижительность такого желания, но не мог игнорировать его. В практическом отношении ему следовало, конечно, оставаться дома и тем самым отказать себе в романтическом воспоминании о Домбриллионе. Джаро продолжал беспокоиться по этому поводу независимо от того, к какому решению он склонялся в то или иное время.

За неделю до выпускного бала лицейские выпускники устраивали традиционное утреннее собрание, чтобы поболтать, сфотографироваться, подписать выпускные альбомы, поделить планами на лето и, в целом, предаваться сладостно-печальным воспоминаниям о безвозвратно прошедшей ранней молодости.

Явка была обязательной. Джаро аккуратно оделся, причесал коротко подстриженные густые черные волосы и пришел на собрание. По такому случаю двор перед Лицеем весело разукрасили вымпелами и транспарантами, гирляндами флажков, порывисто мечущимися на ветру продолговатыми воздушными шарами и эмблемами тридцати клубов. Справа и слева расставили длинные столы: всем желающим предлагались пирожные и печенье, игристое вино и фруктовый пунш.

Джаро расписался в журнале регистрации участников, обвел глазами двор и уселся в сторонке на скамью. Там он собирался оставаться некоторое время, после чего рассчитывал удалиться так же ненавязчиво, как прибыл.

Таковы были намерения Джаро, хотя он и не исключал возможность их изменения в зависимости от обстоятельств. Наблюдая за прибытием и разговорами студентов, Джаро начинал ощущать легкое замешательство. Ни один из сверстников не был таким, каким Джаро его помнил. Произошло преобразование, вызванное возрастом. Он не встречался ни с кем из них на протяжении года. Несомненно, они заметили бы такие же изменения и в нем, если бы присмотрелись, а не проходили мимо, бросая мимолетные взгляды. Может ли быть, что его все еще окружал, подобно черной ауре, позор унижения? Так или иначе, какая разница? Джаро позволил себе усмешку, ничем не напоминавшую веселую улыбку.

Откинувшись на спинку скамьи, Джаро разглядывал суетившихся на дворе молодых людей. Он не замечал ни Коша, ни Алмера, ни Лонаса, ни Ханафера. Появилась Лиссель Биннок. Она почти потерялась в стайке девушек, собравшихся с другой стороны двора. Стайка закружилась и рассыпалась — из нее, пританцовывая от возбуждения и веселья, почти выбежала Лиссель. На ней были очаровательное темно-зеленое платье с короткой плиссированной юбкой и зеленые чулки до колен. Джаро не мог сдержать в себе щемящую волну эмоций. Это не была похоть, это не было даже страстное желание обладать — по меньшей мере, не совсем; скорее это был приступ скорбной тревоги. Лиссель олицетворяла юность, кипение жизни, легкомыслие и все те аспекты бытия, в которых ему, по той или иной причине, было отказано. При всех ее недостатках она была невероятно притягательна.

Джаро следил за ней. Лиссель не видела его — ее мысли были явно чем-то заняты, но заняты ни в коем случае не Джаро Фатом, нелюдимым профаном, предпочитавшим, чтобы его называли «Джаро-астронавтом». Лиссель, в отличие от многих, мало изменилась. Она все еще оставалась беспечной, готовой перед всеми красоваться брызжущей жизненной энергией, вызывавшей и у молодых, и у пожилых желание схватить ее, обнять покрепче и забыться в глубинах ее очарования.

Лиссель вспомнила о чем-то важном: пора было выпить и закусить! Она отделилась от пары подруг и подбежала к буфету, чтобы выбрать что-нибудь из разнообразных деликатесов.

Джаро вскочил и пересек двор размашистыми шагами. Когда Лиссель протянула руку, чтобы взять миниатюрный вертел с кусочками жареного мяса, она натолкнулась локтем на другую руку. Обернувшись, она на мгновение замерла, после чего с изящной решительностью водрузила вертел на тарелку и произнесла, обращаясь куда-то в пустоту: «Насколько я понимаю, нас почтил своим присутствием затворник Джаро Фат».

«Так меня зовут, это правда — но я не затворник», — ответил голос.

Лиссель повернулась к нему: «Джаро, это в самом деле ты! Где ты пропадал? Я тебя не видела целую вечность!»

Джаро рассмеялся: «Это я тебя не видел целую вечность. Ты разве затворница?»

«Ни в коем случае! — Лиссель подцепила маринованного древесного краба с блюда, наполненного дарами моря. — Я карабкалась по ступеням престижа, училась и посещала все сезонные праздники, как полагается. Тем временем, твое существование окутано мраком тайны».

«В моей жизни нет ничего таинственного, — сказал Джаро. — Я только и делал, что сидел дома и сдавал зачеты, а в свободное время работал в мастерской космопорта».

«Неужели? Значит, ты исчез не из-за того, что тебя проучили Ангелы Тьмы?»

«Нет, в каком-то смысле это не так».

«Что ты имеешь в виду?»

«Это трудно объяснить».

Лиссель пожала плечами. Наполнив тарелку, она взяла бокал вина. Джаро сделал то же самое, и они присели неподалеку на скамью.

Лиссель взглянула Джаро в лицо — никогда еще ее голубые глаза не казались более невинными: «Жаль, что люди, как правило, предпочитают думать о других самое плохое. Как ты считаешь?»

«Жаль», — согласился Джаро.

«Говорят, что после того, как тебя отколошматили, тебе было стыдно появляться на людях — и поэтому ты так долго прятался».

«Это неправда, — возразил Джаро. — Тем не менее, пусть говорят, что хотят — мне все равно».

Лиссель поджала губы, чтобы не усмехнуться: «Надо полагать, однако, побои вызвали у тебя какие-то затруднения?»

«Пожалуй, — признал Джаро. — Трудно соблюдать правила цивилизованного поведения, когда другие их безнаказанно нарушают».

Лиссель кивнула, напустив на себя мудрый вид: «Интересно, почему же сегодня ты решил сюда явиться?»

«Явка обязательна. Кроме того, я хотел взять выпускной альбом».

«Зачем? Ты не вхож ни в один из клубов, а выпускной альбом существует только для того, чтобы напоминать нам о восхождении по первым ступеням общественной иерархии».

Джаро пожал плечами: «Когда-нибудь, блуждая среди далеких созвездий, я раскрою выпускной альбом и спрошу себя: «Как высоко взобрались эти полные надежд молодые люди по лестнице престижа?»»

Лиссель поморщилась: «Странная мысль! От нее у меня холодок пробежал по коже».

«Прошу прощения».

«Ты самый необычный человек из всех, кого я знаю! — раздраженно воскликнула Лиссель. — Я смотрю тебе в лицо и вижу только маску, скрывающую какую-то тайну».

Джаро поднял брови: «То же самое можно сказать и о тебе, со всеми твоими секретами».

Лиссель ответила, надменно вскинув голову: «Не имею представления, о чем ты говоришь».

«Тогда послушай! Я задам простой вопрос — его невозможно не понять. Ты на него ответишь?»

«Может быть. Какой вопрос?»

«Ты хотела, чтобы я что-то для тебя сделал. Что именно?»

Лиссель рассмеялась: «Это была какая-то мелочь, даже не помню, какая — но я хорошо

помню, чего ты хотел от меня взамен».

«Даже так! Тоже какой-нибудь мелочи?»

Лицо Лиссель покривилось одной из ее причудливых гримас: «Ты хотел меня соблазнить, чтобы я стала твоей тайной любовницей. Разве это мелочь?»

Джаро с улыбкой покачал головой: «И ты согласилась?»

«Насколько я помню, мы так и не решили этот вопрос».

«Так что же — чего ты от меня хотела?»

Лиссель пожала плечами: «Это было давно».

«И то, чего ты хотела, больше тебе не нужно?»

Лиссель поджала губы: «Я бы не сказала. Нет, ты все еще мог бы мне помочь».

«На тех же условиях?»

Лиссель явно была в легкомысленном настроении: «Все по-прежнему. Но я не могу ничего объяснить и не могу ничего сделать, пока не буду уверена, что тебе можно доверять, а я в этом не уверена».

Джаро вытянул руку: «Обрати внимание! Пальцы больше не дрожат».

Лиссель отдала ему пустую тарелку: «Будь добр, принеси мне еще бокал вина. А пока ты ходишь, я попытаюсь собраться с мыслями».

Джаро отнес тарелки к буфету и вернулся с двумя полными бокалами вина: «Ты приняла решение?»

«Я все еще думаю, — Лиссель взяла бокал и, словно подчинившись внезапному порыву, наклонилась к Джаро и поцеловала его в щеку. — Спасибо! Ты способен к сочувствию — я решила, что ты мне нравишься».

Джаро старался не показать, что его застали врасплох. Какая новая проказа пришла в голову Лиссель? Почему бы она внезапно стала податливой, теплой, близкой? Каким образом она собиралась водить его за нос?

«Между прочим, меня все еще удивляет, что ты сюда явился», — заметила Лиссель.

«Это не так уж важно», — отозвался Джаро.

«Ты собираешься придти на выпускной бал?»

«Скорее всего нет. А ты? Придешь с Ханафером?»

«Нет, я ему твердо дала это понять. Он в ярости — особенно потому, что я, наверное, приду в сопровождении Перли Валькенфусса. Ханафер считает его опасным соперником, причем Перли уже приняли в клуб «Цыплят-извращенцев»».

Вдохновленный близостью Лиссель, Джаро осмелился предложить: «Может быть, ты выберешь меня своим спутником на балу?»

Лиссель расхохоталась, не веря своим ушам: «Ты хочешь, чтобы у Ханафера случился апоплексический удар? Он все еще тебя ненавидит, не может спокойно слышать твое имя! Если он увидит нас вдвоем на выпускном балу, я не знаю, что он сделает».

«Значит, я не гожусь тебе в спутники?»

Лиссель помолчала, прихлебывая вино и глядя на заполненный толпой студентов двор. Джаро ждал ответа, пытаясь представить себе тысячи маленьких обрывков мыслей, которые Лиссель приходилось связывать воедино, чтобы принять решение.

«Я не могу придти с тобой на выпускной бал. Это вызовет скандал, Ханафер устроит сцену — а я не могу себе это позволить, меня вот-вот согласятся принять «Пригретые змеи»». Ее голос оборвался. Она вскочила на ноги и повернулась лицом к Джаро, тоже поднявшемуся: «Мне кое-что пришло в голову. Может быть, это даже к лучшему. Сегодня

вечером моя кузина Дорсен играет в концерте. Я обязана присутствовать. Если хочешь, можешь сопровождать меня на концерте. У тебя будет возможность познакомиться с моими родственниками, в том числе с дядей Форби. Тебе он понравится; он — один из «кахулибов», причем отличается немалой весомостью. А после концерта моя бабка, кажется, собирается устроить званый ужин в честь Дорсен».

«Не могу сказать, что мне нравится эта идея», — сомневался Джаро.

Наклонив голову набок, Лиссель одарила его самой неотразимой улыбкой: «Джаро! Я не могу придти с тобой на выпускной бал, но ты можешь сопровождать меня на концерте, со мной ты не соскучишься». Она прикоснулась к его плечу и наклонилась к нему: «Увидишь! Я обещаю!»

«И к чему все это приведет?»

«Ну что ты, Джаро! — тихо сказала Лиссель. — Разве можно спрашивать такие вещи?»

«Гм. Когда мне следует за тобой придти? Где ты живешь?»

Лиссель колебалась: «Придется соблюдать осторожность, чтобы не обидеть бабушку — она придерживается строгих правил. Я скажу ей, что ты — музыкант, и мы встретимся в консерватории; это за Пингари-парком, около мемориального огня под горой Вакс».

Джаро решил, что настало время измерить правдоподобность и характер намерений Лиссель. Он помолчал, выбирая выражения. Лиссель неправильно поняла его молчание. Она поторопилась прибавить вполголоса: «Должна заметить, что концерт организуется Институтом. Никто не обзовет тебя профаном или пронирой. При этом ты поднимешься на мой социальный уровень и будешь находиться в обществе моей достойной восхищения семьи. Все мои родственники — благовоспитанные люди, заслужившие высокую репутацию. Надеюсь, тебя привлекает такая перспектива?»

Джаро слегка опешил и рассмеялся: «У тебя в голове все вверх ногами! Я хотел бы, чтобы ты избавилась от родственников и оставила весомость дома. Я хотел бы отвезти тебя в гостиницу на горном озере, где мы поужинали бы жареной речной рыбой, напились бы «Синим джинном» и провели бы в постели как можно больше времени».

«Джаро! — воскликнула Лиссель. — Это совершенно невозможно! Я обязалась придти на концерт!»

«Никаких проблем, — отозвался Джаро. — После концерта мы извинимся перед твоей родней и отправимся по своим делам. Ты согласна?»

Лиссель скорчила гримасу: «Дядя Форби может настаивать на том, чтобы ты остался на ужин».

Джаро покачал головой: «Это не поддается пониманию! Я даже не знаком с твоим дядей Форби. А теперь отвечай — я должен знать! Ты согласна или нет?»

Лиссель вздохнула, вскинула голову — ее золотистые локоны легли на плечи — и взглянула на него со скорбным упреком: «Тебе так не терпится залезть со мной в постель, что ты готов рисковать скандалом?»

Джаро помолчал, подумал и ответил: «Готов рискнуть, если тебя это устраивает».

Лиссель отступила на шаг и прикусила губу: «Не знаю, что сказать!»

«Риск сводится к минимуму — его можно практически предотвратить, — настаивал Джаро. — Вечер можно провести гораздо хуже, как ты сама понимаешь».

«Ты выражаешься не слишком любезно, Джаро. Неужели нельзя говорить о вещах в романтических, поэтических тонах?»

«Невозможно не учитывать некоторые неопровержимые факты».

«Даже так? Какие именно?»

«Я не желаю знакомиться с твоими родственниками, мне дела нет до твоего дяди Форби, я плевать хотел на музыку твоей кузины и с удовольствием обойдусь без ужина твоей бабки. Я хочу тебя, и только тебя».

«Джаро, ты полностью подчинился первобытным инстинктам, подобно нашим пещерным предкам. Что, если я откажусь?»

«Тогда я откажусь присутствовать на концерте — мне совершенно незачем встречаться с твоей родней».

Лиссель вздохнула: «Хорошо, дай мне подумать. Наверное, нам удастся как-нибудь избежать ужина, под тем или иным предлогом».

Теперь Джаро уже хорошо понимал, что Лиссель серьезно и настойчиво желала, чтобы он встретился с Форби Мильдуном — непонятно только, по какой причине. Это было любопытное наблюдение, и он задумался о его последствиях. Позволит ли ему Лиссель переспать с ней только для того, чтобы состоялся его разговор с Мильдуном? Целомудрие Лиссель всегда оставалось под вопросом, но она в любом случае была вертихвосткой, каких мало, и Джаро не испытывал по этому поводу никаких угрызений совести. Лиссель всегда делала то, что ее больше всего развлекало. Учитывая все обстоятельства, забавная игра стоила свеч.

«Так как же? Да или нет?»

Лиссель кивнула, но Джаро уже подозревал, что она замышляла препятствия и оговорки, чтобы прибегнуть к ним при первой возможности.

Через разукрашенные ворота на двор Лицея ввалился Ханафер в компании друзей. Лиссель увидела его и печально улыбнулась: «Сегодня вечеринка «Распутных сумасбродов». Ханафер хотел, чтобы я туда пришла. Я отказалась из-за концерта. Если он узнает, что ты был со мной на концерте, и что мы куда-то отправились вместе после концерта, он взбеленится. Но не беспокойся — он ничего не узнает. По меньшей мере, не от меня».

Джаро смотрел на кишачий студентами двор: «Вот он идет. Можешь рассказывать ему все, что угодно».

Лиссель изумленно раскрыла глаза: «Ты же не хочешь, чтобы я его предупредила?»

«Почему нет? Пожалуй, я сам ему об этом скажу».

Ханафер подошел к столику с регистрационным журналом, после чего вернулся к приятелям. Прогулявшись туда-сюда, он направился к буфету. Заметив Лиссель и Джаро, Ханафер тут же остановился. Лиссель стояла слишком близко к профану — гораздо ближе, чем, с точки зрения Ханафера, подобало престижной девушке, соблюдающей правила хорошего тона. Золотистые брови Ханафера взвились; выставив выдающийся подбородок, он закричал: «Эй, проныра! Ты, кажется, так ничему и не научился? Разве ты не видел объявление у входа? Там написано: «Прокаженным, холуям, туфтякам и пронырам вход воспрещен!» Убирайся, пока тебя не проводили пинками, и не мешкай, щенок, а то еще лужу напустишь у всех на виду! Пошевеливайся! Пошел вон!»

Обращаясь к Лиссель, Джаро заметил: «Ханафер становится невыносимым».

Лиссель отозвалась нервным смешком: «Ханафер тебя не выносит, это уж точно. Тебе лучше уйти. Позвони мне позже».

Джаро покачал головой: «Альтея Фат объяснила мне, как следует вести себя в таких ситуациях. Я должен заверить Ханафера в том, что никому не желаю причинять никаких неудобств, и разъяснить ему, что гнев и раздражение неконструктивны. Ханафер осознает

свою ошибку и принесет извинения».

«Попробуй, — пожалала плечами Лиссель. — Он уже сюда идет».

Ханафер решительно пересек двор, остановился, бросив на Джаро презрительный взгляд, и взял Лиссель за руку: «Пойдем, Лиссель! Здесь невыносимо воняет пронирой. Кажется, я понятно выражаюсь?»

Лиссель высвободила руку: «Будь так любезен, Ханафер! Мне надоело, что меня все время дергают то туда, то сюда!»

«Прошу прощения! Но давай опрокинем по бокалу вина и обсудим наши планы на выпускной вечер».

«Не теряй времени зря, — вмешался Джаро. — На выпускном балу Лиссель буду сопровождать я».

Лицо Ханафера недоуменно вытянулось. Джаро продолжал: «Кроме того, сегодняшний вечер мы тоже проведем вместе».

«И что вы собираетесь делать сегодня вечером?» — Ханафер говорил медленно и гнусава, самым угрожающим тоном.

«Пойдем на концерт в консерваторию — концепция, выходящая за пределы твоих умственных способностей, Ханафер. А после концерта, скорее всего, уедем куда-нибудь в горы, чтобы поужинать наедине, до полуночи».

Лиссель сдавленно рассмеялась: «Замечательно! Но перестань дразнить беднягу Ханафера, он уже красный, как помидор — вот-вот лопнет!»

«Значит, ты отправишься с этим подкидышем на концерт?»

«Честное слово, Ханафер, это не твое дело. Научись себя вести, пока не поздно».

Пальцы Ханафера сжались в кулаки, разжались, снова сжались — он развернулся и ушел. Лиссель смотрела ему вслед. «Ты поступил безрассудно», — тихо и задумчиво сказала она.

«Неужели? Почему же?»

«Ты положил начало тому, что теперь уже не остановишь».

Ханафер присоединился к трем приятелям; они стояли, переговариваясь вполголоса, и время от времени посматривали в сторону Джаро.

Лиссель поежилась: «Они ведут себя, как звери! Тебе это не сулит ничего хорошего. Разве ты не боишься?»

«Нет, не боюсь. Так что же, где мы встретимся сегодня вечером? И как мне следует одеться?»

Лиссель сомневалась, ее указания звучали неубедительно: «Теперь мне кажется, что все это не такая уж удачная затея. Моя матушка — исключительно благовоспитанная особа, она может усмотреть в твоём присутствии нарушение приличий. А моя бабка отличается настолько властным и надменным характером, что однажды я слышала, как она сделала выговор осанистому пожилому господину — одному из «Лемуров», ни больше ни меньше! — только за то, что тот взял с подноса пирожное с кремом вместо хлебца с анчоусами. Как тебе одеться? Оденься в черное; лучше всего подойдут брюки в стиле «бельминстер». Проследи, чтобы на тебе не было ничего зеленого или в оранжевую крапинку. Веди себя вежливо, ничего не роняй и помни, что ты — музыкант».

Джаро поджал губы: «Возникает впечатление, что мне придется танцевать на канате!»

Лиссель приблизилась к нему: «Нет, Джаро! Сегодня вечером! Мы будем вместе! Но все должно пройти без сучка без задоринки, и тебе обязательно нужно поладить с дядей».

Форби».

«Ладно, — проворчал Джаро. — Сегодня я продемонстрирую строгое соблюдение самого привередливого этикета. Буду жевать хлебцы с анчоусами и оставлю дома мой новый зеленый галстук. А для того, чтобы поддерживать разговор, я буду обсуждать достоинства суанолы и, может быть, невероятные особенности квакгорна».

«Не обижай дядюшку Форби! — поспешно прибавила Лиссель. — Знакомство с ним может оказаться очень полезным».

«Сделаю все, что смогу. А теперь — до встречи! Ханафер на нас смотрит?»

«Он только и делает, что на нас смотрит».

Джаро обнял Лиссель и поцеловал ее. Она сначала застыла, но сразу размякла.

«Давно хотел это сделать!» — с удовлетворением заметил Джаро.

Лиссель ухмыльнулась в ответ: «Мне было бы приятнее, если бы ты это сделал не только для того, чтобы разозлить Ханафера».

«А, он ничего даже не заметил!» Джаро наклонился, чтобы снова поцеловать ее, но Лиссель отстранилась: «Ханафер прекрасно все видит. Всем остальным тоже все видно». Отступив на шаг, Лиссель высвободилась из рук Джаро: «Один поцелуй можно объяснить, как дружеское прощание. Слишком дружеское, вероятно, но не служащее поводом для грязных слухов. Два поцелуя означали бы, что нам нравится целоваться. Три поцелуя вызовут настоящий скандал».

«И Ханафер считал наши поцелуи?»

«Можешь в этом не сомневаться! Но теперь он куда-то спешит. Хм. Странно! Как правило, Ханафер не удерживается от громогласных замечаний». Лиссель покосилась на Джаро: «Боюсь, ты уязвил его болезненное самолюбие».

«Ханаферу придется научиться стоически переносить удары судьбы», — сказал Джаро.

Лиссель отвернулась и тихо сказала: «Иногда ты меня просто пугаешь».

Когда Джаро позвонил Лиссель после обеда, она отвечала медленно и неохотно, словно внутренне преодолевая ряд непредвиденных осложнений.

«У нас полный переполох, — уныло сообщила Лиссель. — Дядю Форби никто не может найти — по-видимому, он на каком-то важном совещании, но никто не знает, когда он освободится. Бабушка в бешенстве, мы все ходим вокруг нее на цыпочках». С учетом сложившихся обстоятельств, пояснила далее Лиссель, на концерте Джаро должен был ограничить общение с ее родственниками исключительно формальным присутствием.

«Под «сложившимися обстоятельствами» ты имеешь в виду настроение твоей бабки?»

«Боюсь, что так. Тетушка Дульси взяла на себя приготовления к ужину, но бабушку ее приготовления не устраивают, и теперь тетушка тоже в бешенстве, потому что ей придется все менять. Но концерт состоится — то есть мои обязательства перед тобой можно считать выполненными».

Джаро не понял: «О каких обязательствах ты говоришь? И каким образом тебе удалось их выполнить в мое отсутствие?»

«Пожалуйста, Джаро! Не будь таким докучным. Ты хотел меня сопровождать, и я это устроила. А теперь слушай внимательно. План по существу не изменился. Леди Винзи — это моя бабка — желает, помимо прочего, отпраздновать сегодня вечером день рождения тетки Зельды. Сначала родня соберется, чтобы выпить и поболтать, в Примео, усадьбе леди Винзи на склоне холма Ларнингдейл, после чего все отправятся в консерваторию за Пингари-парком. После концерта родня вернется в Примео на семейный ужин».

«И какая роль отводится мне во всем этом сценарии?» — поинтересовался Джаро.

«Все идет не так гладко, как я надеялась — особенно в связи с отсутствием дяди Форби. Но ты мог бы встретиться с нами в вестибюле консерватории. Я тебя представлю, как музыканта, и тебя, конечно же, пригласят присоединиться к нам в ложе леди Винзи. Может быть, тебе даже разрешат сидеть рядом со мной; это зависит от того, за кого тебя будет принимать леди Винзи — за профана и слюнтяя или за настоящего знатока модернистской музыки». Лиссель пояснила далее, что Джаро должен был вести себя безукоризненно, так как присутствующие в ложе будут следить за каждым его движением. Лиссель собиралась спокойно объяснить родственникам отсутствие у Джаро какой-либо весомости тем, что его приемные родители, профессора Хильер и Альтея Фаты, приобрели высокую репутацию скорее в межпланетном сообществе специалистов, нежели в местных кругах. Лиссель могла также упомянуть о стремлении Джаро изучать музыку затерянных племен на далеких планетах. «В любом случае, — с насмешливой назидательностью продолжала Лиссель, — тебе надлежит вести себя скромно, по большей части помалкивать и не распространяться по поводу личных мнений и наблюдений. Таким образом тебе, может быть, удастся не возбудить лишние подозрения у леди Винзи, хотя на семейный ужин тебя, конечно, не пригласят».

В том, что касалось ее матери, леди Иды Биннок, Лиссель посоветовала Джаро ни в коем случае ей не противоречить — если он не хочет, чтобы его тут же отнесли к разряду «наглых неоперившихся пошляков». Джаро чувствовал, что Лиссель говорит отстраненно, с прохладцей — словно уже сожалела о том, что его пригласила, и опасалась последствий

своей затее. Он решил ничего не говорить по этому поводу, понимая, что их «делка» в любом случае была не более чем призрачной приманкой, и что Лиссель с самого начала не собиралась провести с ним ночь. Судя по всему, Лиссель уже неоднократно прибегала к такого рода туманным обещаниям, возбуждавшим ее воображение и сулившим ей те или иные выгоды, но каждый раз уклонялась от их выполнения по существу.

Джаро вздохнул и пожал плечами. Если Лиссель решила не вступать с ним в интимные отношения, может быть, это было даже к лучшему. Несмотря на внешнюю привлекательность, умственные процессы Лиссель никак не гармонировали с его способом видеть и понимать окружающий мир. «Любопытно! — думал он, — Куда подевалась необузданная энергия юности с ее намеками на возможность сексуальных авантур?» Разговаривая по телефону, то есть находясь дома, в привычной обстановке, Лиссель казалась осторожной и расчетливой. Джаро припомнил дни, проведенные в Ланголенской гимназии. Очаровательная Лиссель, дразнившая и провоцировавшая всех вокруг, мало изменилась с тех пор, хотя ее пикантность приобрела более интенсивный, отработанный характер. Но даже тогда, в подростковом возрасте, ей не хватало способности привлекать его внимание, свойственной Скирлет Хутценрайтер — как только на сцене появлялась Скирлет, Лиссель словно скучнела и блекла. Странно! Как давно это было! Драгоценная храбрая Скирлет — что с ней сейчас? О ней никто ничего не слышал с тех пор, как она уехала из Танета.

Прошло несколько часов.

Лиссель снова связалась с Джаро, чтобы дать последние указания. Теперь она выглядела еще более напряженной и рассеянной, причем ее исключительно беспокоило отсутствие Форби Мильдуна: «Он позвонил, но все это страшно раздражает бабушку — она терпеть не может, когда кто-нибудь опаздывает».

«Наверное, он предпочитает проводить время с друзьями в клубе», — предположил Джаро.

«Нет, у него какое-то важное дело, но раньше он говорил, что это не более чем формальность, и сегодня вечером мы должны были собраться все вместе. Что ж, неважно! Ты в любом случае придешь, насколько я понимаю?» — в голосе Лиссель не осталось никакого энтузиазма, она явно надеялась, что Джаро найдет предлог отказаться от приглашения.

«Обязательно приду», — заверил ее Джаро.

Наступило непродолжительное молчание, после чего Лиссель ответила: «Хорошо, приходи. Хотя вполне возможно, что я не смогу уделять тебе достаточно внимания. По сути дела, если с нами не будет дяди Форби...» Лиссель прервалась, после чего торопливо закончила: «Все это может оказаться сложнее, чем я думала, потому что мои мать и бабка чрезвычайно чувствительны к различиям в социальном статусе».

«Ничего страшного, — успокоил ее Джаро. — Существуют другие соображения, по которым мне следует явиться на концерт».

«Какие такие соображения?» — с подозрением спросила Лиссель.

«Объясню как-нибудь потом».

«Гм! Ладно — не опаздывай, я не могу задерживаться ни на минуту».

«Я приду вовремя».

Джаро тщательно оделся, стараясь не выглядеть щеголем или пижоном. Он приехал в центр Танета на маленькой двухместной машине родителей; так как у него не было членского билета или абонемена, выданного «Ассоциацией покровителей искусств», ему пришлось запарковаться на общественной стоянке за Институтом и пройти в консерваторию пешком через Пингари-парк.

В свое время в вестибюле показались Лиссель и ее родственники. Джаро выступил вперед, и Лиссель его представила — группа почти не задержалась, ограничившись формальными приветствиями на ходу. Тем не менее, по мнению Джаро, все обошлось без неприятностей. Никто не задавал ему подозрительных или вызывающих вопросов, не было даже высокомерно-презрительных жестов. По существу, грозная леди Винзи почти его не замечала. Леди Ида, мать Лиссель, смерила его пронизательным, но не враждебным взглядом. Остальные проявляли безразличие. Вопиющим нарушением порядка вещей было отсутствие Форби Мильдуна. По-видимому, именно этим объяснялась напряженная, мрачноватая молчаливость леди Винзи, леди Иды и Лиссель. Джаро понимал, что во избежание конфликта ему следовало вести себя обходительно и держаться на втором плане; забавляясь своим лицемерием, он позволил себе украдкой усмехнуться.

Вся компания поднялась в зал консерватории; Лиссель и Джаро замыкали шествие. Они сразу направились в ложу. На несколько секунд, пока присутствующие рассаживались, возникла неразбериха, и хриплые строгие указания леди Винзи гулко разносились по аудитории. Джаро ненавязчиво нашел себе место рядом с Лиссель, у боковой перегородки; казалось, его никто не замечал. Лиссель вела себя отстраненно. Джаро молча сидел, наблюдая за компанией и пытаясь представить себе, из-за чего настроение Лиссель так резко изменилось. Ее лицо побледнело и вытянулось; как обычно, однако, она выглядела изящной и притворно застенчивой в темно-синем платье, украшенном несколькими скромными полосками белых и розовых кружев. На голове у нее была пересекавшая лоб темно-красная лента, расшитая синим орнаментом, с неограниченным лунным камнем посередине.

Усевшись, леди Винзи обвела взором аудиторию и во всеуслышание поделилась наблюдениями по этому поводу. Мало-помалу завязался благопристойный разговор, и даже Джаро позволили вставить две-три фразы. Он вел себя настолько чинно, что леди Ида, сидевшая слева от Лиссель и внимательно следившая за каждым его движением, не могла найти никакого повода для критики. Леди Ида, невысокая и уже немного расплывшаяся матрона в стильно обтягивающем грудь платье, отличалась лилейно-кремовой кожей и крашеными завитыми кудряшками розоватого оттенка. Ее безукоризненно выхоленная фигура казалась, поблескивала лаком, словно сошла со страницы журнала мод. «Такой будет Лиссель, — подумал Джаро, — когда пройдут годы и от молодости останутся одни воспоминания».

Подобно остальным родственникам Лиссель, леди Ида с очевидным почтением относилась к леди Винзи, на редкость уродливой высокой старухе с мощным торсом, обширным тазом и длинными костлявыми конечностями. Череп леди Винзи ошетинился жестким ворохом поседевших волос со стальным отблеском; на ее оплывшем складчатом

лице пестрели пятна цвета старой ржавчины. Крупные черты ее лица производили впечатление грубости, даже вульгарности: мохнатые брови нависли над глубокими темными провалами глазниц, морщинистая задубевшая кожа обвисала со щек ниже челюстей, как у бульдога, кончик горбатого мясистого носа практически закрывал верхнюю губу. Несмотря на все эти недостатки, леди Винзи излучала такую жизненную силу и напористость, что ее уродство становилось положительным качеством и привлекало взгляды окружающих. Громкий и хриплый голос старухи точно соответствовал ее характеру; ее замечания, самого интимного и конфиденциального сорта, можно было слышать на другом конце зала, причем это ее несколько не беспокоило. Окруженная родней, она казалась символом первобытного матриархата, источающим властную ману. У Джаро возникло впечатление, что от нее исходил жирноватый сырой запах, как от висящей на крюке туши огромного костлявого зверя. Джаро переводил взгляд с леди Винзи на леди Иду и на Лиссель. Три поколения, три личности, как на полицейском параде для сравнения подозреваемых! Присмотревшись, можно было заметить некоторое сходство между тремя, какой бы нелепой не представлялась идея такого сходства. «Прелести Лиссель больше никогда не вызовут у меня возбуждение», — подумал Джаро.

Заметив его внимание, Лиссель прошептала: «Вот! Теперь ты встретился с моей семьей — роскошная компания, правда? Матушка — как драгоценная кукла, вся блестит и переливается! А леди Винзи у всех вызывает трепет».

Джаро решил сменить тему разговора: «Где же твой дядя?»

Мимолетное оживление Лиссель пропало, лицо ее вытянулось пуще прежнего: «Сегодня его постигла большая неудача, поэтому он плохо себя чувствует».

«Что случилось?»

Лиссель поджала губы: «Его надул проклятый Гильфонг Рют, и это всем нам дорого обойдется».

«Всем вам?»

Щеки Лиссель слегка втянулись, она выставила лицо вперед — так, что нос ее словно воткнулся в воздух; на какое-то мгновение Джаро увидел нарисованный в бледных пастельных тонах неопределенно-капризный набросок профиля леди Винзи. Видение это исчезло так же быстро, как появилось, но у Джаро перехватило дыхание, он окаменел. Теперь он не соблазнился бы возможностью переспать с Лиссель, даже если бы та явилась ему обнаженной в ванне, наполненной сладкими сливками.

«Мы все разделяем горе дядюшки Форби», — ответила Лиссель и быстро отвернулась.

Леди Винзи впервые заметила Джаро. Изучив его в течение пяти секунд, она изгнала его за пределы сознания, как рыбак, выбрасывающий сорного малька обратно в воду.

Джаро просмотрел брошюру с программой концерта. В ней, помимо прочего, говорилось:

«Сегодня вечером «Пиликающие трубы» исполнят последовательность вдохновенных музыкальных иллюзионов в стиле пяти символизмов новой эонической геральдики, завершающую репризой, формирующей ослепительно выразительное единство».

Из дальнейшего описания Джаро почерпнул, что включенные в программу произведения, несмотря на прецизионную утонченность их структуры, могут не оказаться непосредственно доступными неподготовленному слушателю.

Пять музыкантов, один за другим, вышли на сцену, расселись и настроили инструменты. Всякий раз, когда Джаро посещал музыкальные концерты, наибольшее удовольствие ему нередко доставляла именно эта часть: случайные робкие звуки, уже почти сочетающиеся, постепенно становились все более приятными и осмысленными, приближаясь к гармоническому согласованию — волнующее возбуждение нарастало и находило разрешение.

Квнтет приступил к исполнению. Джаро вскоре признал полное поражение. «Иллюзионы» превосходили его понимание во всех направлениях одновременно. Во время перерыва леди Винзи заявила, что только виртуозное мастерство ее внучки Дорсен позволяло терпеть эту кошачью какофонию. Благодаря изумительной акустике зала, ее замечание могли отчетливо слышать все присутствующие.

Джаро держал при себе свои мнения, хотя позволил себе осторожно согласиться с леди Идой в том, что голосоведение представлялось несколько запутанным. Дорсен привела в ложу собрата-музыканта, угрюмого молодого человека, игравшего на тамурете. Он попытался разъяснить «иллюзионы» леди Иде: «То, что вы слышите — особый музыкальный материал. Разумеется, сегодня никто не покинет зал, насвистывая запомнившиеся мелодии. Звуки различной высоты и продолжительности предназначены быть не вещами в себе, а границами или промежутками, определяющими паузы между ними. Красота «иллюзионов» кроется в контрапункте так называемых «звуковых пустот» или пауз, в их напряженном взаимодействии».

Леди Ида заметила, что, несмотря на несомненные достоинства исполняемой музыки — если бы у нее не было достоинств, никто не стал бы ее исполнять, не так ли? — она все же выходила за рамки осмысленного восприятия. Джаро решил, что осторожная поддержка ее мнения ничему не повредит, но на его слова никто не обратил внимания. Леди Винзи громогласно спросила: «Почему бы этим «Пиликающим отбросам», или как их там, не отложить инструменты и не позволить публике наслаждаться тишиной в ее первозданной форме?»

Исполнение продолжилось; публика прилежно слушала. По окончании концерта леди Винзи промаршировала вон из ложи, увлекая за собой стайку родственников; Джаро снова замыкал процессию. В вестибюле леди Винзи задержалась, чтобы поговорить со знакомыми. Джаро и Лиссель вышли на террасу перед консерваторией.

«Великолепная музыка, не правда ли? — сказала Лиссель. — Надеюсь, тебе она понравилась. Надо полагать, для тебя это был знаменательный вечер. Ты встретился с моей матерью, возвращающейся в избранном кругу «кахулибов», и познакомился с леди Винзи, что само по себе большая честь. Она из числа «сассельтонских тигров» и пользуется всеобщим почетом. Ты должен быть мне очень благодарен».

«Благодарен? За что? — охваченный внезапной яростью, спросил Джаро. — Ты заставила меня слушать этот, с позволения сказать, музыкальный бред — да еще в компании беспардонной старой ведьмы! Когда я присел рядом с твоей матерью, она позаботилась поднять сумочку с кошельком и положить ее с другой стороны. Неужели ты думаешь, что оказала мне какую-то услугу? С моей точки зрения, ты сыграла со мной тошнотворную шутку!»

Лиссель всплеснула руками и топнула ногой, тоже не на шутку разозлившись: «Тогда зачем ты пришел?»

«На то есть свои причины».

«Неужели? Какие такие причины?»

«Могу тебя заверить, что к числу этих причин не относятся наши первоначальные планы на сегодняшний вечер — я с самого начала ни в грош не ставил твои обещания. Я тебя насквозь вижу».

Глаза Лиссель бегали: «Тише! Ты ведешь себя неприлично, на нас смотрят».

На террасе появилась леди Винзи. Она прошествовала мимо Джаро так, будто он не существовал. Леди Ида попрощалась с ним сухим кивком и тоже поспешила прочь. Лиссель воскликнула: «Все чем-то недовольны, все куда-то торопятся, полная неразбериха! Не знаю, что делать. Спокойной ночи!»

Лиссель бегом догнала свою мать, и вся их компания погрузилась в большой старомодный экипаж, уже ожидавший под террасой. Экипаж величественно отъехал от консерватории и пропал в темной глубине Пингари-парка. Джаро остался один на ступенях. Он подождал несколько минут, пока публика, покидавшая зал, не разошлась. У него за спиной, в консерватории, погасли светильники. Теперь террасу озаряли только сполохи вечного огня, горевшего в монументальном бронзовом кольце.

Джаро поежился — холодный ветер гнал обрывки тумана вниз по склонам горы Вакс и между стволами деревьев Пингари-парка. Спустившись по ступеням, он направился туда, где оставил двухместный автомобиль. Парковая дорожка вилась между древними тисами, кедрами, земляничниками и разнообразными туземными деревьями. Листва их крон заслоняла звезды; парк бледно озарялся лишь светом, сочившимся из-за деревьев со стороны фонарей на стоянке.

Джаро не спеша прошел метров пятьдесят, после чего остановился и прислушался. Тишину нарушали только вздохи ветра в листве.

Пройдя еще несколько шагов, Джаро снова остановился. Он тихо шипел от нетерпения. Неужели его зря заставили слушать пиликанье «Отрубей» и терпеть общество леди Винзи и леди Иды? Наконец он услышал то, чего ждал: приглушенные звуки осторожных торопливых шагов.

Джаро улыбнулся, мягко и задумчиво, снял пиджак и повесил его на руку. Он снова прислушался. Шаги становились громче — Джаро уже заметил сзади покачивающиеся высокие черные крылья и развевающиеся на ветру черные плащи. Он аккуратно положил пиджак на газон рядом с дорожкой, обернулся и приготовился.

Наутро по городу распространились вести о чрезвычайном, драматическом событии. По-видимому, четыре молодых человека, в ближайшее время собиравшихся закончить Лицей, решили устроить какую-то ночную шалость, так как нарядились в ритуальные костюмы Ангелов Тьмы, несущих возмездие пронырам. Но их безобидная проказа завершилась катастрофой. В полночь припозднившийся прохожий обнаружил в Пингари-парке еле дышащие искалеченные тела четырех сорвиголов.

Жертвы были известными студентами Лицея; все они отличались завидной весомостью и превосходным престижем. Их звали Ханафер Глакеншоу, Кош Диффенбокер, Алмер Кульп и Лонас Фанчетто. На них напала банда негодяев, жестоко их избившая. Каждому из них были нанесены травмы: множественные переломы конечностей, ребер, коленных и локтевых суставов, а также кровоточащие ушибы. Все они перенесли тяжелое сотрясение мозга и поступили в больницу в бессознательном состоянии. Кроме того, молодые люди взяли с собой средство для удаления волос — с целью, известной только им одним. Их головы были покрыты этим веществом, в связи с чем озорники стали лысыми, как бильярдные шары, и не могли надеяться на восстановление волосяного покрова в течение нескольких месяцев.

Полицейский инспектор Гандет еще не мог взять показания у пострадавших. Выступая перед представителями прессы, он подчеркнул личное возмущение происшедшим: «Судя по всему, четыре молодых человека переоделись, чтобы слегка позабавиться, но повстречались с шайкой разнuzданных бандитов, предававшихся бессмысленной, садистической жестокости. В нашем городе такое поведение недопустимо! Мы сделаем все возможное для того, чтобы виновные предстали перед судом и понесли справедливое наказание. В самое ближайшее время я проведу интервью с жертвами нападения и установлю фактические обстоятельства дела. Сейчас они находятся под воздействием седативных препаратов; врачи считают, что им предстоит провести в больнице не меньше трех недель. Эти молодые люди должны были участвовать в выпускной церемонии в Лицее на следующей неделе; теперь, конечно, об этом не может быть речи».

Через два дня Ханафер Глакеншоу пришел в себя достаточно для того, чтобы говорить, но, судя по всему, был настолько деморализован достойным сожаления происшествием, что не мог связно излагать последовательность событий. Такое же влияние травмы оказали и на трех других жертв; в конце концов полиция стала подозревать, что молодые люди сговорились и не желают давать показания. Инспектор решил, что четыре Ангела Тьмы очевидно сами занимались чем-то не слишком законным, и с отвращением закрыл дело.

Супруги Фаты сидели за завтраком, когда на телеэкране появились новости о жестокостях, которым подверглись Ангелы Тьмы, озорничавшие ночью в Пингари-парке. Диктор сообщил, что на них напали с необъяснимой, безудержной яростью. Каждому из молодых людей предстояло провести в больнице несколько недель.

И Хильер, и Альтея были глубоко огорчены этим известием.

«Не знаю, о чем следует больше сожалеть — о судьбе Ангелов Тьмы или о душевном состоянии разбойников, совершивших такое варварское избиение!» — заявил Хильер.

«И те, и другие заслуживают порицания, — отозвалась Альтея. — Они вносят насилие в нашу жизнь! Вместо того, чтобы делать существование легким и радостным, они причиняют боль». Она взглянула на Джаро, сидевшего напротив и скромно поглощавшего завтрак: «Разве таких новостей не достаточно, чтобы ты отказался от отвратительных боевых упражнений?»

«Ни в коем случае! — сказал Джаро. — Тренировка позволяет мне защищаться. Кроме того, она укрепляет организм и придает выносливость. Если на меня нападут, я смогу убежать со всех ног, и никто из разбойников меня не догонит».

Альтея восприняла его доводы с сомнением. Хильер заметил: «Джаро пошутил. Не слишком удачная шутка, на мой взгляд».

«Надеюсь, тебе не пригодится подобное преимущество, шутишь ты или нет», — взволнованно прибавила Альтея.

Хильер решил сменить тему разговора: «Вчера в Институте ходили исключительно любопытные слухи. В каком-то смысле они касаются и нас. Вас это интересует?»

«Расскажи, — согласилась Альтея. — Снова какой-нибудь скандал?»

«Это странная и печальная история. Помнишь, несколько лет тому назад было продано ранчо «Желтая птица?»

«Конечно, помню. Тогда оно принадлежало декану Хутценрайтеру. Надо полагать, его обманул какой-нибудь прохиндей».

«Агент по имени Форби Мильдун. Он выставил эту недвижимость на продажу от имени фирмы «Фидоль комбайн». Восемьдесят процентов акций фирмы принадлежали Гильфонгу Рюту, а на долю Мильдуна приходились остальные двадцать. Вчера представитель «Фидоль комбайна» объявил, что «Желтая птица» продана корпорации «Лумилар вистас», полностью принадлежащей Рюту. Стоимость ранчо определял оценщик земельных участков, причем он отнес территорию «Желтой птицы» к категории «бросовой земли», непригодной для сельского хозяйства. Мильдун получил за свои двадцать процентов ничтожную сумму. Сделка была заключена тайно. Мильдун узнал о ней только вчера вечером и пришел в ярость. Он явился в клуб Рюта и стал угрожать ему судебным иском, на что Рют невозмутимо пожал плечами. Мильдун потерял всякую сдержанность. Он схватил Рюта за бороду и ударил его по голове свернутой в трубку газетой. Рют только улыбнулся и отвернулся, сохраняя достоинство, а Мильдуна вышвырнули из клуба. Теперь ему предстоит получить выговор от Комитета по урегулированию межклубных конфликтов. Вот такие дела».

«Ага! — пробормотал Джаро. — Раскрылась тайна отсутствия Форби Мильдуна».

«Отсутствия? Где он отсутствовал?»

«На концерте в консерватории, вчера вечером».

Хильер улыбнулся: «Вчера вечером Форби Мильдуну было не до музыки».

Джаро подумал, что происшедшим могла объясняться и другая тайна. Лиссель вела себя настойчиво и соблазнительно, когда приглашала его на концерт. На концерте же ее поведение резко изменилось, она стала холодной и неприступной. Чем была вызвана такая перемена? Он все еще не мог с уверенностью ответить на этот вопрос, но события вчерашнего дня начинали складываться в более или менее последовательную картину.

Хильер поинтересовался: «Джаро, как ты собираешься провести день?»

«Сегодня в Лицее — так называемый «предвыпускной обход». Мы обязаны забрать свои вещи из шкафов и ящиков, вернуть оборудование в лабораторию, прибрать в классных комнатах и тому подобное. А вы что собираетесь делать?»

«Ничего особенного. Как обычно, в конце семестра много хлопот со всякими табелями и ведомостями».

«Не забудь! Нам нужно взять пригласительные билеты участников конгресса! — напомнила супругу Альтея. — Иначе нас не пустят в Искристую Заводь!»

«Верно! — отозвался Хильер. — Значит, лучше явиться в управление пораньше. На конгресс вылетает целая делегация из Танета, в том числе декан Хутценрайтер. Он прочтет доклад о результатах исключительно глубокого исследования: «Дополнительные измерения философии на примере лингвистических тензоров Уильяма Шульца»».

«Гм. Звучит несколько заумно», — заметила Альтея.

«Не спорю. Надеюсь, доклад Хутценрайтера будет организован лучше, чем его финансовые дела. Говорят, он по уши в долгах».

«Как это может быть? — недоумевала Альтея. — Он известен блестящими умственными способностями».

«Вполне возможно, что его умственные способности слишком блестящи, — предположил Хильер. — Тензоры Шульца оперируют в семнадцати измерениях, знакомых декану Хутценрайтеру не хуже, чем самому Шульцу. Финансовые сделки осуществляются в одном измерении: покупай по дешевке, продавай втридорога. Декан Хутценрайтер, однако, осмысливает финансовые операции одновременно в нескольких измерениях, тогда как работники банков неспособны уяснить себе формулировки ненулевой математической лингвистики».

Альтея прищелкнула языком: «Хильер, когда на тебя находит такое настроение, следи за тем, чтобы в Институте тебя никто не слышал!»

Хильер Фат усмехнулся и повернулся к Джаро: «Ты знаком с его дочерью, кажется?»

«Скирлет? Ну да. Она на другой планете, в частной школе. Даже не помню, где именно».

«Когда-то я помнила, куда она уехала, но успела забыть, — сказала Альтея. — Помню только, что это учебное заведение — на каком-то острове. Студенты ночуют в палатках, а классы преподаются на пляже. Говорят, обучение там обходится очень дорого, хотя студенты едят бананы, срывая их в саду, и жарят рыбу, которую сами ловят в лагуне».

«Наверное, девушке там нелегко, — заметил Хильер. — Она из «устричных кексов», а они не привыкли бродить по колено в воде с удочкой».

«Может быть, отец именно поэтому ее туда отправил, — предположила Альтея. — Чтобы вернуть ее с облаков на землю, так сказать».

Джаро немедленно возразил: «Скирлет совсем не такая! На самом деле она не тщеславна! Ей плевать на то, что о ней думают».

«Это само по себе свидетельствует о высокомерном отношении к окружающим», — мягко упрекнула сына Альтея.

«В ее случае для такого отношения есть основания».

«Ты на удивление ретиво ее защищаешь!» — сухо обронил Хильер.

Джаро ухмыльнулся: «Она красивая. Я всегда хотел с ней познакомиться поближе, но, как вы понимаете, такому, как я, трудно даже завязать разговор с наследницей «устричного кекса»».

««Устричные кексы» общаются с самыми разными людьми и делают самые разные вещи, — туманно заметила Альтея, обращаясь в пространство. — Они не накладывают на себя никаких запретов, такова основа их мировоззрения».

Хильер язвительно улыбнулся: «Подозреваю, что она уже вернулась домой, потому что ее инопланетные затраты оказались не по карману декану Хутценрайтеру».

Джаро удивленно поднял голову: «Скирлет вернулась в Танет?»

Хильер кивнул: «Вчера я видел ее в кабинете декана».

«Интересно! Как она выглядит?»

Хильер пожал плечами: «Не заметил существенных изменений. Она все еще становится в позу типа «плевать я на всех на вас хотела». Будь это кто-нибудь другой, я назвал бы такое поведение наглостью. У нее все еще немного мальчишеская фигура, если судить по манере одеваться. Тем не менее, она явно подросла. По правде говоря, мне она показалась уставшей, даже подавленной. Меня она, конечно, не узнала».

«Наверное, она решила завершить образование в Институте! — с напускным энтузиазмом воскликнула Альтея и повернулась к Джаро. — В следующем году ты встретишься с ней на занятиях. Разве это не замечательно?»

«Не так уж замечательно, если она будет вести себя нагло и станет меня презирать», — усмехнулся Джаро в сторону отца.

«Жаль, что ты не можешь поехать с нами на Юшант! — сказал Хильер. — К сожалению, это действительно помешало бы твоей учебе на первом курсе Института».

«Еще представятся другие возможности, — успокоительно отозвалась Альтея. — Образованию нужно уделять внимание в первую очередь».

Джаро угрюмо смирился с перспективой потратить четыре года на академические занятия, хотя все инстинкты побуждали его приступить к поискам своего происхождения. Он больше не спорил, однако, с Хильером и Альтеей. Иногда он сомневался в том, что ему когда-либо удастся узнать правду. Такие сомнения неизменно вызывали в нем приступы упрямства, и где-то в глубине сознания решение добиться своего только укреплялось.

После завтрака Джаро отправился в мастерскую космического терминала, чтобы встретиться с Гэйнгом Нейтцбеком.

Нейтцбек уже знал о вчерашних событиях в Пингари-парке и произвел краткий бесстрастный осмотр состояния Джаро: «Говорят, ночью у консерватории кто-то с кем-то подрался».

«Насколько мне известно, Ангелы Тьмы получили по заслугам, — ухмыльнулся Джаро. — Им надолго подрезали крылья».

Гэйнг кивнул: «Как ты проведешь лето?»

«Как раньше. Но Фаты улетят на Юшант, и я останусь один. Собираюсь починить

крышу и покрасить дом снаружи. Кроме того, примерно неделю займут всякие формальности, связанные с поступлением в Институт. Тем временем, я хотел бы продолжать занятия и работать в мастерской столько, сколько мне позволят».

«С этим не должно быть проблем, — сказал Нейтцбек. — Мне твоя помощь пригодится — в последнее время накопилось много заказов на ремонт. На следующую неделю назначен пробный полет большого красного «Пожирателя пространства» модели № 19. Если владельца не будет на борту, ты мог бы вывести корабль на орбиту и вернуться».

«Превосходно! Благодарю вас!»

Гэйнг кивнул: «А теперь давай составим что-то вроде расписания».

Через несколько часов Джаро прибыл в Лицей и занялся выполнением обязанностей, возложенных на выпускников. Некоторых эти обязанности огорчали. «Предвыпускной обход» и церемония вручения дипломов обозначали переходный момент: позади оставалась молодость с ее неперменной долей забав, безответственности, мимолетных любовных увлечений и полусутопливым, полусерьезным восхождением по ступеням социальной иерархии, нередко имевшим огромное символическое значение и предвосхищавшим будущее.

Джаро ходил по знакомым помещениям, собирая свое имущество и прощаясь с преподавателями — некоторые из них ему нравились. В полдень он зашел в кафетерий, взял в буфете бутерброд и фруктовое пирожное и присел за стол. Как только он приступил к еде, в кафетерии появилась Лиссель в соблазнительной белой юбке и темно-синем тонком свитере с высоким воротником. Она была одна и, как показалось Джаро, чем-то раздражена и подавлена, будто у нее было несварение желудка. Лиссель заметила Джаро только тогда, когда он подошел к ней сзади и взял ее поднос. Она несколько не удивилась. «Иди сюда, — пригласил Джаро, — к моему столу».

Лицо Лиссель застыло; она молча стояла, уставившись на свой поднос в руках Джаро. «Пойдем! — сказал Джаро. — Ты задерживаешь очередь».

Нахмурившись, Лиссель неохотно последовала за ним и плюхнулась на стул.

Джаро притворялся, что не замечает ее раздражение: «Рад был познакомиться с твоими родственниками. Они оказались вовсе не такими, какими я их себе представлял».

«Даже так? — Лиссель не могла просто сидеть и молчать; кроме того, в ней взяло верх любопытство. — Чем они не оправдали твои ожидания?»

«Они производят впечатление людей решительных и энергичных».

Лиссель сухо кивнула и нехотя ответила: «Ты совершенно прав. Они — влиятельные люди, известные существенной весомостью. Моя мать получила приглашение из клуба «Амброзиана». Но она еще не уверена в том, что престиж «Амброзианы» на самом деле выгоднее статуса «Кахулибов»».

«Любопытно! — заметил Джаро. — Как тебе понравился концерт?»

«Я не понимаю такую музыку, — угрюмо призналась Лиссель. — По-моему, ее не понимает ни один нормальный человек. Дорсен эта галиматья приводит в такое же замешательство, как всех остальных, но она вынуждена ее играть: репертуар определяется директором консерватории. Теперь она учит пьесу Джереми Каватерры и говорит, что она гораздо приятнее на слух».

«Надеюсь, я произвел достаточно хорошее впечатление?» — осторожно спросил Джаро.

«Какая разница? — пожалала плечами Лиссель. — Леди Винзи думала, что ты — билетер или швейцар. Моей матери ты не понравился: она сказала, что ты — поддакивающий проныра без собственных мнений. Поза, в которой ты сидел — напряженная и неуклюжая — заставляла ее подозревать, что ты наделал в штаны».

«Вот еще! — фыркнул Джаро. — Если я еще раз когда-нибудь с ней встречу, посмотрим, кто из нас наделает в штаны!»

Лиссель не ответила на это замечание.

Джаро вздохнул: «К счастью, мое внутренне равновесие — или моя гордость, называй это как хочешь — не нуждается в комплиментах».

Лиссель продолжала молчать. Она угрюмо откусила кусочек печенья, отодвинула поднос в сторону и смерила Джаро ледяным взглядом: «Странно, что ты упоминаешь о гордости и самоуважении! Когда Ханафер обзывает тебя туфтяком, ты только краснеешь и хлопаешь длинными ресницами». Она отвернулась: «Мне пора. А у тебя, конечно, полно своих дел и секретов. Не забудь заплатить своей банде, между прочим».

«Банде? Какой банде?»

«Не притворяйся, Джаро, у тебя это не получается! Ты нанял банду, чтобы они поколотили вчера вечером Ханафера и его приятелей».

«Никакой банды там не было. Я был один. Ханафер набросился на меня из кустов с тремя Ангелами Тьмы. Хочешь знать, как все это было на самом деле?»

Лиссель едва заметно кивнула. Джаро продолжал: «Вчера вечером я пошел с тобой на концерт в консерваторию. Как ты думаешь, почему?»

«А о чем тут думать? — с холодной издевкой произнесла Лиссель. — Это всем известно! Ты явился на концерт, чтобы втереться в семью с высокой репутацией и таким образом приобрести незаслуженный престиж».

Джаро улыбнулся: «Ты глубоко заблуждаешься! Я пришел в консерваторию, чтобы выманить Ханафера и его Ангелов. Я сделал все необходимое для того, чтобы он узнал о моем присутствии на концерте, и он проглотил наживку. Ханафер и его сообщники ждали меня в Пингари-парке, чтобы снова меня проучить. А я ждал их нападения. Я был один».

Глаза Лиссель округлились, она не верила ни единому слову: «Это невозможно! Ханафер сказал, что на них напали семеро громил двухметрового роста — скорее всего, наемники из племени коляков. Ты врешь, а я не выношу лжецов!» Она поднялась на ноги и собралась уходить.

«Подожди! Ты собираешься снова навестить Ханафера?»

«Собираюсь, сегодня вечером».

«Тогда потребуй, чтобы он сказал правду. Сообщи ему, что если они будут сочинять сказки, я подожду до тех пор, когда их выпишут из больницы, после чего, в один прекрасный вечер, снова их найду. Я буду один. И на этот раз я сделаю из них такое месиво, что они будут хромать, шататься и хвататься за поручни всю жизнь, как сломанные манекены. Ты сможешь это ему передать?»

Лиссель поежилась, повернулась и ушла, опустив плечи. Джаро проводил ее взглядом, удивляясь тому, что ему вдруг стало ее жалко.

На выпускной церемонии Джаро снова встретился с Лиссель. Он поинтересовался: «Ты расспросила Ханафера?»

«Я передала ему твое сообщение».

Джаро ждал.

Лиссель смотрела вдаль: «Ханафер сказал, что банды не было, что был только ты один. Он сказал, что ты дрался, как порождение ада, и что он до конца своих дней будет избегать тебя, как чумы». Она собралась уходить, но оглянулась: «Я сделаю то же самое».

Хильер зашел в свой кабинет в Институте и вспомнил, что забыл папку с документами — она должна была ему понадобиться на совещании комитета. Он позвонил домой; Альтея нашла документы и поручила Джаро срочно отвезти их в Институт. Вернувшись к телеэкрану, она заверила Хильера в том, что проблема решена, и что Джаро уже уехал.

Хильер облегченно вздохнул, после чего сказал: «Нам снова предлагают продать Приют Сильфид».

«Неужели? Опять этот паршивый Мильдун? Не стану иметь с ним дело, даже если он предложит мне драгоценности королевы Каха на золотом блюде!»

«Нет, не Мильдун. На этот раз ко мне обратился человек приятной внешности. Он вел себя с достоинством, а манерами напоминает судейского чиновника на пенсии. Он представился как Помфри Яйкс из фирмы «Выгодная недвижимость»».

«И что ты ответил господину Яйксу?»

«Сказал, что мы вот-вот улетим на Юшант и не можем даже обсуждать этот вопрос до нашего возвращения. Он пообещал связаться с нами позже. Я спросил его: какой клиент поручил ему приобрести нашу землю? Но Яйкс отказался сообщить имя клиента, сославшись на соглашение о конфиденциальности. Я попросил его не связываться с нами до тех пор, пока он не сможет сообщить имя клиента, заинтересованного в приобретении нашей собственности — и что, по существу, мы согласны вести переговоры только напрямую с покупателем. Он вежливо согласился учесть мои рекомендации, и на этом разговор закончился».

«Странно, что к нам продолжают приставать с этими предложениями! — рассуждала вслух Альтея. — Создается такое впечатление, что кому-то известно нечто, чего мы не знаем».

Хильер цинично усмехнулся: «В этом ты можешь не сомневаться».

«Великая тайна! Сам по себе ветхий старый дом практически ничего не стоит, он представляет ценность только для нас троих. Здесь тихо и мирно; мы слышим, как шелестят на ветру листья, а по ночам поют летучие мыши-трубадуры».

«Если кто-нибудь начнет застройку вдоль дороги Катцвольда, все изменится».

«Все это пустые разговоры. О застройке судили и рядили много лет, и ничего из этого не вышло».

«Верно, — согласился Хильер. — Но верно и то, что Приют Сильфид разваливается. Крыша протекает; нужно сменить окна в кухне, а бревна пропитать «констором». Все это требует денег, времени и усилий, а что мы получим в конечном счете, когда их затратим? Трескучий трухлявый сельский дом с покоробленными полами и покосившимися стенами. Рано или поздно Джаро будет жить самостоятельно и переедет, а мы останемся собирать пыль и зарастать паутиной вместе с нашим старым сараем».

«Никогда раньше не слышала, чтобы ты выражался в таком духе!» — удивилась Альтея.

«Надо полагать, я в плохом настроении».

«Я привязалась к старому дому. Не хочу его продавать и уверена, что Джаро тоже так считает».

«Хорошо! — сказал Хильер. — Но не заставляй меня лазить по приставным лестницам».

и красить стены».

Они поговорили еще немного, после чего Хильер сообщил: «Приехал Джаро с документами. Ладно, обсудим все это позже».

Покинув кабинет Хильера, Джаро вышел в коридор. В нескольких шагах находились двойные двери, ведущие в отделанные лакированным деревом помещения административного управления декана Хутценрайтера. Когда Джаро проходил мимо, двери раздвинулись, и ему навстречу вышла стройная темноволосая девушка. На ней были блузка и короткая юбка из бледно-голубой саржи; она держалась прямо, ходила упруго, голову держала высоко, слегка приподняв брови и поджимая губы. Заметив Джаро, она тут же остановилась и подождала его приближения.

Джаро решил, что она мало изменилась. Упрямые локоны коротко подстриженных темных волос по-прежнему обрамляли ее лицо, причем не было заметно никаких признаков целенаправленных попыток их укротить; манеры ее по-прежнему отличались легендарным, свойственным только ей одной небрежно-развязным самодовольством. Пожалуй, она выросла на вершок, а ее фигура больше не напоминала голодающее привидение. Она казалась спокойнее, чем раньше, не такой капризной, какой ее помнил Джаро — в связи с чем он не слишком удивился, когда Скирлет, вместо того, чтобы сказать какую-нибудь колкость, констатировала факт: «Ты — Джаро Фат!»

«Конечно, я — Джаро Фат! За кого еще меня можно принять?»

Скирлет безрадостно улыбнулась: «Пожалуй, ни за кого. Я просто попыталась начать разговор, как полагается».

Джаро недоуменно взглянул ей в глаза, и улыбка медленно сползла с его лица: «Я слышал, что ты вернулась, и надеялся, что мы как-нибудь встретимся».

Скирлет обернулась, с опаской взглянув на двери, ведущие в управление ее отца: «Здесь лучше не говорить. Пойдем куда-нибудь».

Они спустились на улицу, перешли широкий проспект Фламариона и уселись за столиком в кафе на открытом воздухе, под зонтом из зеленых и синих секторов. Вскоре им подали фруктовый сок со льдом.

Поначалу они молчали, чувствуя себя скованно и неудобно. Наконец Джаро вежливо спросил: «Ты собираешься поступать в Институт?»

Скирлет рассмеялась — странным горьким смехом, как если бы ей задали безнадежно наивный вопрос: «Нет».

Джаро поднял брови. Ее ответ прозвучал как окончательно принятое решение. Он попробовал снова: «Что ты делала с тех пор, как уехала?»

Скирлет неподвижно смотрела на него и молчала. Джаро начинал терять уверенность. «По сути дела, это не так уж важно, — поторопился прибавить он. — Ты не обязана мне ничего рассказывать».

Скирлет с достоинством ответила: «Прошу прощения. Я собиралась с мыслями. На самом деле все очень просто. Меня отправили учиться в Эолийскую академию в Гильсте, на планете Аксельбаррен. Я ее закончила с отличием. Там я познакомилась со множеством разных людей, пережила несколько любопытных приключений, а теперь вернулась домой».

«Звучит неплохо, — заметил Джаро. — Ты хочешь сказать, что приятно провела время?»

«Не совсем».

Джаро ждал, пока Скирлет перебирала в уме воспоминания. Наконец она произнесла бесцветным тоном: «Иногда я проводила время приятно, иногда — нет. Я многому научилась. И все же, я не хочу возвращаться на Аксельбаррен — ни сейчас, ни когда бы то ни было». Помолчав, она спросила: «Как насчет тебя? Ты еще не удрал в космос, как я вижу».

«Нет, еще не удрал. Но мои планы не изменились».

«Ты решительно намерен раскопать свое прошлое?»

Джаро кивнул: «И как можно скорее — то есть сразу после того, как получу ученую степень в Институте. Фаты на этом настаивают, у меня нет выбора».

Скирлет бесстрастно изучала его: «И ты не злишься на Фатов?»

Джаро уселся поудобнее, повел плечами: «Нет».

«Хм. Тем не менее, если бы у тебя была такая возможность, ты немедленно отправился бы в космос?»

«Вероятно. Не уверен. До тех пор еще многое нужно сделать».

«Гм. И что ты изучаешь в Институте?»

«Техническое проектирование, анализ динамических процессов, космическую навигацию и космическую механику. А также историю Ойкумены и музыковедение — чтобы утешить Фатов».

«Как ты думаешь, я изменилась с тех пор, как мы виделись в последний раз?» — спросила Скирлет.

Джаро поразмыслил: «Не знаю, что ты хотела бы услышать. На мой взгляд, ты осталась той же Скирлет Хутценрайтер, только в тебе стало еще больше Скирлет Хутценрайтер. То есть... я всегда считал, что ты... трудно подобрать правильное слово. Привлекательна? Красива? Возмутительна? Пленительна? Изумительна? Ни одно определение не подходит».

«Как насчет «обворожительна?»»

«Можно и так сказать».

Скирлет задумчиво кивнула, словно Джаро подтвердил какое-то ее внутреннее глубокое убеждение: «Годы проходят. Я представляла их себе, как медленные, трагические биения сердца». Она чуть отвернулась, глядя вдоль проспекта: «Помню, давным-давно я встретила пригожего мальчика. Он был чистый и аккуратный, у него были длинные ресницы и лицо, погруженное в романтические мечты. Однажды, солнечным вечером, я поддалась внезапному порыву и поцеловала его. Ты помнишь?»

«Помню. У меня закружилась голова, я летал в облаках. Я снова стану тем мальчиком, если ты меня снова поцелуешь».

«Ты не можешь вернуться в прошлое, Джаро. Еще хуже то, что я никогда не смогу стать той девочкой. Когда я об этом думаю, мне хочется плакать».

Джаро взял ее за руку: «Может быть, мы не так уж сильно изменились».

Скирлет покачала головой: «Ты не знаешь, что со мной случилось. Скорее всего, ты даже не можешь себе представить, что со мной случилось».

«Расскажи».

«Хорошо! — с внезапной решительностью сказала Скирлет. — Если тебе интересно, я расскажу. Но тебе придется кое-что для этого сделать. Девочку, уехавшую отсюда четыре года тому назад, звали «Скирлет». Она стала девушкой по имени «Скирль», и теперь ты должен называть меня только так».

«Как хочешь».

«Расскажу, что произошло, в общих чертах. Но только в общих чертах — если бы я стала описывать все подробности, я говорила бы месяц без перерыва. С другой стороны, опускать детали трудно, потому что даже они не уступают странностью и сложностью всему остальному».

«Я слушаю».

Скирль откинулась на спинку стула: «Произошли сотни, тысячи событий. Их трудно изложить по порядку». Она еще немного подумала: «После того, как я закончила Ланголенскую гимназию, отец заявил, что собирается закрыть Сассунское Эйри, и что мне придется жить с матерью на Мармоне. Я объяснила ему, что ее дворец — эротические джунгли. Отец шутливо погрозил мне пальцем и сказал, что мне придется самой справляться с трудностями жизни на Мармоне и участвовать в местных обычаях в той мере, в какой это меня устроит. Я ответила, что вопрос исчерпан, так как я отказываюсь лететь на Мармон. Я напомнила ему, что он обещал отправить меня в Эолийскую академию — о ней с похвалой отзываются специалисты на многих планетах. Персонал академии не только преподает, но и делает все возможное для того, чтобы студенты чувствовали себя хорошо и удобно. Там прекрасные виды — к северу простирается море, к югу — леса, а за ними — горные луга. При этом до города Гильста рукой подать.

Так или иначе, я твердо вознамерилась поступить в Эолийскую академию, но отец говорил, что обучение в ней обойдется слишком дорого, и что ему нужны были все его деньги для того, чтобы финансировать поездку на Древнюю Землю. Деньги на эту поездку он «позаимствовал» в одном из моих доверительных фондов — это означало, конечно, что я больше никогда их не увижу. Я сказала ему, что, если он не пошлет меня в Эолийскую академию, я подам жалобу в комитет «Устричных кексов», и что они несомненно примут решение в мою пользу и наложат на него ограничения так называемой «исправительной юрисдикции», после чего он лишится большинства возможностей. У меня оставались еще несколько сот сольдо в другом доверительном фонде. Отец взял эти деньги и сказал: «Хорошо! Ты хочешь посещать самую дорогую школу? Ты будешь ее посещать!» При этом он усмехнулся особенной усмешкой, похожей на оскал старой лисы, пожирающей мусор на свалке, и я сразу поняла, что он устроит какой-то подвох. Тем не менее, он приказал мне собираться в дорогу и сообщил, что меня зачислили в Эолийскую академию. Уже на следующий день я улетела». Скирль помолчала: «Теперь мне придется пропустить множество событий, происходивших на протяжении длительного времени. Попытаюсь на них намекнуть, но тебе придется пользоваться воображением — что достойно сожаления, так как действительность носила яркий, причудливый, даже дикий характер. Не буду даже пытаться описывать Аксельбаррен как таковой.

Я прибыла в Гильст, и меня отвезли в Эолийскую академию. Я тут же влюбилась в это место. Эйфория продолжалась до тех пор, пока я не узнала, что меня зачислили не как наследницу «устричного кекса», с частными апартаментами и питанием по персональному заказу, а прописали в так называемом «Вшивом общежитии» — своего рода спальном бараке для неимущих студентов, принятых в академию на благотворительных началах. Меня кормили за длинным общим столом в трапезной, где на стене кто-то написал большими буквами: «Лучше заворот кишок, чем такой жратвы горшок!» Я мылась в коллективном душе. Кроме того, мне приходилось работать двенадцать часов в неделю, чтобы хотя бы частично покрывать расходы, связанные с моим проживанием. Я пришла к суперинтенданту и объяснила, что была допущена какая-то ошибка, что я — Скирль Хутценрайтер, дочь

«устричного кекса», и что мне требуются удобства, соответствующие моему высокому происхождению». Скирль улыбнулась воспоминанию: «Суперинтендант рассмеялся, и вместе с ним рассмеялись все присутствующие. Я нисколько не смутилась и сказала, что они ведут себя по-хамски и, если они не потрудятся соблюдать правила хорошего тона, я прослежу за тем, чтобы им сделали выговор. «Кто нам сделает выговор?» — спросили они. «Если не найдется вышестоящая инстанция, я сама вам сделаю выговор!» — пригрозила я. Суперинтендант потерял терпение, ударил кулаком по столу и заявил: «Я здесь — высшая инстанция!» Мне сказали, что я обязана прочесть, усвоить и выполнять все академические правила, если я не хочу, чтобы меня исключили. Когда я повернулась, чтобы уйти, суперинтендант прибавил, однако, что я могла бы отрабатывать расходы на обучение в качестве репетитора. Я согласилась, и меня вскоре познакомили с моей подопечной, девушкой примерно моих лет, из очень богатой семьи. Ее звали Томба Сандер. Она была вполне сообразительна, у нее не было никаких умственных недостатков. Учиться ей мешали, судя по всему, рассеянность и нежелание выполнять скучные школьные задания. Хрупкая, томная, изящная, с длинными темными волосами и большими темными глазами, она производила впечатление романтической бледной затворницы. Мы сразу подружились, и она настояла на том, чтобы я разделила с ней ее частные апартаменты, достаточно просторные для нас обеих. Я познакомилась с ее отцом, Мирлем Сандером — он представился юрисконсультom. Господин Сандер был человек небольшого роста, но ловкий и сильный, с аристократическим лицом и мягкой седой шевелюрой, выделявшейся на фоне потемневшей от солнца кожи. Его жена погибла за пять лет до того в какой-то аварии, и он никогда о ней не упоминал. Томба тоже не любила о ней говорить.

Господин Сандер вел себя прилично и вежливо. Я немного рассказала ему о себе и о своем происхождении, упомянув о том, что мой отец состоит в клубе «Устричных кексов», и попыталась объяснить ему, что такое Семпитерналы и как они соотносятся с не предоставляющими наследственные привилегии клубами нижестоящих иерархических ступеней. Боюсь, однако, что я только привела его в замешательство — с тех пор я перестала упоминать о своем статусе.

Мирль Сандер обожал свою мечтательную рассеянную дочь. Он был рад тому, что мне удавалось помогать ей учиться. Учебный материал сам по себе был достаточно прост, но Томба начинала предаваться снам наяву, если я не привлекала ее внимание к задаче, требовавшей решения. Мы никогда не ссорились; Томба оказалась девушкой на редкость покладистой и привязчивой. В голове у нее вечно копошились чудесные и странные идеи. Когда я ее слушала, меня ее фантазии часто завораживали, хотя меня слегка отпугивал их жутковатый, зловещий характер. Томба весело болтала о своих эротических экспериментах, скорее забавных, нежели чреватых последствиями, а я рассказывала ей рискованные анекдоты из жизни посетителей дворца Пири-Пири. И все это время я не могла понять, почему кто бы то ни было мог считать Томбу в чем-либо отсталой. Мы разговаривали часами, засиживаясь по вечерам, и мне всегда удавалось услышать от нее что-нибудь неожиданное или необычное. Иногда ее посещали мысли настолько таинственные и чуждые окружающей действительности, что они словно проникали в ее сознание из какого-то другого, более высокого психического измерения.

Томба любила подолгу размышлять о вопросах, не имеющих ответа. Что было перед тем, как все началось? Будет ли существовать Вселенная, если все живое в ней погибнет, и никто не сможет ее наблюдать? Какова разница между «чем-то» и «ничем»? Кроме того, она

размышляла о смысле смерти. Томба предполагала, что жизнь — не более чем репетиция, подготовка к тому, что нас ждет после смерти. К этому вопросу она возвращалась так часто, что в конце концов мне пришлось настаивать на обсуждении более жизнерадостных тем.

Начался второй семестр. Меня сложившаяся ситуация более чем устраивала. Я жила в роскошных апартаментах, денег у меня было достаточно. Отец никогда со мной не связывался. Со временем Томба и я перестали быть близкими подругами, хотя характер моей ученицы по существу не изменился. У нее были другие друзья — скульптор, музыкант, помощники преподавателей с факультета философии. В ее отношениях с окружающими на первый взгляд не было ничего особенного. Когда закончился второй семестр, мы переехали на лето в прибрежную усадьбу Сандеров на Облачном острове. Там произошло много странных событий, но я не буду отвлекаться. Хотя об одном следует упомянуть. Томба проводила много времени на пляже, глядя на равномерный спокойный прибой. Затем она увлеклась строительством замков из мокрого песка, укрепляя их соком розовых морских пузырей, застывавшим и покрывавшим песок прозрачной пенистой корочкой. Она сооружала из этого материала купола, шпили, обрамленные арочными галереями внутренние дворы, балюстрады и аркады, мосты и балконы. Ее архитектурные фантазии воплощались в каком-то зачарованном стиле, вызывавшем странное настроение. Томба всегда казалась беспокойной, когда я сопровождала ее на пляже, в связи с чем большую часть времени я оставляла ее в одиночестве. Как-то раз, спустившись к морю, я обнаружила, что она ничем не занята и, по-видимому, не прочь поговорить. Она объявила, что замок закончен и что она больше не будет ничего строить. Я похвалила ее произведение за красоту и спросила, где она видела подобную архитектуру. Томба пожалала плечами и сказала, что так принято строить на планете, отделенной от нашей двенадцатью Вселенными. Она указала на окно песчаного замка: «Посмотри туда». Я заглянула в окно и не могла поверить своим глазам: на стенах внутреннего помещения висели великолепные ковры, там стояли кресла и столы, а на широкой постели лежала спящая девушка.

«Ее зовут Эарна, — сказала Томба. — Она примерно нашего возраста, это ее дворец. Она известила двух своих лучших паладинов о том, что они должны к ней спешить, и что она примет того, кто прибудет первым. С запада мчится Шинг, из черного металла с серебряными прожилками. С востока мчится Шанг, из меди с прожилками зеленого муадра. Они встретятся у входа во дворец и будут биться на смерть. Победитель поднимется к Эарне в спальню и овладеет ею. Кто из них возьмет верх? Один, если победит, обеспечит ей жизнь, полную радостей преданной любви. Другой сулит ей череду кошмарных унижительных мучений».

На мой вкус, Томба нарисовала слишком фаталистическую картину. Я снова наклонилась, чтобы заглянуть в окно замка, но увидела только песок — там больше ничего не было.

Смеркалось, с моря налетал холодный ветер. Томба отвернулась, и мы молча вернулись домой.

Впоследствии Томба потеряла интерес к пляжу. Ветер и брызги прибоя разрушили замок — он осел и превратился в груды песка. Каждый раз, когда я проходила мимо, я пыталась представить себе, что случилось с Эарной. Кто завладел ею: Шинг или Шанг? Но так и не задала Томбе этот вопрос.

Лето прошло, начался третий семестр. Все было как прежде. Однажды, поздно вечером, мы сидели вместе в темноте. Мы пили мягкое вино — оно называется «Голубой цветок» — и

нас обеих охватило необычное волнение. Томба сказала — между прочим, словно говорила о повседневных делах — что ждет скорой смерти, что она меня любит и хочет оставить мне свои вещи, чтобы я ими пользовалась по своему усмотрению.

Я ответила, что это не более чем несуразная фантазия, и что ей не придется делать ничего подобного. Кроме того, я посоветовала ей не уделять слишком много внимания мрачным мыслям.

Томба только наклонила голову свойственным ей мечтательным жестом и улыбнулась. Она сказала, что к ней снизошло откровение — перед ней открылся безграничный простор. Теперь она столько знала, у нее в уме накопилось столько всевозможных сведений, что на протяжении любого промежутка времени она могла постигать лишь малую толику доступных ей истин.

Я согласилась с тем, что это замечательно и любопытно, но усомнилась в том, что подобное откровение должно было обязательно привести к ее скоропостижной кончине.

«Это неизбежно», — ответила Томба. Она объяснила, что пять способов восприятия, доступных человеку, образуют нечто вроде картонного фасада, вводящего ум в заблуждение. Проникнув просвещенным взором сквозь этот фасад, она постигла трагическую перспективу реальности. Ужасная правда скрывается за фальшивой маской повседневного бытия! От нее нет спасения, ей лучше сразу покориться вместо того, чтобы затягивать сопротивление. Подчинение истине — единственный способ избавиться от мучительной агонии надежд, любви и стремления к познанию.

«Таков ответ на все вопросы, — утверждала Томба. — Полное самоотречение перед лицом близкой смерти. Только так можно положить конец надеждам».

Я возразила: «Такие вещи можно говорить только в состоянии истерики или умопомрачения! Откуда ты знаешь, например, что ты скоро умрешь?» Томба заверила меня, что может видеть свое тело со стороны в форме трехмерной конструкции из контурных линий, переливающихся разными цветами — розовым, желтым, лазурным, вишневым. Согласно ее представлению, эти цветовые волны, пробегавшие по координатной сетке ее фигуры, отображали различные фазы повседневного существования. Но в последнее время цветные линии приобрели бледный ржавый оттенок, что свидетельствовало о начале омертвения.

С меня было довольно этих бредней! Я вскочила на ноги и включила светильники. Я сказала Томбе, что такие рассуждения, в конце концов, непристойны и отвратительны.

Томба только тихо рассмеялась и сказала, что истину невозможно изменить оскорблениями. Зачем отшатываться от сладостной, пленительной смерти с такой нравоучительной страстностью?

Я спросила ее: «Кто внушает тебе такие мысли? С кем ты говорила? Может быть, ты вступила в любовную связь с человеком, подталкивающим тебя к самоубийству?» Томба уклонилась от прямого ответа и сказала, что такие вопросы ведут только в тупик, и что значение имеет истина, а не личности. На этом наша беседа закончилась».

Скирль помолчала и продолжила: «Опять же, невозможно рассказать обо всем. Упомяну только самое важное. Я сообщила о происходящем Мирлю Сандеру. Он пришел в ярость. Он узнал от меня все, что мне было известно, и все, о чем я подозревала. Он изменился на глазах — стал человеком, преследующим единственную цель. Он намеревался найти мерзавца, совратившего ум его дочери — а также, скорее всего, ее тело — и расправиться с ним. Внезапно я поняла, что Мирль Сандер — очень опасный человек. Он

объяснил мне, что только представляется окружающим юрисконсультom, что на самом деле он судебный исполнитель — частный подрядчик, отслеживающий осужденных преступников и приводящий приговор в исполнение. Он сказал также, что вместе мы разберемся в происходящем. Прежде всего он организовал медицинское обследование для меня и для Томбы. Нас обеих объявили здоровыми, хотя в случае Томбы наблюдались симптомы странного, не поддающегося точному определению психического расстройства, по поводу которого врачи не могли ничего рекомендовать.

Томба с возмущением отнеслась к вмешательству в ее жизнь. Она считала, что я злоупотребила ее доверием — несмотря на то, что меня подвергли такому же обследованию. Она сразу догадалась, в чем дело, и наши отношения стали довольно прохладными.

Я снова посоветовалась с господином Сандером. Он указал на то, что в моем положении компаньонки и репетитора было легче всего выяснить, кто оказывал влияние на Томбу, и поручил мне выполнение этой задачи. Принимая все меры предосторожности, я стала наводить справки. Улики оказались на виду. Следы вели к некоему Бен-Лану Дантену и двум другим преподавателям с факультета религиозной философии. Томба проходила курс истории производных вероисповеданий под руководством Дантена; они вели длительные обсуждения после занятий, а также встречались по вечерам.

Когда я рассказала ему о том, что мне удалось вывести, Мирль Сандер навел на Дантена. И романтические свидания, и преподавание его курса немедленно прекратились. Дантен объяснил это Томбе каким-то изменением расписания. Томба удивилась, но не слишком встревожилась. Мне это показалось странным, и мои подозрения в отношении Дантена только приумножились. Это был незаурядный человек: стройный, изящный, еще довольно молодой, но интеллектуально развитый не по годам, с серьезной бледной физиономией в ореоле темных кудрей. Глаза у Дантена были огромные, сияющие, темного золотисто-орехового оттенка; у него были такие нежные губы и такая пленительная улыбка, что многим девушкам хотелось поцеловать его при первой встрече. Я не относилась к их числу. У меня его внешность вызвала приступ тошноты. Я считала, что он — пресыщенный, развращенный декадент, хотя и достопримечательный с патологической точки зрения.

Томба ничего не знала о моем участии в расследовании, и через некоторое время наши прежние отношения восстановились. Однажды она сказала мне, опять словно между прочим, что решила умереть вечером следующего дня.

Меня это потрясло. Я спорила с ней целый час, но она продолжала утверждать, что так будет лучше всего. Я напомнила ей, что ее смерть причинит большое горе ее отцу и мне. Томба ответила, что проблема решалась очень просто: нам следовало умереть всем вместе. Я возражала, говоря, что мы хотим жить, но она только смеялась над тем, что называла наивным упрямством. Я не стала с ней больше спорить и поспешила сообщить Мирлю Сандеру о ее намерении.

День и ночь прошли без происшествий. На следующий день господин Сандер пригласил нас на ленч в «Облачную страну» — ресторан, реюший высоко в небе под кучевыми облаками. Это замечательное, лучезарное заведение, единственное во всей Ойкумене — посетив его, самое печальное и подавленное человеческое существо захочет жить снова. Мы сидели за столом у низкой балюстрады, обозревая сверху город Гильст и его окрестности. Томба не хотела есть и молчала, погруженная в свои мысли, но выпила стакан сока, а господин Сандер успел насыпать в него сильнодействующее успокоительное средство. К

тому времени, когда мы спустились на землю, Томба уже дремала, а ближе к вечеру крепко заснула у себя в постели.

Солнце скрылось за горизонтом, сгущались сумерки. Томба перестала дышать и скончалась».

Скирль поколебалась и заметила: «Не хочу углубляться во все подробности, но в целом и в общем дальше случилось вот что. Я уже упоминала о том, что Мирль Сандер по профессии был судебным исполнителем — ему пришлось пройти через огонь, воду и медные трубы, зарабатывая большие деньги. Я продолжала жить у него в доме — он поручил мне привести в порядок личные вещи Томбы. Это было печальное занятие. Сортируя ее письма и дневники в хронологическом порядке, я обнаружила имена. Продолжая посещать занятия в академии, я узнала все, что требовалось, хотя мне и пришлось пережить несколько опасных приключений. Томбу побудили к смерти несколько причин. Самым таинственным обстоятельством была ее принадлежность к кружку любителей чего-то вроде утонченной некрофилии, приправленной изобретательными ритуалами, вызывавшими эротические психогенные ощущения. Предводителем кружка был Дантен. Он сформулировал основные принципы и предпосылки этого культа, рассматривая его как своего рода экспериментальное упражнение в рамках редкой формы интеллектуально-сексуального извращения. Два апостола Дантена, Флюэн и Рауд, не уступали ему развратностью. Томба оказалась уже четвертой их жертвой и позволила им испытать причудливое наслаждение, не поддающееся описанию в общепринятых терминах.

Когда я сообщила о своем открытии, господин Сандер был очень доволен. Он тщательно планировал действия, так как три извращенца были умны и осторожны. Ему удалось захватить их с моей помощью, и мы отвезли их к его летнему дому на морском берегу, где Томба строила волшебный дворец из песка.

Выполняя указания Сандера, я ушла на кухню, чтобы готовить ужин. Пока я этим занималась, Сандер отвел пленников на пляж.

Примерно через час Мирль Сандер вернулся. Он улыбался. Я подала суп и спросила его: «Что случилось?» Он рассказал, ничего не скрывая. Наступало время вечернего отлива. Сандер закопал связанных извращенцев по шею в песок, лицом к морю, и оставил их наблюдать за приближением прилива. Он надеялся, что их собственная смерть не доставит им никакого удовольствия — особенно учитывая тот факт, что они, скорее всего, не утонут, а будут обглоданы песчаными крабами гораздо раньше.

Тем временем мы обсудили с ним планы на будущее. Господин Сандер искренне признался, что привязался ко мне, и что я в какой-то мере заменяла ему дочь, у него глазах погрузившуюся в губительную мглу воображения. Он хотел, чтобы я осталась у него в доме; при этом я могла продолжать учебу в Эолийской академии. Кроме того, если бы я захотела, я могла бы стать его ассистенткой, и он научил бы меня профессиональным методам частных судебных исполнителей. Так и случилось. Я выбрала дополнительные курсы в академии и получила диплом досрочно. Я помогала Сандеру в его работе и — что гораздо важнее — заменяла ему несчастную Томбу, покончившую с собой каким-то способом, все еще не поддающимся моему пониманию.

Сандер научил меня всему, что я была способна перенять. Он подчеркивал, что главным образом его работа сводилась к сбору обрывков информации и складыванию из них общей осмысленной картины — наподобие мозаики. Он предупреждал, однако, что время от времени его профессия становилась очень опасной. Он регулярно перечислял на мой

банковский счет небольшие суммы, пока не накопилось пять тысяч сольдо, чего, по его словам, мне должно было хватить на непредвиденные расходы, если его не будет под рукой и он не сможет мне помочь.

Четыре месяца тому назад Сандеру поручили дело на планете Морбихан, в пограничном регионе созвездия Орла, и там его убили бандиты.

Дом унаследовал его младший брат Нессель. Он приказал мне убираться, и как можно скорее. Он конфисковал мой банковский счет, заявив, что пять тысяч сольдо — слишком много, и что я обманом выудила ее из его брата. Он оставил мне тысячу сольдо и сказал, что этого мне хватит за глаза.

Я покинула прибрежную усадьбу Сандера. У меня ничего не осталось, кроме одежды и тысячи сольдо. Меня охватила тоска по дому, и вот — я здесь. У меня снова есть статус «устричного кекса», но по сути дела я нищая, так как отец, как водится, выживает каким-то чудом, жонглируя призрачными банковскими счетами. Через неделю он полетит в Искристую Заводь на планете Юшант, на конгресс ксенологов или что-то в этом роде. Как он намеревается платить за эту поездку, не имею ни малейшего представления».

«Пока он будет в отъезде, ты останешься одна в Сассунском Эйри?»

Скирль рассмеялась: «Все как прежде! Отец собирается заколотить усадьбу, чтобы сэкономить на ее обслуживании».

«Что же ты будешь делать?»

«Стану следователем-исполнителем!» — вызывающе заявила Скирль, словно ожидала, что ее слова покажутся смешными или вызовут возражения.

Джаро тщательно сформулировал следующее замечание: «Сразу, немедленно? Или впоследствии, через какое-то время?»

«Сразу. Что ты на меня уставился? Я работала с Мирлем Сандером и многому научилась».

«Это опасное дело».

«Я знаю. Тем не менее, Сандера убили не потому, что он находился при исполнении обязанностей, а просто потому, что его приняли за богатого туриста».

Джаро нахмурился, обозревая зонт из зеленых и синих секторов: «Перед тем, как ты начнешь этим заниматься, тебе нужно будет изучить законы Ойкумены, протоколы проведения расследований, методы судебной экспертизы и криминальную психологию. Кроме того, ты должна будешь научиться переодеваться и гримироваться, пользоваться различными видами оружия и работать с передатчиками, камерами и прочим оборудованием. Но важнее всего то, что тебе понадобится капитал, покрывающий расходы, связанные с поездками и расследованиями».

«Я все это понимаю, — Скирль поднялась на ноги. — Пойду в библиотеку. Хочу узнать, как сдают экзамены, чтобы получить лицензию следователя-исполнителя. Мне уже выдали удостоверение стажера в Гильсте; может быть, оно действительно и в Танете».

Они вместе покинули кафе и задержались на тротуаре. Джаро осторожно предложил: «Когда Фаты улетят на Юшант, я останусь один в Приюте Сильфид. Если хочешь, переезжай ко мне. Места у нас много — я тебе ни в коем случае не буду мешать».

Скирль, казалось, задумалась. Джаро продолжал: «Когда по вечерам начинается дождь и ветер шумит в листве, у нас приятно сидеть у камина после ужина и слушать, как капли стучат по крыше».

Скирль поджала губы и отвела глаза. Наконец она сказала: «Не вижу, почему бы мне

понадобилось к тебе переезжать».

«В этом, конечно, нет необходимости».

«Тогда почему же ты делаешь такие предложения?»

«В порыве дерзкой надежды!»

Скирль пожала плечами: «Если мне станет скучно — или если я замерзну, промокну и проголодаюсь — я буду не прочь к тебе заглянуть».

Фаты должны были отправиться на Юшант на борту огромного пассажирского лайнера «Франсиль Амбар». Будучи опытными путешественниками, они быстро упаковали все необходимое за день до отъезда и могли спокойно провести вечер в обществе Джаро.

Хильер говорил об Ойкуменическом конгрессе в Искристой Заводи: «По правде говоря, еще месяц тому назад я почти ничего не знал о Юшанте — кроме того, что это гостеприимная планета с приятным мягким климатом и чрезвычайно цивилизованным населением. В туристических брошюрах используются выражения «прелестный мир» и «райский уголок Галактики». На прошлой неделе я пошел в библиотеку и узнал гораздо больше».

Хильер уселся поудобнее и рассказал Джаро о результатах своих изысканий: «Юшант нашли и разведали уже пять тысяч лет тому назад, причем с самого начала этот мир считался благоприятным для человека, с великолепной флорой и почти полным отсутствием опасной фауны. Там, где река Лейс сливается с рекой Линг, их объединившиеся воды заливают огромную равнину, усеянную холмами, провалами и округлыми возвышенностями, образующими бесчисленные мелкие острова. Первопоселенцы строили на этих островах изящно-невесомые дворцы, окружая их садами баржевых дубков, водяных лилий, искристых хохолков, ливанских и гималайских кедров, цветущих дендронов. Со временем этот район стал знаменитой сказочной Искристой Заводью, городом тысячи мостов.

С самого начала на Юшанте поселился особый народ. Иэн Уорблен, один из основателей Искристой Заводи, отзывался о них таким образом: «Хорошо образованные люди с ярко выраженным индивидуалистическим темпераментом, испытывающие отвращение к толпе и многолюдным сборищам, заставившим их искать простора и свежести — что может быть противнее напирających человеческих масс, тяжело дышащих, воняющих потной плотью, наполняющих воздух бессмысленным вульгарным шумом, а трусостью и нечистоплотностью не уступающих стадам испражняющихся под себя животных!»

Сегодняшние обитатели Юшанта чрезвычайно изощренны и чувствительны в том, что относится к эстетическим нюансам. Они коллекционируют приятные для взора, слуха, обоняния и осязания сувениры и произведения — неотъемлемые элементы их повседневного существования. Тем не менее, их самая характерная черта — стремление к полной независимости, побуждающее их жить в изоляции.

Одиночество это, конечно, не постоянно и не обязательно. Уроженцы Искристой Заводи вступают в яхт-клубы и нередко устраивают регаты в центральной лагуне. Они регулярно посещают семинары, посвященные самым загадочным дисциплинам и вопросам. Изредка они совершают с детьми продолжительные походы по диким районам планеты. Время от времени они участвуют, в качестве организаторов или приглашенных, в званых ужинах и вечеринках, предназначенных для тесного круга близких знакомых. Как правило, вместе собираются не больше пяти человек — люди, умудренные в той или иной области общих интересов; чем меньше эти интересы доступны пониманию непосвященных, тем лучше. На таких ужинах подаются превосходно приготовленные блюда и строго соблюдается ритуальный этикет. Инопланетян приглашают редко, а когда это делается, неизбежные нарушения правил вызывают брезгливые замечания.

Любовные связи носят исключительно интенсивный и романтический, но скоротечный характер. Детей воспитывают в яслях, и родители уделяют им мало внимания.

В рамках личных взаимоотношений жители Искристой Заводи ведут себя учтиво, хотя инопланетяне нередко находят их манеры несколько прохладными. Но важнейшее отличительное свойство обитателей Юшанта невозможно заметить с первого взгляда. Оно заключается в том, что каждый из них психологически находится в полном одиночестве, как окруженная волнами скала с единственным жилищем на вершине».

«Странно! — заметил Джаро. — Это похоже на какой-то наследственный невроз».

Хильер пожал плечами: «Ситуация на Юшанте гораздо серьезнее, чем наши игры и статус и престиж. На Юшанте каждый богат, каждый преисполнен гордостью, никто не нуждается в социальной помощи или в поддержке — каждый живет своей жизнью и восхищается своим тамзуром в одиночку».

«Тамзуром? — переспросил Джаро. — Что такое «тамзур»?»

Хильер откинулся на спинку стула, взглянул в потолок и ответил назидательным тоном лектора, разъясняющего фундаментальные аксиомы: «Если бы я мог ответить на твой вопрос, меня считали бы ксенологом, не знающим равных во всей Ойкумене. Тамзур — концепция, вызывающая замешательство у любых инопланетян, будь они туристами или социологами. Тем не менее, я могу описать, в общих чертах, «тамзур» и некоторые проистекающие из него последствия. По-видимому, этим термином обозначается совокупность всей жизни индивидуума, сконденсированная в одну каплю квинтэссенции, в единый основополагающий символ, в миг просвещающего озарения. Но это все слова — тамзур невозможно выразить словами».

«Напоминает спазм истерического религиозного экстаза», — заметил Джаро.

«В какой-то мере. Но тамзур излучает чудовищную силу — настолько, что все сообщество в целом функционирует как радиоактивный материал. По прошествии случайных периодов времени тот или иной из компонентов сообщества подвергается перенапряжению и взрывается величественным каскадом энергии. В таком состоянии человек непременно произносит драматический монолог: от него это ожидается, и он редко разочаровывает слушателей. Тамзур — тема этого монолога; по существу, речь обычно посвящена самовозвеличению, иногда с некоторой примесью жалости к себе, но оратор никогда не сожалеет о совершенных им преступлениях или ошибках, реальных или вымышленных».

Хильер взял со стола кассету: «У меня есть запись одного такого монолога». Он опустил кассету в углубление проигрывателя: «Вы услышите человека, обращающегося к внимательной аудитории. Человек этот необычно возбужден; он перенапряжен и практически лишился рассудка. Вскоре он уничтожит себя самым драматическим и поэтическим способом, доступным его воображению. Самоубийственный акт вызывает всеобщий интерес, подвергается критике и обсуждается вполголоса глубоко изучившими этот предмет аналитиками».

«Это ненормально».

«Ха! — воскликнул Хильер. — Это еще цветочки, ягодки впереди. Иногда ищущий смерти собирает вокруг себя груды сокровищ: ковры, фарфоровые вазы, филигранные резные изделия из редких пород дерева, миниатюрные книги с микроскопическими гравюрами, древние археологические находки. Зачастую он бессердечно конфискует коллекционные экспонаты у друзей и соседей, тщательно выбирая самое дорогое их сердцу имущество. Он

раскладывает эти бесценные предметы вокруг центрального постамент и поджигает их, танцуя на постаменте и распевая реквием в честь самого себя. Послушайте монолог».

Хильер прикоснулся к кнопке прибора. Раздался звучный голос: «Здесь я стою и не могу иначе, любимец вечности, повелитель света, душа любви, благословенное, драгоценное и возлюбленное средоточие всего сущего! Я превзошел человеческую природу, я предназначен судьбой для великих свершений! Я это знал — это общеизвестно — это самоочевидно. И что же? Что случилось с золотой мечтой? Чего стоят обещания судьбы? Я проклинаяю несправедливость! Несправедливость торжествует во Вселенной — и наконец сделала мое существование невыносимым — мне ничего не остается, как покончить с позорным провалом, поджидавшим меня, как западня, в конце пути! Но если мне не суждено умереть славным победителем, все же я умру, окруженный великолепием моего тамзура! Если Вселенная решила сыграть со мной подлую шутку, она пострадает больше, чем я, потому что я погибну вместе с бьющим через край фонтаном красоты! Дым, которым я дышу, опьяняет, как благовоние! Я опьянен красотой моей гибели! Да остережется Вселенная! В будущем ничего нет, но я великолепен в закатных лучах моей смерти! Мой тамзур станет достоянием легенд! Смотрите же: я воспаряю из юдоли слез, я лечу элегантно параболой отваги, чтобы положить конец, конец всему!»

Голос замолчал. Другой голос, бесстрастный и скорее деловитый, нежели торжественный, произнес: «Высокородный Варвис Малапан бросился с тридцатиметровой башни и тем самым завершил создание своего тамзура. Его больше нет. Вселенная, которой он самодержавно правил, исчезла, стала ничтожнее пустоты — и скоро сотрется из человеческой памяти».

Хильер вынул кассету из проигрывателя: «Такого рода случаи не слишком часты, но регулярно повторяются. Примерно один человек из ста приходит к выводу, что его тамзур нуждается в подобном самопожертвовании».

«В этом есть что-то зловещее», — сказал Джаро.

Джаро проводил Фатов в космический порт, проследил за тем, чтобы они благополучно поднялись на борт величественного «Франсиля Амбара» и подождал, пока не задвинулись ставни иллюминаторов и не зажглись предупреждающие огни стартовых двигателей. Огромный корабль медленно воспарил в небо. Держась за поручень смотровой площадки, Джаро следил за силуэтом лайнера, пока тот не исчез за перистыми облаками. Он провел у поручня еще минут пять, бесцельно обозревая взлетное поле, небо и лесную полосу вдали, после чего повернулся и направился в мастерскую.

«Фаты улетели, — сообщил он Нейтцбеку. — Я чувствую себя бесполезным и отяжелевшим. Получается, что я гораздо больше от них зависел, чем мне хотелось думать».

Гэйнг налил ему чашку чая: «Что ты теперь собираешься делать?»

Несколько глотков обжигающего чая вызвали у Джаро прилив энергии: «Все по-прежнему. Буду работать, буду тренироваться в паре с Берналем. Я только сейчас начал понимать, как делается то, что он называет «нижним подхватом трапецией»».

«Держи ухо востро! В один прекрасный день этот трюк спасет тебе жизнь».

Джаро потянулся: «Мне уже лучше. Вы уже закусили?»

«Нет еще».

«Тогда давайте сходим к «Зануде Генри». Моя очередь платить».

За едой Джаро рассказал Нейтцбеку о Скирли и ее злоключениях. Гэйнг был впечатлен: «Девушка с характером!»

«Хуже того, она еще и «устричный кекс» вдобавок».

«Ты остался один в Приюте Сильфид — почему бы не пригласить ее к себе, чтобы она прибирала, готовила и тому подобное?»

«Мне приходила в голову такая мысль, — признался Джаро. — Но в лучшем случае это непрактичная фантазия. А в худшем мне самому пришлось бы готовить и заниматься уборкой за двоих».

Гэйнг трезво кивнул, но не высказал никаких замечаний. Джаро продолжал: «Не знаю, что из этого получилось бы. Она могла бы отвлечь меня от того, что я действительно хочу сделать — а прежде всего я хочу узнать, где меня нашли Фаты».

«Это должно быть нетрудно».

«Ха! Фаты нарочно запутали записи — они знают, что я буду искать, и я уже искал везде, где мог. Однажды я даже нашел записку от Хильера: «Джаро, пожалуйста, не приводи в беспорядок бумаги в этом ящике. Иногда ты недостаточно аккуратен»».

«И что ты сделал?»

«Хотел ответить другой запиской: «Если бы я знал, где искать, мне не пришлось бы ворошить бумаги». Но я решил, что это было бы ниже моего достоинства, и просто оставил записку Хильера там, где она лежала».

«Кстати, у меня есть для тебя новости, — вспомнил Нейтцбек. — Помнишь Тоуна Мэйхака?»

«Разумеется! Он улетел, не попрощавшись. Я боялся, что с ним что-то стряслось».

Гэйнг попытался изобразить жизнерадостную улыбку, но у него вышло нечто вроде мрачной усмешки: «У твоих опасений были основания».

«Что с ним случилось?»

«Он сам тебе расскажет. Он скоро вернется в Танет».

Фаты уехали, Джаро остался один в Приюте Сильфид. Дом наполнился шорохами и шепотами; звук его собственных шагов казался Джаро чужим в опустевших комнатах. По ночам, когда он лежал в постели, ему чудилось иногда, что он слышит отголоски назидательных рассуждений Хильера или звонкого смеха Альтеи, но чаще его настораживали какие-то бормотания, ворчания и потрескивания, исходившие, казалось, из стен старого дома.

Джаро позвонил в Сассунское Эйри, но услышал только автоматическое сообщение о том, что усадьба закрыта на неопределенное время, и что с любыми вопросами срочного характера следовало обращаться к секретарю комитета «Устричных кексов». Джаро связался с этим секретарем и попросил его сообщить адрес Скирли. Как он и ожидал, секретарь холодно отказал ему. Джаро назвал себя и попросил известить Скирль Хутценрайтер о его звонке. Секретарь ответил, что его запрос будет рассмотрен в надлежащем порядке — Джаро понял это таким образом, что секретарь собирался забыть о его просьбе, как только разговор закончится. Тем не менее, Скирль позвонила в Приют Сильфид вечером того же дня. Она говорила с прохладцей и сразу перешла к делу: зачем он ее искал?

Джаро объяснил: он хотел убедиться в том, что с ней все в порядке и что она нашла подходящее жилье.

Скирль сказала, что в настоящее время у нее не было причин жаловаться; по сути дела, она занимала прежние комнаты в Сассунском Эйри.

Джаро удивился: он думал, что усадьба закрыта.

«Закрота», — подтвердила Скирль. Но она проникла в дом известным ей с детства способом и намеревалась тайком оставаться в усадьбе до возвращения отца. В таком положении вещей были свои недостатки — например, она не могла пользоваться домашним телефоном или каким-либо иным образом демонстрировать свое присутствие в Сассунском Эйри, чтобы не привлекать внимание охраны, патрулировавшей участок. По тем же причинам она не могла принимать посетителей.

Джаро поинтересовался тем, что ей удалось найти в библиотеке. «Ничего обнадеживающего», — призналась Скирль. По ее мнению, требования, связанные с получением лицензии следователя-исполнителя — даже разрешения на предварительную практику — были слишком жесткими. Она не удовлетворяла возрастным критериям, у нее не было диплома специалиста по уголовному праву и она не прошла практическую подготовку в МСБР. В «Общих инструкциях» отмечалось также, что одним из важнейших факторов было наличие существенного оборотного капитала. Ее особенно обескуражило следующее замечание:

«Компетентный следователь-исполнитель должен быть способен функционировать, не привлекая к себе внимание, в любой социальной среде — как в самых запущенных провинциальных борделях, так и в роскошных салонах высокообразованных знаменитостей. В любых условиях, однако, жизнь следователя-исполнителя нередко подвергается опасности».

Джаро попытался приободрить ее: «Конечно, тебе предстоит преодолеть множество препятствий, но у тебя есть достаточные способности и данные».

«Достаточные для работы в провинциальном борделе? — отрезала Скирль. — В конце концов, я — «устричный кекс»!»

«Тебе придется тщательно выбирать дела перед тем, как начинать расследования», — задумчиво заметил Джаро.

«Иногда это невозможно», — возразила Скирль. Она зачитала еще один отрывок из «Общих инструкций»:

«Квалифицированный частный следователь-исполнитель — особенная личность. В нем сочетаются исключительно развитый интеллект, способность успешно притворяться своим человеком в любых слоях общества и безжалостные навыки приведения приговоров в исполнение. Он проницателен и находчив, хорошо умеет обращаться с любыми видами оружия. Он способен не замечать боль и усталость при выполнении обязанностей и употреблять в пищу любые произведения местной кулинарии, какими бы неаппетитными они ни казались на первый взгляд. ВАЖНЕЕ ВСЕГО то, что частному следователю исполнителю требуются достаточные для выполнения его работы наличные денежные средства...»

Скирль отбросила «Общие инструкции»: «Таким образом, мне отказывают в выдаче разрешения на прохождение стажерской практики — его хватило бы на первое время даже без лицензии. У меня осталось, однако, свидетельство, выданное Мирлем Сандером — придется довольствоваться тем, что есть».

«Как насчет финансовых средств и юридического диплома? Если бы ты проучилась пару лет в Институте, ты могла бы претендовать на более высокую квалификацию».

«Вполне может быть, но такая перспектива меня не привлекает».

Скирль прервала разговор прежде, чем Джаро успел предложить устроить пикник на природе, поужинать в ресторане курорта «Голубые горы» или развлечься каким-нибудь другим способом. Откинувшись на спинку кресла, Джаро сидел, прихлебывая пиво из любимой кружки Хильера, что было вопиющим нарушением прерогатив профессора — Альтея никогда не позволяла Джаро пользоваться этой кружкой. Джаро раздумывал о планах на лето. Прежде всего он намеревался зарабатывать деньги в мастерской космопорта — столько, сколько возможно. Во-вторых, он собирался продолжать изучение все более сложных приемов рукопашного боя. В третьих, отсутствие Фатов позволяло ему свободно заниматься поисками записей, чтобы выяснить тайну его происхождения.

Фаты прибыли в космический порт Юшанта утром солнечного дня. Въездные формальности оказались минимальными, и уже через час они отправились в Искристую Заводь, в тридцати с лишним километрах к северу от терминала, на открытой обзорной платформе поезда, неспешно пересекавшего пламенеющие джунгли так называемой Трясины Лиридиона. Пучки розовых, черных и оранжевых перистых папоротников трепетали на ветру, испуская облачка сладко пахнущих спор — жом из этих спор пользовался популярностью среди местных жителей в качестве десертного деликатеса. Местами из трясины торчали гигантские стволы мареновых факелов — стройные, жесткие и гладкие, с массивными шишковатыми наверхиями, окруженными венчиками языков оранжевого пламени, равномерно распределенного подобно цветочным лепесткам. Они горели непрерывно — наблюдателю, летевшему ночью над Трясиной Лиридиона, ландшафт казался полем огненных цветов.

На протяжении большей части пути поезд следовал вдоль русла полноводной медленной реки, то появлявшейся, то пропадавшей за тенистой грядой плакучих ив и гроздевого жасмина. Посреди реки то и дело виднелись лесистые островки — на каждом ютился сельский коттедж с крыльцом, обращенным к воде.

По прибытии в Искристую Заводь профессора Фаты направились в отель, где их проводили в номер, удобствами превосходивший их ожидания. Из широких окон открывался типичный местный пейзаж: мостик из резного, потемневшего от времени дерева, вереница эбеновых деревьев с желтовато-розовыми листьями в форме сердечек, а дальше, на расстоянии двухсот метров, ротонда отеля «Тиа-Тайо», где должен был состояться конгресс — своего рода чудо архитектуры. Полусфера ротонды, семидесятиметровой высоты, была сложена из блоков толстого цветного стекла, образующих слитную оболочку. Преломленный стеклом солнечный свет озарял внутренность ротонды радужным сиянием. По вечерам сходное лучезарное освещение обеспечивалось массивным шаром, подвешенным на чугунной цепи. Конструкция шара отличалась элегантною простотой — в ажурную чугунную сферу были вставлены граненые драгоценные камни: рубины, изумруды, сапфиры, топазы, гранаты и десятки других. Свет, излучаемый мощными внутренними прожекторами, проникал сквозь самоцветы и отбрасывал тысячи бликов более глубоких и богатых оттенков, нежели переливчатое дневное сияние ротонды.

Через некоторое время Фаты спустились из номера, прошли по мосту и направились вдоль аллеи эбеновых деревьев к ротонде, примыкавшей к отелю «Тиа-Тайо». В вестибюле им посчастливилось встретиться с Лаурзом Муром, председателем организационного комитета конгресса. Альтея находила Мура, немногословного человека приятной внешности, забавной и любопытной личностью с несколько чопорными манерами. Хильера, однако, он несколько не позабавил; профессор подозревал, что Мур — не более чем любезный дилетант.

Мур пригласил их на ленч и сумел доказать, что может быть проницательным собеседником, почти успокоив подозрения Хильера. Организатор конгресса был исключительно заинтересован специальностью Фатов, а именно артистическим символизмом, главным образом в музыкальной форме.

«Мне самому удалось получить несколько более глубокое представление об этом предмете, чем можно было бы ожидать от любителя. Должен признаться, я даже пришел к некоторым любопытным выводам на основе самостоятельных исследований и собираюсь опубликовать пару документов, посвященных моим заключениям. Нет, нет! — скромно отказался Мур, когда Альтея выразила готовность познакомиться с его работами. — Они еще не приведены в окончательный вид».

Мур отказался подвергать свою работу дальнейшему обсуждению. Вместо этого он спросил Хильера: «У вас уже есть расписание заседаний конгресса?»

«Нет».

Мур передал Хильеру и Альтее пару брошюр: «Вам слово будет предоставлено завтра утром. Вас это устраивает?»

«Вполне! Буду рад прочесть доклад и больше не нервничать, спокойно проводя время в аудитории».

«Насколько я помню, вечером того же дня должен выступить еще один докладчик из Танета».

Альтея заглянула в брошюру: «А, это наш декан Хутценрайтер! Он занимается исследованием лингвистических преобразований. Говорят, он — один из лучших специалистов в этой области».

Мур сверился с блокнотом: «К сожалению, я пропущу его доклад — на то же время у меня назначена важная встреча». Он печально покачал головой: «Тем не менее, такая возможность больше никогда не представится».

«Я просмотрела все расписание и не могу найти в нем ни одного местного докладчика, кроме вас. Разве на Юшанте больше никто не занимается ксенологией?»

«На Юшанте мало ученых. По той или иной причине выдающиеся специалисты местного происхождения занимают посты в инопланетных академических учреждениях и получают там почетные степени, но редко возвращаются. Опять же, уроженцы Юшанта, как правило, не проявляют склонности к абстрактным исследованиям. У нас много известных композиторов и музыкантов, но музыковедов можно сосчитать на пальцах».

«Любопытно! — откликнулся Хильер. — Могу ли я задать несколько нескромный вопрос?»

«Конечно», — вежливо улыбнулся Лаурз Мур.

«На плече вашего пиджака закреплен комплект миниатюрных устройств — они выглядят, как записывающее оборудование. В чем их назначение?»

Улыбка Лаурза Мура слегка поблекла: «На ваш вопрос трудно ответить в нескольких словах. В том, что касается меня, это не более чем привычка, так как я не отношусь слишком серьезно к подобным вещам».

«Но зачем они?»

Лаурз Мур пожал плечами: «С незапамятных времен обитатели Искристой Заводы ведут дневники, запечатлевающие все события их жизни. Устройства такого рода помогают ничего не забывать. Они не только регистрируют все происходящее, но и служат превосходными хранилищами справочной информации, позволяющими, например, быстро найти необходимую ссылку или вспомнить назначенное время встречи».

«Но как вы обрабатываете такой огромный объем информации?»

«Ежедневно мы посвящаем несколько минут сортировке зарегистрированного материала. То, что для нас важно, мы сохраняем, остальное выбрасываем. Своего рода

одержимость, свойственная местному населению — но мы неспособны расстаться с этой привычкой. А теперь прошу меня извинить. Встреча с вами доставила мне огромное удовольствие, и, несомненно, сохранится в ряду интереснейших событий моей жизни».

Профессора Фаты проводили взглядами удаляющуюся спину Мура. «Удивительный народ! — заметил Хильер. — Ты знаешь, что я думаю?»

«Кажется, знаю, — отозвалась Альтея. — Но пусть это тебя не смущает».

«В Искристой Заводи почти идеальный климат и никогда не было проблем с продовольствием. Местные жители, однако, на редкость необщительны. Почему? Потому что они живут замкнуто, у них нет возможности отвлечься от размышлений о неумолимом ходе времени. Они собирают драгоценные сувениры и ведут подробные дневники. Но каждый день мало отличается от другого. Время летит, и вместе с ним уходят в прошлое их тщетные надежды прославиться, оставить неизгладимое впечатление, приобрести блестящий тамзур. Хотя, может быть, я не слишком правильно понимаю этот термин».

«Хмф! — фыркнула Альтея. — Никому нет никакого дела до того, блестит мой тамзур или нет».

«На Юшанте твое мироощущение не вызовет сочувствия. Здесь беспокоятся только о себе».

«Может быть, ты прав».

«Лаурз Мур решил не тратить на нас время. Он живо расправился с ленчем и упорхнул, как вспугнутая перепелка».

«Мы не вызвали у него опьяняющего возбуждения второй молодости, — заключила Альтея. — Признайся, Хильер: я вызываю у тебя опьяняющее возбуждение?»

«Нет, — сказал Хильер. — Но с тобой хорошо и спокойно».

На следующий день Лаурз Мур открыл конгресс ксенологов. Стоя на трибуне, он обвел аудиторию оценивающим взглядом. Подковообразные ярусы ротонды заполнились пятьюстами учеными: философами, исследователями-путешественниками, биологами, антропологами, историками, психологами-культурологами, лингвистами, эстетическими аналитиками, филологами, дендрологами, лексикографами, картологами и представителями дюжины других профессий невразумительной номенклатуры. Некоторым предстояло выступить с докладами; другие приготовились слушать и участвовать в немаловажном процессе перекрестного интеллектуального оплодотворения. Многие подготовили отчеты, которыми собирались поделиться с коллегами, если представится такая возможность — и даже если она не представится: так или иначе, чего бы это ни стоило, драгоценная работа, полная отточенных фраз и вдохновляющих новых идей, должна была найти слушателей!

Лаурз Мур завершил обзор зала и, по-видимому удовлетворенный результатами, приподнял палочку из атласного дерева и ударил по небольшому бронзовому тимпану. Аудитория притихла. Лаурз Мур произнес: «Дамы и господа! Само собой разумеется, для меня — большая честь и единственная в своем роде возможность обращаться к такому множеству знаменитых специалистов. Этот знаменательный момент займет достойное место в анналах моего существования! Но не будем тратить время на взаимные любезности и славословие. Мы должны строго придерживаться расписания — сегодняшнее утреннее заседание закончится ровно в полдень. Без дальнейших формальностей позвольте представить нашего первого докладчика, достопочтенного сэра Уилфреда Воскового!»

Сэр Уилфред выступил вперед: крепко сложенный человек с торчащим ежиком жестких черных волос и довольно-таки неприветливым лицом. Его роскошное красочное одеяние, украшенное множеством изящных портняжных изобретений, никак не вязалось с меланхолической внешностью. В порыве прозрения Альтея шепнула Хильеру, что чрезмерно впечатляющий наряд был явно навязан сэру Уилфреду его супругой — чем объяснялось также угрюмо-ироническое выражение его физиономии.

Выступление сэра Уилфреда оказалось не менее безрадостным. Общественные структуры Ойкумены стали настолько сложными, несовместимыми и разрозненными, будучи разделены немислимыми расстояниями, что речь уже не могла идти об их всестороннем научном понимании, какой бы возвышенной и благородной не представлялась такая цель нашим предшественникам. Тот же тезис можно сформулировать в более широком смысле: объем фактической информации растет в десять раз быстрее нашей способности ее классифицировать, не говоря уже о ее осмыслении.

Как хорошо осознает любой участник августейшего собрания специалистов, перспективы дальнейших исследований неутешительны. По сути дела, деятельность ксенолога очевидно превращается в сизифов труд, в связи с чем самые щепетильные из ученых испытывают угрызения совести, получая плату за тщетные потуги. Для ксенологов настало время изменить общий подход к своей профессии и стать реалистами, а не академическими окаменелостями, мечтающими о безвозвратной эпохе простодушной наивности.

«Так что же? Означает ли это, что все потеряно? Не обязательно. Наша область

исследований, будучи переопределена, становится не более чем таксономической. Нам больше не нужно сопоставлять, анализировать, синтезировать и заниматься поисками закономерностей и удачных параллелей. Драгоценные и восхитительные законы социальной динамики следует отправить в ту же мусорную корзину, что и теорию флогистона. Теперь мы — реалисты! Мы едва умеем справиться с потоком новой информации, только сортируя ее и даже не помышляя о ее анализе. Зачем себя обманывать?»

Сидевший в первом ряду дородный субъект с лицом, покрасневшим, словно от натуги, вскочил на ноги и выкрикнул презрительно-вызывающим голосом в ответ на чисто риторический вопрос сэра Уилфреда: «Как то есть зачем? Чтобы не потерять работу!»

Сэр Уилфред смерил нарушителя протокола высокомерным взглядом и продолжал: «Существуют по меньшей мере два выхода из сложившейся, казалось бы, тупиковой ситуации. Во-первых, мы могли бы выбрать, исключительно по своему усмотрению, ограниченное число населенных миров — скажем, тридцать или сорок, даже пятьдесят, и объявить эти миры единственными подходящими предметами серьезного исследования. Таким образом мы могли бы игнорировать всю остальную человеческую деятельность, какой бы неожиданной и удивительной она ни была. Что, если какие-то новые сведения носят трагический, даже сенсационный характер? Что, если где-то новые условия существования человека приводят к драматическим последствиям? Нам нет до этого никакого дела — мы отвергаем любую новую информацию, мы отказываемся ее замечать! В конце концов, мы — авторитеты в своей области, мы учим студентов тому, как мы понимаем вещи, в силу своих способностей и возможностей. Так называемая «контрольная группа» миров, с их легкодоступными культурами, предоставит в наше распоряжение поддающийся осмыслению объем данных, причем каждый из нас сможет голосовать за включение в эту группу, согласно своим предпочтениям, той или иной планеты, способствующей обоснованию той или иной точки зрения. Таким образом мы сможем сохранить достоинство и поддерживать репутацию нашей профессии. Наши исследования будут настолько подробными и глубокими, насколько это нас устраивает, и все мы будем чувствовать себя в высшей степени комфортабельно. Тем временем, студенты будут усваивать основные принципы антропологической культурологии и применять их — также по своему усмотрению. Если какой-нибудь отщепенец или сумасшедший гений пожелает изучать другие общества, пусть делает, что хочет — нам все равно! Он никогда не сможет опровергнуть догму единодушного большинства, мы только посмеемся над ним. Мы контролируем все субсидии, академические должности и оклады, и любому бунтарю придется либо подчиниться нашей воле, либо потерять свое место в академическом сообществе».

«Абсурд! — выкрикнул из первого ряда краснорожий субъект. — Идиотизм чистой воды!»

Как прежде, сэр Уилфред игнорировал оскорбления: «Вторая концепция не столь примитивна. Мы можем накопить гигантскую базу данных, оснащенную беспрецедентным аппаратом обработки информации. В таком случае наша задача изменится: мы просто-напросто собираем информацию и загружаем ее в этот механизм, не забавляясь мелочными эгоистическими играми и не притворяясь, что знаем, с чем имеем дело. Информация загружается в машину в необработанном виде — никакой классификации, никакой предварительной сортировки, никакого анализа. Этим наша функция ограничивается. Машина запрограммирована, бремя сопоставления и рационализации данных ложится на

нее. Наша жизнь становится удобной и безмятежной. Мы приятно проводим время в академических клубах, заказывая напитки по вкусу. Время от времени разговор касается предмета, вызывающего мимолетный интерес — или, может быть, кому-нибудь из нас приходит в голову заключить пари. В недобрые старые времена — то есть сегодня — нам пришлось бы прилагать множество усилий. В рамках новой системы достаточно протянуть руку и нажать на кнопку: соответствующие сведения будут мгновенно распечатаны. Нам больше не придется владеть презренное существование подозреваемых в шарлатанстве теоретиков, считающих каждую копейку. Нам будут доступны все удовольствия жизни. Никто больше не потребует от нас выдающихся достижений в искусственных рамках узкой специализации, отныне все мы станем кладями эрудиции! Такова, несомненно, славная перспектива развития ксенологии.

Позвольте мне сделать одно последнее замечание. Некоторые самодовольные болваны — имена которых я не стану называть, хотя виноватые ухмылки выдают их с головой — как всегда, будут возмущаться, протестовать и подавать раблепные доносы в комитет, определяющий сроки профессуры. Ха-ха! Беспольные, смехотворные интриги! Ирония судьбы в том, что комитет — это я и мои единомышленники!»

«Чушь! — издевательски отозвался субъект с багровой физиономией. — Если нам навяжут ваши дурацкие правила, кому вообще нужны будут ксенологи?»

«Такие ксенологи, как вы, пригодятся разве что изготовителям собачьих консервов! — разозлился сэр Уилфред. — То же самое можно сказать о вашей высокоученой супруге. Холите и лелейте друг друга — кто-нибудь из вас пригодится другому на черный день, когда жрать будет нечего!»

«Благодарю вас, сэр Уилфред, за изложение интересных провокационных идей, — вмешался Лаурз Мур. — Уверен, что они надолго останутся в нашей памяти. Следующий докладчик — светило ксенологии, профессор Сонотра Сухайль, гросс-тантрицисса антимагов и путра девятой степени! Она предложит нашему вниманию выдержки из ее работы, посвященной горным селениям Лядак-Рояля. Насколько я понимаю, она сможет сообщить любопытные сведения об управляемых воздушных змеях и повелителях ветров с Питтиспасийских утесов, как известно, ограничивающих Центральный массив Второго континента там, где его берега омывают воды Стонущего океана».

Грузный субъект с краснеющим лицом снова поднялся на ноги: «Надо полагать, вы имеете в виду планету Лядак-Рояль в созвездии Стрельца, FFC-32-DE-2930?»

«У меня нет под рукой «Функционального каталога» в последней редакции, — ответил Лаурз Мур, — но, насколько я помню, вы указали правильное номенклатурное обозначение, за что я выражаю вам благодарность от имени всех присутствующих».

«И профессор Сухайль — путра?»

«Именно так, девятой степени».

«В таком случае я более чем удовлетворен. Мы можем быть уверены в достоверности ее сведений».

Лаурз Мур вежливо кивнул: «А теперь предоставим слово Сонотре Сухайль. Мадам, ничто не мешает вам начать доклад».

Путра девятой степени — приземистая широкоскулая особа с копной жестких темно-рыжих волос — обратилась к субъекту в первом ряду: «Вам удалось правильно назвать координаты. Вы хорошо знакомы с планетой Лядак-Рояль?»

«Я давно изучаю повелителей ветров, в особенности «белых кудесников»! По сути дела,

я научился творить чудо реки Флонсинг и даже получил доступ к тантрике Прозрачного пути».

«Ага! — откликнулась Сонотра Сухайль. — Вижу, что мне придется тщательно выбирать выражения и ни на йоту не отклоняться от истины! Хорошо! Я обуздаю воображение и ограничусь изложением фактов».

Сонотре Сухайль не следовало беспокоиться: ее неприкрашенные факты были достаточно поразительны сами по себе, причем она иллюстрировала их фотографиями парящих и пикирующих повелителей ветров, заявляя, что способности «белых кудесников» можно объяснить только в терминах передачи мыслей на расстояние. Она снова обратилась к краснолицему субъекту в первом ряду: «Вы разделяете мое мнение?»

«Во всех отношениях! — торжественно заявил субъект. — Всецело поддержал бы ваши заключения, даже не будучи вашим супругом».

Лаурз Мур взошел на трибуну: «Нам придется подождать пару минут, пока профессор Сухайль складывает аппаратуру».

Некоторое время профессора Фаты сидели молча. Затем Альтея прошептала на ухо Хильеру: «Когда она говорила о передаче мыслей на расстояние и прочих таких вещах, я не могла не вспомнить о Джаро и о проблемах его детства — надеюсь, теперь с ними покончено».

Хильер задумался: «Сонотра делает далеко идущие выводы. Да, «тантрицисты» производят впечатление людей с аномальными свойствами, а «белые кудесники», мягко говоря, достопримечательны. Но я никак не связываю их способности с состоянием Джаро».

«Внутренний голос Джаро можно назвать аномальным свойством, — с сомнением отозвалась Альтея. — Может быть, тут есть какая-то связь с телепатией, которую мы не заметили».

«Выдумки! — проворчал Хильер. — Джаро никогда не общался с потоками трансемпорального излучения, и я не замечал, чтобы он совершал семь обязательных ежедневных обрядов».

Альтея не сдавалась: «Джаро — несомненно, особый случай. Ему это так же хорошо известно, как и нам, и понимание этого обстоятельства должно постоянно занимать его мысли. Неудивительно, что он стремится выяснить свое происхождение».

«И он его узнает в свое время, но образование должно занимать его мысли в первую очередь. Боюсь, однако, что он не делает все возможное в этом направлении».

«Почему же? — воскликнула Альтея. — На мой взгляд, он относится к нашим требованиям с симпатией».

«С симпатией — может быть. Но он уклоняется от сотрудничества при первой возможности. Например, он перестал посещать курсы несемантической поэзии и символики цветов только для того, чтобы освободить больше времени на работу в космопорте».

Альтея решила сменить тему разговора: «Смотри — сразу за человеком в синем плаще: это наш декан Хутценрайтер, в самой неподходящей шляпе!»

Хильер обернулся и воскликнул: «Неподходящая шляпа — это еще куда ни шло! Кто эта совершенно неподходящая женщина?»

Альтея изучила сопровождавшую Хутценрайтера рослую особу, на голову выше декана. У нее были длинные, холеные руки и ноги, обтекаемые бедра и роскошная грудь; на ее лице словно застыла мраморная маска презрения к обращенным на нее любопытным взглядам. На

ней было впечатляющее длинное платье в обтяжку, лиловое с зелеными узорами, а голову ее украшал высокий конический тюрбан из золоченой парчи.

«Может быть, это его жена, Принцесса Рассвета с Мармона?»

«Не думаю, — сказала Альтея. — Хотя, конечно, нельзя исключить такую возможность. Кто бы она ни была, как он может себе позволить ее содержать? Насколько я знаю, он в бедственном финансовом положении».

«Откуда мне знать? В любом случае не думаю, что она из числа «устричных кексов»».

Лаурз Мур снова взошел на трибуну: «Время идет, и мы уже немного отстаем от расписания. Без дальнейших проволочек позвольте представить нашего следующего докладчика, исследователя безукоризненной репутации, почтенного Кирилла Хака!»

К трибуне направился высокий человек с горбатым носом, яростно горящими черными глазами и взъерошенной седой шевелюрой. Лаурз Мур позволил себе высказать еще несколько фраз; он назвал Кирилла Хака специалистом, вызывавшим у него почтение с детства, известнейшим лингвистом-ксенологом Ойкумены, уроженцем Древней Земли, ныне проживающим среди таинственных руин на планете, наименование которой он еще не желает раскрывать.

Мур уступил трибуну Хаку, рассказавшему о своих попытках перевести руны на восьмидесяти пяти листах из иридиевого сплава, обнаруженных в небольшой пещере рядом с его походным лагерем. Доклад Хака был, по существу, повестью о непрерывных усилиях, прилагавшихся с целью осмысления непостижимых символов. Хак поведал о различных ухищрениях, методах и критериях, применявшихся им на протяжении многих лет — одинаково безуспешно.

Закончив доклад, Хак бросил взгляд в сторону Лаурза Мура и мрачно улыбнулся: «Надо полагать, по местным представлениям, я приобрел лишь убогий, достойный жалости и презрения тамзур. Конечно, я применяю этот термин не по назначению, но это несущественно. Я посвятил многие годы таинственным письменам и не могу похвастаться никакими результатами; мне даже не полагается университетская пенсия. Меня выгнали с факультета больше десяти лет тому назад. Тем не менее, я как-нибудь сведу концы с концами, тем или иным способом. Как это ни удивительно, мне удалось разработать несколько новых подходов к расшифровке проклятых надписей — мне не терпится вернуться к нищенскому существованию в палатке и заняться ими снова.

По правде говоря, не знаю, обманула ли меня Вселенная. Могу лишь указать на тот факт, что прямо передо мной — самодовольный, как всегда, и, без сомнения, как всегда уверенный в безошибочности своих высосанных из пальца теорий — сидит Клуа Хутценрайтер. Я сотрудничал с ним когда-то; даже наемные землекопы прозвали его «Транжиром Клуа» — каждый вечер он проигрывал все свои деньги, поддавшись увлечению какой-нибудь азартной игрой. С тех пор он сумел приобрести какое-то положение, даже стал деканом в пользующемся всеобщим уважением институте. Каким образом Транжиру Клуа удалось заполучить такую высокую должность? Говорят, благодаря неустанному подхалимству и лизоблюдству. Кроме того, он женился на введенной в заблуждение наследнице, не позаботившись уведомить ее о своем предыдущем...»

Декан Хутценрайтер вскочил на ноги и закричал: «Кто здесь следит за соблюдением протокола? Сколько мы должны терпеть эту сумасшедшую клевету? Хак явно выжил из ума — почему его сюда вообще пустили? Организатор конгресса, будьте любезны, выполняйте свои обязанности! Препроводите в лечебницу этот источник подлых измышлений!»

Лаурз Мур выступил вперед и с завидным хладнокровием порекомендовал Кириллу Хаку спуститься с трибуны или, по меньшей мере, придать своему выступлению более сдержанный характер. Хак возражал: он хотел поделиться с аудиторией еще несколькими не лишними интересными наблюдениями. «Сегодня вечером Транжир Клуа попытается опровергнуть мои замечания! — кричал Хак. — Предупреждаю! От него вы не услышите ничего, кроме софистики и голословных инсинуаций!»

Лаурз Мур решительно указал на часы, показывая, что время докладчика истекло.

«Да, время летит, и мне придется закончить выступление, — согласился Хак. — Могу только посоветовать внимательно следить за своими кошельками, находясь рядом с Клуа Хутценрайтером. Ни в коем случае не занимайте ему деньги, вы их больше никогда не увидите! Если в последние годы моей жизни мне не удастся расшифровать надписи на иридиевых пластинках, моя профессиональная карьера завершится сокрушительным фиаско. Должен заметить, между прочим, что я подозреваю Хутценрайтера — скорее всего, это он изготовил проклятые пластинки и припрятал их там, где я обязательно должен был их найти. Виновен ли он в этом преступлении? Взгляните на него — недаром он ухмыляется! Это никак нельзя назвать скромной улыбкой оскорбленной невинности!»

На этом, дамы и господа, позвольте мне откланяться!»

Кирилл Хак поклонился Лаурзу Муру и спустился с трибуны, сопровождаемый сочувственными аплодисментами.

«В высшей степени нетипичное выступление!» — пробормотал Хильер на ухо супруге.

Альтея кивнула: «Типичное или нетипичное, оно не вызвало энтузиазма у декана Хутценрайтера».

Лаурз Мур провозгласил: «А теперь мы выслушаем профессора Хильера Фата из Танетского института на планете Галлингейл. Насколько я понимаю, его доклад посвящен аспектам эстетической симвоологии».

Хильер прошествовал к возвышению трибуны. Как правило, он не волновался, выступая перед аудиториями; сегодня, однако, в числе слушателей был декан Хутценрайтер. Хильер расправил плечи — назвался груздем, полезай в кузов! Для того, чтобы не отвлекаться от темы доклада, Хильер старался не встречаться глазами с деканом, с подозрением воззрившимся на него из-под полей экстравагантной пунцовой шляпы.

«Область моих исследований практически безгранична, — начал Хильер. — Тем не менее, для нее характерны связность структуры и последовательность общих закономерностей. Таким образом, я отвергаю оковы, которыми хотел бы обременить нас сэры Уилфред Восковой только потому, что мы неспособны проанализировать и осмыслить все имеющиеся данные. В конце концов, как может нам повредить излишек информации? Если вас пригласили на званый ужин, о чем приходится сожалеть — о чрезмерном изобилии хороших вин или об их отсутствии? Предадимся же радостному греху интеллектуального чревоугодия, не обращая внимания на завистливо поглядывающих исподлобья вегетарианцев, изнуренных бессельным самоотречением! Разве это не очевидно? Сэру Уилфреду придется пересмотреть свои взгляды. Изобилие, избыток, разнообразие! Таковы путевые указатели, ведущие к приобретению блестящего тамзура — если простительно такое злоупотребление местным понятием. Но довольно отвлеченных рассуждений — перейдем к основной теме доклада.

Времени у меня мало, а эстетическая символика неисчерпаема. Поэтому ограничусь лишь несколькими описательными примерами. Эти конкретные примеры будут краткими и

характерными. Для настоящего всестороннего понимания предмета моих исследований требуется эмоциональное восприятие рассматриваемых символов. Хотел бы подчеркнуть, что в отношении каждой индивидуальной символической системы необходимо ее широкомасштабное и чрезвычайно подробное изучение. У меня вызывают печальную усмешку люди, притворяющиеся, что им доставляет удовольствие музыка, возникшая в рамках чуждой им культуры, и тем самым пытающиеся изобразить из себя представителей некоего модного авангарда. Так невежественный позер кривляется на маскараде в костюме персонажа, трагическое значение которого ему неизвестно.

Тем не менее, даже если символы инопланетной культуры не могут оказывать на нас то эмоциональное влияние, какое испытывают аборигены, мы все еще можем сформулировать их смысл. Распознавание закономерностей само по себе приносит интеллектуальное удовлетворение. Нередко даже у меня возникает иллюзия наслаждения символически чуждой мне музыкой — подобно тому, как может казаться приятной для глаз орнаментальная вязь не поддающихся прочтению иероглифов. Для того, чтобы музыкальная символика была действительно понятной, она должна впитываться с молоком матери, с певучими интонациями ее голоса, со звуками родного дома.

Таким образом, анализ музыкальной символики усложняется вдвойне: чтобы понять музыку, необходимо разобраться в структуре того общества, в котором возникла и развивалась система музыкальных атрибутов. Аналитик выявляет интереснейшие параллели, связывающие музыкальную символику с другими аспектами общественной структуры. Например... — Хильер перечислил несколько обществ, формулируя их соматипы, демонстрируя костюмы различных функциональных категорий населения и воспроизводя отрывки музыки, отображающей соответствующие общественные взаимоотношения. — Слушайте внимательно! В первую очередь прозвучит праздничная развлекательная музыка, характерная для обитателей нескольких различных планет, затем торжественная церемониальная музыка и, наконец, погребальная музыка. Вы заметите любопытные различия и не менее любопытное сходство...»

Так продолжался доклад Хильера. В заключение он сделал следующий вывод: «Разумеется, эстетическая символика не ограничивается музыкой, хотя музыка, пожалуй — самая доступная для исследователя область культурной кодификации. Другие символические системы носят еще более сложный, неоднозначный характер. Концепции могут быть также внутренне противоречивыми. Я предупреждаю студентов о том, что, если они надеются навязывать эстетическим символам абсолютные, неизменные значения, им лучше было бы специализироваться в не столь головоломной области».

Хильер вернулся на свое место в аудитории. Альтя заверила его, что слушатели проявили немалый интерес к его замечаниям, и даже декан Хутценрайтер ему поддакивал, с явным одобрением что-то бормоча на ухо спутнице. «А теперь, — сказала Альтя, — если не возражаешь, я хотела бы сделать небольшой перерыв».

«Перерыв? Ты хочешь уйти? — Хильер удивился. — Зачем же? Заседание кончится через час».

Альтя поморщилась: «Верно, но я уже достаточно наслышалась настойчивых призывов, взаимных обличений и далеко идущих выводов. Может быть, я слишком чувствительна к эмоциональным напряжениям. Мне хочется разрядить атмосферу, выйти на свежий воздух».

Хильер с сомнением посмотрел по сторонам: «Не стану тебя задерживать. Но мне сейчас покинуть зал было бы неприлично — меня обвинят в неуважении к другим

докладчикам».

Альтея, собравшаяся было встать, опустилась на сиденье: «Я подожду. Но давай уйдем отсюда как можно скорее».

Хильер согласился, и Альтея неохотно приготовилась ждать.

Лаурз Мур представил леди Джулию Нип, посвятившую выступление обсуждению так называемых «больных обществ». Перед тем, как перейти к сущности своего доклада, она уделила некоторое время опровержению тезисов сэра Уилфреда: «Так же, как Хильер Фат, я отвергаю столь безнадежный пессимизм. Если бы мы приняли заявления сэра Уилфреда всерьез, нам следовало бы распустить конгресс сию минуту, разъехаться по домам, сложить с себя все почетные должности и провести остаток дней в апатии растительного прозябания. Я отказываюсь это сделать! Некоторым из присутствующих тема моего выступления — «больные общества» — может показаться не менее безрадостной, чем перспективы, нарисованные сэром Уилфредом Восковым. Я уже слышала, как мой доклад называли у меня за спиной «кратким введением в эсхатологию». Это, конечно, не имеет ничего общего с действительностью. На долю каждого «больного общества» приходится дюжина здоровых, где может происходить — и, скорее всего, происходит — все, что можно себе представить. Нет никаких причин, следовательно, воздевать руки к небу, провозглашать конец света и посыпать голову пеплом». Леди Нип слегка нахмурилась — красноречивый субъект, сидевший в первом ряду, вскочил на ноги: «Вы что-то хотите сказать?»

«Вы обращаетесь к высокообразованной аудитории. Если результаты вашей академической деятельности не уступают бестолковостью вашим метафорам, наше утреннее заседание закончится провалом». Коротко поклонившись, субъект снова занял свое место.

Бросив внимательный взгляд на критика, леди Нип заметила: «Мой доклад посвящен «больным обществам», и вы могли бы послужить прекрасным образцом представителя такого общества. Не желаете ли подняться на трибуну и подвергнуться аналитическому обследованию?»

«Ни в коем случае! — оскорбленно отозвался субъект. — Если, конечно, вы не согласитесь спуститься сюда и предварительно подвергнуться моему обследованию».

Леди Нип перешла к обсуждению основного предмета своих исследований, формулируя характеристики «больных обществ» — их отличительных свойств, их развития, упадка и окончательного разрушения: «Поверхностные признаки не обязательно последовательны. Например, статическое общество не обязательно заболевает, если внешние условия создают проблемы, угрожающие его существованию. Общество, отличающееся явным неравенством привилегий или доходов различных категорий населения, может быть здоровым, если в нем возможна вертикальная мобильность, то есть переход из одной категории в другую в зависимости от способностей и количества приложенных усилий. В отсутствие вертикальной мобильности такое общество заболевает — награды и преимущества распределяются в нем среди тунеядцев и паразитов. Изолированные общества нередко становятся странными и даже извращенными, но не обязательно больными; риск заболевания и упадка в них, однако, велик, так как они не подвергаются корректирующей критике со стороны и не распознают симптомы процессов, способных приводить к патологическому разложению. Изолированные общества почти неизбежно обречены на гибель. Религиозные общества, находящиеся под властью жрецов или подчиняющиеся идеологической догме, подобны организмам, жизненные силы которых расходуются на поддержание растущей раковой опухоли».

Леди Нип привела несколько характерных примеров, иллюстрирующих ее концепции, ответила на несколько вопросов и освободила трибуну.

На возвышение взошел Лаурз Мур, теперь надевший коническую шапку из черного бархата, подчеркивающую изящную бледность лица:

«Я хотел бы поблагодарить леди Нип за убедительные, хорошо обоснованные замечания. Вижу, что приближается назначенное время перерыва. Мы попытаемся не отступать от расписания». Лаурз Мур позволил себе сдержанно усмехнуться: «На Юшанте пользуется популярностью высказывание: «Все происходит в силу необходимости». Хотя времени осталось мало, около шести минут, его вполне достаточно для моего собственного краткого выступления — из скромности я не включил его в расписание докладов.

По правде говоря, я тоже в своем роде социолог, причем смею надеяться, что в избранной мною уникальной области исследований моя компетенция не уступает компетенции уважаемых слушателей. «А! — спрашиваете вы себя с удивлением, переглядываясь и перешептываясь. — В какой же сфере ксенологических познаний незаметно преуспел Лаурз Мур?» — организатор конгресса печально покачал головой. — Это сложная история, и на ее подробное изложение у нас нет времени. Достаточно сказать, что мои работы, воплощающие поистине неизвестные ранее концепции, никогда не были опубликованы, а теории, которым, казалось бы, суждено было приобрести галактическое признание, остались в неизвестности, закончив существование в мусорных корзинах академических чиновников. Я трудился, как мифический Сизиф, пытаюсь преодолеть постыдное забвение; я рассылал работы во все научные учреждения и организации, какие мне удавалось обнаружить. И все они единодушно отказывались оценить новизну моих идей. Такова сущность истории моей жизни; разумеется, я огорчен, но я не жалуясь. Мне удалось созвать этот конгресс, и у меня наконец есть несколько минут на то, чтобы довести свои взгляды до сведения ученого сообщества.

Среди собравшихся сегодня светил — известнейшие специалисты Ойкумены, элита социальной антропологии и смежных дисциплин. По сути дела, сегодня в этом зале нет ни одного человека, кроме меня, кто не опубликовал бы работы на Древней Земле, тем самым обеспечив долговечный престиж своим достижениям. Поздравляю вас всех и прошу всего лишь уделить ничтожное время изложению моей точки зрения — до перерыва осталось три минуты. Почему бы вам не снизойти к моей просьбе? Вы прибыли сюда по моему приглашению, а устройство конгресса стало исключительно сложным делом, на которое я затратил много времени и сил. Денег из фонда пожертвований оказалось недостаточно, и мне пришлось покрыть недостачу из своего кармана. Я посвятил успеху нашей конференции немалую часть своей жизни и почти все свои сбережения.

Но время не ждет, и мне нужно торопиться, если я хочу пояснить свой образ мыслей хотя бы в общих чертах. Я говорю о тайне жизни, личности и судьбы индивидуального разумного существа: о концепциях, объединяемых идеями «тамзура».

Мой тезис заключается в том, что своими руками, собственными усилиями я создал неповторимый персональный космос: космос, возвышенный и вдохновляющий характер которого возможен лишь благодаря моей собственной жизненной энергии — космос, усовершенствованный моими благородными побуждениями! Учитывая мои врожденные атрибуты, я надеялся, что этот космос будет принят с распростертыми объятиями и получит всеобщую поддержку — но вы уже знаете, что извращенная Вселенная отвергла его, что злоба и зависть подстерегали меня на каждом шагу. Разве не странно, разве не достойно

удивления, что этот космос, мое собственное изобретение и создание, бесцеремонно, издевательски и язвительно заполнил все мое существование, беспощадно превращая в пытку каждую его минуту? — Лаурз Мур слегка наклонился вперед, на лице его застыло серьезное и строгое выражение. — Некоторое время мне казалось, что я могу сопротивляться этой пытке, что несправедливость Вселенной не сможет возобладать, но теперь космос набирает силу и раздавил бы меня, как насекомое, не оставив следа, если бы я не нашел способ уничтожить этот космос и счастливых, незаслуженно пользующихся его предательским благоволением! — Лаурз Мур взглянул на часы и поднял палочку из атласного дерева. — Дамы и господа, наступает время перерыва, и вместе с ним — момент откровения, апокалипсиса, явления миру величайшего, самого потрясающего тамзура, когда-либо задуманного и осуществленного человеком! Я обвел космос вокруг пальца! Я наношу ему сокрушительное поражение, уничтожаю его любимчиков, превращаю в жалкие обрывки жгучую паутину издевательств и унижений, сбиваю с оси коловорот несправедливости — все это исчезнет в очищающем пламени небытия! Время настало!» Он ударил палочкой по тимпану.

Огромная шарообразная люстра вспыхнула. На долю секунды присутствующие увидели, как она разлетелась дождем драгоценных камней, разбросанных ослепительным пламенем, мгновенно заполнившим всю ротонду; разноцветное толстое стекло монументальной полусферы взорвалось и обрушилось мириадами осколков. Так закончился Ойкуменический конгресс ксенологов в Искристой Заводи на планете Юшант: тамзуром, вызывавшим полусшепот почтения на протяжении многих столетий.

Большой старый дом наполнился отзвуками пустоты. Джаро испытал скорбное потрясение, смешанное с чувством вины — он осознал, что воспринимал существование Хильера и Альтеи как нечто само собой разумеющееся, словно они были неотъемлемой частью мироздания и никогда не могли его покинуть. А теперь их не стало: они превратились в огненную пыль; вместе с ними исчезли вся их доброта и весь их юмор, и ничто не могло их вернуть.

Джаро горестно подавил в себе сентиментальное желание опустить руки: ему предстояла неприятная перетряска устоявшегося образа жизни. Он организовал вывоз личных вещей Фатов, чтобы все вокруг не продолжало напоминать об их жизнерадостном присутствии. На свалку отправились туфли и ботинки, платья и костюмы, лосьоны и косметика, мелочи и побрякушки, а также почти вся массивная старая мебель, с которой отказывался расстаться бережливый Хильер. Подсвечники Альтеи? В них Альтея вложила всю душу, она собирала и полировала их с таким энтузиазмом, что Джаро не мог ни выбросить их, ни даже выставить их на продажу. Часть подсвечников он уложил на хранение в шкаф; другие расставил на высокой полке, где они придавали колорит и разнообразие унылому в других отношениях помещению.

На протяжении первых двух дней после поступления сообщений о взрыве на Юшанте Джаро несколько раз пытался связаться со Скирлью; он звонил и в комитет «Устричных кексов», и в Сассунское Эйри. На третий день невозмутимый голос, ответивший на звонок в Сассунское Эйри, уведомил его о том, что банк арестовал все активы Клуа Хутценрайтера, и что в усадьбе, выставленной на продажу, больше никто не живет. Все бывшие жильцы, если таковые оставались, выселены.

«Где же, в таком случае, Скирль Хутценрайтер?» — спросил Джаро.

Бесстрастный голос ответил: «Банк не может предоставить вам эту информацию. С такими вопросами следует обращаться в компетентные учреждения».

Утром следующего дня Приют Сильфид посетил господин, обладавший явной весомостью, с маленьким драгоценным значком «Кахулибов» на отвороте пиджака. Господин этот отличался исключительно любезными манерами, гибкостью торса и безукоризненной прической; темные волосы его уже существенно поредели, пухлые щеки были чисто выбриты, большие карие глаза, похожие на собачьи, бегали по сторонам. Каждое его движение наполняло воздух свежим ароматом лесного папоротника.

Господин представился: «Меня зовут Форби Мильдун, я был знаком с вашим покойным отцом. Какая ужасная трагедия! Проезжая по дороге Катцвольда, я решил засвидетельствовать почтение и принести свои глубочайшие соболезнования».

«Благодарю вас!» — отозвался Джаро. Форби Мильдун сделал решительный шаг вперед, и Джаро ничего не оставалось, как уступить ему дорогу. Господин Мильдун прошествовал в дом; приподняв брови, Джаро посмотрел ему в спину, после чего пожал плечами и последовал за ним в гостиную.

«Присаживайтесь», — предложил Джаро. Мильдун обвел помещение внимательным оценивающим взглядом и, не находя ничего более подходящего, осторожно уселся на край софы. «Вижу, что вы уже избавились от части мебели, — заметил он. — Вполне разумное решение, помогающее отрешиться от лишних эмоций и чем-то себя занять. Надеюсь, в остальном ваши дела идут достаточно хорошо?»

«Не могу пожаловаться».

Мильдун ответил жестом, полным симпатии и понимания; он снова обзрел помещение и снова не нашел в нем ничего привлекательного: «Надеюсь, вы не слишком одиноки. Вам следовало бы проводить время с друзьями или в клубе».

«У меня много работы», — холодно ответил Джаро.

Мильдун улыбнулся и кивнул, одобряя деловитый подход к решению жизненных проблем: «Надо полагать, вы скоро подыщете более подходящее жилье и переедете?»

«Я останусь здесь. Почему бы я стал переезжать?»

«Гм. Ха! Не слишком приятно жить в такой опустевшей, гулкой развалюхе, вы не находите?»

Джаро ничего не ответил. Мильдун смущенно кашлянул, взглянул на носки ботинок и пошевелил ими: «Что же я делаю? Время летит, у меня дел невпроворот, а я тут засиделся! Мне пора». Он начал было вставать, но задержался, словно пораженный неожиданной мыслью: «Может быть, мне не следовало бы заводить об этом разговор в такое тяжелое для вас время, но я это сделаю — хотя бы из уважения к вашему покойному отцу. В последнее время Хильер Фат проявлял некоторый интерес к обсуждению возможности продажи этого дома. Вынужден признать, что рынок перенасыщен, и что продажа недвижимости идет довольно вяло — но вчера мне сообщили о возможности, которая могла бы оказаться для вас исключительно выгодной. Хотите, чтобы я поделился подробностями?»

«Не думаю, что меня заинтересует такая возможность. Я собираюсь произвести капитальный ремонт, после чего, может быть, буду сдавать часть помещений в аренду».

Мильдун с сомнением покачал головой: «Капитальный ремонт — рискованное дело. Вы можете потратить кучу денег зря. Мне не раз приходилось видеть, как такие проекты

заканчивались провалом».

Джаро, уже начинавший забавляться ситуацией, сказал: «В таком случае дешевле и безопаснее будет вообще ничего не менять».

Пухлые щеки Мильдуна раздулись: «Как вы можете выносить одинокое существование в старом скрипучем доме, открытом всем ветрам! Я замечаю потеки на потолке — значит, у вас даже крыша дырявая! Вокруг никого нет — какие-то дикие леса и холмы!»

«Я к ним привык. По сути дела, они мне нравятся».

«И все же, на мой взгляд, вам было бы лучше всего как можно скорее продать этот дом и окружающую землю, пока на рынке еще наблюдаются какие-то признаки жизни. Мне, конечно, придется рискнуть и на минуту забыть о расценках, рекомендуемых нашей ассоциацией, но я мог бы сделать вам предложение самостоятельно».

«Очень любезно с вашей стороны, — откликнулся Джаро. — Какого рода предложение вы имеете в виду?»

«О, я мог бы заплатить порядка пятнадцати тысяч сольдо, хотя сделку придется заключить срочно, пока не исчезли последние покупатели».

«Странно! Почему глаза Мильдуна зажглись таким напряженным вниманием?» — подумал Джаро. Вслух он спросил: «Только за дом? Земля останется за мной?»

На лице Мильдуна изобразились потрясение и оскорбленное достоинство: «Разумеется, нет! Я предложил цену, включающую всю недвижимость — и дом, и землю».

Джаро рассмеялся: «Вокруг — пятьсот акров прекрасных лугов, холмов и девственного леса!»

Мильдун отшатнулся, словно его что-то испугало: «Пятьсот акров камней и грязи, вы хотите сказать? Здесь плодятся одни шершни и пиявки! Бросовая, заболоченная пустошь!»

«Вы предложили смехотворно низкую цену, — возразил Джаро. — Кроме того, этих денег в любом случае не хватит на достижение моих целей».

Напускное дружелюбие Мильдуна начинало истощаться — в его голосе появилась резкая нотка: «Сколько вы хотели бы получить?»

«О! Не знаю... Я об этом еще не думал. Скорее всего, если бы я и заинтересовался продажей, то речь должна была бы идти скорее о тридцати пяти или сорока тысячах. Даже этого, пожалуй, было бы недостаточно».

«Что?! — Мильдун не мог найти слов от возмущения. — Где я возьму такие деньги? Нужно смотреть в лицо действительности — факты нелицеприятны. Если я заплачу вам двадцать — даже девятнадцать — тысяч, родственники оденут меня в смирительную рубашку и запрут в камере с войлочными стенами!»

«С вашими родственниками лучше не шутить, — согласился Джаро. — Насколько я помню, леди Винзи Биннок приходится вам теткой».

«Э? Да-да. Величественная представительница старшего поколения, вдохновляющая всех окружающих. Но вернемся к Приюту Сильфид...»

«Учитывая все обстоятельства, я не готов продать этот дом».

Мильдун поразмыслил, поглаживая подбородок: «Посмотрим, посмотрим. Предположим, я мог бы поступиться частью комиссионных, взять побольше с покупателя и таким образом предоставить вам исключительную возможность избавиться от этой рухляди и окружающей пустоши за семнадцать или восемнадцать тысяч. Не знаю, почему я это делаю — просто по доброте души, наверное».

«Рухлядь это или нет, но я живу в этом доме и буду в нем жить, пока не решу, что делать».

дальше. Тем временем условия на рынке могут улучшиться, и кто-нибудь сделает мне более выгодное предложение».

Мильдун тут же насторожился: «Вы получали другие предложения?»

«Еще нет».

Мильдун задумчиво прищурился, глядя в потолок: «Как вы сами понимаете, время — деньги; я не могу весь день собирать желуди вдоль дороги Катцвольда. Если мы ударим по рукам сегодня же, я заплачу двадцать тысяч. Это предложение действительно в течение пяти минут, после чего цена снова упадет».

Джаро с любопытством рассматривал незваного гостя: «Надо полагать, вы стремитесь приобрести мой дом, исходя из собственных интересов?»

«В моем бизнесе приходится рисковать — не знаю, чем еще я могу оправдать такое безумие!»

Джаро расхохотался: «Успокойтесь, разорение вам не грозит! Я не собираюсь продавать свою землю».

«Почему вы запрашиваете такую фантастическую сумму?» — жалобно спросил Мильдун.

«Я хотел бы финансировать несколько дальних космических полетов».

Мильдун снова погладил подбородок: «Я заплачу пять тысяч сольдо за опцион на покупку, сроком на три года. С вашей точки зрения это был бы самый удачный вариант! Если хотите, я подпишу соответствующий документ сию минуту и вручу вам пять тысяч наличными. Разве вас не привлекает возможность получить пять тысяч практически ни за что?»

Джаро с улыбкой покачал головой: «Этот план еще хуже прежнего. Почему вам так не терпится купить мою землю? Это имеет какое-то отношение к проекту корпорации «Лумилар вистас»?»

Форби Мильдун несколько раз моргнул: «Откуда вы знаете об этом проекте?»

«Все очень просто. Клуа Хутценрайтер продал ранчо «Желтая птица» синдикату «Фидоль комбайн», после чего ранчо было тайком выкуплено корпорацией «Лумилар вистас» — говорят, вы потеряли на этой сделке большие деньги».

«Говорят? Кто об этом говорил?»

«В частности, мой отец. Он заметил извещение о продаже, опубликованное в газете, и сделал выводы».

«Какая чепуха! Абсурд! Грязные сплетни!»

Джаро пожал плечами: «Может быть и так. Мне все равно».

Форби Мильдун вскочил на ноги и, едва откланявшись, покинул Приют Сильфид.

Ближе к вечеру позвонила, наконец, Скирль Хутценрайтер. Джаро спросил ее: «Где ты? Я несколько дней пытался с тобой связаться».

«Я ночевала в клубе «Устричных кексов»».

Джаро показалось, что она произнесла эти слова упавшим, безнадежным тоном: «Почему ты не позвонила раньше? Я беспокоился!»

Тон Скирли стал прохладным и бесстрастным: «Я была занята сотней всевозможных мелочей. Дом, конечно, конфисковали в счет долгов. Банкиры меня вышвырнули, и теперь мне приходится ошиваться в клубе».

«Сколько времени ты там провела?»

«Уже больше недели, кажется. Тут ко мне хорошо относятся, потому что официально я стала бездомной сиротой. Не знаю, однако, как долго продержится это благожелательное отношение».

«А деньги у тебя есть?»

«Я пытаюсь раздобыть какие-нибудь деньги — в связи с чем, кстати, я тебе и позвонила. Адвоката моего отца зовут Флод Ривлесс. Он показал мне статью договора о продаже «Желтой птицы», подписанного отцом и представителем синдиката «Фидоль комбайн». Отцу уступили небольшой процент поступлений от любой дальнейшей перепродажи его недвижимости в течение следующих пяти лет. Так как ранчо перекупила корпорация «Лумилар вистас», это положение договора вступило в силу; господин Ривлесс отмечает, что теперь это условие невозможно игнорировать — но корпорация «Лумилар» утверждает, что статья недействительна, так как отец умер. Я, однако, еще жива и хотела бы получить свои деньги, пока про них не пронюхали банковские кредиторы. Поэтому господин Ривлесс поехал со мной в управление корпорации «Лумилар», чтобы разобраться в ситуации. Пока Ривлесс объяснял Гильфонгу Рюту цель нашего визита, я прохаживалась по коридору в управлении корпорации и заглянула в студию архитектора. Там на стенах висят эскизы и чертежи последнего проекта господина Рюта — огромного роскошного жилого комплекса под наименованием «Левиан Зарда». Там будут всевозможные удобства и сооружения, великолепный клуб, а также примерно пятьдесят частных охраняемых вилл на обширных огороженных участках. Остальные участки отведены под спортивные сооружения и бассейны; часть леса останется нетронутой. Рассматривая эти планы, я вдруг поняла удивительную вещь: весь комплекс «Левиан Зарда» находится на территории ранчо «Желтая птица», твоего Приюта Сильфид и еще нескольких обширных земельных владений, простирающихся на север до самой реки».

«Достопримечательные новости! — заметил Джаро. — Ими многое объясняется».

«Конечно, — согласилась Скирль. — Я так и думала, что тебе будет интересно об этом узнать. Так или иначе, архитектор застал меня в студии и страшно разозлился. Он сказал, что его чертежи — конфиденциальная информация. По словам архитектора, если бы господин Рют узнал, что я разносываю сведения о его частном проекте, уже поглотившем порядка полумиллиона сольдо, господин Рют принял бы решительные меры с тем, чтобы в дальнейшем я вела себя осмотрительнее. Это прозвучало как угроза. Я попросила его не беспокоиться и сказала, что не видела ничего интересного, после чего отправилась в

приемную и стала ждать.

Через несколько минут вышел господин Ривлесс. Он сказал, что Гильфонг Рют поворчал немного, но в конце концов выписал вексель на причитающуюся мне сумму. Нужно было без промедления положить эти деньги на счет в какой-нибудь банк, никак не связанный с кредиторами моего отца. Что мы и сделали. В результате мне удалось спасти примерно тысячу двести сольдо, оставшихся от моего наследства. Есть еще четыреста сольдо на счете небольшого доверительного фонда, который отец забыл ограбить; господин Ривлесс говорит, что этими деньгами я тоже могу пользоваться. Банк не может отнять у меня одежду и некоторые личные вещи. Что мне делать теперь? Не знаю. В любом случае, я намерена начать карьеру частного следователя-исполнителя — независимо от того, удастся ли мне получить местную лицензию. А как насчет тебя?»

«Я собираюсь продолжать работу в космическом терминале. По сути дела, я уже договорился встретиться сегодня вечером с Гэйнгом Нейтцбеком в таверне гостиницы «Голубая луна», и мы обсудим этот вопрос».

«Я думала, что Фаты оставили тебе большое наследство».

«Оставили. Мне полагается ежемесячный доход от их капиталовложений, в размере пятисот сольдо, но я не могу тратить основной капитал, пока мне не исполнится сорок лет. Таким образом, я все еще не могу заплатить за космический полет — даже если бы знал, куда лететь. Кстати, я мог бы нанять тебя в качестве частного следователя: попробуй узнать, где меня нашли Фаты!»

«Я об этом подумаю. Казалось бы, раздобыть такие сведения достаточно просто».

«Казалось бы! Я везде искал, все перерыл. Когда я смогу с тобой встретиться?»

«Не могу сказать. Не звони мне в клуб «Устричных кексов» — они не будут отвечать на твои вызовы».

«Как тебе угодно, — ледяным тоном ответил Джаро. — В любом случае, благодарю за информацию по поводу корпорации «Лумилар» и проекта Гильфонга Рюта».

«Да-да, надеюсь, она тебе пригодится. А теперь мне пора», — Скирль прервала связь. Раздраженный, Джаро нахмурился и отвернулся от экрана. Он узнал от девушки многое, о чем следовало задуматься; в то же время разговор его разочаровал. Скирль казалась еще более отстраненной и безразличной, чем прежде. Что он мог поделать с этим очаровательным, но возмутительно капризным созданием?

Когда уже смеркалось, Джаро встретился с Нейтцбеком в популярной среди любителей выпить и закусить без церемоний таверне «Голубая луна», приютившейся на краю леса, отделявшего центр города от космического порта. Подражавшие богачам мещане, населявшие предместья Танета, придерживались довольно строгих правил, и «Голубая луна», пожалуй, была единственным местным заведением, напоминавшим салун, привычный для выдавших виды космических странников. Среди ее посетителей попадались навигаторы звездолетов, приземлившихся в порту, привлеченные привычной для космополитов кухней и возможностью одеваться как попало. Кроме того, сюда любили заглядывать модничающие молодые пары, еще не вынужденные оберегать заслуженный многолетними стараниями статус и надеющиеся услышать какие-нибудь скандальные сплетни, познакомиться с намеками на экзотические пороки и погрузиться в опьяняющую атмосферу приключений, рискованных с точки зрения ревнителей закона.

Джаро и Гэйнг Нейтцбек нашли уединенный столик в тени, куда им принесли высокие кружки пива и пару перечных бифштексов. Сегодня Нейтцбек был молчаливее обычного, словно его мысли были заняты какими-то заботами, касавшимися его одного. Джаро недоумевал: невозмутимый Гэйнг редко подавал признаки тревоги.

Пока они поглощали ужин, Джаро рассказал Нейтцбеку о визите Форби Мильдуна в Приют Сильфид: «Первое предложение он сделал как бы между прочим, будто его мало беспокоил мой ответ. Но постепенно Мильдун стал нервничать и в конце концов заявил, что его упрячут в сумасшедший дом, если он заплатит столько, сколько я прошу. Потом он предложил опцион — то есть хотел, чтобы я подписал за деньги обязательство не продавать землю никому другому в течение нескольких лет. Мне показалась странной его настойчивость. А потом я вспомнил о Гильфонге Рюте и все понял. Мне даже стало жалко Лиссель Биннок — она привела меня в консерваторию только для того, чтобы я встретился с дядюшкой Форби. Бедняжка Лиссель! Форби Мильдун так и не явился на концерт — потому что в тот же день Гильфонг Рют выкупил его долю ранчо «Желтая птица» и тем самым лишил его возможности участвовать в проекте «Левиан Зарда». Сегодня утром он пытался облапошить Рюта за мой счет, но ему это не удалось».

«Трагедия! — сказал Гэйнг Нейтцбек. — У меня сердце обливается кровью».

«Сегодня вечером все стало ясно. Скирль обнаружила, что для осуществления проекта Рюта необходимо заполучить землю, окружающую Приют Сильфид. Рют хранит свои планы в тайне. А Мильдун изо всех сил пытается заставить Рюта раскошелиться».

«Нет ничего слаще мести! — заявил Нейтцбек. — Теперь тебе осталось только подождать. Рют явится с предложением сделки, и ты сможешь заломить любую цену».

«Мне это тоже приходило в голову».

Гэйнг отодвинул в сторону опустевшую тарелку и заказал еще пива. Джаро внимательно наблюдал за ним, пытаясь догадаться, какие мысли не дают покоя старому механику.

Нейтцбек опрокинул в глотку полкружки, после чего, нахмутив брови, вперил осуждающий взгляд в противоположную стену. Джаро молча ждал. Гэйнг перевел суровый взгляд на Джаро, невольно почувствовавшего себя виноватым. Джаро пытался припомнить, не совершил ли он недавно какую-нибудь ошибку, но не находил никаких оснований для

самобичевания.

Нейтцбек произнес: «Мне нужно кое-что тебе сказать. Не знаю, с чего начать».

Джаро встревожился пуще прежнего: «По поводу работы? Я что-то сделал не так?»

«А? Нет. Ничего подобного!» Гэйнг Нейтцбек залпом отправил в рот оставшееся пиво, со стуком поставил кружку на стол и проворчал: «Ты еще ничего не знаешь».

«Что ж, по меньшей мере я ни в чем не провинился. Так расскажите — в чем дело?»

«Хорошо!» — Нейтцбек подозвал официанта и попросил его принести еще пива, что было сделано незамедлительно. Отхлебнув немного, Гэйнг поставил кружку и сказал: «Ты помнишь, что Тоун Мэйхак привел тебя к нам в мастерскую».

«Разумеется».

«Он познакомил тебя с Трио Хартунгом и со мной. Ты стал у меня подмастерьем».

«Так оно и было. Почему бы я об этом забыл?»

«Все это было не случайно. Мэйхак и я — старые приятели. Мы узнали, что Фаты привезли тебя на Галлингейл. Мы ожидали, что человек, убивший твою мать, мог явиться на Галлингейл, чтобы покончить с тобой. Его зовут Асрубал. Мы ждали и наблюдали, но Асрубал не прилетел, а ты все еще жив. Что само по себе, с нашей точки зрения, большой успех».

«Я тоже так считаю, — заметил Джаро. — Мне нравится оставаться в живых. Но почему бы этот Асрубал хотел со мной покончить?»

«Асрубал не стал бы убивать тебя сразу. Прежде всего он устроил бы тебе допрос с пристрастием. Он желает найти некоторые документы и считает, что тебе может быть известно, где они спрятаны».

«Какая чепуха! Я ничего такого не знаю. Ничего не помню».

«По-видимому, Асрубал это понимает — и только поэтому позволил тебе жить припеваючи».

«Мне существование не кажется безоблачным. Но почему вы и Мэйхак так заинтересованы в том, чтобы кто-то меня не прикончил?»

«А! В этом нет никакой загадки! Меня это беспокоит потому, что я не желаю тратить время на обучение еще одного помощника. А Мэйхака это беспокоит, потому что он — твой отец».

«Мой отец! — ошеломленный на мгновение, Джаро не был удивлен настолько, насколько можно было бы ожидать. — Почему же он сам мне об этом не сказал?»

«Из-за Фатов. Они тебя усыновили, и все были счастливы: если бы Мэйхак сказал правду, это причинило бы Фатам много горя и неприятностей. Но теперь они погибли, и нет никакой причины, почему бы тебе не следовало знать правду».

«И почему же Мэйхак срочно покинул Галлингейл?»

«По многим причинам. Пусть он сам тебе расскажет — он скоро приедет».

«А когда он вернется на Танет — что будет потом?»

Гэйнг Нейтцбек пожал плечами: «Подозреваю, что у него есть какой-то план, но в чем он заключается? Не имею ни малейшего представления». Нейтцбек поднялся на ноги: «А теперь я пойду спать, потому что мне надоело болтать».

К полудню следующего дня Джаро закончил уборку в доме. Он выбросил протертые старые ковры, прогнувшуюся и перекосившуюся мебель, а также груды никчемного барахла из подвала и с чердака. Наконец в доме уже почти ничто не напоминало о покойных Фатах, кроме подсвечников Альтей — с ними Джаро никогда не решился бы расстаться.

Джаро присел, чтобы составить план дальнейших действий. Его размышления прервал звонок адвоката Фатов, Вальтера Имбальда. Вежливо поинтересовавшись тем, как Джаро справлялся с переменами в своей жизни, Имбальд сказал: «У меня хранятся письмо и пакет; Хильер и Альтей Фаты поручили мне передать их вам в определенных обстоятельствах. Не желаете ли вы заехать ко мне в контору?»

«Приеду немедленно!» — ответил Джаро.

Контора Имбальда находилась в скромных помещениях ничем не выдающегося дома на проспекте Фламариона. Строгая секретарша неопределенного возраста известила адвоката о прибытии Джаро и провела его во внутренний кабинет. Имбальд вежливо встал навстречу клиенту — уже несколько пожилой человек, худощавый, с хитрым лицом и пронизательными глазами. Редкие пряди, оставшиеся от его коричневато-мышастых волос, были зачесаны на лысину и аккуратно приглажены. Символ на отвороте пиджака свидетельствовал о принадлежности адвоката к малоизвестному и непримечательному «Титулярному клубу», но еще один круглый значок, черный с зеленой эмблемой, указывал на то, что Имбальд был вхож в более оживленное и остроумное общество «Низкопробных лицемеров». Таким образом, его весомость носила умеренный характер, ни в коем случае не фешенебельный, но прочный, степенный и внушающий доверие, хотя, конечно, адвокат отставал на пару ступеней от счастливицков, проникнувших в среду Квадратуры круга, не говоря уже о «Лемурах» или таких небожителях, как завсегдатаи клуба «Валь-Верде». Вальтер Имбальд сдержанно поздоровался с Джаро и пригласил его присесть, после чего занял свое кресло: «По сути дела, я ожидал, что вы сами мне позвоните».

«Прошу прощения, — отозвался Джаро. — Мне пришлось одновременно заниматься множеством разных дел. Все это случилось внезапно».

Имбальд коротко кивнул: «Вам следует знать, что Фаты завещали вам все свое состояние, без исключений. Их деньги вложены консервативно и позволят вам получать неплохой доход. Должен заметить, однако, что вы не можете изменять сумму основного капитала или пользоваться им, пока вам не исполнится сорок лет. Это условие включено в завещание по моей настоятельной рекомендации. Так или иначе, благодаря предусмотрительности Фатов вы можете считать, что вам повезло — если учитывать трудности, которые приходится преодолевать многим другим молодым людям».

«Я благодарен судьбе, само собой, хотя в любом случае предпочел бы, чтобы мои родители были живы», — не слишком дружелюбно ответил Джаро.

«Ваши родители были прекрасными людьми, — без малейших признаков искренности согласился адвокат. — Могу ли я полюбопытствовать, каким образом вы намерены распорядиться домом и принадлежащей вам земельной собственностью?»

«Я не тороплюсь принимать решение по этому поводу».

Имбальд осторожно поджал губы: «Разумеется. Если у вас возникнут какие-либо

вопросы, незамедлительно свяжитесь со мной. Перейдем, однако, к основному предмету нашей встречи. Примерно три месяца назад супруги Фаты передали мне на хранение письмо и пакет. Позвольте сразу же вручить вам письмо».

Адвокат открыл ящик стола, вынул длинный коричневый конверт и передал его Джаро: «Содержание письма мне неизвестно. Предполагаю, что оно относится к сопровождающему его пакету».

Джаро прочел письмо:

«Дорогой Джаро! Наше письмо приготовлено на тот случай, если какие-нибудь маловероятные обстоятельства сложатся таким образом, что нас обоих постигнет внезапная смерть. Если ты читаешь это письмо — от чего да предохранит нас судьба! — значит, такие непредсказуемые и прискорбные обстоятельства имели место: нас постигла катастрофа, и мы глубоко сожалеем о нашей скоропостижной кончине. Надеемся, что ты разделяешь наши чувства! Теперь мы обращаемся к тебе оттуда, откуда еще никто не возвращался. Странная мысль! Странно видеть такие слова на бумаге! Тем не менее, как тебе известно, мы пытаемся руководствоваться логикой и быть предусмотрительными людьми. Глупо было бы оставлять решение этого вопроса на волю случая, если есть возможность решить его заранее. Поэтому — если ты читаешь это письмо, непредсказуемое сбылось, и нас уже нет в живых! Это означает также, хотя это и менее прискорбно, что ты еще не закончил Институт. Мы понимаем, что ты можешь руководствоваться побуждениями, способными заставить тебя пуститься в дикую авантюру в поисках своего происхождения еще до того, как ты получишь ученую степень. Мы считаем, что такое развитие событий следует предотвратить, и надеемся направить тебя по более рациональному пути, более полезному для достижения твоей цели, потому что он упростит твою задачу.

Не сомневайся! Мы понимаем мучающее тебя беспокойство и сочувствуем тебе. Мы ни в коем случае не хотели бы создавать для тебя дополнительные препятствия, но убеждены, что в твоих собственных интересах будет получить образование, позволяющее тебе завоевать уважение окружающих и почувствовать твердую почву под ногами. Лучшее всего для тебя будет закончить Институт и получить ученую степень!

Поэтому мы поместили принадлежащую тебе по праву информацию на хранение под доверенность, и она будет предоставлена тебе на следующий день после того, как ты успешно окончишь Институт и сможешь предъявить свидетельство получения ученой степени.

Естественно, мы надеемся, что тебе никогда не придется читать это письмо. После выпускной церемонии в Институте тебя приведет в замешательство небольшая церемония его сожжения — мы обязательно ее устроим!

Любящие тебя приемные родители, Хильер и Альтея Фаты».

Джаро поднял глаза: «Я не собираюсь заканчивать Институт».

«В таком случае вы никогда не получите пакет, переданный мне на хранение».

«Разве нет никакого способа обойти это препятствие? Ни Хильер, ни Альтея никогда не понимали, насколько важно для меня узнать то, что они от меня скрывали!»

Адвокат с любопытством взглянул Джаро в глаза: «Если я могу позволить себе такой

вопрос — почему бы вам не выполнить пожелание приемных родителей? Их условие представляется мне вполне разумным. Многим в этой жизни грозит гораздо худшая судьба, чем карьера в Институте».

«У меня есть знакомый, накопивший некоторый опыт в этой области, — ответил Джаро. — Он объяснил мне, что Институт подобен вольеру для птиц с подрезанными крыльями. Никому не удастся улететь оттуда выше проволочной сетки. Самая большая птица сидит на самой высокой жердочке. А сидящие ниже вынуждены постоянно следить за тем, чтобы им не гадили на голову».

Вальтер Имбальд поднялся на ноги: «Был очень рад с вами познакомиться. Если вы все-таки решите поступить в Институт, зайдите ко мне снова, когда вы его закончите».

Джаро удалился и вернулся в Приют Сильфид. Посещение конторы Имбальда его разочаровало. Адвоката ни в чем нельзя было упрекнуть, но ему удалось создать атмосферу холодного неодобрения — даже чего-то, граничащего с откровенной неприязнью — как если бы Джаро, пренебрегая пожеланиями Фатов, проявил себя в качестве неблагодарного босняка.

Джаро сидел и невесело размышлял; мысли его перескакивали с одного предмета на другой. Он заметил с уколом сожаления, что его отношение к Фатам уже изменялось и становилось абстрактным — по сути дела, он не мог избежать подспудного возмущения их попытками заставить его вести образ жизни, упорядоченный по их образу и подобию, но ни в коем случае не позволявший ему чувствовать себя в своей тарелке.

Возможно, они любили не столько его самого, сколько сосредоточенное на нем идеализированное представление о своей системе ценностей — и, если Джаро не соответствовал этому идеалу, он заслуживал более или менее завуалированного наказания. Тем не менее, Джаро не хотел, чтобы мелкие обиды нарушали ход его мыслей и оказывали влияние на его выводы.

Что делать с Приютом Сильфид? Гильфонг Рют уверенно планировал чудесный загородный поселок для богачей, «Левиан Зарда», так, чтобы его территория охватывала землю, окружающую Приют Сильфид. Что позволяло ему сделать такое наглое, по сути дела, допущение? Возможно, Рют считал, что неопытный студент никак не может воспрепятствовать осуществлению проекта. Возможно, с точки зрения Рюта, необходимость дополнительно выплатить такому студенту несколько тысяч сольдо не играла практически никакой роли, учитывая итоговый объем затрат. Возможно, Рют собирался так или иначе принудить упрямого студента к подчинению или даже прибегнуть к запугиванию. В любом случае не имело смысла думать о капитальном ремонте или даже о покраске старого дома, пока все эти вопросы не будут выяснены. Наибольшее беспокойство, однако, у Джаро вызывал Тоун Мэйхак: где пропал человек, назвавшийся его отцом, и как следовало реагировать в сложившейся ситуации?

Джаро позвонил Нейтцбеку в космопорт.

«Слушаю», — отозвался Гэйнг.

«Никаких вестей о Мэйхаке?»

«Ничего — кроме того, что тебе уже известно».

Джаро снова упомянул о Рюте и о том, что для осуществления проекта «Левиан Зарда» ему требовалось приобрести землю вокруг Приюта Сильфид: «Почему-то Рют совершенно уверен в том, что сможет присоединить мой участок к территории своего комплекса, как только ему это потребуется».

Гэйнг задумался, после чего спросил: «Ты составил завещание?»

«Нет».

«Советую тебе это сделать, и сегодня же. Промедление смерти подобно! Если ты умрешь сегодня вечером, твою землю унаследует Тоун Мэйхак, но Рют этого не знает. Судя по всему, Рют убежден в том, что ты умрешь без завещания и что у тебя не осталось близких родственников — и рассчитывает найти какой-нибудь способ заполучить твою собственность. Тебе следует сейчас же оформить завещание и оповестить всех знакомых о том, что оно существует. Это самое дешевое страхование жизни».

Джаро спросил упавшим голосом: «Вы действительно думаете, что Рют заплатит убийцам только для того, чтобы завладеть Приютом Сильфид?»

«Конечно. Такие вещи случаются сплошь и рядом».

Джаро тут же позвонил Вальтеру Имбальду.

«Имбальд у телефона», — отозвался адвокат.

«Вас беспокоит Джаро Фат».

«А, Джаро! В чем проблема?»

«Никаких проблем — кроме того, что я хотел бы немедленно составить завещание. Сегодня же вечером, если это возможно».

«Это возможно. Насколько сложной будет структура завещания?»

«Все очень просто, — Джаро изложил условия. — Если бы вы могли подготовить текст, я заехал бы к вам в контору и подписал бы его безотлагательно».

Имбальд несколько не удивился: «Документ будет готов через двадцать минут».

«К тому времени я уже приеду».

Джаро отправился в контору Имбальда и подписал уже подготовленное адвокатом завещание. Наконец Имбальд позволил себе проявить некоторое любопытство: «Назначенные вами наследники — Тоун Мэйхак и Гэйнг Нейтцбек — кто они? Кто такая Скирль Хутценрайтер, мне, конечно, известно».

«Мэйхак — мой отец. А Гэйнг Нейтцбек и Скирль — мои друзья».

«И с чем связана такая спешка?»

«Нейтцбек посоветовал мне не откладывать оформление завещания, когда узнал, что Гильфонг Рют намерен приобрести мою землю в рамках проекта широкомасштабной застройки».

«Ага! Тогда все понятно. Согласен с вашим знакомым. Составление завещания в такой ситуации — удачная идея».

Джаро вернулся в Приют Сильфид по дороге Катцвольда на старой двухместной машине Фатов, когда солнце уже заходило за пологие западные холмы. Он зашел в дом и задержался в прихожей, ощущая беспокойство и нерешительность. Слишком многое произошло, должно было вот-вот произойти или могло случиться; неизбежность висела в воздухе, и Джаро не находил себе места. Он решил, что проголодался, и направился в кухню — было бы неплохо подогреть суп, съесть кусок хлеба с сыром и какой-нибудь салат. Заглянув в продуктовый шкаф, Джаро вынул пакет, повернулся и застыл, прислушиваясь. Кто-то взбежал на крыльцо: послышался отзвук легких поспешных шагов. Звонok не заставил себя ждать. Джаро спустился к входной двери и распахнул ее — перед ним, улыбаясь, стояла Лиссель Биннок. Джаро озадаченно уставился на нее — из всех, кого он знал, он меньше всего ожидал увидеть Лиссель.

Лиссель спросила, весело и нараспев: «Могу ли я зайти, глубокоуважаемый господин сирота?»

Джаро с сомнением смерил ее взглядом, но отступил, и Лиссель, искоса бросив на него лукаво-вызывающий взгляд, прошмыгнула в дом. Она применяла весь арсенал самых обольстительных телодвижений, что свидетельствовало о том, что ее появление объяснялось какой-то насущной практической целью.

Джаро задумчиво прикрыл дверь и повернулся к незваной гостье. Сегодня на ней были розовая блузка и серовато-белые брюки, туго обтягивавшие бедра, но свободные ниже колен. Ее волосы, перевязанные на затылке розовой лентой, покачивались легкомысленным «конским хвостом».

«Чему я обязан честью твоего неожиданного визита?» — вежливо поинтересовался Джаро.

Лиссель беззаботно махнула рукой: «О! Не придавай этому особого значения. Мне просто стало интересно — как ты тут справляешься один, всеми покинутый и забытый?» Джаро смотрел на нее так, словно перед ним было странное существо с далекой планеты. Лиссель рассмеялась: «Ну что ты на меня так уставился, будто у меня рога выросли? Или я настолько состарилась с тех пор, как мы виделись в последний раз?»

Джаро недоуменно покачал головой: «Не притворяйся, Лиссель! Чего ты ожидала? В последний раз мы виделись несколько месяцев тому назад. Ты обращалась со мной невыносимо высокомерно, как с прокаженным. А теперь влетаешь ко мне в дом, смеясь и улыбаясь, беспечная, как бабочка-однодневка. Невольно приходится задуматься о твоих намерениях».

Лиссель скорчила гримасу, поджала губы, сморщила нос: «Джаро! Ты меня удивляешь!» «Почему же?»

«Я всегда считала тебя любезным молодым человеком, а теперь ты стоишь, набычившись, и заставляешь меня стоять в холодной прихожей. С твоей стороны было бы гораздо галантнее проводить меня в гостиную, где мы могли бы присесть у камина».

«Ну хорошо, пойдем», — Джаро сделал приглашающий жест и последовал за девушкой в гостиную, где та сразу же пристроилась погреться у камина.

«Здесь пустовато, — признался Джаро. — Я выбросил почти всю старую мебель. Если я

останусь здесь, придется купить что-то новое».

«Так ты решил тут остаться? Или все-таки продашь этот дом?»

«Я еще ничего не решил».

«На твоём месте я продала бы его — например, дядюшке Форби. Он предложит тебе самую лучшую цену».

«Он уже сделал предложение».

«И что ты ему ответил?»

«Я ему отказал».

Лиссель помолчала несколько секунд, глядя в огонь, после чего повернулась к Джаро и положила ему руку на плечо: «Я чего-то не понимаю, Джаро».

«Чего ты не понимаешь?»

«Ты изменился! В тебе появилось что-то жестокое и мрачное. Что случилось с милым мечтательным Джаро, вечно блуждающим мыслями в облаках? Мне тот Джаро очень нравился».

«И ты пришла для того, чтобы это мне сказать?»

«Нет, конечно! — Лиссель обидчиво отвернулась, заставив золотистый «конский хвост» метнуться в сторону. — Могу я позволить себе ещё одно наблюдение?»

«Как тебе будет угодно».

«Ты стал слишком язвительным. Почему ты смеёшься?»

«Просто мне пришла в голову одна мысль — даже не слишком смешная, по сути дела».

Встревоженная Лиссель слегка успокоилась: «Как бы то ни было, я рада, что пришла». Повернувшись, она обвела глазами гостиную: «Бедный Джаро! Тебе, наверное, здесь одиноко. Но ты всегда сторонился общения. Даже в ущерб себе, я могла бы заметить».

«Может быть».

«Знаешь, что я думаю? Думаю, что тебе нужно продать эту старую развалюху, сколько бы за нее ни предлагали, и переехать в маленькую аккуратную квартиру неподалеку от Института».

Джаро покачал головой: «Здесь не так уж плохо — причем мне не приходится платить за проживание».

«Какой смысл жить отшельником в лесу? Разве не лучше поселиться в фешенебельном квартале, где всегда можно куда-то зайти, с кем-то поговорить? Отсюда до Института — целый час езды!»

«Форби Мильдун почему-то не усматривал никакого недостатка в отсутствии фешенебельности. Напротив, он отчаянно пытался купить этот, как он выразился, «старый сарай, окруженный бесполезной пустошью». В любом случае, я не собираюсь поступать в Институт».

Лиссель подвинулась ближе, ее голубые глаза искали в его глазах, полные наивного доверия и надежды: «Когда-то мне казалось, что ты находил меня привлекательной, помнишь?»

«Конечно, помню. Ты все еще весьма привлекательна».

«И ты говорил, что хотел бы меня крепко обнять и затащить в постель».

«Говорил. Тогда мне было бы трудно отказаться от такой возможности».

Лиссель притворилась, что ее охватило отчаяние: «Разве я настолько подурнела с тех пор?»

«Нет, но теперь я боюсь леди Винзи».

«Чепуха какая! Забавная старая карга, в ней нет ничего страшного. Сейчас она, наверное, опять играет в карты с кухаркой».

Джаро отвернулся, чтобы подбросить в камин еще одно полено. Лиссель, напряженно следившая за ним, живо вскочила, пересела на софу и похлопала ладонью рядом с собой: «Садись, Джаро! Не обижай меня».

Джаро подчинился. Лиссель прислонилась к нему: «Поцелуй меня, Джаро. Ты же хочешь меня поцеловать, правда?»

Джаро послушно поцеловал ее, и Лиссель, вздохнув, прижалась к нему плотнее. Джаро с трудом удавалось сохранять остатки самообладания, хотя он только что решительно намеревался относиться к происходящему с хладнокровной предусмотрительностью.

От близости голубых глаз все таяло внутри. Лиссель прошептала: «Ты сделаешь все, что я попрошу?»

«Не могу ничего обещать».

«Джаро! Почему ты такой упрямый? Поцелуй меня снова».

Джаро поцеловал ее и спросил: «А теперь о чем ты меня попросишь?»

Лиссель вздохнула: «Не знаю. Никогда раньше так себя не чувствовала. Можешь делать со мной все, что хочешь».

«Замечательная мысль! Я так и сделаю. Точнее говоря, мы этим займемся вместе». Джаро начал расстегивать ее блузку. Лиссель смотрела вниз, наблюдая за его движениями. Одна пуговица — две — три! За отворотом блузки показалась обнаженная грудь. Джаро наклонился, чтобы поцеловать ее, после чего принялся расстегивать остающиеся пуговицы. Лиссель удержала его: «Прежде всего, Джаро, нужно, чтобы ты согласился мне помочь, а потом уже делай, что хочешь».

«Помочь тебе — каким образом?»

Лиссель отвела глаза, глядя в огонь, и ответила — задумчиво и тихо: «Сегодня мне пришел в голову чудесный план. Я хочу, чтобы он осуществился, больше всего на свете — больше, чем быть принятой в клуб «Кванторсов», больше, чем стать владелицей роскошной усадьбы на Лесмондском холме. Но мне нужна твоя помощь. Тебе это тоже будет выгодно, потому что ты получишь большие деньги за Приют Сильфид».

«Ты рисуешь сказочные перспективы. Во все это трудно поверить».

«Но такая возможность существует, она достижима! Взаимопомощь — все, что от нас потребуется».

«И в чем будет заключаться взаимопомощь?»

Лиссель с подозрением посмотрела по сторонам, словно боялась, что ее подслушают: «Расскажу тебе великую тайну! Гильфонг Рют — владелец компании «Лумилар вистас». Он задумал построить огромный, роскошный, ужасно дорогой комплекс загородных вилл под наименованием «Левиан Зарда». Рюту может понадобиться земля, окружающая Приют Сильфид, но из него трудно вытянуть большие деньги, для этого потребуется вмешательство специалиста, а у дядюшки Форби большой опыт ведения таких переговоров. В качестве комиссионных дядюшка выговорит себе космическую яхту Рюта — великолепный корабль «Фортунагус» серии «Мерцающий путь», как новенький! Рют все равно им никогда не пользуется. Если Форби удастся заполучить «Фарсанг», он возьмет меня с собой в путешествие по далеким планетам: мы увидим Радужные миры Пандоры, Полимарку и может быть, даже Ксантенор! Представляешь? Разве это не чудесно?»

«Чудесно во всех отношениях! Но какую роль я играю в этих планах? Меня пригласят

сопровождать тебя в путешествии?»

Лиссель задумалась. Такая мысль, по-видимому, не приходила ей в голову. По мере того, как Джаро наблюдал за выражением ее лица, овладевшая им эротическая лихорадка начала охладевать. Лиссель слегка махнула рукой, словно отбрасывая какую-то мелочь: «Не могу ничего обещать от имени дядюшки Форби — в конце концов, это будет его яхта. Но зачем заглядывать так далеко — кто знает, что случится?» Лиссель обняла Джаро за шею и снова прижалась к нему: «Зачем обсуждать второстепенные вещи? Прежде всего нужно, чтобы ты заслужил доверие — все остальное приложится».

«Да, но то, что может показаться второстепенным с твоей точки зрения, имеет первостепенное значение для меня. Например, собираются ли твои мать и бабушка принять участие в вашей развлекательной поездке?»

Лиссель нахмурилась: «О чем ты говоришь, Джаро? Ты задаешь самые удивительные вопросы! Вполне возможно, что они захотят к нам присоединиться, почему нет?»

«И они не будут возражать против того, чтобы мы с тобой занимали одну и ту же каюту?»

Лиссель поджала губы, надула щеки и раздраженно выпустила воздух: «Это было бы в высшей степени затруднительно! Не знаю, как это можно было бы устроить. Разве что тебя наняли бы в составе экипажа — в таком случае мы могли бы тайком встречаться, хотя дядюшке Форби это вряд ли понравится. Как бы то ни было, ты получишь круглую сумму за Приют Сильфид — скорее всего больше, чем ты смог бы выручить в любом другом случае».

«Этот вопрос можно обсудить потом. Сейчас лучше заняться более приятными вещами», — Джаро расстегнул четвертую и пятую пуговицы.

«Нет, Джаро, нет! — воскликнула Лиссель, закрывая расстегнутую блузку. — Мы должны договориться о серьезных вещах, прежде чем продолжим развлекаться».

«Мне непонятны твои замыслы — они слишком сложны. Давай пока что о них забудем».

«Мой план очень прост!» — возразила Лиссель. Она достала из кармана сложенный вчетверо лист, монету и самопишущее перо: «Не нужно ни о чем думать. Возьми сольдо и подпиши эту бумагу. После этого дело будет в шляпе, и мы сможем нежиться и тешиться, сколько угодно».

«Что я должен подписать?»

«Ничего особенного. Мы только что об этом говорили. Беспокоиться не о чем — подпишись, и все тут».

Приподняв брови, Джаро искоса взглянул на девушку и прочел документ:

«Я, Джаро Фат, получив возмещение в размере одного сольдо, передаю Лиссель Бинно или назначенному ею представителю действительный в течение пяти лет опцион на покупку недвижимости, известной под наименованием «Приют Сильфид» и включающей дом и окружающий его земельный участок, по цене, подлежащей дальнейшему согласованию в зависимости от рыночных условий, но составляющей не менее шестнадцати тысяч сольдо и не более двадцати тысяч сольдо».

Брови Джаро поднялись еще выше; он снова покосился на Лиссель, привстал и аккуратно положил бумагу в камин — она тут же вспыхнула и превратилась в пепел. Прижав ладонь ко рту, Лиссель испуганно вскрикнула. Джаро сказал: «С этим препятствием

покончено! Вернемся к нашим пуговицам».

Лиссель отшатнулась: «Тебе нет никакого дела до моих чувств! Ты только хочешь лапать мое тело и залезть ко мне в штаны, больше ничего!» Дрожащими пальцами она застегивала блузку.

«Разве ты не для этого пришла?» — с неубедительной наивностью поинтересовался Джаро.

Из глаз Лиссель катились слезы: «Почему ты меня унижаешь и оскорбляешь?»

«Прошу прощения, — ухмылялся Джаро. — Не имел в виду ничего подобного».

Лиссель уставилась на него горящими глазами — лицо ее сморщилось и покраснелось. Прежде чем она успела выразить возмущение, однако, зазвенел телефон, стоявший на столе в углу гостиной. Джаро нахмурился. Кто мог звонить в такое время? «Говорите!» — отозвался он.

На экране появилось лицо господина средних лет с дружелюбной, располагающей внешностью: «Если это возможно, я хотел бы поговорить с Джаро Фатом». Тон и произношение незнакомца свидетельствовали о воспитанности и привычке возвращаться в избранном обществе.

«Я вас слушаю».

«Господин Фат, меня зовут Абель Шелкович, я представляю корпорацию «Лумилар вистас»».

Джаро услышал, как возбужденно ахнула Лиссель. «Джаро! — послышался ее напряженный полусшепот. — Не говори с этим человеком, он нас погубит!»

Абель Шелкович продолжал: «Проезжая мимо Приюта Сильфид по дороге Катцвольда, я подумал, что с моей стороны не будет слишком большой смелостью попросить у вас позволения заехать к вам на несколько минут, чтобы обсудить вопрос, способный вас заинтересовать?»

«Сейчас?»

«Если это вас не затруднит».

«Нет, нет! — вполголоса яростно возражала Лиссель. — Не разрешай ему приходить! Он нарушит все наши планы!»

Джаро колебался — у него все еще маячили перед глазами расстегнутая блузка и открывавшиеся в связи с ней перспективы. Но пламя возбуждения уже почти погасло. Лиссель продолжала бормотать: «Джаро! Подумай! Только подумай, что это значит! Подумай о нас — о нас двоих, о нас вдвоем!»

«Ты ставишь слишком много условий».

«Никаких условий! Возьми меня! А потом, когда я буду твоя, сделай то, о чем я тебя прошу».

Джаро поморщился. Его ни во что не ставили! Они считали, что его можно заманить в клетку приманкой, как тупое животное. Это было настолько унижительно, что у него пропало всякое желание иметь дело с Лиссель Биннок.

С экрана доносился голос Абеля Шелковича: «Господин Фат? Вы меня слышите?»

«Я здесь», — ответил Джаро. Лиссель уловила в его словах решительность и поняла свое поражение. Ее мечты разлетелись в прах, радужное сияние надежд стало мучительным воспоминанием: тусклым, душным и скучным. Не оборачиваясь, Джаро слышал, как она выбежала из гостиной в прихожую, толкнула плечом выходную дверь и спустилась по ступеням крыльца. Обращаясь к телефону, Джаро сказал: «Господин Шелкович?»

Приезжайте, если хотите. Не думаю, что ваш визит закончится плодотворно, так как я не готов брать на себя какие-либо обязательства — но, по меньшей мере, я вас выслушаю».

«Я скоро прибуду», — экран погас.

Через пять минут прозвучал дверной звонок. Джаро впустил Абея Шелковича и провел его в гостиную. Ему снова пришлось извиниться за временное спартанское отсутствие удобств. Шелкович ответил рассеянным жестом, означавшим, что его нисколько не интересовало состояние дома. На нем был прекрасный жемчужно-серый костюм, почти того же оттенка, что и его глянцево-серые волосы. Холеная и любезная физиономия Шелковича не отличалась выдающимися особенностями — у него была желтоватая кожа; небольшой бледный рот был скромно поджат под тонкими серыми усиками, мягкие глаза внимательно смотрели из-под лысеющих, словно вопросительно приподнятых бровей.

«Господин Фат, прежде всего позвольте мне выразить искренние соболезнования — как от меня лично, так и от имени корпорации «Лумилар вистас»».

«Благодарю вас», — откликнулся Джаро. Шелкович производил впечатление опытного и опасного человека, хотя и не столь жуликоватого, как Форби Мильдун.

«Тем не менее, жизнь идет своим чередом, и всем нам приходится плыть по течению неизбежной последовательности событий, каковы бы ни были уготованные нам судьбой потери или выгоды».

«В этом отношении говорите сами за себя, — возразил Джаро. — Я не спешу плыть по течению, каким бы неизбежным оно не представлялось с вашей точки зрения. Плавайте на здоровье, но не лишайте меня возможности позагорать на берегу».

Господин Шелкович позволил себе блекло усмехнуться и обвел глазами помещение: «Насколько я понимаю, вы планируете капитальный ремонт, чтобы впоследствии сдавать жильё в аренду или продать дом?»

«У меня еще нет окончательных планов».

«Но вы собираетесь начать обучение в Институте?»

«Нет, не собираюсь».

«По меньшей мере, у вас есть какое-то представление о том, что вы будете делать со своей недвижимостью в ближайшее время?»

«Некоторое время я буду жить здесь. А потом, возможно, сдам помещения в аренду и отправлюсь путешествовать».

Шелкович кивнул: «Корпорация «Лумилар вистас» могла бы предложить справедливую цену за вашу недвижимость».

«Не затрудняйтесь. Меня могла бы заинтересовать только очень высокая цена. Настолько высокая, что вы, скорее всего, назовете ее несправедливой».

«Насколько высокая? О какой сумме идет речь?»

«Еще не знаю. Как я уже упомянул, я не готов принять окончательное решение по этому вопросу. Ко мне уже обращались другие лица, отчаянно стремящиеся заполучить Приют Сильфид. По-видимому, рыночная стоимость моей земли в последнее время существенно повысилась».

«Я уполномочен предложить вам тридцать тысяч сольдо. Сомневаюсь, что наши конкуренты способны на такую щедрость».

«Мне придется обсудить ваше предложение с наследниками, поименованными в моем завещании, — серьезно ответил Джаро. — Естественно, их интересуют условия любых сделок, касающихся Приюта Сильфид».

Шелкович удивился: «У вас, оказывается, есть завещание! И кто, если не секрет, ваши наследники?»

Джаро рассмеялся: «В данный момент их имена не имеют значения — важно только то, что они существуют. Всего хорошего, господин Шелкович».

Абель Шелкович направился к выходной двери, но задержался в прихожей: «Прошу вас не вести переговоры с другими сторонами, не уведомив нас об этом, так как наша корпорация, по сути дела — потенциальный конечный покупатель, а не посредник».

«Если я приму решение продать свою собственность, — вежливо ответил Джаро, — я, несомненно, продам ее стороне, предложившей наилучшие условия».

Шелкович слабо улыбнулся: «Принимайте во внимание масштабы и возможности корпорации «Лумилар вистас», в том числе почти устрашающие средства убеждения, которыми она располагает. Спокойной ночи, господин Фат!»

«Спокойной ночи».

Дверь закрылась. Джаро услышал размеренные шаги агента, спускавшегося по ступеням. Приподняв щиток смотровой прорези двери, Джаро видел, как Абель Шелкович садился в роскошный черный экипаж. Машина бесшумно отъехала от дома, повернула на дорогу и скрылась из вида.

Джаро вышел на крыльцо. Вокруг было темно и тихо — только шелестела листва. Джаро стоял неподвижно, пытаясь различить бормотание призраков за камуфляжем вздохов ветра; у него по спине пробежали мурашки.

Ночь обещала быть холодной. Дрожа, Джаро вернулся в дом.

Огонь в камине уже догорал. Джаро расшевелил угли и подкинул пару поленьев. Направившись на кухню, он наконец поужинал супом, хлебом с сыром и салатом, после чего вернулся посидеть у камина. Он думал о Лиссель, несомненно бушевавшей от ненависти и огорчения. Странное, изменчивое, противоречивое существо! Она явилась в Приют Сильфид, готовая ко всему, кроме поражения. Скорее всего, замысел готовился не без участия ее матери и дядюшки Форби. Их план просто не мог провалиться — простой, прямолинейный, безошибочный план! Лиссель должна была кружить голову незадачливому желторотому профану, пока тот не покроется испариной от похоти и не подпишет, поспешно и охотно, обязательство о предоставлении опциона.

Несмотря на легенды, носившиеся у нее за спиной на протяжении многих лет, Лиссель была сексуально недоразвита — даже, возможно, фригидна. У нее семейный проект должен был вызывать множество возражений. Глядя на языки пламени в камине, Джаро живо представил себе беседу трех заговорщиков, определявших стратегию соблазнения.

Лиссель (капризно): «Все это слишком интимно, потно и противно! Не уверена, что смогу на это решиться, если он будет настаивать».

Мильдун : «Добудь опцион — не мытьем, так катаньем!»

Леди Ида : «Сделай все необходимое. Мимолетное совокупление вполне приемлемо, если оно приводит к желаемому результату».

Лиссель (надув щеки): «Я окажусь в глупом положении! Что, если он даже после этого откажется подписать?»

Леди Ида (презрительно): «Уверяю тебя, такие вещи делаются на каждом шагу — не ты первая, не ты последняя».

Мильдун (настойчиво): «Думай о «Фарсанге»! Так или иначе, добейся своего!»

Леди Ида : «У тебя есть все необходимые данные. Пользуйся ими, пока не поздно. Они не улучшаются со временем».

«Примерно в таком роде, — думал Джаро, — они представляли себе события сегодняшнего вечера. Теперь Лиссель, конечно, сможет оправдать свой провал внезапным появлением на сцене Абея Шелковича».

В принципе, замысел этот созрел уже давно, и они пытались осуществить его неоднократно. Еще во время Суматошной попойки, в толпе, когда Лиссель наткнулась на него, одетого в костюм «Аркадских фигляров», она рассматривала его как средство проникновения в Приют Сильфид, как марионетку, манипуляция которой помогла бы убедить Хильера и Альтею продать дом Форби Мильдуну. Этот план тоже провалился; кроме того, Ангелы Тьмы переломали Джаро все кости. Но Лиссель не сдавалась, доблестно жертвуя собой во имя сохранения статуса своей семьи, и сегодня вечером позволила Джаро растегнуть пять пуговиц блузки и поцеловать свои груди.

Лиссель Биннок больше не вернется. Игра закончена. Больше никогда голубоглазая блондинка не будет соблазнять Джаро ужимками и поцелуями. Учитывая все обстоятельства, это был любопытный эпизод, позволивший Джаро многому научиться, хотя и не всему, чему хотелось бы. Мысли Джаро самым естественным образом сосредоточились на Скирли Хутценрайтер. Сердце его стало биться чаще. Что, если бы Скирль явилась в Приют Сильфид и предложила себя в обмен на подпись под каким-нибудь документом? Что тогда? Подписался бы он? Джаро скорчил гримасу, недовольный внутренними противоречиями, вызванными таким вопросом.

Он вскочил на ноги и снова расшевелил угли в камине. Конечно, нет! Нелепая идея. Никогда, ни при каких обстоятельствах Скирль не стала бы вести себя таким образом.

Или, может быть, стала бы, если бы возникла необходимость?

Джаро сидел и смотрел в огонь.

Прошел примерно час. Джаро решил, что, пожалуй, пора было спать. Какой-то шум? Джаро наклонил голову, прислушался. Снова шаги на крыльце? Кто мог явиться к нему посреди ночи? Конечно же, это не Лиссель пришла просить прощения! Джаро подбежал к выходной двери, включил свет над крыльцом и выглянул в смотровую прорезь. Фигура на крыльце ничем не напоминала промокшую, дрожащую от холода Лиссель.

Джаро открыл дверь. Прислонившись к поручню крыльца, снаружи стоял Тоун Мэйхак. Несколько секунд Джаро и Мэйхак смотрели друг на друга, после чего Мэйхак спросил: «Можно войти?»

Джаро не нашелся, что сказать. Он молча отступил, и Тоун Мэйхак зашел внутрь. Джаро закрыл дверь. Мэйхак обернулся, и они снова смерили друг друга оценивающими взглядами. «Наверное, ты на меня злишься», — сказал Мэйхак.

Джаро испытывал неоднозначные ощущения. По существу, однако, он не мог возразить против предположения Мэйхака. Почему Мэйхак так долго ничего ему не объяснял? Почему он внезапно улетел из Танета, даже не попрощавшись? Наконец Джаро произнес: «Должен признать, что я обиделся — но, по-видимому, это не имеет большого значения. Ты знал, что делал — и, надо полагать, для этого были основательные причины».

Мэйхак улыбнулся — улыбкой, на мгновение озарившей все лицо и выразившей целый спектр эмоций, но слишком мимолетной для того, чтобы Джаро успел в них разобраться.

Мэйхак взял Джаро за плечи и крепко обнял его. Отступив на шаг, он снова широко улыбнулся: «Давненько я хотел это сделать, но не смел! Ты прав. Для того, что я делал, были основательные причины. Думаю, что ты с этим согласишься, когда узнаешь всю подноготную. Тем не менее, приношу извинения».

Джаро заставил себя рассмеяться: «Не нужно извинений. Достаточно того, что ты здесь. Пойдем, наверху теплее — там горит камин».

Джаро провел отца в гостиную, и Мэйхак подошел к огню, чтобы согреться.

«Ты голоден? — спросил Джаро. — Тебе что-нибудь нужно?»

Мэйхак покачал головой: «Я только что прилетел на Галлингейл. Гэйнг сообщил мне кое-что о ситуации, в которой ты оказался, и я решил как можно скорее дать тебе знать, что вернулся».

«Правильно! Где ты остановился?»

«Я еще нигде не устроился».

«Тогда оставайся здесь! В доме пусто — я буду рад, если ты составишь мне компанию».

«С удовольствием».

Они оба пододвинули стулья поближе к камину. Джаро принес бутылку отборного вина «Долина Эстрезас», припасенного Хильером для особых случаев. Наливая вино в бокалы Джаро сказал: «Надеюсь, ты сможешь развеять тайны, грызущие меня днем и ночью».

«Несомненно — как только чуть-чуть передохну».

«Не можешь ли ты ответить сразу на один вопрос? Тебе известно, где именно меня нашли Фаты?»

«Нет. Об этом Фаты никогда не рассказывали, и я хотел бы это знать не меньше твоего — возможно, даже больше твоего, потому что неподалеку от того места, где тебя нашли Фаты, была убита твоя мать, Джамизель».

На мгновение знакомый образ промелькнул в памяти Джаро: сухопарый силуэт в черной шляпе и черном сюртуке на фоне сумеречного неба. «В этом отношении Фаты были одержимы секретностью. Они считали, что, как только я узнал бы, откуда меня привезли на Галлингейл, я тут же отправился бы в космос, даже если бы мне пришлось пробраться зайцем на звездолет. И они были правы — я так и сделал бы. На этот счет не осталось никаких записей, все уничтожено. Я искал эти сведения много лет без малейшего успеха. Главным образом, насколько я понимаю, в этом повинен Хильер. Если Хильер вбивал себе

что-нибудь в голову, ничто не могло его переубедить».

«Мы снова займемся поисками, — отозвался Мэйхак. — Меня тоже трудно остановить, если я что-нибудь вобью себе в голову. Что-нибудь да найдется». Он посмотрел вокруг: «Я вижу, ты выбросил старую мебель, хотя подсвечники остались».

«С ними я не мог расстаться. Альтер в них души не чаяла».

«И намечается капитальный ремонт?»

«Не уверен. Когда у тебя будет подходящее настроение, посоветуй мне что-нибудь на этот счет».

«Налей мне еще этого прекрасного вина! Хильер разбирался в винах. А мои советы могут создать больше проблем, чем решить. Тем не менее, я тебя выслушаю и дам тебе знать, если произойдет редкое событие и у меня в голове появится какая-нибудь мысль».

«Сейчас?»

«Почему нет? Я уже согрелся».

Джаро снова наполнил бокалы и рассказал Мэйхаку о попытках Форби Мильдуне купить Приют Сильфид и о том, как Скирль Хутценрайтер обнаружила чертежи проекта «Левиан зарда», распространявшегося на огромную территорию, включавшую все пятьсот акров. унаследованные Джаро. Он рассказал отцу о Лиссель Биннок и ее отчаянных методах приобретения недвижимости. «Она проявляла завидную настойчивость, до поры до времени, — заметил Джаро, вспоминая о недавнем эпизоде. — Бедняжка Лиссель! Она пыталась меня соблазнить, но в ее воображении процесс соблазнения позволял ей выйти сухой из воды. Все это было очень странно. Если бы я подписал ее бумагу, Форби Мильдун воспользовался бы моим опционом, чтобы выудить из Гильфонга Рюта космическую яхту «Фарсанг». Когда мне позвонил Абель Шелкович, Лиссель убежала в панике». Джаро поведал Мэйхаку о визите Шелковича и о его предложениях от имени корпорации «Лумилар вистас»: «В конечном счете он даже стал мне угрожать, в довольно-таки недвусмысленных выражениях. Сегодня у меня был интересный вечер».

Мэйхак поднялся на ноги: «Если ты предложишь мне и Гэйнгу Нейтцбеку помочь тебе разобраться с корпорацией «Лумилар вистас», думаю, тебе больше не придется беспокоиться по поводу угроз господина Шелковича».

«Считайте, что я вам это предложил».

«Очень хорошо, — сказал Мэйхак. — Мы рассмотрим этот вопрос. А теперь — где я буду спать?»

Наутро, за завтраком, Мэйхак рассказал наконец об обстоятельствах, которые привели его на Галлингейл:

«Я родился и вырос в большом двухэтажном доме в зажиточном квартале поселка под наименованием Крэй на относительно малонаселенной равнине планеты Пагхорн, в секторе Овна. Мои родители были люди образованные; по сути дела, отец работал директором местной начальной школы, а мать — медсестрой в той же школе. Сами они были уроженцами планеты Фазис, тоже в секторе Овна, и происходили из высших слоев общества. Никогда не понимал, что привело их в Крэй, на край Долгого болота, то есть практически во все забытые места посреди безлюдных просторов. Я был младшим из пяти детей — у меня были четыре сестры. Наш дом считался лучшим в поселке, за исключением усадьбы Васвальда, хозяина салуна. Мать решительно намеревалась воспитать нас в самых благородных традициях, руководствуясь «Справочником изящных манер» некоего Годфруа. Садясь за стол, мы всякий раз должны были пользоваться полным набором столовых приборов, тогда как местные жители довольствовались ложками и поварешками, не считая так называемых «щелкунов» для вскрытия панцирей вареных болотных червей. Хорошо помню местную деревенщину: все они были неотесанные хамы, — Мэйхак рассмеялся. — Обитатели Крэя придумали замечательную игру. Днем девушки и молодые женщины могли чувствовать себя в безопасности, но по ночам деревенские парни надевали маски и шныряли по улицам в поисках особ женского пола, а те, будучи не прочь поискать приключений, тоже надевали маски и выходили на улицу. Должен заметить, что никакого насилия не было — если девушке или женщине нужно было выйти на улицу после наступления темноты просто по своим делам, ей достаточно было не надевать маску, брать с собой фонарь и убедительно протестовать; в таком случае она, как правило, отделялась шлепком по заду и шла своей дорогой. Никто, по сути дела, не становился жертвой против воли. Моим сестрам, само собой, не разрешалось выходить на улицу без сопровождения. Когда мне исполнилось шестнадцать лет, меня отправили на Фазис, навестить родственников. Мне предложили работать стюардом на борту трампового грузового корабля — я принял предложение и больше никогда не возвращался на Пагхорн. К своему стыду, даже не знаю, что стало с моей семьей. Так началась моя карьера.

Через несколько лет я уже служил помощником капитана на очередном грузовом суденышке под названием «Дистилькорд», а капитаном у нас был Пэддо Парк. На планете Делия мы опорожнили трюм, но экспедитор не смог ничего предложить для дальнейшей перевозки. Капитан Пэддо послал меня и Гэйнга Нейтцбека поискать кого-нибудь, кто нуждался в отправке товаров, по провинциальным городкам. Вернувшись, мы застали на борту банду грабителей — они убили капитана и стюарда и собирались угнать корабль. Мы с Гэйнгом расправились с бандитами и похоронили капитана Пэддо и стюарда, после чего погрузили все, что нам удалось наскрести в провинции, и улетели с Делии. Из всей команды остались только я и Нейтцбек. У Пэддо Парка не было родной души во всей Вселенной, так что с тех пор Гэйнг и я фактически стали владельцами «Дистилькорда».

При первой возможности мы обзавелись надлежащими бумагами, зарегистрировали «Дистилькорд» от своего имени и занялись перевозкой любых подвернувшихся грузов.

Дела у нас шли неплохо, и мы — по сути дела, молодые бродяги, кипевшие избытком энергии — развлекались на всю катушку. В один прекрасный день мы приземлились в Лури, главном космическом порту Нило-Мэя, единственной планеты звезды Чайная Роза. И с этого начались все наши неприятности».

Зазвонил телефон.

Джаро вышел в другую комнату, чтобы ответить на вызов, и вскоре вернулся. «Мне нужно срочно встретиться кое с кем в Танете, — смущенно сказал он. — Я вернусь через час. Ты меня подождешь? Я обязательно должен узнать все, что ты можешь рассказать».

«Никаких проблем. Я пока что распакую поклажу».

Джаро поехал на старой машине в город — по проспекту Фламариона мимо Института, потом по дороге на Вилью и вверх по Лесмондскому проезду к Сассунскому Эйри. У обочины его ждала Скирль — рядом, на тротуаре, стояли два небольших саквояжа. На девушке были темно-синий жакет и короткая темно-синяя юбка; она стояла выпрямившись, как по стойке «смирно», с напряженным и серьезным лицом. Джаро подъехал к обочине. Они взглянули друг на друга, старательно скрывая эмоции. Джаро выскочил из машины и погрузил в нее багаж девушки: «Это все? У тебя не осталось почти никакого гардероба?»

«Это все, что мне позволили взять охранники. По их словам, руководство банка приказало не отдавать мне ничего, кроме самых необходимых личных вещей».

«Странно!»

Скирль безразлично пожала плечами: «Мне пришлось оставить кое-какие памятные безделушки, но это не имеет значения. Банкиры разозлились, потому что я отказалась платить долги моего отца, объясняя это той неубедительной с их точки зрения причиной, что у меня нет денег».

Джаро только удивленно покачал головой и открыл дверь машины. Скирль забралась внутрь, и они поехали вниз по Лесмондскому проезду.

Скирль сказала: «Я не могла оставаться в клубе; их терпение не бесконечно. Так как ты теперь один в Приюте Сильфид и о тебе некому позаботиться, я решила узнать, не потребуется ли тебе домохозяйка».

«Считай, что я тебя нанял, — ответил Джаро. — Ты можешь спать со мной или в большой спальне с отдельной ванной — как тебе понравится».

«Глупые шутки! — отрезала Скирль. — Я хотела бы, чтобы моя личная жизнь оставалась по возможности неприкосновенной».

«Как тебе угодно. Обязанностей у тебя будет немного. Сейчас у меня гостит еще один человек. Втроем мы без труда справимся с уборкой и всем остальным».

«Кто у тебя гостит?»

«Астронавт по имени Тоун Мэйхак». Джаро помолчал, после чего прибавил: «Он — мой отец».

Скирль с сомнением покосилась на него: «Ты опять что-то придумываешь?»

«Ни в коем случае!»

«Тогда это неожиданная новость, мягко говоря».

«Именно так! Когда я об этом узнал, моему удивлению не было предела».

«А как ты об этом узнал».

«От Гэйнга Нейтцбека».

«Любопытно. Какой он, твой отец?»

«Его трудно описать в двух словах. Он хорошо разбирается во многих вещах, порой в самых необычных вещах. Ты когда-нибудь слышала о «квакгорне»? Нет? Ну ладно, это несущественно. Мэйхак — немногословный, даже замкнутый человек, но игнорировать его невозможно».

«Похоже на то, что ты им восхищаешься».

«Это правда. Он этого заслуживает».

«Господин Мэйхак вхож в какие-нибудь престижные клубы? Или он инопланетный вельможа?»

«Ни то, ни другое — насколько мне известно».

«Жаль!»

«Я бы не сказал, что он вызывает сожаление. Жаль, однако, что он небогат».

«Значит, он беден?»

«Нищим его тоже нельзя назвать. Но в данный момент у меня, наверное, больше денег, чем у него».

«И ты совершенно уверен в том, что твои представления о нем соответствуют действительности?»

Джаро задумался: «Не думаю, что я стал жертвой мошенничества. По меньшей мере, Мэйхак еще не пытался занять у меня деньги».

«Он объяснил тебе, что происходило на протяжении первых шести лет твоей жизни?»

«Он не знает всего. Он не знает, где именно Фаты меня нашли. Мне придется каким-то образом самому это выяснить».

«Гм. И когда ты начнешь поиски?»

«Я просмотрел все записи и дневники, какие смог найти. В них ничего нет. Тем не менее, рано или поздно что-нибудь попадется».

«И тогда?»

«Встает денежный вопрос. У меня есть доход, но его недостаточно для космических розысков».

«В качестве частного следователя-исполнителя я буду зарабатывать большие деньги, — решительно заявила Скирль. — Мне может потребоваться помощь. Если ты не прочь со мной сотрудничать, такое сотрудничество может оказаться прибыльным».

«Это долгосрочная перспектива».

«Возможно. Но не обязательно».

«Ты имеешь в виду, что мы станем партнерами?»

Скирль холодно рассмеялась: «Ни в коем случае! Если ты будешь работать под моим руководством, тебе будут поручены дела, слишком вульгарные и нечистоплотные, чтобы они могли интересовать исполнительного директора — то есть меня».

«Прямолинейный подход, нечего сказать. Мне придется подумать о твоём предложении».

Они прибыли в Приют Сильфид. Джаро выгрузил багаж девушки; Мэйхак вышел, чтобы помочь. Джаро представил Скирль Хутценрайтер Тоуну Мэйхаку, после чего отнес ее багаж в отведенную ей комнату.

Джаро повернулся к Скирли: «Когда ты позвонила, Мэйхак рассказывал об интересующих меня событиях. Я хотел бы выслушать его до конца. Если хочешь, можешь к нам присоединиться».

«Разумеется, — сказала Скирль. — Но сначала, если не возражаешь, я заварю чай».

Они расселись в старой гостиной; Скирль налила всем чаю и поставила на стол блюдо с ореховым печеньем.

Джаро сказал ей: «Ты пропустила начало биографии Мэйхака. Он родился в поселке Крэй, на окраине Долгого болота на планете в секторе Овна. Он стал астронавтом в шестнадцатилетнем возрасте. Через несколько лет он и Гэйнг Нейтцбек стали владельцами

старого грузового космического корабля под наименованием «Дистилькорд». В свое время они приземлились на планете Нило-Мэй в системе звезды Чайная Роза где-то на краю Ойкумены. Там, по словам Мэйхака, начались все его неприятности. Я правильно понимаю?»

«Совершенно верно, — сказал Мэйхак. — Должен заметить, однако, что Чайная Роза находится не только на краю Ойкумены, но и фактически на краю Галактики — за ней нет никаких других звезд, только бездна пустоты».

Мэйхак продолжил рассказ: «До прибытия на Нило-Мэй мы с Гэйнгом Нейтцбеком вели приятную жизнь, перелетая с одной планеты на другую, от одной звезды к другой без определенного плана, в зависимости от того, куда требовалось доставить очередной груз. В каждом новом порту мы находили необычные цвета, странные запахи, новые сочетания звуков, достойные удивления флору и фауну, а также незнакомые человеческие обычаи. Мы научились иметь дело с торговцами, применявшими настолько изобретательные трюки, что их жертвам доставляло удовольствие быть обманутыми. Вокруг говорили на диалектах, уже настолько отличавшихся от стандартного ойкуменического жаргона, что они с трудом поддавались пониманию. Постоянная бдительность была совершенно необходима; от нее не только зависела наша прибыль, без нее мы не дожили бы до утра. Самые неожиданные и невероятные опасности чаще всего подстерегали нас тогда, когда мы навлекали их на себя сами — увлекаясь азартными играми, в которых еще не успели разобраться, или проявляя чрезмерный интерес к дочери хозяина гостиницы.

В космопорт Хедвига на Трясной планете мы прилетели с грузом универсальных переносных инструментов со сменными насадками и силовым приводом. Оказалось, однако, что грузополучатель обанкротился. Итоговая сумма импортных налогов, платы за хранение, портовых сборов, таможенных сборов, неизбежных взяток и пошлин превышала стоимость товаров как таковых, в связи с чем выгружать их не имело смысла, причем «Дистилькорду» разрешили оставаться в порту не больше четырех часов. Мы покинули Трясную планету и взяли курс на самую удаленную область Галактики из всех, какие нам привелось посетить».

Мэйхак помолчал, пока Скирль наполняла его опустевшую чашку. Джаро спросил: не желает ли он выпить чего-нибудь покрепче — например, бокал «Долины Эстрезас» или, может быть, стаканчик старого ржаного виски, которое Хильер называл «нектаром богов»?

Мэйхак заявил, что предпочитает с утра не пить ничего спиртного; Скирль тоже отказалась. Мэйхак снова приступил к изложению событий.

«Дистилькорд» обогнул Чайную Розу, приблизился к планете Нило-Мэй и приземлился в Лури, единственном населенном пункте планеты, где был космический порт. Лури оказался не более чем поселком, приютившимся в тени огромных деревьев, с длинной главной улицей, кончавшейся ветхим космическим терминалом.

Таможенных формальностей здесь почти не было, и Мэйхак с Нейтцбеком вскоре получили возможность распорядиться привезенным грузом по своему усмотрению.

Отвечая на расспросы Мэйхака, служащий портового управления сообщил, что в Лури существовали только две фирмы, занимавшиеся перепродажей импортных товаров: экспедиторская контора Лоркина и синдикат Примроза. Служащий сомневался в том, что приедем удастся заключить выгодную сделку: «И контора Лоркина, и синдикат Примроза, если можно так выразиться — «специализированные» фирмы, обслуживающие давно образовавшуюся клиентуру. Тем не менее, кто знает? Попытка — не пытка. Кстати, вот стоит Оберт Ямб из конторы Лоркина. Поговорите с ним — он сможет гораздо подробнее разъяснить положение вещей».

Обернувшись, Мэйхак и Нейтцбек увидели дородного круглолицего субъекта, уже не первой молодости, с жидкими длинными волосами оттенка лежалого яблочного огрызка.

Ямб стоял у доски объявлений и делал какие-то заметки в блокноте, присматриваясь к вывешенным документам.

Два астронавта подошли к нему и представились: «Насколько мы понимаем, вы представляете экспедиторскую контору Лоркина?»

«В каком-то смысле, — ответил Ямб. — По сути дела, фирма контролируется одной персоной, а мы лишь выполняем ее приказы».

«Тем не менее, вы могли бы нам что-нибудь посоветовать. Мы — владельцы грузового судна «Дистилькорд». Мы привезли партию ценных автоматических инструментов и желаем их продать. Контора Лоркина могла бы извлечь существенную прибыль, если она быстро воспользуется такой возможностью и предложит разумную цену. Мы хотели бы избежать необходимости вести длительные переговоры».

«Гм! — Ямб поджал ярко-розовые губы. — Боюсь, вы не совсем понимаете коммерческие методы, предпочитаемые начальницей конторы Лоркина. Возможно, леди Уолдоп согласится принять ваш груз на консигнационной основе, если вы возьмете на себя оплату хранения и размер ее комиссионных не вызовет у вас сердечный приступ. Она может даже закупить товар сразу, но в таком случае, скорее всего, вам придется забыть о так называемой «разумной» цене».

«Предпочтения леди Уолдоп не вызывают энтузиазма, — заметил Мэйхак. — Как насчет синдиката Примроза?»

«Опять же, они могут принять несколько партий товара, если вы подпишете консигнационное соглашение. Синдикат Примроза, по существу — управление кооператива, координирующего импортные и экспортные операции от имени фермеров и небольших предприятий. Каким-то чудом им удается выживать из года в год — надо полагать, существует какой-то спрос на их услуги. Исполнительные директора синдиката Примроза — моя тетка Эстебель Пиди и моя кузина Твилли. Я прекрасно знаю, как они ведут дела, и уверяю вас, что, даже если они по глупости согласятся закупить ваш товар, они не будут настолько глупы, чтобы платить за него вперед».

«И других торговых посредников в Лури нет?»

«Нет. Контора Лоркина иногда приобретает бытовую и ремонтную технику, после чего перепродает ее в других местах. Но не ожидайте выгодной сделки: скупость леди Уолдоп вошла в поговорку».

«В каких «других местах» можно сбыть наши инструменты?»

Ямб ответил неопределенным жестом: «Ну — в разных местах, в отдаленных районах».

«Где могут находиться столь отдаленные районы? Мы, кажется, уже на краю Ойкумены».

Ямб поморщился — в нем явно боролись противоречивые стремления поправить Мэйхака, сделавшего ложное допущение, и не раскрывать конфиденциальную коммерческую информацию. Наконец он сказал: «В данный момент не могу больше ничего сказать и надеюсь, что вы не станете предавать гласности тот факт, что я намекнул на существование других рынков сбыта. Леди Уолдоп выгонит меня в шею, если узнает, что я не держал язык за зубами».

«Можете не беспокоиться, мы будем помалкивать».

Ямб задумчиво погладил подбородок: «По сути дела, лучше всего не показывать на людях, что мы уже знакомы. Мне следует заботиться о репутации. Вы понимаете?»

«Прекрасно понимаем. Расскажите подробнее о леди Уолдоп — чтобы мы заранее

знали, какой подход к ней окажется самым эффективным».

«О, эта женщина! Сварливое, напыщенное ничтожество! Тем не менее, одно ее присутствие внушает трепет окружающим — грудь ее надвигается на собеседника с неумолимостью ледокола, а ее ягодицы подобны стальным понтонам! Скряга, каких мало, придирается к малейшим нарушениям дисциплины! А если нарушений нет, она их придумывает! Прошу не передавать ей мои отзывы, конечно».

«Таким образом, судя по всему, мы вынуждены иметь дело с этой импозантной особой?»

«У вас нет другого выбора — если, конечно, не будет под рукой нынешнего владельца конторы. Его зовут Асрубал, и по сравнению с ним леди Уолдоп — податливая милашка. В нем есть что-то зловещее».

«Придется довольствоваться теми возможностями, какие у нас есть, — заметил Мэйхак. — Если конечно, синдикат Примроза не предложит что-нибудь получше».

«Обращаться в синдикат с вашей стороны не имело бы смысла — им не разрешено торговать на Отмире... — Ямб хлопнул себя по лбу и виновато огляделся по сторонам. — Ну вот, я опять проболтался! Забудьте все, что я сказал».

«Мы ничего не помним».

Ямб вздохнул: «Не забывайте о своей забывчивости! А теперь прошу меня извинить — мне пора».

Согласно авторитетному «Справочнику планет», планета Нило-Мэй была первоначально обнаружена легендарным Вилбуром Вэйли.^[12]

Звезда Чайная Роза, вместе со своей планетой Нило-Мэй, блуждала в бездне пустоты на краю Галактики, почти забытая остальной Ойкуменой.

К востоку от городка Лури возвышались холмы Ху-Ву; к западу, за пятнадцать километровами солоноватой трясины, начинался залив Бисмольда. На плодородных землях к югу и к северу от Лури расположились фермы и прочие сельскохозяйственные предприятия. За исключением самого городка, его окрестностей и нескольких разрозненных отдаленных промысловых лагерей, планета оставалась незаселенной человеком, а ее дикая природа — нетронутой и почти неизведанной.

Весь этот мир опоясывала экваториальная пустыня, пересеченная несколькими естественными протоками, соединявшими мелководные океаны, северный и южный. Странные маслянистые реки начинались в верховьях гор на краю пустыни и орошали извилинами и старицами леса пустоствольных деревьев и гигантских псевдохвощей с пушистыми разноцветными кронами. Дальше простирались топи, усеянные плавучими островками ватной травы и порослями чернопалочника. Жесткими стеблями чернопалочника поддерживались розовато-оранжевые площадки сросшихся листьев, на которых плясали и кувыркались похожие на ящериц твари, прыгавшие с одной площадки на другую. Существа эти нередко строили из волокон и клейкой растительной слизи конические сооружения высотой больше десяти метров. Головы ящериц появлялись в небольших круглых отверстиях стенок конусов, озирались по сторонам и рывком исчезали в темной глубине.

Над трясинами, параллельно экватору, хмурились завесы непрерывного дождя, питаемые грядками черных туч — пассаты сгоняли эти тучи с юга и с севера, заставляя их сталкиваться и смыкаться, поднимаясь высоко в верхние слои атмосферы, где они закручивались вихрем и устремлялись обратно к полюсам. Топи по краям пустыни и вдоль рек кишели жизнью — шарообразными сплетениями белых червей, пританцовывающими на перепончатых ступнях андроморфами с зелеными жабрами и глазами на концах длинных, многократно сочлененных рук, похожими на морских звезд пентаподами, осторожно, словно на цыпочках, передвигавшимися на семиметровых тонких конечностях, тварями, будто состоящими только из пасти и хвоста, а также медлительно переваливающимися грудками хряща с просвечивающими снизу розовыми ребрами.

Обитатели Лури — в общей сложности примерно семь тысяч человек — руководствовались в своем существовании принципами сдержанности и умеренности, то есть отвергали всякую спешку, напряжение и нарушающие спокойствие амбиции. Приезжие нередко с завистью отзывались о «невозмутимом хладнокровии» местных жителей, тогда как посетители иного темперамента позволяли себе характеризовать те же привычки как «апатию» и «лень».

Постройки городка Лури в совокупности создавали единственное в своем роде, даже гротескное впечатление, хотя каждое сооружение в отдельности трудно было назвать достопримечательным. Архитектура отличалась единообразием: на пористых досках стен,

вырезанных из стволов дендронов и скрепленных застывшим соком тех же дендронов, держались девятигранные крыши, увенчанные, в свою очередь, теми или иными чугунными украшениями по вкусу владельца — флюгерами, горгульями, ветряками, купелями-талисманами и т. п. Вдоль главной улицы расположились коммерческие предприятия: Натуральный банк, отель «Душистый», продуктовый магазин Каддера, экспедиторская контора Лоркина, хозяйственный магазин «Техмарт», «Освежительный приют Пьюрифоя», салон «Бон-Тон» и отделение МСБР пятого разряда, где работали два местных рекрута, а также, ближе к окраине, синдикат Примроза. На задних дворах и в промежутках между домами росли высокие дендроны, дававшие тень и испускавшие легкий острый запах, напоминавший о сухом тертом перце.

Мэйхак и Нейтцбек задержались у «Освежительного приюта Пьюрифоя» и сели снаружи у входа, в тени черной и зеленой листвы. Маленькая девочка, в длинном платье до щиколоток из коричневого муслина, выглянула из темного дверного проема и подвергла незнакомцев внимательной инспекции, после чего храбро вышла наружу, спросила, не желают ли они выпить или закусить, и через некоторое время вернулась с глиняными кружками пива.

По местному времени, судя по положению в небе Чайной Розы, было около полудня. Местное солнце почти не слепило глаза, озаряя пространство безмятежным светом, обманчиво искажавшим перспективу. На улице было тихо. Местные жители спокойно шли по своим делам, бесшумно ступая по мостовой мягкими туфлями. Некоторые брели, наклонив голову и заложив руки за спину, словно погруженные в отвлеченные расчеты; другие время от времени присаживались на скамьи, чтобы поразмышлять о планах на сегодняшний день. По-видимому, обитатели Лури не отличались ни общительностью, ни разговорчивостью. Встречаясь на улице, прохожие с подозрением косились друг на друга из-под полуопущенных век. Когда сходились друзья или сослуживцы и общение становилось необходимым, они сначала оглядывались по сторонам, после чего переговаривались осторожно, вполголоса, словно сообщая друг другу важные секреты. Создавалось впечатление, что Лури кишел подспудными интригами. Над улицей пролетели три розовые птицы с длинными клювами и черными хохолками на шеях. Их крылья, узкие, но удивительно длинные, почти не шевелились. Птицы эти издавали в полете резкие беспорядочные крики — самые громкие звуки, раздававшиеся в Лури.

Сидя в тени перед входом в заведение Пьюрифоя, Мэйхак и Нейтцбек могли наблюдать, через большое окно в стене дома напротив, за происходящим в экспедиторской конторе Лоркина. Во мгле внутреннего помещения расхаживала, размахивая руками — явно обращаясь к кому-то невидимому — высокая широкоплечая женщина с экстраординарным бюстом.

«Надо полагать, это леди Уолдоп», — заметил Мэйхак.

«С ней шутки плохи, сразу видно!» — отозвался Нейтцбек.

«Она чем-то взволнована или возмущена, — продолжал Мэйхак. — Скорее всего, Оберт Ямб опять каким-то образом нарушил устав и теперь горько сожалеет о своей ошибке». Мэйхак опрокинул в рот остатки пива: «Ты готов ей представиться?»

Гэйнг Нейтцбек поднял тяжелую кружку и тоже допил пиво: «Думаю, оттягивать этот неприятный момент не имеет смысла».

Они пересекли улицу и зашли в управление конторы Лоркина. Леди Уолдоп, продолжавшая расхаживать из угла в угол, остановилась посреди помещения и развернулась

на каблуках лицом к посетителям, откинув голову и выпятив величественный бюст. Оберт Ямб сгорбился за столом у противоположной стены, внося какие-то заметки в раскрытый журнал. Он украдкой взглянул на двух астронавтов и вернулся к работе. Леди Уолдоп пронзила новоприбывших сверкающими глазами, близко посаженными по сторонам длинного тонкого носа: «Что вам угодно, господа?»

Мэйхак разъяснил, что привело их в экспедиторскую контору. Выслушав несколько фраз, леди Уолдоп оборвала его, разрубив воздух ладонью: «Нам не нужны финтифлюшки и безделушки. Мы не какие-нибудь мелочные торгаши. Контора Лоркина — respectable посредник, поставляющий существенные ценные товары».

Из темного угла послышался голос Ямба: «Леди Уолдоп, позволю себе напомнить, что владелец упомянул о переполнении складов продукцией, ожидающей отправки».

«Довольно! — отрезала начальница. — Ваши рекомендации не относятся к делу». Она снова повернулась к Мэйхаку и Нейтцбеку: «Вы принесли с собой образцы?»

«Я принес только один инструмент, — Нейтцбек продемонстрировал небольшое устройство. — Это дырокол. Достаточно прикоснуться его гильзой к любой твердой поверхности — камня, дерева, металла или синтетического материала — и нажать вот эту кнопку. В материале будет проделано отверстие заданного диаметра и заданной глубины. Затем, если таково ваше намерение, вы можете смазать хвостовик резьбового стержня клеящим составом и вставить стержень в отверстие: он будет надежно закреплен. Вместо стержня можно использовать рым-болт или крюк. Специальный набор принадлежностей позволяет быстро закреплять на стене створку дверной петли. Это простой и эффективный инструмент, для обращения с ним не требуется предварительная подготовка».

«И сколько вы ожидаете получить за партию таких орудий?»

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Мы привезли четыре с половиной тысячи инструментов. В розничной продаже за каждый дают от восьми до десяти сольдо. Мы хотели бы получить пятнадцать тысяч за весь груз».

«Ха-ха! Еще чего! — начальница поманила пальцем Ямба. — Сходите с этими господами к их кораблю и сделайте подробную перепись всего, что они предлагают, учитывая назначение и состояние изделий».

«Для того, чтобы не тратить время зря, — вмешался Мэйхак, — было бы полезно узнать, сколько вы согласились бы предложить за весь груз, если его состояние вас удовлетворит?»

Леди Уолдоп пожалала плечами: «Я могла бы предложить две или даже три тысячи. Здесь, на краю Ойкумены, нет других рынков сбыта — можете быть уверены в том, что моя цена справедлива».

«Мы могли бы продать инструменты на Отмире», — заметил Мэйхак.

Голова леди Уолдоп откинулась назад пуще прежнего. «Кто сообщил вам об Отмире?» — резко спросила она.

«В космопорте можно узнать все, что угодно».

«Бессмысленные сплетни! Тем, кто их распространяет, следовало бы знать, что контора Лоркина — единственный коммерческий посредник, получивший концессию на любые импортные и экспортные перевозки, связанные с Отмиром. Настоятельно рекомендую вам не пытаться нарушать давно установленный порядок торговли с этой планетой».

«Если вы не можете предложить больше трех тысяч сольдо, мы не будем больше отнимать ваше время».

Мэйхак и Нейтцбек покинули экспедиторскую контору Лоркина и прошли дальше по главной улице к синдикату Примроза. Распахнув дверь из пористого дерева, они вступили в длинное узкое помещение, полутемное и отдающее кисло-сладким духом неизвестных пряностей, ароматических пород дерева и выделанной кожи, а также, несомненно, копившихся десятилетиями пыли и плесени. Слева, за стойкой, приземистая пухлая молодая особа сортировала сушеные бобы, заполняя ими соответствующие емкости. Ее светлые волосы были связаны в узел на затылке; у нее были широкие скулы и подбородок, комковатый нос и маленький ярко-розовый рот.

Рядом, на стойке, стояла табличка:

«Леди Эстебель Пиди, заведующая.»

Сортировщица бобов была чем-то огорчена и не замечала посетителей, пока Мэйхак не спросил: «Вы — заведующая?»

Нахмурившись, молодая особа подняла голову и указала пальцем на табличку: «Вы что, читать не умеете? Заведующая здесь — Эбби. А я — Тви Пиди, координатор развития сбыта и межпланетных операций».

«Прошу прощения, — откликнулся Мэйхак. — Где, в таком случае, можно найти заведующую?»

В другом конце помещения, почти незаметная в тени, сидела женщина постарше, тоже широкоскулая, с длинными седеющими волосами, напоминавшими волосы Оберта Ямба. Она поднялась и вышла навстречу: «Я — Эстебель Пиди, заведующая всем, чем здесь приходится заведовать, то есть очень немногим».

Мэйхак снова разъяснил свое предложение. И снова его пояснения не вызвали положительную реакцию. Эстебель Пиди не интересовалась крупными сделками: «Мы представляем местных торговцев, импортирующих самое необходимое и экспортирующих то, что им удастся добыть или вырастить в глуши. Мы перепродаем только небольшие партии товаров — и этого нам едва хватает, чтобы держаться на плаву. Мы не можем конкурировать с конторой Лоркина, заключившей контракт с инопланетными клиентами, готовыми переплачивать, лишь бы не заниматься покупками самостоятельно».

«Ниоткуда не следует, что мы не могли бы с ними конкурировать! — презрительно вмешалась Тви Пиди. — Если верить Оберту, возможностей там хоть отбавляй».

«Так почему же вы этим не займетесь?» — спросил Нейтцбек.

«Потому что это не так просто, — ответила Эстебель Пиди. — У конторы Лоркина два собственных корабля, «Лилиом» и «Одри-Антей»; они совершают челночные рейсы на Отмир и обратно, перевозя грузы в обоих направлениях. А у нас нет даже приличного аэромобиля — в нашем драндулете трава растет».

«Я сказал леди Уолдоп, что мы могли бы сами доставить товар на Отмир, — заметил Мэйхак. — Ее это почему-то очень встревожило. Как вы думаете, почему?»

Тви Пиди снова оторвалась от сортировки бобов: «Как то есть почему? Они не хотят, чтобы кто-нибудь еще торговал с Отмиром! Ведь если вы сами отвезете товар на Отмир, вы сможете сами устанавливать цены».

«Роумы — странный народ, если судить по Асрубалу дин-Урду, — примирительно сказала леди Эстебель. — Гордость не позволяет им торговаться; они высокомерно платят любую цену, сколько ни запросят. У меня есть сведения из надежного источника».

«Именно поэтому стерва Уолдоп отгоняет любых возможных конкурентов от заказчиков на Отмире, как сторожевой пес! — раздраженно обронила Тви Пиди. — Никому другому не позволено стричь золотое руно с этого драгоценного барана — такова основа благополучия конторы Лоркина!»

«Как они могут помешать нам доставить товар на Отмир? Они контролируют там космический порт?»

«На Отмире один космический порт — в месте под наименованием Флад. Он общедоступен, но что с того? От Ромарта, где находят сбыт товары, его отделяют три тысячи километров, а дорогу туда знают только посвященные. Во Фладе вы окажетесь одни посреди безлюдной пустоши, и никто у вас ничего не купит. А если вы отойдете от космопорта на сотню шагов, вас могут похитить локлоры — и тогда вам придется «плясать с бабами», как они выражаются».

«Почему же товары не доставляются прямо в Ромарт?»

«Это запрещено. Даже конторе Лоркина приходится получать специальное разрешение, если совершенно необходимо доставить груз прямо в Ромарт».

«Значит, это возможно».

«Возможно — если вам выдадут особое разрешение, что делается очень редко. Роумы превыше всего ценят роскошное одиночество; кроме того, они боятся, что инопланетяне станут снабжать локлоров оружием».

«И где можно получить такое разрешение?»

«В Ромарте, разумеется, где еще? Но зачем такие сложности?»

«Здесь нет никакой тайны, — сказал Мэйхак. — Есть большая разница между двумя или тремя тысячами сольдо, предложенными леди Уолдоп, и пятнадцатью или двадцатью тысячами, которые мы можем получить от щедрых роумов. Для нас Отмир — всего лишь еще один порт назначения».

Эстебель начинала терять терпение: «Время — деньги. Мы больше не можем ничего сказать».

Тви Пиди с возмущением выпалила: «Что верно, то верно! Если бы все было по справедливости, вы должны были бы заплатить нам за консультацию!»

Мэйхак расплылся в самой неотразимой улыбке: «Еще один, последний вопрос — мы не посмеем задать его леди Уолдоп».

«Ну хорошо, — вздохнула Эстебель Пиди. — Что еще?»

«После того, как мы вылетим из Лури, как мы найдем Отмир?»

«Когда зайдет солнце, выйдите на улицу, — сказала Эстебель Пиди, — и посмотрите на небо. С одной стороны небо будет пестреть звездами Галактики. С другой вы увидите черную пустоту, и в ней — одну единственную звезду. Эта звезда — Ночной Огонь, и у нее одна планета — Отмир».

Оставив за кормой Чайную Розу, «Дистилькорд» взял курс в направлении, противоположном сиянию Галактики — в бездну пустоты. Далеко впереди мерцал Ночной Огонь — звезда, блуждающая без орбиты и без пристанища, сбежавшая от притяжения Млечного Пути и выбравшая одиночество свободы.

Шло время. Ночной Огонь становился ярче, и наконец «Дистилькорд» приблизился к его планете. Мэйхак не нашел наименование «Отмир» в «Справочнике планет». В других справочниках о нем тоже не упоминалось. Согласно показаниям бортового макроскопа, диаметр планеты был несколько меньше земного, а сила притяжения на ней примерно равнялась земной. Единственный континент занимал бóльшую часть южного полушария^[13] — всю остальную поверхность планеты покрывал океан. Зубчатый южный край континента окаймляли горы, густой темный лес покрывал центральную холмистую равнину, а от нее на север, на запад и на восток простирались бескрайние степи. Сначала с орбиты не было заметно никаких признаков Ромарта или какого-либо другого города. Внимательно изучив поверхность континента, Мэйхак в конце концов обнаружил в лесу скопление белых сооружений, замаскированных деревьями, растущими между постройками и вдоль улиц. Местонахождение Флада, космического порта, было гораздо легче определить благодаря радиомаяку, установленному посреди северной степи. Макроскоп позволял разглядеть безлюдную группу покосившихся от ветра сараев и складов. Мэйхак передал извещение о прибытии корабля, но не получил ответа. Он сделал еще одну попытку связаться с космопортом, опять безуспешно. Не теряя времени зря, он посадил «Дистилькорд» на площадку рядом со строением, явно служившим терминалом или диспетчерским пунктом. По обеим сторонам терминала находились склады, что-то вроде общежития или барака для персонала, ангар, явно время от времени использовавшийся в качестве ремонтной мастерской, и навесы различного назначения — все они выглядели в той или иной степени ветхими и запущенными. Во все стороны расстилалась степь, и только одна колея вела на юг.

Здание терминала безмолвно пеклось под знойными солнечными лучами. Никто не вышел инспектировать «Дистилькорд».

Спустившись по трапу, Мэйхак и Нейтцбек заметили в открытых воротах мастерской высокого чернобородого субъекта с копной спутанных черных кудрей, без особого любопытства наблюдавшего за тем, как они направлялись по взлетному полю к диспетчерскому пункту. Толкнув дверь из спеченного шлака, Мэйхак и Нейтцбек вошли в пыльный вестибюль. В помещении был только один человек — он развалился в кресле за стойкой в полной прострации, сложив руки на груди и явно погружившись в глубокие размышления. Человек этот, тощий и уже не молодой, отличался свойственной философам бледностью и аскетическими чертами лица с презрительно опущенными уголками рта. «Странно, — подумал Мэйхак, — что такого рода интеллектual сидит за стойкой вестибюля в безлюдном космическом терминале на всеми забытой планете!»

Заведующий терминалом — если такова была его должность — заметил присутствие Мэйхака и Нейтцбека. Лицо его изменилось; по-видимому, он дремал с открытыми глазами. Поднявшись на ноги, он выглянул в окно и явно удивился, увидев «Дистилькорд».

Повернувшись к новоприбывшим, он произнес: «Это не «Лилиом» и не «Одри-Антей». Кто вы такие?»

«Наш корабль называется «Дистилькорд»», — Мэйхак предъявил регистрационные документы. Заведующий бегло просмотрел их без всякого интереса, но еще внимательнее разглядел Мэйхака и Нейтцбека с головы до ног: «Значит, вы не из конторы Лоркина?»

«Нет. Мы представляем только самих себя».

«Зачем же вы прилетели на Отмир? Вы проделали далекий путь».

«Мы привезли партию карманных инструментов и надеемся продать их в Ромарте».

«Это оружие? — с сомнением спросил заведующий. — Их можно использовать как оружие?»

«Совершенно исключено! Они предназначены исключительно для строительства и ремонта. Мы хотели бы сбыть груз в Ромарте — это было бы полезно и эффективно».

Заведующий кисло улыбнулся: «Будучи сформулировано таким образом, ваше предложение не произведет желаемого впечатления в Ромарте. Роумы не работают; следовательно, никто из них не беспокоится о полезности или эффективности».

«Это было бы полезно для нас, — нетерпеливо вмешался Нейтцбек. — Можем ли мы приземлиться в Ромарте?»

Заведующий покачал головой: «Не можете — без особого разрешения. Если вы приземлитесь без разрешения, вас сразу арестуют, и вы потеряете свой груз и свой корабль».

«В таком случае, будьте добры, выдайте необходимое разрешение».

И снова заведующий покачал головой: «Это не так просто. У меня нет никаких полномочий, я не могу принимать никаких решений — сюда меня сослали в виде наказания, чтобы я поразмыслил на досуге. К счастью, срок изгнания подошел к концу».

«Кто же тогда уполномочен принимать решения?» — поинтересовался Мэйхак.

Заведующий погладил подбородок: «Единственный человек, у которого здесь есть какие-то полномочия — Арслоу. Он в мастерской».

«Чернобородый непричесанный тип?»

«Он самый. Несговорчивый человек, должен заметить. Так же, как и вы, он с какой-то другой планеты. Когда ему что-нибудь нужно, он связывается с Асрубалом по радио; но даже он ничего не сможет для вас сделать. Разрешение можно получить только непосредственно в Ромарте».

«Как же мы получим разрешение, если нам не дают за ним прилететь?» — ворчливо спросил Нейтцбек.

«Ага! — воскликнул заведующий. — Вам кажется, что вы столкнулись с неразрешимым противоречием, но вы ошибаетесь. Вам придется съездить в Ромарт за разрешением, а потом вернуться».

«Понятно, — кивнул Нейтцбек. — Мы слетаем туда на аэромобиле».

«Не получится, — вздохнул заведующий. — На Отмире самые простые вещи становятся сложными. Использование летательных аппаратов тоже запрещено».

«Почему же?»

«Потому что аэромобиль может попасть в руки локлоров и превратиться в опасное оружие. Они и так уже причиняют слишком много вреда — мы внимательно следим за тем, чтобы у них не было никакого оружия и никакого оборудования, позволяющего совершать нападения. Если вы хотите поехать в Ромарт, вам придется воспользоваться обычным транспортом, как всем остальным. Завтра утром из Флада отправляется поезд, —

заведующий впервые проявил какие-то признаки оживления. — Я сам вернусь в Ромарт с этим поездом. Срок моей ссылки истек, и завтра я наконец смогу забыть эту грязную дыру и упрямого осла Арслоу — забыть навсегда, я надеюсь! Конечно, мне придется воздержаться от повторения прежних проступков».

«Чем вы провинились? — любопытствовал Нейтцбек. — Надо полагать, вы...» — Нейтцбек предположил, в непристойных выражениях, что заведующий принудил дочь градоначальника к извращенному половому акту.

«О нет, ничего подобного! Я совершил гораздо более тяжкое преступление. Я позволил себе выразить непопулярные мнения».

Мэйхак и Нейтцбек вернулись к «Дистилькорду» и обсудили возможности. Они могли покинуть Отмир и попытаться продать груз на другой планете — или приложить дополнительные усилия, чтобы сбыть товар в Ромарте. В конце концов они решили, что Мэйхак отправится в Ромарт на поезде, а Нейтцбек останется во Фладе, чтобы сторожить «Дистилькорд» и груз. Такое распределение обязанностей не радовало ни одного из них, но заведующий предупредил, что неохраняемый космический корабль может быть ограблен бандой бродячих локлоров.

Путь в Ромарт занимал от шести до семи суток: три дня по степи Тангцанг и еще три или четыре дня через Вкрадчивый лес. Быстро получив разрешение, Мэйхак мог вернуться через две недели. Получив отказ, Мэйхак все равно собирался вернуться как можно скорее. Тем временем, переносная рация позволяла ему поддерживать связь с Нейтцбеком.

Солнце садилось в сливовой и карминовой чересполосице перистых облаков. Сумерки спустились на Отмир, и скоро настала глухая ночь. С востока на небосклон всплыла большая тусклая луна серебристо-золотого оттенка, а за ней — другая, того же размера и того же цвета. Где-то далеко на юге ночная тварь заливалась диким воем, но через некоторое время смолкла, уступив давящей тишине. Луны потихоньку обогнули небо и скрылись на западе. Прошло несколько часов. Над восточным горизонтом проявилась темно-оранжевая мгла — она светлела и разгоралась, пока не взошло солнце. Собрался поезд: тяжеловесный тягач на шести высоких колесах, пассажирский вагон, служебный вагон и три грузовых платформы. Мэйхак занял место в вагоне. Через полчаса после восхода солнца поезд выехал из Флада, переваливаясь по степи Тангцанг в направлении Ромарта.

Мэйхак оказался в компании четырех попутчиков, считая Бариано дин-Эфрима, бывшего заведующего терминала. Остальные пассажиры — три пожилых роума — происходили из династии Урдов. Они держались особняком и вели себя высокомерно, хотя и сдержанно. Обращаясь к Бариано, они ограничивались холодной, лаконичной вежливостью; заметив Мэйхака, они обменялись вполголоса несколькими словами, после чего полностью игнорировали его присутствие. Мэйхак обнаружил, что друг с другом роумы говорили на незнакомом ему диалекте. Когда в разговоре участвовал Бариано, они пользовались стандартным ойкуменическим лексиконом, хотя произносили слова с сильным акцентом. Как только три старика поднялись в вагон, они заняли отдельный стол в конце салона, разложили на нем какие-то документы и погрузились в их серьезное обсуждение. Бариано сидел в стороне, глядя на проплывающую мимо степь, и Мэйхак последовал его примеру. Смотреть, по сути дела, было не на что. Унылую плоскую равнину оживляли только пологие холмы на горизонте и попадавшееся время от времени одинокое караульное дерево. Поблизости можно было видеть заросли ломкого шиповатого кустарника, грязно-желтые пучки прядильной травы и шелушащиеся пятна лишайника, похожие на высохшие коровьи лепешки.

Через некоторое время Бариано наскучили молчаливые размышления, и он позволил себе вступить в разговор с Мэйхаком, хотя при этом явно чувствовал себя неудобно. Понизив голос, чтобы его не слышали другие, Бариано выразил презрение к трем пожилым пассажирам: «Это мелкая сошка, чиновники низшего ранга — напускают на себя важность,

хотя их полномочия ничтожны. Они регулярно посещают Флад, чтобы проверить финансовую отчетность конторы Лоркина. Разумеется, они никогда не находят никаких погрешностей, не говоря уже о серьезном мошенничестве, так как происходят из той же династии Урдов, что и Асрубал. Вы заметили розовые полосы у них на плечах? Это означает, что они — приверженцы розовой фракции, тогда как фракция династии Эфримов — синяя. В наши дни фракции не имеют былого значения, это отмирающая традиция. Тем не менее, политический раскол дает Урдам повод меня недолюбливать. Кроме того, должен признать, изгнание на космодром подмочило мое рашудо».

«Рашудо?»

«Местное понятие. Его можно истолковывать, как «репутацию» или «самоуважение», а также во многих других смыслах. Психологические мотивы и представления роумов очень сложны — боюсь, вам никогда еще не приходилось иметь дело ни с чем подобным».

Поздно вечером поезд остановила группа из шести кочевников-локлоров. «Они собирают пошину, — объяснил Мэйхаку Бариано. — Ничего не делайте, ничего не говорите. Не проявляйте любопытство. Они не раздражаются, если их не провоцировать».

Глядя в окно, Мэйхак наблюдал за шестью карикатурными созданиями, примерно два с половиной метра ростом, настолько массивными и уродливыми, что они казались почти величественными. Их пегую кожу, темно-желтую с рыжеватыми пятнами, можно было назвать скорее ороговевшей шкурой. Покатые лбы сужались, образуя на черепах костистые гребни, украшенные вживленными короткими шипами. Нижняя половина лица каждого локлора была узкой и сморщенной — под клювообразным носом маленький рот почти терялся в складках, напоминающих хрящ. На кочевниках были маслянистые кожаные передники, черные жилеты-безрукавки и сандалии на железных подковах.

Водитель тягача вручил им шесть больших фляг пива, снабженных ремнями. Перекинув фляги через плечо, локлоры прошли цепочкой мимо вагонов. Злобно покосившись на смотревших в окна пассажиров, кочевники повернули и направились пружинистыми шагами в пустынную степь. Шесть колес тягача возобновили вращение — поезд дрогнул и покатился по сухой колее на юг.

На следующий день появилась еще одна банда локлоров, потребовавшая от водителя пошину в виде пива; это крепкое пиво здесь называли «накнок». Бариано и три чиновника из клана Урдов заметно напряглись. Наклонившись к Мэйхаку, Бариано пробормотал: «Это локлоры из племени стренков — хуже них в степи никого нет. Они могут подойти ближе, чтобы на вас посмотреть: сохраняйте полную неподвижность. Если им что-нибудь не понравится, вас уведут в стойбище и заставят «плясать с бабами» при свете двух бледных лун».

Локлоры, однако, схватили фляги с пивом и отошли в сторону, позволив поезду продолжить путь; пять пассажиров сидели неподвижно, как статуи, старательно глядя в пол.

Через несколько минут пассажиры успокоились. Три чиновника разрядили напряжение, обменявшись гневными замечаниями. Мрачно усмехнувшись, Бариано заметил: «Такова действительность в степи Тангцанг — и, пожалуй, на всем Отмире. Мы больше не контролируем среду обитания, если даже это когда-то нам удавалось».

«У меня есть предложение, — отозвался Мэйхак. — Если вы не возражаете, я могу его высказать».

Брови Бариано высоко взметнулись: «Ага! Судя по всему, мы упустили из вида какую-то простейшую концепцию! К счастью, вы посетили нашу планету, чтобы восполнить это

упущение».

Мэйхак проигнорировал сарказм: «Пара охранников, вооруженных лучеметами, могла бы решить эту проблему».

Бариано задумчиво погладил подбородок: «Ваша идея отличается преимуществом простоты. Мы нанимаем нескольких охранников и снабжаем их импортированными лучеметами. Они сопровождают поезд, расстреливают локлоров и отказывают им в накноке. Пока что все идет хорошо! Но что произойдет, когда поезд отправится в следующий рейс? Локлоры соберутся, например, на Пивосточных утесах, чтобы скатывать валуны по склонам. Вагоны будут разнесены в щепки, охранники и пассажиры убиты. После чего локлоры приберут к рукам лучеметы. В Ромарте поднимется буря негодования, мы организуем карательную экспедицию. Локлоры уйдут в леса, где их невозможно найти. Но они ничего не забывают и ничего не прощают! Они окружают Ромарт, будут проникать в город по ночам и удовлетворять жажду мести. Впоследствии нам придется смириться с неизбежностью и платить пошлину. Ваше предложение, несмотря на его прямолинейность, неосуществимо».

«Возможно, — пожал плечами Мэйхак. — Но у меня есть еще одно предложение. Хотите его выслушать?»

«Выслушаю с величайшим интересом!»

«Если бы вы переместили космопорт в Ромарт, все ваши проблемы были бы решены одновременно».

Бариано кивнул: «Это решение, так же, как и первое, отличается элегантной простотой. Тем не менее, такая мысль уже приходила нам в голову и была отвергнута по фундаментальной причине».

«В чем заключалась причина?»

«В сущности она состоит в том, что мы хотим изолировать Ромарт от Ойкумены. Наши предки бежали как можно дальше из Галактики и пересекли гигантскую пропасть пустоты, чтобы найти Ночной Огонь и его планету. Возможность изоляции была руководящим принципом тогда, на заре нашей истории, и остается им сегодня, в печальные, но славные дни нашего заката».

Мэйхак задумался, после чего сказал: «Значит, в Ромарте преобладает меланхолическая атмосфера?»

Бариано горько усмехнулся: «Неужели мои слова создают столь мрачное впечатление? Не забывайте, что я только что отбыл срок дисциплинарной медитации во Фладе, что, естественно, изрядно испортило мне настроение. Но я — не типичный кавалер-роум,^[14] отбрасывающий любые неприятные мысли, как паразитов, заражающих проказой. Типичный роум создает собственный мир и развивает свои представления в контексте рашудо. Он сосредоточивает все внимание на преходящем мгновении, что, конечно же, разумно. Нет необходимости паниковать; неизбежное еще не наступило, а трагическое величие Ромарта возвышает дух. Тем не менее, фактическое положение дел достойно сожаления. Нас становится все меньше; половина чудесных дворцов пустует — там обитают только кошмарные твари — мы называем их «белыми призраками». Через пару сотен лет — может быть, это займет больше времени, а может быть и меньше — все дворцы опустеют, и роумов больше не будет, за исключением какого-нибудь припозднившегося упряма, бродящего по безлюдным бульварам. В Ромарте воцарится мертвая тишина, нарушаемая лишь мягким шорохом шагов белых призраков, рыщущих по озаренным лунным светом залам древних дворцов».

«Безрадостная перспектива».

«Верно, но мы отгоняем такие мысли с бесстрастной решимостью и посвящаем все свое время изящному искусству существования. Мы лихорадочно стремимся выжать последнюю каплю сознательных ощущений из каждого мгновения. Не принимайте нас за гедонистов или сибаритов — хотя мы изгнали из жизни тяжелый труд и утомительные обязанности. Мы посвящаем себя радостям грации, красоты и творчества; в наших поступках мы руководствуемся жесткими правилами — не говоря уже о многочисленных условностях и традициях. Я всегда отличался склонностью к недовольству и скептицизму, и эти врожденные особенности характера нанесли мне серьезный ущерб. Я заявил на симпозиуме, что современные попытки творить красоту тривиальны и эклектичны, что все существенное уже сделано и достигнуто — и не один раз, а сотни раз. Мои воззрения сочли пагубными и достойными порицания. Меня сослали во Флад, чтобы я пересмотрел свои взгляды».

«И вы их пересмотрели?»

«Разумеется. Впредь мне придется держать свои мнения при себе. Структура повседневного существования в Ромарте очень деликатна и уязвима. Даже незначительное, казалось бы, беспокойство, вызванное моими утверждениями, способно было вызвать напряжения, угрожающие социальному равновесию. Если бы космический порт находился в Ромарте, мы вынуждены были бы постоянно подвергаться влиянию всевозможных новшеств и противоречий. Можно представить себе даже, что Ромарт привлек бы толпы туристов, прибывающих на круизных звездолетах — они стали бы прогуливаться по нашим бульварам, превратили бы древние дворцы в отели, сидели бы за столиками кафе на нашей неподражаемой площади Гамбойе или даже на арене Лаллакиллани! Поэтому космопорт остается во Фладе. Это позволяет нам избегать пошлых, вульгарных, развращающих социальных инфекций».

«Возможно, таким образом вы теряете больше, чем приобретаете, — заметил Мэйхак. — Ойкумена разнообразна. Вы никогда не помышляли о том, чтобы покинуть Отмир и полюбоваться на другие планеты?»

Бариано этот вопрос позабавил: «Время от времени всем нам приходится подавлять безрассудные стремления. Охота к перемене мест свойственна многим от рождения. Тем не менее, существуют практические причины, не позволяющие нам часто путешествовать. Мы очень брезгливы и разборчивы. Кулинарное и гостиничное обслуживание, соответствующее нашим запросам, обходилось бы значительно дороже того, что мы можем себе позволить. Мы не интересуемся колоритными трущобами. Для роума невыносимы грязь, несвежие продукты, вульгарное окружение. Нас несколько не привлекает необходимость пользоваться общественным транспортом, вынуждающим пассажира соприкоснуться с бесчисленными потными аборигенами, испускающими тошнотворные запахи. Так как подходящий уровень роскоши нам не по карману, мы предпочитаем оставаться дома».

«Вынужден с вами не согласиться, — сказал Мэйхак. — Ваши опасения преувеличены. Конечно, путешественнику приходится терпеть неприятности ради того, чтобы увидеть что-то интересное, узнать что-то новое. Это общеизвестно. Но хорошее или, по меньшей мере, удовлетворительное обслуживание встречается гораздо чаще отвратительного, и найти его не так уж сложно. Достаточно советоваться с местными жителями».

Бариано угрюмо возразил: «Вполне возможно, но практические проблемы, связанные с поездками, слишком велики. Мы можем рассчитывать лишь на очень небольшой инопланетный доход, так как наш экспорт едва покрывает расходы на импорт. Доступ к

ойкуменической валюте ограничен. Даже если бы мы хотели посетить другие миры, нам не хватило бы денег на полет дальше Нило-Мэя».

Мэйхак задумался: «Импортные и экспортные операции поручаются исключительно конторе Лоркина?»

«Это так. Как правило, они извлекают прибыль — эти деньги переводятся на наши индивидуальные счета в Натуральном банке в Лури, и там на них начисляются проценты. Тем не менее, это очень скромные суммы — никто из нас не может себе позволить увеселительную поездку по знаменитым мирам Ойкумены».

«И, несмотря на все эти соображения, кто-то все-таки рискует путешествовать?»

«Редко. Я был знаком с двумя господами, решившими отправиться в странствия. Они прилетели в Лури и сняли свои деньги со счетов в Натуральном банке. Затем они отправились на неизвестную планету Ойкумены и никогда не вернулись. От них не было никаких сообщений. Они словно потерялись в океане десяти триллионов безликих душ. Никто не желает разделить их судьбу».

Через час Мэйхак заметил еще одну группу локлоров, стоявших на округлой затвердевшей песчаной дюне — их силуэты четко выделялись на фоне неба. Локлоры неподвижно следили за проезжавшими мимо вагонами, но явно не интересовались получением накнока.

Бариано не мог объяснить неожиданную снисходительность этих кочевников, заметив только, что все локлоры отличаются непредсказуемостью: «Это голкены — племя не менее извращенное и зловредное, чем стренки».

«Как вы отличаете одних локлоров от других?» — поинтересовался Мэйхак.

«В случае голкенов это нетрудно. Их женщины плетут одежду из ползучей травы. Как вы можете заметить, на самцах юбки из плетеной травы, а не кожаные передники».

Действительно, огромные ягодицы голкенов прикрывали юбки бежево-соломенного оттенка, тогда как верхние половины их темно-рыжих торсов оставались обнаженными. Мэйхак провожал голкенов взглядом, пока те не скрылись из виду, после чего снова повернулся к Бариано: «Они разумны?»

«В каком-то смысле. Время от времени они устраивают ловкие западни; у них пренеприятнейшее чувство юмора, должен заметить».

«Но локлоров считают представителями человеческого рода?»

«Чтобы ответить на этот вопрос, мне пришлось бы изложить историю их происхождения — хотя бы вкратце, хотя она довольно сложна».

«Говорите! — предложил Мэйхак. — Нам все равно нечего делать».

«Хорошо. Пять тысяч лет назад, когда на Отмире высадились первые поселенцы, среди них была группа биологов-идеалистов, пытавшихся создать генотипы — или вывести породы, если хотите — специализированных работников. Самым успешным результатом их экспериментов стали сейшани. Их самым позорным провалом были локлоры. Таково, в нескольких словах, происхождение локлоров. В сущности, локлоров следует рассматривать не как подвид человека, а как извращение человеческой природы. Они соотносятся с человеческой расой примерно так же, как кошмар соотносится с празднованием дня рождения».

Вскоре после полудня поезд стал приближаться к высокой темной полосе деревьев. Бариано пояснил, что здесь кончалась степь Тангцанг и начинался Вкрадчивый лес. Еще через час поезд остановился на берегу реки Скейн у причала. К причалу была пришвартована

огромная баржа, сооруженная из плотного, блестящего черного дерева. Мэйхак не мог не признать, что строители баржи руководствовались исключительно высокими стандартами, как техническими, так и эстетическими. От тупого носа корпус расширялся, образуя почти сладострастно-пышный мидель, плавно переходивший с элегантностью разрешающегося аккорда в мощный транец, разделенный шестью сводчатыми иллюминаторами. Форпик, палубная надстройка и кормовая рубка, в том же стиле, были спроектированы и любовно отделаны с барочным изяществом; на носу и на корме фигурными опорами поддерживались тяжелые фонари из цветного стекла в ажурных чугунных оправках.

Пассажиры взошли на борт, их провели в каюты палубной рубки. Отдали швартовы: баржа отчалила и медленно поплыла вниз по течению. Вскоре излучина Скейна повернула вглубь Вкрадчивого леса, после чего баржа скользила по реке сквозь мрачноватую сень молчаливой чащи.

Проходили дни и ночи. На реке не было ни порогов, ни водоворотов — она текла величавыми зигзагами под широкими, почти смыкавшимися над водой кронами.

Царила полная тишина, нарушаемая лишь тихим журчанием воды, обтекавшей корпус баржи. Ночью безмятежный свет двух больших лун просачивался сквозь листву, создавая волшебный эффект, затруднявший для Мэйхака разграничение сна и действительности. Он обратил внимание Бариано на это обстоятельство; тот ответил снисходительным пожатием плеч: «Странно, что вы относитесь к ночному пейзажу с таким энтузиазмом. В конце концов, это всего лишь обман зрения».

Мэйхак с недоумением взглянул на попутчика: «Странно, что вы настолько нечувствительны».

Бариано раздражался, когда мнения Мэйхака не совпадали с его собственными: «Напротив! Это вам не хватает артистического чутья! Но меня это несколько не удивляет. От инопланетянина невозможно ожидать деликатности восприятия, свойственной роумам».

«По правде говоря, я в замешательстве, — признался Мэйхак. — Неожиданные прыжки и повороты вашей логики оставляют меня далеко позади, как собаку, пытающуюся догнать экипаж в облаке клубящейся пыли».

Бариано холодно улыбнулся: «Для того, чтобы пояснить мое наблюдение, придется не прибегать к иносказаниям — в таком случае не обижайтесь!»

«Говорите без обиняков, — предложил Мэйхак. — Вы можете научить меня тому, чего я еще не знаю».

«Хорошо. Ваши эстетические суждения просто-напросто бесформенны. Наивно усматривать красоту там, где ни у кого не было намерения ее создавать. Этой теме посвящены объемистые труды. Время от времени мы замечаем гармонирующий с нашими предпочтениями аспект природы, возникший случайно или вследствие естественных процессов, поддающихся математическому описанию. Дикая природа может казаться безмятежной или приятной, но любая упорядоченность, возникающая из хаоса сама по себе — всего лишь следствие безличного вероятностного распределения, в ней нет ни озарения, ни вдохновения, свойственного человеку. В дикой природе отсутствует положительный творческий импульс, придающий настоящую красоту».

Мэйхак был несколько ошеломлен бескомпромиссными аналитическими рассуждениями Бариано. Он осторожно заметил: «Вы оперируете категорическими суждениями, не допускающими существования переходных процессов».

«Конечно! Для ясного мышления характерна четкая классификация».

Мэйхак указал вперед — туда, где лунный свет, просачиваясь сквозь листву, образовывал на черной поверхности реки филигранный узор серебристых бликов и теней: «Разве вы не находите, что это красиво? По меньшей мере, заслуживает внимания?»

«Пейзаж не лишен очарования, но вашим мыслительным процессам не хватает дисциплины. Конечно же, вы понимаете, что этой картине не хватает концептуальной целостности. Это хаос, это случайная абстракция, это лишено смысла!»

«Тем не менее, пейзаж навеивает определенное настроение. Разве не такова функция красоты?»

«Допустим, — невозмутимо ответил Бариано. — Но позвольте предложить вашему вниманию притчу — или парадокс, если хотите. Представьте себе, что вы лежите в постели и спите. Вам снится, что вы находитесь в компании соблазнительной женщины, возбуждающей вас своей близостью и своим поведением. В этот момент большое, грязное домашнее животное забирается на постель и растягивается на ней таким образом, что его мохнатый хвост ложится на ваш лоб. Вы беспокойно ворочаетесь во сне и в результате прижимаетесь лицом к тому, что находится под хвостом животного. Во сне вам кажется, что красавица целует вас влажными теплыми устами; это исключительно приятно. Вы взволнованы, вы радостно возбуждены! Но тут вы просыпаетесь и обнаруживаете нелицеприятную действительность. Это вас огорчает. А теперь — внимание! Следует ли вам наслаждаться воспоминанием о чудесном сновидении? Или, после того, как вы выгоните животное пинками из спальни, следует ли вам безрадостно смотреть в темноту, размышляя о постыдной нелепости происшедшего? Если хотите, я мог бы применить сходные аргументы в отношении воздействия обсуждаемого нами пейзажа».

«Нет, благодарю вас, — отказался Мэйхак. — Ваших разъяснений вполне достаточно. Впредь, всякий раз, когда мне будет снится что-нибудь приятное, я не премину проверить, согласуются ли мои ощущения с нелицеприятной действительностью».

«Очень предусмотрительно с вашей стороны», — пробормотал Бариано.

Мэйхак решил больше ничего не говорить, понимая, что любые дальнейшие замечания лишь усугубят предрассудки его собеседника в отношении обитателей остальной Ойкумены.

На третий день плавания, после полудня, по берегам реки начали попадаться причалы и буколические коттеджи, а иногда и усадьба, окруженная заросшими садами. Иные сооружения роскошью не уступали настоящим дворцам, но многие обветшали, а некоторые уже превращались в руины. Иногда Мэйхак замечал людей, прогуливавшихся в садах. Они двигались с томной медлительностью, словно наслаждаясь тишиной леса.

Бариано решил прокомментировать происходящее: «Сейчас не сезон для загородного отдыха, хотя во многих домах живут круглый год. Чаще всего так проводят время семьи с детьми. Смотрите: на газоне играют дети».

Мэйхак увидел пару детей, бегавших босиком по траве — их темные волосы развевались на ветру. На них были подпоясанные рубахи до колен — бледно-голубая и серо-зеленая. Мэйхаку дети показались бодрыми и веселыми. «Здесь они в безопасности, — заметил Бариано. — Призраки не любят показываться в лесу».

Два садовника работали, подравнивая ножницами живую изгородь. Невысокие и сухощавые, они ловко управлялись с садовым инструментом. Их кожа либо загорела на солнце, либо отличалась от природы желтовато-бежевым оттенком; пушистые волосы неопределенно-серого цвета обрамляли лица с правильными, но невыразительными чертами. «Кто это?» — спросил Мэйхак.

«Сейшани. Они выполняют всю работу, необходимую для поддержания образа жизни роумов. Мы не могли бы без них обойтись. Сейшани рубят деревья и пилят их на доски; они выращивают зерновые и пекут хлеб; они прочищают сточные канавы и чинят крыши. Сейшани — чистые, послушные и трудолюбивые существа. Но они не могут сражаться и бесполезны в том, что касается локлоров и домовых. Эту обязанность приходится брать на себя кавалерам-роумам: они вынимают из ножен мечи и рубят головы свирепым дикарям. Некоторые считают, что мы приступили к обороне слишком поздно. Каждый год белые призраки занимают еще один древний дворец».

«Надо полагать, ваши методы защиты недостаточно эффективны».

«Вы правы, — кивнул Бариано. — Домовые кишат в склепах под дворцами и, по-видимому, прорыли сеть соединяющих подвалы туннелей. Они всегда у нас на уме, и никто из роумов не отваживается ходить в одиночку по ночам».

На следующее утро баржа прибыла в Ромарт. На берегу Скейна высилось уродливое строение с массивными глухими стенами из бурого кирпича; дальше река поворачивала на северо-восток — туда, где Вкрадчивый лес постепенно редел, превращаясь сначала в саванну, а затем снова в сухую степь Тангцанг.

Баржа причалила к широкой прогулочной набережной, и пассажиры спустились по трапу. Бариано указал пальцем: «Там находится Коллокварий, где заседают советы». Поколебавшись, попутчик Мэйхака сказал: «Пойдемте, я проведу вас туда, где вам следует подать ходатайство. Добиться проведения слушания нетрудно, но не ожидайте, что решение по вашему делу будет принято быстро. Ваше появление в Ромарте само по себе вызовет переполох — оно противоречит установившемуся распорядку».

Мэйхак прервал повествование: «Не хочу затруднять вас излишними подробностями...»
«Меня вы нисколько не затрудните, мне очень интересно!» — живо откликнулась Скирль.

«Тем не менее, если бы я стал рассказывать обо всем — обо всем, что я узнал о Ромарте и роумах, об их обычаях, о рашудо, об их философии и общественной структуре, если бы я стал описывать их дворцы, то, как они едят и спят, как их молодые люди ухаживают за девушками, церемонную дерзость их кавалеров и никогда не покидающий их давящий ужас, вызванный вынужденным сожительством с призраками — мне пришлось бы говорить несколько дней, и только после этого я мог бы перейти к самому кошмарному приключению. Так что плесни-ка мне, Джаро, этого превосходного вина из погреба Хильера, а я передохну минуту-другую».

Джаро наполнил три бокала золотистым вином «Эстрезас». Мэйхак откинулся на спинку стула, собираясь с мыслями. Наконец он сказал: «Попробую, по меньшей мере, дать какое-то представление о Ромарте. Вероятно, это красивейший из городов, когда-либо построенных ойкуменической расой. Когда мне привелось его увидеть, многие архитектурные шедевры и чудесные сады уже находились в полном запустении. Увядание висит в воздухе, как запах гниющих фруктов. Тем не менее, роумы упрямо продолжают предаваться мечтам и неукоснительно соблюдают изощренные церемониальные обычаи. Каждый переодевается несколько раз в день в зависимости от того, какую роль ему предстоит выполнять на протяжении нескольких следующих часов.

Важно понимать характер роумов-первопоселенцев. Все они принадлежали к числу интеллектуальной элиты, причем среди них было много биологов-генетиков. Законы Ойкумены запрещали им осуществить то, что они называли «окончательным решением социальных проблем». На Отмире таких ограничений не было.

Поначалу поселенцы пользовались рабским трудом, но с этим были связаны многочисленные неудобства. Рабы заболели и старели, а замена рабов требовала больших затрат. Кроме того, рабы нередко проявляли упрямство и непослушание — или просто ленились. Поддержание дисциплины превращалось в повседневную заботу; кроме того, дисциплинарные меры часто оказывались неэффективными. В конце концов биологи выбрали несколько первосортных рабов и воспользовались их генами, чтобы создать расу идеальных работников — по меньшей мере, таковы были их надежды. Они выращивали, одну за другой, группы экспериментальных прототипов. Нередко плоды их деятельности оказывались непредсказуемыми: в одном случае это были существа с трехметровыми ногами, в другом — порода настолько тучная, что ее представители чувствовали себя хорошо, только плавая в теплой воде. У одной из разновидностей развились антисоциальные поведенческие характеристики исключительной интенсивности; вместо того, чтобы стать послушными рабами, эти произведения генетиков рассматривали непокорность как священный долг и гордились перенесенными мучениями. С воплями, круша все на своем пути и выцарапывая друг другу глаза, они прорвались через ограды загонов и бежали в просторы степи Тангцанг, где сильнейшие и самые безжалостные выжили и положили начало расе локлоров.

В конечном счете генетикам удалось синтезировать породу сейшани — стройных, даже изящных полулюдей с кожей оттенка влажной глины и добрыми карими глазами. У них ограниченный интеллект, но они послушны, трудолюбивы и не обидчивы. Непреднамеренное подавление нескольких генов в процессе проектирования привело к тому, что различия между сейшани-мужчинами и сейшани-женщинами стали чисто номинальными: их половые органы рудиментарны. Поэтому новых сейшани выращивают из зигот, культивируемых в уродливом сооружении из бурого кирпича, именуемом «Фондаментом». Третья раса, выведенная в Ромарте, окружена тайной. Говорят, что генетики первых поколений экспериментировали с самими собой, намереваясь произвести нечто вроде интеллектуального сверхчеловека, но процесс не привел к желаемому результату. Некоторые из неудавшихся «сверхлюдей» прогрызли стенки питомников и разбежались кто куда, скрываясь в подземельях заброшенных дворцов. Теперь их потомков называют «белыми призраками» или «домовыми»; их почти невозможно увидеть, они выходят из подвалов только с наступлением темноты. Со временем они проникли даже в склепы под обитаемыми усадьбами, совершая оттуда потайные вылазки, сопровождающиеся невероятными жестокостями. У тех немногих, кому удалось увидеть домовых и выжить, язык не поворачивается, когда они пытаются дать описание их внешности. Время от времени кавалеры-роумы организовывали контратаки, намереваясь уничтожить подземных паразитов раз и навсегда, но домовые ускользали, как тени, и многие кавалеры попадались в устроенные призраками ловушки. В конечном счете роумы отчаивались, и прежнее положение вещей восстанавливалось — или даже ухудшалось, если попытки «дезинфекции» вызывали в призраках жажду мести.

Роумы — элегантный народ; каждый из них считает себя совокупностью всех возможных качеств, достойных восхищения. Каждый роум говорит на трех языках — на классическом языке предков, на современном разговорном языке Ромарта и, обычно с акцентом, на ойкуменическом диалекте. Каждый роум принадлежит к одному из сорока двух кланов, называемых «династиями», причем каждой династии свойственны характерные особенности поведения. Общественная политика определяется Советом старейшин, заседающим в Коллоквирии».

И снова Мэйхак прервался: «Все это не слишком интересно — но какое-то предварительное представление об укладе местной жизни необходимо для понимания того, что со мной произошло».

Джаро и Скирль заявили, что с нетерпением ждут дальнейших подробностей, и Мэйхак продолжил рассказ. Несколько минут он посвятил описанию города как такового — его бульваров и роскошных зданий, царящей в нем общей атмосферы глубокой древности. Он рассказал о роумах, об их изящных костюмах и романтическом, даже страстном характере, в особенности свойственном хвастливым и необузданным молодым сорвиголовам.

Мэйхак безотлагательно направился в Коллоквирий, где — последовав совету Бариано — отыскал советника Тронсика дин-Стама и вручил ему ходатайство. Вопреки опасениям Мэйхака, Тронсик, уже поседевший человек крепкого телосложения, проявил дружелюбие и даже гостеприимство. Он предложил Мэйхаку остановиться у него во дворце, и Мэйхак был рад принять его предложение.

В надлежащее время Тронсик представил предложение Мэйхака на утверждение Совета старейшин. Они приняли этот документ к рассмотрению — что, как заверил Мэйхака

Тронсик, в какой-то степени служило основанием для оптимизма.

Пока Мэйхак ожидал решения совета, он поддерживал связь с Нейтцбеком, остававшимся во Фладе, пользуясь переносной рацией. Мэйхак напомнил Нейтцбеку о необходимости сохранять терпение и выразил надежду на то, что тот не слишком скучает. Гэйнг только проворчал в ответ, что у него наконец есть время побездельничать и прочесть пару книг.

В Ромарте Мэйхак вызывал всеобщее любопытство. Тронсик объяснил ему, что роумов на самом деле интересовало то, как люди живут на других планетах Ойкумены — несмотря на их убежденность в примитивности, нечистоплотности и опасности любого образа жизни, кроме их собственного. На вопросы о других мирах Мэйхак отвечал, что условия жизни на разных планетах были самыми различными, и что роумам, если они собирались путешествовать, не следовало ожидать безмятежного времяпровождения: те или иные препятствия и неприятности встречаются повсюду.

«О каком безмятежном времяпровождении вы говорите? — удивился модно одетый молодой кавалер по имени Серж дин-Рейми. — Что может сравниться с Ромартом в этих варварских мирах?»

«Ничто. Ромарт уникален. Если таково ваше предпочтение, ничто не мешает вам оставаться дома».

Другой присутствовавший при разговоре роум заметил: «Все это замечательно. Тем не менее, невозможно отрицать, что стремление увидеть далекие незнакомые места существует. К сожалению, путешествие в терпимых условиях обходится дорого — непозволительно дорого, учитывая печальное состояние наших финансов. В конце концов, мы же не хотим волочить ноги по дороге, как какие-нибудь оборванцы!»

«Верно! — поддержал его Серж. — Мы не смеем рисковать. Что, если мы останемся без денег в удаленном уголке Галактики, и нам придется работать в поте лица своего только для того, чтобы выживать изо дня в день?»

«Наше рашудо было бы смехотворно скомпрометировано, — усмехнулся его компаньон. — Как мы смогли бы после этого задирать нос?»

Мэйхак признал, что их опасения были вполне оправданы: «Тот, кто желает жить в роскошных номерах и заказывать лучшие блюда, должен быть готов к возмещению их стоимости. Несмотря на различия обычаев обитателей Ойкумены, такие услуги нигде не предлагаются бесплатно».

Некоторые роумы были больше склонны рисковать, чем другие. К их числу относилась Джамизель дин-Рейми, стройная молодая женщина, умная и неотразимо очаровательная. Многие аспекты ее сложной личности завораживали Мэйхака, но прежде всего ее умение мыслить, не ограничиваясь общепринятыми условностями, ее беспечное чувство юмора, необычное среди роумов, и ее нетерпеливое презрение к жестким ограничениям, связанным с рашудо. Мэйхак влюбился в Джамизель — никакая предусмотрительность, никакие опасения не могли предотвратить неизбежное. Ему казалось, что он замечал в ней ответные чувства, и через некоторое время, набравшись храбрости, Мэйхак предложил ей выйти за него замуж. Джамизель согласилась с энтузиазмом, оправдавшим его самые смелые надежды. Их тут же обручили согласно традиционным обрядам династии Рейми.

В ответ на расспросы Мэйхака Джамизель разъяснила сложную финансовую структуру Ромарта. Каждый клан пользовался отдельным счетом в Натуральном банке в Лури, на планете Нило-Мэй. Прибыли, извлеченные экспедиторской конторой Лоркина,

распределялись поровну между сорока двумя кланами и перечислялись на соответствующие счета.

Мэйхак подумал, что в этой системе явно не хватало независимого контроля — практически она была ничем не защищена от недобросовестного ведения счетов или даже от откровенного воровства. «Кто заведует распределением прибылей?» — спросил Мэйхак.

«Асрубал дин-Урд, — ответила Джамиэль. — Он — директор конторы Лоркина. Он публикует ежегодный отчет, проверяемый тремя должностными лицами, после чего дивиденды распределяются».

«И эта проверка — единственная гарантия того, что прибыли подсчитываются и распределяются по справедливости?»

Джамиэль пожалла плечами: «Кто стал бы жаловаться? Для поддержания рашудо необходимо пренебрегать такими мелочами; благородный роум не обращает внимания на презренные расчеты».

«Могу сказать только одно, — вздохнул Мэйхак. — Вы платите конторе Лоркина за импортные товары в два-три раза больше, чем они стоят в Лури — и в любом другом космопорте Ойкумены».

Джамиэль признала, что у нее — а также у многих ее знакомых — давно были подозрения на этот счет. «Кроме того, — прибавила она между прочим, — я беременна».

Шло время. Мэйхак начинал бояться, что его ходатайство навсегда отложили в долгий ящик. Джамиэль уверяла его, что это не так: «Когда имеешь дело с Коллокварием, задержки неизбежны — особенно когда, как в данном случае, возникает противостояние фракций. Династия Урдов принадлежит к сливово-розовой фракции и стремится исключить всякое вмешательство в дела монополии, то есть конторы Лоркина. Синяя фракция предпочла бы изменить существующую систему — может быть, даже полностью реорганизовать ее».

Мэйхак недостаточно разбирался в местных фракциях; ему было известно только то, что их противостояние объяснялось древними идеологическими расхождениями, сущность которых ускользала от его понимания. В той мере, в какой этот вопрос интересовал Мэйхака, становилось ясно, что прежде, чем могло быть принято какое-то решение по поводу его ходатайства, борьба фракций должна была завершиться каким-то результатом.

Мэйхак продолжал периодически связываться с Нейтцбеком, каждый раз выражавшим все большее недовольство затянувшимся ожиданием. Затем, в один прекрасный день, от Нейтцбека поступило сообщение о катастрофе. Локлоры прорвались в якобы защищенную зону посадочного поля и напали на «Дистилькорд». Груз растащили, а сам корабль уничтожили тремя мощными взрывами.

Эти новости достигли ушей Мэйхака, когда он ожидал окончания заседания совета в приемной Коллоквария. Гэйнг Нейтцбек сообщил, что видел Асрубала дин-Урда во Фладе непосредственно перед нападением, и что Асрубал о чем-то договаривался с локлорами. Асрубал отбыл в Ромарт на аэромобиле конторы Лоркина за несколько минут до нападения на «Дистилькорд» — не было никаких сомнений в том, что он нес ответственность за происшедшее. Гэйнг захватил в заложники заведующего космическим терминалом во Фладе, некоего Фореза дин-Урда. Гэйнг оказал давление на Фореза, и в конечном счете заведующий рассказал Нейтцбеку все, что тот хотел знать. Первоначально планировалось убийство Нейтцбека, позволявшее избежать создавшейся теперь неудобной ситуации.

Мэйхак выслушал компаньона, после чего ворвался в зал заседаний Совета старейшин. С некоторым трудом преодолев нежелание присутствующих поступиться протоколом, он

привлек внимание советников и сообщил им об уничтожении космического корабля во Фладе. Установив переговорную рацию на большом полукруглом столе перед членами совета, он вызвал Нейтцбека: «Ты все еще на связи?»

«Я здесь, — ответил голос Гэйнга Нейтцбека, напряженный яростью и угрозой. — К твоему сведению, я еще никогда в жизни не был так зол. К счастью для мошенника Фореза, однако, я человек сдержанный. Он спас свою шкуру, согласившись с тем, что клан Урдов несет всю ответственность за недавние достойные сожаления события, и что его династия возместит все убытки».

Один из советников, со сливово-розовыми нашивками на плечах, протестуя воскликнул: «Постойте-ка, постойте! Этот человек не уполномочен возмещать что бы то ни было! Его слова ломаного гроша не стоят!»

«Неважно, — возразил председатель совета. — Нас интересуют фактические обстоятельства дела. Выслушаем показания этого господина с другой планеты».

Мэйхак спросил Нейтцбека: «Форез с тобой?»

«Тут как тут».

«Будь с ним поосторожнее. Он не отскакивает от стен, как мячик».

«Отскакивает, но недалеко. Я проверил».

«Я в зале заседаний Совета старейшин. Советники готовы тебя выслушать».

«Хорошо». Гэйнг Нейтцбек снова изложил последовательность событий, после чего прибавил: «Заведующий терминалом согласился рассказать вам все, что ему известно. Форез, говорите! Объясните советникам, что тут случилось».

Из громкоговорителя рации послышался сдавленный противоречивыми эмоциями голос: «Я — Форез дин-Урд. Для меня нет смысла о чем-либо умалчивать или лгать, потому что находящийся рядом со мной астронавт был свидетелем происшедшего. Я предлагаю вашему вниманию неприкрашенные факты. Когда Асрубал дин-Урд вернулся из Лури, он заметил на космодроме корабль «Дистилькорд». Он приказал локлорам уничтожить этот корабль, а мне приказал сотрудничать с ними. Он поручил локлорам убить Гэйнга Нейтцбека, когда они взломают люк «Дистилькорда», после чего отбыл в Ромарт на аэромобиле. Нейтцбек расстрелял из лучемета две дюжины локлоров, прежде чем те отказались от намерения его поймать и скрылись в степи. Нейтцбек захватил меня заложником и настоял на том, чтобы я отчитался совету о фактических обстоятельствах дела. Я выполняю его требование охотно, так как Асрубал совершил явное злодеяние и должен понести ответственность».

Члены совета принялись задавать Форезу вопросы, но в конце концов дали понять, что узнали все, что требовалось узнать.

Через некоторое время в Ромарт прибыл Асрубал дин-Урд. Ему приказали немедленно явиться в Коллоквиарий и предстать перед Советом старейшин. Когда этот человек вошел наконец в зал заседаний, он не выказывал никаких признаков вины — напротив, выразил возмущение тем, что его вызвали в неудобное для него время. Он не отрицал предъявленные ему обвинения; вместо этого он обосновывал необходимость принятых им мер с непоколебимой уверенностью в своей правоте, утверждая, что прибытие Мэйхака и Нейтцбека на Отмир противоречило традиционным законам, определявшим порядок торговли Отмира с другими планетами Галактики.

«Чепуха! — заявил Тронсик дин-Стам. — Нет никаких законов, определяющих порядок торговли; есть только обычаи и привычные методы. Вы организовали хищническое

уничтожение имущества и покушение на убийство. И за это вы ответите по всей строгости закона!»

«Вы смеете говорить о наказании старейшины династии Урдов? — в ярости взревел Асрубал. — Неслыханно! Мое рашудо этого не потерпит!»

«Прекратите склоку! — строго приказал председатель совета. — Вас вызвали отчитаться за свои поступки, и судить будут только ваши поступки, а не ваше бахвальство».

Асрубалу предъявили формальные обвинения; начался процесс судопроизводства. Как и следовало ожидать, рассмотрение дела, продвигавшегося по бюрократическому лабиринту Коллоквария, потребовало больших затрат времени.

Тем временем для Джамизель уже подступил срок, и она родила мальчиков-близнецов, Джаро и Гарлета.

Мэйхак хотел привезти Нейтцбека в Ромарт на аэромобиле Урдов, но в этом ему отказали. Тем временем локлоры собирались вокруг Флада, намереваясь отомстить Нейтцбеку. Грузовой корабль конторы Лоркина, «Лилиом», вылетал из Флада в Лури. У Гэйнга Нейтцбека не оставалось другого выхода: он вернулся в Лури.

Хотя судопроизводство еще не привело к какому-либо результату, рашудо Асрубала понесло огромный урон. Понятие «рашудо» в какой-то мере приближалось к рыцарскому представлению о «чести», но имело гораздо более многогранный смысл. Для поддержания «рашудо» требовались интуитивная элегантность, светские манеры, хладнокровная отвага, умение неукоснительно соблюдать ритуальный этикет — вплоть до малейшего движения пальцев — и многое другое. Через два года Мэйхака вызвали в Коллокварий, где советники приняли наконец окончательное решение. По вопросу об уничтожении «Дистилькорда» Асрубала признали виновным. Ему объявили выговор и приказали полностью возместить Мэйхаку стоимость космического корабля и груза. Асрубал молча выслушал приговор — рашудо заставляло его демонстрировать каменное безразличие.

Мэйхак обратился к совету: «Достопочтенные старейшины! Закончено ли рассмотрение моего первоначального ходатайства?»

«Дальнейшее рассмотрение вашего ходатайства не имело смысла, — ответил председатель совета. — Корабль «Дистилькорд» и его груз больше не существуют».

«Это именно так. Поэтому я прошу глубокоуважаемый совет предоставить мне коммерческую привилегию, а именно право перевозить товары с других планет непосредственно в Ромарт, а также вывозить из Ромарта товары, предназначенные на экспорт». Насколько было известно к этому времени Тоуну Мэйхаку, экспорт роумов почти исключительно состоял из плит полудрагоценных минералов, добытых и отполированных работниками-сейшани: молочно-белого опала, шелковисто-зеленого нефрита, а также плотного и тяжелого черного агата, после обработки становившегося гладким, как стекло, но полностью поглощавшим свет — настолько, что, глядя на него, казалось, что смотришь в глубокую темную бездну. Вывозились также бледно-зеленый порфир, испещренный кристаллами александрита, зеленый малахит с темно-синими прожилками и прозрачное, как чистая вода, вулканическое стекло, пронизанное тончайшими красными полотнищами коллоидного золота, нередко пересекавшимися полосами синего кобальта. В плотно населенных городах Ойкумены за такие роскошные отделочные материалы платили большие деньги, и Мэйхак подозревал, что поступления от их продажи не перечислялись на счета роумов надлежащим образом. Короче говоря, роумы почти наверняка стали жертвами крупномасштабного мошенничества. Мэйхак продолжал: «Я гарантирую вам гораздо

бóльшие доходы, чем те, что вы получаете от конторы Лоркина; насколько я понимаю, эта контора вас постоянно обсчитывает».

Асрубал сразу вскочил на ноги: «Эти замечания недопустимы! Этот человек — гнусный провокатор и лжец! Контора Лоркина применяет самые надежные, испытанные на практике методы. Призовите к ответу инопланетного мерзавца!»

Советники хранили молчание: возникла неудобная проблема. Наконец Мелгрэйв дин-Слэйярд нашелся: «Все мы время от времени ошибаемся. Разве такого объяснения недостаточно? Контора Лоркина просто-напросто допустила ошибку».

Ормонд дин-Рейми возразил: «Возможно, контора Лоркина ведет наши дела халатно. Возможно также, что некто манипулирует счетами и вводит директора в заблуждение. Возможно также еще более непривлекательное объяснение».

«Объяснение? — потребовал продолжения председатель совета. — Я вас не совсем понимаю. Объяснение — чего именно?»

Мэйхак сказал: «Вы платите за самые обычные товары в два-три раза больше, чем за них просят в Лури. Стоимость их перевозки ни в коем случае не оправдывает такую баснословную наценку. Не знаю, каким образом контора Лоркина сбывает ваши экспортные материалы, но — если в области экспорта применяются те же методы, вы получаете не больше половины того, что вам причитается. Короче говоря, вы стали жертвами невероятной, необъяснимой некомпетентности — или крупномасштабного казнокрадства. Только Асрубал дин-Урд может посвятить вас в подробности своих махинаций».

Советник со сливово-розовыми эполетами взбеленился: «Вы обвиняете в казнокрадстве знатного вельможу, известного и уважаемого во всем Ромарте, Асрубала дин-Урда?»

«Что, если Асрубал виновен в казнокрадстве? Что тогда?» — спросил Мэйхак.

«Это невозможно! Его рашудо не допустило бы такого положения вещей — так же, как наше рашудо не позволяет нам даже представить столь неблагородную идею!»

«Тем не менее, сделайте мне одолжение и представьте себе немыслимое. Предположим, что Асрубал действительно повинен в мошенничестве: что тогда? Какого наказания он заслуживал бы в таком случае?»

Председатель совета сказал: «Если факт такого преступления доказан, виновный подлежит изгнанию из Ромарта».

Советник с розовыми эполетами вмешался: «Вы действительно осмеливаетесь обвинять Асрубала в хищении? В отсутствие доказательств ваше заявление граничит с преступной клеветой!»

«Я допускаю такую возможность. Для того, чтобы опровергнуть мое предположение, Асрубалу достаточно всего лишь предъявить совету его собственные бухгалтерские книги».

Асрубал презрительно фыркнул: «Я никому не раскрываю бухгалтерские книги. Моего рашудо достаточно для обоснования любых моих действий!»

Мэйхак обратился к совету: «В таком случае предоставьте мне право на торговые перевозки — и я смогу доказать, что Асрубал и контора Лоркина вас обманывали. Если Асрубал говорит правду, он не станет возражать».

Асрубал встал во весь рост и разразился громогласной обличительной речью, называя Мэйхака, помимо прочего, «коварным инопланетным мошенником, которого лучше всего было бы ликвидировать».

Председатель совета объявил Асрубалу выговор за несдержанность, но упрекнул и Мэйхака за далеко идущие и не обоснованные фактами обвинения.

Мэйхак настаивал: «Достаточно предоставить мне право на импорт и экспорт товаров — и я докажу, что вас обсчитывали многие годы!»

«Мы рассмотрим этот вопрос в дальнейшем. Прежде всего следует вынести решение по существу дела».

«Не желаю больше ничего слышать!» — заявил Асрубал. Повернувшись на каблуках, он гордо прошествовал вон из зала заседаний, игнорируя традиционные формы уважения к суду и демонстрируя полное отсутствие интереса к сумме подлежащих возмещению убытков. Его пренебрежение к августейшему совету никого не удивило, и никто из старейшин не возмутился. Восемь тысяч лет бесконечных споров и компромиссов научили роумов находить выходы из самых неприятных тупиковых ситуаций. Ничто в Ромарте, однако, не делалось быстро. Прошло еще шесть месяцев, прежде чем Мэйхаку выдали вексель, позволявший ему перевести триста тысяч сольдо со счета династии Урдов в Натуральном банке Лури. Выплата такой крупной суммы — да еще в пользу инопланетянина! — не способствовала популярности Мэйхака, и так уже достаточно сомнительной, и в особенности восстановила против него сливово-розовую фракцию.

Угроза висела в воздухе. Мэйхака предупредили о том, что его — и всю его семью — могут убить. Выйдя замуж за инопланетянина, Джамизель тем самым отказалась от привилегий династии Рейми и не могла рассчитывать на надежную защиту со стороны родственников, а ее детей считали безродными и бесправными отпрысками чужеземца.

Настала пора покинуть Ромарт. Скоро должен был прибыть корабль конторы Лоркина; появилась возможность улететь в Лури, но для этого нужно было добраться до Флада за два дня. Требовался воздушный транспорт. Тронсик дин-Стам зарезервировал от своего имени аэромобиль, предназначенный только для членов Совета старейшин, и сообщил Мэйхаку время и место отлета. Все это делалось в глубокой тайне: сливово-розовая фракция, несомненно, воспрепятствовала бы отъезду, если бы Урды узнали о таких планах.

Мэйхак и Джамизель собрали немногочисленные пожитки, дали детям выпить снотворного и прошли по окольным тропам в сад заброшенного дворца Сальсобаров, выходящий на берег реки там, где в нескольких шагах уже начинался лес.

На набережной их ждал аэромобиль, охраняемый тремя кавалерами синей фракции. Кавалеры нервничали и торопились: «Солнце восходит, не задерживайтесь!»

Из теней выступили две закутанные в шали фигуры в темно-красных халатах до пят; их неестественно неподвижные лица казались вырезанными из кости и хряща. «Домовые!» — подумал Мэйхак. «Мегеры в масках ужаса! Нас предали!» — закричала Джамизель.

Мэйхак уже залезал в машину. Со стороны леса донеслись звон отрывшегося люка и топот поспешных тяжелых шагов: к аэромобилю приближались шесть кавалеров в костюмах древних воинов, в традиционных масках наемных убийц. Убийцы неуклюже бежали со шпагами наголо, высоко поднимая колени — им приходилось перепрыгивать через пучки травы и поросшие мхом мраморные скамьи. Поодаль, за ними, в рассветной мгле стояла высокая тощая фигура с мертвенно-белым лицом: Асрубал дин-Урд. «Не убивайте! — кричал Асрубал. — Схватите, но не убивайте! Мы скормим его в бункер!»

Три кавалера синей фракции приготовились защищать машину.

Кто-то пытался залезть на заднее сиденье: одна из мегер. Джамизель вырвала у ведьмы посох и оттолкнула ее, но мегера схватила Джамизель за ноги и стащила на землю. Лихорадочно пинаясь и ругаясь, Джамизель сумела освободиться и попыталась снова залезть в машину, но вторая ведьма схватила ее сзади и снова повалила на землю. Джамизель

вскочила на ноги и, бешено размахивая посохом, отогнала сумасшедших старух. Ведьмы внезапно оставили ее в покое — сгорбившись, они торопливо семенили в сторону леса. Джамиэль взобралась наконец в аэромобиль; Мэйхак, уже включивший двигатель, поднял машину в воздух. Они успели взлететь, когда шпаги убийц уже стучали по корпусу. «Задержите их! — яростно ревел Асрубал. — Их нельзя отпускать!»

Аэромобиль поднимался все выше и выше — на тридцать, на пятьдесят метров. Внизу, бессильно опустив плечи, стояли и смотрели вверх бойцы сливово-розовой фракции: они понесли поражение. Тем временем кавалеры синей фракции осторожно отступали вглубь заросшего сада — их задача была выполнена.

Поднявшись на сто метров, аэромобиль завис над набережной: Мэйхак искал какой-нибудь способ нанести ущерб врагам. Асрубал стоял в стороне, у самой воды; его бледное лицо четко выделялось на фоне черного костюма. Мэйхак с недоумением наблюдал за ним сверху. Асрубал занимался странной игрой: он подбрасывал высоко в воздух и ловил нечто вроде замотанной в тряпки куклы, болтавшей руками и ногами. Наконец он подбросил ее выше, чем раньше, но на этот раз даже не пытался ее поймать: кукла с глухим стуком упала на каменные плиты набережной. Асрубал подобрал неподвижный комок тряпок и перебросил его через балюстраду в реку — кукла исчезла в темной воде.

Джамиэль издала низкий возглас, полный нестерпимого ужаса; она схватила Мэйхака за плечо — тот обернулся. На заднем сиденье лежали две маленькие фигуры, закутанные в пеленки: один ребенок и одна кукла.

У Джамиэль началась истерика, она пыталась выпрыгнуть из машины. Мэйхак сдержал ее. «Вернись! — кричала она. — Спускайся, вернись! У него наш ребенок!»

«Теперь уже ничему не поможешь, — мрачно сказал Мэйхак. — Ребенок мертв. Если мы вернемся, нас всех убьют».

«Нужно что-то сделать! Неужели ничего нельзя сделать?»

«Не знаю, что тут можно сделать».

«Гарлета нет! — рыдала Джамиэль разрывающим сердце голосом. — Мегеры забрали его! Я видела, что они делали и ничего не поняла! Как это может быть? Почему люди способны на такое? Моего Гарлета нет!»

Ошеломленный, Мэйхак смотрел сверху на Асрубала и не верил своим глазам. Асрубал дин-Урд, мрачный и величественный, стоял, широко расставив ноги и скрестив руки на груди. Прошло секунд десять — Мэйхак отвернулся. Аэромобиль взмыл под облака и полетел над Вкрадчивым лесом в направлении Флада.

Через некоторое время Джамиэль тихо спросила: «Что ты сделаешь?»

«Не знаю». Помолчав, Мэйхак прибавил: «Прежде всего нужно посадить тебя и Джарс на корабль, вылетающий в Лури».

«И что потом?»

Мэйхак вздохнул: «Наверное, мне придется улететь с вами. Ничто не воскресит бедного ребенка. В один прекрасный день я прикончу Асрубала — может быть, когда вернусь в Ромарт на собственном корабле».

Джамиэль молчала. Мэйхак достал из кармана вексель на триста тысяч сольдо и засунул его в кошель на поясе жены: «Пусть он лучше будет у тебя. Не забывай, вексель выписан на предьявителя. Любой может получить по нему наличные деньги. Не забывай также, что это бессрочный вексель: пока эта сумма остается на счету Урдов, на нее начисляются проценты, и сумма растет. Когда мы возьмем эти деньги, Асрубалу будет нанесен огромный ущерб».

«Мне от этого не легче».

«Нет, конечно. Но на этом неприятности Асрубала не кончатся; эти деньги помогут нам ему отомстить».

«Не возвращайся в Ромарт! — с тревожной настойчивостью сказала Джамиэль. — По меньшей мере, не сейчас! Ты не проживешь там и нескольких дней».

«Боюсь, что ты права. Но мы не беспомощны, и Асрубал получит по заслугам».

«Каким образом?»

«Когда мы прилетим в Лури, вот что следует сделать...»

Джамиэль внимательно выслушала его план: «Хорошо. Так и тому и быть». Через несколько секунд она повернулась, схватила ненавистную куклу и выбросила ее из машины. Кувыряясь в воздухе, кукла исчезла под покровом темной листвы.

После полудня они уже приближались к космическому терминалу Флада. Мэйхак опустил машину на взлетное поле, где уже стоял «Лилиом», грузовой корабль конторы Лоркина.

Аэромобиль приземлился недалеко от корабля; Мэйхак занялся выгрузкой багажа, а Джамиэль с Джаро на руках взошла по трапу «Лилиома» в поисках стюарда.

У Мэйхака за спиной послышались тяжелые шаги. Он быстро обернулся: на него смотрели в упор четыре желтые, уродливые физиономии кочевников-локлоров. Мэйхака схватили; связав ему руки за спиной и накинув на шею веревочную петлю, локлоры потащили его в степь. В открытых воротах мастерской космодрома Мэйхак заметил коренастого чернобородого субъекта; подбоченившись, тот с явным удовольствием наблюдал за происходящим. Встретившись глазами с отчаянным взглядом Мэйхака, чернобородый тип приветствовал его ленивым взмахом руки и прокричал: «Удачи, приятель! Попляши с бабами на славу! Того и гляди, успеешь наплодить маленьких локлорчиков, пока они не обглодают твою вареную голову!» Веревка дернулась; Мэйхак едва удержался на ногах и больше ничего не слышал.

Локлоры бежали трусцой по степи; за ними, спотыкаясь, бежал со связанными за спиной руками Мэйхак. Табор локлоров оказался всего лишь в полутора километрах от космодрома. Конец веревки, сдавившей шею Мэйхака, привязали к колесу фургона. Прошел час; солнце опускалось к горизонту, озаряя облака желтым и оранжевым пламенем. Мэйхак пытался осторожно ослабить узел на шее, но безрезультатно. Локлоры медлительно занимались повседневными делами, но при этом не сводили глаз с пленника. Мэйхак изучал их внешность и повадки. Взрослые бойцы так называемой «третьей когорты» — мускулистые и грузные, почти на голову выше Мэйхака — носили свободные штаны до колен. Их ороговевшие горбатые носы переходили в шишковатые костистые гребни, пересекавшие покатые лбы и продолжавшиеся до затылка. Женщины красили лица грязновато-белой пастой и носили черные юбки, грязно-белые блузы и конические кожаные шапки с торчащими в стороны наушниками.

Над степью сгустились сумерки. На открытой площадке развели большой костер. Один из кочевников подошел к сидевшему у колеса Мэйхаку и взглянул на него сверху: «Пора плясать! Каждый, кого приводят в табор, пляшет с бабами. Они проворны — не зевай! А после пляски мы с тобой покончим — таковы полученные указания».

«Получите новые указания! — громко сказал Мэйхак. — Снимите с меня веревку и отведите обратно на космодром!»

Локлор с недоумением пожал плечами: «Сначала тебе придется плясать с бабами. Вода падает с неба и течет по земле сверху вниз. Пленники пляшут с бабами. Так заведено. Потом посмотрим, что с тобой делать».

Мэйхака подтащили к костру; там его ожидали шесть молодых женщин, находившихся в постоянном беспокойном движении — они подпрыгивали, сгибая и разгибая руки, мотали головами и оценивающе разглядывали Мэйхака, обмениваясь хриловато-певучими возбужденными возгласами.

Мэйхаку развязали руки; с него сняли веревочную петлю. В то же время старуха стала извлекать стонущие звуки, водя смычком по единственной струне инструмента с высоким и узким резонатором. Звуки сливались в нечто вроде унылой монотонной мелодии с неравномерными акцентами; старуха подпевала: «Фам-дам-дам! Фам-дам-дам! Пора плясать, пора плясать вокруг трескучего костра! Пора плясать под черным небом ночи! Наш древний танец — древний, как песок степей! Древний, как огонь костров! Так испокон веков мы пляшем на Отмире!»

Однострунный инструмент стонал и мяукал; женщины начали перемещаться вокруг костра пружинистыми прыжками, взбрыкивая толстыми ногами и поглядывая искоса на свою жертву. Мэйхака с силой толкнули сзади; чтобы удержаться на ногах, ему пришлось, спотыкаясь, пробежать несколько шагов. Он оказался в окружении танцовщиц; ближайшая ловко схватила его, прижала к себе и принялась кружиться с ним вокруг костра, выделявая пируэты. Мэйхак задыхался от кислой вони, исходившей от ее тела; он пытался оттолкнуть ее, но его тут же перехватила следующая плясунья. Эта стала подталкивать его к костру: «Скачи через огонь! Покажи, как умеешь прыгать! Что, не хочешь? А вот я тебя укушу, так ты сразу подпрыгнешь! Давай, скачи, а не то башку обглодаю!» Она уставилась ему прямо в

лицо, сверкнув зубами: «Прыгай!»

Пламя бушевало слишком высоко, костер был слишком широк — Мэйхак отшатнулся, но его тут же схватила третья плясунья, кружась на цыпочках вокруг костра, как пародия на балерину; после очередного разворота она с радостным хихиканьем попыталась швырнуть его в огонь. Мэйхак ожидал этого. Вместо того, чтобы сопротивляться, он внезапно обмяк, схватил танцовщицу за вытянутую руку и, пользуясь моментом ее движения, заставил ее пробежаться задом наперед. Хватаясь руками за воздух, плясунья наткнулась пяткой на горящее полено и повалилась спиной в пламя, дрыгая конечностями, как перевернутый жук. Со стороны кочевников-зрителей послышалось одобрительное прищелкивание языков — они словно аплодировали удачному акробатическому трюку. Женщины отозвались возбужденным визгом и продолжали плясать, подпрыгивая и кружась с удвоенной энергией. Мэйхака снова схватили и стали раскручивать, перекидывая из рук в руки, чтобы с разгона бросить в огонь. Когда очередная плясунья явно приготовилась это сделать, Мэйхак не стал ждать — он схватил ее за поднятую в пируэте ногу, повалил на землю и пнул ее в голову. Второй пинок заставил треснуть хрящ между переносицей и лбом: кочевница больше не двигалась. Мэйхак выхватил нож из ножен у нее на поясе, упал на колени и, когда его попыталась схватить следующая плясунья, бросился вперед и вверх, раскроив ей живот, и откатился в сторону. Кочевница яростно завопила и упала на спину, судорожно сжимая руками брешь, из которой вываливались кишки.

Стонущая музыка внезапно прервалась. Старуха закричала: «Так нельзя! Так не пойдет! Что это за пляски? Забейте его железными кольями!»

Воин-локлор спокойно сказал: «Заткнись, карга! Указания выполнены: он отплясал с бабами, мы получили железо. Пусть живет бвискидом. Может быть, за него еще железа дадут».

Кочевницы презрительно оттащили Мэйхака от костра, осыпая его ударами. Защищаясь по мере возможности от кулаков и пинков, Мэйхак ощутил прилив сил — он остался в живых. Одна из женщин закричала: «Теперь ты — бвискид, презреннейшая из тварей! Носи воду и подтирай грязь!» Мэйхак вернулся к фургону и присел, прислонившись к колесу. Больше никто его не замечал, кроме пары похожих на чертенят детеньшей локлоров, присевших на корточки поблизости и не сводивших с него глаза. Подождав немного, Мэйхак залез под фургон и попытался заснуть.

Так начался самый отчаянный период в жизни Мэйхака. В сущности бвискид был рабом, принадлежавшим всему племени. Его подвергали всевозможным издевательствам и болезненным наказаниям. Проводя дни и ночи с локлорами, он наблюдал такие жестокости, что жизнь перестала казаться ему действительностью. Нередко ему едва удавалось избежать участия в смертоносных схватках и не менее смертоносных обрядах. Он жил от минуты к минуте; минуты складывались в дни, дни складывались в месяцы — и все это время, каждую секунду, его жизнь висела на волоске. Он постоянно удивлялся тому, что его еще не убили. Ни одно из предположений по этому поводу не казалось Мэйхаку убедительным. В конце концов он решил, что имела место какая-то ошибка — или, может быть, в качестве «бвискида» он был полезнее локлорам, нежели в качестве трупа. Наконец в нем зародилась даже какая-то надежда: кто знает? Может быть, удача, бдительность и животные инстинкты — но главным образом, конечно, удача — позволят ему выжить?

Будучи «бвискидом», Мэйхак вынужден был тяжело работать, выполняя приказы любого кочевника; в зависимости от настроения, локлоры часто сопровождали приказы

побоями. Тем не менее, локлоры не проявляли к нему никакой особой враждебности — как поручения, так и побои распределялись бесстрастно, даже с некоторой долей рассеянности. Мэйхак скоро понял, что в психологическом отношении локлоры были исключительно примитивны. Эмоциональные привязанности были им неизвестны, они никогда и ни с кем не дружили; старая вражда скоро забывалась, смытая волной новых обид, драк и мстительных жестокостей. Группа, пленником которой оказался Мэйхак, принадлежала к породе гинко, свирепостью не уступавших — по их собственному мнению — знаменитым стренке. Они не знали ни любви, ни ненависти, но руководствовались преданностью интересам племени. Локлоры совокуплялись с женщинами случайно, без разбора; беременная кочевница удалялась в особый табор, где рожала нескольких детенышей-чертенят, после чего присоединялась к соплеменникам, оставляя детей на попечение пленных сейшани. Раздражительные воины-локлоры часто дрались. В случаях мелких размолвок дело ограничивалось, как правило, непродолжительной потасовкой. Если, однако, соперники ни за что не хотели уступать друг другу, они дрались насмерть — или, по меньшей мере, до тех пор, пока тяжелая травма не приводила к невозможности дальнейшей конкуренции. Карантин, введенный роумами, строго соблюдался — у локлоров не было огнестрельного или лучевого оружия; они вооружались ножами, пиками с железными наконечниками и топорами с короткими рукоятками и полукруглыми лезвиями. Мэйхак внимательно наблюдал за приемами боя, применявшимися локлорами, выявляя недостатки, которые могли бы пригодиться при случае.

Ороговевшая шкура локлоров служила защитным панцирем — уязвимые тонкие места находились только с тыльной стороны коленного сустава, под подбородком и под затылком. Учитывая результаты наблюдений, Мэйхак мало-помалу изготовил для себя необычное оружие: железную пику с заостренным наконечником, длиной примерно равную размаху рук, с закрепленным под прямым углом, на другом конце, тонким кривым лезвием, напоминавшим серп. Мэйхак заточил внутренний край этого серпа, как бритву. Никто не мешал ему заниматься этой работой — несмотря на то, что два детеныша-локлора непрерывно следили за ним днем и ночью; судя по всему, на них возложили ответственность за предотвращение его побега, хотя было не совсем ясно, с какой целью локлоры вообще продолжали содержать его в плену. Насколько понимал Мэйхак, врожденный характер локлоров не позволял им изменять однажды заведенный порядок вещей, пока какое-либо событие или чье-нибудь целенаправленное усилие не приводило к необходимости изменения. А ленивые кочевники прежде всего стремились избегать приложения усилий. Мэйхак уже привык к постоянному надзору: куда бы он ни пошел и чем бы он ни занимался, рядом на корточках сидели два чертенка, вперив в него черные пуговицы глаз.

Возможность проверить эффективность самодельного оружия представилась скоро. Молодой самец, потерпевший поражение в потасовке со взрослым соперником, решил отработать боевые приемы на ком-нибудь послабее — короче говоря, выместить злобу и прикончить беззащитного бвискида.

Мэйхак заметил целенаправленное приближение подростка-локлора. Молодцеватый кочевник с грязноватой темно-оранжевой шкурой мог похвастаться костистым гребнем черепа с высокими, почти принявшими окончательную грибовидную форму наростами. Он был выше и значительно тяжелее Мэйхака. Локлор подобрал горсть песка и швырнул ее в лицо Мэйхаку — ритуальный жест, предупреждавший о нападении. Мэйхак взял в руки пику с серпом. Локлор остановился, издал режущий уши вопль и, развернувшись наподобие

метателя ядра, подбросил топор высоко в воздух, тем самым демонстрируя глубокое презрение к противнику и запугивая его.

Мэйхак быстро шагнул вперед, захватил шею локлора серпом пики и подтащил его к себе так, чтобы падающий топор ошеломил его, ударив по покатоному лбу. Сразу после этого Мэйхак резким движением потянул серп на себя и в сторону: лезвие глубоко погрузилось в складку шкуры и наполовину разрезало жилистую шею. Локлор медленно опустился на землю, конвульсивно перевернулся и больше не двигался. Оказавшиеся поблизости соплеменники убитого что-то недовольно проворчали и разошлись — схватка закончилась слишком быстро и не доставила им ожидаемого развлечения.

Никто не стал бы извещать Мэйхака о том, что его статус в иерархии племени повысился — ему предстояло самому утвердиться в новом положении, причем любой из локлоров мог возразить против этого, вызвав его на поединок. Мэйхак немедленно прекратил выполнение унизительной работы. Это привлекло к нему пару недовольных взглядов из-под полуопущенных век, но никто не потрудился прибегать к принуждению. Функции бывшего бвискида снова стали выполнять женщины; таким образом, условия жизни Мэйхака в плену несколько улучшились.

Прошла неделя, и Мэйхак, не терявший бдительности, снова заметил признаки приближения опасности. Группа бойцов-локлоров «первой когорты» намеревалась использовать Мэйхака в одной из своих игр — скорее всего, в качестве жертвы, которую прогоняли сквозь строй. Обычно эту роль отводили пленникам из других кочевых племен. Если пленник проходил сквозь строй и выживал, ему разрешали вернуться к родному племени. Нередко, однако, представитель другого клана гордо отказывался участвовать в забаве и стоически сохранял неподвижность, пока воины сдирали с него толстую шкуру, превращая его в истекающую кровью, чудовищную оранжево-желтую карикатуру на человеческое существо. После этого полумертвого пленника объявляли свободным, и он плелся по степи, едва волоча ноги, в направлении своего табора.

Приготовления носили зловещий характер, уже собирались зрители. Среди тех, кто решил поглазеть на развлечение, был некий Бабуджа, боец-ветеран второй когорты, отличавшийся грузной непропорциональностью: ростом больше двух метров, широкоплечий, с грудью колесом, он передвигался вперевалку на коротких кривых ногах. На гребне его черепа угрожающе торчали костистые шипы высотой с ладонь; ороговевшие пластины шкуры на груди были покрыты шрамами и примитивной узорной резьбой цвета высохшей крови. Соплеменники обходили Бабуджу стороной — не только потому, что он отличался сокрушительной силой удара, но и потому, что в бою он впадал в слепую ярость и бросался на всех подряд подобно бешеному быку. Будучи исключительно туп, однако, неповоротливый Бабуджа никак не мог подняться до «первой когорты» — ему приходилось довольствоваться статусом второго ранга. В спокойном состоянии Бабуджа был сравнительно благодушен, хотя и упрям; подобно большинству локлоров, он старался по возможности не прилагать никаких усилий.

Мэйхак колебался лишь пару секунд — другого выхода не оставалось. Подобрал горсть песка, он потихоньку приблизился к Бабудже и швырнул песок прямо в черные, как пуговицы, глаза сидевшего на корточках великана. Ошеломленный Бабуджа вскочил с яростным ревом, размахивая руками — при этом он угодил Мэйхаку кулаком в грудь, и тому пришлось отбежать назад, чтобы не упасть. Стряхивая песок с лица, Бабуджа озирался: кто его вызвал на поединок? Неужели этот щуплый тонкокожий недоносок-роум? Выяснение

причин такого поведения выходило за рамки умственных способностей Бабуджи. Вызов есть вызов: его нельзя было не принять. Высокие молодые воины, намеревавшиеся прогнать Мэйхака через строй, угрюмо отошли в сторону — с их развлечением приходилось повременить.

Бабуджа обрел, наконец, дар речи: «Ты что, шутки шутить вздумал? Тебе это дорого обойдется! Готовься к смерти — сегодня бабы сварят твою башку!»

«Твоя башка больше — навар будет крепче!»

«Языком болтать ты умеешь. Это тебе не поможет».

«Если победа будет за мной, я стану бойцом второй когорты».

«Само собой, — пожал плечами Бабуджа. — Только этому не бывать». Условия поединка не имели для него значения, так как результат был предрешен; в любом случае, локлоры часто игнорировали договорные обязательства.

Солнце зашло. Над чернеющей вдоль горизонта неровной линией пологих холмов плыли две бронзовые луны. У яркого костра, скрестив ноги, сидели на земле кочевницы — из-под черных юбок выглядывали их темно-красные и темно-синие панталоны. Воины стояли поодаль, неподвижно и молча — каждый сам по себе.

Переваливаясь с ноги на ногу, Бабуджа сделал несколько шагов в сторону Мэйхака и поманил его: «Подходи, дурачок. Я разрублю тебя сначала сверху вниз, а потом поперек. Ты успеешь увидеть, как твои ноги полетят в костер. А потом бабы сварят твою башку в котелке».

Мэйхак осторожно, бочком, перемещался по кругу, не приближаясь к тяжеловесному противнику. Бабуджа с презрением наблюдал за его маневрами — он не позаботился даже поднять топор.

Мэйхак надеялся уклоняться от топора, оставаясь за пределами досягаемости; любой удар мог убить его на месте. Наступал решающий момент: если его расчеты не оправдаются, вся его жизнь, со всеми ее размышлениями, надеждами и воспоминаниями, мгновенно оборвется. Он приблизился на шаг, пытаясь как можно точнее оценить размах топора Бабуджи. Нужно было выманить противника, заставить его поднять топор и броситься вперед — при этом Бабуджа открылся бы и на какую-то долю секунды стал бы уязвимым. Мэйхак сделал обманное движение вперед. Слишком близко! Мэйхак едва успел отскочить в сторону — топор просвистел у самого уха. Он снова стал потихоньку передвигаться вокруг громадной фигуры — Бабуджа повернулся, размахнулся и резко опустил топор, прыгнув вперед. Но Мэйхака он снова не достал. Локлор раздраженно буркнул и вытаращил глаза, пытаясь понять тактику противника. Почему он не дерется, а бегаёт вокруг да около? Настоящий поединок должен сопровождаться звоном сталкивающихся топоров, глухим стуком лезвий, врубающихся в жесткую шкуру! В конце поединка самый стойкий из бойцов кромсал обескровленного противника на куски — но глупому роуму традиционные правила боя были явно незнакомы. Бабуджа чуть наклонился вперед и попытался разрубить Мэйхака поперек неожиданным диагональным взмахом снизу вверх — ему уже не раз удавалось успешно применять этот прием. Мэйхак упал плашмя на землю, одновременно вытянув правую руку вперед и зацепив локлора серпом пики чуть выше левой щиколотки. Оттолкнувшись от земли левой рукой, Мэйхак тут же отскочил назад, разрезав подколенное сухожилие противника. Бабуджа больше не мог опираться на левую ногу. Топор снова просвистел у самого уха и глухо ударился в землю; полукруглое лезвие успело разрезать плечо Мэйхака, но не слишком глубоко. Мэйхак лихорадочно откатился подальше и вскочил

на ноги. Бабуджа попытался догнать его, прыгнув вперед, но разрезанная нога подвернулась, и он тяжело свалился лицом вниз, раскинув руки и выронив топор. Мэйхак тут же схватил топор и рассек кожистые складки на шее локлора — ему пришлось наносить удар второй и третий раз, пока лысая голова с костистым гребнем не отделилась от тела.

Мэйхак отошел в сторону, тяжело дыша и опираясь на рукоятку топора. Он повелительно вытянул руку: «Принесите пива!» Одна из женщин поспешно забралась в фургон и вернулась с горшком пенистого пива. Мэйхак сделал еще один повелительный жест. Две женщины занялись его раненым плечом. Они промыли разрез, заштопали края и наложили повязку. Указав на голову Бабуджи, Мэйхак приказал сделать с ней все, что положено. Возражений не последовало: женщины отнесли отрубленную голову в сторону и прилежно занялись привычной работой. Они удалили ножами черепные кости, выскоблив мозг и прочие внутренности, после чего вымочили скальп в кипящем растительном масле, очищая его от оставшихся жировых тканей и волокон. Результатом их деятельности стал своеобразный головной убор, состоявший из скальпа с костистым гребнем и прикрепленным к нему железным клювом, который надевался на нос. Мэйхак присвоил также принадлежавшее Бабудже ожерелье из суставов пальцев и его тяжелый топор. Через некоторое время женщины вручили ему трофейный головной убор. Преодолевая брезгливость, Мэйхак надел скальп на голову, растягивая сморщенные складки темно-оранжевой кожи; от скальпа исходила характерная для локлоров кисловатая вонь. Тем не менее, Мэйхаку показалось при этом, что в него впитывается мана Бабуджи — головокружительное, вызывающее трепет ощущение, заставившее его выпрямиться в горделивой позе и уверенно направиться к кормушкам; раньше ему приходилось довольствоваться обедками. Проходя по табору, Мэйхак чувствовал, что отношение к нему изменилось; в какой-то мере ему удалось стать одним из кочевников, занять место в иерархии клана. Тем не менее, каждый раз, когда он бросал взгляд в сторону, он замечал одного из детенышей-чертенят, с неусыпной бдительностью следивших за каждым его шагом.

Мэйхак доказал племени свою полезность, ремонтируя самоходные фургоны. Теперь ему уже не приходилось ежеминутно опасаться случайного нападения, вызванного скукой или раздражением; тем не менее, ему продолжали раздавать пинки и зуботычины, так как молодые локлоры, не находившие выхода избыточной энергии, втягивали его в свои игры. Чаще всего игра напоминала борьбу без правил; в ней применялись любые доступные приемы, причем Мэйхака использовали как живого манекена для отработки этих приемов. Если он пытался уклониться от участия в состязаниях, его безжалостно пинали со всех сторон, пока он, отчаявшись, не вступал в схватку с одним из обидчиков, что заканчивалось дополнительными ушибами и растяжениями. Для того, чтобы не умереть от бесконечных побоев, ему пришлось научиться не только защищаться, но и одерживать верх в таких поединках — чему способствовал многолетний опыт тренировок в МСБР, где преподавалась техника рукопашного боя. Через некоторое время Мэйхак стал наносить противникам настолько ощутимый ущерб, что его перестали насильно втягивать в жестокие игры. Тем не менее, чтобы не терять приобретенный опыт, Мэйхак время от времени сам ввязывался в драку. «Если я когда-нибудь попрощаюсь со степью Тангцанг и покину Отмир, — думал он, — мне никогда больше не придется опасаться поражения в рукопашной схватке».

Локлоры часто снимались с места и делали дальние переходы, кочуя вдоль и поперек континента. Мэйхак не знал, что могло случиться, если бы он попытался уйти своей

дорогой. Скорее всего, в таком случае локлоры устроили бы на него охоту — хотя бы просто потому, что им нравились жестокие развлечения — и в конце концов прикончили бы его. Так или иначе, в одиночку он не добрался бы до Флада живым.

Шло время: месяцы, год, два года. Подчиняясь обстоятельствам, Мэйхак усвоил многие из суровых и жестоких привычек локлоров; если бы два года назад он увидел себя таким, каким стал теперь, то, скорее всего, не поверил бы своим глазам.

Племя кочевало на север, иногда встречаясь с другими кланами. Такие встречи порой сопровождалось церемониальными приветствиями, а также ритуальным обменом женщинами. Изредка один клан бросал вызов другому, и два защитника репутации племен, назначенные старейшинами, устраивали поединок у костра. Однажды, к удивлению Мэйхака, старейшины — по-видимому, проявив некое подобие мрачного чувства юмора — поручили ему отстаивать честь племени гинко в таком поединке.

Намного превосходя противника ловкостью и быстротой реакции, Мэйхак сумел одержать победу, но только после того, как ему была нанесена ужасная рана. Не выражая никакого сочувствия, женщины промыли рану и зашили ее — это входило в их повседневные обязанности. Никто не поздравил Мэйхака с победой, и успех никак не способствовал улучшению его положения. Да, он победил — развлечение закончилось; что было, то прошло — почему бы это каким-нибудь образом повлияло на дальнейшие события?

После этого памятного для Мэйхака события племя стало перемещаться на юго-запад и через несколько недель оказалось на берегу широкой реки. Локлоры не умели плавать, а мысль о сооружении плотов или поплавков даже не приходила им в голову. Они направились по берегу на юг, в темный лес, состоявший из высоких деревьев, напоминавших хвойные. Через несколько дней племя набрело на заброшенные руины белокаменных дворцов давно покинутого города. Один из дворцов локлоры-гинко почему-то считали своим древним убежищем или святилищем; заметив в тенях развалин движение белых призраков-домовых, кочевники пришли в ярость. Они разожгли факелы и занялись очисткой дворца от незваных паразитов. Домовые не оказывали сопротивления, отступая с жалобно-раздраженными восклицаниями и растворяясь в полумраке подземелий.

Призраки исчезли, оставив после себя только характерный неприятный запах. Мэйхак заинтересовался фресками на стенах и потолке помещения, служившего некогда парадным приемным залом. Рассматривая фрески, он услышал шорох за спиной. Обернувшись, Мэйхак оказался лицом к лицу с закутанным в белые лохмотья домовым, стоявшим в двух шагах и протянувшим к Мэйхаку длинную скрюченную руку, словно обвиняя его в неопозволительном вторжении. Мэйхак оцепенел. Плотноядно оскалившись, домовый приблизился, чтобы схватить его. Мэйхак ударил по костлявой руке. Домовой взвизгнул и, взметнувшись клубом развевающихся тряпок, бросился на Мэйхака, успевшего пригнуться и откатиться в сторону только благодаря быстроте отточенных локлорами рефлексов. Призрак не отставал — и Мэйхаку, зажатому в угол, пришлось вступить в смертельную схватку с отвратительным, на удивление жестким, неутомимым и когтистым порождением ночного кошмара. Наконец, когда домовый уже повалил Мэйхака на спину, практически содрал с него когтями скальп и принялся глотать ему лицо, Мэйхаку удалось сломать этому существу шею. Неподвижное костлявое чудище лежало на истекающем кровью, едва сохранявшем сознание Мэйхаке. Несколько локлоров наблюдали за схваткой; теперь они отвернулись и ушли. Мэйхак догадался: кочевники решили, что он мертв.

Во дворце наступила тишина. Локлоры покинули его. Мэйхак понимал, что домовые вот-вот вернутся. Он выполз на террасу перед входом во дворец, посмотрел по сторонам — и с изумлением заметил вдалеке, на набережной, строение, очертания которого показались ему знакомыми. Неужели это Фондамент? Он на окраине Ромарта? Кое-как поднявшись на ноги, Мэйхак побрел по берегу к городу. Через некоторое время он повстречался с группой кавалеров. Его отвели во дворец династии Рейми, где ему предоставили уход, кров и пищу.

Неслыханный подвиг — способность выжить в плену у локлоров на протяжении трех лет — позволил Мэйхаку приобрести популярность и привлек к нему всеобщую симпатию. От Джамизель, с тех пор, как она улетела с Отмира, не поступало никаких вестей. Старейшины клана Урдов отстранились от Асрубала и его сообщников. В настоящее время Асрубала в Ромарте не было. Урды признали, что Асрубал организовал преступное нападение на Мэйхака, Джамизель и Джаро, и что Асрубал, вкупе с единомышленниками, нес ответственность за убийство младенца Гарлета. Все они должны были понести надлежащее наказание. Клан Урдов принес Мэйхаку извинения и предложил ему возмещение в размере пяти тысяч сольдо. Кроме того, Мэйхак потребовал, чтобы ему предоставили документ, обязывающий представителей династии Урдов оказывать ему содействие в Лури и в других местах. Поначалу советники-Урды отказывались выполнить это требование: по их мнению, поставленные Мэйхаком условия были слишком неопределенными и могли быть истолкованы слишком широко. Мэйхак указал на тот факт, что широкие полномочия могли оказаться необходимыми ему в поисках Джамизель, отбывшей в Лури на борту корабля конторы Лоркина. В конечном счете старейшины династии Урдов уступили давлению общественного мнения и выдали Мэйхаку желаемый документ, а также обеспечили его перелет во Флад на аэромобиле конторы Лоркина, а затем перелет в Лури на борту грузового космического корабля той же конторы. Мэйхак отправился в Лури, не теряя времени. Пролетая над степью Тангцанг, он разглядывал проплывавшие внизу знакомые очертания ландшафта и пытался представить себя снова в компании локлоров. Его преследовали яркие воспоминания о таборах, кострах и кормушках, о повседневном существовании, полном боли, страха и ничтожества — но в то же время реальность степи Тангцанг была уже слишком далека от действительности цивилизованной жизни.

В свое время Мэйхак прибыл в Лури. В конторе Лоркина он предъявил импозантной леди Уолдоп подтверждавший его полномочия документ. Та внимательно изучила бумагу, после чего с тяжелым вздохом спросила: «Каковы ваши потребности в настоящий момент?»

«Три года тому назад молодая женщина прибыла сюда из Ромарта с двухлетним сыном. Вы ее помните?»

«Помню, но смутно. Она показалась мне несчастной».

«Вы говорили с ней?»

«Мы всего лишь обменялись парой слов. Она спросила, где находится Натуральный банк. Я объяснила ей, как туда пройти, и она ушла с ребенком на руках. Вот и все, что я могу сказать».

«Благодарю вас. А теперь — где Асрубал?»

В голосе леди Уолдоп появилась резкая нотка: «По этому поводу мне ничего не известно. Его нет в Лури; насколько я понимаю, на нашей планете его давно не видели».

«И у вас нет никаких сведений о том, куда он направился?»

«Не имею ни малейшего представления. Он со мной не делится своими секретами».

«В таком случае я хотел бы расспросить вашего клерка — может быть, он что-нибудь знает».

«Сомневаюсь! — подняла брови леди Уолдоп. — Вы только зря потратите время». Но Мэйхак уже повернулся к Оберту Ямбу, сгорбившемуся над столом и притворявшемуся, что ничего не слышит. Мэйхак сделал вид, что читает стоявшую на столе табличку: «Насколько я понимаю, вас зовут Оберт Ямб?»

«Так меня зовут».

«Вам приходилось встречаться с Асрубалом дин-Урдом?»

«Приходилось. Очень важный и строгий господин. Когда он говорит «Нет», ему не приходится трубить в рог или звенеть колокольчиком, чтобы подчеркнуть окончательный характер своего отказа».

«Где он сейчас?»

«Асрубал улетел на...»

«Ямб, не сплетничайте! — громко прервала клерка леди Уолдоп. — Найдите другой способ привлечь к себе внимание».

«Хорошо, леди Уолдоп! — Ямб покорно склонил голову над бухгалтерской книгой, но тут же снова поднял ее и почесал кончик носа самопишущим пером. — Я сообщу вам то, что знаю, а вы можете надлежащим образом передать эту информацию господину Мэйхаку. Асрубал заказал билет до Окноу, космического порта планеты Флессельриг».

Леди Уолдоп раздраженно прищелкнула языком и развернулась на каблуках: «Ямб, вы превысили свои полномочия! Я давно замечала в вас склонность совать нос не в свои дела, но до сих пор терпела ваши выходки, потому что опасалась, что ваша болтливость обойдется мне еще дороже, если за вами некому будет присматривать. Но сегодня вы в последний раз вмешались в дела, не имеющие никакого отношения к вашим обязанностям, и переполнили чашу моего терпения! Короче говоря, вы уволены — без рекомендаций!»

«Очень сожалею, что не оправдал ваши ожидания, — отозвался Ямб. — Я всего лишь хотел оказаться полезным посетителю».

«Все это замечательно, но если вы надеетесь добиться успеха в этом мире, вам придется понять, что иногда гораздо полезнее держать язык за зубами, чем высовываться с самоуверенностью деревенского нахала!»

«А, теперь я осознал свою ошибку! Могу ли я продолжать работу?»

«Ни в коем случае! То есть, сегодня выполняйте обязанности, как обычно. Перед тем, как уходить, аккуратно сложите бумаги в архив и выключите телефоны. Кроме того, если вам придется задержаться до вечера, проследите за тем, чтобы все поступления и затраты, в том числе сегодняшние, были учтены до последнего сольдо».

«Будет сделано. Я выплачу себе жалованье наличными, отведенными на мелкие расходы».

«Как вам угодно. Не забудьте оформить квитанцию, подтверждающую получение».

Мэйхака больше ничто не задерживало в конторе Лоркина, и он удалился. Задержавшись в тени сине-зеленого дендрона, он задумался над тем, как радикально изменилась его жизнь с тех пор, как он в последний раз проходил по главной улице Лури.

Он представил себя таким, каким был тогда, и сравнил это представление с собой сегодняшним. Результаты сравнения нельзя было назвать радостными или воодушевляющими, но он заставил себя забыть о сомнениях и сожалениях. Для того, чтобы задача, поставленная им перед собой, могла быть эффективно выполнена, важно было сдерживать эмоции и не поддаваться вспышкам отчаяния. Три года, проведенные среди локлоров, научили его самодисциплине. Блуждая по степи Тангцанг, он не раз говорил себе, что, если он каким-то чудом выживет и вырвется из плена, он никогда больше не позволит себе падать духом и поддаваться мрачному настроению.

Мэйхак взглянул налево — туда, где улица кончалась у космического терминала, а потом направо — туда, где дорога, окаймленная причудливыми, слишком высокими дендронами, скрывалась в лесу. Здесь, в пределах видимости, находился весь городок Лури, прибежище нескольких тысяч скрытных обывателей, заговорщицки бормотавших друг с другом, встречаясь на улице, и осторожно ступавшими так, чтобы никто не слышал их шагов. Мэйхак направился в местное отделение Натурального банка. Прилавок кассиров тянулся вдоль одной стены просторного полутемного помещения с высоким потолком. Противоположная стена была обшита узкими планками пористой золотистой коры пустоствольных деревьев. У этой стены стояли стол и пустое кресло. Рядом со столом находилась дверь с вывеской:

«ХУБЕР ТВАН

Директор».

В отсутствие секретаря Мэйхаку пришлось открыть эту дверь без приглашения. Он оказался в еще одном просторном помещении с высоким потолком; стены здесь были облицованы радующим глаз узорчатым зеленым деревом. Высокие окна выходили в сад; на полу лежал толстый ковер бутылочно-зеленого цвета. За обширным лакированным столом восседал Хубер Тван — приземистый, крепко сложенный человек с круглым краснеющим лицом, носом пуговкой и вызывающими усиками. Его волосы, буровато-ржавого оттенка, были артистически причесаны так, чтобы над ушами образовывалось нечто вроде надкрылий. Блестящий темно-коричневый костюм директора банка выглядел слишком роскошно в скромной и приглушенной атмосфере провинциального Лури; такое же впечатление производили его яркий шейный платок, расшитый цветочным орнаментом, и начищенные до блеска желтые башмаки с двухдюймовыми каблуками и заостренными носками. Увидев Майхака, директор слегка нахмурился, словно посетитель ввалился в святилище Твана, не соблюдая каких-то формальностей, и при этом не соответствовал представлению директора о респектабельном клиенте. Действительно, с точки зрения Хубера Твана, Мэйхак отличался многими нежелательными характеристиками.

«Впредь будьте добры позаботиться о том, чтобы о вашем посещении заранее объявляла моя секретарша! — строго заметил директор. — Общепринятая точка зрения заключается в том, что такой порядок приема посетителей свидетельствует о взаимном уважении

заинтересованных сторон».

«Обязательно учту ваши замечания, — отозвался Мэйхак. — Я только что прибыл из Ромарта и еще не успел достаточно цивилизоваться».

Тван с подозрением покосился на Мэйхака, его усики взъерошились: «Из Ромарта, говорите? Очень любопытно! И каким образом я мог бы вам помочь?»

«Все очень просто. Я хотел бы просмотреть записи, относящиеся к состоянию финансовых счетов династии Урдов — в частности, счетов Асрубала дин-Урда».

У Твана отвисла челюсть. Несколько секунд он просто не мог найти слов, после чего воскликнул: «Совершенно исключено! Откуда вы взяли, что я позволю вам просматривать какие-либо счета? Конфиденциальность наших клиентов неприкосновенна».

«Не сомневаюсь. Тем не менее, у меня есть документ, уполномочивающий меня провести такое расследование. У вас не может быть никаких возражений по этому поводу».

Тван возмутился: «Это неслыханно! Не могу себе представить, чтобы подобное разрешение было получено законными средствами!»

«Судите сами», — Мэйхак бросил документ на стол директора. Хубер Тван отшатнулся, словно Мэйхак предложил его вниманию ядовитое насекомое. Нагнувшись над бумагой, он внимательно прочел ее, что-то тихо бормоча себе под нос. Закончив чтение, он прочел текст заново, словно не верил своим глазам, после чего тяжело откинулся на спинку кресла: «Ничего не могу сказать. Ваши полномочия определены однозначно. Разумеется, я хотел бы сохранить копию этой доверенности в моем архиве».

«Разумеется».

Хубер Тван превратился в олицетворение лживого гостеприимства: «Что ж! Вы хотели просмотреть счета Урдов? Нет ничего проще, это можно сделать сию минуту». Панель обшивки стены отодвинулась в сторону; за ней оказался большой экран. Директор банка произнес пару слов, и на экране появились столбцы цифр.

Мэйхак просматривал эти цифры минут пять. Он задал директору несколько вопросов; Тван отвечал кратко, но вежливо. В конце концов Мэйхак сказал: «Не вижу записи, отражающей выплату трехсот тысяч сольдо получательнице по имени Джамизель Мэйхак».

«Такая выплата не производилась. Я хорошо помню сложившуюся ситуацию. Несколько лет тому назад молодая женщина предъявила мне вексель на эту экстраординарную сумму. Мне пришлось сообщить ей, что в местном отделении банка никогда не бывает такого количества наличных денег — это было бы обременительно и небезопасно. Я предложил ей два варианта. Я мог переслать вексель в главное управление Натурального банка в Окноу на планете Флессельриг и ожидать доставки наличных под охраной в Лури, что могло занять несколько месяцев. С другой стороны, она могла сама предъявить вексель к оплате в главном управлении Натурального банка в Окноу, где требуемую сумму с таким же успехом могли перевести со счета династии Урдов. Насколько мне известно, на счете Урдов в Окноу гораздо больше денег, чем в Лури. Я объяснил посетительнице, что такое решение вопроса заняло бы гораздо меньше времени, чем ожидание доставки наличных. Насколько я понимаю, она решила последовать моей рекомендации».

«Она ничего не сообщила о своих дальнейших планах?»

«Ничего. Предполагаю, что она вылетела в Окноу на следующем пассажирском судне».

«И она не оставила никаких сообщений?»

«Никаких».

Мэйхак скорчил недовольную гримасу и снова взглянул на экран: «На местном счете

Асрубала всего лишь восемь тысяч сольдо — не слишком внушительная сумма».

Хубер Тван согласился с тем, что состояние счета Асрубала не свидетельствовало о завидном финансовом положении.

«Значит, он открыл отдельный счет в Окноу?»

Усики директора взъерошились — ему явно не понравился вопрос. «Не могу назвать точную цифру, — холодно сказал он, — но, по имеющимся у меня сведениям, центральное отделение Натурального банка предоставляет Асрубалу огромный кредит, а это было бы невозможно в отсутствие соответствующего обеспечения».

«Последний вопрос. Встречались ли вы с Асрубалом в последнее время? Или, может быть, от него поступали какие-нибудь сообщения?»

«Нет. Я его довольно давно не видел — по меньшей мере несколько месяцев, а то и пару лет. В последний раз, когда Асрубал здесь появлялся, он тоже направлялся в Окноу».

Мэйхак поблагодарил Твана и удалился. Выйдя из банка, он задержался, чтобы разобраться в полученных сведениях. Добытые им скудные данные нельзя было назвать обнадеживающими. Присев на скамью, Мэйхак наблюдал за тем, как скрытные обитатели Лури украдкой занимались своими делами. Солнце, Чайная Роза, опускалось в вечернем небе, отбрасывая вдоль улицы длинные тени. Мэйхак заметил леди Уолдоп, покинувшую помещения экспедиторской конторы Лоркина — в отличие от большинства местных жителей, она передвигалась решительными размашистыми шагами, гордо рассекая воздух внушительным бюстом. Ее приближение производило любопытный эффект: одетые в черное прохожие наклоняли головы, отходили в сторону и замирали, искоса наблюдая за ней из-под полуприкрытых век, пока она не проходила мимо.

Мэйхак тоже подождал, пока леди Уолдоп не скрылась за углом, после чего перешел на другую сторону улицы и заглянул в окно конторы. Оберт Ямб все еще сидел, уныло сгорбившись за столом. Дверь конторы была закрыта на замок; когда Мэйхак постучал, Ямб неохотно поднялся и подошел к двери. Отодвинув засов, он приоткрыл дверь настолько, чтобы в проем можно было просунуть голову, и близоруко уставился на Мэйхака: «Контора закрыта. Завтра утром леди Уолдоп сможет ответить на любые ваши вопросы».

Мэйхак протиснулся внутрь и закрыл за собой дверь: «Я хотел бы поговорить именно с вами».

«Меня уволили, — сообщил Ямб. — Я не могу официально представлять контору Лоркина».

«Это ничему не помешает. Меня интересуют определенные сведения, и я готов за них заплатить».

«Даже так? — поднял брови Ямб. — О какой сумме идет речь?»

«Возможно, вы получите больше, чем ожидаете, — Мэйхак положил на стойку двадцать сольдо. — Начнем с начала. Примерно три года тому назад я намеревался заняться в Лури некоторыми делами и сообщил жене о своих планах. Я сказал ей, что, как только мы прибудем в Лури, я обращусь к вам в связи с конфиденциальным поручением, которое могло бы оказаться выгодным для вас в финансовом отношении. По сути дела, я хотел получить копии документов, чтобы впоследствии использовать их в ходе уголовного расследования. Мне пришлось, однако, надолго задержаться, и Джамизель приехала в Лури раньше меня. Я почти не сомневаюсь в том, что она не забыла о моих намерениях и при первой возможности связалась с вами. Я не ошибаюсь?»

Притворно-туповатое лицо Ямба оживилось проницательной усмешкой. Он изучал

Мэйхака из-под полуопущенных век: «Как звали упомянутую вами особу?»

«Джамизель Мэйхак. Я — Тоун Мэйхак. Сколько она вам заплатила?»

«Тысячу сольдо — и этого было едва ли достаточно, учитывая риск, которому я подвергался».

«Но вы сделали то, о чем она просила?»

Ямб тревожно оглянулся — дверь конторы была плотно закрыта: «Да, я скопировал бухгалтерские книги, отражавшие финансовые операции конторы на протяжении интересовавшего ее периода времени, то есть за пять лет. Она была вполне удовлетворена результатом».

«Хорошо. Теперь, будьте добры, скопируйте те же учетные книги для меня. Я заплачу столько же».

Физиономия Ямба вытянулась: «Невозможно. Даже если бы я мог это сделать, я не посмел бы, учитывая последствия моего первого нарушения субординации».

«Что вы имеете в виду?»

«Асрубал прилетел с Отмира через несколько дней после вашей супруги — злой, как черт. Он вихрем ворвался в контору и потребовал, чтобы я принес бухгалтерские книги. Уверяю вас, у меня душа ушла в пятки. Тем не менее, я изобразил полное безразличие и вежливо вручил ему учетные записи. Он тут же принялся их просматривать, что-то бормоча в сторону леди Уолдоп — та стояла рядом, явно ничего не понимая. Асрубал внезапно нагнулся и понюхал страницы. Выпрямившись, он впился глазами в лицо леди Уолдоп — у меня от одного воспоминания об этом взгляде кровь стынет в жилах! «Кто-кто копировал учетные книги!» — сказал он низким, хриплым голосом.

«Не может быть! — воскликнула леди Уолдоп. — Кто и зачем стал бы их копировать? Пойдемте, проверим показания счетчика, и все выяснится».

Они зашли в подсобное помещение, где стоит копировальная машина — но мне нечего было опасаться, потому что я, разумеется, отсоединил счетчик, когда делал копии без разрешения. Когда они вернулись, леди Уолдоп гордо расправила плечи: «Как видите, на этот раз нюх вас подвел! Никто ничего не копировал с тех пор, как я сама в последний раз регистрировала показания счетчика».

Асрубал повернулся ко мне, явно пытаясь заметить у меня на лице признаки смущения или страха: «Так что же, Ямб! Вы копировали учетные книги?»

«Разумеется! — с готовностью ответил я. — Каждую неделю я сканирую их с помощью вычислительной машины. Таковы мои обязанности — данные считываются и загружаются в запоминающее устройство, чтобы вы, ваша честь, могли получать к ним немедленный доступ! Это очень просто. Например, я могу выбрать заголовок «Экспорт», указав определенный период времени, и на экране появятся даты и суммы, отражающие экспортные операции, осуществленные на протяжении этого срока. Очень удобная система, вы не находите?»

«Надо полагать. Мой вопрос, однако, относится к копировальной машине. Отвечайте: вы пользовались этой машиной? Важность документов, о которых идет речь, невозможно переоценить!»

Он сверлил меня взглядом, словно проникавшим в мозг, но за многие годы я выработал манеру изображения простодушной невинности, способную убедить самого пронизательного инквизитора в том, что я полный тупица, и что моя совесть не обременена ничем, кроме чрезмерного употребления чеснока. Насколько я понимаю, мне удалось

произвести такое впечатление на Асрубала; ему не удалось найти никакого подтверждения своим подозрениям, хотя он и готов был наброситься на любую улику, как шипящая змея, свернувшаяся в клубок. Асрубал задавал вопросы, а я только глупо ухмылялся и елеяно облизывал губы — что неизменно вызывает отвращение, побуждающее собеседника прекратить разговор. Асрубал не выдержал и отвернулся, с раздражением воздев руки к потолку. Еще несколько минут он продолжал приставать к леди Уолдоп, но та решительно отвергала любые обвинения. В конечном счете Асрубал стер все данные из памяти вычислительной машины, схватил мои бухгалтерские книги и в ярости ушел из конторы. Он побледнел настолько, что его лицо казалось вырезанным из кости».

«Джамиэль не упоминала о своих дальнейших планах?»

«Нет. Она отправилась на космодром и улетела. Я знаю, что Асрубал долго наводил справки по этому поводу, но, насколько мне известно, ему не удалось узнать ничего определенного».

Мэйхак протянул клерку сто сольдо. Оберт Ямб наклонил голову набок: «Вы расстаетесь с деньгами с небрежностью вельможи, которому все равно, сколько он платит — сотню или тысячу».

«Это не совсем так. Вы можете сообщить мне что-нибудь еще?»

«Я мог бы поведать не слишком занимательную историю моей жизни. Кроме того, однажды мне удалось подсмотреть, какого цвета трусы у леди Уолдоп — когда она поскользнулась на фруктовой кожуре и грохнулась на спину. Я оставил кожуру на полу у входа».

«Больше ничего?»

«Ничего», — с сожалением вздохнул Ямб.

Вложив ему в руку сотенную бумажку, Мэйхак сказал: «Вам эти деньги пригодятся, пока вы будете искать новую работу».

«Не беспокойтесь, — благодушно отозвался Ямб. — Пару дней мне придется помогать тетушке Эстебель в синдикате Примроза, после чего леди Уолдоп обнаружит ряд таинственных затруднений, делающих мое сотрудничество незаменимым. У нее из ушей дым пойдет, она будет проклинать меня, на чем свет стоит — но в конце концов прикажет мне вернуться на работу. Что не вызовет у меня никакого энтузиазма, уверяю вас. На этот раз она зашла слишком далеко; я объясню ей, что ни один уважающий себя человек не стал бы беспрекословно терпеть некоторые из ее инсинуаций. Если она надеется и впредь пользоваться моими услугами, ей придется существенно увеличить мой оклад, предоставить мне новый удобный стол рядом с окном и установить на этом столе табличку с надписью «Главный бухгалтер» или даже «Финансовый директор»».

«Ваша жизнь полна опасностей и приключений, — сказал Мэйхак. — Напомните мне, пожалуйста, где находится местное отделение МСБР?»

Ямб открыл дверь конторы — дело уже шло к вечеру. Клерк указал пальцем: «Дойдите до второй поперечной улицы. Там с одной стороны будет салон, где делают педикюр, а с другой, за большим черным браслетным деревом — единственное представительство МСБР на планете Нило-Мэй».

В отделении МСБР Мэйхак представился молодому агенту и спросил, не оставял ли кто-нибудь для него какое-нибудь сообщение. Как он и ожидал, сотрудник протянул ему конверт, помеченный надписью «Передать лично в руки Тоуну Мэйхаку».

В конверте лежала записка:

«К сведению Тоуна Мэйхака.

Я нанялся на звездолет «Люстишрангер» компании «Деметр». Адресованные мне сообщения посылай в управление компании «Деметр» на Древней Земле. Мы можем встретиться в назначенном тобой месте.

— Гэйнг Нейтцбек».

Мэйхак покинул Лури на борту пассажирского корабля компании «Сванник», доставившего его на пересадочную станцию Кэлли, искусственный спутник Тринадцатой планеты звезды АХХ-1 в секторе Девы, где ему удалось зарезервировать каюту на круизном туристическом судне, направлявшемся в Окноу на планете Флессельриг, коммерческий и финансовый центр дальнего сектора Ойкумены. Там Мэйхак сразу явился в главное управление Натурального банка, и его направили к одному из заместителей директора, Брину Дикичу, заметно отличавшемуся от Хубера Твана и внешностью, и манерами — стройный и представительный, он проявлял готовность к сотрудничеству; кроме того, у него не было усов. Дикич провел Мэйхака к себе в кабинет, попросил секретаршу принести чаю и спросил, чем он мог быть полезен.

«На первый взгляд мой запрос покажется вам необычным — даже, может быть, шокирующим. — начал Мэйхак. — Познакомившись с предпосылками дела, однако, я думаю, вы согласитесь с тем, что он вполне обоснован».

«Будьте добры, продолжайте, — отозвался Дикич. — По меньшей мере, вам удалось возбудить мое любопытство».

«Я много лет работал в МСБР и вышел в отставку с положительной рекомендацией. Е настоящий момент я пытаюсь выследить преступника — вора, мошенника и убийцу. Этот человек — роум с планеты Отмир, его зовут Асрубал дин-Урд, и он открыл счета как минимум в двух отделениях Натурального банка — здесь и в Лури».

«И вы хотели бы получить информацию, относящуюся к его счету? — ровным, ничего не выражающим тоном спросил Дикич. — Само собой, я не могу выполнить такую просьбу, несмотря на то, что от всей души хотел бы способствовать достижению вашей цели. Мне приходилось иметь дело с Асрубалом — на мой взгляд, он мерзавец, каких мало».

Мэйхак положил на стол доверенность, полученную в Ромарте: «Мои полномочия определяются этим документом».

Дикич внимательно прочел все до последнего слова и поднял глаза: «Впечатляющий юридический инструмент! Он предоставляет вам возможность контролировать по своему усмотрению финансовые средства династии Урдов, даже если они перечислены на личный счет Асрубала».

«Вы правильно понимаете ситуацию».

Брин Дикич с сомнением поджал губы и снова прочел доверенность: «Что ж, инструкции однозначны. Надо полагать, вы хотели бы просмотреть счет Асрубала?»

«Если это вас не затруднит».

Дикич нажал несколько клавиш, и на экране появились соответствующие цифры. Мэйхак изучал их несколько секунд: «Вам известно, разумеется, что Урды выписали вексель на триста тысяч сольдо, подлежащий оплате со счета Асрубала; возникает впечатление, что эта сумма до сих пор не выплачена».

«Нас уведомили об оформлении такого векселя».

«В Лури его не смогли оплатить — но здесь, в Окноу, вам его не предъявляли?»

Дикич взглянул на экран: «Нет, у нас еще не было возможности выплатить эти деньги. Вексель, выписанный на предъявителя, если он не уничтожен, все еще может быть

использован в любое время».

«Учитывая проценты и дивиденды, начисленные за три года, какая сумма может быть получена сегодня по этому векселю?»

«Примерно четыреста тысяч сольдо».

«Я хотел бы предотвратить любую попытку Асрубала снять эти деньги со своего счета. Вы можете заблокировать четыреста тысяч?»

Дикич задумался: «Это займет некоторое время, но это можно сделать. На основе полученной вами доверенности я могу перевести указанную сумму на временно заблокированный депозитный счет таким образом, чтобы она могла быть выплачена только предъявителю векселя».

«Будьте добры, займитесь этим».

«Хорошо. Мне нужно будет точно рассчитать сумму, о которой идет речь. Так или иначе, после ее изъятия кредит Асрубала будет практически исчерпан».

«Асрубал очень огорчится. Пожалуйста, проследите за тем, чтобы ни Асрубал, ни кто-либо другой из клана Урдов ни в коем случае не мог воспользоваться этими деньгами».

«Я внесу особые указания, исключая такую возможность», — Дикич снова взял со стола доверенность и внимательно прочел ее в третий раз. Пожав плечами, он прибавил: «Так тому и быть. Но для того, чтобы никто не мог предъявить мне претензии в дальнейшем, придется оформить заверенную и подписанную вами копию этого документа».

После того, как копия была подписана к удовлетворению Дикича, Мэйхак спросил: «Надо полагать, Асрубал здесь в последнее время не появлялся?»

«В последнее время — нет. Мы его не видели несколько месяцев, может быть, даже дольше. Теперь я припоминаю, что примерно год тому назад для него было оставлено сообщение. Минутку... — Дикич порылся в ящике стола, вынул бежевый конверт и проверил проставленную на нем дату. — Да, это сообщение пролежало у меня целый год. Асрубал так и не позаботился его получить». Мэйхак протянул руку. Дикич неохотно отдал ему конверт. Прежде, чем Дикич успел что-либо возразить, Мэйхак вскрыл конверт, вынул лежавшую в нем записку и прочел ее вслух:

«Асрубалу дин-Урду

Обозначив дом, где умерла женщина, в качестве эпицентра, я производил поиски, описывая концентрические круги все большего радиуса, и в конечном счете выяснил фактические обстоятельства со степенью достоверности, на мой взгляд составляющей 90%. Единственная альтернатива (вероятность которой не превышает 10%) заключается в том, что сын женщины утонул в реке. Гораздо более вероятными выглядят сведения, согласно которым он был усыновлен парой супругов-антропологов, Хильером и Альтеей Фатами, и перевезен ими туда, где они живут, а именно в город Танет на планете Галлингейл. Существуют официальные записи об усыновлении, обосновывающие такое заключение.

Герман дин-Урд».

Дикич с тревогой взглянул на Мэйхака: «Что с вами? Вы побледнели, как полотно».

«Джамизель умерла, — пробормотал Мэйхак. — Асрубал ее убил».

«Мой рассказ подходит к концу, — вздохнул Мэйхак. — Сообщение Термана, лежавшее в ящике стола Бриана Дикича, по сей день потрясает меня каждый раз, когда я о нем вспоминаю. Я надеялся, что Джамизель ускользнет от Асрубала — но он ее нашел. Боюсь даже представить себе, что с ней случилось. Все мое существование сосредоточилось на поиске двух людей: Джаро и Асрубала. Еще тогда, когда я сидел в кабинете Дикича, я спрашивал себя: почему Асрубал с такой настойчивостью стремится выследить Джаро? Длительное размышление позволило мне ответить на этот вопрос. Единственное возможное объяснение заключалось в том, что Джамизель успела спрятать вексель и разоблачающие документы в каком-то тайнике и умерла прежде, чем Асрубал сумел выпытать из нее местонахождение тайника. Мой сын убежал и, по-видимому, знал, где спрятаны документы. Разоблачение оставалось маловероятным, но Асрубал не смеет пренебрегать такой возможностью: он не может чувствовать себя в безопасности, пока не уничтожит все копии бухгалтерских книг и пока угрожающий его состоянию вексель не будет аннулирован.

Не знаю, сообщался ли Терман с Асрубалом каким-либо иным образом. Я сразу отправился в Танет и был очень рад, когда выяснилось, что ты жив и здоров и находишься на попечении заботливых приемных родителей. Фаты прилагали все возможные усилия, чтобы дать тебе хорошее воспитание — в пределах своих представлений, конечно. Гэйнг Нейтцбек присоединился ко мне и стал работать в мастерской космического терминала; меня наняли в местное отделение МСБР в космическом порту. Таким образом, Нейтцбек и я могли следить за всеми прибывающими пассажирами. Мы обращали особое внимание на звездолеты, прибывавшие с Флессельрига и Нило-Мэя.

Шло время — наше ожидание не привело ни к каким результатам. Асрубал так и не появился, и среди приезжих не оказалось ни одного роума.

Я начинал терять терпение. Неужели мои предположения расходились с действительностью? Я не мог понять, в чем заключалась моя ошибка. Оставалось сделать только одно допущение: после того, как он оставил конверт с сообщением у Дикича, Терман дин-Урд был убит или умер по другой причине. Или же он решил не возвращаться на Отмир и поселился на какой-нибудь другой планете Ойкумены. Я снова связался с Брином Дикичем; тот сообщил мне, что никто не обращался в управление Натурального банка в Окноу в связи с векселем, выданным династией Урдов, и что на счет Асрубала больше не перечислялись какие-либо суммы. Я не мог понять, что происходит. В конце концов я решил попытаться что-нибудь разузнать у Фатов и заодно познакомиться с моим сыном. К тому времени я уже знал, что врачи стерли часть памяти Джаро, и это, разумеется, меня беспокоило. Тем не менее, память может восстановиться — Джаро может вспомнить обстоятельства смерти своей матери и то, что случилось с бухгалтерскими книгами и банковским векселем.

Я отправился в лавку торговца редкостями и купил несколько экзотических музыкальных инструментов, в том числе квакгорн — и даже попытался играть на квакгорне. Это очень трудно, но для непосвященных квакгорн звучит примерно одинаково, независимо от того, насколько хорошо или плохо на нем играют. Я зарегистрировался в Институте и стал посещать пару курсов, которые читала Альтея; через некоторое время я ненароком

упомянул о своем увлечении экзотическими инструментами. Альтея сразу заинтересовалась моими поползновениями в этой области и настояла на том, чтобы я обязательно навестил ее в Приюте Сильфид и познакомился с ее семьей. Мы поговорили о ее приемном сыне, и Альтея не могла нахвалиться мальчиком, из которого вышел замечательный во всех отношениях молодой человек. Я пытался выяснить, где ей удалось найти такого вундеркинда, но Альтея стала бормотать что-то невразумительное и сменила тему разговора.

Я стал регулярно навещать Приют Сильфид. В целом такие вечера проходили успешно, несмотря на подозрения Хильера — неизбежные, хотя я во всем ему уступал и вежливо выслушивал все его мнения. Я даже принес сюда квакгорн и сыграл на нем для Фатов. Мое исполнение понравилось всем, кроме Хильера; по-видимому, он ко мне ревновал, а также недолюбливал меня хотя бы по той причине, что я астронавт — то есть недостойный доверия бродяга по определению. Несколько раз я осторожно заводил разговор о происхождении Джаро, но Хильер и Альтея всегда уклонялись от обсуждения этой темы. Тогда я еще не понимал, почему. Неудивительно, что они перестали меня приглашать — по их мнению, я оказывал на Джаро нежелательное влияние.

Я терял время. Я чувствовал, что нужно было срочно сделать что-нибудь положительное. Нейтцбек продолжал следить за событиями в Танете, а я отправился на Нило-Мэй на борту грузового судна. И снова я потерял время — мне следовало лететь на пассажирском корабле вместо того, чтобы экономить деньги. Когда я наконец прибыл в Лури, там уже все изменилось. Леди Уолдоп больше не руководила конторой Лоркина. Меня встретила новая заведующая — тощая молодая особа с коротко подстриженными волосами и матовыми глазами, похожими на окатыши. Оберт Ямб женился на своей кузине, Тви Пиди, и работал в синдикате Примроза. Увидев меня, он не слишком обрадовался; кроме того, ему практически нечего было мне сообщить. Два года тому назад леди Уолдоп вылетела из Лури в неизвестном направлении. Ямб не видел Асрубала несколько лет и не имел представления о том, где он находится. Я просмотрел записи в здании космического терминала, подтвердившие, что Терман дин-Урд в свое время приобрел в Лури билет до Окноу. Я сделал то же самое, и на протяжении следующих двух лет выслеживал Термана, переезжавшего с планеты на планету в поисках Джаро. Дело продвигалось медленно: Терман заметал следы, и моя задача становилась все более затруднительной. В конце концов я полностью потерял его — три года непрерывной слежки пропали даром. Я решил вернуться в Танет и каким-нибудь образом все-таки выведать у Фатов, где они нашли Джаро — хотя и подозревал, что мне все равно ничего не скажут.

Вернувшись на Галлингейл, я обнаружил, что Фаты погибли, не оставив после себя никакой полезной информации. Гэйнг Нейтцбек тоже не может ничего сообщить — кроме того, что ни Терман дин-Урд, ни Асрубал, ни кто-либо из людей, связанных с событиями на Отмире, в Танете не появлялся. Вот и все, по сути дела».

Поразмыслив некоторое время, Скирль решила, что обращение с ней работников банка выходило за рамки приемлемого пренебрежения. Она позвонила в комитет «Устричных кексов» и описала возникшую оскорбительную ситуацию. Она заявила, что банк, проявив презрение к ней и к ее статусу, тем самым подрывал непреложные основы цивилизованного общества.

Председатель комитета попросил ее немного подождать и набраться терпения, обещая немедленно заняться решением этого вопроса. Он позвонил уже через десять минут, сообщив, что банк признал ошибку и приносит глубокие извинения. Работники банка не будут возражать, если Скирль, в любое удобное для нее время, вернется в Сассунское Эйри и заберет, по своему усмотрению, все личные вещи. Более того, работники банка будут рады оказать при этом любую необходимую помощь.

Скирль поблагодарила председателя комитета, отметив, что членство в клубе «Устричных кексов» — замечательное преимущество, с чем председатель всецело согласился.

Джаро и Скирль тут же поехали в Сассунское Эйри, где охранники, нанятые банком, поспешили продемонстрировать готовность к сотрудничеству. Скирль упаковала самую полезную и желательную с ее точки зрения одежду, после чего прошлась по усадьбе, собирая предметы, которые можно было считать сувенирами — в том числе собранную ее отцом коллекцию древних миниатюр с планеты Колости и окаменевшего трилобита с Древней Земли. Когда Джаро и Скирль вернулись в Приют Сильфид, Джаро отнес чемоданы наверх, в спальню, отведенную девушке. Затем Джаро оставил ее одну; Скирль с облегчением распаковала остатки своего гардероба и переделалась в длинное темно-зеленое платье. Она задержалась у зеркала, изучая отражение, взяла гребень и привела в порядок растрепанные локоны. «Во мне что-то изменилось, — думала она, глядя в зеркало. — Что-то исчезло или что-то появилось. К добру это или не к добру? Кто знает?»

Задумчиво отвернувшись от зеркала, Скирль спустилась по лестнице в гостиную. Джарс взглянул на нее мельком, после чего снова пригляделся: «Ты выглядишь на удивление хорошо! Что ты с собой сделала?»

«Переделалась и причесалась. Кроме того, я больше не злюсь на банкиров».

«В тебе что-то изменилось, — заявил Джаро. — Что именно, не совсем понимаю. Может быть, потому, что...» Поколебавшись, Джаро решил не продолжать обсуждение этой темы.

С подозрением покосившись на него, Скирль сказала: «Насколько я понимаю, у тебя есть проблемы, нуждающиеся в решении».

«Верно. Нужно выяснить, где Фаты меня нашли».

«Ах да. Они тебе так ничего и не сказали».

«Ничего. Когда я спрашивал, они только смеялись и говорили, что это было очень далеко, очень давно и не имеет никакого значения».

«Почему они уклонялись от ответа?»

«Причина проста. Они хотели, чтобы я закончил Институт, получил ученую степень и занимался, так же, как они, исследованиями и преподаванием. Больше всего они не хотели,

чтобы я отправился в космос в поисках своего прошлого».

«Я бы назвала это несколько своевольным, даже капризным ущемлением твоих прав».

Джаро согласился: «Тем не менее, они всего лишь хотели устроить меня в жизни наилучшим, по их мнению, образом».

«Полагаю, ты уже просмотрел все их записи?»

Джаро рассказал о своих многолетних поисках: «Я ничего не нашел».

Скирль понимающе кивнула: «Тебе потребуются услуги квалифицированного следователя».

«Возможно. У тебя есть кто-нибудь на примете?»

«Я могла бы заняться твоим делом, если получу достаточный гонорар».

«О достаточном гонораре, к сожалению, не может быть речи. По сути дела, о гонораре вообще не может быть речи».

«Неважно! — заявила Скирль. — Этого следовало ожидать. Я все равно займусь твоим делом, на благотворительных началах и с целью приобретения профессиональной репутации. Так что не беспокойся! Все твои проблемы будут решены».

«Надеюсь — хотя сомневаюсь. Хильер был человек аккуратный и дотошный. Я обыскал все, что можно».

«Вполне вероятно, что ты искал не там, где следовало — в то время как факты смотрели тебе в лицо».

«Увидим! — вызывающе отозвался Джаро. — С чего бы ты хотела начать?»

«Сначала я хотела бы задать несколько вопросов».

«Задавай».

«Где ты искал?»

«Я изучил все записи, относящиеся к поездкам Фатов. Записи, относящиеся к тому времени, когда они меня нашли, отсутствуют. Я просматривал заметки, счета и квитанции, аккредитивы, полученные в Институте, даже сувениры — в том числе меню из ресторанов — и ничего не нашел. Я перерыл все на чердаке. Возникает впечатление, что в этом доме никто ничего не выбрасывал как минимум сто лет. Я нашел отчеты о результатах сельскохозяйственных экспериментов, школьные домашние задания Альтеи и кучу сломанной мебели — но там не было ничего, относящегося к полетам на другие планеты. Я обыскал кабинет Хильера пядь за пядью, пролистал каждую книгу из библиотеки Фатов. Я заглянул во все места, где они могли бы спрятать соответствующие записи, а потом и во все остальные, самые маловероятные места. И ничего не нашел. Никакого намека, никаких признаков интересующих меня сведений. Я снова просмотрел все их дневники и журналы, строчку за строчкой, надеясь натолкнуться на какое-нибудь полезное упоминание — но там ничего нет. Все впустую».

«Ты мог пропустить какой-нибудь намек, какое-нибудь закодированное указание».

«Может быть — но вряд ли».

«Я начну с их путевых журналов».

Джаро пожал плечами: «Как тебе угодно. Боюсь, ты только потеряешь время».

«Что-то должно было остаться!»

«Хильер методичностью не уступал вычислительной машине. В том, что касалось документов, он никогда ничего не пропускал».

«Посмотрим, что у меня получится».

Джаро предоставил девушке возможность рыться в любых бумагах, присоединился к

Мэйхаку, вышедшему на крыльцо, и завел разговор о различных попытках приобрести Приют Сильфид и окружающую землю — в частности, о нетрадиционных методах, применявшихся в этом отношении Форби Мильдуном и его племянницей Лиссель.

«Когда я об этом вспоминаю, у меня кровь бросается в голову! — говорил Джаро. — Они хотели обвести вокруг пальца наивного простофилю-профана, готового уступить землю за гроши. А потом, выставив ограбленного профана на дорогу Катцвольда, они собирались вынудить Гильфонга Рюта обменять на эту землю его роскошную космическую яхту. Абель Шелкович выдвинул более разумное предложение, но оно сопровождалось угрозами. Меня эти люди просто бесят!»

«Не думаю, что Шелкович посмеет осуществить свои угрозы — особенно после того, как мы познакомим его с Нейтцбеком».

Несколько ободренный этими словами, Джаро вернулся в дом, чтобы проверить, как идут дела у Скирли. Та безутешно перелистывала бумаги, лежавшие во всевозможных архивных папках — каждую из них Джаро уже просматривал несколько раз.

«Ты что-нибудь нашла?» — спросил Джаро.

«Ничего. Действительно, возникает впечатление, что Хильер хладнокровно и безжалостно изымал все документы, способные навести тебя на след».

«Хильер не был хладнокровным и безжалостным человеком».

«Может быть, я неправильно выразилась, — Скирль указала на полку. — Путевые журналы пронумерованы. Журналы 25 и 27 остались. Журнала 26 нет. Он относится именно к тому времени, когда тебя нашли».

«Надо полагать, он в пакете, который Имбальд готов мне отдать, как только я откажусь от безрассудных фантазий и приму единственное разумное решение, то есть закончу Институт».

Скирль отложила бумаги: «Ты прав. Хильер ничего не пропустил. Просматривать записи бесполезно».

«Может быть, что-нибудь найдется в Институте — хотя Мэйхак уже проверил все, что осталось в рабочих кабинетах Фатов. Давай пока что отложим поиски. Пора устраивать наш первый праздничный ужин. Придет Гэйнг Нейтцбек. Ты умеешь хорошо готовить?»

«Не сказала бы».

«Тогда готовить буду я, а ты накрывай на стол. Парадные скатерти Альтеи — в этом стенном шкафу, а фаянсовая посуда и всякая утварь — в шкафчиках на кухне».

«Хорошо, — согласилась Скирль. — Что ты собираешься готовить?»

«Рагу».

«Звучит неплохо. Может быть, в один прекрасный день ты научишь меня кулинарии».

«Обязательно! Рагу очень просто делается. Кладешь в горшок кучу разных вещей, заливаешь водой и варишь. Когда все готово, добавляешь соль и перец и ставишь горшок на стол, чтобы каждый брал, сколько хочет. Работает безотказно».

Скирль открыла стенной шкаф, выбрала веселую голубую скатерть с красным клетчатым узором и расстелила ее на столе. В кухне она нашла тарелки с узором примерно той же расцветки и аккуратно расставила их, разложив столовые приборы и салфетки, а посреди стола установила один из подсвечников Альтеи, внешний вид которого, на ее взгляд, подходил к случаю.

Когда пришел Гэйнг, компания расселась вокруг стола. Ужин подавали при свете свечей: салат из огородной зелени, рагу, хлеб с оливками, а также пару бутылок столового

красного вина Хильера, под наименованием «Эмильоне». Скирль подкреплялась с аппетитом, но мало говорила, погруженная в свои мысли. Мысли эти очевидно носили забавный характер, так как Скирль время от времени с трудом сдерживала ухмылку, грозившую нарушить торжественную серьезность, которую она старательно на себя напускала. Джаро внимательно следил за ней, пытаясь угадать, что именно ее так веселило.

Мэйхак снова наполнил бокалы всех присутствующих и откинулся на спинку стула: «Остается только расспросить других профессоров в Институте».

«Я уже спрашивал, — уныло отозвался Джаро. — Никто уже не помнит, где Фаты были двенадцать лет тому назад».

«В таком случае похоже на то, что мы в тупике».

«В таком случае было бы полезно проконсультироваться со следователем, нанятым с целью решения этой проблемы — причем на исключительно выгодных условиях», — беззаботно заметила Скирль.

Джаро повернулся к ней, охваченный внезапным подозрением: «Ты нашла ответ? Поэтому ты только и делаешь, что молчишь и ухмыляешься?»

«Может быть».

«Расскажи! Зачем ты заставляешь нас ждать?»

Скирль пригубила вина из бокала: «Тебя нашли в месте, которое называется «Сронк», на планете Камбервелл».

«Неужели? И каким образом ты добыла эти сведения?»

«Методом дедукции, с последующим индуктивным умозаключением».

«Да-да, разумеется! Может быть, ты снизойдешь до более подробного объяснения?»

«Что ж, пожалуй, снизойду. Когда я взяла с полки подсвечник, стоящий на столе, я заметила на доньшке ярлык с номером и названием — в данном случае «21: Промозглая Лужа, Моберли». Немного поразмыслив, я порылась в архиве и нашла путевой журнал под номером 21. В нем сразу же нашлось упоминание о посещении села Промозглая Лужа на планете Моберли. Тогда я вернулась к полке с подсвечниками и стала просматривать ярлыки у них на доньшках, пока не нашла подсвечник под номером 26. На ярлыке написано: «Сронк, Камбервелл». Вот и все».

Соединившись по телефону с библиотекой Института, Джаро просмотрел информацию о планете Камбервелл, в том числе описание ее физических характеристик, несколько географических карт, обзор местной флоры и фауны, сведения о привычках и обрядах народов Камбервелла, перечень населенных пунктов с указанием численности населения, а также краткий исторический очерк. Главный космический порт находился в городе Танциге, в десяти милях к югу от реки Бласс. Сронк был обозначен на карте в сорока милях к востоку от Танцига, за Ворожскими холмами.

«Еще проблема: как туда добраться? — сказал Джаро. — Для этого нужны деньги».

«Деньги и время, если пользоваться коммерческим транспортом, — отозвался Мэйхак. — Камбервелл в стороне от магистральных линий. Придется делать пересадку и ждать попутного рейса».

«Нам нужен космический корабль! — заявил Джаро. — Я могу продать землю Шелковичу как минимум за тридцать тысяч сольдо. Может быть, удастся выручить больше — в зависимости от того, насколько Рюту не терпится приобрести этот участок. Сколько стоит «Искатель» модели 11-В?»

«От пяти тысяч за драндулет с дырявым корпусом до двадцати пяти или тридцати тысяч, если корабль в приличном состоянии. Но в «Искателе» будет тесно. Попробуем купить что-нибудь получше», — посоветовал Мэйхак.

Позвонил телефон. «Говорите!» — отозвался Джаро. На экране появилась приятная, благодушная, обходительная физиономия пожилого субъекта с аккуратной серебристой шевелюрой.

«Добрый вечер, господин Шелкович!», — приветствовал его Джаро.

Абель Шелкович расплылся в извиняющейся улыбке: «Прошу прощения, если позвонил слишком поздно. Мне было бы любопытно узнать, однако, успели ли вы рассмотреть мое вчерашнее предложение?»

«Да, — сказал Джаро, — успел».

«Надеюсь, вы решили его принять?»

«Не совсем. Я посоветовался с господином Тоуном Мэйхаком, и теперь он представляет мои интересы. Если у вас нет возражений, вы могли бы с ним поговорить».

Улыбка Шелковича стала несколько менее благодушной, но доброжелательный тон его голоса несколько не изменился: «Разумеется. От того, кто ведет переговоры, однако, условия не изменятся».

Мэйхак занял место перед экраном: «Меня зовут Тоун Мэйхак. Джаро попросил меня быть его представителем в том, что касается продажи его недвижимости. Вы работаете на Гильфонга Рюта?»

«Точнее говоря, я работаю на компанию «Лумилар Вистас»», — осторожно ответил Шелкович.

«Понятно. Значит, переговоры следует вести с владельцем компании, то есть с Рютом. Если он навестит нас завтра в полдень в Приюте Сильфид, я выслушаю его предложение».

Шелкович развел руками: «Господин Мэйхак, вы предъявляете несусветные требования! В такой манере невозможно серьезно обсуждать какой-либо вопрос».

«Забудьте о манерах. Гильфонг Рют, надо полагать, где-нибудь поблизости? Спросите его, согласен ли он заехать к нам завтра в полдень. Сделка может быть заключена только с ним лично, и ни с кем иным».

«Один момент», — экран погас. Примерно через три минуты на экране снова появилась физиономия Шелковича, теперь уже несколько растерянная: «Господин Рют сообщил, что прибудет к вам завтра в полдень». Губы Шелковича растянулись в подобии болезненной улыбки: «Он высказал еще несколько замечаний, передавать которые было бы бесполезно. Должен предупредить вас о том, что господин Рют не потворствует тем, кто пытается злоупотреблять его доброй волей».

«Ему не о чем беспокоиться. Завтра мы не будем заниматься пустяками».

На следующий день, за несколько минут до полудня, с дороги Катцвольда к дому повернул большой, роскошный черный экипаж. Машина остановилась у крыльца. С переднего сиденья соскочили два человека в зеленых униформах с синими нашивками; осмотрев окрестности и убедившись в отсутствии опасности, они открыли дверь салона — оттуда появились Абель Шелкович и, немного погодя, Гильфонг Рют. Шелкович и Рют поднялись на крыльцо; люди в униформах остались стоять у машины.

Джаро открыл дверь, пригласил посетителей пройти в гостиную и представил присутствующих: «Скирль Хутценрайтер, следователь-исполнитель. Гэйнг Нейтцбек. С Тоуном Мэйхаком вы вчера говорили по телефону. Будьте добры, присаживайтесь».

«Спасибо», — Шелкович и Гильфонг Рют сели на стулья, стоявшие с одной стороны стола.

Шелкович вкрадчиво произнес, словно продолжая давешний разговор: «Что ж, ситуация не изменилась — вы знаете, в чем состоит предложение компании «Лумилар Вистас». Мы принесли с собой...»

Джаро прервал его: «Господин Шелкович, вы можете присутствовать на переговорах в качестве свидетеля, но я попросил бы вас не участвовать в обсуждении. Мы будем иметь дело непосредственно с господином Рютом, и ваши замечания приведут только к потере времени. Так что, пожалуйста, помолчите — или, если вы предпочитаете, вы можете подождать в другой комнате и погреться у камина».

«Я останусь», — с натянутой улыбкой сказал Шелкович.

«Как вам угодно, — Джаро повернулся к Рюту. — Вы желаете приобрести Приют Сильфид, и мы готовы его продать. Тоун Мэйхак подготовил необходимые бумаги и, если вы готовы их подписать, можно считать, что сделка заключена».

«Какие бумаги?» — нетерпеливо спросил Рют.

«Обычные акты о передаче права собственности. В двух экземплярах — для вас и для нас».

«Чепуха! — заявил Рют. — Я привез все надлежащие формы. Шелкович, давайте их сюда. Они уже заполнены, не хватает только подписи продавца».

«Выбросьте эти формы в камин, — предложил Мэйхак. — Наши документы гораздо лучше».

«Какое мне дело до ваших документов? — вспыхнул Рют. — Вам предложили тридцать тысяч сольдо. Вы их принимаете или нет?»

«Конечно, принимаем, — ответил Мэйхак. — Но на определенных условиях».

«На каких условиях?» — с подозрением спросил Рют.

Мэйхак положил на стол и подвинул поближе к Рюту два листа бумаги: «Прочтите вот это».

Рют взял документы и прочел их. Брови его удивленно взметнулись: «Вы шутите!»

«О каких шутках может идти речь? Вы — владелец «Фарсанга» серии «Мерцающий путь?»»

«Конечно, я — владелец «Фарсанга». Вы подвергаете сомнению этот факт? Моя космическая яхта сошла со стапелей верфи «Риалко» в Муртси».

«Местонахождение верфи несущественно. Как вы могли заметить, мы желаем приобрести «Фарсанг»».

Рют презрительно постучал по бумагам Мэйхака тыльной стороной ладони: «Не предавайтесь фантазиям и не теряйте время. Перейдем к делу».

«Нас интересует «Фарсанг», — спокойно отозвался Мэйхак. — Сколько вы предложили Джаро за Приют Сильфид?»

«Вы прекрасно знаете — тридцать тысяч. Это щедрое предложение, не подлежащее дальнейшему обсуждению. Вы согласны взять эти деньги или нет?»

«Мы возьмем эти деньги без возражений, если вы примете наше встречное предложение».

«Послушайте, однако! Вы говорите загадками! С вашей стороны не было никакого конкретного предложения, все это какое-то смехотворное недоразумение!»

«Наше предложение носит вполне конкретный характер — обратите внимание! В рамках одной и той же сделки мы предлагаем продать Приют Сильфид за тридцать тысяч сольдо и приобрести «Фарсанг» за те же тридцать тысяч».

Рют с недоумением смотрел на Мэйхака: «Вы сошли с ума! Я могу в любой момент продать «Фарсанг» как минимум за двести тысяч».

«Мы всегда готовы пойти вам навстречу, — пожал плечами Мэйхак. — Если вы хотите получить двести тысяч за «Фарсанг», вам придется заплатить столько же за Приют Сильфид. Укажите любую сумму по вашему усмотрению. Остается только заполнить документы и подписать их — все это займет не больше пяти минут».

Рют вскочил на ноги, покраснев от ярости: «Это мошенничество, наглость и неприкрытое надувательство! Вы даже не пытаетесь притворяться! Так со мной дела не делаются — у меня высокая репутация! Не позволю!»

«Подумайте хорошенько, — сказал Мэйхак. — Вы уже потратили большие деньги на проект «Лумилар Вистас» — говорят, не меньше полумиллиона сольдо. Но все эти деньги выброшены на ветер, если у вас нет права собственности на Приют Сильфид».

Гильфонг Рют, уже наклонившийся и поднявший руку, чтобы ударить по столу кулаком, застыл, сжимая кулак в воздухе: «Кто сообщил вам эту цифру? Это строго конфиденциальная информация!»

«В той мере, в какой это касается нас, она останется в тайне. А теперь — как вы сами выразились — перейдем к делу. Если вы не примете предложение Джаро, мы переоборудуем дом и превратим его в пригородную таверну. Уверен, что она окажется достаточно прибыльной. А землю, окружающую Приют Сильфид, мы разделим на участки под застройку. Здесь поместится добрая дюжина многоэтажных многоквартирных домов для малоимущих, а в холмах, ближе к границе с вашей территорией, мы устроим приют для душевнобольных уголовных преступников».

Рют рассмеялся: «Меня не так просто запугать! С другой стороны, вынужден признать, что у меня нет времени пользоваться «Фарсангом» — когда я его покупал, у меня были другие планы. Тем не менее, если вы хотите прибрать его к рукам, вам придется доплатить не меньше ста тысяч».

«Невозможно, — покачал головой Мэйхак. — Вы получите недвижимость только в обмен на «Фарсанг» — в готовом к полету состоянии, полностью укомплектованный инструментами, с трюмом, заполненным провизией, с заряженными аккумуляторами и обновленными кодами доступа ко всем синтезаторам».

«Вымогательство! — кипел Рют. — За кого вы меня принимаете? По-вашему, я похож на откормленного гуся, уже ошипанного, набитого яблоками и висящего в сетке на крючке?»

«Не усматриваю ни малейшего сходства. Тем не менее, невозможно забыть о ваших попытках надуть Джаро и угрожать ему — вы принимали его за наивного профана и придурка».

«Непростительная ошибка, — проворчал Рют. — За ошибки приходится платить. Что ж, время — деньги. Подпишем ваши документы, и дело с концом. «Фарсанг» — ваш».

Рют снова присел, небрежно подписал бумаги, встал, отступил на шаг и произнес мрачновато-торжествующим тоном: «Я потерял космическую яхту — но на те деньги, что я сделаю на проекте «Лумилар Вистас», я смогу купить двадцать таких яхт, было бы желание. А вы могли выжать из меня в два раза больше, чем требовали».

«Так и быть, — отозвался Джаро. — Мы не жадные».

На борту великолепного «Фарсанга» серии «Мерцающий путь» Мэйхак едва сдерживал переливающий через край энтузиазм. «Большое судно! На нем можно перевозить и пассажиров, и товары, — говорил он сыну. — Другими словами, у тебя есть источник дохода, не уступающего профессорскому».

«Думаю, что Фаты не одобрили бы то, как я распорядился Приютом Сильфид, — ответил Джаро. — В любом случае, я им благодарен за наследство».

«И каковы теперь твои планы?» — спросила Скирль.

«Прежде всего отправлюсь на Камбервелл — там я попробую найти потерянные шесть лет жизни. А после этого — не знаю... Начнем с самого необходимого. Прежде всего следует нанять команду».

«Могу предложить услуги в качестве навигатора, — сказал Мэйхак. — Из Нейтцбека выйдет превосходный бортинженер — если, конечно, его привлекает перспектива бродяжничать вместе с нами».

«Привлекает, — отозвался Гэйнг Нейтцбек. — Не откажусь снова оказаться на борту корабля. Я провел слишком много времени на приколе».

«Значит, решено! Гэйнг будет у нас главным инженером и стратегом. Я возьму на себя обязанности повара, подсобного рабочего, навигатора и на все руки мастера».

«Не хватает только первого помощника, — заметил Джаро. — Нам пригодилась бы персона с исключительными способностями: находчивая, проницательная, сочувствующая нашим целям и склонная к странствиям. При этом было бы желательно, чтобы команду могла представлять уважаемая личность, претендующая на высокий статус — например, «устричного кекса». Не знаю, удастся ли нам найти кандидата соответствующей квалификации».

«Когда вы начнете принимать заявки?» — робко спросила Скирль.

«Сию минуту».

«Я хотела бы предложить свою кандидатуру».

Джаро протянул руку и слегка взъерошил короткие темные кудри девушки. Скирль отпрянула и пригладила волосы обеими руками.

«Считай, что тебя наняли», — сказал Джаро.

«И сколько мне будут платить?»

«Немного — примерно столько же, сколько в должности следователя. Но если «Фарсанг» будет использоваться как средство коммерческих перевозок, прибыль мы будем делить на всех».

«У нас с Гэйнгом уже есть кое-какой опыт в этой области, — напомнил Мэйхак. — Мы вели довольно приятную жизнь — пока не потеряли корабль на Отмире. Эта катастрофа нас многому научила, мы больше не допустим такую ошибку. Не так ли, Гэйнг?»

«Так точно!»

Джаро повернулся к девушке: «Тебя устраивает наша команда?»

«Трудно представить себе что-нибудь лучшее».

Мэйхак и Нейтцбек остались на борту «Фарсанга»; Джаро и Скирль вернулись в Приют Сильфид. Они закусили тем, что оставалось в кладовке, и распили последнюю флягу драгоценного вина Хильера, «Долина Эстрезас», после чего подошли погреться к огню, пылавшему в камине. За окном начался морозящий дождь. Они тихо говорили, часто замолкая, чтобы поразмышлять о чрезвычайных событиях, которые в конечном счете свели их вместе. Они стояли рядом. Джаро обнял девушку за талию, и через некоторое время она тоже протянула руку и сделала то же самое. Беседа прекратилась: оба они все острее ощущали взаимную близость. Джаро повернулся, прижал к себе Скирль, и они стали целоваться — снова и снова. Наконец они прервались, чтобы перевести дыхание. Джаро спросил: «Помнишь, как я тебя поцеловал в первый раз?»

«Конечно! Перед этим ты укусил меня за ухо».

«Мне уже тогда казалось, что я в тебя влюбился. Таинственное ощущение — оно меня приводило в замешательство».

«Мне тоже тогда что-то такое казалось, хотя я не совсем понимала, что именно. Но на тебя всегда было приятно смотреть — ты был такой пригожий и чистый, словно тебя только что выстирали и протерли насухо».

«Причудливая у нас жизнь!»

«Когда мы улетим на «Фарсанге», жизнь станет еще удивительнее».

Джаро взял ее за руку: «Нечто удивительное произойдет в спальне. Мне не терпится узнать, что именно».

Скирль отстранилась: «Джаро, я чувствую себя странно. Кажется, я чего-то боюсь». Джаро наклонился и поцеловал ее. Она прижалась к нему: «Нет, не боюсь. Это что-то, чего я никогда не испытывала. Похоже на возбуждение».

Джаро снова взял ее за руку, и они вышли из гостиной. Языки пламени, горевшего в камине, заставляли тени подсвечников Альтеи, расставленных на полках, судорожно бросаться из стороны в сторону в бледно-оранжевом зареве. Тишину в гостиной нарушал только шум дождя, налетающего порывами на оконное стекло.

«Фарсанг» приблизился к планете Камбервелл и приземлился в космическом порту на окраине города Танцига. Четверо путешественников наглухо задраили люки корабля, прошли через здание терминала и вышли на улицу, откуда уже дул в лицо местный прохладный ветер. Перед ними тянулся широкий пустынный проспект, ведущий в старый город — скопление беспорядочно разбросанных зданий с покосившимися коньками крыш и потемневшей от времени дощатой обшивкой стен. Вдалеке, вздымаясь над городом подобно трем колоссам, темнели в дымке монументальные статуи «распределителя благ и возмездия» — таков был один из многочисленных титулов, присвоенных легендарному магистрату.

Выйдя из космического вокзала, Джаро замедлил шаг, ощущая какие-то сполохи памяти — подсознательный резонанс, мимолетный, едва уловимый, пропадающий при первой попытке его распознать. Чем вызывалось это ощущение? Влажной прохладой местного воздуха? Дымкой, скрывающей детали далеких холмов? Зазубренными, прерывистыми контурами кривых крыш на фоне сумрачного неба? Напоминающим камфору резковатым ароматом, исходящим от пропитанного дощатого покрытия стен? Действительно, запах казался удивительно знакомым.

Джаро заметил, что Скирль за ним наблюдает. Ему нравилось представлять себя человеком стойким и непроницаемым, но Скирль научилась угадывать и даже предугадывать перемены его настроения. Иногда возникало впечатление, что она разбирается в нем лучше, чем он сам. Теперь она спросила: «О чем ты задумался?»

«Так, ни о чем».

«Нет, тебя что-то беспокоит. Как только ты вышел, у тебя изменилось выражение лица».

Джаро усмехнулся: «Есть такое старомодное понятие — «трепет предчувствия». Не знаю, правильно ли я его понимаю, но, кажется, я ощущаю нечто в этом роде».

«Неужели? Никогда не ощущала ничего подобного. Ты не мог бы определить это другими словами?»

«Ну, представь себе, что у тебя по спине бегут холодные мурашки».

«Странно! — заключила Скирль. — Я ничего такого не чувствую».

«Конечно, нет! Ты здесь никогда не была — почему бы ты чувствовала что-нибудь в этом роде?»

«Потому что иногда я чувствую то же, что и ты. Наверное, между нами есть телепатическая связь».

«Все может быть».

Они приехали вчетвером в центр города, сидя на открытой пассажирской платформе. Старуха, медленно катившаяся по тротуару на двух самоходных досках с роликами, объяснила им, как пройти к муниципальному регистрационному бюро. Два часа они просматривали запыленные папки и сделанные от руки записи, но не нашли никакого упоминания о Джамизель или ее ребенке.

Когда они вернулись к «Фарсангу», Мэйхак и Нейтцбек выгрузили из трюма небольшой аэромобиль. Все четверо забрались в машину и полетели на восток, в направлении Сронка. Под ними тянулись буроватые озимые, поросшие пучками высокого тростника заливные

луга, редкие поселки из маленьких дощатых домиков с кривыми крышами. Впереди поднимались Ворожские холмы: хаотические развалы рыжеватых склонов и ложбин, сходящиеся к гладким, словно прилизанным гребням. До горизонта и дальше простиралась Дикоягодная степь; в полосе между холмами и степью ютились разрозненные фермы. Вдоль подножия холмов на юг тянулась дорога, кончавшаяся в небольшом поселке — судя по карте, это и был Сронк.

Аэромобиль пролетел над холмами, повернул на юг вдоль дороги и приземлился на ровном участке рядом с центральной площадью поселка. Четыре пассажира вышли и осмотрелись: вокруг было мало интересного. Отвечая на вопрос Джаро, прохожий указал на муниципальную клинику — в отличие от других зданий Сронка, она была построена не из покоробившихся, соединенных внахлест досок под крышей, прогнувшейся от тяжести черепицы, выложенной в два или три слоя, а из аккуратных блоков плавленого камня; плоская серая крыша клиники была изготовлена из того же материала. Джаро с любопытством разглядывал это учреждение, но оно ни о чем ему не напоминало. Когда он здесь побывал в прошлый раз, судя по имеющимся сведениям, Джаро был в полумертвом состоянии.

Доктор Фексель все еще работал в клинике и сразу вспомнил об избитом до полусмерти малолетнем пациенте: «Тогда мне пришло в голову — праздная мысль, разумеется! — что из Джаро мог бы получиться великолепный анатомический экспонат, демонстрирующий все упомянутые в медицинских учебниках травмы одновременно».

Скирль покровительственно похлопала Джаро по плечу: «С тех пор он поправился, как вы думаете?»

Фексель с готовностью согласился: «Нужно отдать должное возможностям современной медицины и навыкам доктора Солека, не говоря уже о моих скромных заслугах. Насколько я помню, однако, своим спасением Джаро обязан в основном доктору Уэйнишу — тот сумел предохранить его от поистине самоубийственных судорожных приступов патологической истерии. Это было просто невероятно, на Джаро было страшно смотреть: поистине, пароксизмы страха и ярости! Вам удалось выяснить, чем было вызвано это состояние?»

«Нет, — покачал головой Джаро. — Причины до сих пор окутаны тайной».

«В высшей степени достопримечательно! Посмотрим, смогу ли я связаться с Уэйнишем. Он должен быть у себя в кабинете, в Танциге — не сомневаюсь, что ему было бы любопытно поговорить с вами». Фексель нажал несколько клавиш на столе, произнес несколько слов, и на экране появилось бородатое лицо доктора Уэйниша. Как только Фексель представил ему Джаро, Уэйниш живо заинтересовался: «Хорошо помню ваш случай. Потребовалась модификация памяти: какое-то воспоминание оказалось настолько травматическим, что оно буквально вас убивало».

Джаро повел плечами: «Я хотел бы узнать, что произошло — и в то же время боюсь того, что могу узнать».

«Вам до сих пор неизвестны события вашего детства?»

«Я знаю очень мало. По сути дела, именно поэтому мы сюда вернулись».

«И нет никаких признаков возвращения вашей памяти?»

«Почти никаких. Иногда мне мерещится пара зрительных образов — они всегда одни и те же. Иногда мне кажется, что я слышу голос матери, но не понимаю, что она говорит».

«Возможно, разрушенные матрицы пытаются воссоединиться. Не удивляйтесь, если

воспоминания будут посещать вас чаще и станут более подробными».

«Не могли бы вы как-нибудь стимулировать этот процесс?»

Уэйниш задумался на несколько секунд, после чего сказал: «Боюсь, это невозможно. Кроме того, следует учитывать еще одно обстоятельство. Даже если ваша память восстановится, вам может не понравиться то, что вы вспомните».

«В любом случае я хотел бы знать правду».

Доктор Уэйниш заторопился: «Было очень приятно с вами поговорить. Желаю удачи в ваших поисках!»

«Благодарю вас».

Четыре путешественника вернулись к аэромобилю. Поднявшись в воздух, они медленно полетели на север вдоль дороги, на высоте пятидесяти-шестидесяти метров. Дикоягодная степь простиралась справа, Ворожские холмы возвышались слева. В пяти милях от поселка Джаро напрягся. Здесь в его жизнь ворвались страх и боль. С каждой секундой ощущение становилось все острее, словно обрывки памяти сгущались и сливались — воспоминания становились все ярче, все живее. Он уже помнил, как солнце жгло ободранную кожу, как колени истирались в кровь на остром щебне, слышал торжествующие возгласы стоящих вокруг фигур, глухие удары кольев, бьющих по голове, по спине, по рукам и ногам.

Джаро указал на обочину дороги: «Здесь! Здесь это было».

Мэйхак опустил аэромобиль на землю; все они вышли, щурясь и моргая — солнечный свет слепил глаза и жег лицо. Склоны западных холмов, покрытые сухой колосящейся травой, дышали жаром.

Джаро прошел несколько шагов вдоль обочины и остановился: «Фаты наши меня здесь. Я знаю! Тут словно воздух дрожит».

«И как ты сюда попал до того, как тебя наши?»

Джаро протянул руку: «Оттуда. Спустился с холмов. Там была река — заросли тростника, старый темно-желтый дом». Минувшее вставало перед его глазами: «Из окна мы видели человека — его силуэт на фоне сумрачного неба. Казалось, у него в глазах мерцали четырехконечные звезды. Я испугался. Мама тоже испугалась. Мы были в замешательстве — что-то произошло, она мне что-то сказала. Я почти вспоминаю ее слова». Джаро прищурился, повернувшись к холмам: «Она... по-моему, она посадила меня в лодку... — Джаро прервался. — Нет, не так. Я сам спустился к лодке — один. Она уже умерла. И все равно я уплыл в лодке. Помню, как лодку несло вниз по течению, в темноте. А потом — ничего».

Скирль прикоснулась к плечу Джаро: «Смотри!»

Поодаль, на дороге, стояли три приземистых молодых крестьянина с маленькими черными глазами на круглых бледных лицах. Они не проявляли никаких признаков стремления подойти и поздороваться, но следили за приезжими с безразличным любопытством.

«Это могут быть те самые парни, которые тебя избили», — тихо сказала Скирль.

«Они были бы теперь примерно такого возраста», — глухо отозвался Джаро.

«Ты на них злишься?»

«Еще как! Но не думаю, что я стану что-нибудь делать по этому поводу».

Мэйхак прошелся по дороге и задал крестьянам несколько вопросов. Те отвечали с преувеличенной подобострастностью, скорее издевательской, нежели искренней. Мэйхак вернулся: «Они утверждают, что ничего не помнят ни о каком избиении. Но они врут — не

из страха, а просто потому, что им нравится вводить в заблуждение чужака с другой планеты. Самое обычное дело».

«Здесь мы больше ничего не узнаем», — сказал Джаро.

Аэромобиль поднялся в воздух и, направляясь на запад, снова пролетел над Ворожскими холмами. Река, текущая с запада, омывала подножия холмов, после чего изгибалась на север и пропадала в дымке степного пространства. В пяти милях выше по течению показался прибрежный городок, отмеченный на карте: «Пойнт-Экстаз, население 4000». Так же, как в Танциге и в Сронке, стены домов в этом городке были обшиты покоробленными деревянными планками, окрашенными в различные, но одинаково поблекшие цвета. Многие дома казались заброшенными; по сути дела, все жилища здесь выглядели в той или иной степени запущенными, а все крыши — покосившимися и кривыми, подобно сбившимся набок шляпам старых пьяниц.

Реку отделяла от городка полоса топкой пустоши, местами темневшей плотными зарослями высокого бамбука. Джаро внимательно изучал ландшафт, пока аэромобиль скользил вдоль окраины: «Пока что не вижу ничего знакомого. Думаю, что мы жили ближе к реке».

Машина повернула и полетела между поселком и рекой, над полосой пустоши. Краем глаза Джаро заметил старый темно-желтый дом и тут же указал пальцем: «Вот он! Я помню этот дом!»

Аэромобиль приземлился на площадке перед домом, и все четверо вышли наружу. В грязно-желтом доме явно давно никто не жил: оконные стекла были выбиты, входная дверь над крыльцом была заколочена по диагонали длинной доской. Старая желтая краска отслаивалась от ссохшейся дощатой обшивки стен. По обеим сторонам дома буйно разрослись сорняки.

Пару минут Джаро разглядывал дом, после чего медленно приблизился к нему. Остальные продолжали стоять у машины — они словно заключили безмолвное соглашение: Джаро должен был войти в этот дом один, пока ничье вмешательство не исказило его восприятие.

Поглощенный своими мыслями, Джаро больше никого не замечал — он поднялся на крыльцо, потянул на себя доску, приколоченную к двери, и отодрал ее. Джаро надавил на дверь: та раскрылась со скрипучим стоном, освобождая проход в длинный узкий коридор. Джаро прошел внутрь и повернул в первую комнату направо. Странно! Каким маленьким и тесным казалось это помещение! Его окружали пустота и пыль; несмотря на всю свою решительность, однако, Джаро не мог не почувствовать укол меланхолического сожаления — невозможно не сожалеть о том, что когда-то было дорого, но безвозвратно исчезло.

Что-то еще населяло комнату — что-то давящее, зловещее, подспудное. Сердце Джаро стало биться чаще и сильнее. В пустых пыльных углах не было ничего, что могло бы его тревожить, душную тишину не нарушали даже скрипы или шорохи. Джаро стоял, словно в трансе, позволяя одной идее постепенно переходить в другую. Мало-помалу к нему пришло озарение: здесь он ничего не найдет, потому что здесь ничего не было. Давящее ощущение исходило из его собственного мозга, порожденное остаточными воспоминаниями, разрозненными и притаившимися после процедуры доктора Уэйниша. Джаро подумал, что, если эта зловещая тяжесть намекала на то, что скрывалось в памяти, ему, пожалуй, следовало прекратить любые размышления о прошлом.

Мысль эта сработала как открывшийся предохранительный клапан: каков бы ни был

источник давящего ощущения, оно покинуло комнату. Джаро невольно усмехнулся, тут же удивившись протivoестественности своего сухого смешка: мысли его запутались в диком беспорядке, ни о какой последовательности или логике не могло быть речи. Джаро почти невнятно бормотал: «Я здесь не случайно — не потому, что я этого хотел, и не потому, что меня кто-то заставил. Я здесь потому, что иначе не могло быть. Если бы я не пришел сюда сегодня, я все равно сюда попал бы каким-нибудь другим способом. Почему, спрашивается, мне приходит в голову всякая чушь? В этом нет никакого смысла. Я здесь — но почему? Что-то пробуждается».

Джаро стоял, поворачиваясь, как лунатик, то в одну, то в другую сторону. Настоящее стало расплывчатым, поблекшим. Джаро смотрел в колодец времени. Он видел темно-желтый дом; входная дверь была открыта. Он слышал голос — он знал, что это голос его матери. Она была рядом — он чувствовал ее близость, но не видел ее лицо. Она говорила: «Джаро, времени больше нет. Я вложила в это мгновение всю силу своей любви, чтобы ты навсегда меня запомнил. Это называется гипнотическим внушением: мои слова будут запечатлены в твоём сознании. Ты никогда их не забудешь, но услышишь их снова только тогда, когда вернешься сюда, в этот мрачный дом. Для меня все кончено! Ты должен взять черную коробку и спрятать ее в твоём тайнике. Когда ты вернешься, достань коробку из тайника. После этого выполни указания, найденные в коробке. Я поручаю эту обязанность тебе, потому что твой отец погиб. Его звали Тоун Мэйхак. Не забывай о моем поручении!»

Джаро слышал собственный голос — хриплый и слабый, словно доносившийся издалека: «Я не забуду». Джаро прислушивался. Наступила тишина — тяжелая, душная. Джаро казалось, что он плывет по воле невидимых волн, неспособный выбрать направление — все направления были одинаковы. В глазах у него помутнело, он больше не видел темно-желтый дом с открытой дверью. Колодец времени покачнулся, съежился и пропал.

Кто-то звал его по имени. Джаро судорожно вздохнул — сколько времени он провел в оцепенении? Он обернулся — рядом стояла Скирль; она тянула его за рукав, с тревогой заглядывая ему в лицо.

«Джаро! Что с тобой? Ты болен, у тебя обморок? Я тебя зову, а ты не отвечаешь!»

Джаро еще раз глубоко вздохнул: «Не знаю, что случилось. Мне казалось, что я слышал голос матери».

Скирль нервно оглянулась: «Давай выйдем на свежий воздух. Мне здесь не нравится».

Они вышли на улицу. Мэйхак спросил: «Что происходит?»

Джаро пытался привести мысли в порядок: «На самом деле не знаю — мне казалось, что со мной говорила мать».

Мэйхак поднял брови. Помолчав, он усомнился: «Откуда ты знаешь, что это голос Джамизель? То есть, я хотел сказать — она назвала себя?»

«Да. Она назвала себя. Она объяснила, что это гипноз. Никаких призраков тут нет».

«И что она говорила? Надеюсь, ты ее понял?»

«Я все понял. Она сказала, что ты погиб, и что поэтому я должен выполнить ее поручение».

«Какое поручение?»

Джаро не ответил — он что-то вспомнил. Через несколько секунд он направился на задний двор в обход дома, задерживаясь после каждых трех-четырех шагов и оглядываясь по сторонам. Внезапно он увидел то, что искал — Джаро подбежал к россыпи камней, оставшейся, вероятно, от развалившейся собачьей конуры или от небольшого сарая,

сложенного насухо когда-то давным-давно. Теперь среди камней, покрытых крапинками красноватого лишайника, росла черная дым-трава. Джаро опустился на колени и отодвинул в сторону несколько камней. Под ними открылся темный провал — лаз или большая нора. Джаро расширил отверстие, удалив еще несколько камней. Пошарив рукой в норе, он не смог нащупать ничего, кроме сухой земли. Джаро приподнял и оттащил в сторону еще пару булыжников, увеличив лаз настолько, что, прижавшись вплотную к земле, он смог протиснуться в отверстие по плечи и, повернувшись набок, достать пальцами уступ — нечто вроде небольшой полки — у себя над головой. Эврика! Джаро вылез из тайника с плоской черной коробкой в руке.

Поднявшись на ноги, Джаро торжествующе повернулся к спутникам: «Я ее нашел — там, где мне было поручено ее спрятать!»

«Открой коробку! — сказала Скирль. — Мне не терпится посмотреть, что внутри».

Мэйхак тревожно оглядывался: «Давайте сначала улетим отсюда, на всякий случай. Асрубал мог нанять кого-нибудь вести наблюдение за этим местом».

Все четверо забрались в машину, и аэромобиль направился в космический порт Танцига. Уже на борту «Фарсанга», когда аэромобиль закрепили в трюме, подняли трап и задраили люки, Джаро открыл наконец коробку. Он вынул из нее плоский коричневый пакет из толстого картона, соединенный скрепкой с конвертом поменьше и потоньше. Отложив картонный пакет, Джаро открыл конверт, вынул из него лист бумаги — и второй раз в жизни прочел письмо, с любовью адресованное ему оттуда, откуда никто не возвращается.

Судя по неровности почерка, мать писала в спешке и в исключительно возбужденном состоянии. Джаро прочел письмо вслух:

«Кто прочтет это письмо? Сколько времени пройдет, прежде чем оно попадет кому-нибудь в руки? Надеюсь, Джаро, ты его найдешь и прочтешь его сам. Если ты вернулся и нашел его, ты поймешь, что я не могла поступить иначе, и простишь меня за то, что я подвергла твой ум навязчивому принуждению!

Я в отчаянии. Я ждала слишком долго — Асрубал уже здесь, я его видела. Он скоро найдет нас, и нам придет конец, нас убьют! Об этом неприятно думать. Мертвые, мы даже не будем знать, что ничего не знаем, даже не будем бояться того, что не можем себе представить. Если я выживу, ты никогда не прочтешь это письмо. Если ты его читаешь, значит, дело плохо — по меньшей мере для меня. Но я ничего иного не жду, я горюю только о том, что мне придется возложить это бремя на тебя, если только ты останешься в живых.

Бойся Асрубала из династии Урдов! Он убьет меня — так же, как убил твоего отца, Тоуна Мэйхака. Я знаю, что это так, потому что прошло уже три года, а Тоун все еще нас не нашел.

Выполни мои указания, если сможешь. Во-первых, в другой конверт я положила вексель, подлежащий оплате в Натуральном банке в Окноу — учитывая набежавшие проценты, ты сможешь получить большую сумму. Сохрани эти деньги, положив их на другой, собственный счет. Во-вторых, сделай шесть копий документов из большого конверта. Одну копию сохрани в банковском сейфе; другие отвези в Лури на планету Нило-Мэй, в системе звезды Чайная Роза. Положи одну копию в сейф местного отделения Натурального банка. Отправь одну копию по почте юстициару, председателю Судейской коллегии в Ромарте на планете Отмир, в системе звезды Ночной Огонь. Эти документы

уничтожат Асрубала, если их получит Судейская коллегия роумов. Эти бумаги не должны попасть в руки представителей клана Урдов!

Затем отправляйся в Ромарт. Это опасно, соблюдай предельную осторожность! В Лури найди человека по имени Оберт Ямб — скорее всего, он будет работать в синдикате Примроза. Представься ему и поручи ему, за приличную мзду, нанять небольшой космический корабль, чтобы тебя отвезли на Отмир. Приземлись неподалеку от Ромарта. Это запрещено местными законами, но ты можешь заявить, что прибыл с особым поручением к юстициару, и тебя не тронут. Как можно скорее свяжись с моим отцом, Ардрианом дин-Рейми, в его дворце под наименованием Карлеон.

Когда тебя примет юстициар, передай ему еще одну копию документов и расскажи, как они оказались у тебя. Заяви, что они изобличают преступное казнокрадство Асрубала дин-Урда. Заяви, что Асрубал убил меня, твоего брата Гарлета и Тоуна Мэйхака, а также пытался убить тебя самого. На этом выполнение твоих обязанностей закончится. Больше ты ничего не сможешь сделать в Ромарте — несмотря на красоту и величие, этот город чрезвычайно опасен. Вернись в Лури, а оттуда — в Окноу. Пользуйся своими деньгами и живи в свое удовольствие.

Примечание: не связывайся с экспедиторской конторой Лоркина в Лури. Это учреждение контролируется кланом Урдов, то есть Асрубалом. Тебя убьют, а твое тело выбросят в космос.

Отмир — древний, древний мир. По большей части это дикая и опасная планета. Там погиб твой отец. Будучи в Лури, спроси Ямба о ситуации, сложившейся на Отмире. Не забывай, что Асрубал воспользуется первой возможностью тебя убить.

Я смотрю на тебя, и у меня сжимается сердце, потому что теперь нам предстоит расстаться. Маленький комочек жизни по имени Джаро, такой серьезный и пригожий, как я тебя люблю! Если ты не понимал, почему твоя мать так грустила, теперь, когда ты прочел мое письмо, ты понимаешь. Бедный маленький Джаро! Когда-то у тебя был брат-близнец, но Асрубал убил его.

Мне нужно торопиться. Теперь мне придется тебя загипнотизировать, чтобы ты не забыл вернуться в этот печальный дом. Ты даже не будешь понимать, наверное, зачем тебе сюда возвращаться, но ты не сможешь не вернуться.

Я больше не могу писать. Моя любовь к тебе не умрет — даже когда меня уже не будет на свете, она будет жить; надеюсь, ты ее почувствуешь. Если ты к ней прислушаешься, может быть, она тебя утешит и что-нибудь тебе посоветует. Я часто задумывалась о таких вещах, и теперь скоро узнаю правду. Конечно, мои надежды противоречат мрачным строкам, которые ты прочел раньше. Но такова надежда! Я сделала все, что могла.

Твоя мать, Джамизель».

Нарушив молчание, Скирль тихо сказала: «Несчастливая, храбрая женщина! За что ее убили?»

Джаро почувствовал, что по его щекам катятся горячие слезы. Мэйхак пробормотал: «Скорбное письмо!»

Джаро открыл коричневый картонный пакет и вынул его содержимое. В конверте оказались бумаги — судя по всему, пачка коммерческих счетов — и подлежащий оплате

предъявителю в Натуральном банке вексель на триста тысяч сольдо с начисленными на эту сумму процентами. Гэйнг Нейтцбек внимательно рассмотрел вексель: «За шестнадцать лет, с начислением сложных процентов, на сегодняшний день эта сумма удвоилась, если не утроилась — в зависимости от процентной ставки».

«Эти деньги принадлежат вам и моему отцу, — отозвался Джаро. — Они предназначены в качестве возмещения стоимости «Дистилькорда», то есть это ни в коем случае не мои деньги».

«Деньги никогда не помешают, — кивнул Нейтцбек. — Здесь хватит на всех».

Скирль спросила: «Как насчет других бумаг? Это какие-то счета-фактуры, транспортные накладные или что-то в этом роде».

Джаро просмотрел документы: «Я в этом не разбираюсь. Тем не менее, моя мать хотела, чтобы я отвез их в Ромарт, и я сделаю все возможное, чтобы исполнить ее поручение».

«Это придется сделать, — согласился Мэйхак. — Но это опасно — хотя и не настолько опасно, насколько могло быть, если бы мы с Гэйнгом тебя не сопровождали».

Джаро вложил бумаги обратно в пакет: «Насколько я понимаю, на Камбервелле нас ничто не удерживает. Мне даже удалось кое-что узнать о пропавших шести годах моего детства».

Мэйхак встал: «Мне нужно кое-что проверить. Я скоро вернусь». Он покинул корабль.

Прошло почти два часа. Мэйхак вернулся — мрачный, подавленный. Устало бросившись в кресло, он с благодарностью принял чашку горячего чая: «Я не ожидал узнать, что Джаммиэль жива, но теперь ее смерть подтверждена официально. В отделе регистрации актов гражданского состояния мне сообщили, что тринадцать лет тому назад женщина по имени Джаму Мэй, проживавшая в доме номер 7 по Набережной улице в Пойнт-Экстазе была найдена мертвой в реке, очевидно будучи жертвой умышленного убийства, сопровождавшегося пытками. Ее сын, шести лет от роду, пропал без вести и считается утонувшим». Мэйхак откинулся на спинку кресла: «Мне почему-то казалось, что, может быть, Джаммиэль каким-то чудом могла ускользнуть от убийц. Теперь уже надеяться не на что. С ней сделали что-то ужасное. Мы навестим Ромарт и доставим документы, которые Джаммиэль сохранила такой невероятной ценой. Но мы подготовимся — и Асрубал не обрадуется, когда узнает о нашем приезде. Он сразу поймет, что для него настало время расплаты. Надеюсь, он еще не сдох».

В Окноу Мэйхак и Джаро посетили управление Натурального банка. Скирль оставалась на борту «Фарсанга», а Нейтцбек отправился искать судоремонтное предприятие, способное внести в оснащение «Фарсанга» необходимые, по его мнению, усовершенствования.

Оказавшись в банке, Мэйхак и Джаро обнаружили, что Брига Дикича повысили и должности; теперь он занимал кабинет генерального директора. Дикич оплатил вексель, не моргнув глазом. Как и предсказывал Нейтцбек, на сумму долга начислялись сложные проценты — а именно 6,75% годовых, в связи с чем она более чем удвоилась. Шестьсот тысяч сольдо перевели на новый счет, а остаток сложили наличными в холщовую сумку.

Мэйхак рассказал Дикичу о том, что произошло в Пойнт-Экстазе. В свою очередь Дикич сообщил, что пять лет тому назад Асрубал явился к нему в управление и потребовал, чтобы вексель, не предъявлявшийся в течение семи лет, был аннулирован. Дикич отказался выполнить это требование, ссылаясь на инструкции, полученные от Совета старейшин в Ромарте. Асрубал громко протестовал и жаловался; Дикич, однако, проявил твердость, и Асрубал удалился в холодном бешенстве, хлопнув дверью.

Мэйхак и Джаро вернулись к «Фарсангу» с холщовой сумкой, набитой деньгами. Нейтцбек успел найти судоремонтное заведение, пользовавшееся хорошей репутацией, и договорился о дополнительном оснащении корабля.

Через три недели «Фарсанг» вооружили несколькими тяжелыми орудиями и современными средствами защиты. Кроме того, лучевые орудия и устройства обнаружения цели установили на аэромобиле, превратившемся в облегченный вариант патрульной машины МСБР.

Отведя Скирль в сторону, Мэйхак рассказал ей об опасностях, угрожавших «Фарсангу» и его команде на Отмире. Соблюдая предельную осторожность и вежливость, Мэйхак объяснил, что у девушки было несколько возможностей, которые она могла выбирать по своему усмотрению, и что никакой ее выбор никто не сочтет предосудительным. Пока «Фарсанг» и его команда занимаются опасным предприятием на Отмире, Скирль могла подождать их возвращения в Окноу или даже в Лури, если ей так хотелось. С другой стороны, как поторопился прибавить Мэйхак, если она предпочитала участвовать в предприятии и разделить с ними связанный с этим риск, все будут только рады, если она составит им компанию.

Скирль отметила напряженным тоном, что, будучи наследницей «устричных кексов», она никого и ничего не боится и, естественно, ее устраивает только последний вариант. Она дала понять, что предложенные Мэйхаком безопасные альтернативы вызвали у нее раздражение. Она заявила, что Мэйхак, таким образом, не выражаясь прямо и по существу, поставил под сомнение не только ее храбрость и ее готовность пуститься в любую авантюру, но и ее верность интересам Джаро и ее честь.

Мэйхак горячо протестовал, утверждая, что Скирль неправильно поняла его намерения. Он не ставил под сомнение ни ее отвагу, ни ее благородное происхождение, ни ее готовность разделить судьбу с Джаро — и ни в коем случае даже не помышлял как-либо затронуть ее честь. Мэйхак настаивал на том, что завел разговор о угрожавших им опасностях только для того, чтобы соблюсти общепринятые принципы порядочного

поведения. Он хотел, чтобы Скирль хорошо представляла себе все, что было связано с предстоящей экспедицией — хотя бы для того, чтобы он, Мэйхак, впоследствии не испытывал чувство вины в связи с тем, что внушил ей обманчивую уверенность в безопасности. «Я просто-напросто хотел, чтобы моя совесть была чиста, — сказал ей Тоун Мэйхак, — на тот случай, если локлоры тебя четвертуют или сварят. В таком случае я буду скорбеть о твоей участи, разумеется, но в каком-то смысле мне будет легче, если я буду знать, что ты решилась нас сопровождать вопреки моим предупреждениям».

«Вы слишком совестливы, — ответствовала Скирль. — Тем не менее, я уверена в том, что вы, а также Гэйнг и Джаро, сделаете все необходимое, чтобы меня не сварили».

«Сделаем все, что сможем, — пообещал Мэйхак. — Джаро никогда мне не простит, если с тобой что-нибудь случится».

«А Джаро знает, что вы обсуждаете со мной возможность бросить меня в Окноу или в Лури?»

«Конечно, нет! Думаю, однако, что Джаро еще немного тщеславен, по молодости лет. Он даже не подозревает, что ты могла бы предпочесть богатство, комфорт и безопасность возможности погибнуть в его обществе, подвергаясь не поддающимся представлению пыткам».

Скирль рассмеялась. Мэйхак тоже рассмеялся, и они остались друзьями, больше не поднимая этот вопрос.

«Фарсанг» вылетел из Окноу и направился к Чайной Розе. «Наша первоочередная цель — Асрубал, — говорил Мэйхак. — Если мы найдем его в Лури и расправимся с ним там же, тем лучше. Если нет, придется лететь на Отмир, в древний город Ромарт».

«Фарсанг» взял курс к окраине Млечного пути — туда, где все ярче сияла звезда Чайная Роза. В свое время «Фарсанг» приблизился к планете Нило-Мэй и приземлился не космодроме Лури. Приняв обычные меры предосторожности, связанные с внезапным изменением состава атмосферы и микрофауны, спутники покончили с таможенными формальностями и смогли направиться в город, куда вела длинная широкая улица, обрамленная высокими деревьями.

Четверо путешественников рассматривали город — скорее поселок — подмечая причудливую архитектуру старых, слегка покосившихся строений, преобладавшую здесь атмосферу утомленной апатии, подозрительный и скрытный характер обывателей, высокие дендроны с затенявшими тротуары развесистыми кронами — в общем и в целом их глазам открылась мирная, если не совсем буколическая, сцена.

Мэйхак провел спутников к «Освежительному приюту Пьюрифоя», напротив экспедиторской конторы Лоркина. Они уселись на свежем воздухе под сенью черной и зеленой листвы и приняли принесенные молчаливой девушкой глиняные кружки с пивом. Через широкую витрину конторы Лоркина можно было наблюдать происходившее внутри. За стойкой пригнулся щуплый старик с продолговатой физиономией и взъерошенной седой шевелюрой. Не было никаких признаков присутствия леди Уолдоп.

«В синдикате Примроза — это буквально в двух шагах — мы можем узнать последние новости от Оберта Ямба, — сказал Мэйхак. — Когда я навещал Лури в последний раз, его уволили из конторы Лоркина; по-моему, он должен быть благодарен судьбе за то, что остался жив».

Покончив с пивом, все четверо прошли дальше по улице к управлению синдиката Примроза. Джаро вызвался зайти туда, чтобы навести справки. Открыв входную дверь, он вступил в полутемное помещение, наполненное запахами трав и смолистого дерева. Вдоль стены тянулся прилавок. За ним восседала леди Эстебель Пиди — по меньшей мере, так было написано на табличке, стоявшей на прилавке. Длинное черное платье свисало с ее костлявых плеч, как с вешалки; кожа ее отличалась бледностью пергамента, а копна седых волос была подстрижена на уровне ушей с небрежностью безразличия. Эстебель изучала Джаро черными глазами: «Добрый день — что вам угодно?»

«Я хотел бы поговорить с господином Обертом Ямбом. Где я мог бы его найти?»

«Он плохо себя чувствует, — раздраженно ответила Эстебель. — В любом случае, он не желает разговаривать с кредиторами».

«Не беспокойтесь, мне не нужны его деньги».

«В таком случае вам повезло, — шмыгнула носом Эстебель. — Потому что у него нет никаких денег. Можете быть уверены, его жена скажет вам то же самое».

«Ничего другого я и не ожидал, — примирительно отозвался Джаро. — А где он живет?»

«Пройдите три квартала на север, поверните на Иводойную улицу; его дом называется «Ангельская песня», это второй дом по правой стороне, под язвенным деревом».

Следуя ее указаниям, четверо спутников нашли «Ангельскую песню» глубоко в тени раскидистого черного дендрона, с ветвей которого свисали выпуклые синие стручки с

багровыми прожилками, напоминавшие замороженные вырванные сердца.

Как только они приблизились к входной двери, им навстречу вышла неряшливо одетая женщина с подозрительным выражением круглого лица, обрамленного редующими бледными волосами. «Вы обращаетесь не по адресу! — резко сказала она. — Наша доля опротестована, и в любом случае число подписчиков превышает установленное условиями выпуска облигаций!»

«Нас этот вопрос никак не касается, — успокоил ее Мэйхак. — Мы хотели бы побеседовать с Обертом Ямбом. Не могли бы мы зайти?»

Женщина решительно преградила им путь: «Оберт болен. Ему необходим покой».

«Тем не менее, нам нужно с ним встретиться, — настаивал Мэйхак. — Кажется, вас звали Тви Пиди?»

«Меня и до сих пор так зовут. Что с того?»

«Несколько лет тому назад Оберт выполнил важное поручение неофициального характера; я хорошо ему заплатил. Тогда же я встретился с вами — может быть, вы меня помните?»

Наклонив голову набок, Тви Пиди прищурилась, изучая лицо и фигуру Мэйхака: «Помню, как же! Это было давно, и теперь вы снова сюда явились. Чего вы хотите от бедняги Ямба?»

«Об этом мы расскажем, когда его увидим».

Тви всплеснула руками: «Ну ладно, ладно! Пойдемте, если вам так приспичило». Она отступила внутрь, пропуская посетителей, и провела их по коридору, продолжая говорить через плечо: «Он пьет отвар джидживера — говорят, это помогает от лихорадки, но у Оберта от него только глаза слезятся. Он только и делает, что валяется в постели — говорит, что быстро устает от любых занятий и больше не желает напрягаться».

Тви указала на открытую дверь в спальню. Ямб лежал на спине, глядя в потолок покрасневшими глазами. В полутемной комнате было душно.

Мэйхак представил своих спутников. Ямб переводил взгляд с лица на лицо. Наконец он спросил дрожащим голосом: «Вы же видите, что мне нехорошо — что вам нужно?»

«Мы ничего особенного от вас не хотим, — ответил Мэйхак. — Рассматривайте наше появление как визит старого знакомого. Мы не виделись уже двенадцать лет».

«Двенадцать лет? — Ямб приподнял голову в замешательстве, пытаясь понять, кто с ним говорит. — А, я помню! Вы пропали без вести на Отмире. Вас считали погибшим. Вас зовут... да-да, вас зовут Тоун Мэйхак».

«Совершенно верно. Асрубал продал меня локлорам, но я сбежал. Что вы знаете об Асрубале?»

Голова Ямба снова упала на подушку: «Вы говорите о василиске! Не произносите его имя — хотя он уже вернулся на Отмир. Двенадцать лет тому назад я многим рискнул ради денег; мне едва удалось замести следы. Когда я представляю себе, что со мной могли сделать, у меня мороз пробегает по коже! А! Славное было времечко, нечего сказать!» Ямб продолжал унылой скороговоркой: «Двенадцать лет — с тех пор прошла вечность! Леди Уолдоп правила конторой, выставяя могучую грудь и покачивая устрашающими ягодицами. Но даже леди Уолдоп не устояла перед яростью Асрубала — ее с позором выгнали. Мне повезло, я наконец остался без начальства. Называл себя «генеральным директором» и стоял за стойкой — там, где теперь торчит старый Пунтер. Но быстротечно было мое торжество! Я попытался предоставить синдикату Примроза право торговать с Отмиром, чтобы мы могли

поставлять товары прямо в Ромарт, минуя контору Лоркина — и тем самым навлек на себя гнев Асрубала. Короче говоря, меня избили, мне угрожали смертью, меня выгнали. Такова была моя награда за отвагу, такова была кульминация моей карьеры!» Ямб застонал: «Трагедия, не правда ли?»

Тви Пиди была вне себя от беспокойства. «Вы огорчаете бедного Оберта и напрасно тратите мое время! — воскликнула она. — Это выходит за всякие рамки гостеприимства — если, конечно, вы не намерены как-то возместить причиненное неудобство?»

«Чепуха! — возразил Мэйхак. — Господин Ямб вовсе не прочь припомнить старые добрые времена. Вам следовало бы приготовить пир горой и отпраздновать нашу встречу!»

Ямб сдавленно усмехнулся: «По меньшей мере, вы немного меня развлекли, что теперь редко случается в моей жизни». Ямб поперхнулся и раскашлялся: «Ох, в горле сухо, как в пустыне! Тви, разве у нас нечего выпить? Разве наша жизнь не должна быть захватывающим приключением, о котором друзья вспоминают, пригубив горячительной настойки? Или мы должны шептаться по углам и ходить на цыпочках вокруг всего, ради чего стоит жить, гордясь только скупостью и осторожностью? Мертвые, мы уже не сможем пить и веселиться! Неси бутылку, Тви! Щедро наливай, ничего не бойся! Сегодня у нас праздник!»

Поджав губы, Тви Пиди неохотно налила несколько стаканчиков желтовато-зеленой жидкости, вкусом напоминавшей ароматическую пыльцу и слегка обжигавшей язык.

Ямб облизал губы: «Настойка что надо! Могу без преувеличения сказать, что этот напиток пробуждает в нас романтический гений, позволяющий благородному человеку нарушать монотонную обыденность ореолом райских видений! Такие мгновения тем более драгоценны, что они мимолетны. Наступает болезненное потрясение, и подавляющая действительность возвращается — это несчастье непоправимо, даже четыре стакана настойки больше не принесут облегчения!»

Тви прервала его привычно-назидательным тоном: «Ладно уж, разговорился! Гостям не доставляет никакого удовольствия выслушивать твои дифирамбы. Если тебе есть что сказать, говори прямо, как подобает достойному человеку!»

Ямб глухо застонал и снова упал на подушки: «Не сомневаюсь, что ты совершенно права, дорогая! Тем не менее, в лучшем мире — не в нашем мире, конечно — мне подали бы горячую кашу в горшке, с плавленым сыром и остряком, а потом неплохо было бы и потанцевать под веселую музыку».

«Глупости! — отрезала Тви. — Почему тебя всегда не устраивает то, что у тебя есть? На нашей планете много мертвецов, которые охотно поменялись бы с тобой местами».

Ямб, по-видимому, задумался: «Честно говоря, не знаю, что было бы лучше».

«Выбрось это из головы! — проворчала Тви Пиди. — За тобой и так ухаживать одна морока, не хватало еще с похоронами возиться».

Мэйхак собрался уходить: «Последний вопрос: ожидаете ли вы, что Асрубал скоро вернется в Лури?»

«Мне его планы неведомы, — с тревогой ответил Ямб. — В настоящий момент он на Отмире. Не сомневаюсь, что он может вернуться, когда захочет».

«Фарсанг» взлетел с космодрома Лури и взял необычный курс — туда, где не было ничего, кроме бесконечной пустоты. Чайная Роза скоро осталась за кормой, превратившись сначала в искру шафранового оттенка, а затем погаснув в бездне расстояния. Появились и проплыли мимо редкие окраинные звезды: на фоне бархатно-черного занавеса бесконечности можно было различить смутные пятнышки далеких галактик.

Шло время. «Фарсанг» летел в одиночестве мрака. Далеко впереди мерцала точка одинокой звезды: Ночной Огонь.

Спокойный распорядок жизни на борту «Фарсанга» начал меняться по мере того, как Ночной Огонь привлекал все большее внимание. Вскоре звезда стала значительно ярче и округлилась: желтовато-белый карлик средних размеров, со свитой четырех планет. Первые две представляли собой не более чем хаос обожженных солнцем утесов и рек пламенеющей лавы. Четвертая, самая дальняя планета, тоже не радовала глаз — безжизненный шар черного базальта, покрытый ледниками замерзших газов. Отмир был третьей планетой: его ветром можно было дышать, там была вода, там были леса и степи, по ночам тускло озаряемые двумя большими лунами.

«Фарсанг» приблизился к атмосфере Отмира, и под кораблем раскрылись горизонты планеты-отшельницы. Физическая география Отмира была достаточно проста: с одной стороны этого мира единственный континент раскинулся вдоль зоны умеренного климата; остальная поверхность планеты, за исключением полярных шапок, пряталась в глубинах опоясывающего ее океана.

Обогнув необжитые просторы, «Фарсанг» погрузился в атмосферу. Проникнув через туман верхнего слоя перистых облаков, корабль летел над поверхностью земли на высоте пяти миль. Мэйхак изучал ландшафт, сравнивая его с картой. Его глаза с мрачным любопытством следили за проплывавшим внизу рыжеватым простором. «Мы над степью Тангцанг! — сообщил он спутникам. — Я снова вижу места, которые надеялся больше никогда не увидеть. Смотрите!» Он показал пальцем: «Видите вдали россыпь сараев? Это Флад, космический порт. Гэйнг, ты там видишь что-нибудь?»

Нейтцбек повернул макроскоп в направлении Флада: «На поле корабль — «Лилиом», надо полагать».

«Чем они там занимаются?»

«Кормовой отсек открыт. Только начали разгружать трюм».

«Хм! — отозвался Мэйхак. — Надеюсь, Асрубал не собрался в очередную поездку. Не хотелось бы его упустить».

«Во Фладе никто никогда не спешит, — возразил Нейтцбек. — Корабль проведет в порту еще два-три дня, может быть дольше».

«Двух-трех дней нам должно хватить, — решил Мэйхак. — Тем не менее, следует принять меры предосторожности».

«Мы можем продырявить переднюю гондолу «Лилиома», — предложил Нейтцбек. — Починка займет у механиков неделю, а то и две».

«Не исключено — если Асрубал таинственно исчезнет из Ромарта. Скорее всего, однако, обстрел его корабля не понадобится».

«Фарсанг» повернул в сторону и полетел над дорогой, ведущей из Флада по степи к причалу баржи на реке Скейн, после чего снова повернул — на юго-восток над Вкрадчивым лесом.

К вечеру внизу показался Ромарт. «Фарсанг» невидимо висел над городом на высоте трех миль. Мэйхак объяснил спутникам общую планировку города: «Неправильный многоугольник с шестью фонтанами, куда сходятся бульвары — это площадь Гамбойе. Два обрамленных колоннами здания сразу за мостом — Судейская коллегия и Законодательное собрание. Чуть в стороне — Коллоквиарий, где заседает Совет старейшин. Приземистое бурое строение с тремя зелеными стеклянными куполами — Фондамент, одно из древнейших сооружений Ромарта. В этом таинственном питомнике выращиваются сейшани; их содержат в яслях, пока они не взростеют настолько, что могут приступить к работе в учебных лагерях по берегам реки. В Ромарте не принято обсуждать Фондамент — даже упоминание о нем считается признаком дурного вкуса».

«Почему? — не понял Джаро. — Там делается что-то постыдное?»

«Не знаю. В этом Джамизель не отличалась от остальных — она никогда не говорила о Фондаменте».

«Странно!»

Мэйхак язвительно усмехнулся, вспоминая былое: «В Ромарте столько странностей, что я почти не обращал внимания на это обстоятельство. Меня больше интересовала возможность покинуть Ромарт как можно скорее».

Скирль смотрела вниз через иллюминатор: «Город из сказочного сна. Что там еще?»

«Сотни дворцов. В одних живут, другие давно заброшены — в их подвалах кишат домовые. Весь город дышит историей, обременен тысячелетиями. Видите широкий бульвар вдоль реки? Это Эспланада — там прогуливаются кавалеры и дамы. Вдоль Эспланады — небольшие кафе; каждый предпочитает то или иное заведение, где он присаживается за столик, закусывает и наблюдает за проходящими мимо друзьями и знакомыми. Но незадолго до захода солнца все расходятся по домам, чтобы переодеться в вечерние парадные костюмы».

«И никто не работает?» — удивленно спросила Скирль.

«Работают только сейшани».

Скирль неодобрительно поджала губы: «Бессодержательный образ жизни. Разве у них нет амбиций? Может быть, они стараются попасть в престижные клубы?»

«Ничего подобного. Но их очень беспокоит рашудо».

«Как, все-таки, определяется рашудо?»

Мэйхак вздохнул: «Только роум может ответить на этот вопрос. Думаю, если слить в один сосуд тщеславие, наглость, эгоизм, безрассудное презрение к опасности, а также одержимость вопросами чести и репутации, и хорошенько перемешать, получится нечто напоминающее рашудо. Роумы соблюдают правила элегантного этикета, и вы будете их нарушать, как бы вы ни старались им следовать. Не беспокойтесь — это неизбежно. С точки зрения роумов, инопланетяне мало отличаются от варваров, и ошибки чужеземцев их только забавляют».

Скирль язвительно рассмеялась: «Я умею сдерживаться. Но мне уже кажется, что этот великолепный город мне не понравится».

«Мне он тоже не нравится. Как только мы покончим с нашими делами, надеюсь, мы сможем поскорее убраться отсюда и никогда не вернемся».

Ночной Огонь опустился за горизонт в сполохах меланхолических оттенков. Стустились сумерки. Одна из лун всходила в небе, за ней спешила другая — они сияли мягким светом, как жемчужины, погруженные в молоко.

Поразмышляв, Мэйхак присел за стол в салоне и составил короткое послание, выводя буквы в жестком, угловатом стиле, предписанном правилами каллиграфии роумов:

*«Ардриану дин-Рейми в его дворце, Карлеоне
Уважаемый Ардриан!*

Сожалею о том, что вынужден вызвать у Вас горестное беспокойство, но произошло непоправимое. Почти двенадцать лет тому назад я, Тоун Мэйхак, женился на Вашей дочери, Джамииэли. Через шесть лет она была убита в Пойнт-Экстазе, на планете Камбервелл.

Мне известен ее убийца. Он — роум из Ромарта. Мне удалось установить его личность лишь недавно, и теперь я прибыл, чтобы тем или иным способом отомстить за смерть моей жены. Со мной прилетел Джаро, оставшийся в живых сын Джамииэль. Мы хотели бы как можно скорее встретиться с Вами без посторонних свидетелей, чтобы вручить Вам некоторые важные документы. Мы будем ожидать Вас у парадного входа.

Тоун Мэйхак».

Джаро и Мэйхак переоделись в костюмы, более или менее соответствовавшие представлениям кавалера-роума о приличной одежде. Позабывшись взять с собой все необходимое, они забрались в аэромобиль и спустились к Ромарту. Приземлившись в саду Карлеона, где когда-то жила Джамииэль, они подняли аэромобиль в воздух, пользуясь устройством дистанционного управления — почти незаметная на фоне ночного неба машина повисла высоко над садом.

Мэйхак направился к портику главного входа; Джаро остался ждать его в тени, но уже через несколько секунд вышел на открытую террасу и встал у мраморной балюстрады. В лучах двух бледных лун сад простирался перед ним, как серебристый занавес с черными силуэтами высоких деревьев. Джаро опустил руку на поручень — странное, похожее на сон настроение охватило его: воспоминание детства. Он уже смотрел на этот сад давным-давно, в полусне, возбужденный дыханием и звуками ночи. Тогда эта картина вызывала у него горьковато-сладостную щемящую тоску, подобно аромату валерианы.

Облокотившись на балюстраду, Джаро пытался собраться с мыслями. Тайна затерянного сада раскрылась. Оставалась еще одна загадка — зловещие стоны, звучавшие у него в голове, пока доктору Флорио и его коллегам не удалось их заглушить. Джаро прислушался, стараясь уловить отголоски знакомого бормотания внутреннего голоса. Но тишину нарушал только шелест ветра в листве.

Его размышления прервал голос Мэйхака. Отвернувшись от сада, Джаро прошел по террасе ко входу во дворец. Мэйхак стоял на крыльце, разговаривая с худощавым пожилым человеком. Человек этот, с решительным и жестким лицом, вел себя напряженно и

церемонно, словно прибытие Мэйхака поставило его в неудобное положение.

Мэйхак обратился к Джаро: «Это твой дед, Ардриан из династии Рейми».

Джаро вежливо поклонился: «Рад с вами встретиться».

Ардриан ответил сухим кивком: «Да. Это, несомненно, знаменательное событие».

Старик повернулся к Мэйхаку: «Ваше появление здесь неожиданно, а сообщенные вами новости исключительно неприятны. Вы заставили меня вспомнить многое, о чем лучше было бы забыть».

«Так или иначе, в своем письме я пояснил вам наши намерения», — ответил Мэйхак.

Ардриан скептически хмыкнул: «Ваше послание, мягко говоря, составлено в преувеличенных выражениях».

Мэйхак усмехнулся: «Мне известен человек, убивший вашу дочь и вашего внука, Гарлета. Я считал, что с моей стороны было бы предусмотрительно уведомить вас об этом прежде, чем я обращусь в Судейскую коллегия. Если таково ваше предпочтение, мы больше не будем вас беспокоить».

«Я приветствую вас в моем доме, — ворчливо отозвался Ардриан. — Будьте добры, заходите, и я выслушаю вас со всем должным вниманием». Старик отступил в сторону. Мэйхак и Джаро прошли в восьмиугольный внутренний вестибюль. Джаро с почтением оглядывался по сторонам. Никогда еще он не видел столь величественной архитектуры. Высокий сводчатый потолок поддерживали восемь удлиненных кариатид, подразделявших периметр помещения на восемь интервалов. В двух промежутках, справа и слева, начинались коридоры. Другой промежуток занимала входная дверь; напротив нее открывался проход в гостиную. Панели четырех остальных интервалов были расписаны архаическими пейзажами в тонах, напоминавших цвета крыльев ночных бабочек. Джаро показалось, что эти росписи были вдохновлены какими-то легендами — даже, может быть, воспоминаниями о Древней Земле.

Ардриан провел гостей в гостиную, впечатлившую Джаро пропорциями, богатством материалов и деликатностью оттенков и отделки не меньше, чем вестибюль, хотя масштабы гостиной гораздо больше соответствовали человеческим представлениям об уюте и комфорте. В дальнем конце помещения четверо слуг — сейшани — приготавливали в большой голубой вазе букет цветов, по-видимому служивший основным украшением стола. Они искоса бросали быстрые взгляды на Джаро и Мэйхака; их полуулыбки на что-то намекали — на что? Джаро не имел ни малейшего представления. Они задумали какую-то проказу? Выражали блаженство безмятежности? Чему-то бесхитростно радовались? Работая, сейшани вполголоса бормотали — Джаро хотелось узнать, о чем они говорят, но слова были слишком тихими и неразборчивыми. Джаро не мог оторвать глаз от этих существ, аккуратных и ловких, мелковатых, но пропорционально сложенных, с бледными волосами, окружавшими головы наподобие пуха. В стороне стоял еще один сейшани, в роскошной зеленой с серыми узорами ливрее. Джаро подумал, что слуга этот был, пожалуй, гораздо старше других. Его дородный торс опирался на тонкие ноги, похожие на птичьи; у него была увесистая голова с нависшим выпуклым лбом, длинный тонкий нос горбился над пухлым бутоном рта и едва заметной кнопочкой подбородка. В отличие от других сейшани, он вел себя несколько помпезно, хотя и сдержанно.

Джаро присел рядом с Мэйхаком. Ардриан спросил: «Не могу ли я предложить вам что-нибудь закусить и выпить?»

«Еще не время, — отказался Мэйхак. — Нам нужно о многом рассказать. Чтобы не

пришлось повторяться, может быть, имеет смысл срочно вызвать юстициара, в частном порядке и конфиденциально».

Ардриан мрачно улыбнулся: «Честно говоря, я несколько ошеломлен. Вы появляетесь вдруг, ниоткуда, посреди ночи, в состоянии лихорадочного возбуждения, и настаиваете на том, чтобы я разделял ваше нетерпение. Логика происходящего выходит за пределы моего понимания».

«Причина для спешки не только логична, но и объясняется практическим здравым смыслом, — терпеливо объяснил Мэйхак. — Если убийца узнает, что мы здесь, он попытается сбежать».

«Маловероятно! — заявил Ардриан. — Прежде всего: кого вы обвиняете в убийстве?»

«Вы хорошо его знаете. Его зовут Асрубал дин-Урд».

Ардриан высоко поднял брови: «Да, я хорошо его знаю. Асрубал дин-Урд — гранд, занимающий высокое положение. Ваше обвинение может иметь серьезные последствия».

«Разумеется».

Поразмыслив, Ардриан тяжело вздохнул: «Не мне об этом судить». Он взял с полки серванта телефонный диск: «Будь по-вашему». Старик поднес диск к губам и проговорил несколько слов, приложил его к уху, прислушался, снова что-то сказал, после чего отложил диск в сторону: «Юстициар Морлок скоро прибудет. Он живет недалеко».

На некоторое время воцарилась тишина, нарушаемая приглушенным бормотанием сейшани. Ардриан взирал на посетителей строго, без каких-либо признаков радушия или благорасположения. Наконец он сказал: «Вы привезли плохие вести, но они меня не удивляют. Когда Джамизель уехала с вами, чтобы улететь на другую планету, я знал, что это плохо кончится».

«Вы ее отец, — ровным, бесцветным тоном ответил Мэйхак. — Вы ее любили не меньше, чем я, и вы имеете право испытывать горечь сожаления, но эти чувства должны быть сосредоточены не на мне, а на ее убийце. Он не чужеземец, не инопланетянин — он коренной роум из Ромарта».

Помолчав несколько секунд, Ардриан спросил: «Вы намерены изложить обстоятельства ее смерти?»

«Несомненно. Ее убили, когда я был в плену у локлоров. У меня ушло тринадцать лет на то, чтобы узнать, где ее убили и кто ее убил. Единственным свидетелем был Джаро. К сожалению — а может быть, к счастью — его воспоминания носят обрывочный характер». Мэйхак положил на стол пакет, обернутый коричневатой бумагой: «Вот пакет, о котором я упоминал. В нем — письмо, адресованное Джаро; Джамизель приготовила это письмо незадолго до своей смерти. Когда вы прочтете его, вы согласитесь с тем, что правосудие должно свершиться».

Выражение лица Ардриана слегка смягчилось. Казалось, он внутренне пожал плечами. Поднявшись на ноги, старик подошел к серванту и, тщательно выбирая, принес на стол несколько бутылей, фляг и глиняных горшочков. Обратившись через плечо к дородному сейшани в зеленой с серым ливрее, Ардриан приказал: «Фанчо! Будь добр, принеси нам что-нибудь закусить».

Фанчо степенно удалился из гостиной. «Мой новый мажордом, — пояснил Мэйхаку Ардриан. — Вы его не помните. Он достаточно расторопен, хотя и важничает. Я часто задумываюсь: что у него на уме?» Вернувшись к бутылкам и флягам, хозяин дворца принялся сосредоточенно отмеривать различные дозы жидкостей в графин из зеленого стекла.

Прервав свое занятие, он спросил у Мэйхака: «Вы провели здесь несколько лет. Вам знакомо искусство смешивания напитков?»

«Не могу сказать, что оно мне знакомо. Но я помню, что вас считают мастером в этой области».

Ардриан бледно улыбнулся и продолжал смешивание: «Это скорее ремесло, нежели искусство, конечно, но возможности и навыки на удивление разнообразны. Напиток должен соответствовать настроению присутствующих, а его бывает трудно определить с достаточной долей уверенности. Но все мы делаем все, что можем, не так ли?» Он закончил приготовления и сел за стол. Фанчо, пузатый мажордом, вкатил в гостиную многоярусную тележку, сплошь уставленную небольшими блюдами со всевозможными яствами — пирожными, шампурами с жареным мясом, маринованной рыбой, сухариками с горшочками белого и черного соуса, грушевидными флаконами с медом и прочей снедью. Фанчо разместил тележку так, чтобы каждому было удобно брать с нее все, что приглянется, после чего подошел к серванту, разлил в бокалы жидкость из зеленого стеклянного графина и с поклонами преподнес их Мэйхаку, Джаро и Ардриану. «Прекрасно, Фанчо! — похвалил его Ардриан. — Ты с каждым днем справляешься с обязанностями все лучше».

«Мне доставляет удовольствие хорошо делать свое дело», — ответил Фанчо и гордо промаршировал в дальний угол гостиной.

Джаро с любопытством смотрел ему вслед: «Такими становятся сейшани, когда стареют?»

Ардриана этот вопрос явно позабавил: «Ни в коем случае. Фанчо — гричкин. Это особая порода сейшани, причем они очень полезны, должен признаться».

«Даже так!» — Джаро попробовал напиток. Терпкий, щекочущий язык, он одновременно вызывал отголоски дюжины вкусовых ощущений. Мэйхак тоже пригубил напиток из бокала и сказал: «Насколько я понимаю, вы ничего не забыли».

«Благодарю вас, — серьезно ответил Ардриан. — Возможно, я утратил долю сосредоточенной энергии — пафоса, если хотите, но эта потеря может восполняться опытом воплощения оттенков и остаточных привкусов».

Джаро внимательно попробовал зелье еще и еще раз, пытаясь распознать тонкости, очевидно доступные пониманию знатоков. В конце концов он сдался.

Прибыл Морлок дин-Сададж: стройный немолодой человек с классическими чертами пронизательного лица, широким лбом философа, узко посаженными глазами и бескомпромиссно сжатым ртом. Он носил свободную тунику с зеленым орнаментом, черную накидку и черные бриджи. Ардриан представил ему Мэйхака и Джаро, после чего налил и подал ему бокал своего сложносоставного напитка. Морлок пригубил содержимое бокала, скорчил задумчивую гримасу и спросил: «Насколько я понимаю, это ваш «Щекотун № 2»?».

«Именно так! — отозвался Ардриан. — Но не будем терять время, обмениваясь комплиментами. Мэйхак исходит нетерпением — он боится, что убийца от него ускользнет. Не так ли?»

«Вы правы», — подтвердил Мэйхак.

Ардриан продолжал: «Мэйхак и Джаро только что прибыли; насколько я понимаю, их космический корабль висит в небе у нас над головой. Мэйхак сообщил, что мою дочь, Джамизель, убил Асрубал дин-Урд, и что должно свершиться правосудие».

«Справедливое изложение ситуации, — сказал Мэйхак. — Факты нелицеприятны. Когда Джамизель, я и два наших сына пытались улететь во Флад шестнадцать лет тому назад,

Асрубал и его приспешники устроили нам засаду. В конце концов нам удалось отбиться и поднять машину в воздух, но мы не заметили, что в последний момент Гарлета стащили из корзины на сиденье и заменили завернутой в тряпки куклой. Поднимаясь, мы видели сверху Асрубала с Гарлетом в руках. Он высоко подбросил ребенка и позволил ему упасть на каменные плиты набережной. Мы никак не могли это предотвратить.

После этого Асрубал заплатил локлорам, чтобы они схватили нас на космодроме Флада, увели в степь и зарезали. Джамиэль и Джаро успели скрыться в космическом корабле, но меня утащили в степь и заставили «плясать с бабами». Каким-то чудом мне удалось выжить — что, по-видимому, позабавило локлоров. Они держали меня в плену три года. За это время Асрубал успел проследить Джамиэль до Пойнт-Экстаза на планете Камбервелл. Он стремился во что бы то ни стало добыть документы, хранившиеся в пакете, который я только что передал Ардриану. Асрубал убил Джамиэль, но не смог найти документы. Джаро снова удалось спастись».

«Нетривиальное обвинение, — произнес Морлок. — Как вы объясняете эти преступления? То есть, чем оно мотивировалось?»

«Асрубал — вор. Он грабит население Ромарта уже много лет. Доказательство — в пакете с документами. Асрубал пытал Джамиэль, чтобы добыть эти бумаги. Прочтите их — но прежде всего прочтите письмо. Джамиэль приготовила его за несколько минут до своей смерти».

Мэйхак открыл пакет, вынул письмо и вручил его Ардриану: «Предупреждаю: чтение вас не обрадует».

Ардриан просмотрел письмо с каменным лицом, после чего передал его Морлоку. Тот тоже прочел письмо и сказал: «Вы правы. Все это очень неприятно».

Мэйхак вынул из пакета оставшуюся там пачку документов: «Выполняя мои указания, Джамиэль получила эти бумаги от Оберта Ямба, работавшего в свое время счетоводом конторы Лоркина. Здесь пять учетных реестров. По существу это записи, отражающие ежедневные торговые операции конторы Лоркина. Обратите внимание на то, что Ямб регистрировал цены на все товары, приобретенные и проданные, импортируемые и экспортируемые. Обратите внимание также на наценку за импорт и комиссионные за экспорт: они никогда не составляли меньше ста процентов и в каждом случае оплачивались из кармана населения Ромарта. Эти цифры свидетельствуют о прибылях, которые Асрубал извлекал, пользуясь конторой Лоркина. С течением времени награбленные им деньги составили невероятную, огромную сумму. Все это время роумы либо проявляли чрезмерную наивность, либо слишком доверяли Асрубалу, либо нисколько не беспокоились о состоянии своих финансовых дел, либо по каким-то причинам боялись протестовать. Именно поэтому Асрубал, двадцать лет тому назад, когда я только что прибыл на Отмир, препятствовал рассмотрению моей заявки о предоставлении права на торговлю с Ромартом. По этой же причине он стал моим смертельным врагом. По этой же причине погибла Джамиэль».

Морлок изучил бухгалтерские записи, после чего передал их Ардриану. Два роума молча просматривали столбцы цифр, а Мэйхак и Джаро сидели и ждали, время от времени позволяя себе пригубить «Щекотун № 2».

Наконец Морлок вернул бумаги Мэйхаку, а тот вложил их обратно в коричневый пакет. Морлок повернулся к Ардриану: «Что вы думаете?»

«Нас ограбили».

«Я придерживаюсь того же мнения. Асрубал — изворотливый вор. Он безжалостно

злоупотребил нашим доверием. По словам Мэйхака, он к тому же и убийца, хотя обоснование этого обвинения может оказаться затруднительным».

«Не обязательно! — возразил Мэйхак. — Убийство моего сына, Гарлета, было совершено на глазах шести свидетелей. Все они надели традиционные маски, но я не сомневаюсь в том, что их личности можно установить».

«Тем не менее, все они могут утверждать, что не видели ничего подобного».

«Неважно! — воскликнул Мэйхак. — Если Асрубал ускользнет от правосудия, я прослежу за тем, чтобы возмездие его настигло так или иначе».

Морлок нахмурился: «Ваши экстравагантные заявления ставят меня в неудобное положение. В Ромарте правосудие осуществляется в порядке, установленном на протяжении веков. Мнения и угрозы инопланетян при этом редко принимаются во внимание».

«Взгляните в лицо действительности, — настаивал Мэйхак. — Если роум убил жену и сына инопланетянина и подговорил локлоров похитить этого чужеземца, чтобы они заставили его плясать с бабами, а чужеземец вернулся на тяжело вооруженном космическом корабле, занявшем позицию в небе над Ромартом, и спустился в Ромарт, чтобы уведомить юстициара о множестве тяжких преступлений, с учетом сложившихся обстоятельств мнения и угрозы такого инопланетянина следует принять во внимание, и безотлагательно».

«Верно, — пожал плечами Морлок. — Наличие вооруженного космического корабля — особенно убедительный довод».

«Мы — разумные люди, — возразил Мэйхак. — Скажем так: если система правосудия роумов окажется неспособной осудить преступника, совершившего ряд очевидных злодеяний, я буду глубоко разочарован».

«Вы не одиноки в своем возмущении, — заметил Ардриан. — Не следует жаловаться на судьбу прежде, чем она нанесла удар; это только помешает делу».

«Прошу прощения», — отозвался Мэйхак.

Морлок слабо улыбнулся: «Думаю, что мы понимаем друг друга». Он подобрал со стола телефонный диск, вызвал начальника городских служб и продиктовал ему судебный приказ.

Отряд кавалеров-исполнителей собрался в северном углу площади Гамбойе; к ним присоединились юстициар Морлок и Ардриан дин-Рейми. Все они промаршировали на север по одному из бульваров, окаймленных роскошными усадьбами, и вскоре прибыли к дворцу Асрубала, Варциалу. Мэйхак и Джаро следовали за ними по воздуху в аэромобиле. Они видели, как исполнители оцепили строение, блокируя выходы. Юстициар, Ардриан дин-Рейми, начальник городских служб и четыре его помощника подошли к парадному входу и сообщили о своем прибытии. Через некоторое время к ним навстречу вышел сам Асрубал.

Глядя на Асрубала в макроскоп аэромобилия, Джаро впервые взглянул ему в лицо с тех пор, как Асрубал неподвижно смотрел на него через окно старого желтого дома в Пойнт-Экстазе. Джаро помнил это лицо, жесткое и белое, словно вырезанное из кости. Теперь, глядя вниз на человека, вышедшего из дворца, он увидел то же лицо. Джаро обмяк на сиденье машины — череда кошмарных воспоминаний пронеслась у него перед глазами. Он глубоко вздохнул. Кошмары исчезли, оставив после себя гнетущую пустоту.

Мэйхак обернулся к сыну: «Что такое?»

«Я кое-что вспомнил. Ничего, это уже прошло».

Юстициар Морлок обратился к Асрубалу: «Мною только что получена информация, свидетельствующая о том, что вы совершили несколько тяжких преступлений. Я обязан приказать исполнителям задержать вас. С этой минуты вы официально арестованы и становитесь подследственным заключенным».

Асрубал взревел величественным баритоном: «Какая чепуха! Я — всеми уважаемый гранд династии Урдов! Не могу представить себе, на каких основаниях вы меня преследуете».

Морлок улыбнулся: «Напрягите память! Уверен, что вы вспомните некоторые подробности своих правонарушений».

«Мое рашудо ничем не запятнано! Вы собираетесь утащить меня в казематы Криллинкса?»

«Нет, не в Криллинкс, — ответил юстициар. — Там никого не содержали уже три года, и камеры непригодны для обитания. Вас будут содержать под домашним арестом, под постоянным наблюдением охраны. Вы не сможете принимать посетителей, в том числе родственников, друзей и других представителей клана Урдов, за исключением адвоката, защищающего вас в суде. Адвоката вы сможете назначить завтра. А теперь вы обязаны подвергнуться личному обыску; кроме того, будет произведен обыск всех жилых помещений вашего дворца. Это необходимо для обеспечения безопасности охраны».

Асрубал неоднократно пытался протестовать, но начальник городских служб каждый раз заставлял его замолчать. Наконец арестованному позволили говорить. Асрубал гневно спросил: «В чем меня обвиняют?»

Юстициар Морлок ответил: «Вас обвиняют в убийствах, в казнокрадстве и в мошенничестве».

Асрубал топнул ногой: «Никто не смеет ущемлять мое рашудо! Только я могу принимать такие решения!»

«Неправда! — вмешался Ардриан дин-Рейми. — Рашудо определяется взаимодействием между вами и лицами того же ранга. Когда их одобрение сменяется презрением, от рашудо остаются только громкие слова».

«Тогда отвечайте: кто меня обвиняет?»

«Вас обвиняют несколько сторон, в том числе Тоун Мэйхак, известный вам инопланетянин, его сын Джаро, Ардриан дин-Рейми и я, юстициар Ромарта. Этого более чем достаточно. Отныне вы находитесь под стражей и должны подчиняться приказам начальника городских служб и его исполнителей. Вы предстанете перед судом в кратчайшие возможные сроки».

Джаро и Мэйхак вернулись в Карлеон, дворец Ардриана дин-Рейми, где к ним через некоторое время присоединился юстициар Морлок в компании трех высокопоставленных старейшин Ромарта. Ардриан провел их в конференц-зал, украшенный портретами бывших грандов рода Рейми на стенах, обшитых панелями бледно-зеленого дерева. Присутствующие заняли места за большим овальным столом, и четыре лакея-сейшани, под предводительством мажордома Фанчо, тут же подали им освежающие напитки.

Мэйхак и Джаро сидели в конце стола; их присутствие игнорировалось всеми, кроме Ардриана, безуспешно пытавшегося втянуть их в разговор.

Минут десять гости развлекались светской болтовней, после чего Морлок, словно между прочим, вставил замечание: «Думаю, вам любопытно будет узнать, что сегодня вечером я поместил Асрубала дин-Урда под домашний арест в ожидании предстоящего суда».

Новость вызвала удивленные восклицания:

«О чем вы говорите?»

«Невероятно, непостижимо!»

«Вы шутите, или это какая-то провокация?»

«Все очень серьезно, — ответил Морлок. — Асрубал обвиняется в тяжких преступлениях, в том числе в мошенничестве, в хищении, в казнокрадстве и в убийствах».

Старейшины возмутились. «Очевидно, что вы стали жертвой мистификации! — бушевал Феродик дин-Урд, высокий господин с вытянутым лицом, глубокими глазницами и трупным оттенком кожи. — Асрубал — мой уважаемый родственник!»

Креван дин-Намари воздел руки к потолку: «Помилуйте, Морлок! Вы действуете с неоправданной поспешностью!»

«Господа, если вы не возражаете, я объясню фактические обстоятельства дела», — отозвался юстициар.

«Будьте любезны! Нам не терпится их узнать!»

Неспешно, бесстрастным тоном, Морлок изложил причины задержания Асрубала. Старейшины слушали его с явным скептицизмом.

Эзмор дин-Слэйярд пожаловался: «По меньшей мере, вы зря наделали столько шума. Неужели нельзя было уладить этот неприятный скандал за закрытыми дверями?»

Ардриан выпрямился: «Вы считаете, что убийство моей дочери — не более чем «неприятный скандал?»»

«О нет! Ни в коем случае!»

Феродик умоляюще протянул длинную костлявую руку: «Не будем забывать о логике вещей! Обвинения не доказаны. Все это дело может оказаться не более чем фантазмагорией».

«Значит, вы думаете, что наши инопланетные гости — злонамеренные сумасшедшие?» — спросил Морлок.

Феродик бросил быстрый взгляд в сторону Мэйхака и Джаро: «Не могу судить о надежности их показаний, пока не познакомлюсь с ними поближе. Тем не менее, нельзя не учитывать то обстоятельство, что они с другой планеты».

«А в том, что касается конторы Лоркина, — раздраженно вмешался Креван, — я никак не могу понять, почему вдруг из-за нескольких недосчитанных грошей поднялась такая суматоха».

Мэйхак вежливо поправил его: «Асрубал в общей сложности украл больше полумиллиона сольдо, что трудно назвать несколькими грошами».

«Обвинения предъявлены, и расследование неизбежно, — заключил юстициар. — Завтра утром я попрошу членов Совета старейшин официально определить предлагаемую меру наказания. Заседание Судейской коллегии состоится вечером того же дня».

«Так скоро? — воскликнул Феродик. — Вы проявляете необычайное усердие!»

«Подобные дела вызывают у меня отвращение, — с каменным лицом ответил Морлок. — Чем скорее мы закончим расследование, тем лучше».

Феродик поднялся на ноги: «Мне нужно подумать о возникшей ситуации, в связи с чем разрешите мне удалиться».

Другие старейшины присоединились к нему. Ардриан проводил их к выходу.

Мэйхак и Джаро тоже приготовились уйти. Морлок и Ардриан наблюдали за тем, как Джаро вызвал спустившийся в сад аэромобиль. Ардриан спросил: «Вы вернетесь утром?»

«Когда это вас устроит».

«Значит, утром».

На следующий день Мэйхак и Джаро снова спустились в Ромарт, на этот раз в сопровождении Скирли. Гэйнг Нейтцбек оставался на борту «Фарсанга», сообщаясь с Мэйхаком по радио. Часа через два после восхода солнца Ардриан отвел трех гостей в Коллокварий, где уже собрались члены Совета старейшин. Наряженные в древние традиционные костюмы, они представляли собой впечатляющее зрелище.

Так начался процесс, который чужеземцы находили, по большей части, загадочным. Выступив с кратким заявлением о том, что имя Асрубала упоминалось в связи с серьезными преступлениями, совершавшимися на протяжении многих лет, юстициар Морлок заключил, что в сложившейся ситуации было бы лучше всего, если бы Судейская коллегия выяснила обстоятельства этого дела.

Феродик дин-Урд спросил: «Кто предоставил соответствующую информацию?»

«Господа, сидящие перед вами».

«Не правда ли, что они — инопланетяне, прилетевшие из далекой Ойкумены?»

«Это так».

«Гм. Их показания могут быть искажены невежеством или предрассудками».

«Маловероятно».

Феродик продолжал ворчать, но Морлок уселся и впоследствии мало интересовался продолжавшимся разбирательством. Советники обменивались немногословными фразами — иногда не относящимися к делу, иногда невразумительными. Время от времени к Морлоку обращались с вопросом; тот отвечал кратко и по существу. В какой-то момент старейшина наклонился над столом и попросил Скирль поведать о событиях ее жизни. Скирль рассказала старейшинам о Сассунском Эйри в Танете и о Пири-Пири, дворце ее матери на Мармоне. Она пояснила, что получила по наследству право принадлежать к клубу «Устричных кексов», не уступавших рангом «Кванторсам» и «Лохмачам» и вместе с ними составлявших избранную группу людей, называемых Семпитерналами, для которых статус уже не имел значения. Ей трудно было сопоставить условия, существовавшие в Танете, с традициями Ромарта, так как в Ромарте была неизвестна цивилизованная система настойчивого продвижения по ступеням социальной иерархической лестницы из одного клуба в другой. Скирль отважилась предположить, что понятие о вызывающем всеобщее уважение рашудо могло бы примерно соответствовать принадлежности к одному из клубов Квадратуры круга или, может быть, к числу «Цыплят-извращенцев». Условия жизни в Танете могли быть самыми разнообразными. Большинство местных жителей выбирали род занятий, соответствовавший их наклонностям и предпочтениям. Некоторые приобретали космические яхты и путешествовали по мирам Ойкумены в полном комфорте; между прочим, Скирль и ее спутники прибыли на Отмир на борту именно такой космической яхты, парившей теперь на высоте трех миль над Ромартом.

Старейшины слушали, не высказывая никаких замечаний, и наконец сообщили Скирли, что она предоставила достаточные сведения. После этого со сходным запросом обратились к Джаро. Джаро кратко изложил свою биографию, указав, помимо прочего, на то, что ему лишь недавно удалось выяснить обстоятельства своего происхождения. Пока он говорил, члены Совета старейшин, судя по всему, потеряли интерес к его рассказу. Они что-то

бормотали друг другу на ухо, справлялись с записями в блокнотах и беспокойно ерзали в креслах. Джаро замолчал, не закончив фразу, и сел. Казалось, никто этого не заметил. Джаро сказал Мэйхаку: «Теперь, наверное, твоя очередь».

«Думаю, их любопытство удовлетворено, — отозвался Мэйхак. — Теперь их больше интересует, где и как они будут обедать».

«Мне их система непонятна!» — буркнул Джаро.

«Она и не может быть понятной. Старейшины следуют традициям, а нам приходится ждать, пока они блуждают по извилистому пути, проложенному предками».

«Но они ничего не спросили и ничего не сказали об Асрубале!»

«Им известно все, что требуется знать — а именно то, что Морлок потребовал суда над Асрубалом. В полдень они объявят, что Асрубал должен предстать перед Судейской коллегией, и всей гурьбой отправятся обедать. Так здесь делаются вещи».

«Посмотрим, к чему все это приведет».

В полдень старейшины поднялись на ноги. Председатель Совета нараспев произнес: «Дело Асрубала из династии Урдов, обвиненного в гнусных преступлениях, передается на рассмотрение Судейской коллегии, каковая определит, кому надлежит понести наказание — обвиняемому или обвинителям».

Джаро повернулся к Мэйхаку: «Что он имеет в виду?»

«В нашем случае это, скорее всего, пустые слова. По традициям правосудия роумов, если предъявлены обвинения, но обвиняемый оправдан судом, наказанию, соответствующему тяжести вмененных ему преступлений, подвергают обвинителей — с тем, чтобы впоследствии было меньше случаев лжесвидетельства. Но с нами это не произойдет — по меньшей мере пока Гэйнг наблюдает за происходящим с «Фарсанга»».

«Тем не менее, такая возможность вызывает беспокойство».

«Да, — вздохнул Мэйхак. — В Ромарте многое вызывает тревогу».

Ардриан присоединился к трем инопланетянам: «На данный момент разбирательство закончено. Заседание Судейской коллегии состоится через несколько часов. Тем временем я буду рад, если вы согласитесь у меня отобедать. По сути дела, как для того, чтобы у вас были все необходимые удобства, а также исходя из принципов гостеприимства, накладывающих на меня обязательства, предлагаю вам поселиться в Карлеоне».

«Благодарю вас, — ответил Мэйхак. — Думаю, никто из нас не откажется принять ваше приглашение».

«Очень хорошо! — кивнул Ардриан. — Так тому и быть».

Пять судей встретились после полудня — не в Коллокварии, а в большом зале Варциала, дворца Асрубала, чтобы Асрубал мог беспрепятственно участвовать в разбирательстве. Судьи восседали за длинным столом; сейшани расставили на этом столе бутылки, кувшины, подносы с пирожными, соленой рыбой, цукатами из птичьей печенки и всякой всячиной, чтобы отправители правосудия могли подкрепиться, будучи утомлены праведными трудами. Люди разнообразной внешности — среди них были и верзила, и коротышка, и толстяк, и человек, худой, как палка — судьи вели себя так, что не оставалось сомнений в безукоризненности их рашудо. Председатель Судейской коллегии, которого называли просто «магистром», был старше других и производил незабываемое впечатление. Он сидел, наклонившись вперед и опираясь на широко расставленные острые локти. На его черепе осталось несколько прядей белоснежных седых волос; растопыренные уши, полуопущенные веки и длинный тонкий нос придавали ему вид сонного филина. Магистр обвел взглядом зал заседаний, убедился в том, что все было в порядке, ударил молоточком в гонг и объявил: «Выездное заседание Судейской коллегии открыто. Присутствующих просят не забывать о необходимости строжайшего соблюдения протокола. Введите подсудимого!»

Два дружинника привели Асрубала и усадили его в громоздкое кресло у стены.

Магистр продолжал: «Вы находитесь в суде высшей инстанции. Здесь торжествуют равноправие и справедливость. Перед лицом правосудия не придается значение ни обстоятельствам рождения, ни принадлежности к какой-либо династии или фракции, ни рашудо участвующих в судопроизводстве сторон. Приговор обжалованию не подлежит. Нередко решения принимаются прежде, чем будут представлены доказательства. Демонстрация эмоций не допускается. Начнем разбирательство. Юстициар Морлок, изложите суду обстоятельства дела».

Морлок разъяснил, невыразительно равномерным тоном, предъявленные Асрубалу обвинения. Асрубал слушал с каменным лицом, неотрывно глядя на Морлока круглыми черными глазами.

Обвинитель закончил предварительное выступление, и Джаро вызвали давать показания. Морлок, судьи и Барванг, адвокат Асрубала, задавали ему вопросы — иногда непосредственно касавшиеся рассматриваемого дела, иногда мало к нему относившиеся. Магистр никак не контролировал процесс перекрестного дознания, в связи с чем Джаро нередко приходилось одновременно выслушивать два или три вопроса. Его удивлял неофициальный характер судопроизводства, противоречивший спокойной и достойной внешности судей. Возможно, тщеславие заставляло их думать, что для поддержания порядка и отправления правосудия достаточно было одного их присутствия; если так, их самомнению не было предела. По мере того, как Джаро рассказывал обо всем, что ему было известно, судьи обменивались замечаниями и время от времени прерывали его, чтобы задать новые вопросы. Джаро тщательно сдерживался и подробно отвечал на каждый вопрос. То и дело судьи поглядывали на Асрубала, словно предлагая тому высказать мнение; как правило, Асрубал отвечал на эти молчаливые приглашения холодной усмешкой, но иногда прерывал показания внезапными возгласами: «Чепуха, чепуха с начала до конца!» Или: «Бред собачий!» А также: «Это отъявленный лжец и подлый мошенник, вышвырните его отсюда!»

Интересы Асрубала представлял его родственник, Барванг дин-Урд — цветущий субъект средних лет с хорошо подвешенным языком, большими преданно-карими глазами, длинными волнистыми волосами каштанового оттенка, шелковистыми усами и небольшим животиком, каковой, вместе с неумеренно обширными бедрами, он пытался скрывать под свободным плащом из зеленого бархата с черным орнаментом. Барванг держался с нагловатым безразличием, вызывавшим у Джаро раздражение. Адвокат постоянно расхаживал по залу, то задерживаясь, чтобы прислушаться, то наклоняясь к Асрубалу, чтобы дать конфиденциальный совет. Иногда он выходил из зала, возвращался и, воспользовавшись какой-нибудь паузой, громко восклицал: «Достопочтенные судьи! И я, и Асрубал довольно натерпелись этого несусветного бреда! Вы зря тратите время моего уважаемого родственника! Прекратите это недостойное преследование и положите конец грязной клевете!»

Судьи слушали его внимательно и серьезно. Наконец один из них сказал: «Замечания Барванга напоминают нам о том, что настало время закрыть наше заседание. Гранды династии Урдов потребовали скорейшего рассмотрения этого дела и, в конце концов, не следует заставлять Асрубала проводить в суде больше времени, чем необходимо. Мы соберемся снова через неделю».

Чужеземцы вернулись во дворец Карлеон, где каждому отвели отдельные комнаты. Они выкупались и переоделись в элегантные вечерние костюмы, предоставленные слугами-сейшани.

Все трое спустились в малую гостиную дворца, где через некоторое время к ним присоединился Ардриан, снова продемонстрировавший мастерство в области приготовления тонизирующих напитков. Примерно в течение часа они обсуждали события дня. Джаро заметил, что процесс судопроизводства, принятый у роумов, приводил его в замешательство.

Ардриан объяснил: «На самом деле все очень просто. Судьи не спешат и не беспокоятся. Они наблюдают, подмечая детали, и постепенно создают внутреннее представление. Поток поступающей информации смешивается у них в уме, после чего сортируется на подсознательном уровне, пока не возникает четкая картина, позволяющая принять окончательное решение».

«Почему они отложили разбирательство на неделю?» — спросила Скирль.

«Иногда судьи позволяют себе немного капризничать. Может быть, они просто устали или соскучились — или, может быть, им нравится представлять себя проявлениями стихийных сил, движущихся в неизъяснимом, но неотвратимом ритме. Так или иначе, у вас теперь есть свободное время — целую неделю вы можете наслаждаться красотами Ромарта и его неповторимыми традициями. Не забывайте, однако, что блуждать в одиночку по заброшенным дворцам не рекомендуется — повадки белых призраков непредсказуемы, они нередко нападают без предупреждения. Даже будучи втроем, вы можете подвергаться опасности». Ардриан поднялся на ноги: «А теперь приглашаю вас перейти в трапезный зал. Сегодня вечером вы познакомитесь с несколькими моими друзьями и родственниками. Им неизвестны привычные для вас правила поведения. Проявляйте терпение и, если вам покажутся странными их слова или поступки, не показывайте, что вы удивлены».

«Постараюсь соблюдать осторожность, — пообещал Джаро. — Не могу поручиться за Скирль, конечно. Она — наследница «устричных кексов» и не привыкла якшаться с кем попало. Возможно, вам следует предупредить об этом родственников».

Ардриан с сомнением взглянул на девушку: «В данный момент, по крайней мере, она

кажется безмятежной и витающей в облаках. Надо признаться, твоя подруга не совсем соответствует нашим представлениям о вульгарных и назойливых инопланетянах».

«Тем не менее, она состоит из плоти и крови и полна жизненных сил».

«В высшей степени!» — подтвердила Скирль.

Вечер прошел без нежелательных происшествий. Роумам, по-видимому, любопытно было узнать о том, как складывается жизнь на других планетах.

«В каждом мире все по-своему, — рассказывал Мэйхак. — МСБР следит за тем, чтобы соблюдались основные принципы правопорядка — хотя бы для того, чтобы приезжего не секли у позорного столба за то, что он высморкался на людях. Тем не менее, обычаи достаточно разнообразны, и путешествовать интересно».

«Жаль, что путешествия обходятся так дорого!» — посетовала молодая женщина.

«Если бы Асрубал не украл у вас огромные деньги, может быть, вы могли бы позволить себе путешествовать в комфорте», — заметил Джаро.

Брой, кавалер из династии Карроу, проворчал: «Ваши мнения граничат с клеветой. Асрубал — гранд с безукоризненным рашудо. Чужеземцам не подобает так отзываться о людях, пользующихся всеобщим уважением!»

«Прошу прощения, — отступил Джаро. — Не хотел вас обидеть».

Наступило молчание. Наконец Брой неохотно кивнул: «Меня вы несколько не обидели — такое предположение с вашей стороны опять же свидетельствует о неуместном самомнении! Я всего лишь указал на то, что вам следовало бы выбирать выражения, когда вы раскрываете рот».

«Сделаю все, что смогу», — смиренно пообещал Джаро. Он заметил, что Мэйхак и Ардриан потихоньку усмехались. Скирль с презрением и недоумением переводила взгляд с Джаро на Броя и обратно, но сумела промолчать. Ужин продолжался, но уже не столь непринужденно, как раньше.

Впоследствии Ардриан похвалил молодых людей: «Вы вели себя правильно — именно так, как я хотел. Брой дин-Карроу — наглый хлыщ, он вечно лезет на рожон. Кроме того, у него тесные связи с влиятельными Урдами, в связи с чем он пытался прослыть защитником их интересов за ваш счет. Не беспокойтесь, это ничего не значит».

«О чем тут беспокоиться? — пожал плечами Джаро. — Меня это скорее позабавило. Он не представляет никакой опасности».

«Не будь так уверен! У Броя вспыльчивый нрав, причем он слывет нешуточным дуэлистом».

«Хорошо, постараюсь его не провоцировать».

На следующий день Джаро и Скирль отправились осматривать заброшенный дворец Сомар, цитадель давно вымершей династии Сумарджианов. Их сопровождали два кавалера из династии Рейми и еще два молодых человека из династии Иммир. В библиотеке древнего дворца Скирль задержалась, чтобы рассмотреть книги на полках — увесистые тома в рельефных кожаных переплетах с бесчисленными страницами, заполненными каллиграфическим рукописным текстом, часто перемежавшимся выполненными вручную иллюстрациями.

Роблей дин-Иммир, явно испытывавший интерес к молодой инопланетянке, остался с ней, в то время как остальные перешли в парадную гостиную. Роблей объяснил Скирли назначение книг: «Когда-то каждый роум пытался увековечить свою жизнь в одной из таких

книг. Любая из них содержит историю чьей-то жизни. Это не просто дневники — это своего рода произведения искусства, наполненные интимными откровениями и поэтическими опытами; летописец мог запечатлеть их без смущения, так как его книга открывалась перед глазами других только после его смерти. Иллюстрации создавались с огромным вниманием к деталям, выбирались самые изысканные и благородные сочетания цветов — иногда яркие, бросающиеся в глаза, иногда приглушенные и туманные. Костюмы персонажей, конечно, архаичны, но для того, кто читает книгу, иллюстрации оживают и проходят перед глазами чередой славных побед и позорных поражений. Как вы можете видеть, автор свободно владеет техникой рисования, и стиль соответствует характеру его личности. Иногда зарисованные сцены носят невинный характер, словно их подсматривал ребенок; в иных случаях они полны сдержанной страсти. Многие считают, что эти книги выражали стремление их создателей жить вечно. В старину роумы верили — возможно, вполне серьезно — что они могли вложить в такие книги сущность своего бытия, что книги могли каким-то образом остановить время и сохранить его, что создатель книги никогда не умирал, но продолжал блуждать в каком-то бестелесном полусне по страницам, старательно заполненным всем тем, что отличало его преходящий разум от лишенной воли, бессмысленной материи». Роблей поморщился: «Должен признаться, мы все еще относимся к этим книгам с благоговением, когда посещаем тот или другой заброшенный дворец».

«Сколько лет этим книгам?»

«Обычай оставлять после себя «книги жизни» вошел в моду примерно три тысячи лет тому назад, и эта традиция продолжалась не меньше тысячи лет. В какой-то момент интерес к подобным занятиям внезапно пропал. Теперь никому и в голову не придет посвящать столько времени и трудов составлению иллюстрированных мемуаров».

«Записывать и зарисовывать воспоминания и фантазии лучше, чем прожить всю жизнь и ничего после себя не оставить».

«Да, — задумчиво произнес Роблей. — Думаю, что вы правы». Он взял книгу из рук девушки и безразлично пролистал несколько страниц, время от времени приглядываясь к деталям изысканных рисунков и орнаментов: «Древние роумы во многом на нас походили, конечно, хотя странно видеть их причудливые костюмы и пытаться представить себе, как и чем они жили. Возникает впечатление, что они были счастливее нас. Сегодня во всем ощущается усталость. Ромарт разлагается, его бывшее величие никогда не вернется». Роблей поставил книгу на полку: «Я редко заглядываю в эти жизнеописания. Они навевают мрачное настроение, от которого я не могу избавиться несколько дней».

«Жаль! — сказала Скирль. — На вашем месте я отправилась бы познакомиться с настоящей жизнью на других планетах Ойкумены и, может быть, нашла бы себе полезное применение, соответствующее моему характеру».

Роблей тоскливо улыбнулся: «Тогда мне пришлось бы работать только для того, чтобы платить за кров и пищу».

«Вполне возможно».

«В Ромарте мне не нужно работать. Я живу во дворце, меня превосходно кормят. Трудно игнорировать разницу».

Скирль рассмеялась: «Вы отрезали себя от действительности, замкнувшись, как устрицы в раковинах».

Роблей поднял брови: «Вы не стали бы так говорить, если бы знали меня лучше! Я дрался на четырех дуэлях и дважды выходил на охоту за призраками. Кроме того, я —

капитан драгунов. Но довольно говорить обо мне! Давайте поговорим о вас. Прежде всего, вопрос чрезвычайной важности: вы уже с кем-то обручены?»

Искоса взглянув на молодого роума, Скирль попыталась соврать: «Не совсем понимаю, что вы имеете в виду...» Роблей был приятным и галантным собеседником, а немного пофлиртовать еще никому не мешало. «По существу, — оправдывалась перед собой Скирль, — я всего лишь изучаю социологию кавалеров-роумов».

«Я имею в виду следующее, — Роблей на мгновение прикоснулся к ее плечу. — Можете ли вы свободно принимать решения, не отчитываясь ни перед кем?»

«Разумеется! Мне никто не указывает, что делать».

Роблей улыбнулся: «Вы родились и выросли на другой планете. Тем не менее, вам свойственна любопытная привлекательность — мне трудно объяснить, в чем она заключается».

«Я — экзотическое существо, — отозвалась Скирль. — Меня окружает завораживающая тайна неизвестности». Они улыбнулись друг другу. Роблей начал было отвечать, но вдруг прервался, резко повернувшись к книжным полкам. Скирли тоже показалось, что она слышала какой-то звук — словно кто-то украдкой переместился в укрытии. Оглядываясь через плечо и обозревая библиотеку, она в то же время вынула из-за пояса пистолет-лучемет, который взяла по настоянию Мэйхака. Никто не появился. «Что это?» — хрипловатым полусшепотом спросила она.

Все еще приглядываясь к углам помещения, Роблей сказал: «Иногда за стенами устроены тайные проходы — возможно, они существуют и здесь, хотя дворец Сомар считают относительно безопасным. Ни в чем нельзя быть уверенным, конечно. Домовые любят следить за нами; а потом, когда на них что-то находит, набрасываются на того, кто их не заметил. Пренеприятнейшие твари! Пойдемте, догоним наших друзей».

Еще через день Джаро и Мэйхака вызвали в Коллокварий — проконсультироваться с Морлоком и парой старейшин. По словам Ардриана, это означало, что судьи восприняли всерьез обвинения, предъявленные Асрубалу. Скирль, не зная, чем заняться, пошла прогуляться по бульварам Ромарта. В конце концов она присела за столик кафе на площади Гамбойе. Здесь к ней присоединился Роблей дин-Иммир: «Вижу, вы сидите в одиночестве. Решил составить вам компанию и продолжить разговор, прерванный шорохом осевшей стены».

«Стена тут ни при чем. Боюсь, домовый за нами подглядывал и никак не мог решить, сожрать ли нас сразу или повременить».

Роблей опасно усмехнулся: «Вполне может быть — хотя мне не хочется об этом думать. В Соmare мы всегда чувствовали себя в безопасности — этот дворец недалеко от обитаемого района».

«Почему же вы не уничтожите этих паразитов раз и навсегда? У нас на Галлингейле в подвалах давно уже не было бы никаких домовых».

«Подобные планы составлялись сотни раз. Но когда мы проникаем в подземелья, в тесных темных лабиринтах преимущество на стороне призраков — им не раз удавалось сыграть с нами какую-нибудь кошмарную шутку, и нам приходилось отступать от отвращения, если не от страха».

«Меня озадачивает еще одна вещь — Фондамент. Скажите, что там делается?»

Роблей поморщился, явно чувствуя себя неудобно: «Об этом никто не любит говорить».

По сути дела, этот вопрос выходит за рамки любой приличной беседы; даже замечать существование этого места считается признаком дурного вкуса».

«Меня не пугает вульгарность — в определенных пределах. Можно ли туда зайти и своими глазами убедиться в том, что там происходит?»

Роблей, судя по всему, удивился такому вопросу. Бросив взгляд на бурое строение под зеленым куполом, видневшееся в конце бульвара на набережной, он сказал: «Никогда не думал о такой возможности. Полагаю, что ничто не помешало бы туда зайти — пандус, ведущий ко входу, начинается с Эспланады, что очень удобно».

«Удобно — для чего? Расскажите. Вы уже намекнули на то, что знаете, и мне тоже хочется знать».

«Хорошо, будь по-вашему. Прежде всего позвольте заметить, что примерно один из двухсот сейшани — мутант. Взрослея, он становится не таким, как обычные сейшани; этих мутантов называют «гричкинами». Они уродливы и приземисты, у них лысая голова с заостренной макушкой, длинный нос, свисающий почти до маленького рта, и почти никакого подбородка. Важнее всего то, что гричкин достаточно умен для того, чтобы понимать сложные поручения и руководить обычными сейшани. Практически во всех дворцах гричкинов используют в качестве мажордомов. Насколько мне известно, гричкины координируют процессы в Фондаменте без вмешательства роумов, не желающих иметь ничего общего с этим местом. Гричкины выполняют все неприятные функции, связанные с домашним хозяйством. Когда слуга-сейшани достигает определенного возраста, он становится ленивым и небрежным; кожа его желтеет, волосы выпадают, он пухнет, становясь круглым, как шар. Рано утром, пока никто из роумов не проснулся, гричкины отводят отжившего свой век сейшани в Фондамент и спускают его по желобу в «бункер мертвецов», где его тело перерабатывается и смешивается с пульпой. Когда умирает роум, мы притворяемся, что он переносится в чудесный город за облаками. Эту сказку мы рассказываем детям, когда они спрашивают, куда делся внезапно исчезнувший родственник или знакомый. Правда заключается в том, что гричкины переносят тело покойного в Фондамент, сбрасывают его в «бункер мертвецов», и таким образом умерший становится частью пульпы». Роблей безрадостно рассмеялся: «Теперь вы знаете столько же, сколько знаю я. Если вы желаете самостоятельно пронаблюдать за процессом, вас никто не остановит — вход открыт. Боюсь, однако, что вам не понравится то, что вы увидите».

«А меня, случайно, не смешают с пульпой?»

«Думаю, что нет. Вас просто проигнорируют. Гричкины — смирные, вежливые существа; в этом отношении они мало отличаются от других сейшани. Вы все еще хотите посетить Фондамент? Говорят, там плохо пахнет».

Скирль посмотрела в сторону громоздкого строения на берегу Скейна: «Как-нибудь в другой раз, может быть — не сегодня».

«Всецело одобряю ваше решение — тем более, что я могу предложить вам нечто гораздо более интересное». Роблей снял шляпу и положил ее на соседний пустой стул: «Вы согласны меня выслушать?»

Скирль развлекалась: «Мне больше нечего делать».

«Прекрасно! Таким образом, я допускаю, что вы можете благосклонно отнестись к моему плану».

«По меньшей мере я вас выслушаю».

Роблей серьезно кивнул — так, как если бы Скирль изрекла исключительно

глубокомысленный афоризм: «Предпочитаю подходить к этому вопросу не слишком прямолинейно. Вы уже знаете, что образ жизни роумов отличается от обычаев, принятых на других планетах».

«Да, — сказала Скирль, — я заметила».

«Но вы еще не успели заметить, что мы отличаемся чрезвычайной эстетической чувствительностью. Это врожденная черта, она от нас ожидается, она в нас воспитывается и развивается для того, чтобы все наши умственные способности использовались в полной мере. Некоторые из нас — телепаты, другим доступны не менее девяти различных сенсорных восприятий; можно сказать, таким образом, что мы осознаем действительность на новом, более высоком уровне. Мне самому удалось достигнуть относительно высокого уровня эстетической чувствительности, и я хотел бы поделиться с вами некоторыми интуитивными озарениями».

Скирль с улыбкой покачала головой: «Не затрудняйтесь. У меня нет экстрасенсорных способностей, и я не пойму, о чем вы будете говорить».

«А, но демонстрация далеко не ограничивается словесными пояснениями! Само собой, вы должны быть готовы к восприятию, ваша чувствительность должна быть повышена. Что вы на это скажете?»

«Скажу, что хотела бы подробнее узнать, что именно вы предлагаете».

«Разумеется! Пойдемте, я проведу вас в свои апартаменты».

«Зачем? Что вы хотите там делать?»

Голос Роблея звенел наигранным энтузиазмом: «Цель — в том, чтобы модулировать мгновения бытия так, как дирижер управляет оркестром. Теперь вы мне доверяете?»

«Полностью доверяю! В связи с чем поясните, пожалуйста, весь процесс — подробно и поэтапно».

Роблей дин-Иммир заметно приуныл: «Укрывшись в апартаментах, каждый из нас зажигает церемониальную свечу, после чего вдыхает аромат свечи, горящей в руках партнера. Это древнейший ритуал, символизирующий духовное слияние на некоем уровне, определить который я не берусь, так как для этого пришлось бы погрузиться в глубины мистицизма. В практическом отношении происходит следующее: мы переносим свечи в мой серо-лиловый покой и устанавливаем их на подставках с обеих сторон сакраментального турмалина — это кристалл необычайной красоты, больше трех локтей в высоту. По мере того, как мы созерцаем движение оттенков и отблесков, пробужденное пламенем в глубине кристалла, служители разоблачают нас — настолько искусно и расторопно, что вы даже не почувствуете прикосновение их рук. После этого нас покрывают с головы до ног душистой оболочкой, нанесенной освежающим распылителем. Вам подойдет фисташковый зеленый, а мне — другой оттенок и другой аромат. Затем мы приказываем принести маски».

Скирль, готовая услышать любые нелепости, все же удивилась: «Маски? Разве мы не знакомы?»

«Маски играют важную роль. Они приглушают привычные поползновения, навязанные условностями воспитания. Когда маска прикрывает лицо, мы чувствуем раскрепощающую невесомость духа, словно воспаряя в воздухе. Повседневная сущность исчезает, мы становимся символами».

Служители располагают вас на столе, а я покрываю ваше тело координатной сеткой мелких квадратов, прослеживающих все кривые и контуры, все углубления и выпуклости. Пользуясь координатной сеткой и небольшим пульсирующим жезлом, я выявляю особо

чувствительные зоны вашей поверхности. Впоследствии они распечатываются в виде большой цветной схемы — вы можете взять ее с собой. Она служит замечательным настенным украшением, вызывающим восхищение друзей.

Наступает время осторожно и постепенно снимать друг с друга нанесенную оболочку — это неизменно забавный процесс, сопровождающийся применением нескольких эротических методов, отчасти ортодоксальных, отчасти экспериментальных — в зависимости от охватившего нас настроения. Когда наступает изнеможение, служители поднимают нас на мембранах, относят к бассейну и осторожно погружают в теплую воду. Пока мы лежим, полупогруженные в воду, бассейн оживляется пульсирующими турбулентными потоками пузырьков. Это вызывает необычное ощущение, подобное осязанию музыки. Остатки ароматических оболочек растворяются в воде. Мы снимаем маски и снова становимся собой.

Служители поднимают нас на мембранах из расслабляющего бассейна и переносят к другому бассейну, устроенному в проеме, куда спускается крутой широкий желоб. Нас размещают в желобе, и мы стремительно падаем в ледяную, почти замерзающую воду. Мы плаваем в этой воде, наслаждаясь щекочущим покалыванием подкожных нервов. Наконец удовольствия купания исчерпываются, и служители поднимают нас на возвышение, где нас растирают мягкими полотенцами и одевают в костюмы из белого льняного полотна.

Наступает время ужина. При свете церемониальных свечей подают специально приготовленные блюда, а когда свечи догорают и гаснут, ритуал заканчивается». Роблей поднялся на ноги: «Ну что, как вы думаете?»

Скирль ответила не сразу: «Все это очень изобретательно, но несколько утомительно».

«Напротив! — возразил Роблей. — Как только вы наденете маску, вы почувствуете ни с чем не сравнимое облегчение». Он наклонился, чтобы взять ее под руку: «Пойдемте! Дворец Иммир в двух шагах».

Скирль покачала головой: «Я благодарна вам за предложение, но думаю, что даже в маске мне не понравится процесс картографирования моих чувствительных зон. Тем не менее, вы помогли мне понять одну из традиций роумов — теперь я, кажется, знаю, почему в Ромарте такой низкий уровень рождаемости». Скирль встала и увернулась от еще одной попытки Роблея взять ее за руку: «Прошу меня извинить, мне пора возвращаться в Карлеон».

Через два дня Ардриан объявил, что во дворце Рейми, где проживал Кассельброк, патриарх династии Рейми, должен был состояться официальный банкет. Кассельброк пригласил не только Ардриана и ближайших родственников, но и трех гостей-инопланетян.

«Вам может понравиться или не понравиться этот званый ужин, — предупредил Ардриан. — Состоится непонятные для вас церемонии, потребуется неукоснительное соблюдение протокола. Если вы решите принять участие в банкете, служители оденут вас в надлежащие костюмы, а я попрошу моего племянника Алонсо разъяснить вам — хотя бы в какой-то степени — основы формального этикета. Принимая во внимание все обстоятельства, я считаю, что вам этот опыт пригодится, а несущественные нарушения правил со стороны чужеземцев всегда простительны».

«Замечательная перспектива! — благосклонно отозвалась Скирль. — Соблюдение приличий меня несколько не затруднит, так как мой отец, «устричный кекс» самых голубых кровей, только и делал, что беспокоился об этикете. С раннего детства меня обучали манерам, подобающим благородным девицам. Уверена, что обитательница Сассунского Эйри будет чувствовать себя во дворце Рейми, как в своей тарелке».

Ардриан мрачно улыбнулся: «Вижу, что для беспокойства нет никаких оснований, по крайней мере в вашем случае. Тоун Мэйхак кое-чему уже научился, проведя у нас несколько лет, но за Джаро трудно поручиться».

«Я буду внимательно подражать манерам Скирли, — пообещал Джаро. — Она вовремя одернет меня, если моя вульгарная и дикая натура начнет проявляться слишком очевидно. Тем не менее, подозреваю, что и мне, и Скирли не помешают наставления вашего племянника».

Ардриан кивнул: «Будь по-вашему».

Утром Джаро и Скирль прогулялись по бульвару за площадью Гамбойе и вышли на Эспланаду. Перед ними практически из самой воды возвышалась бурая громада Фондамента с вереницей высоко расположенных маленьких круглых окон над глухой стеной и тремя приплюснутыми куполами из зеленого стекла. Джаро и Скирль подошли к зданию и остановились, взирая на это массивное сооружение с чем-то вроде опасливого почтения. С Эспланады к низкому арочному проходу в мощной стене поднимался пологий пандус. Заглядывая в проход, можно было видеть, что внутри находится какое-то помещение, разделенное с левой стороны перегородкой из стекла с бетонным основанием. Некоторое время они стояли в начале пандуса и раздумывали. Джаро протянул руку, приглашая подругу подняться: «Вход открыт. Хочешь заглянуть внутрь?»

Скирль колебалась: «Не знаю — наверное, нет. Еще увижу что-нибудь, чего лучше было бы не видеть. Говорят, там плохо пахнет».

«Меня тоже не снедает любопытство, — заметил Джаро. — В Ойкумене есть много вещей, о которых я не хочу знать. Возможно, происходящее в Фондаменте — одна из таких вещей».

«Изучив этот вопрос досконально, ты мог бы написать трактат под наименованием «Вещи, о которых мне лучше было бы не знать» — или, может быть, «Воспоминания о том, чего глаза бы мои не видели!»»

«Гм! — Джаро задумался. — Лучше я напишу эссе под заголовком «Неотразимые преимущества Скирлет Хутценрайтер»».

Скирль взяла его под руку: «Как на тебя можно сердиться, когда ты говоришь такие комплименты?»

Джаро ухмыльнулся: «Я думал, ты уже убедились в том, что я идеален во всех отношениях».

«Почти во всех».

«Как так? Оказывается, у меня есть недостатки?»

«Ну, например, ты не всегда меня слушаешься. И еще ты хочешь бесконечно блуждать по Ойкумене».

«А ты не хочешь?»

«Как это ни странно, я иногда тоскую по Танету».

Джаро рассмеялся: «Я тоже, когда вспоминаю Приют Сильфид. Но это быстро проходит».

«Ты хотел бы когда-нибудь там снова поселиться?»

Джаро слегка нахмурился: «Не думаю. Меня скоро охватит охота к перемене мест».

«Я могла бы сделать так, чтобы тебя приняли в клуб «Устричных кексов»», — задумчиво сказала Скирль.

«Это было бы неплохо. Но у нас больше нет ни Сассунского Эйри, ни Приюта Сильфид. Тем временем, мы можем жить в «Фарсанге» и порхать с одной планеты на другую».

«Поистине, — словно в полусне отозвалась Скирль. — И несть числа тем неизведанным мирам».

Джаро покосился на нее с некоторым недоумением, но промолчал. Они вернулись по бульвару с Эспланады, пересекли площадь Гамбойе, поднялись во дворец Карлеон и разошлись по своим комнатам, а через два часа после полудня стали готовиться к банкету с помощью слуг-сейшани.

Ардриан привел трех инопланетян во дворец Рейми пораньше и целый час водил их по величественным залам и покоем, оживленным витражами, яркими росписями и присутствием людей, чего нельзя было сказать о помещениях заброшенного дворца Сомар, не менее величественных, но потускневших и запыленных. Сейшани почти бесшумно перемещались в тених — мелковатые угодливые существа, бледнокожие, с пушком светло-бежевых волос. По обеим сторонам основания парадной лестницы стояли два паж в мундирах древних часовых, не вязавшихся с их женственной внешностью; их волосы были собраны в остроконечные пучки над головой, напоминавшие формой пламя свечей. Каждый паж держал в руке упиравшееся древком в пол тонкое копье высотой в три раза больше его роста. Пажи не шевелились — даже не моргнули, когда между ними проходили гости.

Джаро заметил за лестницей низкий арочный проход — за ним каменные ступени спускались в темноту. В ответ на его вопрос Ардриан объяснил: «Под любым дворцом — целая система подвалов. Они используются для хранения продуктов и прочих запасов, а также в качестве винных погребов. Еще ниже, в подземельях — темницы. Теперь они по большей части замурованы кладкой, чтобы призраки не проникали в жилую часть дворца. Темницы были устроены когда-то в «смутные времена», когда на протяжении столетий династии роумов вели негласную, подспудную войну с враждебными кланами. Жизнь тогда была полна жестокостей и обмана, ненависти и мести, подлых заговоров, отравлений и засад — один роум протыкал другого шпагой в спину во время дружеской прогулки в парке, людей

похищали и заключали навечно в подземельях, куда не проникали даже отблески солнечного света. Некоторые кланы вымерли до последнего человека, и от них остаются только заброшенные дворцы. Не поднимайте эту тему на банкете — обсуждать междоусобицы не принято. По сути дела, советую не высказывать никаких мнений, если вас не попросят это сделать. Даже когда вас будут о чем-нибудь спрашивать, отвечайте кратко и в самых умеренных, обобщенных выражениях. Думаю, что вы скоро поймете, чем объясняются мои предупреждения».

Трех чужеземцев представили хозяину дворца, усадившему их в дальнем конце длинного овального стола. Другие гости — всего шестнадцать человек — заняли свои места, и лакеи-сейшани стали подавать первые блюда.

Пиршество оказалось продолжительным. Джаро и Скирль старались подражать окружающим и, по-видимому, умудрились не допустить никаких непростительных бестактностей. Следуя рекомендациям племянника Ардриана, они мало говорили, не слишком много пили и следили за тем, чтобы их предплечья и локти благочинно прижимались к телу. Блюда, на их взгляд, оказались вполне съедобными, хотя приправы содержали неизвестные ингредиенты. Собравшееся общество состояло из дам и господ, явно в высшей степени респектабельных — или, как говорили в Ромарте, «окруженных аурой безупречного рашудо». К молодым людям с другой планеты обращались с формальной вежливостью, но не слишком дружелюбно. Примерно через час после начала пиршества господин с обвисшими посиневшими щеками, копной седых волос и белой козлиной бородкой, употребив существенное количество вина, повернулся к Скирли и спросил довольно-таки развязным тоном: «Вам нравится наш банкет?»

«Да, разумеется!»

«Вот и хорошо! Пируйте на славу, пока есть такая возможность. Вам, наверное, еще не приходилось видеть ничего подобного».

«В какой-то степени вы правы, — осторожно сказала Скирль. — Дворец великолепен. Усадьба, где я выросла, Сассунское Эйри, значительно уступает роскошью хоромам Ромарта — не в последнюю очередь потому, что мой отец потерял все наши деньги, занимаясь рискованными спекуляциями. У нас роскошь, подобная убранству дворца Рейми, была бы невозможна без больших денег, поскольку у нас работникам приходится платить, а рабство запрещено на всех цивилизованных планетах Ойкумень».

«Ага! — поднял указательный палец господин со сливовыми щеками. — Вы ошибочно представляете себе распорядок жизни в Ромарте! Сейшани — не рабы, они — просто-напросто сейшани. Этот неоспоримый факт упрощает и облегчает наше существование».

Скирль поспешила согласиться с тем, что ее собеседник гораздо лучше нее представлял себе то, о чем говорил. Она съела цукат из цветочных лепестков, и банкет продолжался.

На следующее утро Ардриан сообщил, что Судейская коллегия, уступив давлению со стороны клана Урдов, проведет заседание раньше, чем предполагалось, во второй половине дня. Гранды династии Урдов считали, что Асрубал подвергался неоправданным неудобствам на основании безответственных обвинений и требовали, чтобы любые ограничения его свободы были немедленно отменены.

Так же, как в прошлый раз, судьи собрались в большом зале дворца Варциал, почти не уступавшем роскошью дворцу Рейми. Так же, как и раньше, дружинники привели Асрубала и усадили его у стены в тяжелое кресло с высокой спинкой. Как прежде, Асрубал сидел, неподвижно выпрямившись, с бледным, как кость, лицом, лишенным всякого выражения. Время от времени взгляд его круглых глаз с расширенными черными зрачками обращался к Джаро, что заставляло Джаро ощущать тошнотворный внутренний холодок. Когда Джаро закрывал глаза, к нему возвращались пугающие образы минувшего.

Обменявшись вполголоса несколькими замечаниями, судьи открыли разбирательство. На этот раз первым выступил адвокат Асрубала, Барванг дин-Урд: «Достопочтенные господа! Я требую, чтобы моего уважаемого родственника, Асрубала, немедленно избавили от неудобств, вызванных сложившейся нелепой ситуацией! Происходящее перед нашими глазами — беспрецедентный, уму непостижимый фарс, замешанный на выдумках о некоем ущербе, нанесенном инопланетному торгашу. И как он пытается обосновать свои измышления? Ссылаясь на показания сына, признавшего в суде, что он страдает психическим расстройством вследствие повреждения мозга! Ни от нашего внимания, ни от внимания достопочтенных судей не могло ускользнуть бессмысленное выражение лица этого вечно моргающего и шмыгающего носом идиота. Он явно неспособен давать достоверные показания и осмысливать свои действия. Такое судопроизводство невозможно принимать всерьез. Асрубал ни в чем не виновен — но уже вынужден нести мучительное наказание за преступления, которых не совершал! Напрашивается вопрос: неужели правосудие Ромарта деградировало настолько, что у нас подвергают преследованиям невинных по подсказке чужеземцев?»

Магистр поднял руку: «О каких преступлениях вы говорите? Асрубала обвинили в нескольких различных правонарушениях».

«Прежде всего, — ответил Барванг, — следует рассмотреть обвинения по первому пункту». Развернув лист бумаги, адвокат прочел: «Асрубал обвиняется в мошенничестве, обмане, хищении имущества, казнокрадстве, нарушении договорных обязательств, заключении неправомочных сделок, преступном сговоре и злоупотреблении доверием». Барванг хлопнул по листу тыльной стороной ладони: «Все это сплошная чепуха, разумеется! Даже если бы эти обвинения соответствовали действительности, их следовало бы отвергнуть, чтобы мы могли как можно скорее вернуться к повседневным делам, заслуживающим внимания».

Бросив взгляд на Джаро, Барванг продолжал: «Обвинения основаны на почти не поддающихся прочтению записях, небрежных и беспорядочных...»

«Один момент! — вмешался юстициар Морлок, представлявший интересы Тоуна Мэйхака. — Все записи поддаются прочтению. Они тщательно велись исключительно

добросовестным бухгалтером».

Барванг вежливо поклонился: «Понимаю, что таково ваше мнение. Общеизвестно, однако, что упомянутый бухгалтер — придурковатый лентяй, лишенный коммерческой хватки и проницательности, свойственных Асрубалу, каковые выдающиеся качества позволили ему успешно координировать финансовые операции».

«Настолько успешно, — заметил Морлок, — что Асрубал сказочно богат, а бухгалтер Ямб умирает в нищете. Кого из них следует подозревать в неправильном ведении записей?»

«Это не имеет отношения к делу! — возразил Барванг. — Асрубал был слишком занят заключением крупномасштабных сделок, чтобы торговаться по поводу каждой банки рыбных консервов. Такая участь уготована шарлатанам и мелким мошенникам, а неустрашимого кавалера из рода Урдов невозможно обсуждать в таких терминах!» Адвокат повернулся к Асрубалу: «Не так ли?»

«Вы совершенно правы!»

Морлок спросил: «И в этом заключается довод защиты? В заявлении о том, что Асрубал — не мелкий, а крупный мошенник?»

«Ни в коем случае! — возмутился Барванг. — Я всего лишь привлек внимание суда к репутации подзащитного. Наш довод прост и неопровержим. Асрубал не может быть обвинен в хищении имущества или казнокрадстве! Почему? Потому что такие преступления не упоминаются в уголовном кодексе Ромарта! Как это возможно? Опять же, все очень просто. На протяжении столетий такие правонарушения были неизвестны в Ромарте. На этом основании я заявляю, что Асрубала обвинили в несуществующих преступлениях. Следовательно, я прошу distinguished суд отвергнуть клеветнические домыслы и присудить Асрубалу сумму штрафных убытков, соответствующую сумме, в хищении которой его напрасно обвинили».

«Не торопитесь! — заявил магистр. — Кодекс не отлит из чугуна. Всем известен характер заявленных преступлений. Ваша аргументация изворотлива, но безосновательна. На внесение в уголовный кодекс соответствующих поправок уйдет не больше десяти минут, причем мы уполномочены объявлять новые положения кодекса вступающими в силу за сто лет до их утверждения, чего будет более чем достаточно для рассмотрения того периода времени, на протяжении которого совершались серьезнейшие из заявленных правонарушений».

Некоторое время Барванг безутешно молчал, после чего произнес: «Distinguished судьи! Судя по всему, Асрубал допускал время от времени несущественные ошибки при подготовке финансовых отчетов, будучи всецело сосредоточен на крупномасштабных и перспективных планах. Я считаю, что глубокоуважаемым судьям следует ограничиться, принимая свое мудрое решение, не более чем выговором за небрежность, сопроводив его несколькими напутствиями. Об этих практически несущественных погрешностях больше нечего сказать».

«Мы приняли во внимание ваши рекомендации, — ответил магистр. — Завтра мы вынесем приговор по первому пункту и рассмотрим вопрос об убийствах. Надеюсь, такое ускоренное разбирательство удовлетворит грандов династии Урдов, настаивающих на скорейшем рассмотрении дела — и если такое скорейшее рассмотрение приведет к осуждению и казни Асрубала, им останется винить в этом только самих себя. Очередное заседание состоится завтра в то же время».

На следующий день Ардриан и его гости прибыли пораньше в большой зал Варциала и заняли свои места. В назначенное время дружинники привели в зал Асрубала и усадили его в кресло у стены. Барванг подошел к нему, и они стали переговариваться полупрошепотом.

Наконец, опоздав на десять минут, появились и расселись за столом на возвышении судьи. Магистр призвал присутствующих к порядку: «В случае Асрубала мы не можем признать подсудимого виновным в казнокрадстве или хищении имущества, так как роумы никогда не совершали таких преступлений — до появления на свет Асрубала, разумеется. Неважно! Асрубал нанес своими действиями существенный ущерб благосостоянию города, в связи с чем мы признаём его виновным во вредительстве, в особо крупных размерах. Нет, Барванг, мы не готовы выслушивать ваши возражения. Перейдем к вынесению приговора. Асрубал, в каких размерах оцениваются, в общей сложности, ваши активы, включая наличные денежные средства, капиталовложения и недвижимость?»

Лицо Асрубала стало еще более строгим и жестким: «Это мое личное дело. Я не желаю раскрывать эту информацию кому бы то ни было».

Барванг наклонился к Асрубалу и что-то ему настойчиво прошептал. Уголки плотно сжатого рта Асрубала опустились. Он сказал: «Мне рекомендуют говорить правду, так как больше ничего не остается».

«Превосходная рекомендация!»

Асрубал задумчиво поднял глаза к потолку: «Наличными деньгами — здесь, в Ромарте — в моем распоряжении примерно две тысячи сольдо. В конторе Лоркина на моем счету припасены еще примерно пять или восемь тысяч — на случай непредвиденных расходов. Остаток моих средств, как и у всех остальных в Ромарте, хранится на счету в Натуральном банке в Лури. Насколько я помню, там двадцать или тридцать тысяч сольдо».

«И это все?» — спросил магистр.

«У меня могут быть открыты еще несколько более или менее несущественных счетов в других местах».

«Именно так. Какие из них следует считать «менее несущественными» или «более несущественными»? Потрудитесь объяснить».

Асрубал ответил жестом, выражавшим скромность — почти застенчивость: «Не помню в точности, сколько у меня денег на старых счетах. Я не наемный счетовод».

«У вас есть перечень ваших счетов и вашего имущества?»

«Надо полагать, такой перечень существует».

«Где он хранится?»

«В сейфе, в моем личном кабинете».

Магистр обратился к кавалерам-исполнителям: «Проведите Асрубала в его кабинет и позвольте ему открыть сейф, после чего сразу же отведите его в сторону. Без промедления принесите содержимое сейфа сюда. Нет, Барванг дин-Урд, вы останетесь здесь!»

Конвоиры подняли Асрубала на ноги: «Пойдемте!»

Вскоре конвоиры вернулись с содержимым сейфа Асрубала. Судьи изучали это содержимое несколько минут, время от времени поглядывая на Асрубала с чем-то вроде почтения. Каменное белое лицо Асрубала оставалось непроницаемым.

Магистр заметил: «Все это очень интересно! Мы даже не представляли себе масштабы ваших финансовых махинаций. На ваше имя открыты пять счетов в пяти банках. «Более или менее несущественные» средства, хранящиеся на этих счетах, в совокупности составляют больше миллиона сольдо. Операции конторы Лоркина, судя по всему, были исключительно прибыльными».

«Не все эти деньги приобретены за счет конторы Лоркина, — отозвался Асрубал. — Я удачно вкладывал капитал».

«И что вы собирались делать с этими деньгами?»

«У меня еще нет определенных планов».

Магистр усмехнулся: «Каковы бы ни были ваши планы, вы можете о них забыть. Ваши деньги конфискованы. Кроме того, вы уволены с должности директора конторы Лоркина. Последуют и другие наказания, в зависимости от результатов рассмотрения обвинений по следующим пунктам, а именно в том, что вы пытались убить Тоуна Мэйхака, что вы убили ребенка Тоуна Мэйхака и его супруги Джамиэль, в девичестве дин-Рейми, и что вы убили вышеупомянутую Джамиэль, супругу Тоуна Мэйхака. Признаёте ли вы себя виновным в этих преступлениях?»

«Все это наглая, бессмысленная ложь, не заслуживающая рассмотрения. Я никого не убивал».

«Асрубал, ваше заявление принято во внимание, — сказал магистр и повернулся к юстициару Морлоку. — Теперь вы можете выступить с обвинительным заключением».

Морлок вышел вперед и указал на Мэйхака: «Перед вами Тоун Мэйхак, инопланетный торговец. Двадцать лет тому назад он прибыл в Ромарт, надеясь наладить торговые отношения с роумами в обход конторы Лоркина, предложив взаимовыгодную систему импорта и экспорта, обещавшую обогатить каждого жителя нашего города, а не одного только Асрубала. Естественно, клан Урдов воспротивился его предложению, так как подобное соглашение положило бы конец монополии Асрубала.

Потратив два года на тяжбу, Мэйхак заручился разрешением привезти в Ромарт груз полезных ремонтных инструментов, подлежащих продаже городскому казначею с последующим распределением инструментов среди сейшани. Цена, запрашиваемая Мэйхаком, была в три раза ниже той, которую заплатила бы за сходный товар контора Лоркина. Перспектива возникновения опасного конкурента привела Асрубала в ярость. Для того, чтобы защитить свои интересы, он задумал губительный план. Когда Мэйхак и Джамиэль, с двумя детьми, Гарлетом и Джаро, собрались покинуть Ромарт на аэромобиле, Асрубал нанял банду кавалеров в традиционных масках наемных убийц. Их личности установлены и, если потребуется, они дадут показания.

Выполняя указания Асрубала, трусливые убийцы окружили машину Мэйхака и попытались схватить Джамиэль и ее маленьких детей. После кратковременной потасовки Мэйхаку и Джамиэль удалось взлететь, но уже в воздухе они обнаружили, что одного из младенцев, Гарлета, успели похитить с сиденья машины, подменив куклой. Взлетев над рекой, родители с ужасом наблюдали за тем, как Асрубал собственноручно подкинул ребенка высоко в воздух и дал ему разбиться о каменные плиты набережной, после чего выбросил труп ребенка в реку.

Мэйхак был потрясен происшедшим, но ему ничего не оставалось, как только отвезти жену и оставшегося в живых сына во Флад, откуда они собирались немедленно улететь в Лури на борту «Лилиома». Асрубал, однако, опередил Мэйхака. Он связался по радио с

Арслоу, механиком космопорта во Фладе, и тот организовал по его поручению нападение группы локлоров на Мэйхака и его семью сразу после их прибытия. Локлоеры схватили Мэйхака; Джамиэль и ребенку удалось спастись.

Мэйхак выжил, проведя три года в плену у локлоров — кочевники в конце концов покинули его, решив, что он погиб в схватке с домовым.

Тем временем Асрубал выслеживал Джамиэль, нашел ее в Пойнт-Экстазе, на планете Камбервелл, и там ее убил. Джаро к тому времени было уже шесть лет. Он помнит, как Асрубал вошел в их дом на окраине Пойнт-Экстаза. По приказу матери, Джаро бегом спустился к реке и уплыл вниз по течению на лодке.

Подведем итог: Асрубал виновен в двух убийствах и в покушении на убийство Мэйхака.

А теперь — каким образом я намерен доказать свои обвинения? Достаточно обосновать только одно убийство, чтобы Асрубалу вынесли соответствующий приговор. К счастью, такое доказательство не составит труда. Свидетелями убийства младенца Гарлета были Мэйхак, шестеро кавалеров из клана Урдов и две ведьмы из племени ратиго. Их показания послужат убедительным свидетельством справедливости моего обвинения. В том, что относится к двум другим преступлениям, существуют лишь косвенные улики. Арслоу — механик, подговоривший локлоров похитить Мэйхака — покинул Флад много лет тому назад, и его нынешнее местопребывание неизвестно. Тем не менее, вина Асрубала и в этом случае несомненна. В том, что касается убийства Джамиэль, существует очевидец, своими глазами наблюдавший за происходящим. Джаро видел, как Асрубал подошел к их дому в Пойнт-Экстазе и смотрел на него снаружи через окно. Это он хорошо помнит. Впоследствии Джамиэль нашли мертвой, с головой, раскроенной ударом топора. Асрубал обыскивал дом покойной в поисках изобличающих его бухгалтерских записей, полученных матерью Джаро от Оберта Ямба в Лури. Кроме того, Асрубал стремился во что бы то ни стало заполучить вексель на триста тысяч сольдо, выписанный властями Ромарта в качестве возмещения стоимости космического корабля Мэйхака, уничтоженного по приказу Асрубала на космодроме Флада; вексель подлежал оплате предъявителю и находился в распоряжении Джамиэль. Но Асрубал ничего не нашел и решил, что документы взял с собой бежавший от него Джаро. Асрубал уведомил Термана дин-Урда о смерти Джамиэль и об исчезновении Джаро. Асрубал никак не мог знать об этих обстоятельствах, если бы он не был непосредственно причастен к убийству Джамиэль. Асрубал поручил Терману найти Джаро, и тот в конечном счете проследил сына Джамиэль до города Танета на планете Галлингейл.

Таковы, господа, обстоятельства дела. Прошу достопочтенный суд незамедлительно, без дальнейших задержек, вынести Асрубалу приговор». Юстициар Морлок уселся.

Некоторое время судьи вполголоса совещались; затем все они повернулись, глядя на Асрубала — тот сидел, откинувшись на высокую спинку кресла с язвительно-невозмутимым выражением на лице.

Барванг вышел вперед: «Аргументы Морлока нельзя принимать во внимание. Я могу с легкостью их опровергнуть».

«Не спешите, Барванг дин-Урд! — раздраженно отозвался старый магистр. — Асрубал тут как тут — пусть сам говорит за себя».

Лицо Барванга осунулось: «Как вам угодно, ваша честь». Ссутулившись, адвокат вернулся на свое место, явно предчувствуя поражение.

Магистр обратился к Асрубалу: «Подсудимый, вы выслушали последовательное и ясное заключение юстициара. Что вы можете ответить?»

Асрубал холодно усмехнулся: «Вы лишили меня всех сбережений, но вам не удастся так же легко лишиться меня жизни. Предъявленные мне обвинения ложны. Я никого не убивал. Приводите свидетелей — десятки, сотни, тысячи свидетелей! Миллион нулей в сумме составляет ноль. Вину невозможно доказать, если она отсутствует».

«Очень хорошо, — кивнул магистр. — Как вы объясняете упомянутые обстоятельства? Помните: в глазах закона убийство младенца ничем не отличается от убийства любого другого незащитного человека».

«А! Все это сплошное недоразумение. Когда чужеземец пытался тайком ускользнуть из Ромарта, я привел с собой нескольких друзей, чтобы разубедить его. У нас были самые мирные намерения, но две сумасшедшие ведьмы в масках ратиго вмешались и попытались похитить двух младенцев».

«Почему бы они там оказались, и зачем это им понадобилось?»

Асрубал улыбнулся: «Кто может знать, что на уме у ведьмы-ратиго? Их вероучение называют «теорией невероятности». Они руководствуются чисто случайными побуждениями».

Несколько секунд магистр молча изучал лицо Асрубала, после чего резко спросил: «Если это был поступок, объяснявшийся внезапным случайным побуждением, почему они принесли с собой куклы, чтобы подменить младенцев?»

Асрубал продолжал безмятежно улыбаться: «Я привык мыслить логически. Обычай и верования ратиго для меня непостижимы».

«Таким образом, появление ведьм явилось для вас полной неожиданностью?»

«Разумеется».

«Понятно. Продолжайте изложение доводов в свою защиту».

«Мне почти больше нечего сказать. Пока Мэйхак и Джамизель были заняты наблюдением за мной и моими приятелями, ведьмы подменили одного младенца куклой, после чего попытались схватить другого. После короткой схватки с ведьмами Джамизель удалось отнять у них второго ребенка, и Мэйхак сразу поднял в воздух свою машину — они улетели, очевидно будучи уверены в том, что увезли с собой обоих детей».

Я видел, что произошло, и хотел привлечь внимание беженцев, чтобы они вернулись и забрали второго ребенка. С этой целью я подкидывал куклу высоко в воздух, надеясь, что Мэйхак это заметит. Второй ребенок, конечно, остался жив — по-видимому, ведьмы где-то его спрятали. Вот и все. Вызывайте свидетелей — они подтвердят мои показания. Чужеземец вернулся во Флад, там его схватили локлоры. Мое участие в затее локлоров — чистая выдумка, не обоснованная никакими доказательствами. Только Арслоу мог бы внести какую-то ясность в этот вопрос, но его уже десять лет как нет на нашей планете. Нет ни малейших доказательств предъявленным мне клеветническим обвинениям!»

«Ваши доводы будут учтены, — признал магистр. — Перейдем к другим обстоятельствам дела».

Асрубал снисходительно махнул рукой: «В том, что касается убийства Джамизель дин-Рейми, мне снова придется опровергнуть целый ворох лживых измышлений. В высшей степени несправедливо подвергать меня столь унижительному неудобству!»

«Не жалуйтесь! — строго сказал магистр. — Суд предоставляет вам возможность возразить на обвинения. В менее здравомыслящем обществе вас, скорее всего, уже повесили бы без лишних слов».

Асрубал презрительно хмыкнул и сказал: «Не стану слишком долго занимать время

достопочтенных судей. Да, я проследил Джамиэль дин-Рейми до планеты Камбервелл, чтобы вернуть похищенные документы. Она жила в небольшом доме на окраине городка Пойнт-Экстаз. Я пришел к ней, чтобы попросить ее отдать незаконно полученные ею документы, чтобы их нельзя было использовать в ущерб моей репутации. При этом я намеревался предложить ей щедрое вознаграждение. Меня сопровождал Эдель дин-Урд, человек бесспорной чести и безукоризненного рашудо. Подчеркиваю — мы вместе пришли к дому Джамиэль. Уже наступали сумерки. Эдель направился на задний двор, чтобы проверить, нет ли там кого-нибудь, а я ждал у ограды перед входом. Я увидел мальчика, смотревшего из окна, и понял, что Джамиэль дома. Когда Эдель вернулся, мы вместе приблизились к дому. Я заглянул в окно. Опять же, я увидел мальчика. Я отошел в сторону, чтобы посоветоваться с Эделем. В конце концов мы решили зайти в дом, что мы и сделали — и обнаружили нечто ужасное. Джамиэль лежала на полу с разрубленной головой. Мальчик убежал. Я поручил Эделю найти мальчика, а сам занялся поисками бухгалтерских счетов, но ничего не нашел. Эдель вернулся и сообщил, что мальчик, судя по всему, уплыл на лодке по реке. Мы вышли на берег, но уже стало темно, и мы ничего не смогли увидеть. Я заключил, что мальчик взял с собой бухгалтерские записи и банковский вексель. Кто убил Джамиэль? Мы не имели никакого представления об этом тогда и ничего не знаем об этом по сегодняшний день».

Барванг решительно вышел вперед и обратился к магистру: «Ваша честь, Эдель дин-Урд находится в вашем присутствии. Как вам известно, он пользуется всеобщим уважением и отличается завидным рашудо. Я вызову его, чтобы он поделился воспоминаниями об этих достойных сожаления событиях».

Барванг подал знак рукой; к нему подошел господин средних лет. Слегка поклонившись ему, Барванг сказал: «Эдель, вы слышали показания Асрубала. Можете ли вы сообщить достопочтенным судьям, насколько достоверны эти показания?»

Эдель выразался прямолинейно: «Асрубал сказал правду, так оно и было».

«Можно ли утверждать, что Асрубал убил Джамиэль дин-Рейми?»

«Это было бы просто невозможно. Ни он, ни я не убивали Джамиэль».

«Кто же, по-вашему, совершил это преступление?»

Эдель пожал плечами: «Убийцей мог быть речной бандит, отвергнутый любовник или даже сумасшедший бродяга. Единственным свидетелем происшедшего был мальчик, но он пропал».

«Благодарю вас, Эдель. У меня к вам больше нет вопросов». Эдель дин-Урд вернулся на свое место.

Асрубал продолжал показания: «Как я уже упоминал, Терман установил, что мальчика спасла и усыновила пара антропологов — они отвезли его в Танет на планете Галлингейл.

Я все еще надеялся вернуть украденные бухгалтерские записи. Я послал Термана в Танет, где он произвел тщательное расследование. Терман обыскал дом приемных родителей мальчика, но ничего там не нашел. Пока он наводил справки, Терман узнал, что мальчик потерял память и ничего не помнил о том, что с ним случилось до прибытия на Галлингейл. Школьные товарищи считали его боязливым и робким, даже несколько недоразвитым. Они называли его «профаном». Было очевидно, что он ничего не знал о пропавших документах. Я потерял к нему всякий интерес и больше не причинял ему никакого беспокойства. Могу только повторить, что я не убивал Джамиэль и вообще никогда никого не убивал».

И снова вперед выступил Барванг: «Теперь становится совершенно ясно, что обвинения, предъявленные Асрубалу — чистойшей воды вымысел. Заключение юстициара Морлока — не более чем сотрясение воздуха, наполнившее атмосферу зловонием отвратительной клеветы. Достопочтенный суд обязан отвергнуть эти безосновательные обвинения, а от юстициара Морлока мы ожидаем вежливых, но безоговорочных извинений».

Магистра, судя по всему, забавляло происходящее. Он сказал: «Я — председатель Судейской коллегии. Таким образом, в каком-то смысле, я — олицетворение совести Ромарта. Невозможно не понимать, что были совершены злодеяния. Не могу не заметить также, что удача или хитроумная изворотливость позволяют преступнику ускользнуть от наказания».

Барванг вскочил. «Клевета! — закричал он. — Гнусная, возмутительная клевета!»

Магистр бросил бесстрастный взгляд на адвоката и произнес: «Барванг, будьте добры, проявляйте сдержанность. Вы пытаетесь защищать репутацию Асрубала? Неужели вы забыли, что у него не осталось никакой репутации?»

«Каковы бы ни были законодательные нормы, запрещающие клевету, — продолжал магистр, — мне ничто не мешает отметить, что Арслоу, единственный свидетель похищения Мэйхака, бесследно исчез. Достоин восхищения тот факт, что всеми уважаемый господин с готовностью подтверждает невиновность Асрубала, якобы случайно обнаружившего тело убитой Джамиэль, в то время как все мы, в том числе Барванг, интуитивно убеждены в том, что в этом убийстве был непосредственно или косвенно замешан Асрубал. В том, что касается младенца Гарлета, Асрубал развлек нас настолько неправдоподобной историей, что даже Барвангу, надо полагать, стало стыдно за род человеческий. По словам Асрубала, для того, чтобы убедить Мэйхака остаться в Ромарте, он окружил его отрядом вооруженных кавалеров в масках наемных убийц и явился в сопровождении двух сумасшедших ведьм. Вместо того, чтобы петь и плясать от радости, однако, они напали на Мэйхака и его жену, в то время как ведьмы стащили у них ребенка. Когда Мэйхаку удалось поднять машину в воздух, Асрубал попытался убедить его вернуться, подкидывая младенца высоко в воздух, а затем вышвырнув его труп в реку. Учтите, что Мэйхак не знал, что это кукла! Для того, чтобы предохранить жену и другого сына от дальнейших опасностей, Мэйхак отвез их во Флад, где механик Арслоу, выполняя указания Асрубала, выдал его локлорам — без всякого сомнения, Асрубал был уверен в том, что Мэйхак погибнет в общеизвестной пляске с бабами.

Асрубал ошибся. Мэйхак выжил в плену, и теперь возникает впечатление, что Асрубал перехитрил самого себя. У каждого из нас возникает естественный вопрос — и Асрубалу придется на него ответить. При этом он стоит лицом к лицу с дилеммой, чреватой ужасными последствиями: как бы он ни ответил, то или иное серьезное наказание неизбежно. Если младенец Гарлет мертв, значит, Асрубал — убийца. Если Гарлет жив, Асрубал — его похититель. Настало время задать решающий вопрос». Магистр повернулся к Асрубалу: «Выслушайте вопрос и отвечайте! Где находится Гарлет?»

Асрубал сидел, глядя в пространство, словно погруженный в глубокое раздумье. Магистр наклонился над столом: «Асрубал, вы слышали мой вопрос. Где находится Гарлет?»

Асрубал сосредоточил взгляд круглых черных глаз на председателе Судейской коллегии и тихо сказал: «Не знаю».

«Неудовлетворительный ответ! — заявил магистр. — Ребенок был под вашей опекой. Что вы с ним сделали?»

Асрубал пожал плечами: «В те дни — и я не пытаюсь это отрицать — я был донельзя разгневан. Я передал младенца мажордому Ооскаxu и дал гричкину краткие указания. Ребенка следовало содержать в безопасном месте, пока его родители не вернуться, чтобы его забрать. Тем временем, я не хотел видеть этого младенца, не хотел ничего о нем слышать, не хотел беспокоиться о нем — это была не моя проблема. Оосках забрал ребенка; его родители не вернулись. Вот и все, что я знаю».

Магистр нежно спросил: «Но местонахождение Гарлета вам, конечно же, известно?»

Асрубал сидел, выпрямившись, с напряженным белым лицом: «После того, как Оосках забрал ребенка, я хотел забыть обо всей этой истории и с тех пор даже не вспоминал о ней. Вполне может быть, что ребенок еще жив; возможно, он уже умер. Оосках послушно выполнял мои указания и никогда не напоминал мне о нем. Если ребенка теперь нельзя найти, я не несу за это никакой ответственности, так как приказал содержать его в безопасном месте и позаботиться о том, чтобы он был жив и здоров».

«В таком случае следует допросить Ооскаха. Приведите его немедленно!»

Асрубал сидел некоторое время молча, по-видимому о чем-то размышляя, после чего медленно поднялся на ноги и вышел из зала. По знаку магистра за ним последовали два конвоира. Джаро, сидевший у двери, взглянул в бесстрастное лицо проходившего мимо Асрубала. Движимый внезапным побуждением, Джаро встал и последовал за Асрубалом в дворцовый вестибюль — не привлекая к себе внимания. В вестибюле Джаро уже раньше замечал высокую декоративную ширму, искусно вырезанную из дерева медового оттенка. Он проскользнул в тень за ширмой — теперь он мог наблюдать за происходящим, оставаясь незамеченным.

Вестибюль Варциала походил на вестибюль замка Карлеон: в этом просторном помещении с высоким сводчатым потолком начиналась широкая лестница, ведущая на окаймленную балюстрадой галерею. С другой стороны вестибюля открывался проход в гостиную; за столом у этого прохода сидел гричкин в черной с белым орнаментом ливрее, глянцево-черной конической шляпе с узкими полями и черных сапогах с загнутыми вверх носками. Асрубал величественным жестом приказал конвоирам оставаться позади, после чего приблизился к столу гричкина; наблюдавших за ним конвоиров отделяли от стола несколько шагов. Асрубал наклонился и дал гричкину немногословные указания. Гричкин с сомнением спросил его о чем-то. Асрубал снова заговорил, подчеркивая каждое слово постукиванием костяшек пальцев по столу. Гричкин смиренно наклонил голову. Джаро поднял брови. Почему понадобились столь настойчивые указания, если нужно было всего лишь вызвать мажордома? «Тут что-то не так!» — подумал Джаро и стал наблюдать еще внимательнее.

Удовлетворенный наконец тем, что его инструкции будут выполнены неукоснительно, Асрубал выпрямился и посмотрел вокруг. Джаро отступил подальше в тень. Внимание Асрубала, однако, было сосредоточено на конвоирах. По-видимому, он оценивал возможности побега.

Никаких шансов не было. Асрубал медленно вернулся, пройдя мимо ширмы, скрывавшей Джаро, и зашел в большой зал, где его ждали судьи. Конвоиры сопровождали его.

Джаро видел, как гричкин включил телефон и произнес пару фраз — судя по всему, он извещал мажордома Ооскаха о том, что его присутствие требовалось в большом зале.

Джаро оставался в тени. Поведение Асрубала показалось ему исключительно

подозрительным; несомненно, оно объяснялось попыткой Асрубала приобрести какое-то преимущество.

Гричкин поднялся на ноги и засеменял по полированным плитам вестибюля, обогнув парадную лестницу и направляясь к низкому арочному проходу в каменной стене, после чего исчез в этом проходе. Подозрения Джаро обострились. Выйдя из-за ширмы, он быстро приблизился к проходу. Как он и ожидал, дальше начинались грубо вырубленные в камне ступени, спускавшиеся в подземелья Варциала. Гричкина уже не было видно. Джаро колебался. Перспектива заблудиться в подземельях дворца Асрубала вовсе его не привлекала; тем не менее... Джаро упрекнул себя за трусость и оглянулся через плечо. Вокруг никого не было. Значит, не было никаких оправданий малодушию. Нервно поморщившись, Джаро с отвращением последовал за гричкином вниз по едва заметным в темноте ступеням.

На площадке первого пролета лестницы Джаро задержался и присмотрелся, глядя вниз: здесь должны были водиться белые призраки. Он нащупал на поясе лучемер — прикосновение к оружию ободрило его. Джаро спустился по ступеням до следующей площадки, повернул налево, спустился по третьему пролету, а потом и по четвертому. Оказавшись на очередной площадке, Джаро увидел, что она открывалась в небольшое тускло освещенное помещение, где стояли деревянный стол, стул и какой-то шкафчик или тумбочка с дверцей; вся эта рухлядь выглядела так, словно она вот-вот развалится. Здесь никого не было. В сыром воздухе пахло застарелой плесенью.

Джаро прислушался: шаги гричкина еще слышались в темноте. Набрав в грудь побольше воздуха, Джаро снова прикоснулся к лучемеру и стал спускаться по лестнице все ниже и ниже, минуя еще две площадки, открывавшиеся в небольшие, скудно меблированные и пустующие комнаты. Из этих помещений куда-то вели темные проходы, о назначении которых Джаро даже не пытался догадываться.

Каменные ступени становились узкими и все более неровными, словно напоминая о том, как далеко позади остался озаренный солнцем мир. И снова Джаро спускался пролет за пролетом по лестнице, едва различимой в тусклых отсветах ламп, горевших в соседних помещениях.

Теперь звуки шаркающих шагов гричкина стали отчетливее, и Джаро стал спускаться медленнее. Уже где-то рядом, на четвертом подземном уровне, гричкин внезапно остановился. Вместо шагов теперь слышались приглушенные голоса. Джаро бесшумно спустился на последнюю площадку и заглянул за угол, в очередное бледно освещенное помещение. Так же, как и в предыдущих подземных комнатах, здесь стояли стол, стул и нечто вроде шкафчика; на стене были закреплены несколько полок и рукомойник. За столом сидел гричкин в сером комбинезоне и грязно-желтой шапке. Гричкин, спустившийся сверху, наклонился над столом — примерно так же, как это сделал Асрубал в вестибюле. Гричкин в желтой шапке недовольно хмурился, бормоча какие-то жалобы. Этот гричкин был явно очень стар — его посеревшая кожа покрылась морщинами, под глазами у него были большие темные мешки, а длинный кривой нос навис над сморщенным серым бутоном маленького рта. Гневно жестикулируя, дряхлый гричкин воскликнул дребезжащим от напряжения голосом: «А что будет со мной? Обо мне кто-нибудь подумал? Или старого Шима выбросят в бункер, как мешок с мусором?»

«Неважно! Приказ есть приказ».

Старый гричкин приподнялся и позвал: «Олег! Иди сюда! Олег? Просыпайся! Для тебя

есть работа».

Из бокового прохода появился огромный человек с мощными плечами и торсом, широкими бедрами и выпуклым животом. У него на черепе торчали клочки рыжеватых волос, а обвисший слюнявый рот окружала нечесаная борода. Остановившись посреди комнаты, великан зевнул, почесался под мышками и с подозрением уставился на гричкина, спустившегося сверху: «Что ты тут делаешь, весь разряженный в пух и прах? Говори, мелюзга: ты принес нам, наконец, чистое белье?»

Гричкин из вестибюля с достоинством ответил: «Меня зовут Оверкин Пуд, я помощник мажордома. Мне дали важные указания, подлежащие незамедлительному исполнению».

«Давай указания, мы послушаем! Здесь, в подземельях, мы выполняем свои обязанности!»

Пуд приготовился было говорить, но его прервал пронзительный вопль, раздавшийся где-то в глубине помещения. Гричкин обернулся, пискнул от раздражения и протянул руку с дрожащим указательным пальцем: «Смотри! Ты разрешаешь им глазеть на нас и орать?»

Олег усмехнулся: «А почему нет? Мне больше не с кем развлекаться. Шим не любит со мной говорить — приходится иметь дело с той компанией, какая есть».

Шим, Пуд и Олег смотрели на решетчатую дверь в левом дальнем углу помещения, перегородившую темный коридор. За решеткой шевелились какие-то темные фигуры, маячили белые лица.

Напустив на себя строгость, Олег сказал: «Тем не менее, вольностей я не допущу!» Подняв с пола что-то вроде шеста или длинной палки, Олег ткнул концом шеста между прутьями решетки, прямо в белое лицо. Домовой яростно залопотал и схватил конец шеста. Олег ухмыльнулся и вырвал шест, потянув его на себя: «Шутки шутить вздумал, красавец? Со мной это не пройдет! Веди себя смирно, а то получишь по мозгам! В этой жизни одной страшной физиономии недостаточно, иногда еще и мозги нужны. Это никогда не приходило в твою паршивую голову?»

Некоторое время Олег, ухмыляясь, смотрел на домового. Того охватил внезапный приступ бешенства — схватив прутья решетки, призрак стал трясти ее с такой силой, что железная дверь ходила ходуном. Олег снова поднял шест и принялся орудовать им, нанося удары между прутьями. Существо за решеткой с шипением и стонами отступило в тень, где продолжало издавать тихие хрипящие звуки.

Гричкин Шим раздраженно позвал: «Олег, перестань! Займись делом!»

Великан неохотно отвернулся от зарешеченной двери. Два гричкина, в сопровождении Олега, направились в другой темный коридор, в правом дальнем углу. Они исчезли в проходе. Джаро вынул из-за пояса лучемер и пересек тускло освещенную комнату, чтобы заглянуть в правый коридор. В глубине горела тусклая лампочка; три фигуры остановились у тяжелой чугунной двери с закрытой козырьком смотровой прорезью. Олег заглянул в прорезь, после чего отодвинул засовы, распахнул дверь и встал в проеме, взявшись обеими руками за дверную раму и наклонив голову в камеру: «Не спишь, дорогуша? Ага, я вижу, ты у нас, как всегда, свеж и бодр! Давай, выходи — настали перемены. Давай, давай, пошевеливайся! Тебе предстоит далекая дорога! Куда? В страну сновидений, конечно — куда еще?»

Пуд нетерпеливо сказал: «Поторопись, не болтай попусту! Нам нельзя задерживаться».

Олег проигнорировал гричкина и продолжал уговаривающим, успокоительным тоном: «Чего ты ждешь? Тебе еще не время получать пайку — раскатал губу, понимаешь ли!»

Конечно, твое нетерпение можно понять — такая вкусная каша! Вкусная, вкусная каша! Ты вечно ползаешь по полу в надежде найти какие-нибудь крошки. Но я устал, теперь тебе придется самому себя обслуживать. Новая метла по-новому метет!»

И снова Пуд потерял терпение: «Довольно болтовни! Займись, наконец, делом!»

Олег повернулся к гричкину: «Если тебе так приспичило, почему бы тебе самому не зайти в камеру и не вывести его оттуда? Он проворен, как паук — прыгает до потолка и ходит по стенам, одновременно в нескольких местах — его так просто не поймаешь! Если бы у тебя росла борода, он оборвал бы ее в два счета. Но у тебя есть длинный нос, и он его натянет, будь спокоен!»

«Это не входит в мои обязанности, — угрюмо отозвался Пуд. — Тебе нужно торопиться. Таков приказ!»

Олег пожал плечами и снова наклонил голову в камеру: «Пойдем! Выходи! Больше нельзя терять время!»

Из камеры послышалось неразборчивое бормотание.

Олег нежно продолжал: «Ты выйдешь или нет? Я бы зашел к тебе в камеру, но мне противно — у тебя тут ступить негде. Поэтому давай, выходи, дорогуша! Вставай, пошли — мы полетим в далекие края, туда, где сияют призрачные дворцы и вино льется бесконечной струей из хрустальных фонтанов, вокруг которых танцуют обнаженные лунные наяды!»

Пуд продолжал подзуживать тюремщика. Шим тоже нагнулся в камеру: «Давай выходи, перестань упрямиться! Смотри, Олегу придется пощекотать тебя плеткой!»

В камере кто-то что-то проворчал. Шим одобрительно воскликнул: «Вот-вот, правильно! Шаг за шагом, и все получится! Не задерживайся — мы и так опаздываем!»

В коридор, волоча ноги, выступила какая-то фигура — Джаро мог разглядеть только ее общие очертания.

Олег тоже принялся подбодрять узника: «А теперь вперед! Прощайся с любимой камерой, с дорогими сердцу трещинками и щербинками! Не грусти, все к лучшему в этом лучшем из миров! Тебя ждет лучезарное будущее!»

Джаро поспешно отступил и спрятался в тени лестничной площадки, продолжая наблюдать — у него сильно и часто билось сердце. В освещенную комнату вышли два гричкина, великан Олег и человек неопределенного возраста. Его тощее тело прикрывал мешковатый грязно-бурый комбинезон, ступни были обернуты самодельными шлепанцами из старых тряпок. Лицо его почти полностью скрывали спутанные черные волосы и черная борода. Джаро, пытавшийся распознать в незнакомце какое-то сходство с собой, заметил такое сходство только в расстановке глаз и форме носа.

«А теперь подождите минутку! — сказал Олег. — Нужно осветить лучезарный путь».

Подойдя к полке, Олег закрепил на конце своего шеста какое-то трубчатое устройство. За решетчатой дверью в левом углу помещения взметнулись грязные одеяния, появилась пара подпрыгивающих, качающихся из стороны в сторону белых лиц. Олег подошел к решетке, направил на нее конец шеста и прикоснулся к кнопке: из трубки сквозь прутья решетки метнулась длинная струя пламени. Шипя и плюясь, испуская жалобные стоны, призраки поспешно отступили в глубину темного коридора. Олег похохатывал от радости: «Вот так, дорогуши вы мои! Когда Олег призывает к терпению, нужно слушать внимательно! Отходите, отходите подальше! Успеете полакомиться!» Олег заглянул в коридор между прутьями решетки: «Никаких проказ, никаких внезапных бросков, слышите? Огнемет у меня наготове!»

Олег отодвинул засовы решетчатой двери и, продолжая направлять огнемёт вглубь коридора, открыл дверь, оглушительно заскрипевшую на ржавых петлях. Тюремщик повернулся к заключенному: «Пора прощаться, наши дороги безвозвратно расходятся. Твой путь лежит туда, в просторы неизвестности. Поначалу тебе придется немного помучиться, но это скоро пройдет. Давай, пошевеливайся. Желаю всего наилучшего!»

Узник не двигался с места. Два гричкина взяли его под локти, пытаясь подтолкнуть к открытой двери. Заключенный упирался, выпучив глаза. Гричкины напряглись, сопровождая усилия настойчивыми призывами: «Иди по-хорошему! Мы все обязаны выполнять приказы!»

Джаро выступил из-за угла и, прицелившись, отрезал лучом обе ноги сначала Шиму, а затем и Пуду. Оба с воплями повалились на пол. Помахивая лучеметом, Джаро приказал Олегу: «Засунь их к домовым, и побыстрее, пока я снова не выстрелил».

Олег взревел, лицо его исказилось безумной яростью. Размахнувшись, он швырнул длинный шест, ударив Джаро концом в грудь и повалив его на спину. Тюремщик тут же бросился вперед и прижал Джаро к земле огромным телом. Прямо перед глазами Джаро ухмылялась влажная пасть с гнилыми зубами: «Вот так-так! Ты, получается, искалечил бедного старого Шима — и этого хлыща Пуда заодно. Нехорошо, твоя жестокость не пройдет даром! Приготовься! Тебе придется прогуляться вместе с Гарлетом по дороге в неизвестность! Пошли, пошли! Будешь сопротивляться — голову скручу». Великан поднял Джаро и потащил в направлении левого коридора. Джаро расслабился, надеясь осесть на пол, но Олег только обхватил его крепче — так, что у Джаро ребра затрещали. Джаро пытался отбиваться локтями и наносить удары головой, но тело великана было покрыто плотными наслоениями жира и мускулов, он не обращал на усилия Джаро никакого внимания. Джаро попытался направить лучемет на ступню Олега, но тюремщик ударил его кулаком по кисти, и оружие брякнулось на каменный пол. Джаро отчаянно вспоминал месяцы и годы тренировок под руководством Нейтцбека, бесконечные часы упражнений. Теперь рефлекс, усвоенный его телом, должны были спасти ему жизнь. В любом случае, однако, успех не был гарантирован — Олег, казалось, весил не меньше бегемота, и такая масса делала большинство приемов бесполезными.

Оставался один надежный метод, проверенный на практике поколениями. Джаро изо всех сил нанес удар вверх коленом и почувствовал, как сплющилась огромная мошонка. Олег тут же издал мучительный стон, выпустив Джаро из объятий. Джаро отскочил и подобрал оружие, а также длинный шест с огнеметом на конце. Направив дуло огнемета на тюремщика, Джаро нажал кнопку — пламя растеклось по груди великана. Тот упал на спину, на лице его изобразилось обиженное удивление: «Ты меня обжег!»

«И обожгу снова, — тяжело дыша, пообещал Джаро. — Оттащи гричкинов в коридор за решеткой».

«Но они остались без ног! Они корчатся и воют от боли!»

Джаро снова направил конец шеста на торс тюремщика. Сопя и всхлипывая, Олег подчинился, не обращая внимания на мольбы и проклятия охваченных ужасом гричкинов.

«А теперь ты! — приказал Джаро. — Ступай за ними!»

Олег испуганно всмотрелся ему в лицо: «Они ждут. Они меня не любят — я их частенько поджаривал».

Джаро нажал кнопку огнемета. Подгоняя тюремщика сполохами пламени, он заставил его, плачущего и отталкивающего воздух руками, отступить в темный коридор, после чего сразу захлопнул решетчатую дверь и задвинул засовы. Станные звуки послышались из

темноты: возгласы боли, кудахтанье исступленного торжества.

Джаро повернулся к бывшему узнику, сидевшему в углу спиной к стене. Некоторое время Джаро молча разглядывал его со смешанным чувством отвращения и сострадания. Гарлет отвечал ему каменно-бесстрастным взглядом.

«Гарлет! Я — твой брат. Меня зовут Джаро».

«Я знаю».

«Тогда пойдем. Вставай, пора выбираться из этой кошмарной темницы». Джаро протянул руку, чтобы помочь Гарлету подняться. Гарлет с хриплым воплем вскочил на ноги и набросился на Джаро, никак не ожидавшего такого поведения. Отброшенный назад, Джаро ударился спиной и затылком об стену. Его душили спутанные, вонючие волосы Гарлета, его прижимало к стене покрытое вонючей грязью жилистое тело. Джаро вырывался и морщился, отворачиваясь, чтобы избавиться от налипших на лицо волос и набрать воздуха. Несмотря на цепкую хватку пальцев Гарлета, Джаро удалось оттолкнуть от себя покрытое прогорклым потом тело: «Гарлет! Почему ты дерешься? Я твой брат. Я пришел тебя спасти».

Отдуваясь, Гарлет прислонился к стене; лицо его конвульсивно искажалось: «Я тебя знаю, знаю всю твою жизнь! Когда-то я мог проникать к тебе в душу. Но это было давно, и ты меня выгнал, оставил меня умирать в темноте! Это нехорошо, это подло! Ты жил, как принц, танцуя и греясь в солнечных лучах, выпитывая сладостные соки бытия, а я платил за это стонами в непроглядном мраке! А тебе было все равно. Ты не хотел меня слушать! Ты заткнул щель, в которую я подглядывал за твоей чудесной жизнью! Ты ничего мне не оставил!»

«У меня не было другого выхода, — вздохнул Джаро. — Пойдем, пора уходить».

Неподвижно, как слепой, Гарлет смотрел в пространство. Его глаза наполнились слезами: «Зачем уходить? Для меня ничего не осталось. Все мои дни прошли, все золотые дни! Ты никогда и ничем не оплатишь этот долг. Все, что было мне дорого, все, на что я имел право — все погибло! Мне все равно, что бы теперь ни случилось, мне все равно — у меня ничего не осталось».

Джаро попытался придать голосу жизнерадостность: «С этой минуты твоя жизнь изменится к лучшему, ты наверстаешь упущенное. Пойдем, здесь нечего ждать».

Гарлет медленно повернул голову. Глаза его широко раскрылись, зрачки расширились от ненависти: «Я тебя убью — чтобы вся твоя кровь, до последней капли, вытекла туда же, куда стекают нечистоты! Тогда, и только тогда я наверстаю упущенное!»

«Нехорошо так говорить!» — возразил Джаро.

В ответ Гарлет снова набросился на Джаро, схватил его за шею и принялся душить. Оба упали, извиваясь и пинаясь. Тощее тело Гарлета, под вонючим комбинезоном, было костистым и жестким. Он пытался разбить голову Джаро о каменный пол. Напрягаясь, он хрипел: «Я тебя в камеру запру! А потом сяду там, где сидел Шим. Как я ему завидовал, как давно! А теперь я тоже смогу сидеть, как захочу, вставать и ходить, когда захочу! Смогу включать и выключать свет! Смогу есть столько вяленой рыбы, сколько влезет, и никто мне не помешает!»

Джаро защищался, пытаясь предохранить себя от повреждений. Наконец терпение его истощилось, и он крепко заехал Гарлету кулаком по физиономии. Потрясенный, тот сел на пол, растирая щеку: «Зачем ты это сделал?»

«Чтобы привести тебя в чувство, — Джаро поднялся на ноги. — Пожалуйста, не нужно больше на меня бросаться». Он помог Гарлету встать: «Пойдем отсюда поскорее».

Гарлет больше не сопротивлялся — они стали подниматься по лестнице.

На втором подземном этаже Джаро задержался, чтобы перевести дыхание. Гарлет не мог устоять на месте, тревожно поглядывая то на ведущий вверх лестничный пролет, то вниз — туда, откуда они пришли.

«Что ты ищешь?» — спросил Джаро.

«Олег увидит, что я вышел из камеры, и подстережет меня за углом. Он такой, он любит шутки шутить».

«О нем можешь больше не беспокоиться. Ты отдохнул?»

«Мне не нужно отдыхать! В камере я бегал из угла в угол и даже по стенам. Когда-нибудь я забегу по стене так высоко, что прикоснусь ступней к потолку!»

Они поднялись мимо первой подземной комнаты и вышли через арочный проход в вестибюль дворца. Джаро заметил, что Гарлет жмурится.

«Тебе мешает свет?» — спросил он.

«Слишком ярко!»

Джаро прошел по вестибюлю ко входу в большой зал; Гарлет волочил ноги вслед за ним, шурясь и прикрывая глаза ладонью. Вступив в большой зал, Джаро остановился, чтобы понять, что происходит.

Перед судьями стоял и давал показания гричкин в роскошной ливрее мажордома. «Надо полагать, это Оосках», — подумал Джаро. Асрубал, как прежде, сидел в громоздком кресле из темного дерева.

Наклонившись над столом, магистр обращался к мажордому: «Позволь подвести итог твоим показаниям. Слушай внимательно. Если я допущу ошибку, поправь меня. Помни, за намеренное лжесвидетельство тебя отправят в бункер».

Оосках наклонил голову, усмехаясь маленьким бутоном рта: «Я понимаю, ваша честь».

«Хорошо! Вернемся к эпизоду, который мы обсуждали. Асрубал передал тебе ребенка и приказал содержать его в безопасности».

«Так точно, ваша честь! — Оосках говорил высоким звонким голосом, произнося каждое слово, словно это был лакомый кусочек, достойный особого любования. — Он передал ребенка под мою опеку, испытывая жалость и сострадание к несчастному малышу».

«И примерно в это время, по твоим словам, к тебе обратилась одна из колдуний из племени ратиго, выразившая готовность растить и лелеять ребенка. Она явилась, по видимому, по приглашению Асрубала, и ты удовлетворил ее просьбу. Не так ли?»

«Именно так, ваша честь!»

«И ты больше никогда не видел этого ребенка?»

«Никогда, ваша честь. Я допускал, что его родители вернулись к выполнению своих обязанностей».

Мэйхак заметил прибытие Джаро и подошел ко входу. Джаро указал на Гарлета: «Нашел его на четвертом уровне подземных темниц. Его собирались скормить домовым. Мне пришлось воспрепятствовать этому намерению».

Мэйхак смерил Гарлета взглядом с головы до ног: «Я — твой отец. Много лет я думал, что ты умер».

«Не знаю, что мне думать, — бормотал Гарлет. — Свет жжет глаза».

«Тебе не мешает вымыться и подкрепиться, — заметил Мэйхак. — Но это, конечно, не твоя вина, мы этим займемся как можно скорее».

«Я не хочу возвращаться вниз!»

«Не беспокойся. Там, у стены, сидит Асрубал — человек, бросивший тебя в темницу. Пойдем, посмотрим на него. Уверен, что он не обрадуется встрече». Мэйхак взял Гарлета за руку и повел его по проходу между сиденьями.

Оосках продолжал: «Больше ничего не могу сказать. Время идет своим чередом — кто знает, что ждет нас в будущем?»

Мэйхак и Гарлет встали перед столом, напротив судей. В зале наступила тишина. Плечи Асрубала слегка опустились, он неотрывно смотрел на Гарлета.

Оосках воскликнул высоким, фальшиво-радостным голосом: «Вот он, вот он! Пропавший ребенок! Видите? Он жив и здоров! Возрадуемся — все хорошо, что хорошо кончается!»

Магистр резко спросил: «Что происходит? Объясните судьям свое поведение».

Джаро ответил: «Я скажу вам, что происходит. Когда Асрубал вышел из зала, он приказал гричкину Пуду спуститься на четвертый, нижний уровень подземелья и обеспечить срочное исчезновение Гарлета. Я последовал за гричкином вниз по каменным ступеням, к темнице, где держали Гарлета. Тюремщики выманили Гарлета из камеры и собирались скормить его белым призракам, заключенным в другом отделении. Я вмешался и убил тюремщиков. Мы с Гарлетом поднялись по шестнадцати лестничным пролетам. Его томили в вонючем темном каменном мешке двадцать лет. Нельзя сказать, что Асрубал хорошо с ним обращался».

Магистр посмотрел на Асрубала; тот ответил ничего не выражающим взглядом. Магистр спросил: «Вы хорошо обращались с Гарлетом?»

«Достаточно хорошо».

Магистр повернулся к Гарлету: «Ты находишься в суде, здесь отправляется правосудие. Ты понимаешь, что это значит?»

«Нет. У меня болят глаза — слишком яркий свет».

Магистр приказал конвоирам: «Найдите темные очки и принесите сюда — как можно быстрее!» Он снова обратился к Гарлету: «Когда люди делают неправильные вещи, плохие вещи, их приводят в суд, и если суд определяет, что они совершили преступления, то есть действительно делали плохие вещи, их наказывают».

Гарлет беспокойно щурился, глядя по сторонам: «Когда я разлил воду из миски, Шим перестал давать мне воду. Вы меня накажете? Меня посадят обратно в камеру и мне больше не дадут воды? Я постараюсь больше не разливать воду, я обещаю!»

«Тебя никто не будет наказывать, — вздохнул магистр. — Насколько известно, ты не сделал ничего плохого. Сколько времени ты провел в темноте?»

«Не знаю. Не помню ничего, кроме темноты».

«Взгляни на человека, сидящего в кресле у стены. Ты его знаешь?»

Гарлет обернулся к Асрубалу: «Я видел его три раза. Он спускался в подземелье. Олег выводил меня из камеры и показывал ему. Этот человек смотрел на меня, ничего не говорил и уходил».

Магистр повернулся к Асрубалу: «Вы можете что-нибудь сказать? Вам предоставляется право защищать свои интересы».

«Могу сказать следующее. Инопланетный торговец и женщина из клана Рейми нанесли мне чудовищный ущерб! Они ограбили меня и похитили документы из управления конторы Лоркина. Я содержал их сына в качестве заложника, ожидая их возвращения в Ромарт. Но они не вернулись — они пренебрегли родительскими обязанностями! Это мелкие люди,

лишенные нестигаемого характера. Короче говоря, они отвратительны! Полюбуйтесь на них! Вот сидит отпрыск Тоуна Мэйхака и блудницы из династии Рейми. Он молод и пригож, как ухоженное домашнее животное. Но у этого любимчика судьбы есть непростительный изъян, неизлечимый порок! У него гнилая душа, словно слепленная из мягкого заплесневелого сыра. Те, кто хорошо его знают, не зря называют его «профаном». Асрубал помолчал, растянув губы в ледяной улыбке. Потрясенный Джаро уставился на него, не веря своим ушам.

Асрубал продолжал: «Давным-давно со мной обошлись самым непростительным образом. Мошенник-чужеземец приехал обвести меня вокруг пальца и разграбить мое добро, пресмыкаясь и унижаясь, чтобы выпросить лицензию. Что мне оставалось делать с этой изворотливой крысой? Я сохранял в неприкосновенности свое рашудо и достоинство клана! Я человек твердый, прямолинейный! Я никогда не отказываюсь от достижения однажды поставленной цели! И в конце концов мошенники дорого заплатили за свои происки. Я познал ни с чем не сравнимую сладость мести. Отпрыск инопланетянина был заточен во мраке. Чужеземца выдали локлорам. Я выследил женщину из рода Рейми до Пойнт-Экстаза и строго наказал ее, внушив ей такой ужас, что она предпочла смерть допросу — тем более, что она прекрасно знала, что я задушу ее сына собственными руками у нее на глазах!

Я наслаждался победами много лет — никто не может отнять у меня эту радость. Даже сейчас у моих врагов душа уходит в пятки, когда я на них смотрю! Убейте меня, если хотите — все люди умирают. Но в моем случае равновесие было восстановлено заранее! И кого следует винить в первую очередь? Кого, как не Тоуна Мэйхака, отца-предателя, никогда не вернувшегося к потерянному сыну? Вот ответ на все ваши вопросы: двадцать лет сын провел в темноте, заплатив сполна за алчность отца и воровство матери! Таково торжество кармы в битве жизни! Такова ирония судьбы! Пусть теперь отец сидит, изображая оскорбленное достоинство — у него его нет и никогда не было! — пусть сидит прямо над вонючей дырой, где его сын провел всю свою жизнь! Этот человек — чужеземец, он недостоин даже презрения».

Магистр поднял руку: «Довольно, Асрубал! Вы достаточно себя опозорили. Сегодня из-за вас нам будут сниться кошмары. И поделом — мы должны были давно понять, какую змею пригрели у себя на груди. Барванг дин-Урд, вы осмелитесь просить суд о милосердии к вашему родственнику?»

Барванг, безвольно развалившийся на стуле, пробормотал: «Мне нечего сказать, ваша честь».

«В таком случае заседание Судейской коллегии распущено. Через неделю преступнику будет вынесен приговор. Конвоиры! Наденьте на заключенного кандалы и заключите его в темницу — так, чтобы до него не добрались призраки. Приносите ему хлеб и воду; не говорите с ним и не пускайте к нему никаких посетителей».

«Что будет с Ооскахом?» — поинтересовался юстициар Морлок.

Председатель суда едва заметно пожал плечами: «Скорее всего, мажордом не хуже и не лучше любого другого гричкина. Тем не менее, он способствовал тяжкому преступлению и лжесвидетельствовал в суде. Конвоиры! Отведите Ооскаха в Фондамент, задушите его проволочной петлей и сбросьте его тело в бункер».

Оосках обмяк на стуле, как начинающий оплывать манекен из теплого воска. Два конвоира подняли мажордома под руки и вытащили из зала, волоча по паркету его безвольно подергивающиеся ноги.

Магистр встал: «Все, на сегодня хватит! Мы устали от этого разбирательства, оно еще долго будет тяжким бременем лежать на нашей совести. Через неделю будет объявлен приговор».

Пользуясь пультом дистанционного управления, Джаро вызвал аэромобиль, чтобы отвезти Гарлета в Карлеон в сопровождении Скирли. Ардриан, Мэйхак, Морлок и другие возвращались пешком по вечернему бульвару.

Гарлет напряженно сидел, схватившись за подлокотники сиденья, и ошалело глядел по сторонам, но не протестовал. Скирль пыталась успокоить его: «Для тебя вокруг будет много нового, некоторые вещи будут вызывать у тебя тревогу. Но ты скоро приспособишься, и в один прекрасный день все покажется знакомым и привычным. Представь себе! Скоро ты будешь таким, как Джаро».

Из груди Гарлета вырвался хриплый звук — судя по всему, нечто вроде язвительного смешка. Становилось очевидным, что приучить Гарлета к повседневной жизни будет нелегко — для этого требовались терпение и незаурядный оптимизм. Если бы эта задача была поручена Скирли, она, конечно, постаралась бы сделать все возможное, но сомневалась, что ей хватило бы терпения. Она исподтишка изучала сгорбившееся существо в вонючем комбинезоне, с заросшим бородой лицом и блестящими глазами. Она сравнила Гарлета с внешностью Джаро: невозможно было поверить, что эти два человека были близнецами! Стараясь придать голосу уверенность, Скирль снова обратилась к Гарлету. Глаза на волосатом лице поднялись, глядя прямо ей в лицо. Несмотря на все ее попытки сдерживаться, голос девушки дрожал: «Если произойдет что-нибудь, чего ты не понимаешь, спрашивай — мы постараемся все объяснить как можно лучше».

Глаза Гарлета, полузакрытые спутанными волосами, горели. «Кто ты?» — буркнул он.

«Меня зовут Скирль Хутценрайтер, я родилась и выросла на другой планете. Здесь таких, как я, называют инопланетянами или чужеземцами».

Джаро сказал Гарлету: «Мы с тобой оба наполовину роумы и наполовину инопланетяне. Судя по всему, это достаточно удачное сочетание».

Скирль протянула руку на восток — туда, где в ночном небе над горизонтом поднималась гигантская мерцающая лента Млечного пути: «Если ты присмотришься, то сможешь различить отдельные звезды. В левой части галактики — Ойкумена. Где-то там — планета Галлингейл. Когда мы отсюда улетим, может быть, на какое-то время мы вернемся на Галлингейл».

Гарлета мало интересовали звезды. Он продолжал неотвязно смотреть на девушку. Наконец он сказал: «Ты не такая, как Джаро».

«Нет, совсем другая».

«Мне нравится разница. Но я не могу расслышать, о чем ты думаешь».

Скирль смущенно рассмеялась: «Может быть, это только к лучшему. Я не такая, как Джаро, потому что я — женщина. А Джаро — мужчина, такой, как ты. Ты слышишь, о чем думает Джаро?»

Гарлет неопределенно крикнул: «Теперь уже все равно». Повернувшись к окну, Гарлет взгляделся в даль — туда, где на востоке сияло полчище звезд: «Ты сказала, что мы отсюда улетим?»

«Как только убедимся в том, что Асрубала казнили. После этого мы вернемся в пределы Ойкумены — и чем скорее, тем лучше». Скирль тоже посмотрела в окно: «Мы уже прибыли

в Карлеон. Скоро тебя вымоют и переоденут — вот увидишь, ты почувствуешь себя гораздо лучше».

Гарлет ничего не сказал. Скирль сомневалась в том, что он вообще понимал, о чем с ним говорили.

Аэромобиль приземлился на террасе дворца Карлеон. Все трое вышли из машины; Гарлет с подозрением следил за тем, как Джаро отправил аэромобиль обратно в небо. К этому времени уже подошли Ардриан с Мэйхаком, и вся группа направилась во дворец. Ардриан вызвал мажордома Фанчо и дал ему указания. Фанчо повернулся к Гарлету: «Будьте добры, следуйте за мной. Мы сделаем все необходимое».

Гарлет отшатнулся: «Опять в камеру?»

«Больше не будет никаких камер, — пообещал ему Мэйхак. — Ты примешь ванну, тебе сделают освежающий массаж с притираниями. Тебе это совершенно необходимо. Фанчо найдет для тебя какую-нибудь приличную одежду, и ты почувствуешь себя новым человеком».

Фанчо расплылся в гостеприимной улыбке: «Пойдемте, сударь! Для вас уже приготовили специальную ароматическую ванну».

Гарлет все еще упирался. Он ткнул пальцем в сторону Скирли: «Хочу, чтобы она пошла со мной».

«Не сейчас, — сказал Мэйхак. — Скирль будет занята в другом месте».

«Я пойду с тобой, — вызвался Джаро, — и тебе нечего будет опасаться».

«Тебя я хорошо знаю, — проворчал Гарлет. — Ты такой же злыдень, как все».

«Пойдемте, пойдемте! — звал Фанчо. — Вы скоро будете выглядеть таким же пригожим, как любой молодой кавалер, и сами себя не узнаете».

Гарлет тихо заскулил, но последовал за мажордомом без дальнейших протестов. Не проявляя никаких эмоций, он позволил себя вымыть, подстричь и побрить; ему подровняли и вычистили ногти на руках и ногах, его натерли душистым лосьоном, после чего ему сделали массаж теплыми полотенцами, увлажненными дезинфицирующей спиртовой настойкой. Гарлет хмурился и морщился на каждом этапе этого процесса. Джаро его поведение нередко забавляло, но он тщательно скрывал это от брата.

Наконец Гарлет встал, причесанный, надушенный и продезинфицированный настолько, насколько слугам-сейшани позволяли навыки и способности. Фанчо разложил перед ним новую одежду; Гарлет не знал, что с ней делать, и продолжал стоять, ссутулившись, нелепый и несчастный, как ошипанный тощий цыпленок. «Таким был бы и я, если бы не случайный каприз сумасшедших ведьм», — трезво подумал Джаро и перестал украдкой усмехаться.

Под руководством Фанчо сейшани надели на Гарлета темно-синие брюки, рубашку в синюю и зеленую полоску, зеленый кафтан и зеленые сапожки из мягкой кожи.

Преображение было полным. Фанчо спросил: «Вас это устраивает?»

«Вполне устраивает, — ответил за брата Джаро. — Вы хорошо потрудились. Гарлет, как ты думаешь?»

«Какие-то странные ботинки», — пожаловался Гарлет.

«Они хорошо выглядят, — успокоил его Джаро. — Ты скоро к ним привыкнешь».

Гарлет не доверял обещаниям. Он был не в своей тарелке, новая одежда его явно стесняла. «Неудивительно!» — подумал Джаро. Для Гарлета каждая деталь была сомнительным, даже подозрительным нововведением. Джаро постарался беспристрастно сравнить себя с братом. Они походили друг на друга как пропорциями лица, так и общим

телосложением, но Гарлет сутулился, его плечи казались тощими и узкими. Его костлявые руки постоянно сгибались в локтях, а пальцы инстинктивно сжимались. Разумеется, кожа узника мертвенно побледнела за долгие годы, проведенные без солнца; его впалые щеки, темные круги под глазами, заостренный подбородок и обтянутые кожей скулы невозможно было спутать с физиономией Джаро. Смутно догадываясь о состоянии испуганного замешательства, охватившего его брата-близнеца, Джаро пытался успокоить и подбодрить его: «Ты совершенно переменялся! Поразительная разница! Разве ты не чувствуешь себя лучше?»

«Я об этом еще не думал», — угрюмо пробормотал Гарлет.

«Ты хотел бы взглянуть на себя в зеркало?»

«Что такое зеркало?»

«Блестящее стекло — в нем человек видит свое отражение. Оно позволяет представить себе, как ты выглядишь в глазах других людей».

«Это неправильно! — возмутился Гарлет. — Гричкин опустил меня в воду, гричкин отрезал мои волосы, а потом напялил на меня эту одежду. Пусть они смотрят на гричкина, он во всем виноват!»

«Гричкин их не интересуется — они будут смотреть на тебя».

Гарлет язвительно хмыкнул. Джаро терпеливо спросил: «Так что же? Хочешь посмотреть в зеркало?»

«Мне может не понравиться то, что я увижу», — с сомнением сказал Гарлет.

«Придется рискнуть! — весело отозвался Джаро и подвел брата к зеркалу. — Смотри! Как тебе нравится?»

Гарлет молча изучал свою внешность несколько секунд, после чего отвернулся.

«Ты чем-то недоволен?» — поинтересовался Джаро.

«Так я и думал! — раздраженно махнул рукой Гарлет. — Я похож на тебя».

Джаро не нашелся, что ответить. Он привел Гарлета в гостиную с высокими окнами, открывавшимися в сад, где Ардриан сидел в обществе Мэйхака, Скирли и нескольких родственников.

В дверном проеме Гарлет остановился. Присутствующие встали, чтобы вежливо приветствовать его. Опустив уголки губ, Гарлет переводил взгляд с лица на лицо. Отступив на шаг, он собрался было уходить, но Джаро взял его под руку и привел в комнату. «Это мой брат, Гарлет, — сказал Джаро. — Как вам известно, он претерпел невообразимые мучения, проведя в темнице всю жизнь — и, тем не менее, не только выжил, но и сохранил достоинство, что вызывает у меня огромное уважение. Теперь для Гарлета начинается новая жизнь, и я надеюсь, что он сможет забыть прошлое. Не стану представлять вас ему по очереди, так как это пока что не имеет для него никакого смысла».

Мэйхак встал рядом с Гарлетом и Джаро: «Это мои сыновья. Я рад, что мы снова вместе. Видите, как они похожи? Гарлету, конечно, пойдет на пользу, если его будут хорошо кормить и если он будет проводить побольше времени на солнце. И мне, и Джаро предстоит научить его тысяче вещей; несомненно, Скирль нам в этом поможет. Но спешить некуда. Мы останемся в Ромарте, пока не убедимся в том, что Асрубал получил по заслугам. Следует заметить, что деньги, конфискованные у Асрубала, принадлежат роумам; теперь каждый роум получит сумму, достаточную для того, чтобы купить пару билетов на пассажирский корабль первого класса. Вы можете посещать планеты Ойкумены по своему выбору — больше нет никаких причин ограничивать жизнь орбитой Ночного Огня».

Взяв Гарлета под руку, Мэйхак подвел его к дивану. Гарлет осторожно присел на подушки. Фанчо сразу же подал ему бокал пенистого розового напитка. Гарлет с недоумением смотрел на пузырящуюся жидкость. «Пей, не бойся! — подбодрил его Ардриан. — Это безобидный коктейль под наименованием «Феерическая роса». Он способствует дружелюбию и внушает спокойное творческое настроение».

Гарлет поднес бокал к носу, понюхал содержимое и поставил бокал на ближайший столик. Мэйхак поднял брови: «Попробуй! Тебе это может понравиться!»

«А если не понравится?»

«Тогда больше не пробуй».

Гарлет сухо кивнул: «Я об этом подумаю».

Прошел час. Гарлет мало говорил, но присутствующие обращались с ним вежливо, как с любым другим гостем. Иногда ему задавали осторожные вопросы, на которые он отвечал односложно. Через некоторое время в соседней трапезной накрыли стол и подали легкий ужин.

За ужином возникла неудобная ситуация. Гарлет сидел за столом, но не проявлял ни малейшего желания есть или говорить. Скирль с укоризной заметила: «Гарлет, ты ничего не ешь!»

«Я знаю».

«Почему?»

«Не вижу ничего, что мне хотелось бы есть».

«В таком случае попробуй что-нибудь новое: например, один из маленьких пирожков. У них вкусная начинка, в каждом разная. Посмотри, какой прекрасный зеленый виноград! Неужели тебе не нравится виноград?»

«Никогда его не пробовал».

«Попробуй хотя бы одну ягоду — тебе понравится!»

Гарлет покачал головой: «Не уверен».

«Разве ты не голоден?»

«Конечно, голоден, — беззаботно ответил Гарлет. — Еще как голоден! Я всегда голоден, я привык».

«Тогда попробуй чуть-чуть этого рагу», — настаивала Скирль.

«А что там плавает, в этой миске?»

«Клецки. Они из мягкого, воздушного теста, очень вкусные».

Гарлет объяснил, явно набравшись терпения: «Я никогда ничего такого не видел. А если я в чем то не уверен, если я чего-то не понимаю, лучше быть очень осторожным. Может быть, яхи подскажут, что делать».

«Яхи? Кто такие «яхи»?»

«Яхи помогают принимать правильные решения — особенно в том, что касается новых вещей».

«Все равно, попробуй что-нибудь — и в следующий раз это уже будет знакомая, а не новая вещь. Ты будешь знать, как она выглядит, и тебе не понадобятся советы ях».

Гарлету пришлось неохотно признать справедливость логики Скирли, и он боязливо попробовал рагу. «Это очень вкусно, — заключил он. — Я хочу еще».

«Конечно! Можешь есть столько, сколько захочешь. Но прежде попробуй что-нибудь другое. Тогда эти вещи перестанут быть новыми, и у тебя будет выбор».

«Не вижу ничего, чего мне хотелось бы, — заявил Гарлет, обведя взглядом уставленный

блюдами стол. — Разве у вас нет холодной каши или вяленой рыбы?»

«Вяленой рыбы сегодня нет, — ответил Джаро. — Я думал, что после двадцати лет одного и того же тебе никогда не захочется видеть холодную кашу или вяленую рыбу!»

Гарлет ничего не сказал — но его молчание носило явно иронический характер.

«Прошлое — дурной сон, — заявила Скирль. — Тебе нужно о нем забыть и думать только о будущем. В будущем все будет хорошо».

Гарлет покосился на нее: «А ты где будешь?»

«В будущем? На борту «Фарсанга», то есть где угодно — в пределах Ойкумены».

Гарлет неодобрительно хмыкнул: «Я хочу, чтобы ты осталась со мной».

Скирль смущенно рассмеялась: «Скорее всего, ты улетишь с нами на «Фарсанге»».

Гарлет медленно, но уверенно покачал головой: «У меня еще нет никаких планов — но мне кажется, что меня там не будет. Я останусь здесь, и ты тоже».

«Это невозможно. Поговорим о чем-нибудь другом. Об этом вине, например. Ты его пробовал? Нет? Попробуй!»

Гарлет взглянул на бокал, но не прикоснулся к нему.

Мэйхак, сидевший напротив, заметил опасливые повадки Гарлета и спросил: «Что-нибудь не так?»

Уголки рта Гарлета опустились, он ничего не ответил. Скирль объяснила: «Все вокруг — слишком новое. А Гарлет привык подходить к новым вещам с осторожностью».

Сдерживая смех, Мэйхак энергично возразил: «Гарлет, это нелогично! Для тебя все вокруг будет новым некоторое время, по меньшей мере однажды! Такова и будет теперь твоя жизнь: постоянное знакомство с новыми и приятными вещами!»

«Мне нужно об этом подумать», — пробормотал Гарлет.

«Не нужно думать! — заявил Мэйхак. — Пока что мы будем думать за тебя. Тем временем — ешь, пей, отдыхай! Радуйся жизни! Если ты чего-то не понимаешь, спрашивай».

«Я все понимаю», — вызывающе ответил Гарлет.

Мэйхак поднял брови: «Тем лучше! Хочешь, чтобы я тебе что-нибудь рассказал? Или ты нам что-нибудь расскажешь?»

«Не сейчас».

Скирль заметила: «Я почему-то думала, что тебя будет интересовать все окружающее, что ты будешь без конца об этом говорить и задавать вопросы!»

«Мне не хочется».

«Понятно, — Скирль задумалась. — Тем не менее, ты голоден, тебе нужно есть. Это вкусные пирожки, и фаршированные перцы тоже тебе понравятся!»

Гарлет взглянул на указанные блюда и отрицательно покачал головой.

Скирль почти умоляла его: «Почему нет? Мы все это едим!»

Гарлет слегка прищурился: «Разве не ясно? Если я это съем, я тоже вступлю в заговор».

Скирль чуть не рассмеялась от неожиданности: «Гарлет, не говори глупости! Это полная нелепость. Я это ем, а я не вступала ни в какой заговор. Больше того! Я — Скирль Хутценрайтер, наследница «устричных кексов» и никакая не заговорщица».

Гарлет упрямо молчал. Он вертел в пальцах бокал с вином, наблюдая за плавающими на поверхности золотистыми отблесками огней.

Скирль раскрыла рот — и снова закрыла. Гарлет был в чем-то убежден — настолько, что не поддавался никаким уговорам.

Мэйхак тихо произнес, словно размышляя вслух: «Ты достаточно умен, Гарлет, и хотел

бы прожить разнообразную и полную жизнь, не так ли?»

«У меня еще нет определенных планов».

Мэйхак слегка помрачнел: «Слушай внимательно, Гарлет. Внезапный переход от жизни в подземелье к новой жизни вызвал у тебя психологический шок. Ты еще не научился себя контролировать, но у тебя, как у Джаро, есть воля и умственные способности. Тем не менее, загадочность и неизвестность нового мира все еще тебя подавляют».

Гарлет смотрел на Мэйхака каменным взором и ничего не говорил.

Мэйхак продолжал: «Сейчас ты еще не знаешь, как вести себя с окружающими и что означают те или иные вещи. В результате ты замкнулся в панцире чрезмерной осторожности, что вполне понятно. Но тебе нужно расслабиться, тебе нужно нам доверять. Мы — твоя семья, ты в доме своего деда. Тебе нужно вести себя пассивно — наблюдать, разговаривать, слушать, впитывать новые впечатления, привыкать к ним. Мы поможем тебе научиться полезным привычкам, и скоро ты сможешь их применять, не задумываясь. Ты понимаешь, что я говорю?»

Гарлет продолжал вертеть в пальцах бокал. словно между прочим, он обронил: «Конечно».

Мэйхак серьезно продолжал: «Для нас все это очень неудобно. Невозможно предсказать, чем все это кончится. Тем не менее, если ты последуешь моим советам, ты сможешь избежать многих неприятностей. И в конечном счете, довольно скоро, ты научишься радоваться жизни и забудешь свои обиды».

Гарлет повернул бокал так быстро, что вино расплескалось по столу. Скирль воскликнула: «Гарлет! Так нельзя себя вести! Ты запачкал скатерть».

«Я хотел, чтобы вино кружилось у самого края бокала, но не проливалось», — объяснил Гарлет.

«Как бы то ни было, играть с посудой за столом невежливо — по меньшей мере так меня учили. Если ты мне позволишь, я тебя научу тем же правилам».

«Как хочешь», — ответил Гарлет. Подняв глаза, он взглянул в лицо Мэйхаку: «Я ничего не знаю о психологических шоках. В каждый момент времени я думаю о чем-то одном и приставляю это одно, как кусочек, к другим кусочкам. При этом я думаю только мои мысли, потому что ничьи другие мысли не входят в мои планы».

Мэйхак улыбнулся в некотором замешательстве: «Ты не хочешь, чтобы тебе что-нибудь советовали, и ты не хочешь, чтобы тебе мешали делать все, что тебе взбредет в голову — я правильно тебя понимаю?»

Гарлет хотел снова повернуть бокал, но Скирль отодвинула его.

Мэйхак суховато сказал: «Хочешь ли ты прислушиваться к нашим советам или нет, подозреваю, что тебе придется выслушивать множество замечаний, указаний и рекомендаций. Было бы глупо не обращать внимание на предлагаемые полезные сведения».

«Я постараюсь понимать советы надлежащим образом».

«Прежде всего, тебе не следует голодать по причинам, не поддающимся разумному объяснению».

«Ты прав по меньшей мере в одном, — заявил Гарлет. — Для того, чтобы преодолеть заговор теней, понадобятся все мои силы». Протянув руку к вазе с фруктами, он взял виноградину и положил ее в рот: «Пока что этого достаточно».

Бесцеремонно поднявшись на ноги, Гарлет вышел из трапезной. Скирль неуверенно приподнялась, чтобы поспешить вслед за ним, но Джаро опередил ее, и Скирль медленно

опустилась на стул.

Джаро нашел Гарлета на террасе. Его брат стоял, облокотившись на балюстраду, и смотрел на сад, серебристо-черный в лучах двух лун. Джаро встал рядом. Гарлет не обратил на него внимания.

Проходили минуты. Джаро, тоже облокотившийся на балюстраду и вдыхавший ароматный ночной воздух, чувствовал, как в Гарлете растёт напряжение.

Наконец терпение Гарлета истощилось. Он покосился на Джаро, губы его плотно сжались. «Зачем ты здесь? — сердито спросил он. — Я хочу быть один!»

«Ночью небезопасно бродить в одиночку».

«Хмф! Ты для этого встал из-за стола и пошел за мной?»

«Отчасти. Почему ты хочешь быть один?»

«Слишком много советов, у меня голова болит от советов, — обиженно проворчал Гарлет. — Все на меня уставились глупыми круглыми глазами. Мне не нравится, как пахнут их мысли».

Джаро разглядывал лицо брата, озаренное лунным светом: «Откуда ты знаешь, о чем они думают?»

Гарлет пожал плечами: «Иногда я знаю. Я мог подглядывать из темноты за твоими мыслями. Чувствовал, как ты живешь. Я звал тебя, объяснял тебе мое отчаяние. Но ты отказывался слушать, ты выгнал меня, чтобы я не мешал тебе радоваться жизни».

Пальцы Джаро крепко обхватили холодный поручень мраморной балюстрады: «Это не так. Как только у меня появилась возможность, я отправился тебя искать».

Гарлет презрительно хмыкнул: «Ты ничего для меня не сделал».

Джаро хотел было возразить, но унылый голос брата продолжал бубнить: «Я выбрался из мрака, и все изменилось. Яхи, говорившие мне, что делать, пропали — может быть, они никогда не вернуться. Что мне остается? Самая малость. Я слышу едва уловимые, едва различимые мысли. Сегодня я смотрел в лица и видел зловещее, издевательское ликование. Поэтому я ушел».

«Ты ошибаешься, — сказал Джаро. — Все, что ты видел — симпатия, сочувствие, сострадание. Никакого зловещего ликования там не было».

«Думай, как хочешь», — безразлично обронил Гарлет.

«Гарлет, послушай! Я не пытаюсь навязывать тебе мнения — я всего лишь хочу, чтобы ты приспособился к новой жизни. Для этого мне приходится исправлять твои ошибки, а ты должен принимать во внимание то, что я говорю, потому что я знаю, как делаются вещи в этом мире, а ты еще не знаешь. Неужели это не понятно?»

Гарлет произнес бесцветным, ровным тоном: «Не уверен, что ты что-нибудь знаешь лучше меня. Не уверен, что ты хочешь мне помочь. Я делаю выводы из того, что было на самом деле. Раньше ты ничего для меня не делал — почему бы ты стал что-нибудь для меня делать теперь?»

«Теперь все изменилось. Это трудно объяснить, пока ты не знаешь самых простых вещей».

«Неважно. Мне не нужна твоя помощь».

«И советы тоже не нужны?»

«И советы не нужны».

Джаро горько рассмеялся: «Тебе нужны советы и помощь — больше, чем кому-либо другому. Действительность безжалостна. Если твое отношение к действительности не

изменится, ты попадешь в беду».

Гарлет тихо сказал: «Действительность — это я. Я тоже безжалостен. Все, что должно быть сделано, будет сделано».

Джаро смотрел на брата в замешательстве. Гарлет продолжал, тем же тихим, бесцветным голосом: «Яхи преодолевают судьбу. Я знаю мало — но я знаю много. Сидя во мраке, я проникал в твой ум. Ты не заботился обо мне, ты предал меня, ты отказался меня слушать, ты не внимал моим мольбам, ты не хотел чувствовать мое отчаяние. Ты ненавидел меня — ты наслаждался свободой, пока я сидел, скорчившись, в непроглядной тьме, в углу вонючей камеры. Я ел холодную кашу из мякины, я подбирал и доедал остатки рыбьей чешуи, а ты пировал от пуза. Иногда мне казалось, что я вижу то, что ты видишь, я пытался чувствовать то, что ты чувствовал. Я звал тебя, но тщетно — ты отрезал меня, ты заткнул мне рот!» Гарлет обернулся, услышав звуки шагов — к ним подходила Скирль. «Мы еще посмотрим», — закончил Гарлет.

Через некоторое время Гарлет позволил увести себя в предназначенную для него комнату. Стоя рядом со столиком из резного нефрита, он съел несколько кусков хлеба с сыром, после чего забрался в дальний угол под столом и крепко заснул.

Асрубала отвели в камеру в подвале здания Судейской коллегии, где его охранял целый взвод. Через несколько дней судьи должны были вынести окончательный приговор. Юстициар Морлок заверил Мэйхака в том, что приговор будет безотлагательно приведен в исполнение. «Фарсанг» продолжал парить над Ромартом — на поверхности земли космический корабль мог подвергнуться нападению наемников из клана Урдов или других бандитов. Кроме того, радиолокатор «Фарсанга» постоянно следил за воздушным пространством над Ромартом. Если бы Асрубала освободили из заключения, и он попытался бы бежать на летательном аппарате, такая попытка была бы немедленно пресечена.

Всю неделю Мэйхак, Скирль и Джаро провели с Гарлетом, пытаясь преодолеть барьеры его подозрений.

Поведение Гарлета не поддавалось разумному объяснению. Для того, чтобы упростить свою жизнь, он согласился следовать нескольким указаниям, относившимся к одежде и бытовым привычкам, но в остальном замкнулся в себе и не обращал внимания на разговоры и вопросы, хотя время от времени задавал вопросы сам. С самого начала Гарлет дал ясно понять, что предпочитал находиться в обществе Скирли, а не в компании Мэйхака или Джаро. Разговоры Мэйхака наводили на него скуку, а Джаро он выслушивал с безразличием каменной стены.

Скирль пыталась научить Гарлета условностям и общепринятым привычкам повседневного существования. Гарлет слушал ее, демонстрируя показное терпение, и прилежно участвовал в практических демонстрациях навыков. Иногда казалось, что он тайком усмехается — но усмешка мгновенно исчезала, как только Скирль бросала на него взгляд. Девушка сомневалась в том, что какие-либо ее указания на самом деле проникали в его сознание.

Тем временем Джаро пытался научить брата основам чтения и счета. Он объяснял алфавит — то, как из букв составляются слова, и стандартные грамматические правила, принятые по всей Ойкумене. Гарлет безразлично слушал его. Когда Джаро положил перед ним лист бумаги и карандаш, попросив Гарлета скопировать алфавит, Гарлет нарисовал несколько закорючек, бросил карандаш на стол и откинулся на спинку стула.

«Учиться трудно, — сказал Джаро. — Но если ты хочешь научиться, тебе придется упражняться, пока ты не сможешь писать, не задумываясь».

«Не сомневаюсь, что ты прав, — отозвался Гарлет. — Но сегодня я уже достаточно упражнялся».

«Недостаточно! — возразил Джаро. — У нас еще ничего не получилось. Если ты хочешь учиться, я тебя научу. Если нет, я не стану терять время. Выбирай».

Гарлет задумался: «Не уверен, что это полезный навык». Он указал на большие буквы алфавита, аккуратно нарисованные Джаро: «Ты сам говоришь, что эти символы и текст, называемый «букварем» — наследие далекой древности. Это игра для скучных бездельников, которым больше нечем заняться».

«Отчасти это так, но не совсем так. Умение читать нередко полезно. Когда ты поймешь, что тебе следует научиться грамоте, дай мне знать, и мы возобновим занятия».

Однажды Скирль спросила Гарлета: «Для человека, просидевшего всю жизнь в одиночной камере, ты очень хорошо умеешь выражать свои мысли. Тебя кто-нибудь этому учил?»

Гарлет поджал губы: «Я сам учился. Старый Шим скучал и любил со мной болтать — ругая меня за какой-нибудь проступок, он рассуждал без остановки обо всем на свете, иногда несколько часов. Кроме того, я учился у Олега — тот читал нравоучения призракам. У него была странная манера с ними говорить — так, будто они его лучшие друзья. И я запоминал все, что слышал».

«Но никто не учил тебя читать?»

«Конечно, нет! Зачем? Я должен был вечно сидеть во мраке».

Скирль поежилась: «Ромарт меня пугает — я буду рада отсюда уехать».

Гарлет недовольно хмурился: «Тебе не нравится Ромарт?»

«На этот вопрос трудно ответить. Здесь великолепные дворцы — нигде ничего подобного не видела. Может быть, на Древней Земле есть сравнимая роскошь. А роумы... — Скирль прервалась, пытаясь как можно точнее определить свое отношение. — Не могу сказать, что они мне нравятся; в общем и в целом они тщеславны и лишены чувства юмора. Здесь я чувствую себя тревожно и неудобно. По ночам я плохо сплю — боюсь домовых. Короче говоря, чем скорее мы покинем Ромарт, тем лучше».

Гарлет раздраженно разрубил воздух ладонью: «Неправильно говоришь! Тебе нужно думать по-другому».

«Неужели? — Скирль одновременно хотелось смеяться и злиться; Гарлет часто вызывал у собеседников противоречивые побуждения. — Почему же?»

«Причины очевидны. Я не хочу уезжать из Ромарта, и тебе тоже придется здесь остаться, потому что я хочу, чтобы ты меня многому научила. Меня особенно интересует разница между женщинами и мужчинами. Ты можешь показать мне свое тело».

Скирль покачала головой: «Так делать не принято. Забудь о таких вещах. В любом случае, мы не останемся в Ромарте. Это решено. Тебе понравится путешествовать по другим мирам».

Уголки рта Гарлета опустились: «В других местах все по-другому. Об этом месте я уже кое-что узнал, оно начинает становиться настоящим».

«Рада слышать! Значит, ты приспособливаешься».

«Может быть. Происходит кое-что еще, что гораздо важнее».

«В самом деле? Что именно?»

Гарлет ответил не сразу: «Вот что я могу сказать: силы, которыми я повелеваю в большом окружении, начинают возвращаться».

Скирль с недоумением смотрела на Гарлета. В самых загадочных его заявлениях иногда скрывалась своего рода внутренняя логика, но для ее постижения требовались некоторые усилия. Она сказала: «Твои слова не поддаются пониманию. О каких силах ты говоришь? О каком окружении?»

Гарлет с трудом подыскивал слова: «В подземелье я изучил и запомнил каждую пядь своей камеры, каждую поверхность, каждую выпуклость камня, каждую щербинку. То было темное окружение; следуя советам ях, я был его повелителем. Когда я поднялся сюда, темное окружение осталось под землей, и я больше ничем не повелевал. Теперь я в новом окружении, оно гораздо больше. Чтобы повелевать большим окружением, нужны новые силы. Они начинают возвращаться, потому что я принял такое решение».

«Любопытная идея!» — согласилась Скирль. Много раз она говорила себе не спорить с Гарлетом и снова нарушила это правило: «К сожалению, Гарлет, ты заблуждаешься. Ни теперь, ни в будущем ты не можешь ничем повелевать, кроме самого себя. Умения владеть собой, впрочем, вполне достаточно. В частности, ты не можешь повелевать мной, Джаро или Тоуном Мэйхаком. Будет гораздо лучше, если ты это поймешь как можно раньше. Не теряй время и силы на самообман!»

Гарлет вскочил на ноги: «Это ты заблуждаешься! Ты ничего не чувствуешь и знаешь только то, что я тебе сказал!» В его голосе внезапно появилась повелительная интонация: «На сегодня довольно болтовни! Теперь я хочу прогуляться, посмотреть на бульвары и проспекты — увидеть все, что можно увидеть».

Скирль не совсем понимала, как себя вести перед лицом внезапного приступа мании величия. «Можно было бы и прогуляться, конечно», — осторожно сказала она.

«Не «было бы» и не «можно», а здесь и сейчас! — топнул ногой Гарлет. — Пойдем!»

Скирль неохотно встала: «Что ж, пойдем — только нам нужно будет вернуться к обеду».

Они спустились с террасы дворца, прошлись по бульвару до моста и оказались на площади Гамбойе. Вместо того, чтобы идти дальше, Гарлет решил сесть за столик одного из кафе и наблюдать за прохожими. Скирль не возражала; они уселись в тени плакучего златолиста. Им подали чай и блюдо с хрустящим печеньем. Люди, проходившие по площади, однако, интересовали Гарлета гораздо больше печенья. Через некоторое время он указал на хорошенькую молодую женщину в сопровождении кавалера-щеголя: «Не понимаю. Почему они одеты по-другому?»

«Здесь давние традиции, — ответила Скирль. — Роумы одеваются по-разному, в зависимости от времени суток и ситуации. По сути дела, люди везде так делают, на какой бы планете ты не оказался».

«На эту женщину приятно смотреть, — заявил Гарлет. — Не могу отвести глаза от ее изящных движений. Я хотел бы к ней прикоснуться. Будь добра, позови ее, чтобы она к нам подошла».

Скирль рассмеялась: «Гарлет, опять ты говоришь глупости! То, что ты хочешь сделать, невежливо — барышня будет удивлена и рассержена. Разве ты забыл то, что я тебе говорила об этикете? Если ты хочешь, чтобы тебя уважали, чтобы с тобой вежливо обращались, тебе придется сдерживать такие побуждения».

Гарлет смерил собеседницу оценивающим взглядом: «На тебя тоже приятно смотреть. У тебя и у этой женщины есть что-то общее. Что именно, не могу определить».

«Это нормальное ощущение, — спокойно сказала Скирль. — Оно происходит от инстинкта продолжения рода и, как правило, приводит к появлению на свет детей».

«Каким образом?»

Скирль пришлось приступить к объяснению, в общих чертах, процесса воспроизведения потомства. «Об этом можно говорить очень долго, — начала она. — Существует множество различных обычаев и представлений, но все они требуют строгого соблюдения ритуалов».

«Ничего не знаю ни о каких ритуалах, — ворчал Гарлет. — Шим никогда о них не упоминал».

«Трудно было бы ожидать, чтобы гричкин рассуждал о таких вещах. Процесс, как правило, начинается с того, что мужчина и женщина испытывают взаимное влечение. Такое влечение называют «привязанностью», а иногда «любовью». Движимые этими эмоциями, мужчина и женщина могут заключить общественный контракт, именуемый «браком», хотя

во многих случаях их совместное проживание не нуждается в формальной договоренности. В частности, Джаро не подписывал со мной никакого договора, но мы живем вместе. В таких условиях общепринятыми условностями разрешается использование мужчиной и женщиной, наедине, их половых органов в процессе так называемого «совокупления». Совокупление на людях считается неприличным и не допускается; такие вещи всегда делаются без присутствия посторонних».

Гарлет наклонился вперед, глаза его горели: «Расскажи подробнее о совокуплении! Как это делается?»

Напряженно выпрямившись на стуле, Скирль смотрела вдаль. Тщательно выбирая слова, она вкратце разъяснила процесс совокупления в самых общих и безличных терминах. Гарлет не скрывал живой интерес к этому вопросу, неотрывно глядя Скирли прямо в лицо. «Такова, — заключила Скирль, — обычная система воспроизведения потомства, характерная не только для людей, но и для многих других существ».

«Возникает впечатление, что это приятное времяпровождение, — заметил Гарлет. — Давай попробуем здесь и сейчас! Чем это место хуже любого другого?»

«Ты ошибаешься! — возбужденно возразила Скирль. — Такие вещи делаются только наедине!»

«Тогда давай вернемся во дворец и уединимся у меня в комнате. Если понадобится, мы можем позвать Фанчо, он нам поможет».

Скирль покачала головой: «Этим нельзя заниматься, нарушая правила. Джаро будет огорчен, если узнает, что я совокупляюсь с другими мужчинами, даже если это делается с помощью Фанчо».

Гарлет уставился на нее с осуждением: «Какое мне дело до Джаро и его огорчений? Он ничего не значит! Забудь о нем, и мы сразу займемся совокуплением, это интересно!»

Разрываемая несовместимыми стимулами веселья, раздражения и жалости, Скирль пыталась говорить самым сдержанным тоном: «Все не так просто. Меня объединяет с Джаро связь, подобная заключению брака, накладывающая взаимные обязательства. Такие обязательства необходимо выполнять».

Уже привставший было Гарлет опустил на стул. «Вот, так всегда! — процедил он сквозь зубы. — Всему мешает Джаро».

«Пора возвращаться в Карлеон, скоро обед», — напомнила Скирль и поднялась на ноги.

«Я не хочу обедать. Я останусь здесь».

«Как тебе угодно. Ты знаешь дорогу назад».

Скирль стала переходить площадь. Сначала Гарлет возмущенно смотрел ей в спину, после чего передумал и догнал ее. Они вернулись в Карлеон вместе — в полном молчании.

После обеда Гарлет вышел на террасу, последовав примеру брата. Примерно полчаса они стояли у балюстрады и серьезно разговаривали. В конце концов Джаро раздраженно всплеснул руками, признавая поражение. Он вернулся в трапезную, а Гарлет продолжал стоять на террасе, тяжело дыша и глядя в сад невидящими глазами.

Джаро присел за стол, присоединившись к разговору Мэйхака и Скирли: «Гарлет насмотрелся на красивых девушек и теперь он возбужден, хотя сам не совсем понимает, почему. Скирль объяснила ему кое-что по поводу анатомии и размножения, и теперь Гарлету не терпится навестить Фондамент».

«Фондамент? — недоуменно переспросил Мэйхак. — Почему Фондамент?»

«У Гарлета цепкий ум и яркое воображение. Во время обеда он заметил прислуживавших девушек-сейшани, и теперь ему не терпится побольше узнать об их интимной жизни. Он спрашивал, совокупаются ли кавалеры-роумы с сейшани женского пола. Я сказал, что никогда ни о чем таком не слышал — конечно, все возможно, но это очень маловероятно, учитывая представления роумов о себе и о своей прислуге».

«Ты прав, — кивнул Мэйхак. — Половые органы сейшани недоразвиты».

«Я объяснил Гарлету, что сейшани не совокупаются, но он считает, что я его обманываю. Он считает, что сейшани совокупаются в Фондаменте, тем самым производя на свет других сейшани. В этом его убедила Скирль, и они собираются посетить Фондамент, чтобы пронаблюдать за процессом своими глазами».

«Что? — воскликнула Скирль. — Это сплошные выдумки!»

Гарлет появился в дверном проеме.

«У меня нет ни малейшего намерения ходить с тобой в Фондамент по какой бы то ни было причине!» — сказала ему Скирль.

Глядя на нее, Гарлет помолчал, после чего пожал плечами: «В таком случае я сам туда пойду».

«Не советую! — вмешался Мэйхак. — Ты попадешь в беду, так или иначе». Мэйхак встал из-за стола: «Если уж ты собрался посмотреть на Фондамент, я пойду с тобой».

Гарлет повернулся к Скирли: «Я собирался пойти туда с тобой, как мы договорились».

«Мы ни о чем таком не договаривались!» — возразила Скирль.

«Ты не обещала вслух, но я прочел твои мысли!» — заявил Гарлет.

«Не следует так говорить, — сдержанно заметил Джаро. — Когда ты ведешь себя таким образом, все чувствуют себя неудобно».

Гарлет бросил на брата безразличный взгляд: «Твои мысли я тоже вижу насквозь. Ты меня предал, а теперь делаешь все, чтобы помешать моим планам, потому что я становлюсь все сильнее, а ты превращаешься в ничтожество. Неудивительно, что ты чувствуешь себя неудобно».

Скирль вскочила на ноги: «Глупо спорить из-за какой-то ерунды! Если для Гарлета это так важно, и если Мэйхак согласен нас сопровождать, я пойду с Гарлетом в Фондамент».

«Я тоже пойду, — мрачно сказал Джаро. — И сделаем это, не откладывая, чтобы поскорее положить конец всей затее».

Гарлет резко повернулся на месте и вышел из трапезной. Ситуация складывалась не так,

как он хотел. Чему не следовало удивляться, учитывая все обстоятельства. Его могущество еще не полностью восстановилось, «большое окружение» еще не полностью подчинилось его воле — но в конце концов, после надлежащего изучения, оно должно было подчиниться.

Вчетвером они покинули Карлеон, прошли по мосту и по бульвару, повернули на Эспланаду и приблизились по набережной к подавляющей громаде Фондамента. Пологий пандус поднимался к зияющей проходной арке.

Скирль резко остановилась: «Дальше я не пойду. Для меня там нет ничего интересного — кроме того, там плохо пахнет, и мне станет нехорошо. Я подожду здесь».

Гарлет тут же горячо возразил: «Ты должна пойти со мной! Ты сама сказала, что в этом месте воспроизводятся сейшани. Мне хочется знать, как это происходит, и ты сможешь мне объяснить».

Усмехнувшись, Мэйхак сказал Гарлету: «Мы быстренько туда заглянем и, если там действительно происходит что-то любопытное, Скирль, скорее всего, тоже заинтересуется».

«Правильно! — поддержал отца Джаро. — А мы вас тут подождем».

«Все задумано совсем не так! — возмутился Гарлет. — Почему Джаро всегда и во всем мне мешает?» Он повернулся к Скирли: «Джаро останется здесь — и Мэйхак, если ему так хочется. А ты и я — мы пойдем изучать эти ритуалы! Нужно узнать во всех подробностях, как они размножаются!»

Скирль отрицательно качала головой: «Меня не интересует размножение сейшани — в данный момент меня не интересует чье бы то ни было размножение!»

Мэйхак рассмеялся: «Пойдем, Гарлет! Если там плохо пахнет, мы проигнорируем вонь, как подобает настоящим исследователям».

Мэйхак и Гарлет поднялись по пандусу и зашли в здание. Стоя на набережной, Джаро и Скирль видели, как они задержались на несколько секунд, повернули налево и скрылись из вида.

Через двадцать минут они вернулись. Мэйхак спускался по пандусу с ничего не выражающим лицом. Гарлет казался расстроенным и задумчивым. Остановившись на набережной, он смотрел куда-то в сторону площади Гамбойе, словно не замечая ни Джаро, ни его подругу.

Джаро спросил Мэйхака: «Что вам удалось узнать?»

«Немного — и в то же время более чем достаточно. Там действительно плохо пахнет. Там никто не совокупляется. В огромной бетонной яме установлены шесть резервуаров, заполненных зачаточной слизью. Мы стояли на узком балконе, окаймляющем сверху производственный цех, и наблюдали за происходящим. Резервуары обслуживаются техниками-гричкинами. Содержимое резервуаров, судя по всему, поэтапно вызревает, перемещаясь из одной емкости в другую; при этом выделяются тошнотворные газы. Повсюду тянутся переплетения труб и электрических кабелей, в связи с чем трудно понять, что делается ниже, под резервуарами. Там, по-моему, находятся ряды цистерн или чанов поменьше, где, насколько я понимаю, формируются индивидуальные сейшани. Техники, работающие на нижнем уровне, выглядят совсем по-другому. Они скорее напоминают белых призраков, хотя я не смог их как следует рассмотреть». Мэйхак повернулся ко входу в Фондамент: «Потрясающее достижение биотехнологии, надо сказать!»

Джаро спросил Гарлета: «А ты что думаешь об этом процессе?»

«Я ожидал, что все будет по-другому. Я не заметил никакого совокупления и не понимаю, где и как оно может происходить. Я хочу туда вернуться и разобраться в этом

получше. Скирль пойдет со мной».

«Нет! — девушка отвернулась. — Скирль не пойдет с тобой».

«Я тоже не пойду, — сказал Мэйхак. — Одного раза достаточно».

«Тогда пусть со мной пойдет Джаро, так и быть», — заявил Гарлет.

«Нет уж, спасибо! — отказался Джаро. — Мне тоже не нравится дышать вонючими испарениями».

«Как хочешь. Я пойду один».

«Должен снова тебя предупредить, — сказал Мэйхак. — Нас не особенно приветствуют в Ромарте, и кто-нибудь может на тебя напасть. Уже через три дня мы отсюда улетим, а до тех пор я предпочел бы держаться ниже травы, тише воды. До поры до времени тебе придется отказаться от дальнейшего изучения процесса совокупления. Ты меня понимаешь?»

Гарлет ничего не ответил, и все они вернулись в Карлеон.

На следующее утро совесть заставила Скирль забыть о неприятных предчувствиях, и она вышла с Гарлетом на террасу, чтобы продолжить разъяснение волновавших его вопросов. Они присели в расставленные под навесом садовые кресла. На этот раз Скирль решила рассказать Гарлету о происхождении человека на Древней Земле. Так как она сама интересовалась этой темой, Скирль оживилась и говорила с воодушевлением. Гарлет, казалось, заразился ее энтузиазмом и внимательно наклонился к ней. Обсуждая создателей мегалитов из Северо-западной Европы, Скирль вдруг обнаружила, что Гарлет гладит ее груди и собирается запустить руку в еще более интимное место. На какое-то мгновение она оцепенела, после чего вскочила, глядя на Гарлета сверху вниз. Лицо Гарлета расплылось в идиотской ухмылке.

«Гарлет! — ледяным тоном сказала ему Скирль. — Твое поведение недопустимо, оно нарушает этикет!»

Ухмылка сползла с лица Гарлета: «А в твоём поведении нет логики».

«Логика тут ни при чем! — вспыхнула девушка. — Ты ничего не понимаешь!»

«Неправда! Джаро прикасается к тебе, как хочет. Я его брат-близнец. Нелогично делать между нами искусственное разграничение. Джаро знает, что он передо мной в долгу, и не может возражать против того, чтобы я пользовался любыми его преимуществами».

Скирль заметила, что по террасе к ним приближались Мэйхак и Джаро. «Вот идет Джаро, — сказала она. — Спроси его, возражает ли он против твоего поведения».

Гарлет раздраженно повел плечами и отвернулся. Скирль обратилась к Джаро: «Гарлет считает, что в качестве твоего брата-близнеца он имеет право разделять с нами все преимущества совместного проживания, свойственные любовникам. Любое другое положение вещей он считает несправедливым».

«Гарлет, ты неправильно понимаешь ситуацию, — сказал Джаро. — Пожалуйста, не пытайся навязывать Скирли интимные отношения. Это очень огорчит нас обоих».

«Не вижу, какая между нами разница, — пробормотал Гарлет. — Ты просто снова хочешь мне помешать, вот и все».

«Это не так! Через пару лет, когда ты привыкнешь к обычаям новой жизни, ты поймешь, что я был прав. Тем временем, сдерживай эротические побуждения и не обижай Скирль. Ты должен по меньшей мере понимать, что так вести себя невежливо».

«Я понимаю тебя лучше, чем ты подозреваешь! О чем тут говорить?»

Джаро кивнул: «Говорить больше не о чем. Мы с отцом решили осмотреть какой-нибудь заброшенный дворец. Если хотите, можете к нам присоединиться».

«С радостью этим займусь, — с облегчением сказала Скирль. — Куда вы решили пойти?»

«Увидишь! Гарлет, ты с нами?»

«Нет. Я хочу сидеть в кафе на площади».

«Как тебе будет угодно. Но не приставай к женщинам — это может плохо кончиться».

Мэйхак, Джаро и Скирль полетели в аэромобиле на север, в Старый Ромарт, где высокие лесные деревья уже переходили в наступление на бывшие сады. Мэйхак приземлился на заднем дворе усадьбы, построенной из белого сиенита. Выйдя из машины,

они убедились в том, что их оружие заряжено и находится под рукой — здесь водились призраки.

«Их трудно заметить, — сказал Мэйхак, — но они рядом. Днем мы в относительной безопасности, если не будем бродить в одиночку. Не упускайте друг друга из вида — здесь человек может зайти за угол и бесследно пропасть». Обращаясь к Скирли, он продолжал: «Мы с Джаро решили поживиться ничейным добром, а именно «книгами жизни» из библиотеки. Насколько мы знаем, они больше никому не принадлежат, и о них никто не беспокоится. Подозреваю, что на рынках Ойкумены за эти иллюстрированные антикварные жизнеописания могут заплатить хорошие деньги — особенно в том случае, если мы сохраним в тайне их источник».

«Гм! — подняла брови Скирль. — Не слишком подобающее для благородных кавалеров занятие».

«Рассматривай нас как коллекционеров древних произведений искусства, — улыбнулся Мэйхак. — В таком случае Джаро не будет особенно стыдиться, расхищая беспризорные библиотеки».

«А вы?»

«Я — старый космический бродяга. Мне неизвестно, что такое стыд».

Втроем они зашли во дворец и оказались в зале величественных пропорций — его убранство все еще более или менее сохранилось, хотя и покрылось толстым слоем пыли. Остановившись посреди зала, они прислушались, но уши различали только неосоздаваемое напряжение молчания.

Рядом с парадным залом находилась библиотека — помещение умеренных размеров, с тяжелым столом из полированного твердого дерева посередине. Полки, тянувшиеся вдоль стен, ломились от тяжелых томов в кожаных переплетах.

Джаро случайно выбрал и положил на столе пару книг. На черных переплетах, все еще мягких, были выдавлены изощренные цветочные орнаменты; от обложек исходил приятный аромат воска с консервирующими добавками.

Джаро смахнул пыль с одной книги и осторожно открыл ее. Страницы, покрытые каллиграфическим текстом, перемежались детальными зарисовками в витиеватых рамках, выполненными тонким пером и разноцветными чернилами. На иллюстрациях изображались пейзажи, интерьеры, портреты, а также различные занятия и развлечения роумов в старинных нарядах — по мнению Джаро, автор отличался несомненным талантом и в совершенстве владел техникой рисования. Текст, однако, выведенный архаическими символами, не поддавался его пониманию.

Мэйхак стоял рядом, глядя на страницы по мере того, как их перелистывал Джаро. «Никто больше не создает такие книги, — заметил он. — Этот обычай прекратился в «смутные времена», когда закончился расцвет цивилизации роумов».

Мэйхак рассматривал тщательную зарисовку сцены в саду: молодой человек в белом кафтане и синих панталонах улыбался, глядя сверху вниз на темноволосую девочку восьми или девяти лет от роду. Мэйхак прочел про себя сопровождавший иллюстрацию текст и указал на фигуру юноши: «Это автор книги. Его звали Тобри дин-Метьюн. В наши дни этот клан больше не существует. А эта девочка — его кузина Тиссия. Тобри называл ее «Тисси» — все родственники называли ее этим уменьшительным именем. Тобри всю жизнь занимался составлением этой книги. Надо полагать, Тиссия тоже оставила после себя книгу жизни».

«Было бы любопытно сравнить их книги», — размышлял вслух Джаро. Он с любопытством изучал лицо Тобри дин-Метьюна: «Довольно приятная физиономия. Проницательная, но, пожалуй, слишком нежная и чувствительная».

«Таким он себя представлял. Портрет может соответствовать действительности — или несколько идеализированному внутреннему представлению. Как бы то ни было, это не имеет значения. Эта книга — изложение представлений Тобри, сокровищница его любимых тайн, наблюдений и гипотез. Он хотел запечатлеть тот факт, что появился на свет и прожил целую жизнь, что ему были известны благородные чувства и мгновения возвышенной радости. Мы заглядываем в душу Тобри — возможно, впервые с тех пор, как он закрыл последнюю страницу, приложив к ней свою печать».

Джаро перелистывал страницы: молодой человек Тобри постепенно вырос.

«Этой книге две с половиной тысячи лет! — сказал Мэйхак. — Может быть, даже больше. Антиквары-роумы могли бы определить дату с точностью до года, глядя на костюмы изображенных персонажей — особенно на обувь и, конечно же, на модные женские платья».

Джаро задержался, рассматривая еще одну иллюстрацию, выполненную даже тщательнее предыдущей. Тобри стоял на опушке леса, поставив ногу на бревно. Он играл на щипковом струнном инструменте, похожем на ребек или лютню, сопровождая трем девушкам в коротких платьях из полупрозрачного белого муслина, взявшихся за руки и танцевавших хором. Тобри превратился в бледного кавалера с тонкими чертами лица, обрамленного кудрявыми каштановыми локонами. Он сосредоточенно прислушивался, явно наслаждаясь звуками, исходящими из-под его пальцев. Лицо его свидетельствовало о прихотливом, но в то же время суровом характере, скорее замкнутом, нежели откровенном. На соседней странице Тобри запечатлел нечто вроде формулировки своих принципов или системы ценностей. Прищурившись и водя пальцем по строкам, Мэйхак прочел:

«Эти слова начертаны мной, Тобри дин-Метьюном — тем единственным, тем неповторимым, чем я был и что я есть. Мои качества превосходны; к их числу относятся добродетель, благородство, богатое воображение, чувство юмора и предрасположенность к блаженной неге. Само собой, во всей Вселенной никогда раньше не было такого, как я, и подобный мне никогда не появится в будущем, так как я взошел на вершину сознательного разумного существования. В чем же я превзошел всех остальных, людей всех эпох, всех планет, всех народов? Оставил ли я после себя выдающиеся произведения ума и таланта? Нашел ли я решение древних загадок? В чем мое преимущество? Это моя сокровенная тайна — но почему бы не доверить истину книге жизни? Я не хочу, чтобы меня можно было назвать человеком, неблагодарным судьбе. Так в чем же моя благородная тайна? Она завораживает простотой: она состоит в том, что я умею радоваться существованию.»

Я обращаюсь ко всем, кто посетит сей мир после меня! Пусть прекрасные девы вздыхают, сожалея об упущенном блаженстве! Пусть галантные кавалеры пожимают плечами, молча говоря себе: «Увы!» Никто из вас не ощутит волнующий ритм моей несравненной, великолепной жизни — к вящему сожалению грядущих поколений!»

Джаро медленно отложил книгу Тобри: «Это можно продать».

«Разумеется», — отозвался Мэйхак.

«Надеюсь, вы от души развлекаетесь, растаскивая библиотеку, как пара старьевщиков!» — презрительно заметила Скирль.

«Развлекаемся во всю! — откликнулся Джаро. — Что может быть веселее?»

Мэйхак попытался разубедить подругу своего сына: «Нельзя же оставлять здесь эти сокровища! Они покрываются плесенью и скоро рассыплются в прах. Подумай, какая это будет трагедия!»

Скирль не стала спорить. Так как ей больше нечем было заняться, она тоже взяла с полки большую книгу и принялась перелистывать страницы.

Джаро открыл вторую книгу. Ее создательницей была Сусу-Ладу из династии Санбари. На протяжении многих лет она отличалась пленительной красотой и пользовалась этим обстоятельством с простодушной невоздержанностью. И почему бы она вела себя иначе? Она умела скрывать от других свои похождения. Ее зарисовки, по мнению Джаро, служили исключительно любопытным источником постоянного замешательства. Живость эротических деталей уравнивалась в них прямолинейностью невинности, что делало привлекательность персонажей почти осязаемой. Джаро провел несколько минут, изучая одну из иллюстраций. Бесстыдно обнаженная девушка — несомненно, Сусу-Ладу собственной персоной — сидела в арочном окне над рекой. Она прислонилась спиной к мраморной полуколонне, обняв руками колени и глядя на спокойную речную гладь. Деревья — а также их отражения в воде — были изображены с восхитительной подробностью. Возникло впечатление, что девушка дремлет наяву: лицо ее выражало эмоцию, не поддававшуюся словесному определению. Наклонившись, чтобы рассмотреть рисунок получше, Джаро заметил в помещении за девушкой смутный силуэт. Приглядевшись еще внимательнее, Джаро понял, что это была фигура домового, неподвижно стоявшего в тени. Рисунок вызывал любопытство не в последнюю очередь противоречивостью изображенной сцены. Почему за девушкой стоял белый призрак? Почему девушка явно ни о чем не беспокоилась? Сознавала ли она близость домового? Ни на один из этих вопросов не было ответа. Джаро закрыл книгу и отложил ее в стопку, предназначенную к продаже.

Скирль передвинула к нему другое жизнеописание: «Раз уж ты вознамерился красть книги, укради эту тоже — мне она показалась любопытной».

Втроем они сортировали книги целый час и забраковали лишь немногие. Мэйхак вышел и переместил аэромобиль как можно ближе к библиотеке, после чего они погрузили книги в обширный багажник машины. Забравшись в аэромобиль, они поднялись к «Фарсангу», где Гэйнг Нейтцбек помог им перегрузить похищенное в трюм корабля. Покончив с этим занятием, они снова приземлились в саду дворца Карлеон.

Гарлет уже вернулся с площади Гамбойе и скрылся у себя в комнате.

Выкупавшись и переодевшись, Скирль, Джаро и Мэйхак встретились с Ардрианом в малой гостиной. Через несколько минут к ним присоединился юстициар Морлок. «По городу ходят слухи, — сообщил он. — Дыма без огня не бывает, как вам известно. Казнь Асрубала должна состояться в полдень через четыре дня. Я слышал, что завтра или послезавтра дюжина кавалеров-урдов собирается надеть маски наемных убийц. На площади устроят переполох, чтобы отвлечь внимание. Тем временем кавалеры в масках намерены освободить Асрубала из темницы и укрыть его в тайном убежище до тех пор, пока Совет старейшин не соберется в Коллокварии. Если инопланетяне вмешаются, может возникнуть опасный прецедент; кроме того, их могут убить заранее, чтобы предотвратить вооруженный конфликт».

«И что же?» — поинтересовался Мэйхак.

«Я рассматриваю несколько возможностей».

Мэйхак поднялся на ноги: «Существует простое решение проблемы. Казним Асрубала сейчас же».

«Сейчас же? — переспросил Морлок. — Еще даже не стемнело. Я намеревался по меньшей мере подождать до полуночи».

«Лучше сделать это как можно скорее. Никто не ожидает от нас такой решительности. Положим этому конец раз и навсегда».

«Хорошо! — сказал юстициар. — Хотя, конечно, в Ромарте так дела не делаются. Мы предпочитаем размышлять, оценивая и взвешивая все возможные последствия».

«На этот раз поступим так, как принято в пределах Ойкумены, — ответил Мэйхак. — Я готов».

Джаро встал: «Я тоже готов».

«Я предпочел бы, чтобы ты и Скирль оставались в аэромобиле на тот случай, если мне потребуется поддержка с воздуха — в случае возникновения «непредвиденных осложнений», как выражаются в Ромарте».

Джаро не стал возражать. Он вышел в сад и вызвал летательный аппарат. Связавшись по радио с Нейтцбеком, остававшимся на борту «Фарсанга», Мэйхак предупредил его о своих планах; они обсудили возможные «осложнения» и договорились о мерах, которые следовало принять в той или иной ситуации. Мэйхак вынул из багажника аэромобиля два мощных дальнобойных лучемета и передал один из них Морлоку, после чего они отправились вдвоем к зданию Судейской коллегии. Джаро и Скирль следовали за ними по воздуху в аэромобиле.

Сгущались сумерки; роумы готовились к вечеринкам и развлечениям — бульвары почти опустели.

Остановившись у входа в Судейскую коллегию, Мэйхак вызвал по радио Джаро, сидевшего в летательном аппарате над зданием: «Пока что все тихо. Охранники на местах. Мы заходим».

Мэйхак и Морлок зашли в помещения Судейской коллегии. Через несколько минут Мэйхак опять вызвал сына: «Все в порядке. Мы спустились по лестнице в служебный вестибюль. Конвоиры выводят Асрубала из камеры».

Через пять минут Мэйхак снова сказал по радио: «Асрубала привели. Охранники усадили его в кресло. Он нас еще не заметил. А теперь — пора!»

Рация замолчала. В вестибюле юстициар Морлок подошел к стенному шкафу, открыл ключом черную дверцу с белой эмблемой и вынул флакон с янтарным сиропом. Один из охранников принес бокал, наполненный водой, и поставил его на стол рядом с Асрубалом.

Морлок налил в бокал несколько капель янтарной жидкости и перемешал их в воде стеклянной палочкой. Асрубал наблюдал за происходящим с безразличным, каменно-бледным лицом. Юстициар указал на бокал: «Ваше время настало. Пейте. Через минуту вы умрете, и нам не придется душить вас провололочной петлей».

Асрубал смотрел на бокал, его пальцы судорожно подергивались. Морлок отступил на пару шагов, чтобы Асрубал не мог внезапно выплеснуть яд ему в лицо.

Асрубал взглянул на Мэйхака, стоявшего поодаль, и снова сосредоточился на бокале.

«Вы поторопились», — сказал он.

«Верно. Необходимо предотвратить резню».

Асрубал едва заметно улыбнулся: «Это не решает ни одну из моих проблем».

«Мы не занимаемся решением ваших проблем».

Асрубал кивнул. Медленно, но уверенно, он взял бокал и опрокинул его содержимое в

рот. Поставив бокал на стол, он холодно и неподвижно смотрел в лицо юстициару. В помещении воцарилась напряженная тишина.

Асрубал размеренно и отчетливо произнес: «Вы можете составить обо мне какое угодно мнение, но никогда не сможете сказать, что я не смел смотреть в лицо смерти, как подобает благородному кавалеру».

«Вы правы, — отозвался Морлок. — Ваше достоинство неоспоримо. Лучше умереть так, чем бросать вызов неизбежности».

Губы Асрубала подернулись, челюсть слегка отвисла, глаза забегали и разъехались в разные стороны. Он обмяк, наклонившись вперед — голова его с легким стуком опустилась лицом на стол.

Юстициар повернулся к Мэйхаку: «Он умер».

Мэйхак кивнул: «Похоже на то». Обогнув стол, он вынул легкий карманный лучемет и трижды выстрелил Асрубалу в затылок. После каждого выстрела тело Асрубала содрогалось.

Мэйхак отступил от стола и сказал Морлоку: «Не подумайте, что я вам не доверяю, но человек может выпить яд и выжить. Человек с тремя дырами в голове не восстанет из гроба».

«Вам невозможно отказать в практическом здравом смысле, — сухо ответил юстициар и повернулся к охранникам. — Отнесите тело в Фондамент и сбросьте его в бункер».

Мэйхак и Морлок вернулись в Карлеон. Юстициар известил старейшин города о смерти Асрубала и объяснил, почему с казнью пришлось поспешить. Разумеется, это сообщение вызвало возмущение представителей династии Урдов, но brave родственники Асрубала волей-неволей отказались от планов нападения на Судейскую коллегия и уничтожения чужеземцев. По-видимому, решительность Мэйхака сыграла свою роль.

Мэйхак хотел немедленно покинуть Ромарт, но юстициар убедил его задержаться еще на пару дней. «Я обращаюсь к вам с этой просьбой от имени Комитета избранных», — сказал он.

«Почему они мной заинтересовались?»

«Вам не о чем беспокоиться. Попросту говоря, Комитет хочет получить от вас информацию».

«Информацию какого рода?»

«Позвольте мне вкратце объяснить функции Комитета избранных, — ответил Морлок. — Его нельзя назвать тайной организацией, хотя Комитет собирается за закрытыми дверями и никого не оповещает о своих решениях. Он состоит из десяти человек; шестеро — члены Совета старейшин. Кроме того, в Комитет входят трое выдающихся ученых и юстициар, то есть я. Комитет хорошо понимает, что Ромарт и цивилизация роумов находятся в состоянии упадка. Иногда мы даже называем это «разложением». Мы подозреваем также, что нелюбезный наблюдатель мог бы назвать упадочным весь образ жизни роумов как таковой, хотя я мог бы выдвинуть весомые возражения против такой точки зрения. Невозможно отрицать, однако, что численность населения Ромарта сокращается и, если этот процесс будет продолжаться теми же темпами, через двести лет в роскошных залах наших дворцов будет ютиться дюжина дряхлых стариков и старух — допуская, что безвольные сейшани смогут как-то их защищать от полчищ белых призраков. Учитывая сложившееся положение вещей, Комитет избранных надеется возродить Ромарт, тем или иным способом. Рассматриваются любые варианты. Поговаривают о том, чтобы положить конец изоляции роумов и установить новые связи с Ойкуменой».

«Все это вполне разумно, — заметил Мэйхак. — Но при чем тут я?»

«Вы — инопланетянин, знакомый с обычаями Ромарта. Таким образом, ваша квалификация уникальна. Комитет хотел бы узнать ваше мнение. Они ожидают, что вы выскажете его откровенно — несмотря на то, что два консервативно настроенных гранда уже ворчат, предупреждая о «риске, связанном с вульгаризацией»».

«При взаимодействии с окружающим миром какая-то доля вульгаризации неизбежна, — сказал Мэйхак. — Хорошо, я с ними поговорю. Когда и где? Мне нельзя задерживаться».

«В два часа пополудни, послезавтра. Здесь, в Карлеоне».

«Ладно, — согласился Мэйхак. — Это удобно. Сразу после совещания с Комитетом мы покинем Ромарт на «Фарсанге»».

Когда Гарлет узнал о предстоящем отъезде, он сразу выразил недовольство. «У меня нет никаких причин отсюда уезжать! — заявил он Мэйхаку и Джаро. — Я подробно изучил маршрут от Карлеона до площади Гамбойе и дальше по бульвару до Эспланады и

Фондамента, что в данный момент вполне удовлетворяет мои потребности. Мои комнаты в Карлеоне и здешняя пища тоже меня устраивают. А Джаро поможет мне познакомиться с другими обитателями города».

«Твои планы практически неосуществимы, — осторожно возразил Мэйхак. — Прежде всего, Джаро улетит с нами на «Фарсанге». Ты останешься один, о тебе некому будет позаботиться. Роумы не станут о тебе заботиться. Они соблюдают неизвестные и непонятные тебе обычаи. Если ты попробуешь оставаться здесь один, тебя, может быть, будут терпеть во дворце, но это терпение быстро истощится, как только ты нарушишь правила — особенно если ты начнешь приставать к женщинам».

Гарлет упрямо мотал головой: «Джаро достаточно хорошо знаком с обычаями роумов, он меня научит. Неужели он не может хотя бы это для меня сделать?»

«Я проведу здесь еще один день, — сказал Джаро. — У меня не хватит времени на то, чтобы объяснить тебе местные обычаи».

«А я не говорил про один день! — разозлился Гарлет. — Мы будем обсуждать все вопросы не торопясь, по мере их возникновения. У нас впереди целая жизнь».

Мэйхак начинал терять терпение: «Послушай, Гарлет! Слушай внимательно! Тебе здесь нечего делать, тебе здесь нечему учиться. Жизнь в Ромарте скоро сделает тебя несчастным».

«Вовсе не обязательно! — упорствовал Гарлет. — На сегодняшний день мне хватает того, что я могу сидеть в кафе и смотреть на прохожих. Я уже заметил нескольких молодых женщин неотразимой красоты и хочу с ними совокупиться. В этом отношении Джаро может оказаться полезным».

«Все это не так просто, даже для Джаро, — усмехнулся Мэйхак. — Молодые женщины могут вежливо отвечать на приветствия, но ни одна даже не подумает с тобой совокупляться. Так же, как мужчины, женщины придерживаются определенных правил поведения, соблюдая условности, а у роумов все, что касается интимных отношений и любви, окружено изощренными ритуалами. В любом случае, Джаро улетит на «Фарсанге», вместе с нами».

Гарлет повернулся к брату: «Ты должен остаться!»

Джаро отрицательно покачал головой: «Не могу дождаться той минуты, когда я попрощаюсь с этим извращенным миром».

«И снова ты мне препятствуешь!» — пробормотал Гарлет. Развернувшись на месте, он приготовился уйти. Мэйхак позвал его: «Куда ты?»

«На площадь».

Мэйхак нахмурился: «Урды считают, что мы опозорили их клан; тебя могут избить и покалечить, чтобы проучить остальных чужеземцев. Я предпочел бы, чтобы ты оставался в Карлеоне, хотя на площади, наверное, тебя никто не тронет — особенно если с тобой будет Джаро».

«Джаро может меня сопровождать, — великодушно разрешил Гарлет. — Но он должен мне помогать, а не препятствовать осуществлению моих желаний».

Мэйхак горько рассмеялся: «Возможно, ему придется вмешаться, чтобы спасти твою шкуру — если я правильно понимаю твои намерения». Подумав немного, Мэйхак вынул из-за пояса тяжелый дальнобойный лучемет и повернулся к Джаро: «Обменяемся — отдай мне карманный лучемет и возьми этот».

Они обменялись оружием. «Теперь, надеюсь, вы будете в безопасности, — сказал Мэйхак. — Один залп мощного лучемета испепелит всех бравых бедокуров из клана Урдов. Угроза исчезнет прежде, чем сможет осуществиться».

Гарлет продолжал ворчать: «Значит, если я заговорю с красивой женщиной, Джаро ее испепелит?»

«Он будет осторожен, — пообещал Мэйхак. — Тем не менее, чтобы не подвергаться лишней опасности, лучше не говори с женщинами, красивыми или некрасивыми. Они могут неправильно понять твои намерения».

«Они очень даже хорошо поймут его намерения, — возразил Джаро, — что еще хуже».

«Я предпочитаю сам нести лучемер! — заявил Гарлет. — Джаро нельзя доверять».

Мэйхак покачал головой: «Ты даже не знаешь, как им пользоваться. Того и гляди, выпалишь себе в ногу, в Джаро или в какого-нибудь прохожего».

«А! Я не так глуп, как вы думаете!»

Джаро вздохнул: «Еще один день на Отмире — и мы вернемся к спокойному распорядку жизни в космосе! Хотя, конечно, с Гарлетом на борту распорядок может оказаться не таким спокойным, как хотелось бы». Он поднялся на ноги: «Пойдем! Если уж ты собрался на площадь, что тут сидеть?»

Пока братья шли по бульвару, Джаро исподтишка наблюдал за Гарлетом. Что, если Гарлет будет настаивать на том, чтобы его оставили в Ромарте? Джаро подозревал, что Мэйхак так или иначе заставил бы его улететь на «Фарсанге», даже если бы для этого пришлось опохмелить Гарлета наркотиком и погрузить на корабль в бессознательном состоянии. В любом случае невозможно было сомневаться, что Гарлет покинет Отмир на «Фарсанге» — а значит, не оставалось никаких надежд на покой и отдохновение. Джаро снова вздохнул: так тому и быть, что поделаешь!

Они пришли на площадь. Гарлет протянул руку: «Вот лучшее кафе. Девушки, проходящие мимо него, привлекательнее других».

«Ты наблюдателен, — отозвался Джаро. — Я учту это обстоятельство в дальнейшем».

Они уселись за столик, им подали фруктовый пунш. Джаро откинулся на спинку стула, разглядывая роумов и думая о том, что такая возможность, может быть, больше ему не представится. Удивительные люди, полные добродетелей и пороков, преимуществ и недостатков, свойственных только им и никому другому! Не говоря уже о том, что они жили, окруженные сокровищами и роскошью, воспринимая их как должное, как нечто само собой разумеющееся — и в то же время рассматривая постоянную опасность со стороны домовых тоже как часть повседневного существования.

Целый час Гарлет угрюмо сидел, время от времени громко выражая мнения по поводу преимуществ той или иной женщины. Порой его восхищение и энтузиазм носили настолько бурный характер, что привлекали внимание женщины или сопровождавшего ее кавалера — что, в свою очередь, заставляло Джаро поглаживать придающую уверенность кобуру дальнобойного лучемерта. Но роумы отвечали на нахальство Гарлета лишь высокомерными взглядами.

Джаро соскучился. Он предложил брату вернуться в Карлеон.

Гарлет подобрал со столика нож, принесенный вместе с пирожными, постучал им по блюду, поднес к глазам и несколько секунд неподвижно рассматривал его. Снова постучав ножом, он поднял глаза и ответил: «Еще рано».

Джаро пожал плечами и приготовился ждать.

Солнце заходило за кроны высоких деревьев Вкрадчивого леса. Джаро снова намекнул, что настало время возвращаться.

Гарлет нахмурился и стал вертеть головой, осматривая площадь: «Вчера здесь прошла

необычайно привлекательная женщина. Я внимательно за ней наблюдал, мы обменялись взглядами. Я надеялся, что сегодня она снова появится, потому что собирался предложить ей совокупиться».

«Откажись от этого намерения, — посоветовал Джаро. — Площадь почти опустела — роумы переодеваются к ужину. Эта женщина не вернется».

«Она может вернуться, если поняла, что я хочу с ней поговорить и буду ее ждать».

«Совершенно исключено. Пойдем, солнце уже зашло».

«Если тебе так не терпится идти, тебя никто не держит», — холодно заметил Гарлет.

«Не все так просто, — возразил Джаро. — Если я уйду, а ты попадешь в беду, я понесу за это ответственность. Пойдем! Приглянувшаяся тебе особа сегодня не придет».

«Пожалуй, что нет, — Гарлет снова обвел взглядом площадь. — Завтра мы снова попробуем ее найти».

«Завтра утром, если ты настаиваешь — хотя из этого все равно ничего не выйдет. Завтра после полудня мы покинем Ромарт».

«Кто-то, может быть, покинет Ромарт, — безразличным тоном произнес Гарлет. — Мы с тобой останемся».

Джаро не сдержал смешок: «Ты ошибаешься. Мы увезем тебя с Отмира, чтобы ты здесь не погиб». Взявшись за подлокотники, Джаро приготовился встать: «Пойдем?»

«Одну минуту. Я опять посоветуюсь с яхами». Гарлет приподнял нож над столиком, повернул его направо, прикоснулся острием ножа к блюду: «Яхи рекомендуют подождать еще десять минут».

«Любопытно! — заметил Джаро. — Твои «яхи» поселились в ноже?»

Гарлет крикнул с выражением самодовольного превосходства: «Не в ноже, конечно. Я нашел их много лет тому назад, когда сидел, сгорбившись, в темноте. На меня снизошло озарение — озарение порядка в беспросветном хаосе. Ко мне явились яхи. Для тебя это слово ничего не значит?»

«Ничего».

«Неудивительно, я сам его придумал. Эта мысль придала мне силы. Я не смог бы дожить до сегодняшнего дня, если бы не яхи».

Джаро перевел взгляд с ножа на лицо брата: «С кем ты советуешься, когда у тебя нет ножа?»

Гарлет снова презрительно хмыкнул: «Нож — чисто случайный объект. Попросту говоря, любой предмет может служить указателем результата взаимодействия свободной воли и условий окружения, предоставляющих несколько возможностей. Ум обычного человека не контролирует ях и даже не влияет на них, и в этом — основа моего могущества. Осознающий окружение ум формулирует вопрос; яхи рассматривают возможные варианты и дают положительный или отрицательный ответ. Налево — область энергичных, беспокойных, возбуждающих стимулов, символизирующих отрицание. Справа — зона покоя и безмятежности, символизирующая согласие. Представь себе окружность. За ее пределами — левая зона, внутри — правая».

«Придется над этим подумать», — признался Джаро.

«И это только начало. Яхи действуют и по-другому, без подразделения на правое и левое, на положительное и отрицательное. Яхи придают чудесное воодушевление! Они — источник волнения и восхищения, причем все совершается простейшим образом, без вспомогательных средств. В любую минуту я мог сбежать из мрачного подземелья в

опьяняющий мир приключений, пользуясь бесконечными возможностями ях». Гарлет покосился на брата: «Ха! У тебя на лице снова выражение хлопающего глазами, надувшего щеки идиота, получившего щелчок по носу!»

«Прошу прощения», — только и смог проговорить Джаро.

«Ты сомневаешься в том, что я говорю?»

«Ни в коем случае! Но мне трудно уловить ход твоих мыслей».

«Тогда слушай! Положи четыре пальца на стол, плашмя. Представь себе, что это четыре разных понятия, четыре разных ответа. Пальцы лежат неподвижно, они думают. Один из них пошевелится. Какой? Я не знаю, какой; не знаю, когда — я жду. Затем — вдруг, ниоткуда — появляется яха. Срабатывает таинственный импульс, один из пальцев шевелится! Напряжение ожидания прорывается волной изумления. Можно и по-другому, смотри! Я подношу палец к лицу — ближе, еще ближе. Прикоснусь ли я к носу? Или к подбородку? Тайна! Будущее непостижимо! Разгадку невозможно узнать заранее! Я сижу — долго сижу — и жду, пока не подействует яха. В этом сущность устройства Вселенной — в возникновении порядка из хаоса! Вдруг — палец движется! Куда? Я не могу раскрыть всю тайну. Скажу одно: палец может не прикоснуться ни к носу, ни к подбородку. Он может двинуться неожиданно, словно охваченный шаловливой бесовской силой — например, к уху или ко лбу! Яхи любят пошутить, это развлекает и утешает. Довольно, однако — теперь ты кое-что знаешь, хотя, конечно, не все. Всего ты не узнаешь, на этот счет можешь быть спокоен». Гарлет сидел, едва заметно улыбаясь, словно в глубоком раздумье, вспоминая годы, проведенные во мраке.

Джаро встрепенулся: «Десять минут прошли. Пора идти».

Гарлет не возражал; они перешли площадь и вернулись по бульвару через мост к дворцу Карлеон.

Во второй половине дня, пока Джаро и Гарлет сидели в кафе на площади, Мэйхак и Скирль посетили еще один заброшенный дворец. Забыв об угрызениях совести, Скирль энергично помогала Мэйхаку загружать багажник автомобиля жизнеописаниями в кожаных переплетах и перевозить их на «Фарсанг» — они сделали три рейса. Третий раз выгрузив книги из машины в трюм корабля, девушка решила не возвращаться в Карлеон, а остаться на борту «Фарсанга».

Джаро сообщил Мэйхаку, что Гарлет упорствовал в стремлении не уезжать из Ромарта; кроме того, он поведал отцу о развитии идеи «ях» в поврежденном уме своего брата.

Мэйхак был одновременно заинтересован и подавлен: «Вполне может быть, что мы ожидаем от Гарлета невозможного. Его мозг научился функционировать в условиях тесной темницы и непроглядного мрака. Здесь, среди простора и солнечного света, он полностью дезориентирован — приходится предположить, что он окончательно рехнулся. Подозреваю, что завтра он попробует сбежать и где-нибудь спрятаться до тех пор, пока мы не улетим. Если утром он снова отправится на площадь, не спускай с него глаз».

«Он может просто отказаться уходить с площади. Не могу же я принести его назад на спине!»

«Возьми с собой рацию. Если Гарлет станет вести себя буйно, позови меня, и я прилечу — даже если для этого придется приземлиться на площади. И не забудь дальнобойный лучемер».

Утром Мэйхак и Джаро завтракали вместе с Гарлетом. Погруженный в свои мысли Гарлет был неразговорчив. Он игнорировал Джаро и, казалось, не замечал отсутствие Скирли. После завтрака он вышел посидеть на террасе. Джаро присоединился к нему, пытаясь завязать разговор. Гарлет отвечал односложно, и Джаро вскоре прекратил такие попытки.

Через полчаса Гарлет внезапно поднялся на ноги. Джаро, сидевший рядом, спросил: «Куда ты?»

«В кафе».

«Я пойду с тобой».

Гарлет безразлично пожал плечами и отправился по бульвару на площадь; Джаро следовал за ним. На площади Гамбойе Гарлет остановился и посмотрел по сторонам. Ранним утром прохожих было мало. Гарлет недовольно нахмурился и пошел дальше: «На Эспланаде интереснее. Там девушки веселее, иногда даже бегают».

«Возможно, ты прав, — терпеливо сказал Джаро. — Мне, должен признаться, не удалось заметить никакой разницы».

Гарлет не удостоил его ответом. Они прошли по Эспланаде почти до самого Фондамента; наконец Гарлет выбрал кафе, полностью отвечавшее его предпочтениям. Братья сели за стол на берегу реки. Джаро заказал чай с булочками. Бросив презрительный взгляд на булочки, Гарлет с отвращением отвернулся, глядя на реку. Джаро прихлебывал чай в молчании.

Шло время. Гарлет продолжал мрачно смотреть на речную гладь. Наконец, словно

подстегнутый внезапной мыслью, он повернулся, напряженно глядя на суровую громаду Фондамента. Джаро с любопытством наблюдал за ним. Гарлет целеустремленно встал из-за стола. У него в голове явно созрел какой-то план.

Глядя на Джаро сверху вниз, Гарлет сказал: «Пойду посмотрю, что делается в Фондаменте. Ты можешь остаться здесь».

Джаро нахмурился, обернувшись к бурому строению — в прошлый раз ему удалось избежать знакомства с его внутренним устройством. Он неодобрительно заметил: «Зачем туда идти? Ты уже видел, что там делается».

«Хочу посмотреть снова. Тебе-то что? Сиди себе, пей чай».

Джаро неохотно поднялся на ноги: «Я обязан за тобой присматривать. Пойдем».

Гарлет резко отвернулся. Джаро показалось, что он улыбнулся. Гарлет направился к пандусу, ведущему в Фондамент. У основания рампы он задержался и оглянулся через плечо. Джаро запнулся от удивления: странно! На мгновение исхудавшее лицо Гарлета, со впалыми щеками и блестящими глазами, превратилось в морду хитро оскалившегося шакала. Джаро моргнул и пригляделся: поразительная иллюзия исчезла.

Гарлет тихо сказал: «Там плохо пахнет. Когда мы здесь были в прошлый раз, ты решил туда не ходить. Подожди меня тут, если хочешь».

Джаро понял, что Гарлет над ним издевается. С откровенной враждебностью было легче иметь дело; его обязанности по отношению к неисправимому — неизлечимому? — брату становились все более обременительными и в то же время расплывчатыми и бесполезными. Джаро сказал: «Если ты можешь терпеть этот запах, мне он тоже не повредит».

«О да! Я привык к вони! Одна вонь ничем не хуже другой».

Гарлет повернулся и быстро, размашистыми шагами, поднялся по пандусу. Джаро поспешил за ним. Вместе они прошли через открытый арочный проход в обширное помещение — видимо, когда-то служившее приемной или вестибюлем. Вдоль стены справа тянулись ряды покоробленных скамей, покрытых старой шелушащейся краской. Слева перегородка из толстого стекла позволяла наблюдать за производственным цехом, находившимся гораздо ниже, в чем-то вроде обширного подвала без потолка. Бросив быстрый взгляд на брата, Гарлет прошел дальше по коридору; Джаро остановился, чтобы рассмотреть происходящее внизу. Его потрясла открывшаяся перед ним необозримая пуганица массивных котлов, чанов, полупрозрачных цилиндров, изгибающихся во все стороны и переплетенных металлических и стеклянных труб и бесчисленного множества тяжеловесных преобразователей энергии — одни были подвешены на штангах с порталных кранов, установленных на рельсах, другие возвышались, словно балансируя, на узких цоколях, или громоздились рядами на ступенчатых возвышениях вдоль резервуаров со слизистой пульпой. Джаро повернулся, чтобы найти Гарлета — тот успел пройти через следующий арочный проход в конце коридора, его не было видно. Подсознательные подозрения Джаро начинали приобретать четкие очертания — он никак не мог избавиться от мысли о том, что Гарлет, возможно, готовит какой-то подвох. Джаро беспокойно поправил кобуру лучемета.

Проход в конце коридора вел в помещение, очевидно служившее некогда административным управлением — теперь в нем громоздились сваленные в кучу обломки старых столов, шкафов и стульев. Гарлета здесь не было.

Еще один арочный проход открывался в соседнюю ремонтную мастерскую,

установленную станками, манометрами и прочей аппаратурой, а также ожидавшим починки оборудованием. Гарлет стоял у двери, ведущей на балкон; за балконом, далеко внизу, виднелись резервуары и аккумуляторы подвального цеха. Распахнув дверь, Гарлет собирался выйти на сетчатое металлическое покрытие узкого балкона.

«Постой! — позвал его Джаро. — Куда ты?»

Гарлет обернулся: «Чаны-питомники — там, внизу. Если тебя интересует вонь, иди сюда, здесь здорово воняет».

«Нет уж, спасибо, — отозвался Джаро. — Я этот запах и отсюда чувствую».

«А! По-настоящему пахнет только здесь, на балконе, сюда поднимаются пары».

«Как-нибудь в другой раз, — отказался Джаро. — Я не знаток неприятных запахов».

Гарлет поразмышлял, после чего спросил: «Разве тебя не интересует процесс выращивания сейшани?»

«Я видел все, что здесь можно увидеть, через стекло в вестибюле. Меня изумляет, что вся эта система еще работает. Местные техники либо мастера своего дела, либо сумасшедшие».

Гарлет повернулся, чтобы взглянуть на старую аппаратуру в мастерской: «Я не понимаю эти устройства». Он протянул руку, указывая на станок, покрытый разводами окалины: «Что это?»

«Позитронный сварочный аппарат. Он излучает позитроны; там, где они соударяются с материалами, тепло, вызванное аннигиляцией, сплавляет и соединяет детали».

Джаро объяснил функции нескольких других механизмов.

Гарлет обратил внимание на верстак: «А это что? Какие-то странные штуки».

«Это ручные инструменты. Вот трубный ключ, им захватывают и свинчивают трубы. Там, на стене, висит форматор. Лапчатая железная палка — просто-напросто монтировка. Вот стамески и зубила, с лезвиями из синтетического материала, горголия. Они никогда не затупляются».

«А это что, вон там?»

«Прибор для измерения механических напряжений».

Гарлет с подозрением уставился на брата: «Откуда ты все это знаешь?»

«Я несколько лет работал в ремонтной мастерской на космодроме Танета».

«Неважно. Хочешь присесть? Я хочу сообщить тебе о моих планах».

Джаро прислонился к верстаку: «Говори, но покороче — нам нужно возвращаться в Карлеон».

«Я сразу перейду к делу. Мои планы бесповоротны, в связи с чем, пожалуйста, не предлагай никаких изменений, — Гарлет говорил спокойно, тоном преподавателя, разъясняющего прописные истины. — Идеи, о которых ты услышишь — не пустые измышления. Их логика проистекает из неоспоримых первичных истин и позволяет безошибочно определять объединяющую силу, управляющую всеми событиями во Вселенной. Я говорю, разумеется, о равновесии. Любая система, лишенная равновесия, рухнет. Законами динамического равновесия — то есть справедливости — регулируются все события и явления, большие и малые, близкие и далекие. Эти законы применимы в отношении любого отдельно взятого этапа существования».

«Да-да, очень любопытно, — сказал Джаро. — Через некоторое время мы снова обсудим этот вопрос, а теперь пора возвращаться в Карлеон».

«Подожди!» — поднял руку Гарлет. Он стоял, сурово выпрямившись и расправив плечи,

его глубоко запавшие глаза горели, на бледных щеках проступили розоватые пятна: «Обсуждаемый принцип имеет непосредственное практическое применение. Он применим в отношении системы, включающей меня и тебя. Многие годы равновесие было нарушено, и теперь система находится в неустойчивом состоянии».

«Здесь не время и не место рассуждать о диалектике, — возразил Джаро. — В любом случае, твои идеи отражают твои личные представления, а не мои. Они не имеют никакого отношения к устройству Вселенной или к универсальному принципу справедливости. Повторяю, сейчас у нас нет времени спорить на эту тему. Пойдем отсюда — меня уже тошнит от этого запаха».

Глаза Гарлета пылали: «Молчи! Слушай внимательно! Существует неравновесие: такова предпосылка. Необходимо развить эту идею. Ты меня слышишь?»

«Да-да, развивай свою идею».

Гарлет принялся расхаживать взад и вперед по мастерской: «В начале начал Джаро и Гарлет были едины, существовало равновесие. Затем возник раскол, все изменилось. Жалость и стыд раздавлены, сокрушены неумолимой пятой! Джаро повелевал единственным, преобладающим «я». Несчастный Гарлет превратился в комок, сжавшийся в темноте, у него не осталось даже местоимения, чтобы отождествить себя. Он превратился в ничто: в едва мыслящую протоплазму, в порождение мрачных подземелий, в существо, способное лишь сознавать, что оно почему-то еще живет. Так проходили годы. С медлительностью ползущего ледника порождение мрака развивалось. Гричкин Шим скучал и болтал беспрестанно; протоплазма усваивала идеи и возможности их передачи. Шим назвал имя существа и упомянул некоторые подробности его происхождения — Шим любил хвалиться своими познаниями. Он говорил обо всем на свете — о том, что действительно понимал, и о том, о чем не имел никакого представления. Благодаря Шиму Гарлет узнал, что такое голод и жажда, что такое злобная, мучительная месть. От Олега он узнал, что такое страх и боль. Из внутренней искры возгорелся разум. Ты и я, мы сделаны из одного теста, между нами существовал резонанс. Я научился наблюдать из мрака! Я понял, что такое неутолимая тоска, я проникся алчностью, ощущая твою радость, твое пресыщение удовольствиями жизни. В тоске и в отчаянии я звал тебя, но ты только крепче держался за свои преимущества и отталкивал непрошеного двойника.

В конце концов судьба мне улыбнулась — внезапно наступила эпоха возмездия. Мы останемся в Ромарте; ты обязан стоически смириться с этим планом, хотя с этих пор тебе придется подчинить свои радости моим. Прежде всего нам нужно привлечь симпатию обворожительных красоток, в изобилии гуляющих по улицам».

Джаро горько рассмеялся: «Гарлет, посмотри в лицо действительности! Твои представления нелепы. Мы покинем Ромарт сегодня после полудня. Тебе придется привыкнуть к этой мысли».

«Нет! Ты неправ! Ты останешься здесь, со мной. Почему? Потому что для восстановления справедливости необходимо равновесие! Я имею право на утешение! Для восстановления равновесия тебе, может быть, придется даже провести время в темнице, чтобы доказать искренность твоего раскаяния. А я возьму на себя роль Шима — это меня несказанно порадует, и мы будем продолжать в том же духе, пока не согласимся с тем, что равновесие восстановлено».

Джаро слушал с испугом. Гарлета не обязательно следовало считать сумасшедшим: согласно принципам его собственной Вселенной он был даже по-своему мудр, но за

пределами четвертого подземного этажа и кромешного мрака тщательно разработанные им принципы, отточенные им умственные навыки были бесполезны. Хуже, чем бесполезны — опасны для окружающих.

Джаро спокойно и тихо произнес: «Гарлет, поверь мне — это чистая правда — я никогда не причинял тебе зла и не могу нести ответственность за то, в чем я совершенно не виноват. Я помогу тебе в той мере, в какой это возможно — но прежде всего пойми, что я не останусь с тобой в Ромарте. Я хочу, чтобы ты уехал с нами — может быть, на Галлингейл — там ты сможешь начать новую жизнь».

Гарлет самодовольно смеялся: «Пора! Посоветуйся с яхами! У тебя есть выбор — точнее говоря, раздвоение путей судьбы! Теперь, сию минуту, ты обязан сделать выбор: подчинишься ли ты моей воле или снова попытаешься мне препятствовать? Если ты решил мне препятствовать, это твое последнее решение — мое терпение истощилось!»

«Гарлет! Опомнись!»

«Пришло время принять решение. Явился важнейший яха из всех. Так что же — какой путь ты выберешь? Налево или направо? Да или нет? Жизнь или смерть?»

Гарлет напряженно следил за братом. Через некоторое время он воскликнул: «Решение принято, терпению конец! Ты выбрал смерть — быть посему!»

Величественный и серьезный, Гарлет подошел к верстаку и взял монтировку; взвесив металлический лом и проведя по нему рукой, он удовлетворенно кивнул, словно говоря: «Да, это подойдет как нельзя лучше!» После этого он повернулся к Джаро — тот направил на него лучемер.

«У меня в руке мощный лучемер, — сказал Джаро. — Во мгновение ока он может превратить тебя в трескучее облако пепла».

«Конечно, — согласился Гарлет. — Но я запрещаю тебе пользоваться оружием. Отдай его мне!» Гарлет шагнул вперед, протянув руку.

Джаро отступил, думая: «Может быть, мне удастся с ним справиться, не применяя оружие, даже если он станет драться ломом — надеюсь, мне не придется его убивать». Джаро засунул лучемер за пояс: «Гарлет, положи лом на место, и давай уйдем отсюда».

«Нет. Я останусь тут. Внизу ходят гричкины — они будут приносить мне холодную кашу и вяленую рыбу». Гарлет снова приблизился к Джаро, готовый нанести удар. Джаро собирался уклониться, схватить Гарлета за руку и выкрутить лом. Гарлет расплылся в улыбке: «Я вижу, что у тебя на уме!» Продолжая держать лом правой рукой, левой он схватил измеритель механических напряжений и швырнул его брату в лицо. Металлический корпус ударил Джаро в нос, на мгновение оглушив его и заставив слегка потерять равновесие. Гарлет величественно размахнулся и нанес удар — Джаро отшатнулся, и лом обрушился ему на плечо, а не на голову. Джаро отбежал назад на несколько шагов, пытаясь удержаться на ногах, и повалился на спину в дверном проеме, стукнувшись головой о металлическую сетку балкона. Гарлет подошел к двери и встал над Джаро, расставив ноги, как статуя мстительного колосса. Он неторопливо занес лом; Джаро судорожно пытался вытащить из-за пояса лучемер — Гарлет пинком выбил оружие у него из руки. Лучемер упал на сетчатый металл балкона. Монтировка снова поднялась и опустилась с такой силой, что у Гарлета выпучились глаза от напряжения. Джаро лихорадочно откатился в сторону — лом звонко ударился о твердую металлическую сетку и выскочил из руки Гарлета. Джаро пытался достать лучемер правой рукой; его левая рука не двигалась — плечо было сломано. Громко шипя сквозь зубы, Гарлет бросился вперед и с воплем вырвал лучемер из пальцев

уже схватившего его брата.

Теперь Гарлет стоял, направив лучемет на Джаро, лежавшего поперек порога двери, выходящей на сетчатый металлический балкон. «Итак, последняя консультация с яхами, — говорил Гарлет. — Когда тебя прикончить? Когда я досчитаю до пяти? Или лучше подчиниться внезапному порыву?» Гарлет размышлял, слегка улыбаясь наслаждению убийственного выбора: «Будь что будет! Такова сущность ях! Но прежде всего — еще вопрос: куда выстрелить? В голову или в грудь? Или пусть лучемет сам выбирает? А! Волнующий момент неопределенности — всепобеждающие яхи в действии!»

Братья неподвижно смотрели друг на друга. «Напряжение растет! — воскликнул Гарлет. — Оно ширится, как пузырь, пузырь вот-вот лопнет!»

«Гарлет, подумай, что ты делаешь! — закричал Джаро. — Я твой брат! Я приехал, чтобы тебя спасти!»

Гарлет усмехнулся: «Тебе ничто не поможет! Моя боль неупокоима. Пора!» Его голос дрожал от возбуждения: «Я нажимаю на курок! Я стреляю!»

Как только палец Гарлета прикоснулся к курку, Джаро стремительно откатился в сторону. Голубая молния пронеслась мимо его головы вниз, поразив цоколь, поддерживавший высокий медный резервуар. Резервуар опрокинулся на преобразователь энергии, взорвавшийся от удара. Осколки стеклянных труб со звоном посыпались на пол.

Гарлет ничего не замечал. Поджав губы, он выстрелил снова в тот момент, когда Джаро пнул его по ногам. Гарлет взмахнул рукой, чтобы устоять, и голубой разряд пронесся по веренице установленных внизу трансформаторов — охваченные пламенем, они взрывались один за другим. Под балконом в ужасе кричали гричкины; где-то еще ниже раздавался визг белых призраков.

Не обращая внимания на шум и взрывы, Гарлет шагнул вперед и выстрелил в третий раз — Джаро едва успел спрятаться за стойкой металлической фермы. На этот раз голубой разряд поразил гигантский центробежный сепаратор, расколовшийся и обвалившийся на резервуары с пульпой. Стенки резервуаров смялись, их содержимое стало с шумом выливаться наружу. По всему подвальному этажу Фондамента трещало пламя, разлетались фейерверки искр. Гарлет наконец осознал причиненное им ужасное разрушение. Сжимая в руке лучемет, он с удивлением смотрел на происходящее под балконом.

Джаро приподнялся на колени, подобрал валявшийся рядом лом и с трудом выпрямился. Гарлет снова повернулся к нему, спокойный и уверенный в себе. Джаро ткнул монтировкой ему в лицо. Гарлет издал яростный вопль и отшатнулся, наткнувшись нижней частью спины на поручень балкона. Он поднимал лучемет. Не мешкая, Джаро развернулся и огрел его ломом по голове. Размахивая руками, Гарлет потерял равновесие и перевалился через поручень. Кувыркаясь в воздухе, он упал в лужу горящих реактивов, несколько раз дернулся и затих.

Тяжело дыша, Джаро с ужасом и жалостью смотрел вниз, на почерневшее тело брата. Все было кончено, он больше ничего не мог сделать. Повернувшись, Джаро выбежал из Фондамента и поспешил в Карлеон; у него за спиной в небо поднимались клубы черного дыма.

Только через несколько часов роумы осознали, что случилось в Фондаменте. Даже тогда последствия происшедшего лишь постепенно становились очевидными. На площади Гамбойе собралась толпа потрясенных горожан, понимавших теперь, что в этот день, без предупреждения, весь уклад их жизни был безвозвратно нарушен. Всюду задавали одни и те же вопросы: что произошло? Насколько непоправимы повреждения? Правда ли, что производство сейшани прекратится?

Справиться с действительностью было нелегко. Предстояли постепенные перемены по мере сокращения численности безропотной прислуги и возникновения множества повседневных проблем и неудобств. Приходилось прощаться с великолепными карнавальными процессиями, с роскошными пирами, с изящными нарядами — кроме тех, какие удалось бы сохранить и починить. Примерно через двадцать, от силы тридцать лет последние сейшани должны были вымереть, а неподражаемые традиции роумов — превратиться в легенду, живущую лишь в памяти потомков.

Перспективы не вызывали энтузиазма. Роумам предстояло либо трудиться, чтобы обеспечить свое существование на Отмире, либо мигрировать, переселившись на планеты Ойкумены, где им тоже пришлось бы работать. Через пятьдесят лет всем дворцам Ромарта суждено было превратиться в заброшенные памятники былой славы, а озаренным лунами садам — радовать взоры одних призраков-домовых. Беспокойная толпа на площади Гамбойе становилась все мрачнее по мере того, как неизбежность наполняла сердца холодным отчаянием.

Мало-помалу стало известно, что катастрофу причинили инопланетяне. Роумы пришли в дикую ярость. Если бы Джаро, Скирль или Мэйхак оказались под рукой, им пришлось бы худо. Но к тому времени «Фарсанг» уже улетел далеко в космос, направляясь к системе Чайной Розы.

В тот судьбоносный день, вскоре после полудня, Мэйхак совещался с Комитетом избранных в большом зале дворца Карлеон. Джаро только что вернулся и рассказал об ужасных событиях в Фондаменте, в связи с чем на долю Мэйхака выпала неприятная обязанность уведомить Комитет о катастрофе. Он сделал это немногословно, ограничившись шестью короткими фразами.

Десять сановников побледнели, воззрившись на Мэйхака широко раскрытыми глазами, и на некоторое время потеряли дар речи. Многие вскочили на ноги. Послышались сбивчивые попытки что-то переспросить, хриплые восклицания, выражавшие испуганное потрясение. Затем, словно охваченные общим порывом, члены Комитета бессильно опустились в кресла. Фондамент был уничтожен — воспроизводство сейшани прекратилось, и перед Ромартом открывались трудные и безрадостные перспективы.

Мэйхак наблюдал за тем, как десять роумов переваривали поразительную новость — захотят ли они теперь выслушать его мнение? Теперь его рекомендации имели еще большее значение, чем прежде, теперь он обязан был выступить, даже если для этого пришлось бы преодолеть вероятное сопротивление. Новая идея пришла ему в голову — Мэйхак еще не знал, разумно ли было предложить ее вниманию Комитета. Идея эта могла вызвать возмущение, но даже если бы роумы пришли в ярость и попытались напасть на него, у Мэйхака был с собой карманный лучемер, и он собирался покинуть Ромарт скорее, чем через час. В худшем случае его могли подвергнуть унижительным оскорблениям, называя выскочкой, глупцом, вульгарным животным, мошенником-чужеземцем. Брань, как известно, на воротах не виснет.

Мэйхак поднял руку, призывая собравшихся к вниманию: «Уважаемые господа, я сочувствую вашему огорчению, но у меня мало времени, и я должен выступить с важным заявлением. Обойдемся без лишних церемоний, и не ожидайте от меня утешительных известий».

Первоначально мы намеревались обсудить постепенное разложение Ромарта и открывающиеся перед городом неутешительные перспективы. Насколько я понимаю, вы хотели, чтобы я предложил конструктивные методы решения этих проблем. После того, что произошло сегодня в Фондаменте, эти проблемы стали еще более насущными, так как вам больше нельзя надеяться на их постепенное преодоление. Хотите вы этого или нет, вам предстоит трудные перемены и нарушение привычного распорядка жизни.

В данный момент эта мысль может вам показаться дикой и враждебной, но я хотел бы все же указать на тот факт, что катастрофа в Фондаменте может в каком-то смысле открыть перед вами спасительную возможность предотвращения долгосрочных бедствий. Теперь вы больше не можете затрачивать десятилетия на размышления и обсуждения — вам придется действовать безотлагательно».

Один из грандов обрел дар речи: «Безотлагательные действия легко рекомендовать, но их трудно планировать и координировать».

«Согласен! — отозвался Мэйхак. — Позвольте предложить несколько практических возможностей».

Прежде всего, все население Ромарта может эмигрировать на другие планеты. Это

очевидная концепция, но, по всей вероятности, наименее привлекательная, так как последствия такой миграции непредсказуемы, а удовлетворительный уровень жизни может быть достигнут эмигрантами только по прошествии нескольких поколений.

Во-вторых, не менее очевидный вариант заключается в том, что роумам придется трудиться, выполняя обязанности, до сих пор выпадавшие на долю работников-сейшани. Я понимаю ваше врожденное отвращение к физическому труду, но на самом деле он не так неприятен, как вы себе представляете, особенно если применяются современные методы сельского хозяйства и новейшее оборудование, в том числе синтезаторы материалов.

В-третьих, есть возможность расширения экспорта. Асрубал продемонстрировал возможность извлечения существенных прибылей, но вам придется заняться развитием торговли. Лучше всего было бы, если бы вы отправили группу молодых людей учиться в коммерческие школы Ойкумены.

Наконец, нельзя забывать о туризме. Если превратить некоторые заброшенные дворцы в отели, Ромарт может стать средоточием прибыльной туристической индустрии. Средства, полученные от туристов, позволили бы вам продолжать экстравагантную жизнь аристократов, посвятивших себя изящным искусствам и ритуалам Древнего Ромарта. Вы продолжали бы носить роскошные костюмы и следовать правилам изысканного этикета. При этом, однако, вы больше не сможете обращаться с чужеземцами нагло и высокомерно. Само собой, для развития туризма потребуются вложение крупного капитала».

«К сожалению, — вмешался Ардриан, — в нашем распоряжении нет достаточно крупного капитала».

«Вы конфисковали у Асрубала больше миллиона сольдо. Это неплохо для начала, хотя, конечно, далеко не достаточно. Дальнейший капитал могут предоставить банки или, что еще лучше, частные инвесторы, способные осуществлять проекты на основе своего опыта. Мне известен по меньшей мере один человек, располагающий большим состоянием; он мог бы заинтересоваться проектом такого рода. Это трезвый, практичный, волевой бизнесмен. Он может показаться неприятным, но он не вор и не мошенник и поддается убеждению перед лицом фактов. Я покидаю Ромарт через несколько минут. Я могу перевезти на «Фарсанге» группу делегатов, чтобы они встретились с этим капиталистом. Если он заинтересуется развитием туризма в Ромарте — а я думаю, что это вполне вероятно — он заключит контракт с представителями Ромарта, то есть подпишет документ, определяющий права и преимущества каждой из сторон. Он потребует внедрения перемен. Например, он привезет с собой профессиональных истребителей паразитов, чтобы они избавили город от призраков-домовых. В том, что касается локлоров, по некотором размышлении вы можете решить, что кочевники-мутанты в каком-то смысле придают Отмиру неповторимый характер; предоставьте им возможность свободно блуждать по степи Тангцанг — с тем условием, конечно, чтобы туристов не заставляли плясать с бабами.

Заручившись достаточными финансовыми средствами, вы сможете заменить сейшани обычной платной прислугой — как именно вы это сделаете и кого вы будете при этом нанимать, в данный момент не могу себе представить.

На этом мои конструктивные предложения исчерпаны. Если вы считаете мое последнее предложение достаточно разумным, выберите делегатов сейчас же. Повторяю: они должны быть готовы к немедленному отлету, так как я не желаю оставаться здесь до тех пор, когда во дворец ворвется толпа, жаждущая моей крови».

Вернувшись в Танет и прибегнув к намекам на таинственные прибыльные возможности, Мэйхак смог заручиться согласием Гильфонга Рюта отужинать с ним в таверне загородной гостиницы «Голубая луна». Им подали аперитивы, но Рют отказывался даже взглянуть на меню, пока Мэйхак не объяснит характер предлагаемой сделки: «Время — деньги. Я здесь не для того, чтобы обмениваться любезностями, а преимущества кухни «Голубой луны» меня мало интересуют. Будьте добры, перейдите прямо к делу».

«Не беспокойтесь, — ответил Мэйхак, — я все объясню. Тем временем, попробуйте эту настойку. Она называется «Щекотун № 2» — я передал здешнему бармену особый рецепт ее приготовления».

Рют попробовал: «Да, это освежает. А теперь перейдем к небывалым откровениям, на которые вы намекали — без дальнейших дымовых завес и отвлекающих маневров. Говорите».

«Ладно, если вы так настаиваете, — вздохнул Мэйхак. — Хотя мне нравится привлекать внимание таинственной неизвестностью». Он открыл небольшой чемоданчик, вынул из него том в кожаном переплете и положил на стол перед Рютом: «Просмотрите эту книгу, пожалуйста».

Рют пролистал несколько страниц — сначала безразлично, затем с возрастающим интересом: «Не могу разобрать текст, но иллюстрации поражают воображение. Удивительно детальные рисунки! По сути дела, это, скорее всего, факсимиле музейного экспоната». Он снова взглянул на первые страницы, после чего недоуменно поднял глаза: «Не вижу упоминания об издательстве. Вообще никаких коммерческих данных».

«Это объясняется очень просто, — сказал Мэйхак. — Каллиграфический текст выполнен вручную автором иллюстраций. Ее звали Захамилья дин-Торрес; эта книга — автобиографический документ, отображающий всю ее жизнь. Никаких копий не существует, книга никогда не воспроизводилась в коммерческих целях. Это уникальный экземпляр».

Рют изучал страницы: «Гм!» Он внезапно посмотрел Мэйхаку прямо в глаза: «Изображенные места существуют? Или это фантазии?»

«Существуют. Я провел в тех местах немало времени».

Рют кивнул и, старательно изображая безразличие, спросил: «И где же находятся эти места?»

«А! Вы хотите, чтобы я раскрыл тайну! — Мэйхак улыбнулся. — Это затерянный мир».

Рют продолжал перелистывать книгу: «Странно! Удивительно! Зачем вы показали мне этот манускрипт?»

«Это трудно объяснить в двух словах. Давайте закажем ужин, и я расскажу вам все, что знаю».

За ужином и впоследствии Мэйхак продолжал называть Отмир не иначе как «Затерянным миром». Он сообщил Рюту, что планета, конечно, называлась по-другому: «В данный момент, однако, я не хотел бы, чтобы этот мир можно было легко найти».

Рют слушал его бесстрастно, но с интересом.

Мэйхак продолжал: «В Затерянном мире — единственный большой город, чрезвычайной древности. Многие его старинные дворцы заброшены, хотя они построены

настолько добротны, что при желании и при наличии средств их можно преобразовать в туристические отели самой роскошной категории. Этот город отличается и другими любопытнейшими особенностями, в том числе — как вы уже могли убедиться собственными глазами — единственной в своем роде цивилизацией, развитой и сложной. Путешественники и туристические агентства со всех концов Ойкумены будут стремиться посетить Затерянный мир во что бы то ни стало».

Рют разглядывал Мэйхака из-под полуприкрытых век: «И почему вы мне это рассказываете в таких подробностях?»

«Для развития туристической индустрии в Затерянном мире требуется большой капитал. В вашем распоряжении имеется такой капитал — я подумал, что вас может заинтересовать подобный проект».

Рют поразмыслил, после чего спросил: «Какова ваша личная заинтересованность в этом проекте? Короче говоря, что вы приобретаете?»

«Насколько я понимаю, мне самому проект не сулит никаких выгод. Но я привез делегацию представителей Затерянного мира, и вы сможете иметь дело непосредственно с ними».

«Гм! Значит, вы не требуете никаких комиссионных, никакого посреднического гонорара?»

«Ничего. Договаривайтесь с делегатами сами. Я не намерен возвращаться в Затерянный мир».

«Гм... Подозрительное донкихотство, — Рют снова пролистал лежавшую перед ним книгу. — Правильно ли эти иллюстрации отражают состояние дворцов?»

«Действительность превосходит способности художников». Рют просматривал рисунки. Мэйхак продолжал: «Могу представить себе, что вы столкнетесь с тремя возможными препятствиями. Обитатели города — аристократы, не допускающие того, что они называют «вульгаризацией». Они гордятся своими традициями, и для того, чтобы иметь с ними дело, необходимо вести себя с исключительным тактом».

«Не вижу проблемы. Дальше?»

«Во-вторых, многие из покинутых дворцов кишат человекообразными паразитами; их называют «домовыми» или «белыми призраками». Это опасные каннибалы, живущие в туннелях и подземельях и выходящие на поверхность, как правило, только по ночам. Их необходимо уничтожить».

Рют усмехнулся: «Это можно сделать — постольку, поскольку мне не придется заниматься этим самому».

«В-третьих, что на самом деле не так уж важно — скорее, это причудливая особенность ситуации, нежели настоящая проблема — по степям Затерянного мира бродят дикие кочевники-мутанты. Они норовят нападать на чужеземцев, и их придется приучить к строгой дисциплине».

Рют кивнул: «Что-нибудь еще?»

«Можно предвидеть множество незначительных осложнений, конечно. Если вы заинтересуетесь, вам было бы полезно лично посетить этот город».

«Верно».

«Значит, вы заинтересованы?»

«Думаю, что да. Достаточно, чтобы взглянуть на вещи своими глазами».

«В таком случае нужно подготовить первоначальную договоренность — или контракт,

если хотите — чтобы предотвратить бесконтрольные действия с вашей стороны после того, как вы узнаете местонахождение Затерянного мира. В противном случае ничто не помешало бы вам отправить на эту планету многочисленный контингент, действующий исключительно в ваших интересах».

Рют удрученно улыбнулся: «По-видимому, вы сомневаетесь в моей добросовестности».

«Вы богаты, — пожал плечами Мэйхак. — Великодушие и благожелательность не позволяют разбогатеть. Не сомневаюсь, что у вас за плечами целая вереница противников и конкурентов, оставленных в пыли».

«Мягко выражаясь, — кивнул Рют. — В данном случае, однако, можете не беспокоиться. Я постараюсь вести себя наилучшим образом».

«Рад слышать! — откликнулся Мэйхак. — Опять же, позвольте подчеркнуть, что жители Затерянного мира могут вызывать раздражение причудливыми привычками и понятиями. Они считают себя элитой Вселенной, а чужеземцев-инопланетян — невежественной деревенщиной и вороватыми пошляками».

Рют отмахнулся: «Мне пришлось иметь дело с «Устричными кексами» и «Кванторсами». Теперь я ко всему готов».

Мэйхак не мог не согласиться: «Высокопарные недотроги примерно того же рода. Вы не соскучитесь. Завтра пригласим юристов и подготовим предварительный договор. После этого все будет зависеть от вас».

Гильфонг Рют вылетел из Танета на Отмир, в город Ромарт, в сопровождении делегации роумов и группы профессиональных консультантов. Мэйхак предупредил Морлока, Ардриана и прочих делегатов о том, что в процессе согласования окончательного договора с Рютом обеим сторонам следовало тщательно продумать и сформулировать каждое, самое незначительное условие, по возможности не допуская никаких расхождений при истолковании текста.

Кроме того, Мэйхак посоветовал подготавливать окончательный договор с Рютом не в Ромарте, а в Танете, где роумы могли бы сами нанять юристов, представляющих их интересы.

Наконец, Мэйхак порекомендовал роумам бдительно охранять содержимое их дворцов: «Книги, украшения, произведения искусства — все это сдует, как ветром, если вы не примете особые меры предосторожности. Туристам нельзя доверять; самый порядочный турист напрочь забывает о совести, когда ему хочется добыть сувенир».

Пока Мэйхак занимался делами роумов, Джаро и Скирль бродили по Танету, где все казалось им одновременно знакомым и странным. Приют Сильфид снесли; в Сассунском Эйри жила другая семья, высоко взобравшаяся по ступеням социальной иерархии — глава семьи был вхож в избранный круг «Лемуров», а его супруга заседала в комитете «Сассельтонских тигров».

Джаро решил заглянуть в бывшие кабинеты Фатов в Институте, а Скирль отправилась куда-то по своим делам. Вернувшись, она кипела от возбуждения: «Я изучила устав «Устричных кексов» и посоветовалась с несколькими членами комитета. Они согласились с тем, что я могу назначить тебя «условным кандидатом в члены клуба» — это особый титул, предлагаемый «устричными кексами» супругам постоянных членов, чтобы их можно было без смущения представлять новым знакомым. Голосование будет почти автоматическим: но сперва нам придется официально пожениться».

«Что? — воскликнул Джаро. — Вот так, ни с того ни с сего, я превращусь в женатого «устричного кекса»?»

«Это не так страшно, как кажется. Кроме того, мне так хочется».

«А! Ну ладно, почему нет?»

«Наше бракосочетание состоится завтра, в святилище «Устричных кексов». Это важное событие».

На свадьбу Джаро явился в парадном темном костюме — в нем ему было тесно и неудобно. Скирль надела длинное белое платье и тиару, украшенную белыми цветами. С точки зрения Джаро, она выглядела неотразимо — возможность на ней жениться наполняла его чувством благодарности судьбе. Он представил себе Ланголенскую гимназию, где впервые повстречал Скирлет Хутценрайтер. Усмехаясь, он вспомнил о надменно-безразличных повадках юной Скирлет, вызывавших у сверстников не находящую выхода ярость, зависть и почтение; теперь, однако, эти повадки казались не более чем очаровательными причудами. Умная, смелая, обворожительная маленькая воображуля, Скирлет Хутценрайтер! Когда-то он поклонялся ей на расстоянии, а теперь он на ней женился! Что и говорить, порой жизнь преподносит человеку чудесные сюрпризы. «Надо

полагать, яхи так-таки приняли решение в мою пользу», — подумал Джаро, пообещав себе подвергнуть эту мысль дальнейшему рассмотрению на досуге.

Скирль тоже вспоминала прошлое. «Все это было так давно!» — сказала она.

Джаро с сожалением пожал плечами: «Тогда мир был другим. Теперь он мне больше нравится».

Скирль сжала ему руку и положила голову ему на плечо: «Подумать только! Мы вернулись из древнего Ромарта, и теперь нам принадлежит «Фарсанг»! У нас столько возможностей!»

Они отпраздновали свадьбу в компании Нейтцбека и Мэйхака в таверне «Голубой луны». Перед ужином они сидели в баре, отдавая должное мягкому золотистому вину с восточных холмов за окраиной Танета.

Скирль объявила: «Сегодня важный день, но для Джаро он важнее всего, потому что теперь он — «устричный кекс», персоне с исключительным, высшим возможным статусом! Причем он более чем заслуживает этой чести!»

«Не следует преувеличивать, — скромно отозвался Джаро. — Потрудись взглянуть на текст, напечатанный мелким шрифтом над нижней рамкой моего клубного свидетельства. Там написано: «Условный кандидат»».

«Несущественная деталь! — отмахнулась Скирль. — «Устричный кекс» — это «устричный кекс», здесь и во всей Вселенной!»

«Конечно, это лучше, чем слыть профаном, — признал Джаро. — Думаю, что Хильер и Альтея Фаты тоже порадовались бы моему новому титулу».

«Не сомневаюсь! Думаю, что мой отец, однако, выразил бы сомнения в мудрости моего выбора спутника жизни», — заметила Скирль.

«Ничего, зато я тобой горжусь без всяких сомнений!» — заявил Мэйхак.

Нейтцбек, обычно предпочитавший не демонстрировать эмоции, привстал, нагнулся над столом и пожал Джаро руку: «Я тоже по-своему горжусь таким учеником. По сути дела, мне приятно оказаться в столь выдающейся компании».

Мэйхак заказал еще бутылку вина: «Прежде чем мы возгордимся до того, что перестанем держаться на ногах, нам следует подумать о том, что делать дальше. У нас есть большая сумма денег, а трюм нашего корабля забит ценными книгами — за них тоже дадут большие деньги».

«Где ты хочешь продать эти книги?» — спросил Джаро.

«Думаю, наибольший интерес они вызовут на аукционах Древней Земли. Там предложат самую высокую цену, особенно если удастся окружить эти жизнеописания романтической, таинственной атмосферой».

«Разумный план, — одобрил Джаро. — Но сначала нам следует рассчитаться. Деньги, полученные в Натуральном банке в Окноу, представляют собой возмещение за потерю «Дистилькорда» и должны быть разделены между тобой и Гэйнгом. Поступления от продажи книг можно поделить на четверых; в результате каждый получит кругленькую сумму. Кроме того, у меня остался доход от сбережений Фатов».

Нейтцбек возразил: «В данный момент я не хотел бы иметь на руках большие деньги. Лучше положить их на сберегательный счет, которым сможет пользоваться каждый из нас, и пусть на них начисляются проценты. У такой системы есть существенное преимущество. Если одного из нас убьют, оставшиеся в живых смогут без труда поживиться его долей».

«Мрачная, но практичная идея», — согласился Мэйхак.

«Пожалуй, можно сделать и так, — отозвался Джаро. — В любом случае никто из нас не умудрится потратить все эти деньги, если окончательно не сойдет с ума».

«У меня тоже нет возражений, — сказала Скирль. — Кроме того, с моей стороны было бы глупо не согласиться с большинством, не так ли? Хотя я надеюсь, что никого из нас не убьют».

«Ладно, — заключил Мэйхак. — Завтра оформим в банке устав доверительного фонда. После этого, насколько я понимаю, нас больше ничто не удерживает на Галлингейле, и мы сможем, наконец, беспрепятственно делать карьеру презренных бродяг и торгашей».

««Фарсанг» готов, — заметил Нейтцбек. — Я проверил системы и пополнил запасы. Как только все будут на борту, можно отчаливать».

Скирль начала было что-то говорить, но передумала и продолжала сидеть молча, пробуя вино и слушая, как ее компаньоны обсуждают неизведанные и малоизвестные уголки Ойкумены. У нее слегка кружилась голова, мысли разбегались. Впереди ждала жизнь, полная событий и приключений, ярких цветов, экзотических ароматов, причудливых обычаев и чудесных пейзажей. В далеких тавернах, на рынках незнакомых планет они найдут редкостные вина, незнакомые пряности, продукты настолько странные, что их, может быть, не захочется пробовать. Она услышит неожиданную, заранее не поддающуюся представлению музыку — то сладостно завораживающую и тихую, то дикую, лихорадочную и возбуждающую. Их могли ожидать, конечно, неприятности и трудности — например, не каждый пассажир отличается покладистым характером. Кого-нибудь могло укусить ядовитое насекомое. Но прежде всего, конечно, следовало опасаться людей — даже если опасность была связана не более чем с дракой в каком-нибудь портовом баре Запределья.

Джаро наблюдал за ней: «Ты задумалась. О чем?»

«О разных вещах».

«Например?»

«Мне приходят в голову странные мысли. Когда-то я хотела стать следователем-исполнителем и зарабатывать большие деньги, проницательно распутывая загадочные преступления, не поддающиеся пониманию обычных смертных».

«Тебе ничто не мешает этим заняться — если нам повстречаются загадочные преступления и тебе захочется их распутать».

Слегка улыбнувшись, Скирль покачала головой: «На Галлингейле, где я понимаю побуждения и отношения людей, может быть, я еще смогла бы выслеживать преступников. На других планетах у людей другие представления, верования, обычаи, устремления. Повстречавшись с Гарлетом, я больше не хочу иметь дело с ненормальными, склонными к насилию. Кроме того, теперь я замужем, у меня есть состояние, и мне незачем зарабатывать себе на жизнь».

«Отсутствие такой необходимости приятно сознавать», — заметил Мэйхак.

Скирль продолжала: «И все же, я не хочу бродяжничать вечно — по меньшей мере, не хочу только бродяжничать. Когда-нибудь я куплю сельский дом — может быть, на Галлингейле, а может быть и на Древней Земле — где мы сможем вырастить семью, где Гэйнг и Тоун смогут гостить, сколько захотят. Таким образом у всех нас будет какая-то база, куда мы всегда сможем вернуться и откуда, как только у нас будет подходящее настроение, мы всегда сможем улететь на «Фарсанге», вместе с детьми, к далеким неизведанным мирам. То есть мы сможем не только бродяжничать, но и подавать хороший пример детям. Как ты думаешь, Джаро?»

«Думаю, что это прекрасный план. Так что же — закажем еще вина? Или пора подумать об ужине?»

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Джаро не помнит своего прошлого — умирающего от побоев ребенка, его нашла, находясь на другой планете, и усыновила бездетная супружеская пара исследователей из института на Танете, но подрастающий Джаро не может чувствовать своим человеком в обществе Танета, где все подчинено стремлению к приобретению высокого статуса.

Его приемные родители погибают в результате взрыва, устроенного страдающим манией величия террористом, и Джаро Фат отправляется на поиски своего истинного происхождения — ему предстоит преодолеть много опасностей в мире, затерянном на краю Галактики, и погрузиться в запретные глубины прошлого.

Перевод Александра Фета

Запредельники: люди, неспособные вписаться в общепринятые рамки поведения. В качестве социальной категории «запредельники» не поддаются точному определению; предлагался термин «бродяги-мизантропы», но он не вполне отражает разнообразие характеров и судеб этих нелюдимых странников.

В ранних хрониках утверждалось, что все три статуи изображали одного и того же человека, легендарного юстициария и законодателя Давида Александра, в трех типичных позах: вызова в суд с целью вынесения приговора, усмирения толпы и принуждения к справедливости. В последней позе судья Александр держал в занесенной руке топор с короткой рукояткой и широким лезвием в форме полумесяца — возможно, не более чем объект церемониального назначения.

См. ниже примечание, посвященное социальному статусу на Галлингейле.

Наименование этого обряда можно точнее перевести с местного наречия как «вызов завоевателям звезд»; таким образом вонго выражали пренебрежение к Межпланетной службе безопасности и расследований (МСБР).

«Пронырами» на Галлингейле называли (как правило, за спиной) тех, кто пытался снискать расположение представителей вышестоящего класса или втереться в элитные круги, не располагая достаточной весомостью.

На Галлингейле приобретение статуса становилось волнующим, а нередко и отчаянным предприятием. Тех, кто отказывался участвовать в социальном состязании, называли «профанами»; профаны не пользовались всеобщим уважением, даже если заслуживали высокую профессиональную репутацию. Статус человека определялся престижем его клуба и «весомостью» — присущей ему способностью к динамичному, порывистому продвижению вверх, в чем-то сходной с концепцией «маны».

Барон Бодиссей Невыразимый — мыслитель, родившийся на Древней Земле и посетивший множество других планет; создатель многотомной философской энциклопедии под наименованием «ЖИЗНЬ». Барон Бодиссей с уничтожающей язвительностью критиковал то, что он называл «гипертрофированной нравоучительностью», то есть применение абстрактных понятий, многократно удаленных от реальности последовательными умозаключениями с целью обоснования того или иного теоретического построения, на поверку не отличавшегося ни глубиной, ни непосредственным знакомством с предметом обсуждения. В последние годы жизни барон Бодиссей был объявлен врагом рода человеческого резолюцией внеочередного заседания Ойкуменической ассамблеи поборников равноправия, на что барон немногословно ответил: «Спорная точка зрения». По поводу этого замечания до сих пор продолжаются яростные дебаты.

Читатели, знакомые с работами барона Бодиссея, могут припомнить его притчу о приглашенном на ужин госте, который, стремясь произвести впечатление любой ценой, утверждал, что только что прибыл с невероятной планеты, где солнце восходило на западе и заходило на востоке.

Сольдо: денежная единица, примерно эквивалентная стоимости одного часа неквалифицированного труда.

Гигилисты — мистическая секта, обосновавшаяся в районе Уирбаха, далеко от Танета, на другом конце континента. «Перпатуариями» называли их бродячих миссионеров; этих проповедников подозревали в том, что они похищали детей и уводили их к себе в Уирбах, где делали с детьми всякие гадости.

Танетский термин «чабад» приблизительно переводится как «позор», «посмеяние» или «стыд» в зависимости от контекста, но его смысловой диапазон значительно шире. «Чабад» — наносящее болезненный внутренний урон сложное эмоциональное состояние, сочетающее в себе такие представления, как истощение маны, кастрация, принуждение к подчинению (подобное принуждению к извращенному половому акту), деморализация, превращение в ничтожество, поражение, безнадежное отставание от сверстников, лишение всякой весомости и значимости. Другими словами, «чабад» можно назвать жестоким приступом ощущения собственной неполноценности, вполне способным привести к самоубийству.

Вилбур Вэйли, начинавший карьеру искателем планет, впоследствии пустился в сомнительные предприятия. Величайшим достижением его жизни, с точки зрения самого Вэйли, стала так называемая «Империя песен и славы» на планете в далеком Запределье — настолько далеко, что она затерялась среди газовых облаков и звездных потоков Галактики и теперь, через пять тысяч лет, ее все еще не могли найти снова.

На эту планету, которую Вэйли окрестил Сафронильей, он привозил, одну за другой, многочисленные группы красивых молодых женщин, завербованных различными средствами. Некоторым он платил щедрые авансы, других просто похищал, совершая набеги на монастыри, студенческие городки, туристические лагеря, конкурсы красоты, собрания и слеты, посвященные духовному совершенствованию, и т. п. Как-то раз он захватил целую праздничную процессию девушек, маршировавших с волынками, дудками и барабанами, и увез их на Сафронилью вместе с их инструментами. Через несколько месяцев он заманил на борт одного из своих звездолетов шестьсот пятнадцать первосортных девственниц категории А из секты Прозрачного Озарения, предложив им полюбоваться коллекцией невиданных тропических рыб. Когда девственницы поднялись по трапу и стали спрашивать, где же находятся аквариумы, люки захлопнулись, и корабль взлетел. На Сафронилье девственницы громко протестовали, но их возмущение ни к чему не привело. Действуя методично и неутомимо, Вилбур Вэйли обрюхатил каждую из них по очереди — и не однажды, а многократно. Через пятнадцать лет он повторил ту же процедуру, осеменяя своих дочерей и не проявляя при этом никаких предубеждений или предпочтений. То же самое, уже на закате своих дней, он совершил со своими внучками.

Когда антропологи собираются вместе, чтобы посплетничать, или засиживаются допоздна в академических клубах, обсуждая тонкости внутривидовой эволюции человека, время от времени, после того, как опрокинутся несколько стаканчиков «Развязной настойки» или «Старого спотыкача», тот или иной ученый муж не преминет упомянуть о Вилбуре Вэйли и его достопримечательной биографии. Через некоторое время другое светило антропологии отзывается замечанием типа: «Да уж, были люди когда-то — богатыри, не мы!» И наступает нечто вроде минуты молчания: каждый погружается в свои мысли и пытается представить себе, как идут нынче дела на далекой Сафронилье.

Если наблюдатель представляет себе, что он идет по экватору планеты в направлении ее вращения вокруг своей оси, север находится по левую руку от него, а юг — по правую. Направления на северный и южный полюса, определяемые с помощью компаса, могут смещаться и даже меняться местами в зависимости от колебаний магнитного поля, в связи с чем стрелка компаса может противоречить вышеупомянутому правилу, согласно которому солнце всегда восходит на востоке и заходит на западе.

Кавалер: неточный перевод; тем не менее, по смыслу он ближе к оригинальному термину, нежели выражения типа «молодой аристократ», «рыцарь» или «головорез».